

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-
КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ
ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ
ОБЩЕСТВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И
СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ
ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ**

*Материалы XIII Западно-Сибирской
археолого-этнографической конференции*

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.Н. ЧЕРНЕЦОВА

Издательство Томского университета
2005

УДК 39 + 902/904] (P571)

ББК 63.4 + 63.5

П 78

Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных
П 78 обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII
Западно-Сибирской археолого-географической конференции. - Томск:
Изд-во Том. ун-та, 2005. - 389 с.: илл.

ISBN 5-7511-1919-3

В сборнике публикуются материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции, посвященной 100-летию В.Н. Чернецова. В статьях освещена роль научного наследия выдающегося ученого в исследовании истории урало-сибирских народов, рассматриваются вопросы методологии и методики историко-культурных реконструкций процессов культурогенеза, этногенеза, формирования мировоззрения и развития культурных сообществ Сибири с древности до современности.

Для археологов, этнографов, антропологов, историков, культурологов, лингвистов.

УДК 39 + 902/904](P 571)

ББК 63.4 + 63.5

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук М.Ф. Косарев, канд. ист. наук Э.Л. Львова,
д-р ист. наук, академик РАН В.И. Молодин,
Е.В. Рыльцева (тех. секретарь), канд. ист. наук М.П. Черная,
д-р ист. наук Л.А. Чиндина (отв. ред.)

Рецензент - д-р ист. наук Л.М. Плетнева

Подготовка и издание сборника финансировалось Томским государственным университетом при частичной поддержке РГНФ, проект № 04-01-00379а и № 03-01-00720а/Т (региональный)

Валерий Николаевич Чернецов
(17. 03. 1905 - 29. 03. 1970)

Родился в г. Москве.

1925 - 1930 - учеба на этнографическом факультете Географического института в г. Ленинграде.

1925 - 1927, 1931 - 1937 - этнографические экспедиции к манси и археологические работы в бассейне р. Сосьвы и Нижней Оби.

1927 - 1929 - Ямальская экспедиция к ненцам и раскопки поселения Тиутей-сале.

1927, 1933, 1934, 1938, 1958 - 1960 - экспедиции по изучению писаниц Среднего Урала.

1930 - 1935 - работа в Педагогическом институте им. Герцена и Институте народов Севера в г. Ленинграде.

1930-е - публикация мансийского букваря и книги обучения грамоте в начальных школах Севера, мансийско-русского словаря и др.

1935 - 1940 - работа в отделе Сибири МАЭ и Института антропологии и этнографии АН СССР.

1936, 1937, 1948 - экспедиции на р. Лозьву по изучению медвежьего праздника.

1940 - 1970 - переезд в Москву и работа в Институте истории материальной культуры (позднее Институт археологии) АН СССР.

1942 - защита кандидатской диссертации «Основные этапы истории Приобья от древнейших времен до X в. н. э.».

1946 - Арктическая экспедиция, раскопки Усть-Полуя и Мангазеи.

1953 - публикация монографии «Древней истории Нижнего Приобья».

1957 - публикация монографии «Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры».

1964, 1971 - публикация двух томов свода «Наскальные изображения Урала».

1987 - «Источники по этнографии Западной Сибири», публикация полевых материалов В.Н. Чернецова за 1925 - 1938 гг., подготовленные Н.В. Лукиной и О.М. Рындиной.

Награды: Орден Трудового Красного Знамени, медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг.», «За оборону Москвы», «800 лет Москвы»

ТРАДИЦИИ И НАСЛЕДИЕ

Традиции - это не охрана пепла,
а поддержание огня.

И. Горбачев, русский актер

Сборник содержит статьи археологов, этнографов и представителей других специальностей, объединенные общей темой историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий, представленных на очередную XIII Западно-Сибирскую археолого-этнографическую конференцию (ЗСАЭК), проходящую 19 - 21 мая 2005 г. в Томском государственном университете (ТГУ).

Западносибирские совещания (позднее конференции) начали работать в ТГУ с 1970 г. За 35 лет они превратились в добрую традицию и стали важным звеном в археолого-этнографических исследованиях региона. Их концептуальная направленность на углубленное изучение историко-культурных процессов и реконструкцию общественного развития, выявление проблем теории, методологии и источниковедения и путей их решения предопределяла авангардный характер совещаний и объединяла исследователей различного научного профиля. Конференция давно вышла за рамки региональной, стала Всероссийской с международным представительством.

В.Н. Чернецов в мансийском костюме. 1920-е гг.

«Из всех своих фотографий он предпочитал ту, на которой снят в полном мансийском облачении», - свидетельствует Ванда Иосифовна Мошинская (А.К. Омельчук, 1982, с. 130). Впервые опубликована: Источники по этнографии..., 1987

Н.И. Котовщикова,
В.Н. Чернецов,
В.П. Евладов на барже
едут на Ямал. 1928 г.
(В.П. Евладов,
1992, илл.)

Тематика конференций сосредоточивалась вокруг основных общих задач наших наук.

1. Хронология источников, культур, процессов.
2. Культурогенез, этногенез и этнокультурная история. Формы и механизмы культурной трансформации.
3. Экономика и социальная среда, система жизнеобеспечения древних и традиционных обществ Западной Сибири.
4. Роль естественно-географической среды в историко-культурном развитии.
5. Мировоззрение народов Западной Сибири в археолого-этнологическом измерении.
6. Методологические аспекты археологических и этнографических исследований, значение междисциплинарного синтеза в реконструкции историко-культурных процессов.
7. Проблемы источниковедения: полевые исследования территорий, введение в научный оборот новых материалов, определение состояния памятников и задачи сохранения наследия, методы полевых исследований, музеификация, выработка приемов и критериев систематизации массовых источников, их типология, культурная и этническая атрибуция.

Краткий обзор работы и значения десяти ЗСАЭК в свое время был дан (Чиндина, 1995). Две последние конференции (XI, XII) в какой-то степени подвели итог сделанному в регионе за прошедшее столетие (Система жизнеобеспечения..., 1998; Пространство культуры..., 2001). Они обозначили новые методологические подходы к теории культуры и решению проблем в исследовании конкретных сфер культуры: культура и бытие, культура жизнеобеспечения, культура и социум, культура и этнос, культура и язык, культура и мировоззрение, архетипы (универсалии) в культуре.

Особой традицией ЗСАЭК стало целенаправленное проведение форумов, посвященных памяти выдающегося исследователя первобытной истории народов Западной Сибири и Урала Валерия Николаевича Чернецова. Данный акт - не случайность выбора, а оправданная закономерность¹.

---

¹ В предисловии не предполагается всесторонняя оценка творчества В.Н. Чернецова. Биографические и историографические подробности можно найти в соответствующем разделе данного сборника и в следующих изданиях: *Косарев М.Ф.* Валерий Николаевич Чернецов //

1. В.Н. Чернецов был основоположником системы историко-культурного развития западносибирских народов с древнейших времен до Средневековья, этногенеза и этнической истории угров и отчасти самодийцев.

2. Вышеозначенная концептуальная направленность ЗСАЭК на синтез археологических и этнографических исследований находила опору прежде всего в научном наследии В.Н. Чернецова.

3. Томск как нельзя лучше подходил для разработки идей В.Н. Чернецова, так как к 1970 г. здесь сложились междисциплинарные контакты археологов, этнографов, лингвистов, антропологов, полное представительство исследователей разных наук, имелась источниковая и организационная база. Уже в 1958 г. А.П. Дульзоном была разработана программа комплексных исследований (1959), ставшая руководством в многолетней многоплановой научной работе томских ученых (Чиндина, 2000; Галкина, 2003).

Сам Валерий Николаевич высоко оценивал деятельность А.П. Дульзона. В 1966 г. после моего доклада на Урало-Сибирской группе в г. Москве в беседе о возможностях этнической интерпретации релкинских материалов он сказал: «Необходимо развивать ретроспективное направление. У Вас же в Томске есть Дульзон! Советуйтесь с ним, работайте с ним в контакте».

В.Н. Чернецову не довелось стать участником совещания: за 1,5 месяца до работы I ЗСАЭС (1970) его не стало. Однако развернувшаяся дискуссия о хронологии и периодизации культурно-исторических процессов древней истории Западной Сибири строилась полностью с учетом его научного наследия. Это оказался беспримерный случай в истории ЗСАЭК, когда мощный компактный блок новых материалов, и прежде всего керамики с фигурно-штамповой орнаментацией со всего региона, был выдвинут в солидарном и критическом контексте исследователями г. Москвы, Омска, Свердловска, Томска. Именно тогда были заявлены новые взгляды на хронологию, культурную и этническую интерпретацию потчевашских, усть-полуйских, фоминских и кулайских материалов (Проблемы хронологии ..., 1970). Позднее к наследию Валерия Николаевича возвращались постоянно и не только на ЗСАЭК, но на многократно увеличившихся сегодня форумах от регионов до планетарного уровня.

За 35 лет в научное наследие В.Н. Чернецова внесено много нового, обогатившего и значительно дополнившего его и существенно изменившего ряд, казалось, незыблемых позиций созданной им системы.

Прежде всего, многократно расширилось информационное поле, появились новые научные технологии и методы, совершенствующие качество научных исследований, поменялись приоритеты и доминанты в исследовании культурно-исторических процессов. Например, в этногенезе и этнической истории региона должное место заняло изучение не только угорской, но и самодийской, тюркской общностей. Уверенно и полнокровно начинает развиваться направление по русской культуре.

Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970; *Васильев В.И., Симченко Ю.Б., Соколова З.П.* Валерий Николаевич Чернецов // СЭ. 1970. № 4; *Смирнов А.П.* В.Н. Чернецов // СА. 1971. № 1; *Смирнов А.П.* Предисловие // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973; *Лукина Н.В., Рындина О.М.* Этнографический архив В.Н. Чернецова (к 80-летию со дня рождения ученого) // СЭ. 1985. № 5; *Косарев М.Ф.* О Валерии Николаевиче Чернецове - ученом и человеке // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск, 1995.

В.Н. Чернецов в Кузнецком музее рисует материалы Кузнецкого могильника. 1951 г.
Фотография предоставлена Ю.В. Шириным.
Опубликована (Методика комплексных исследований..., 1995)

Небывалый размах получила мировоззренческая тема от открытия новых источников, содержащих по своей сути духовную информацию (предметы изобразительной деятельности, объекты культового, игрового содержания и т. д.) до системного глубинного изучения всех сфер культуры (производственной, обеспечивающей, социальной).

Неуклонно расширяется и приобретает современную организацию междисциплинарный синтез в археологических и этнографических исследованиях.

Новое порождает новые проблемы и гипотезы, создает необходимость, иногда требует пересмотра старых позиций. А это жизнь и развитие наших наук.

Магнетизм личности В.Н. Чернецова и его наследия лежит прежде всего в широте научной ориентации ученого, в системности знаний и собственной научной практики, даре предвидения, таланте сразу увидеть общее через конкретное, занимающее положенную нишу в общем научном построении. Главная же сила притяжения находится в его глубоких ярких обобщающих исследованиях, без которых и сегодня трудно обойтись.

Состояние археологии в настоящее время сложно и противоречиво, что объясняется общим положением науки в стране (Российская археология..., 2000) и конкретно проявляется в западносибирском варианте. Одно из главных противоречий заключается в том, что накопленные громадные по количеству и мощной информативности источники неоправданно слабо реализуются. Сегодня доминирует дифференцированный принцип научного познания (территориальный, хронологический, тематический), наблюдается дробность, мозаичность, индивидуализация исследований, разобщенность идей и исследователей.

Наметился явный дисбаланс с интеграцией знаний. Очевидно, что феномен В.Н. Чернецова в данном случае неповторим: слишком увеличилось информативное поле, и одному человеку подобное обобщение не под силу. Необходимы обширные долгосрочные программы, объединяющие исследования и исследователей широкого региона, тематики, в которых должна быть хорошо продумана внутренняя структура работы на разных уровнях историко-культурных исследований. Несомненно, данный путь требует серьезной подготовки, больших организационных, психологических, финансовых затрат. Но это путь будущего.

Л.А. Чиндина

**НАСЛЕДИЕ В.Н. ЧЕРНЕЦОВА:
ВЧЕРА И СЕГОДНЯ**

Р.К. БАРДИНА

Россия, Ханты-Мансийск

Научно-исследовательский институт угроведения

ОБ ЭКСПЕДИЦИИ В.Н. ЧЕРНЕЦОВА К ОБСКИМ МАНСИ

Этнографические материалы рукописей и различные иллюстрации выдающегося исследователя этнографии, археологии, истории, языка и фольклора народов Западной Сибири В.Н. Чернецова хранятся в архиве Музея археологии и этнографии Сибири при Томском университете. Дневниковые заметки и «реальные записи» опубликованы Н.В. Лукиной и О.М. Рындиной в издательстве Томского университета в 1987 г. под названием «Источники по этнографии народов Западной Сибири» (1987, с. 7-9).

Эта работа посвящена одной из экспедиций В.Н. Чернецова 1936-1937 гг. на Среднюю Обь к обским манси и хантам. 24 декабря 1936 г. Чернецов выехал из Москвы до станции Ивдель Нижне-Тагильского округа, ныне г. Ивдель Свердловской области (Там же, с. 209). Далее маршрут экспедиции был следующий: Ивдель - пос. Бурмантово - *Суй-ват* 'Суеват' - *Ёвтым-сос* (речка) - *Усть-Манья* (селение в устье р. Манья) - *Яных-пауль* (большой поселок) - пос. Няксимволь - *Хангласам* (Хангальские) - пос. Сартынья - *Пупым-пауль* (духов поселок) - *Анья-пауль* (Анеево) - Яхрим (Игрим) - *Рус-суй* - *Тарых-сав* (Реземовоские) - *Хамрат* (Комратские) - *Соқыр* (Сыгарские) - *Посал* (Проточные) - *Ялтус* (Вежакорские) - *Сури* (Сурейские) - *Так-як* (Тугиянские) - *Росан* (Резанские) - *Пастыр* (Пашторские) - *Березово* (Там же, с. 209-215). Главной целью этого путешествия было описание медвежьего праздника манси и хантов (Там же, с. 8).

На пути к Вежакорам в селении *Хамрат-пауль* 'Комратские', что на протоке Большая Лапорская¹, в доме *Якса ойки*² В.Н. Чернецов встретил Семена Костина - хранителя священного дома в Вежакорах, в своем дневнике он написал: «Теперь посещение *йек кол* мне обеспечено». Но прежде, 8 января 1937 г., исследователь попал на медвежьи игрища в селении *Ильпи-пауль* 'Новинские'. Здесь Чернецов присутствовал всего на одной праздничной ночи и был очевидцем *пули йек* 'танца духов', но описал лишь наиболее интересные *тулылап* 'сценки' и много фотографировал, особенно охотников Петра Тынзянова³ и Василия Яркина⁴, добывших медведя (Там же, с. 212, 220). Поэтому, даже не задержавшись на медвежьих игрищах в селении Новинские, он поспешил дальше в Вежакоры. В промежутке между селениями Новинские и Вежакоры этнограф заехал в с. Проточное, где остановился у Н.Н. Шадрина, отца Михаила Шадрина, учившегося в то время в Ленинграде (Там же, с. 212).

10 января с сыном Никифора Шадрина Дмитрием Валерий Николаевич уехал в Вежакоры, где остановился в доме слепого Тараса Костина. Как он писал в дневнике: «Пока что *Ялт-ус*

---

¹ Протока Лапорская по картографической форме делится на Малую и Большую Лапорскую. Малая Лапорская возле селения Лапоры из Малой Оби впадает в Большую Лапорскую. Большая Лапорская соединяет Малую Обь с Северной Сосьвой. Это территория Березовского района ХМАО. На языке манси Малая Лапорская называется *Лох посал* (заливная протока), Большая Лапорская *Пори посал* (поперечная протока).

² Яков Тасманов, по информации Е.Г. Тасмановой (пос. Ванзетур Березовского района).

³ Никитич - дед автора Р.К. Бардиной.

⁴ Василий Потапович Яркин - сын *Потёнки ойки* 'Потапа мужика'.

обманул мои ожидания: пресловутый Тарас поделиться своими песнями не пожелал, то же и другой, который сказал, что мир на него сердился за то, что рассказывал сказки проезжавшему тогда. Семен Костин, помощник хранителя дома, - человек хитрый, кряжистый, с таким кулацким душком. От него скоро едва ли чего получишь» (Там же, с. 212). Игрища в ночь с 10-го на 11 января не состоялись из-за того, что не собрался народ. Чернецов решил ехать на игрища в Суреи, так как еще в Проточном в доме Никифора Шадрина он был приглашен туда В.А. Ользиным (Там же, с. 212).

Праздник медведя в селении *Сури-пауль* 'Сурейские' продолжался пять ночей - с 12 по 16 января, все это время Чернецов находился там (Там же, с. 224, 237). По окончании праздника были закуплены у местных жителей атрибуты медвежьих игрищ: посохи, «журавля» и маски. 16 января он уже был вечером в *Ялпус* 'Вежакорах', где начинался праздник, и записал все танцы праздничной ночи. 17 января побывал на медвежьих игрищах в селении *Так-як* 'Тугиянах' (Там же, с. 212-214, 247-251).

Из записей в дневнике следует, что за десять дней, с 8 по 18 января, Чернецов побывал на четырех медвежьих праздниках. Три из них, в селениях Новинские, Сурейские и Тугиянские, были устроены по случаю добычи медведей, а четвертый - по поводу проведения периодических игрищ фратрии *Пор махум* в селении Вежакоры (Там же, с. 186, 195). 19 января В.Н. Чернецов приехал в районный центр Березово. Здесь, ожидая телеграммы из Ленинграда, он занялся обработкой собранных материалов (Там же, с. 215). Каков был дальнейший экспедиционный маршрут, неизвестно, но, судя по дневниковым записям, ученый надеялся увидеть продолжение медвежьего праздника в Вежакорах. Полагая, что это празднование продлится два месяца, он переменял свое намерение и поспешил на праздник в Суреи (Там же, с. 212).

Итак, Чернецову посчастливилось стать очевидцем четырех праздников, он отметил, что порядок праздника в Сурейях такой же, как в Вежакорах, а в поселениях Сыгарские, Комратские протоки Лапорской (*Пори посап*), как писал Чернецов, «играют так же, как на Сосьве» (Там же, с. 224). На праздниках медведя В.Н. Чернецов познакомился со многими манси - шаманами, знатоками и исполнителями ритуалов, танцев, песен. Чернецовым были зафиксированы родовые поселения и родовые духи, место выхода родов и их фратриальная принадлежность (Источники..., 1987, с. 210-211, 214-215, 221, 224, 231, 238-240). В своих дневниках Чернецов отметил, что хантыйская речь в Сурейях звучит чаще, чем мансийская, и зафиксировал особенности говора обских манси (Там же, с. 213-214). Язык манси он освоил еще в 1923-1925 гг., когда работал радиотехником в геодезической экспедиции и долгое время прожил среди уральских манси.

Живым и ярким очагом культуры обских манси и хантов предстает в дневниках экспедиции В.Н. Чернецова Средняя Обь. После этой поездки на основании экспедиционных материалов исследователем были написаны замечательные работы о родовом строе обских угров, о медвежьем празднике (Лукина, Рындина, 1985, с. 70-71). Сегодня, 70 лет спустя, ситуация здесь резко изменилась по ряду причин. Во-первых, манси и ханты, обитающие на Средней Оби во второй половине XX в. подверглись ассимиляции в большей степени, по сравнению со своими соседями, обитателями низовьев Оби и ее притоков в этой части. Во-вторых, репрессии 1930-х гг. и Великая Отечественная война унесли жизни многих мужчин, частично нарушив естественное воспроизводство населения. В 1960-е гг. в связи с укрупнением колхозов заметно сократилось число селений, где проживали манси и ханты. Коренные жители были вынуждены переселиться в большие поселки. В 1937 г. В.Н. Чернецов упоминает о 15 поселениях обских манси и хантов (Комратка, Новинские, Сыгарские, Проточные, Лапоры, Аренины, Неремово, Верхние-Нарыкары, Комудваны, Вежакоры, Суреи, Тугияны, Резаны, Пашторы, Алешкино). Сейчас из этого перечня осталось всего 4 (Новинские, Тугияны, Пышторы, Верхние-Нарыкары).

Так нарушился процесс передачи культурных традиций от одного поколения к другому. Распался прежний уклад жизни, столь подробно и тщательно описанный В.Н. Чернецовым. Потому и остаются его материалы бесценным источником для изучения этнической истории и культуры обских манси.

Р.-Л. ВИНКЛЕР

Германия, Берлин

Берлин-Бранденбургская академия наук

**ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЧЕРНЕЦОВ
И ВОЛЬФГАНГ ШТЕЙНИЦ -
ИССЛЕДОВАТЕЛИ ОБСКИХ УГРОВ**

В 2005 г. одновременно отмечается 100-летие со дня рождения трех выдающихся финно-угроведов, связанных между собой научным творчеством и личной дружбой на протяжении более чем полувека - Валерия Николаевича Чернецова, Вольфганга Штейница и Пауля Аристэ. Может ли быть случайностью то, что все они принадлежат одному поколению? Более того, родились в одном месяце: Пауль Аристэ родился 3 февраля 1905 г., Валерий Николаевич Чернецов - 17 февраля, Вольфганг Штейниц - 28-го. По этому поводу В.Н. Чернецов писал В. Штейницу 26 июля 1965 г.: «Еще раз поздравляю с прошедшим юбилеем [60-летием] и благодарю за сердечный ответ. Итак, мы почти одновременно, во всяком случае в один и тот же месяц, вступили в этот возраст. Так же и Аристэ¹. Об этих исследователях можно сказать, что они стояли у истоков формирования научных школ в области финноугроведения (Винклер, 2001, с. 363-373), хотя направления их исследований и различались существенным образом.

Как науковед и социолог, хочу обратить внимание на существование огромных фондов научного наследия Пауля Аристэ в Тартусском литературном музее, Вольфганга Штейница в Берлине, В.Н. Чернецова в Томском государственном университете. Все они еще ждут научного анализа. Фонд В.Н. Чернецова в Германии фактически не доступен уже из-за дальности расстояния между нашими странами.

В архиве Берлин-Бранденбургской академии наук находится значительная часть рукописного наследия академика Вольфганга Штейница, включая его переписку со многими финно-угроведами и другими филологами и этнографами, знакомство с которыми позволяет обобщить сведения о научном сотрудничестве В.Н. Чернецова и В. Штейница. Дату их личного знакомства, по имеющим у нас данным, можно отнести к 1934 г. (Не исключено, что они познакомились ранее, поскольку В. Штейниц в 1934 г. был приглашен на работу в Ленинградский институт народов Севера (ИНС) директором Яном Кошкиным с намерением изучения хантыйского языка. Свидетельство тому - штатное расписание занятий в Институте народов Севера, находящееся в архиве Исторического музея в Санкт-Петербурге. До этого В. Штейниц приезжал в Ленинград еще в 1926 г. по приглашению С.Ф. Ольденбурга, где слушал лекции В.Г. Богораза-Тана и Л.Я. Штернберга (Winkler, 2000), как и В.Н. Чернецов в свое время.

В. Чернецов, который в 1930 г. был принят в аспирантуру ИНС, с февраля 1934 г. приступил к занятиям в НИИ ИНС и Герценовском институте². В 1926-1935 гг. выходят в свет первые работы исследователя, основанные на материалах, собранных им в экспедициях по изучению мансийского языка, фольклора и этнографии на севере Урала и в Сибири³. Его первая кандидатская диссертация (1935)⁴ была посвящена вопросам социального строя манси (вогулов). Как подчеркнул В. Штейниц, уже эта работа характеризует его как выдающегося знатока этнографии манси: «Klarheit über die soziale Organisation der Wogulen hat erst der russische Forscher Tschemetsov, der beste Kenner der wogulischen Ethnographie, geschaffen, der selbst in eine wogulische gens aufgenommen wurde» (Steinitz, 1938, p. 98). О последнем писал А. Омельчук в своем блестящем эссе «Лозум - хум» (Омельчук, 1982, с. 129-186).

¹ Письмо В.Н. Чернецова В. Штейницу от 26 июля 1965 г. // Archiv BBAW. NL. W. Steinitz. № 25.

² Автобиография В.Н. Чернецова от 15. 01. 1935 // Архив АН СССР. Личное дело В. Чернецова (1935-1940). Ф. 142. Оп. 5. Д. 369. Л. 3-4.

³ Там же.

⁴ В.Н. Чернецов защитил еще вторую кандидатскую диссертацию в 1942 г. на историческом факультете МГУ.

В. Штейниц очень высоко оценил вклад В.Н. Чернецова в изучение социальной структуры обских угров. Эти исследования подтолкнули его самого к изучению и выявлению подобной структуры у хантов: «Ich verdanke V. Tschernetsov, der mir vor meiner Expedition zu den Ostjaken 1935, von den beiden Phratrien *por* und *mos* bei den Wogulen kurz erzählte und die Meinung äußerte, dass dieselbe soziale Organisation auch bei den Ostjaken vorkommen dürfte, den entscheidenden Anstoss zu meinen «Entdeckungen» bei den Ostjaken... Die ersten Kapitel einer Arbeit über die soziale Organisation der Ob-Ugrier konnte ich dank der Freundlichkeit des Verfassers im Manuskript einsehen» (Steinitz, 1938, fn. 16, 106).

Исследование В. Штейница о тотемизме у остяков Сибири стало заметным шагом в формировании его как ученого. Так, например, его учитель Э. Леви оценивает эту работу в письме от 19 ноября 1938 г.: «Heute Ihre Arbeit «Totemismus bei den Ostjaken Sibiriens bekommen... Ich glaube, Sie sind nun wirklich Sie selbst; ich meine Sie sind völlig mündig in der Wissenschaft»⁵. То обстоятельство, что В. Штейниц с самого начала смог ознакомиться с результатами экспедиционной работы всех сотрудников ИНС, говорит об их тесном сотрудничестве. Главным предметом исследований В. Чернецова стало изучение народа Манси и мансийского языка, а В. Штейниц занялся изучением хантов и хантыйского языка. Существуют и некоторые совместные работы, например проект мансийского алфавита - после перехода с латинской графики на кириллицу. Эти работы не были опубликованы⁶. Как рассказала мне осенью 1998 г. в Ленинграде М.П. Баландина-Вахрущева, оба учились мансийскому языку у А.И. Емельянова. Чернецов и Штейниц совместно готовились к экспедиции на северную Обь в 1935 г., вместе добирались поездом до Омска, откуда разъехались по разным маршрутам, о чем Штейниц писал своей жене на пути в обскую экспедицию.

В книге записей для гостей, которую вели супруги Штейниц у себя дома, сохранилась небольшая запись с автографом В.Н. Чернецова, датированная 1934 г. К сожалению, у нас нет сведений о том, что произошло после 1937 г. в ИНС в связи с арестом его директора и вынужденным уходом В. Штейница из этого учреждения, а затем его эмиграцией в Стокгольм. В переписке В. Штейница с коллегами можно найти отдельные высказывания о том, как затруднились связи между учеными, которые потом вообще прервались. Карл Боуда [Karl Bouda] в письме от 22.09.1938 г. сообщает о том, «что больше невозможно получать книги... надеюсь, что Вы сможете удержать контакт с Чернецовым хотя бы в этом плане, чтобы можно было следить за вышедшей литературой...»⁷. Из скудной переписки В. Штейница с В.Н. Чернецовым можно заключить, что они сохранили, или по крайней мере восстановили, дружеские отношения после 1945 г. В. Штейниц, после его возвращения на родину в 1946 г., уже будучи профессором Берлинского университета, сразу возобновил личные и научные контакты со своими коллегами, друзьями и учениками: Д.В. Бубрихом, Ю.Н. Русской, Н.И. Терешкиным, В.Н. Чернецовым, М.П. Вахрушевой-Баландиной и А.Н. Баландиным и многими другими, о чем свидетельствует их переписка. С некоторыми корреспондентами он смог встретиться, когда в начале 1950-х гг. посещал несколько раз Москву и в Ленинград. В 1963 г. состоялась месячная командировка Штейница в обе столицы. Но желание исследователя в 1966 г. повторить экспедицию 1935 г. на северную Обь не сбылось.

Вот несколько выдержек из писем обоих корреспондентов. Письмо Штейница Чернецову от 15 апреля 1959 г.⁸: «Вспоминаю часто наши московские беседы... Вчера я получил «Materialien zur Mythologie der Wogulen» от Kannisto-Liimola-Virtanen. Так как я думаю, что Вы не обращались в Liimola или в общество финно-угроведения по поводу этой публикации по вогулам, а именно эта книга для Вас имеет большой интерес (несмотря на все имеющиеся недостатки), я Вам вышлю ее. (Я могу использовать экземпляр моего института по финно-угроведению)...».

⁵ Письмо Е. Леви В. Штейницу от 19 ноября 1938 г. // Archiv BBAW. NL.W. Steinitz. № 40.

⁶ Неопубликованная рукопись находится в архиве АН СССР в С.-Петербурге. Ф. 1025. Оп. 1. Д. 17.

⁷ Письмо К. Боуда В. Штейницу от 22 сентября 1938 г. // Archiv BBAW. NL. W. Steinitz. № 40.

⁸ Письмо В. Штейница В. Чернецову от 15 апреля 1959 г. *ibid.* № 25.

Следующее письмо от 5 сентября 1960 г.: «Дорогой Валерий Николаевич, мы оба не мастера писать письма. Так как мы скоро увидимся в Будапеште, я много писать не собираюсь. У меня одна просьба: Вы не могли мне привезти в Будапешт Дун.-Го, Тоб.-Север II, чтобы я мог посмотреть там некоторые места? У меня только том III, а том II я здесь не могу найти...»⁹. Показателен и другой эпизод по поводу II Конгресса по финно-угроведению в 1965 г. в Хельсинки. Валерий Николаевич обращается к В. Штейницу с просьбой: «Дорогой Вольф¹⁰, ...не сомневаюсь, что ты едешь в этом году в Хельсинки на конгресс. Я не еду, так как делегатских мест дали только три и, если не ошибаюсь, едут Аристэ, Серебренников и Майтинская. На туристических основаниях я ехать не захотел. Тем не менее, я своевременно послал тезисы. Как требовали - на одной странице. ...Название доклада я заявил: «Обряды и церемонии у обских угров, связанные с медведем», однако правильнее было бы назвать «Периодические церемонии», так как темой являются именно периодические семилетние празднества в святилище фратрии у Пор, а затем и у Мощ - спорадические (?) Медвежьи Праздники... Но так как меня на конгрессе не будет, то я хотел бы просить тебя прочитать этот доклад, тем более что тема знакомая. По программе он поставлен на 26 [августа] в 13:20 и совпадает только с докладами Матвеева и Икола. Текст я пошлю с нашей делегацией, скорее всего, со Шлыгиной. Если бы тебе удалось это сделать, я был бы крайне благодарен. Но я понимаю, конечно, что это не очень легкая нагрузка, а кроме того, возможно, тебе необходимо будет послушать [сообщение] Матвеева о камасинском яз. У него действительно очень интересный материал...»¹¹. Вольфганг Штейниц сам не смог вовремя прислать свой доклад на конгресс, поскольку он был перегружен работой над изданием. «Диалектологического и этимологического словаря хантыйского языка»¹². Тем не менее он выполнил просьбу Валерия Николаевича¹³: «Дорогой Вольф, только что получил твое сердечное письмо, за которое я тебе очень признателен. О конгрессе я знаю очень мало... О том, что ты читал мой доклад, мне сказали Талоши Шитван и Ласло Дьюла, которых я видел после Конгресса. Еще раз сердечно благодарю тебя за эту дружескую помощь. Не сомневаюсь, что прочитанный тобой доклад получился лучше, чем если бы я читал его сам».

Г.Г. ГУРЬЯНОВА

Россия, Омск

Омский государственный педагогический университет

Омский областной музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля

В.Н. ЧЕРНЕЦОВ - ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДРЕВНЕГО ИСКУССТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Имя Валерия Николаевича Чернецова имеет особую значимость для исследователей западносибирского региона. В пределы разносторонней одаренности В.Н. Чернецова вошло и умение опередить время в такой актуальной на сегодняшний день области, как изучение древнего и средневекового искусства Западной Сибири. В.Н. Чернецов выступает в этом направлении как пионер теоретических исследований и как составитель одной из первых историй искусства данного региона.

---

⁹ Письмо В. Штейница В. Чернецову от 5 сентября 1960 г. // Archiv BBAW. NL. W. Steinitz. № 25.

¹⁰ «Wolf» - так звали В. Штейница в кругу близких людей еще в 1934 г.

¹¹ Письмо В.Н. Чернецова В. Штейницу от 26 июля 1965 г.

¹² Archiv BBAW. NL. W. Steinitz. № 113.

¹³ Письмо В. Чернецова В. Штейницу от 19 ноября 1965 г. // Archiv BBAW. NL. W. Steinitz. № 25.

Дискуссионность применения понятия «искусство» в отношении археологических культур древности и Средневековья распространяется, прежде всего, на возможность использования категорий традиционной морфологии искусства.

Термин «скульптура» в археологических исследованиях впервые начинает широко использоваться в работах В.Н. Чернецова начиная с экспедиционных отчетов и трудов 1950-х гг. Термин не подвергается предварительной расшифровке, но из контекста рассуждений становится понятно, что он связан с кругом изображений, объединенных процессом создания - лепкой или вырезанием и степенью объемности. В статье «Древнее искусство Урала и Западной Сибири» к скульптурной группе причисляются изделия, прежде всего, с реалистичной передачей образа, выполненные из дерева, камня и кости (Чернецов, Мошинская, 1971, с. 98).

В работах 1950-х гг. В.Н. Чернецов вводит и понятие, обозначающее изображение на бляхах, зеркалах усть-полуйской культуры - гравировка, также без уточнения терминологии. Действительно, линейный рисунок нанесен на поверхность блях способом неглубокого прорезания, процарапывания металла, т. е. гравировкой: «в гравировках представлены антропоморфные и зооморфные фигуры, в большинстве случаев мифологического характера, всегда образующие целые композиции» (Чернецов, 1953, с. 136).

Наиболее сложный и долгий путь терминологического определения вида художественной деятельности прошли изделия, связанные с литьем из металла - меди и бронзы. В.Н. Чернецов в 1950-е гг. характеризует этот тип находок, исходя из процесса их производства, впервые дополнительно их подразделяя. «Плоскому ажурному» литью (Мягков, 1929) В.Н. Чернецов противопоставляет литье «полое и объемное» (Чернецов, 1953). Подчеркнутая ученым разница в технологии производства данных изделий и в результате - в особенностях внешнего вида приводит его к выводу о разделении понятий «искусство» и «изобразительная деятельность» (Чернецов, 1953; 1964; 1971; Чернецов, Мошинская, 1971). Потребность человека в красоте, гармонии реализуется при помощи художественного творчества, необходимость сохранять и передавать важную информацию - при помощи изобразительной деятельности.

Жесткость и полярность разделения порой смягчается исследователем в текстах публикаций, когда предмет плоского ажурного литья наделяется эпитетом «художественный». В неопубликованной рукописи, посвященной искусству обских угров, В.Н. Чернецов в любопытной схеме определяет существование искусства на пересечении формально-эстетической сферы и обрядо-ритуальной (Архив МАЭС ТГУ. Чернецов, рисунки, с. 51). Ю.В. Балакин отмечает противоречивость позиции В.Н. Чернецова (1998, с. 69), которая свидетельствует о неслучайном интересе ученого к проблеме древнего искусства Западной Сибири и о том, что свои идеи В.Н. Чернецов не успел высказать в задуманной отдельной статье или монографии.

Внедрение терминов «стиль», «стилистический» также свидетельствует об обращении к категориям искусствоведения. Данная дефиниция входит в ткань отечественных археологических исследований с начала 1950-х гг. и связана также с трудами В.Н. Чернецова. Впоследствии (1960-1990-е гг.) трактовка данной категории применительно к древнему изобразительному искусству меняется мало. В работе Чернецова, характеризующей усть-полуйскую культуру (Чернецов, 1953), встречаем неоднократное использование термина «стиль» и его вариаций «стилистический» и «стилизация». Следует заметить, что, хотя автор и не конкретизирует область значений данных понятий, используются однокоренные слова «стиль» и «стилизация» по-разному. С одной стороны, оба слова связаны с характеристикой предмета с точки зрения его внешнего вида, формы. С другой - синонимом стиля выступает совокупность внешних особенностей предмета, а стилизации - упрощенное схематичное изображение. То есть стилизованные элементы в том числе отражают особенность стиля изображения.

Поиск аналогий усть-полуйским находкам основан на стилистическом сходстве и стилистических особенностях - некой общности приемов изображений, которые обычно ученым

не конкретизируются или представляют собой общие фразы - «более мягкий рельеф, несколько иная постановка туловища» (Чернецов, 1953, с. 150, 174). При описании отличительных особенностей «плоского» литья и литья в высоком рельефе ученый в результате приходит к выводу о взаимосвязи внешнего вида изображения и миропонимания того, кто это изображение создал. Существование «единообразного и устойчивого стиля» исходит из знания об «устойчивости и единообразии религиозных представлений, фольклора и культа» приобских племен (Чернецов, 1953, с. 141). Таким образом, ученый впервые на материале западносибирского искусства формулирует понятие стиля, фиксируя одно из основных его качеств - мировоззренческую основу.

В публикациях, посвященных уральским писаницам, В.Н. Чернецов, характеризуя внешние особенности предмета, использует следующие пары признаков: «схематизм-реализм», «динамика-статика». Внимание исследователя сосредоточивается не на степени похожести по аналогии, но на выразительных особенностях изображения (Чернецов, 1971, с. 62).

На фоне того факта, что и археология, и искусствоведение первой половины XX в. не рассматривали находки Западной Сибири как предметы искусства, становится уникальным появление обобщающих работ Чернецова о жизнедеятельности населения Нижней Оби раннего железного века и Средневековья (Чернецов, 1953; 1957). Эти работы решали историко-археологические задачи, но обширность научных интересов их автора привела к тому, что их следует считать и первой историей искусства западносибирского региона.

Возможно, к высказываниям в области теории искусства в рамках археологического исследования В.Н. Чернецова подтолкнула работа Д.Н. Эдинга «Резная скульптура Урала» (Эдинг, 1940), которая стала пионерской по нескольким параметрам. Д.Н. Эдинг не только опубликовал сенсационные скульптурные находки из дерева эпох неолита и бронзы, но и при анализе применил критерий «художественный», а также проявил интерес к формально-выразительной стороне произведения. В.Н. Чернецов в совместной с С.В. Киселевым рецензии полемизирует с Д.Н. Эдингом по поводу «недоучета» автором работы значимости содержания художественного произведения (Мошинская, 1976а, с. 21). В рукописи Эдинга «Религиозные представления и искусство на Среднем Урале в бронзовую эпоху» присутствуют не только примеры нетрадиционного описания находки, но и рассуждения о сути критерия художественного произведения, которым является «выражение творческой избирающей воли художника». По мнению Д.Н. Эдинга, признак художественного состоит не в отсутствии или наличии условности и схематизма, а в том, чтобы условность передачи была избрана художником сознательно (Архив ИА. Эдинг. Религиозные представления..., с. 38). Таким образом, по мнению ученого, условность формы не является абсолютным признаком отсутствия художественного начала. Пожалуй, подобное высказывание, акцентирующее внимание на значимости формального компонента в художественном произведении, было редким не только для археологии, но и для искусствоведения тех лет.

Возможно, в опубликованных работах 1945-1950-х гг. В.Н. Чернецов продолжает полемику с Д.Н. Эдингом по поводу сути искусства или художественного. Реалистично трактованные образы ученый относит к области художественного творчества, схематично - к области изобразительной деятельности. В архиве музея археологии и этнографии народов Сибири при Томском государственном университете находятся рукописи В.Н. Чернецова, отразившие его работу над рефератом «Изобразительное искусство обских угров» (Чернецов, 1945). Ученый предвосхищает исследования в области искусства Западной Сибири. Одна из рукописей впервые использует классификацию предметов искусства, основанную на категории вида искусства. В другом варианте рукопись имеет подзаголовок: «Что такое искусство?», и план ее включал в себя несколько теоретических проблем. Главную роль в развитии эстетического чувства В.Н. Чернецов отводит ощущению формы и область искусства видит на «пересечении»

эстетической и ритуальной деятельности. Данные суждения ученого отличаются от опубликованных и являются свидетельством идей, которые для своего времени были нехарактерны.

Таким образом, публикации и рукописи В.Н. Чернецова середины XX столетия опережали время не только в практике изучения древнего искусства Западной Сибири, но и в осмыслении его теоретического аппарата, выявлении тех проблем, которые и на сегодняшний день остаются актуальным («область эстетического», «критерий художественности», «условность художественного произведения»).

О.В. КАРДАШ

Россия, Нефтеюганск

Научно-производственное объединение «Северная археология»

РАСКОПКИ СТОЯНКИ САЛЕХАРД 1 (ОБДОРСКИЙ ГОРОДОК) В 1946 и 2000 гг.¹

Большинство значимых археологических объектов Северо-Западной Сибири не имеют длительной истории изучения, сравнимой с ключевыми памятниками древней истории Центральной и Южной России, исследование которых началось еще в XIX в. и не прекращается до настоящего времени. Эпизодическое изучение сибирских древностей в первую очередь связано со значительными трудностями в проведении таких работ. Среди выдающихся ученых, внесших важный вклад в изучение сибирского Севера, достойное место занимает В.Н. Чернецов, чья деятельность заслуживает особого внимания и уважения.

В 2004 г. комплексной научно-исследовательской экспедицией НПО «Северная археология» под руководством О.В. Кардаша были проведены аварийные археологические раскопки стоянки Салехард 1 (Обдорский городок) под объекты обустройства исторической части г. Салехард, в частности строительства архитектурного комплекса «Город мастеров».

Стоянка Салехард 1 (Обдорский городок) находится в черте г. Салехард ЯНАО, в районе причала № 1 речного порта, на обширном мысу (80×110 м) правого коренного берега р. Полу́й (правый приток р. Оби). Высота берега здесь достигает 10-15 м над уровнем поймы. На поверхности признаки археологических объектов не фиксируются.

Первая небольшая археологическая коллекция из г. Салехарда была собрана археологом Штекелисом в 1926 г. Коллекция не документирована и не сопровождается никаким описательным материалом. В 1928-1929 г. в г. Салехарде работал Редриков. В его отчетах указано, что основной археологический материал (164 предмета из 225) собран «на холме и в осыпи, где находилась старая деревянная церковь». Именно на этом холме, по преданиям, была построена первая русская крепость, а до этого он служил местом пребывания остяцкого князя. Позднее, в XIX в. на холме была выстроена деревянная церковь, которая впоследствии подвергалась многократной перестройке. В конце 40-х гг. XX в. в здании церкви размещалась типография, затем здание было переоборудовано в речной порт (Чернецов, 1946, с. 2-3).

В 1946 г. Мангазейской экспедицией Арктического научно-исследовательского института (АНИИ) Главсевморпути под руководством В.Н. Чернецова была произведена археологическая разведка в г. Салехарде и его окрестностях. В первую очередь были обследованы места находок Редрикова. В обнажениях Обдорского холма был обнаружен мощный культурный слой, состоящий из двух пластов. Холм расположен на юго-восточной оконечности большого мыса,

---

¹ Особая благодарность в организации и проведении исследований стоянки Салехард 1 (Обдорского городка) - сотрудам ИЭРЖ УрО РАН П.А. Косинцеву и Т.В. Лобановой.

от которого г. Салехард и получил свое имя (Сале-хард по ненецки значит *Мысовой Город*). «Мыс находится на правом высоком берегу Полуя и в южной и юго-восточной частях состоит из холмов, достигающих 15-ти метров высоты» (Там же, с. 2-3). На мысе отмечена следующая стратиграфия: верхний слой мощностью 0,5-0,9 м состоял из щепы и обрывков берестяных тисок и подстилался темноокрашенным культурным слоем мощностью до 0,5 м, в котором встречены фрагменты керамики, кости и угольки. Нижний культурный слой прослежен на всей площади мыса. Слой, состоящий из напластований щепы, локализован на крайней площадке мыса.

В.Н. Чернецов заложил раскоп площадью 35 кв. м перпендикулярно к обрыву, в 1,5 м от края. Он отметил сложности исследования памятника, связанные с мерзлотными процессами. Под дерном находились слой щепы, куски кровельного железа, бревна и остатки строения, датированного рубежом XIX-XX вв. Ниже обнаружены остатки другого строения: «вскрытое ... жилище представляет собой землянку прямоугольной формы, расположенную приблизительно перпендикулярно к обрыву. Глубина землянки, учитывая возможное запыление грунта, едва ли превышала 1 метр ... общая длина землянки едва ли превышала 11-11,5 метров. Ширина землянки может быть установлена с меньшей точностью, поскольку бревна поздней постройки, крепко вмержшие в слой щепы, не дали возможности проследить северо-восточную стенку...» (Там же, с. 3-4). Исследователем зафиксированы вход в землянку, очаг, нары, ряд столбовых ям. По его реконструкции, кровля «опиралась на столбы, расположенные симметрично по обе стороны очага. Стенки землянки, возможно, укреплялись жердями».

Дополнительно была заложена разведочная траншея 1×4 м, выявившая культурный слой, насыщенный керамикой. В.Н. Чернецов выделил три типологические группы керамики.

I группа - лощеные сосуды параболоидных форм; чаши; реберчатые чаши; кюветообразные сосуды. Плоских днищ не встречено. Диаметр сосудов колеблется от 20 до 30 см, однако встречаются и очень маленькие сосуды. Толщина стенок варьирует от 3-4 мм до 8-10 мм.

В глине имеется примесь дресвы, измельченного слюдистого сланца, единичны случаи незначительной примеси шамота. Цвет керамики от светлых, розово-желтых тонов до темного, серо-бурого. Орнамент наносился гребенкой, лопаточкой различных форм (широкой плоской или желобчатой узкой) и птичьей косточкой.

В.Н. Чернецов выделяет для керамики этой группы два основных принципа нанесения орнамента: 1) «внатячку»; 2) орнаментация отступающей лопаточкой. Также выделены сосуды, орнаментированные гребенчатой «качалкой» или горизонтальной гребенчатой «елочкой». Дополнительно отмечено выдавливание «неширокой лопаточкой или щепочкой линий или каннелюр». Основные орнаментальные композиции преимущественно ромбы, сгруппированные в треугольники, квадраты, шестиугольники, образующие сотовидные композиции, а также ленты, заштрихованные в одном направлении, или решетчатые фигуры.

Орнаментальные зоны расположены: по венчику в виде лент, зигзагов или каннелюр; по тулову - из крупных треугольников, ступенчатых композиций, составленных из прямоугольников или многоугольников; дну (у автора нет четкого описания орнаментации придонной части).

В.Н. Чернецов отмечает наличие на краях сосудов скульптурных изображений голов животных, выполненных как реалистично, так и схематизировано. Он находит аналогии обнаруженным образцам в прикамских и уральских материалах: Гляденовом костище, Горбуновском торфянике, Полуденке, отмечая их сходство с уральскими раннегорбуновскими сосудами, но в большей степени - с сосудами с Омской стоянки, соотнося первую группу керамики с керамикой энеолита и ранней бронзы.

Самая малочисленная *II группа* - сосуды воротничкового типа, известные по ряду нижнеобских памятников (Кушеват, Сартынья I, Зеленая Горка). Данную керамику В.Н. Чернецов датирует эпохой раннего железа на основании близости к ананьинским сосудам.

Наиболее многочисленна *III группа* - сосуды с поддонами, известная по материалам Усть-Полуя, селища Макар-Висен-Тур на р. Ляпин, городища Сартынье II на р. Сосьве и Зеленой Горке близ г. Салехарда. Сосуды слабо профилированы с гладким переходом от шейки к тулову, орнаментированы лишь по венчику и шейке. Венчики прямые, иногда со слабо выраженным воротничком. Внешняя и внутренняя поверхность почти всегда выглажена гребенкой. Под венчиком расположен поясок из ямок, ниже которого - полосы из крупнозубой косо поставленной гребенки, либо несколько рядов горизонтального или волнообразного шнура. Тесто грубое, с примесью дресвы и толченого слюдястого сланца. Очень редко встречается небольшая примесь шамота. Цвет поверхности черепка варьирует от светлых и ярких оттенков желтого до темных, буро-серых тонов. На основании неравномерности толщины стенок сосудов автор предполагает возможность выбивной техники наряду с техникой ленточного налета. Аналогии орнаменту из выдавленных канелюр и линий, ступенчатых композиций В.Н. Чернецов находит в материалах Омской стоянки. Третью группу керамики он предварительно относит к эпохе железа.

«Таким образом, материал позволяет считать, что на большом Салехардском мысу находилась стоянка, датируемая керамикой первой группы и относящаяся к эпохе бронзы. В культурном слое этой стоянки в Усть-Полуйское время была вырыта землянка». Исследованное жилище исследователь ставит в один ряд с широким кругом палеоазиатских жилищ северо-востока Азии, характеризующихся наличием в качестве входа узкого подземного тоннеля, также служащего дренажной системой для отвода талых вод (Там же, с. 14-16).

Публикация результатов раскопок 2004 г. носит предварительный характер и имеет целью введение в научный оборот новых данных. В разных частях памятника было заложено несколько раскопов общей площадью 830 кв. м, собрана коллекция из более чем 6000 артефактов. На всей территории верхние слои мощностью до 0,5 м сформированы чередующимися прослойками из асфальта, щебня, строительного мусора и песчаной отсыпки. При раскопках обнаружены остатки фундамента церкви Петра и Павла и церковной ограды, построенных в начале XIX в. и функционировавших до начала XX в. Позднее храм перестраивался в типографию и речной порт. Внутри и за пределами ограды находилось шесть деревянных склепов храмового некрополя, а около паперти - остатки жилого дома (священника?) размерами 5×5 м, срубленного из судовых деталей. Судя по найденным монетам, дом построен в начале XIX в. Сооружения храмового комплекса перекрывали, а частью прорезали остатки нижележащих построек, залежавших в культурном слое из щепы, органических элементов, супеси (общей мощностью до 2-2,5 м). Постройки относятся ко времени существования Обдорского городка и стоянки Салехард 1.

Хорошо известный по письменным источникам Обдорский (Носовой) городок (по-хантыйски: Пулинг-аут-вош; по-ненецки: Сале-хард) был резиденцией князей Обдорского княжества (вождей местной территориальной общины) (Миллер, 1996, с. 256). Очевидно, городок принадлежал князьям рода Тайшиных и их предкам. Раскопки памятника позволяют реконструировать планировочную структуру, архитектуру сооружений, составить представление о быте и занятиях населения. В западной, северо-западной частях мыса обнаружены остатки домов вождя и его родственников. Каркасные постройки (1, 3) имели углубленный котлован, дощатые стены, набранные из вертикально поставленных досок или плах, в центре находился очаг. Размеры построек 8×8 м, небольшие коридоры соединяли их с центральной улицей. Входы домов располагались друг напротив друга. Укрепленная часть городка состояла как минимум из четырех построек. Комплекс имел единое перекрытие и стены, заложенные дерном. За пределами комплекса к востоку и юго-востоку зафиксированы остатки пяти хаотично расположенных жилых домов размерами 2,5×2,5 м с чувалом слева от входа и нарами у задней стены. Вероятно, в них проживали простые общинники. Видимо, число таких построек могло достигать десяти. В южной части мыса было найдено скопление рогов и черепов оленя. Очевидно, здесь находилось жертвенное место. Время функционирования памятника предварительно датируется XVI-XVIII вв.

Мнение о том, что на этом месте находился Обдорский острог, основанный в 1596 г. как пункт ясачного сбора, в процессе раскопок не подтвердилось: какие-либо признаки русского населенного пункта не обнаружены. Очевидно, Обдорский острог располагался на некотором удалении от городка. В археологической коллекции содержится комплекс разнообразных русских вещей, свидетельствующих о взаимных контактах русского и аборигенного населения.

Ниже культурного слоя Обдорского городка зафиксирован слой серо-желтой и серой супеси, содержащий фрагменты керамических сосудов зеленогорского типа VI-VII вв. н. э. Сооружений, связанных с жизнедеятельностью зеленогорского населения, не выявлено. Средневековый слой подстилала супесь темно-серого (черного) цвета, насыщенная фрагментами керамических сосудов раннего железного века. Орнамент и форма сосудов аналогичны посуде Усть-Полуйского типа. Помимо керамики в слое встречались изделия из кости, в основном - наконечники стрел. Керамика раннего железного века распространена по всей площади памятника, большие ее скопления сконцентрированы у очагов, не связанных с остатками жилищ. Зафиксирована только одна постройка этого периода, изученная частично. В контуры раскопа попал угол котлована сооружения, заполненный пепельно-серым слоем (скорее всего, зола очага). На дне котлована - светло-серый слой с незначительным включением угля. Стенки котлована почти отвесные, с небольшим уклоном. Глубина котлована достигает 1 м. Обнаружен ряд вертикальных столбовых ям, вероятно, от стен постройки. К северу от угла котлована находился развал крупного керамического сосуда.

Раскопками выявлены объекты периода энеолита - раннего бронзового века, залегавшие в слое серо-желтого цвета, а также рыболовные грузила и обломки керамических сосудов. В материке (ярко-желтый песок) зафиксированы ямы диаметром 0,8-1,5 м и глубиной 0,7-1 м. Обнаружены также столбовые ямки от каркасных конструкций. Ранние слои значительно повреждены поздними ямами, насыщенными битым кирпичом. К раннему периоду относятся пять крупных ям, заполненных слабоокрашенным перемешанным материковым песком с незначительным включением охристых конкреций. Ямы оконтурены легкими затеками органики. Дно ям неровное, с легким наклоном, в ряде случаев ступенчатое. На дне ям прослежены углистые и охристые прослойки. В одной из ям находились два вставленных друг в друга и перевернутых вверх дном керамических сосуда. Диаметр крупного сосуда 20 см, диаметр малого сосуда 10 см. Сосуды орнаментированы в резной технике и могут быть датированы эпохой энеолита - раннего бронзового века.

Включения охры, наличие керамических сосудов на дне ямы косвенно свидетельствуют о присутствии могильника энеолитического - раннебронзового времени, которые редки для данного региона, поэтому представляют несомненный научный интерес. Вероятно, весь ранний комплекс стоянки Салехард 1 связан с ритуальной практикой населения этой эпохи.

А.А. КИЛЬДЮШЕВА

Россия, Омск

Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН

К ВОПРОСУ О ЖЕНСКОЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ МАГИИ В РАБОТАХ В.Н. ЧЕРНЕЦОВА

Валерий Николаевич Чернецов оставил огромное научное наследие: этнографические, лингвистические, фольклорные и искусствоведческие данные, сведения о материальной и духовной культуре, общественному строю, этногенезу угорских народов; исследования археологических памятников Северо-Западной Сибири и наскальных изображений Урала и т. д. В данном случае рассмотрим вопрос о женской производственной магии, упомянутой В.Н. Чернецовым в двух статьях (1948, с. 139-152; 1964, с. 53-63).

В первой работе он рассмотрел вопросы генезиса, роли и семантики ленточного орнамента. Такой орнамент можно было встретить почти везде - на берестяной посуде, меховой и замшевой обуви, одежде, в вышивках бисером или шерстью. В.Н. Чернецов пришел к выводу о возможности существования в прошлом у обских угров женской производственной магии. По его мнению, это подтверждалось наличием производственных сюжетов в женском изобразительном искусстве и представлений о способности женщин, находясь дома, оказывать влияние на результат промысла. Но роль ленточного орнамента изменилась - он теперь служит только для украшения одежды, обуви, посуды и т. п. (Чернецов, 1948, с. 150).

В другой статье исследователь рассмотрел вопросы генезиса, роли, семантики узоров, выдавленных зубами на бересте. Такие необычные узоры изготовляли только женщины, каждая из которых стремилась выдавить зубами определенную фигуру. Чаще всего изображались следы различных животных и птиц (следы мыши, росомахи, тетери, лося, оленя и др.). Согласно магическому мышлению, подобное производит и замещает подобное, часть замещает целое. Вещи, которые находились в контакте друг с другом, продолжают взаимодействовать и на расстоянии (Фрэзер, 1980, с. 20-21). Поэтому воздействуя на след, можно тем самым воздействовать и на сам объект. В.Н. Чернецов считал, что в прошлом существовало особое отношение к изображениям следов, в том числе и к фигурам, выдавленным зубами на бересте. Исследователь задал вопрос: почему же изготовление фигур подобным образом было специфически женским занятием. Ответ он видел в существовании в прошлом, и у обских угров в том числе, женской охотничье-промысловой магии, которая затем стала и военной. То, что рождалось и существовало на территории рода, то, что могло стать добычей охотников - все находилось в ведении женщин (Чернецов, 1964, с. 61-63). В связи с этим и изображения следов, выдавленных зубами на бересте, имели первоначально охотничье-магический характер, а в последствии - всего лишь развлекательный. Таким образом, В.Н. Чернецов, интерпретируя значение фигур ленточного орнамента и узоров, выдавленных зубами на бересте, как один из возможных вариантов предложил связать их с существованием в прошлом женской производственной магии.

Тезис о существовании женской производственной магии был обоснован рядом исследователей и на другом материале, связанном с изучением первобытного искусства, а именно с интерпретацией женских изображений в искусстве палеолита. Женские скульптуры глубоко символичны, многослойны и неоднозначны, поэтому смысловое содержание их трактовалось различно. Одной из возможных интерпретаций и был взгляд о связи женских образов с охотничьей, производственной магией. Скульптурным выражением принципов магии - подобное замещает подобное, часть замещает подобное - являлись женские статуэтки, которым приписывалась магическая сила, способная обеспечить успех на охоте (Иванов, 1934, с. 96-97).

С.Н. Замятнин полагал, что для первобытного человека палеолитические фигурки женщин являлись не абстрактными образами, а изображениями конкретных женщин и служили атрибутами охотничьей магии. Женские изображения, по мнению ученого, были связаны, прежде всего, с теми магическими представлениями, которые могли содействовать удачной охоте (1935, с. 73-74). Охотничье-магическая гипотеза С.Н. Замятниной была поддержана А.С. Гущиным. Подчеркивая производственно-магическую направленность, главную роль в ритуально-магических действиях он отводил женщине. Она обладала особой магической силой, которой могла наделить мужчину-охотника, чтобы тот убил зверя, или же сама могла повелевать зверем в силу своей особой близости к нему (1937, с. 105, 107). А.П. Окладников отмечал, что обряд в честь богини-матери переплетается с чисто охотничьим обрядом умерщвления зверей. Точно также, должно быть, переплетались образ женщины-матери и охотничья магия в сознании палеолитического человека, для которого это было лишь двумя сторонами одного и того же явления. Он особо подчеркивал тему плодородия или воскрешения зверей с участием женщин (1967, с. 78, 80). Кроме того, он предположил, что женщины сами создавали свои культовые

статуэтки, что «палеолитические Венеры» были результатом их творчества, а не созданием мужчин. Множественность значений женских изображений неоднократно подчеркивала и З.А. Абрамова (1966). Рассматривая целый комплекс представлений, заключенных в женских образах, она выделяет одно из возможных - роль женщины в охотничьей магии. А.К. Филиппов высказал предположение о существовании двух типов изобразительной деятельности в верхнем палеолите, из которых один - схематический - мог быть связан с магическими церемониями, а другой - реалистический - зависел от конкретного восприятия реальной жизни, соответственно этому и образы женщин могут быть схематическими и реалистическими (1972, с. 225). О связи изображений фигуры женщины и животного упоминал также В.Б. Мириманов (1993, с. 52). В обоих случаях изображается некое массивное «вместилище», воплощенное чрево - утроба, «живот-жизнь-дающий», как символы плоти и пола.

Анализ барельефных изображений, особенно центральной композиции из Лоссель «Венера с рогом бизона», привел Б.А. Фролова к такому выводу: главной темой является объединенная на счетно-календарной основе тема женского плодородия и охотничьего промысла женщины-матери и мужчины-охотника. Пусть промысел мужчин обеспечит женщинам возможность продолжать род, а женщины содействуют промыслу мужчин. Зная цикл продолжения рода и календарь природы с цикличным воспроизводством животных, соотнеся их и предсказав оптимальную стратегию промысла, тем самым женщины смогут обеспечить и процветание рода (Фролов, 1981, с. 78, 90, 101). То, что женщина появляется среди зверей как охотница (критская «владычица зверей», азиатская Рея-Кибела, римская Диана, греческая Артемида). Женщина умирает - значит рождает, рождается. Мы не знаем мифов об умирающих и воскресающих женщинах, а только о мужчинах. У женщин воскрешение заменено метафорой родов и рождений, которые более древние. Женское божество умерщвляет и рождает - это земля. Мужское божество, рожденное и умерщвленное землей, представляется растением (Фрейденберг, 1978, с. 76-79).

Таким образом, можно говорить о существовании своеобразного разделения труда между полами: женщина-мать, мужчина-охотник. Обладая всякого рода практическими знаниями и навыками, зная магические ритуалы и заклинания, неся на себе все заботы по дому, женщина могла быть центральной фигурой в хозяйственной сфере. Вместе с тем образ женщин-родоначальниц, женщин-хранительниц домашнего очага мог в представлении охотников сочетаться с образом хозяек и покровительниц окружающей природы, животных, от которых зависело существование охотничьей группы. Поэтому женская магия являлась одним из очень важных моментов охотничье-промысловой деятельности первобытных групп. Многочисленные этнографические примеры, подтверждающие существование женской производственной магии, были собраны С.В. Ивановым (1934, с. 91-101). Вероятным объектом магических действий был тот же образ женщины. Он, таким образом, мог играть роль фетиша, покровителя зачаточного родового объединения во всех его начинаниях и производственных действиях (Ефименко, 1938, с. 420-423).

Л.Ю. КИТОВА

Россия, Кемерово

Кемеровский государственный университет

НАЧАЛО АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.Н. ЧЕРНЕЦОВА В СИБИРИ

К концу 1920-х гг. по степени изученности археологических памятников в Сибири выделялись Хакасско-Минусинский район, Алтай, Западное Забайкалье, Красноярско-Канский район, Тува, долина р. Ангары и верховья р. Лены. Остальные регионы Сибири характеризовались единичными археологическими исследованиями или полным отсутствием таковых.

Валерий Николаевич Чернецов стал первопроходцем. Он начал свою археологическую деятельность на севере Западной Сибири в совершенно неизученном районе. Это было не случайно. Государство планировало экономико-социальные реформы на Севере. В 1920-е гг. организовываются систематические комплексные исследования культуры северных народов, их традиционной системы расселения и землепользования, состояния промыслов. Возглавили эту работу Комитет по изучению племенного состава населения СССР (КИПС) и Комитет содействия народностям северных окраин при ВЦИК СССР (Комитет Севера). С целью всеобъемлющего исследования культуры северных народов привлекались в первую очередь специалисты-этнографы. Валерий Николаевич с 1925 г. учился на этнографическом отделении Ленинградского географического института, вскоре объединенного с географическим факультетом Ленинградского университета, и уже с 1925 г. участвовал в этой работе. Он был послан в районы расселения хантов и манси (обских угров). К этому времени у него за плечами были двухгодичный опыт работы на Северном Урале в качестве радиотехника в геодезической экспедиции, знание мансийского языка и накопленный за эти годы богатый материал по фольклору манси. В 1925 и 1926-1927 гг. В.Н. Чернецов собирал этнографический материал и провел первые археологические разведки по рекам Северной Сосьве и Конде.

Особое значение для становления В.Н. Чернецова как археолога имела Ямальская экспедиция. Здесь исследователем была поставлена задача сравнить современную культуру ямальских ненцев с культурой древних жителей полуострова. В 1928-1929 гг. им на средства «Ленинградского отделения Комитета Севера» были произведены не только этнографические исследования, но и раскопки трех поселений на северной оконечности полуострова Ямал: два памятника на мысе Тиутей-Сале на берегу Карского моря (работы здесь остались незаконченными) и один - на мысе Хаэн-Сале на берегу пролива Малыгина.

Первое поселение находилось в двух километрах к юго-западу от оконечности мыса Тиутей-Сале и, исходя из характера находок (обилие костей морского зверя, небольшое количество орудий и отсутствие следов жилища), было определено автором раскопок как временная стоянка, используемая в сезон морского промысла.

Второй памятник, расположенный на том же мысе, представлял собой остатки пяти круглых землянок диаметром до семи метров, по окружности которых сохранились следы вертикальных столбов, в центре располагался очаг. Вокруг землянок и внутри них были обнаружены в изобилии кости животных, преимущественно морского зверя - моржа, тюленей, кита, меньше - белого медведя, песца, северного оленя, кости птиц и грызунов. В мощном - до 20 см, плотно слежавшемся культурном слое землянок, состоящем из угля, костей, деревянной щепы и кусочков китового уса, находились обломки глиняных сосудов, каменных, костяных и деревянных орудий. Также были обнаружены металлические изделия: небольшие листочки меди, бронзы, железный наконечник стрелы, обломок железного ножа, кольцо, железные скребки и фрагменты других железных вещей. Капитальность постройки, мощность культурного слоя землянок дали возможность В.Н. Чернецову характеризовать их как более или менее длительные поселения.

Третий район раскопок находился в 1,5 км к востоку от мыса Хаэн-Сале. Это - поселок из 6-7 землянок круглой формы диаметром до 7-8 м. Свод жилищ был коническим, сохранились фрагменты столбов, подпиравших его по углам очага. В культурном слое поселений обнаружены в изобилии кости нерпы и песца, часто белого медведя и северного оленя, иногда кости кита и моржа, а также множество костей птиц. Кости различных животных не смешивались. По окружности землянок аккуратно, отдельными кучками были сложены кости и черепа песцов, кости нерпы, птичьи кости. Объяснение этому В.Н. Чернецов находил в религиозных обрядах типа праздника воскрешения зверей, известного у чукчей и эскимосов. Исследователь выявил различия в содержании археологического материала на раскопанных памятниках. На мысе Тиутей-Сале преобладали находки из кости, дерева и даже камня; на мысе Хаэн-Сале наряду с костяными предметами в большом количестве встречались железные изделия, однако не

обнаружено находок из дерева, возможно, они не сохранились, и отсутствует керамика. Поселения на мысе Хаэн-Сале - место длительного обитания народности, основным занятием которой была охота на морского зверя, главным образом нерпу, значительное место в охоте также занимали дикий олень и птица.

Сравнивая находки на трех памятниках, В.Н. Чернецов отнес их к трем разным эпохам. Материалы первых двух не давали достаточного количества данных для точной датировки, поэтому он судил о ней приблизительно. Временная дюнная стоянка определена как наиболее древняя, так как в культурном слое содержались каменные орудия и почти полностью отсутствовали металлические. Основываясь на незначительном количестве находок железных предметов, существовании каменной техники, высоком развитии керамического производства В.Н. Чернецов хронологически отнес поселения на мысе Тиутей-Сале к концу I - началу II тыс. н. э. Землянки мыса Хаэн-Сале относились к более позднему времени. Обилие железных изделий, в том числе напильника, подтверждало, что поселение было обитаемо до середины XVII в.

Исследователь пришел к выводу, что на полуострове Ямал в течение длительного периода существовала культура, отличная от современной культуры ненцев-оленьеводов. Она основывалась «...на промысле морского зверя и была связана с оседлыми поселениями, которые устраивались на местах, наиболее удобных для охоты на моржа и тюленя». В XVII в. санное оленеводство как более совершенная форма хозяйства вытесняло зверобойный промысел. Этническую принадлежность памятников определить было невозможно. Однако В.Н. Чернецов считал, что проживающие некогда на крайнем севере Урала и Оби древние аборигены после прихода на эту территорию новых этнических групп (угров, ненцев) были ассимилированы. Это, с одной стороны, привело к возникновению новых племен, а с другой - к полному исчезновению прежних насельников как самостоятельной этнической группы (Чернецов, 1935, с. 109-132).

В 1933-1935 гг. В.Н. Чернецовым были проведены разведки по левому берегу р. Северной Сосьвы между с. Сартынья и устьем р. Сартынья, а также в окрестностях с. Саранпаул на р. Ляпин. Было выявлено 6 городищ и несколько землянок, собран большой и разнообразный подъемный материал, что позволило исследователю установить хронологическую последовательность обнаруженных поселений (землянок и городищ), выделив четыре периода их существования от первых веков нашей эры до середины XVIII в. На р. Ляпин близ селения Саранпаул был обнаружен могильник, в котором было вскрыто женское погребение, имевшее инвентарь близкий к современному, известному в быту манси. В.Н. Чернецов датировал погребение серединой XVIII в. (1937, с. 254-256).

Первые исследования В.Н. Чернецова показали, что он рассматривал археологию и этнографию как неразрывно связанные дисциплины, которые в синтезе должны помочь восстановлению ранних периодов человеческой истории.

Б.А. КОНИКОВ

Россия, Омск

Омский областной музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля

МЕСТО В.Н. ЧЕРНЕЦОВА В ИЗУЧЕНИИ ПРОШЛОГО ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

В сферу научных интересов В.Н. Чернецова (1905-1970) входила древняя и средневековая история Омского Прииртышья. В год его столетнего юбилея исполняется также 60 лет со дня первого приезда исследователя в Омск, вызванного, на наш взгляд, двумя обстоятельствами. Среднее (Омское) Прииртышье занимало заметное место в его концепции формирования культур

раннего железного века и последующего времени. Один из компонентов (южный), принявший участие в этногенезе угров, должен был оставить здесь, по мысли исследователя, свои материальные следы. Вторая причина - в конце 30-х гг. XX в. в Омск приехал А.Ф. Палашенков (1886-1971), краевед, с 1943 по 1957 г. возглавлявший Омский краеведческий музей. Общеизвестно уникальное качество Палашенкова приглашать в Омск специалистов разных направлений, устанавливая и поддерживая с ними в дальнейшем плодотворные контакты. По своему образованию Андрей Федорович был археологом. Именно он, по нашему мнению, и должен был пригласить в Омск В.Н. Чернецова.

В Омск В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская приезжали трижды - в 1945, 1948 и 1949 гг. (Палашенков, 1960, с. 6). Неизменным спутником московских археологов в их научных путешествиях и в раскопках был А.Ф. Палашенков. Научные контакты Чернецова и краеведа продолжались и позднее. В частности, они нашли отражение в письмах, которыми в дальнейшем обменивались адресаты. Из писем Чернецова известно о его намерении продолжить изучение северных районов Омского Прииртышья. В частности, планировались стационарные работы в Усть-Ишимском и Большереченском районах Омской области, а также разведки по рекам Таре, Оше и Ишиму (ГАОО, ф. 2200, оп. 2, ед. хр. 2252, л. 23). В письмах В.Н. Чернецова содержится также высокая оценка археологических познаний омского краеведа (Конилов, 1993).

В свой первый приезд в Омск Чернецов провел рекогносцировочные исследования в окрестностях города, осуществил разведку в Тарском районе (южнотаежное Прииртышье) и работал с коллекциями в Омском краеведческом музее. В Омске им был собран подъёмный материал на разновременном комплексе памятников «Омская стоянка» (левый берег города), проведены раскопки средневековых курганов в районе Ермаковой горы (там же) и открыта стоянка бронзового века на правом берегу р. Оми.

По результатам исследований в Кратких сообщениях Института археологии была опубликована статья. В ней подводились итоги и намечалась программа будущих исследований (Чернецов, 1947). Статья содержала характеристику памятников, в частности многослойных городищ Безымянное I и II, получивших хронологическую атрибуцию и этническую интерпретацию. Так, орнаментальные узоры на средневековой керамике с городища Безымянное II были сопоставлены с орнаментом обских угров (Чернецов, 1947, с. 89). Ученым также сформулировано положение об особой роли зоны стыка лесостепи и тайги, в частности Тарского Прииртышья в истории древних и средневековых сообществ, что подтвердили последующие исследования (Косарев, 1991).

Научная деятельность Чернецова, касающаяся Омского Прииртышья, постоянно освещалась в местной периодической печати (Лаптев, 1948).

Работы В.Н. Чернецова с 1945 г. открыли новую страницу в истории изучения нашего края. Омское Прииртышье к середине 1940-х гг., как впрочем, и большинство других районов западносибирской равнины, в археологическом отношении были изучены гораздо хуже, чем, например, Восточная или Южная Сибирь.

Случайные сборы крестьянина С.С. Усова в южнотаежном Прииртышье и публикация его находок в отчетах Археологической комиссии, раскопки конца 90-х гг. XIX в. А. Плаховым курганов раннего железного века на северной окраине города, открытие в 1918 г. и сбор подъемного материала С.А. Ковлером на стоянке на левобережье Омска - таково пусть и не полное, но реальное положение омской археологии к 1920-м гг.

Особое место занимают трехлетние (1926-1929) исследования в лесостепном и степном Прииртышье В.П. Левашовой (1901-1974). Ее деятельность заложила основы научного подхода к изучению памятников раннего железного века и средневековья Среднего Прииртышья и Северной Барабы. В докладах 1927 и 1928 гг. перед своими московскими коллегами В.П. Левашовой была выстроена линия исторического развития древнего и средневекового населения нашего края (Конилов, 1994). Однако эти работы оказались вне поля зрения

российской, в том числе и сибирской, научной общественности. Это проявилось, в частности, в том, что в трех томах Сибирской Советской энциклопедии, вышедшей в конце 1920 - начале 1930-х гг. в Новосибирске древняя история Омского Прииртышья практически не получила освещения.

Последующий приезд В.Н. Чернецова в Омск в 1948 г. привел к продолжению изысканий в окрестностях Омска. Им совместно с В.И. Мошинской и А.Ф. Палашенковым были продолжены раскопки средневекового курганного могильника на левобережье Иртыша в черте города (Палашенков, 1960, с. 8). Материалы раскопок в дальнейшем использовались археологами, изучавшими средневековую историю лесостепного Обь-Иртышья (В.И. Соболев, Б.А. Конилов).

В 1949 г. ими же были проведены работы на городище Большой Лог, расположенном на высоком правом берегу р. Оми. Этот памятник стал известен еще в 1937 г., когда в краеведческий музей поступили сборы от школьника И. Калугина. Материалы исследования были обобщены в докладе. Осенью 1949 г. В.Н. Чернецов выступил с ним перед членами Омского отделения Всесоюзного Географического общества. Исследователь коснулся не только вопросов, связанных с собственными полевыми исследованиями, но и затронул вопрос о времени возможного появления человека в Среднем Прииртышье. Опираясь на материалы «Омской стоянки», исследователь сделал вывод о поздненеолитическом времени появления людей на обозначенной территории. Позднее В.Н. Чернецов не исключал возможность проникновения человека в долину р. Иртыша в палеолите.

Кроме того, В.Н. Чернецовым была подготовлена докладная записка на имя Омского облкультпросвета, в которой содержалась информация о вновь открытых памятниках, их датировке и культурной значимости. Вероятно, работа В.Н. Чернецова и В.И. Мошинской в фондах Омского краеведческого музея с коллекциями стала отправной при подготовке И.А. Талицкой одной из первых археологических карт Западной Сибири (Талицкая, 1953).

В 1953 и 1957 гг. выходят фундаментальные труды В.Н. Чернецова, посвященные древностям Западной Сибири (Чернецов, 1953; 1957). Это событие ознаменовало появление первой научной древней и средневековой истории данного региона. В монографиях получили научное освещение материалы из Омского Прииртышья: могильника Усть-Куренга, «Мурлинского клада» кулайского времени из Тарского Прииртышья, средневековых находок из Аксеновских курганов, разновременная керамика с Новоникольского городища и материалы из отчетов Археологической комиссии (Там же).

По образному выражению В.И. Семеновой: «Чернецов создает гениальный эскиз, который вобрал в себя верно подмеченные тенденции историко-культурных процессов в Западной Сибири» (Семенова, 2001, с. 6).

Нельзя не обратить внимание на то, что, несмотря на появление основополагающих работ В.Н. Чернецова, тем не менее в «Истории СССР» и в «Истории Сибири» краткие разделы по истории Среднего Прииртышья раннего железного века и средневековья были написаны не им, а В.И. Мошинской и В.А. Могильниковым. В 1971 г. вышел первый том «Истории искусства народов СССР», в котором имелся раздел, посвященный искусству Западной Сибири. В нем нашли отражение произведения искусства с территории Омского Прииртышья.

Таким образом, исследованиями В.Н. Чернецова в Среднем Прииртышье были охвачены памятники широкого хронологического диапазона - от позднего неолита до позднего средневековья. Впервые многие из них получили культурное и хронологическое определение. Была сформулирована программа будущих исследований. Ее реализация легла на плечи учеников и последователей, в числе которых следует назвать в первую очередь В.А. Могильникова.

В.М. КУЛЕМЗИН

Россия, Томск

Томский государственный университет

В.Н. ЧЕРНЕЦОВ КАК СИБИРЕВЕД-ЭТНОГРАФ

Сибиреведение как научное направление, включающее археологию, этнографию, фольклористику, лингвистику и ряд других смежных дисциплин, всегда развивалось неравномерно. Периоды постепенного накопления фактов сменяются быстрым продвижением вперед, когда они становятся основой новых концепций и, напротив, вновь полученные материалы подтверждают давно высказанные догадки. Но бывает и так, что новые факты дают импульс к поискам иных необычных вариантов решений проблемы.

Среди крупнейших имен исследователей-сибиреведов ранга А.-М. Кастрена, В.В. Радлова, А.П. Окладникова, А.П. Дульзона достойное место занимает Валерий Николаевич Чернецов, которому принадлежит особая роль в истории отечественного финноугроведения. Многие его разделы в течение десятилетий развиваются в направлении, заданном этим ученым, которого отличали исключительная работоспособность, трудолюбие, целеустремленность, способность искусного сочетания логического рассуждения и интуитивного прозрения.

Его исследовательский метод основывался, прежде всего, на фактах, археологических или этнографических. В.Н. Чернецов избегал общего теоретизирования, если не располагал достаточной полнотой данных по той или иной проблеме. Так, установив в угорской культуре наличие пяти душ у мужчин и четырех у женщин, он, в сущности, констатировал принципиальное несовпадение представления о душе в традиционной культуре угров и в религиозном христианском миропонимании. Здесь он явственно ощутил отражение мировоззренческого пласта, в категориях которого тело оживотворяется наличием соответствующей формы. Выявленная Валерием Николаевичем фетишистская природа такого понимания позволила ему соединить живой этнографический факт с далеким археологическим прошлым. Несомненно, Г.Н. Грачева следовала логике представлений ученого, когда предложила заменить термин «душа» понятием жизненной силы.

Избегать умозрительных построений, подгоняя материалы под готовую, теоретически разработанную, хотя бы и всеми принятую теорию было характерной чертой Валерия Николаевича. Такие крупные отечественные религиоведы и этнографы, как Ю.П. Францев, С.А. Токарев, С.В. Иванов, несомненно, в своих теоретических разработках испытали влияние В.Н. Чернецова.

Ученый довел до совершенства методику исследования традиций в материальной и духовной культуре, показав значение экзогенных и эндогенных ее изменений, вхождение или отторжение инноваций. В дневниковых записях, частично опубликованных в «Материалах по этнографии Западной Сибири», он особое внимание уделяет категории устойчивости и изменчивости. Конкретность материалов, без всякого сомнения, у исследователей вызывает несоизмеримо большее доверие, чем рассуждения о разного рода энергетических толчках космического происхождения.

Совершенно новой для своего времени была постановка вопроса о неразвитом характере шаманизма обских угров. Как и в других случаях, В.Н. Чернецов не ставил своей задачей создание общей теории происхождения этого сибирского феномена. Но ему была очевидна правомерность постановки Л.Я. Штернбергом вопроса о несибирском характере происхождения института шаманизма. Пути эволюции шаманизма в Сибири оказались различными, благодаря воздействию устойчивых древних местных культов. Обосновывая эту точку зрения, В.Н. Чернецов разошелся во мнениях с К.Ф. Карьялайненом и многими другими исследователями. Выяснение природы таких разногласий имеет значительную исследовательскую ценность.

Исследуя шаманизм, Валерий Николаевич делал акцент на его социальном характере, отводя биологическому второе место. Его позиция принципиально отличалась от идей М. Элиаде с абсолютизацией последним биологического фактора. Соотношение сознательного и бессознательного, контролируемого и неконтролируемого, реального и воображаемого, природа «шаманской» болезни, институт избранничества, с точки зрения В.Н. Чернецова, обусловлены, прежде всего, традицией, культурой. Нельзя не учитывать, что к этим сюжетам исследователь мог возвратиться лишь в конце 1960-х гг. До этого многие темы, связанные с изучением этих сторон традиционной культуры, оставались для нашей науки закрытыми. К изучению феномена шаманизма с начала 1970-х гг. обратился В.М. Кулемзин, в трудах которого рассмотрены многие особенности традиционных шаманистских верований у обских угров.

Велик вклад В.Н. Чернецова в изучение особенностей социального устройства обских угров. В области выяснения дуального характера социальной организации традиционных и древних обществ успешно работали такие ученые, как А.М. Золотарев, С.П. Толстов, Н.Н. Чебоксаров. Исключительное значение имели работы В.Н. Чернецова по фратриальному устройству угорских народов. В частности, новым словом в этнографической науке стало и включение В.Н. Чернецовым так называемого медвежьего праздника в арсенал источников по социальной организации манси и ханты. Исследователь показал, что характер медвежьего праздника, прежде всего, отражает существование древней племенной организации и является периодическим обрядом фратрии «Пор», восходящим к тотемическому культу. Признавая наличие рода, Валерий Николаевич также говорил о его тотемическом характере. Проблема соотношения рода, племени и фратрии в обско-угорском обществе позднее детально рассмотрена в монографии З.П. Соколовой.

В конце жизни В.Н. Чернецов пришел к выводу об отсутствии рода в обско-угорском обществе. Однако такое изменение взглядов вряд ли может быть основанием для упрека в непоследовательности. Скорее всего, Валерий Николаевич разделял представление Дж. Фрезера, что тотемизм может быть соотнесен как со сферой сакрального, так и со сферой социального (см.: З.П. Соколова, М.Ф. Косарев).

Позднейшие исследования, новые технологии, совершенствование новейших методик позволили уточнить и углубить концепцию В.Н. Чернецова. Так, например, О.М. Рындиной исследован орнамент обских угров. В соответствии с её выводами, орнамент восточных хантов отличается от орнамента северных, поскольку базируется преимущественно на местной основе, а орнамент северных групп и манси включает южный компонент.

В.Н. Чернецов очень большое внимание в своих исследованиях уделил выяснению состава культуры как целостной жизнеобеспечивающей системы. О ее сложном составе было известно науке и до него. Этой проблемой занимались в разное время Тальгрэн(?), Хекель(?), К.Ф. Карьялайнен. Заслугой В.Н. Чернецова является то, что эту проблему он рассматривает как комплексную.

С выходом в свет археологических и этнографических работ Валерия Николаевича исследователи стали иначе смотреть на многие явления культуры не только обских угров, но и соседних с ними народов: культура каждого народа уже не представлялась столь непроницаемой. В них были выявлены отдельные компоненты, что в свою очередь, стало импульсом к поискам происхождения этих компонентов. По этой методике построили свои работы, посвященные происхождению и культуре селькупов, Г.И. Пелих - у селькупов, Л.В. Хомич - у ненцев, Г.М. Василевич - у эвенков и другие этнографы.

Исследования этногенетических и этнокультурных проблем продолжают его ученики-последователи первого, второго и третьего поколений. Среди них З.П. Соколова, Н.В. Лукина, В.М. Кулемзин, И.Н. Гемуев, А.В. Бауло, А.В. Головнев, О.М. Рындина, Т.А. Молданова, Т.А. Молданов, С.А. Попова и многие другие.

В этом процессе принимают участие представители Московской и Петербургской школ. Возникли самостоятельные направления и школы в Томске, Омске, Новосибирске, Ханты-Мансийске. Продолжается совершенствование комплексного археолого-этнографического подхода в изучении обских угров.

Возвращаясь к научному наследию В.Н. Чернецова, отметим следующее. Культура ханты и манси имеет некоторое множество вариантов, в каждом из которых разная степень совмещения местных северных сибирских элементов южного происхождения. Местные (северные) черты являются общими для многих народов Сибири, именно они придают культурам угорских и других сибирских народов определенное сходство.

К северным чертам принято относить конический чум, покрытый шкурами, меховую одежду и обувь, меховые лыжи и лыжи-голицы, берестяную и долбленную лодки, орудия труда и утварь из дерева и бересты, ездовое оленеводство, упряжное собаководство, глухую одежду, запорное рыболовство, ловушки на диких зверей, лук-самострел, рыболовную морду, медвежий праздник, фольклор, отражающий культуру таежных охотников.

К чертам южного происхождения относят распашную одежду, элементы коневодства и культ коня, представления о гигантской птице, культ небесного всадника, музыкальный инструмент типа «арфа», косы и наконечники украшения мужчин, использование сабель и мечей в ритуальных целях, низкую кожаную женскую обувь - чарки (чирки?), обычай избегания (накрывание лица платком), употребление наркотических средств, культ серебра, глинобитные печи и печи типа «чувал».

Судя по всему, В.Н. Чернецов, опираясь на свою исключительную эрудицию и богатый опыт полевого исследователя, намеревался заняться изучением происхождения и эволюции тех элементов традиционной культуры обских угров, которые нельзя связать ни с северным, ни с южным компонентами или объяснить их происхождение заимствованием у соседних народов.

К таким «необъясненным» элементам обско-угорской традиции относятся разделенность мужских и женских священных мест, театральное действо на медвежьем празднике, предполагающее соучастие исполнителей и зрителей, использование кукол и масок. Все это - темы, которые предстоит разрабатывать нынешнему и последующим поколениям угроведов, продолжателей дела В.Н. Чернецова.

Масштаб сделанного учёным, объемы опубликованного и архивного материала настолько велики, а исследовательские ресурсы их настолько значительны, что заведомо предполагают не столько критику, сколько максимально полное введение в научный оборот и продолжение разработки научных идей В.Н. Чернецова.

Н.В. ЛУКИНА

Россия, Томск

Томский государственный педагогический университет

СУДЬБА ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО АРХИВА В.Н. ЧЕРНЕЦОВА

Полевые этнографические материалы Валерия Николаевича Чернецова, собранные в 1930-1940-х гг., в основном среди манси и ненцев, долгие годы находились в его домашнем архиве. После кончины ученого (1970 г.) его вдова и соратница Ванда Иосифовна Мошинская продолжала хранить их дома. Она передала в Венгрию рукопись статьи В.Н. Чернецова о медвежьем празднике у обских угров, которая вышла в свет на немецком языке (Tschernjetzov, 1974). Позднее статья была переведена мною с немецкого языка на русский и опубликована (Чернецов, 2001).

В 1978 г., находясь в Томске, В.И. Мошинская в беседе со мной и В.М. Кулемзиным выразила желание передать архив В.Н. Чернецова в Музей археологии и этнографии Сибири Томского

государственного университета¹. В декабре 1979 - январе 1980 гг. мы доставили архив в музей. В него входили полевые записи по этнографии, фольклорные тексты на мансийском языке, фотографии, рисунки, киноматериалы. История получения этнографического архива В.Н. Чернецова и его краткое описание опубликованы (Лукина, Рындина, 1985).

В октябре 1980 г. скончалась В.И. Мошинская. Ее сестра Я.И. Мошинская пригласила меня приехать и посмотреть, не обнаружатся ли еще какие-либо материалы. Среди папок с материалами по археологии я нашла не переданные ранее рукописи и фотоматериалы В.Н. Чернецова, которые увезла в Томск и присоединила к архиву. Я.И. Мошинская и ее муж - композитор Б.А. Чайковский, близкий друг В.Н. Чернецова, сообщили мне о своем решении передать в дар Томскому университету библиотеку Чернецова - Мошинской. Я сообщила об этом директору Научной библиотеки ТГУ, позднее ее сотрудники перевезли книги в Томск. Библиотека Чернецова - Мошинской хранится ныне в отделе редких книг Научной библиотеки Томского университета.

После описания и документирования архива была начата подготовка к изданию полевых материалов по этнографии. Эту работу провели Н.В. Лукина и О.М. Рындина. Описание этого процесса опубликовано в предисловии к изданию (Лукина, 1987). Подготовленная нами книга получила название «Источники по этнографии Западной Сибири» (1987), вышла она в издательстве Томского университета. К сожалению, в титуле не удалось указать имя автора - В.Н. Чернецова. По существовавшему тогда порядку, план изданий утверждался в Министерстве высшего образования, и в него могли войти только труды сотрудников ТГУ. В.Н. Чернецов к их числу не относился, и книгу разрешили издать под нейтральным названием, без упоминания имени автора. После выхода книги «Источники по этнографии Западной Сибири» (1987) она стала широко использоваться специалистами и привлекла внимание общественности. Так, в ЯНАО журналисты разыскали ненцев, которые когда-то были информаторами и проводниками В.Н. Чернецова, и рассказали о них на страницах газет и по радио. Несколько позже был опубликован дневник Мангазейской экспедиции В.И. Мошинской, В.Н. Чернецова (1991), подготовленный к публикации Н.В. Лукиной и О.М. Рындиной. Позднее вышла статья с материалами В.Н. Чернецова по терминологии родства манси (Lukina, Ryndina, 1999).

Одновременно развивались события, связанные со второй частью письменных материалов архива, которые являются источниками по лингвистике и фольклористике. Имеются в виду записи фольклорных текстов на мансийском языке. Они, вообще-то, могли и не попасть в Томск, если бы сбылись первоначальные намерения В.И. Мошинской. Еще в 1971 г. по ее инициативе директор Института археологии АН СССР (где работали В.Н. Чернецов и она сама) обратился к директору Института языкознания АН СССР с предложением о передаче фольклорных текстов. Предполагался их перевод на русский язык, который могла бы выполнить сотрудница Института языкознания Е.И. Ромбандеева. На это предложение поступил отказ. Когда я получала у В.И. Мошинской этнографический архив, она неуверенно спросила, не возьмем ли мы и эти мансийские тексты. Я решила, что все научное наследие ученого должно находиться в одном месте, и привезла эти тексты тоже. Однако в Томске не было специалистов по мансийскому языку, как и надежды дать жизнь этой части архива.

Фольклорным наследием В.Н. Чернецова заинтересовались венгерские специалисты. Этот интерес был понятен, так как в Венгрии существует давняя традиция публикации фольклора обских угров. В 1983 г., по инициативе венгерской стороны, была достигнута договоренность между Министерством культуры и образования ВНР и Министерством высшего образования СССР о передаче копий фольклорных текстов В.Н. Чернецова в Институт этнографии Венгерской АН с целью их дальнейшей публикации. В Томском университете были изготовлены ксерокопии,

---

¹ В те годы мы работали в Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ, с которой музей представлял единое целое.

и в 1984 г. меня командировали в ВНР для их передачи. В Венгрии подготовку к изданию взяли на себя академик Б. Кальман и известная фольклористка Е. Шмидт. Вскоре вышла первая пробная публикация одного из текстов (Kálmán, 1985). Первый том с мансийскими текстами подготовила к изданию Е. Шмидт. В 1991 г. Я. Пустай сообщил мне, что они должны выйти в серии «Specimina Sibirica», но об их публикации известий нет.

Е. Шмидт сделала также краткие переводы основного содержания всех мансийских текстов и в рукописном виде прислала их мне. В 1999 г., по предложению Березовского научного фольклорного фонда народа манси и с согласия Е. Шмидт (с 1989 г. она жила и работала в России, в г. Белоярском ХМАО), эти переводы были перепечатаны мною на машинке и высланы в указанный фонд. Однако планируемая публикация не состоялась.

Еще одна попытка подготовить к изданию мансийские тексты с переводом на русский язык была предпринята в 1996 г. Е.К. Скрибник (г. Новосибирск, Институт филологии СО РАН). Руководство Музея археологии и этнографии ТГУ вначале поддержало эту идею, и Е.К. Скрибник начала ксерокопирование текстов, опираясь на собственные возможности, но вскоре ей было отказано в доступе к материалам. В воздухе носились идеи рыночных отношений, и в Томском университете решили, что полученный в дар архив В.Н. Чернецова должен приносить прибыль.

Находящиеся в архиве иллюстративные материалы (около 1200 рисунков и фотографий) практически не опубликованы. В «Источники по этнографии...» вошла лишь их небольшая часть. Главное препятствие для публикации - отсутствие подписей или неполные данные об изображенном объекте, событии. Документировать хотя бы часть иллюстраций, по крайней мере мансийских, еще возможно. Для этого нужно изготовить копии и проехать с ними по тем местам, где собирал материал В.Н. Чернецов. Старики помогут восстановить необходимые сведения. Этой идеей я поделилась с директором Березовского фольклорного фонда С.А. Поповой, которая могла бы организовать поездки, и директором МАЭС ТГУ Ю.И. Ожередовым (как оказалось, он сам готовит проект издания рисунков и фотографий В.Н. Чернецова). Будет ли осуществлен этот проект, покажет время.

Наконец, о киноматериалах. По рассказам В.И. Мошинской, они с В.Н. Чернецовым снимали в 1948 г. два фильма. Первый - о лагере на памятнике Сузгун, открытом в том году; второй - о медвежьем празднике на Казыме и в Вежакорах, где тогда же состоялись периодические семилетние игры. Позднее В.Н. Чернецов смонтировал фильм о медвежьем празднике и много раз его показывал, в итоге лента пришла в негодность. После кончины ученого Б.А. Чайковский частично сам, частично с помощью специалистов восстановил кинофильм. Кроме кинофильма были отдельные пленки с разными сюжетами, среди них много дублей. Киноматериалы В.Н. Чернецова находились в плохом состоянии, после поступления в МАЭС они были скопированы в киностудии ТГУ по тогдашней технологии. В 1992 г. Н.В. Лукиной и А.Н. Михалевым был создан кинофильм «В.Н. Чернецов». В него вошли киноматериалы В.Н. Чернецова и В.И. Мошинской, а также сюжеты, снятые авторами фильма в Москве, Томске, на Уральских писаницах. Этот кинофильм хранится в Музее археологии и этнографии Сибири ТГУ.

Творческое наследие этнографа, фольклориста и лингвиста Валерия Николаевича Чернецова содержит много материалов, все еще остающихся не введенными в научный оборот.

Е.А. ПИВНЕВА

Россия, Москва

Институт этнологии и антропологии РАН

ИССЛЕДОВАНИЯ В.Н. ЧЕРНЕЦОВА И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДУАЛЬНО-ФРАТРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ У ОБСКИХ УГРОВ

В.Н. Чернецов отличался чрезвычайной широтой научных интересов. Известно, что он был крупнейшим специалистом по языку, археологии, этнографии и фольклору Зауралья и Сибири. В его трудах поставлены и предложены пути решения многих научных проблем, которые продолжают волновать умы исследователей и по сей день. К их числу относится проблема происхождения и сущности дуально-фратриального деления у обских угров.

Деление на две группы *Пор* и *Мось* впервые обнаружил у манси Н.Л. Гондатти еще в конце прошлого столетия. В дальнейшем и другие исследователи фиксировали сведения о *Пор-ëх* (*махум*) и *Мось-ëх* (*махум*) у различных (в основном северных) групп обских угров, но поскольку социальное значение обоих названий оставалось скрытым, их смысл трактовался по-разному.

В настоящее время многие ученые придерживаются точки зрения В. Штейница, связавшего происхождение этих терминов с этногенезом обских угров, смешением аборигенов (носителей этнонима *Пор*) и пришлого с юга угорского населения (носителей этнонима *Мось*), в результате чего их потомки стали противопоставлять себя друг другу в брачных отношениях и религиозном культе как члены разных половин (Steinitz, 1938, с. 132). Однако сущность дуальной системы остяков и вогулов трудно объяснить лишь встречей двух этнически различных народов. Как справедливо заметил Й. Хэкель, «наслоения подобного рода происходили и происходят на земле, в том числе и на сибирской территории, постоянно, однако у этих народов нет двухкомпонентности. И хотя в данном случае обстоятельства наслоения были благоприятны для дуальной системы, идея и дальнейшее ее оформление вряд ли осуществились благодаря этому» (Хэкель, 2001, с. 53).

В.Н. Чернецов относил эти термины ко времени уральского единства. Он полагал, что они восходят к двум архаичным кровнородственным дуальным половинам - фратриям, на которые в далеком прошлом делилось общество предков обских угров (Чернецов, 1939, с. 40). Сторонниками их архаичности были А.М. Золотарев, Б.О. Долгих и др. В пользу древности обско-угорских фратрий высказалась и З.П. Соколова, которая считает, что слияние аборигенного и пришлого населения привело не к образованию дуальной системы, а лишь к утверждению существовавшей прежде традиции дуального деления. В то же время она совершенно справедливо допускает возможность ее трансформации под воздействием этногенетических процессов (Соколова, 1976, с. 21-22).

При всей запутанности и неоднозначности имеющиеся в литературе сведения о *Пор* и *Мось* наводят на мысль о связи последних с какими-то древними мифопоэтическими воззрениями уральских народов. Известно, что первоначальные воззрения о мире строились главным образом посредством так называемых бинарных оппозиций, семантических противопоставлений (верх - низ, правый - левый, белый - черный, мужчина - женщина и т. д.). Очевидно, в этих представлениях отражалась эволюция сознания, что было связано с дуально-родовым делением общества, своего и чужого коллектива, противопоставлением «мы - они», известного и неизвестного (Народы Поволжья и Приуралья, с. 2000).

Дихотомия присутствует уже в известной легенде, объясняющей деление людей на *Пор* и *Мось*: «Люди делятся на две части, Пор-махум и Мось-махум. Между ними нет никакой разницы. Когда людей было еще мало, стали они варить мясо в двух котлах. Одни не дождались, пока мясо сварится, съели его полусырым, с кровью. Другие дождались, когда мясо как следует

уварились. Верхний дух Нуми Торум сказал: «Пусть те, кто мясо полусырым съел, Пор-махум будут, а те, кто дождался - Мось-махум пусть будут» (Чернецов, 1939, с. 20-21). П. Вереш полагает, что это противопоставление («вареномясным» народом он считает Пор, а «сыромясным» - Мось) соответствует дуально-символической классификации, отражающей бинарную общественную структуру и связанную с ней своеобразную двоичную модель мира (Вереш, 1990, с. 78). В.Н. Чернецов допускал существование в прежнее время для *Мось* какой-то табуации на поедание сырого мяса (Чернецов, 1939, с. 21). В таком случае можно предположить какую-то связь этой легенды с возможной «пищевой сегрегацией» полов. Обычай распределения пищи на мужскую и женскую широко распространены у многих народов. Так называемая «пищевая экзогамия» не допускает, чтобы создавалось родство между теми, кто должен вступить в половое общение (Токарев, 1968, с. 263).

В этнографических материалах, мифах и символах с *Пор* и *Мось* связаны другие противоположные представления, животные, растения, объекты природы. Например, *Пор* считались более грубыми, более сильными и воинственными. *Мось* - более добрыми, ловкими и умелыми (Мартынова, 1994, с. 113; Федорова, 1998, с. 130). Полевые материалы В.Н. Чернецова, опубликованные в «Источниках по этнографии Западной Сибири», содержат любопытную запись: «Мощ хум - это *мис рот*. Те, кто Не [женский. - Е.П.] пупых имеет, все Мощ махум» (Источники, 1987, с. 159). В традиционном прочтении очевидна связь образа Калтась (покровительницы людей этой группы) с бытовавшим у уральцев древним культом матери-прародительницы. Она оказывает помощь беременным женщинам и роженицам. В ней олицетворяются черты Матери-земли и Жизнеподательницы (Мифология манси, 2001, с. 21). Мотив «зайца» (Калтась представлялась в образе белой зайчихи) - излюбленный орнамент женских вещей: черпаков, рукояток, женских весел, крюков (Чернецов, 1939, с. 30). Люди *Пор* признавали своим предком медведя. В отношении этого животного, а также кедра и лиственницы, других символов этой группы, для женщин существовали особые запреты и ограничения.

В свете вышеизложенного представляет интерес точка зрения Г. Прокофьева (она остается спорной), этимологизировавшего термин *Мось-махум* как «земляной народ», а *Пор-махум* - как «верхние люди» (Прокофьев, 1935, с. 13). Здесь также содержится семантическая оппозиция верх - низ, имеющая связь с противопоставлением мужское - женское.

Таким образом, можно предположить, что принцип дихотомии *Пор* - *Мось* уходит своими истоками в область древнейших воззрений и связан с оппозицией мужского и женского начал в жизни человека и общества. Тот факт, что на практике каждая из этих половин могла состоять из представителей мужского и женского пола, вероятно, допустим с позиций первобытной логики (Леви-Стросс, 1983, с. 141). Однако предложенная интерпретация является не более чем гипотезой, нуждающейся в дальнейшем подтверждении или опровержении.

А.М. РЕШЕТОВ

Россия, Санкт-Петербург

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

В.Н. ЧЕРНЕЦОВ: ЛЕНИНГРАДСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (1925-1940 гг.)

В жизни и деятельности выдающегося ученого Валерия Николаевича Чернецова четко выделяются три периода: московский (1905-1925), ленинградский (1925-1940) и второй московский (1940-1970) (Васильев В.И. и др., 1970; Основные работы..., 1970; Смирнов А.П., 1971; Лукина, Рындина, 1985).

В.Н. Чернецов родился 4 (17) марта 1905 г. в семье потомственного почетного гражданина. Романтически настроенный юноша не сразу нашел себя: учился в Московской практической академии коммерческих наук, в советской трудовой школе, на биологическом отделении Пречистенского рабфака, в Московском электротехническом институте. Летом 1923 г. как сотрудник Северо-Уральской географо-геодезической экспедиции уехал в Ивдельский район, где сумел овладеть языком вогулов (манси) и близко познакомился с этнографией этого народа. Вернулся он из экспедиции в 1925 г. Знакомство с В.Г. Богоразом привело В.Н. Чернецова в Ленинград, где он сразу стал студентом второго курса этнографического отделения Географического института, а с осени того же года - географического факультета ЛГУ.

Уже летом 1925 г. по командировке Комитета Севера студент В.Н. Чернецов обследовал вогулов на Лозьве и Сосьве; с весны 1926 г. он участвовал в Приполярной переписи Березовского района и по этой причине вернулся в Ленинград только в марте 1927 г. (ПФА РАН. Ф. 142, оп. 5, д. 369, л. 3). Летом того же года он по поручению отдела археологии МАЭ изучал наскальные писаницы на Урале. После возвращения в Ленинград продолжалась учеба, проводилась обработка материала и началась подготовка к поездке на северную оконечность полуострова Ямал. Консультантом по ней выступал Б.М. Житков (Решетов, 2004, с. 169-172). Весной 1928 г. этнограф и археолог В.Н. Чернецов вместе со студентами - антропологом Н.А. Котовщиковой и зоологом К.Я. Ратнером - выехал из Ленинграда на Ямал. Участники поездки работали порознь. В этой экспедиции погибла Н.А. Котовщикова, которая прежде успешно работала в поле и привозила этнографические, антропологические, зоологические и ботанические материалы. Собрав обильный полевой материал, В.Н. Чернецов вернулся в университет к зиме 1929 г., а к апрелю 1930 г. получил свидетельство об окончании этнографического отделения. К этому времени у него уже были печатные работы в уральской периодике и в ленинградском студенческом журнале (Чернецов, 1926; 1927). Так закончилось пятилетнее пребывание В.Н. Чернецова в Ленинграде. За время учебы ему удалось собрать во многом уникальные научные материалы. Одновременно с ним покидали университет такие выпускники, как С.М. Абрамзон, Л.П. Потапов и другие, в будущем известные ученые.

В течение лета 1930 г. В.Н. Чернецов по договору с Полярным комитетом трудился над составлением карты Больше- и Малоземельской тундры и Северного Урала. С 1 октября 1930 г. он уже аспирант Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера (далее - НИА ИНС), но проходить аспирантскую подготовку по плану ему было некогда. С лета 1930 по январь 1931 г. он находился в командировке в Березовском районе, занимаясь сбором материалов по диалектам вогульского языка и этнографии: вел большую преподавательскую работу в Педагогическом институте им. А.И. Герцена и на различных краткосрочных курсах, имея нагрузку по 7-9 часов в день. В результате 15 февраля 1933 г. он был исключен из аспирантуры за систематическое непосещение занятий (ПФА РАН. Ф. 142, оп. 5, д. 369, л. 3; д. 176, л. 4 об.).

В марте того же года он был зачислен на должность научного сотрудника второго разряда НИА ИНС. Чернецов издает ряд учебников для национальных школ Севера, в том числе букварь на мансийском языке (Основные работы..., 1970). Каким он был тогда, можно представить себе, прочитав роман В.Г. Богоразы «Воскресшее племя»: «Двадцать человек тихо сидят у длинного стола и слушают доклад. Докладчик - Беляев (читай: Чернецов. - *А.Р.*), работник вогульской группы, тоже с весьма примечательной биографией. Беляеву лет двадцать пять, на Севере он был четыре года. Первый раз в ранней молодости, просто прогуливал с вогулами на лыжах и охотился на бурых медведей. В 1926-1927 гг., во время полярной переписи, переписывал вогулов и остяков. Потом, неожиданно вернувшись в Ленинград, организовал вместе с такими же юнцами, Наташей Перевозчиковой (читай: Котовщиковой. - *А.Р.*) и Федором Рейманом (читай: Ратнером. - *А.Р.*) ни много и ни мало как экспедицию на север полуострова, к ямальским самоедам, до тех пор оторванным от русских. Экспедиция попала в тяжелые условия. На Ямале был голод и олений падеж, и в конце концов от невыясненных причин умерла Наташа Перевозчикова...

Беляев вернулся в Ленинград и вскоре опять отправился к вогулам. Составленный им вогульский букварь тоже первый в своем роде» (Тан-Богораз, 1935).

С лета 1933 по 3 февраля 1934 г. В.Н. Чернецов по заданию НИА ИНС собирал лингвистические, фольклорные и этнографические материалы в Березовском и Кондинском районах. По возвращении он продолжал трудиться в Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера и в Педагогическом институте им. А.И. Герцена. С 1934 г. В.Н. Чернецов состоял консультантом отдела Сибири Института антропологии и этнографии АН СССР (далее - ИАЭ), занимаясь изучением социального строя вогулов и археологических материалов Севера СССР. 17 февраля 1934 г. он подает на имя директора ИАЭ акад. И.И. Мещанинова заявление с просьбой утвердить руководителем его диссертации «Пережитки тотемистических представлений у манси» проф. С.Н. Быковского, а консультантами - акад. И.И. Мещанинова, чл.-корр. АН Д.К. Зеленина и постоянно курировавшего его работу проф. В.Г. Богораза. В тот же день заявление было удовлетворено, но вскоре научный руководитель В.Н. Чернецова проф. С.Н. Быковский был арестован и расстрелян. Проф. В.Г. Богораз при поддержке И.Н. Винникова попытался в 1935 г. добиться решения о присуждении В.Н. Чернецову ученой степени кандидата этнографии. Предложение исходило из того, что В.Н. Чернецов уже подготовил работу «Следы родового строя у вогулов», убедительно доказал существование у них родового строя, выявил характерные особенности вогульского рода, установил существование у них фратрий и т. д. Но эта попытка тоже оказалась неудачной (ПФА РАН. Ф. 142, оп. 5, д. 369, лл. 27, 37). 29 апреля 1934 г. В.Г. Богораз как заведующий отделом Сибири обратился с предложением об освобождении с поста заместителя заведующего А.А. Попова и о назначении на его место В.Н. Чернецова. С 1 января 1935 г. В.Н. Чернецов состоит в ИАЭ на должности научного сотрудника 1-го разряда по совместительству с половинным окладом, а с 11 марта того же года переведен на полную ставку. Как писал В.Г. Богораз в своем представлении, «Сибирский отдел мог убедиться за минувшие два с половиной месяца в аккуратности и интенсивности работы тов. Чернецова» (Там же, л. 12). После смерти В.Г. Богораза с 1 июня 1936 г. В.Н. Чернецов назначается заведующим отделом Сибири.

Став научным сотрудником и даже одним из руководящих работников ИАЭ, В.Н. Чернецов с 5 мая 1935 г. был освобожден по личному заявлению от работы в НИА ИНС (Там же, д. 176, л. 5 об.). В конце мая 1937 г. была арестована группа ведущих ученых этого учреждения во главе с директором ИНС Я.П. Кошкиным. Во время следствия по этому делу подследственные неоднократно называли среди своих знакомых и даже участников контрреволюционной организации В.Н. Чернецова. Заместитель начальника III отдела Управления государственной безопасности капитан госбезопасности Ржевский сообщал, что на ряд лиц, в том числе В.Н. Чернецова, имеются агентурные материалы, свидетельствующие об их преступной деятельности. На этом основании, считал он, все 11 человек подлежат аресту с привлечением к ответственности по статьям 58-6, 10, 11 Уголовного кодекса РСФСР (Следственное дело П-15045). Были арестованы Н.Ф. Прыткова, В.И. Цинциус и другие, но В.Н. Чернецов, Е.П. Орлова все же остались на свободе. Знал ли В.Н. Чернецов об этом списке? Едва ли. Но он отлично понимал, что снаряды ложатся совсем рядом, и это отнюдь не создавало у него чувства уверенности даже в ближайшем будущем.

В ИАЭ деятельность В.Н. Чернецова, как казалось, протекала вполне успешно. Печатались крупные работы по вопросам археологии, фольклора, лингвистики, этнографии: в 1936 г. в соавторстве с супругой Ириной Яковлевной Чернецовой (сестрой К.Я. Ратнера) был издан «Краткий мансийско-русский словарь» (Основные работы..., 1970, с. 196). Он ездил в экспедиции и командировки. Написал для сибирского тома «Народы СССР» и однотомника «Этнография народов СССР» статью о хантах и манси. И вдруг по собственному заявлению с 21 мая 1939 г. В.Н. Чернецов освобождается от должности заведующего отделом Сибири, и через некоторое

время встает вопрос о его переезде в Москву. В архивных документах это решение мотивируется тяжелыми материальными условиями жизни в Ленинграде (проживание с семьей в комнате площадью в 8,5 кв. м) (ПФА РАН. Ф. 142, оп. 5, д. 369, лл. 70-92). Конечно, не эти обстоятельства заставили В.Н. Чернецова сложить с себя полномочия заведующего отделом. А.К. Омельчук, признавая, что «существовало немало сугубо личных причин для переезда Валерия Николаевича в Москву», определяющим все же считал «его стремление [перейти] в Институт истории материальной культуры, который стал к этому времени центром археологической деятельности» (1982). Однако следует напомнить, что центр и основные научные силы и издания этого института находились тогда в Ленинграде. Скорее всего, в принятии такого решения сыграли свою роль конфликтная ситуация в отделе и полученное В.Н. Чернецовым от ученого секретаря Московского отделения Института истории материальной культуры С.П. Толстова приглашение переехать в Москву (ПФА РАН. Ф. 142, оп. 5, д. 369, лл. 92-125). Вскоре С.П. Толстов возглавит Московское отделение Института, а В.Н. Чернецов станет его заместителем.

Начался третий (второй московский) период в жизни и деятельности В.Н. Чернецова. В Ленинград он приехал студентом, а уехал сложившимся ученым, успешно разрабатывавшим свою тематику. В МАЭ остались его коллекции. В Москве исследователя ждали новые открытия, однако в дальнейшей его судьбе есть некоторые загадки, в частности такая, почему, несмотря на хорошие отношения с С.П. Толстовым, который возглавил в 1942 г. Институт этнографии АН СССР, В.Н. Чернецов не стал его сотрудником? Не сыграл ли в этом какую-то роль финальный этап ленинградского периода? Может быть...

Е.В. СИЗОВА

*Научная библиотека Томского государственного университета,
отдел рукописей и книжных памятников*

БИБЛИОТЕКА В.Н. ЧЕРНЕЦОВА И В.И. МОШИНСКОЙ В ФОНДАХ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Валерий Николаевич Чернецов (1905-1970) и Ванда Иосифовна Мошинская (?-1980) были известными исследователями Советского Союза. В.Н. Чернецов оставил значительное археологическое, этнографическое, лингвистическое, фольклорное, искусствоведческое наследие, собрал разнообразные сведения по материальной и духовной культуре, общественному строю угорских народов, по наскальным изображениям Урала и др.

В течение своей жизни В.Н. Чернецов много путешествовал, был знаком со многими учеными и исследователями, принимал активное участие в научной и общественной деятельности, в международных конгрессах. За этот период он и его жена собрали большую библиотеку, которая состояла из книг, брошюр, журналов, отдельных оттисков статей на русском, английском, французском и венгерском языках. В этой библиотеке можно найти издания по истории, археологии, этнографии, фольклористике, лингвистике Восточной Европы, Урала и Сибири XVIII-XX вв.

Охарактеризовать хотя бы и кратко книжное собрание В.Н. Чернецова и В.И. Мошинской - дело непростое. В данном сообщении дано самое общее представление о нем. Если не считать отдельных оттисков и брошюр, подаренных Валерию Николаевичу и Ванде Иосифовне разными исследователями, библиотека собиралась целенаправленно, т. е. в соответствии с интересовавшими владельцев научными проблемами. Поэтому здесь большое место занимают книги по археологии и этнографии: разнообразные сборники, труды, журналы и отдельные фундаментальные исследования по археологии, этнографии, лингвистике, фольклористике,

истории Восточной Европы, Урала и Сибири. Имются в этом ряду записки Императорских Русских обществ (Географического и Археологического), вышедших в XIX - начале XX в. Среди книг этой библиотеки обращают на себя внимание разнообразные словари: нымыланско (корякско)-русский, краткий ненецко-русский и русско-ненецкий, русско-мансийский, русско-хантыйский, самоучитель по ненецкому языку, а также программы по ханты-мансийскому языку, учебник хантыйского языка и т. д.

Особый интерес для реконструкции круга общения В.Н. Чернецова и В.И. Мошинской представляют брошюры, журналы, отдельные оттиски статей и авторефераты диссертаций с дарственными надписями авторов. Как правило, встречаются характерные для всех дарственные подписи, например «Глубокоуважаемому Валерию Николаевичу Чернецову от автора», «Ванде Иосифовне от автора», или «Валерию Николаевичу и Ванде Иосифовне от автора». Встречаются и такие надписи, как «Глубокоуважаемому исследователю народов С.-В. Европы и З. Сибири В.Н. Чернецову с наилучшими пожеланиями автор 22. XI. 38.» от А.М. Золотарева. Можно встретить и такой автограф: «Искателям современных приключений и древней родины угорских народов 19/VI 55 г.»

Ценной частью данного книжного собрания являются книги XVIII и XIX вв. по истории Сибири. Тут можно увидеть работы С.П. Крашенинникова, И. Лепехина, П.С. Палласа, И.Ф. Крузенштерна, В. Иславина, Статистическое обозрение Сибири 1810 г. и др.¹

Не имея наследников, Валерий Николаевич планировал передать свое собрание в какую-нибудь библиотеку, в связи с чем начал приводить его в порядок. Часть книг была специально переплетена. Первоначально В.Н. Чернецов хотел передать свое книжное собрание Институту археологии АН СССР, в котором работал, но по каким-то причинам передумал. После смерти Валерия Николаевича его жена Ванда Иосифовна Мошинская продолжала хранить его архив и библиотеку дома. В 1978 г., будучи в Томске, она выразила желание передать архив В.Н. Чернецова в музей археологии и этнографии Томского государственного университета, но в октябре 1980 г. умерла. Ее сестра Янина Иосифовна Мошинская и муж последней, Б.А. Чайковский, сообщили, что желают передать библиотеку Чернецова - Мошинской в Научную библиотеку Томского государственного университета. Позднее сотрудники отдела рукописей и книжных памятников ТГУ перевезли практически всю библиотеку ученого в количестве 1994 томов в Томск, за исключением книг по искусству и художественной литературе, которые Янина Иосифовна оставила себе.

Даже краткий очерк позволяет представить, что библиотека Чернецова-Мошинской интересна по ряду причин. Прежде всего, в ее составе хранятся некоторые редкие и ценные издания по истории Сибири, а также книги с автографами. Кроме того, библиотека дает возможность составить представление о круге чтения и общения русского ученого гуманитария, работавшего в середине - второй половине XX в., что само по себе является сложной и интересной исследовательской задачей. Таким образом, библиотека Чернецова - Мошинской, безусловно, заслуживает дальнейшего подробного изучения.

---

¹ Описание Земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии наук профессором. Т. 1-2. СПб.: Имп. акад. наук, 1755; Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768-1769 гг. Ч. 1-4. СПб.: Имп. акад. наук, 1771-1805; П.С. Палласа, доктора медицины, профессора натуральной истории и члена Российской имп. академии наук, и Санкт-Петербургского Вольного общества, также Римской имп. академии испытателей естества и Королевского Английского ученого собрания путешествия по разным провинциям Российской империи. Ч. 1-3. СПб.: Имп. акад. наук, 1773-1788; Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 гг. на кораблях Надежде и Нева, под начальством Крузенштерна. СПб.: Морская тип., 1810; Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников. Напечатано по Высочайшему повелению. СПб.: Тип. Шнора, 1810; Самоеды в домашнем и общественном быту Владимира Иславина. СПб.: Тип. Министерства гос. имуществ, 1847; и др.

СЛОВО О ЧЕРНЕЦОВЕ¹

Н.В. Лукина, доктор исторических наук, СССР.

В августе 1985 г. во время VI Международного конгресса финно-угроведов (г. Сыктывкар) я брала интервью у ведущих специалистов о задачах и значении издания фольклорных и этнографических материалов из наследия известных угроведов. Это было связано с подготовкой к публикации научного наследия В.Н. Чернецова: издания этнографических дневников на русском языке в Томском государственном университете и фольклорных текстов на мансийском языке в Венгерской Народной Республике. Предполагалось также включение интервью в фильм о В.Н. Чернецове, который мы готовили в ТГУ. Беседы записаны на магнитную ленту А.Н. Михалевым.

Бела Кальман, академик, Венгерская Народная Республика².

Венгерский исследователь Бернат Мункачи совершил в 1888-1908 гг. научную экспедицию к манси между Уралом и бассейном Оби. Он собрал много текстов и слов, сделал грамматические, этнографические, фольклорные записи. При его жизни вышло 4 тома текстов и комментарии к двум первым томам текстов. Венгерская академия наук поручила мне обработать и издать наследие Мункачи. В 1950-1960 гг. были напечатаны оба тома и вышли комментарии. Слова и тексты Мункачи были обработаны для словаря и сейчас находятся в печати. Это будет 900 страниц, т. е. довольно толстая книга. Возможно, книга выйдет в этом году (1985).

Другой исследователь манси, который жил в Сибири и тоже записал вогульские тексты, - Чернецов. Часть его наследия скоро выйдет - три пробных текста и общее описание наследия, подготовленное Евой Шмидт. Специалисты хотели бы также познакомиться с фильмами о жизни манси, и мы будем благодарны, если узнаем больше о его жизни. Я встречался с ним в Москве, разговаривал и видел некоторые фильмы, например о медвежьем празднике. Большое счастье, что материал находится в хороших руках госпожи Лукиной, выдающейся исследовательницы Западной Сибири. Очень надеюсь, что наследие Чернецова появится в ближайшие годы в печати и мы сможем увидеть его фильмы.

Ева Шмидт, научный сотрудник, Венгерская Народная Республика.

Мной сделана краткая опись сюжетов на венгерском и русском языках, проведена статистика. Все места, где что-то неясно в языке, отмечены имевшиеся незнакомые или плохо различимые слова, уже уточнены. Теперь надо определить стандарт будущей транскрипции. Сейчас их несколько, так что будет не очень просто. Думаю в качестве стандарта взять словарь Мункачи с обязательной ссылкой на транскрипцию этого словаря. Еще предстоит очень трудоемкая работа по выявлению всех сюжетных типов из предыдущих публикаций и аналогий к ним. Необходима такая же обработка фольклорных формул. Это еще более трудоемкая работа. Научное издание, соответствующее требованиям конца XX в., у лингвистов занимает примерно 3-4 года. Но я постараюсь, конечно, поскорее.

Эдит Вертеш, доктор, Венгерская Народная Республика.

Издание остяцких текстов, сохранившихся в наследиях, очень важно и полезно не только для языкознания, но и для фольклористики. По ним плодотворнее изучать новые слова, новые грамматические формы, так как в текстах четко видна вся грамматика, и выражения. Также важно по этим записям знакомиться с народной поэзией и с обычаями остяков. Ведь сказки не отражают иного мира, чем тот, в котором они жили и в который они верили. В первую очередь упомяну записи Паасонена, его эпос. Из эпоса мы видим, как готовятся пиры, поездки для сватовства и неуверенность в итоге предстоящего мероприятия - будет ли это свадебная поездка

¹ Публикация подготовлена д-ром ист. наук Н.В. Лукиной.

² Почти все высказывания записаны на немецком языке. Перевод на русский сделан Н.В. Лукиной. Э. Шмидт, З.П. Соколова высказывались на русском языке.

или военный поход. Как протекает сватовство девушки, что за нее требуют, как, подобно другим народам, они получают не невесту, а другую девушку. Но все имеет счастливый конец, и в сказе, как и в эпосе, невеста и жених встречаются, и тогда устраивается не только свадебный пир, но и жертвоприношение богам.

Другие записи, например содержание эпоса в прозе Карьялайнена, тоже очень важны в фольклорном отношении. Но следует упомянуть, что издание наследия - совсем не простая задача. Я уже издала южноостяцкие тексты Карьялайнена в одном томе и южноостяцкие тексты Паасонена в четырех томах, мне предстоит еще издать восточнохантыйские тексты обоих. Я принимала участие в издании наследия Штейница, которое сейчас находится в печати, готовила тексты Папая для издания в Венгрии. Могу совершенно точно сказать, что все четыре издания совершенно различные и потребовали своих методов. Не может быть методических шаблонов для издания прошлых наследий. Я уверена, что в вашей публикации будут абсолютно другие проблемы, чем у меня. Теперь, когда я начинаю готовить восточнохантыйские тексты, опять встают совершенно новые проблемы.

Петер Хайду, академик, Венгерская Народная Республика.

Имя Валерия Чернецова очень хорошо известно в Венгрии. Я лично познакомился с ним в Москве. Мы встречались также в Будапеште на I Международном конгрессе финно-угроведов в 1960 г. Работа Чернецова очень важна для всей уралоистики в исследовании языка и культуры финно-угорских народов. Я думаю, что Чернецова нужно оценивать не только как археолога и этнолога, но и как лингвиста. Как известно, его имя связано с созданием письменности, или, как иногда говорят, литературного языка вогулов. Он очень много сделал в 1930-е гг. как инициатор создания этого языка: насколько мне известно, это был первый человек, издавший грамматику и небольшой словарь мансийского языка.

Его лингвистическая деятельность очень значительна, но все-таки он был в первую очередь археолог и этнограф, и его труды в этих областях относятся к лучшим произведениям не только в Советском Союзе. Исследования социальной организации, его раскопки и публикации в северо-западной Сибири имеют очень большое значение не только для истории культуры Сибири, но и для изучения уральских и финно-угорских языков и литературы.

Очень жаль, что он так рано окончил свой жизненный путь, но мы с радостью узнали, что его наследие сейчас хранится в Томске. Как нам сообщили, в Томске, в университете работает группа исследователей, занимающихся проблемами сибирской культуры, сибирской истории. Мне известно о работе этой группы из разных источников, различных исследований, монографий сотрудников и в первую очередь из работы, которую ведет госпожа Лукина. И я считаю, что проводятся очень важные исследования.

Теперь наследие Чернецова находится в архиве томской исследовательской группы в Томском государственном университете. Хотелось бы верить, что наши коллеги в Томске будут заботливо и достойно памяти Чернецова хранить это наследие, и было бы очень полезно подготовить собрание текстов и разных материалов В.Н. Чернецова. Конечно, мне известно, что эта работа совсем не проста, ибо профессор Чернецов за свою жизнь создал значительное собрание. Издать его не так просто, но в этом отношении, возможно, в Венгрии могли бы помочь. Мы готовы позаботиться о некоторых собраниях из его наследия в Венгрии. Некоторую помощь могли бы оказать Академия наук, Будапештский и другие университеты в Венгрии.

Исходя из этого, было бы очень хорошо, если бы осуществлялось скоординированное сотрудничество между Томским и Будапештским университетами или между соответствующими академическими учреждениями. И в рамках такого сотрудничества было бы возможно осуществлять эти издания, эту академическую деятельность.

И еще один вопрос. Мы знаем, что Чернецов снял несколько фильмов среди народов Северо-Западной Сибири. Я эти фильмы не видел, но знаю об их существовании и думаю, что они имеют большое значение. Поэтому было бы очень важно не только сохранить в архиве эти

фильмы, но полезно сделать несколько копий с этих фильмов и послать их в крупные исследовательские центры Европы, например в Будапешт и Хельсинки. И еще одна мысль. Если это возможно - сделать фильм о жизни Чернецова. Это было бы полезно не только для науки, но и для широкой публики.

У меня есть еще одно личное замечание. В конце 1950-х - начале 1960-х гг. мы вели большие дискуссии о древних местах жительства финно-угров, и специалисты знают о разногласиях, существовавших в это время между мной и Чернецовым. Но с тех пор выяснилось, что Чернецов, в основном, был прав. Его экспедиции и археологические исследования указали верный путь; также и новейшие исследования финно-угорских языков указывают на то, что первоначальные или древние поселения финно-угров были где-то в Западной Сибири. Итак, в этом отношении сейчас существует согласие между некоторыми лингвистами и советскими археологами. Это означает, что Чернецов 30 лет назад или еще ранее нашел верный путь к выяснению истории финно-угорских народов.

Это также означает, что если до последних десятилетий ведущей дисциплиной в древней истории финно-угров считалась лингвистика, то в недавнее время археологические и этнографические исследования добились таких успехов, что, например, археология так же важна в изучении истории финно-угров, как и лингвистика. Что касается этнологии, то она играет подобную же роль, что и археология. Итак, на сегодня у нас создается впечатление, что эти три дисциплины, крупные дисциплины - археология, лингвистика и этнология, или, если хотите, этнография, археология, лингвистика, должны рассматриваться как опорные столбы древней финно-угорской, уральской истории.

И с этой точки зрения очень высоко должна быть оценена работа томских этнографов и археологов. Я хотел бы пожелать им больших успехов и высказать пожелание, чтобы упомянутое сотрудничество между томскими коллегами и венгерскими университетами, а также Венгерской академией наук принесло большую пользу.

Герт Зауер, доктор, Германская Демократическая Республика.

Вольфганг Штейниц, как и Чернецов, был очень разносторонний ученый: лингвист, фольклорист и этнограф. Оба представляли очень интересный тип истории науки. И важно, что именно сегодня вновь привлек внимание этот тип. Мы в Берлине в работе с наследием Штейница пытаемся отразить его комплексность. Надеемся, что издание четырех томов осяцкологических работ, диалектологического и этимологического словаря создаст обобщенную картину его деятельности. Во-первых, важно опубликовать не изданные до сих пор материалы Штейница. В значительной мере это выполняется изданием остяцкого словаря и третьего тома осяцкологических исследований, где публикуются языковые материалы, собранные им во время полевых работ. Второй момент, который мне кажется очень важным для обработки наследия Чернецова, - это переиздание его опубликованных работ из журналов и изданий, которые теперь стали недоступны, особенно это касается вопросов этногенеза обско-угорских народов.

З.П. Соколова, доктор исторических наук, Институт этнографии Академии наук СССР.

Валерий Николаевич Чернецов - это очень важная и интересная личность в области этнографии обских угров. Валерий Николаевич был исключительным человеком, не только большим специалистом в этнографии, но и очень эрудированным в различных областях знаний. Он был лингвистом, археологом, историком, этнографом, фольклористом, прекрасно знал хантов, манси и их ближайших соседей - селькупов, ненцев. Его этнографические исследования, безусловно, оставили большой след в науке и являются образцом для нас, его учеников, в исследованиях этнографии хантов и манси. Я бы не могла его сравнить ни с кем из других крупных исследователей, не умаляя, естественно, их достоинств: и финских - Сирелиуса, Кастрена, Каннисто, Карьяланена; и венгерских - Регули, Мункачи, Янко, Йожефа Папая и других. Все они изучали этнографию, лингвистику, фольклор и сделали очень много. Но Валерий Николаевич, обладая знаниями смежных наук - лингвистики, археологии, этнографии и

фольклора, умел очень широко и глубоко подходить к решению различных проблем. Эта глубина дала ему возможность сделать очень интересные выводы, которые, я думаю, предоставят возможность многим поколениям исследователей развивать эти идеи и исследовать вглубь и вширь этнографию. Этногенез, формирование элементов культуры - и материальной, и духовной - хантов и манси, социальных отношений обских угров. Поэтому, на мой взгляд, его наследие неисчерпаемо и еще будет служить нам, другим поколениям этнографов и специалистам иных профилей в изучении этнографии хантов и манси.

Еще хотелось бы отметить две его черты, которые мне очень запомнились. Первая - это большое уважение к исследователям-предшественникам. Необходимость такого отношения к ним и их наследию он всегда подчеркивал в работе с нами, его учениками. И мы стараемся следовать его путем. И второе - это глубокое уважение к народам, которые мы изучаем, и стремление поставить себя на их место для того, чтобы понять их культуру, их мировоззрение, их психологию. Вот это, мне кажется, особенно отличало его и позволяло в исследованиях максимально приблизиться к истине.

З.П. СОКОЛОВА

Россия, Москва

Институт этнологии и антропологии РАН

ЭТНОГРАФИЯ ОБСКИХ УГРОВ В ТРУДАХ В.Н. ЧЕРНЕЦОВА

Валерий Николаевич Чернецов - выдающийся угровед XX в. Он был широко образован и хорошо подготовлен к исследованиям по проблемам этнографии обских угров. Он обладал знаниями и методикой в области наиболее важных для подобных исследований наук - этнографии, лингвистики и археологии. Ему принадлежат классические труды по проблемам этногенеза обских угров и уральской семьи народов, их общественного развития, религиозных представлений и обрядов, культуры в целом.

В довоенное время исследователь занимался вопросами угорской этнографии, языкознания и фольклора. Тогда же (1937 г.) он заинтересовался археологией в связи с проблемами происхождения обских угров. В послевоенное время глубоко погрузился в археологические исследования, продолжая время от времени публиковать и этнографические работы (Чернецов, 1947а; 1947б; 1948; 1949; 1959; 1964а; 1964б; 1965). Тем не менее и в наиболее значительных его работах по археологии (Чернецов, 1953а; 1953б; 1953в; 1957; 1964б; 1970; 1971) мы встречаем множество этнографических данных, которые подтверждают его основные выводы, идеи и мысли в области истории и культуры манси и хантов. Пожалуй, он единственный из исследователей XX в., в трудах которого так основательно, органично и убедительно сочетаются археологические, этнографические и лингвистические источники. При этом данные археологии и этнографии взаимно дополняли друг друга и делали выводы В.Н. Чернецова чрезвычайно убедительными.

Важное значение имеют те разделы его археологических работ, где говорится об этногенетических процессах у обских угров, связях их предков как с аборигенными, так и с южными степными племенами, об иранских заимствованиях в угорских культурах. К числу аборигенных северных элементов он относит связи с восточными и северо-восточными культурами (землянки, таежный характер археологических культур I тыс. до н. э. - I тыс. н. э. (Чернецов, 1957, с. 239-245)), а из элементов южных культур - оружие скифо-сарматских форм, бронзовые котлы на поддонах, изображения барана, сюжеты так называемого «свернувшегося зверя» (на бляхах, зеркалах и др.). Он связывает происхождение обских угров с древними общностями трех языковых семей - палеоазиатской, уральской аборигенной и южной угорской.

Угорскую ветвь он привязывает к бытованию на широкой территории Западной Сибири этнонима *савыр-сипыр-супыр* и т. п., считая, что в начале I тыс. н. э. южная часть савыров подверглась влиянию ираноязычных групп (Чернецов, 1953в, с. 236-241). Эти сюжеты он продолжил и в своих последующих работах (Чернецов, 1964б; 1970; 1971).

Рассматриваемые этнографические материалы относятся также к проблемам формирования и развития территориально-племенных групп, фратрий, рода, семьи, строя военной демократии, т. е. социального развития обских угров в далеком прошлом (реконструкция) и в конце XIX - начале XX в. Так, В.Н. Чернецов пишет о расселении представителей родов по их фратриальной принадлежности, о дроблении родов и образовании «кровнородственных территориальных групп», фратриально-космогонической символике, олицетворяемой орлом и медведем, предках фратрий (Солнечной птице, медведе и лосе), учащении и усложненности военных столкновений в усть-полуйское время, возвышении роли военачальников, свидетельствующих о «сдвигах в общественном устройстве племен Северного Приобья», делает важный вывод о том, что «патриархальный род в окончательной форме так и не сложился вплоть до исторического времени», и о «сохранении многих пережитков матриархального характера при наличии патрилинейной филиации» (Чернецов, 1953б, с. 140; 1953в, с. 231, 233).

Писал он также о тотемных предках фратрий - медведе, лосе, зайце и гусе, относя гуся (а также орла) к фратрии *мось* южноугорских степных племен скотоводов и коневодов (Чернецов, 1953а, с. 21; 1957, с. 208), почитании родового предка обскими (карымскими) манси на священном месте (1957, с. 140). В работе 1971 г., изданной уже после его смерти, он возвращается к проблеме рода и специфике социальной организации обских угров, основу которой составляла дуальная система, в пределах которой существовала не родовая система, как он писал ранее (Чернецов, 1939; 1947б), а «территориальные общности, слагавшиеся из локальных групп, принадлежавших к одной из экзогамных половин». Этот вывод перекликается с его более ранним высказыванием о том, что патриархальный род у хантов и манси не сложился. Здесь же он пишет о семье, отмечая ее специфику - это расширенная семья (*кол тахыт* - «содержимое дома»), «домовый коллектив». Семьи были, по его мнению, «филиальными подразделениями более крупных генеалогических тотемных общностей, входивших в ту или иную экзогамную половину» (Чернецов, 1971, с. 75, 81).

Большое место в трудах В.Н. Чернецова по археологии занимают материалы, относящиеся к сфере религиозных и мифологических представлений, культов, обрядов манси и хантов, в том числе почитания медведя и медвежьего праздника. Рассматривались исследователем различные мифологические и фольклорные сюжеты - сопоставление рельефного и плоского литья с эпическими сказаниями, сказками и с рассказами *потыр* («бывальщина» - 1953б, с. 178), мифы о птице Гаруде и мировом дереве (Чернецов, 1957, с. 176). Он изучал тотемистические воззрения племен Приобья, в том числе солярно-космогонического характера (борьба Солнечной птицы, Небесного всадника с медведем или лосем), исследовал сюжет борьбы фратриальных и родовых духов-предков с духами Нижнего мира - водяными животными, проанализировал изделия плоского литья из древних святилищ, сопоставляя их с изображениями предков родов или тотемных групп (*шонгет, мохар*), писал о предках генеалогических групп, в том числе предке-лягушке генеалогической группы фратрии *мось - нарас-махум* (Чернецов, 1953а, с. 62, 70; 1953б, с. 138, 140; 1953в, с. 222-223, 235; 1964б, с. 28, 35; 1970, с. 28-29; 1971, с. 35-36, 38, 47, 80-81, 94).

Вот краткий и далеко не полный перечень историко-культурных и мифологических сюжетов, рассмотренных в работах В.Н. Чернецова:

- о почитании бобра (Чернецов, 1953б, с. 138);
- о почитании тетерева (Он же, 1964б, с. 24);
- о культе лося (Там же, с. 21);
- о родовых жертвенных местах (Чернецов, 1957, с. 140; 1971, с. 41);
- о почитании духа-кузнеца Чохрын-ойки (Он же, 1953в, с. 230-231);

- о погребальном обряде и изображениях умерших (Он же, 1964б, с. 35; 1971, с. 85, 87-94);
- о магии, ее рациональной и символической сущности (Он же, 1964б, с. 27, 29, 32; 1970, с. 21-25; 1971, с. 83-87, 94).

Крайне интересны его данные о периодических календарных обрядах обских угров, в частности о периодическом медвежьем празднике и связанном с ним фольклоре (птичьи песни, призывные песни) (Чернецов, 1953б, с. 138; 1964б, с. 22, 30-31; 1970, с. 19-20, 26; 1971, с. 83, 87-90, 92-93), об изображении медведя, том числе в «специфической позе» (1953б, с. 130, 132; 1953в, с. 227; 1964б, с. 22; 1970, с. 19).

В его работах приводятся новые сведения о расселении обских угров и их этнонимах (1953в, с. 238-239; 1964б, с. 21, 47; 1971, с. 20, 27, 41, 48, 55, 58, 75), об угорских тамгах (1964б, с. 21, 27; 1970, с. 18; 1971, с. 29, 72), об антропонимии ханты и манси (1964б, с. 22, 24, 47; 1971, с. 30, 54, 81), об обычае татуировки (1953в, с. 234; 1964б, с. 22, 24; 1971, с. 30), мужской прическе в виде кос (1953в, с. 235).

В.Н. Чернецов много занимался изучением искусства, в том числе музыки, пиктографии, рисунков и затесов на деревьях хантов и манси, особенно орнаментов, их происхождения и семантики (1953а, с. 69-70; 1957, с. 122, 146; 1964б, с. 22, 24, 27, 30, 32; 1971, с. 35-36, 38, 55-56, 79, 101, 110). Менее велик в его работах объем материалов по хозяйству и материальной культуре, но и то, что есть, представляет большой интерес для угроведов (1953в, с. 222; 1957, с. 142, 147, 157, 178-179, 196, 234-235, 239, 240-242; 1964б, с. 24, 26; 1971, с. 65, 72, 75-76, 85-86, 90, 108).

Все эти этнографические материалы органично вплетены В.Н. Чернецовым в общую картину развития традиционной культуры обских угров.

С.С. ТИХОНОВ

Россия, Омск

Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН

РАБОТЫ В.Н. ЧЕРНЕЦОВА В СРЕДНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ И СОСТОЯНИЕ ОТКРЫТЫХ ИМ ПАМЯТНИКОВ

История археологии «многослойна». На поверхности лежит история изучения памятника, базового для исследования какой-либо проблемы. Чаще всего она выглядит как перечисление археологов, работавших на объекте, и дат их раскопок. Такие сведения встречаются в статьях. Для анализа истории изучения проблемы или культурно-хронологического периода, или территории нужны более глубокие исследования. Такие разделы можно встретить в монографиях. Еще сложнее рассматривать деятельность ученого или научного учреждения, поскольку необходима длительная работа в архивах и библиотеках. Чаще всего это специальные монографии. Ну а работы по изучению общего состояния археологии мне кажутся наиболее трудными, и их число мизерно.

История археологии, ее отдельных сюжетов потрясающе интересна, и зачастую поражает неожиданным сюжетом. Назовем один из них условно «конкуренция памятников». Есть комплексы, ключевые для разработки многих проблем. К ним отнесем Еловку, Ростовку, Самусь IV, Сузгун, Кулайку, Пазырык, Аржан и т. д. Таких комплексов не слишком много. Есть памятники «рядовые», обычные, материалы которых дополняют, помогают развить, углубить понимание прошлого. Их тысячи. Наконец, есть комплексы, которые могли бы стать ключевыми; они широко известны, но их материалы либо недоступны, либо почти не опубликованы. К ним я бы отнес Омскую стоянку и городище Большой Лог, находящиеся в черте Омска.

В 1945 г. В.Н. Чернецов, приглашенный директором Омского краеведческого музея А.Ф. Палашенковым, начал археологические работы в Среднем Прииртышье. Можно только гадать, почему Андрей Федорович пригласил известного ученого. Археологов, работавших в Западной Сибири, было очень мало. П.А. Дмитриев и М.Н. Талицкий не вернулись с войны. Работавший в Томске А.П. Дульзон не мог покинуть город. Научные интересы К.Э. Гриневича лежали в другой сфере. Е.М. Пеняев был только начинающим исследователем. В.П. Левашова, в конце 1920-х гг. работавшая в Омском краеведческом музее, затем переехавшая в Минусинск, полевой археологией практически не занималась. Москвич С.В. Киселев более интересовался археологией Алтая. Ленинградцев А.Ф. Палашенков почему-то не пригласил. Но они без дела не сидели. М.П. Грязнов изучал древности Алтая и Верхнего Приобья. С.И. Руденко летом 1945 г. поехал на Чукотку. А.П. Окладников работал на р. Лене и планировал вести работы на северо-востоке Советского Союза. Выбор Андрея Федоровича пал на В.Н. Чернецова. Может быть, А.Ф. Палашенков познакомился с Валерием Николаевичем во время своих поездок в низовья Оби. Мною не найдена информация об этом. Удивительно, что В.Н. Чернецов принял приглашение А.Ф. Палашенкова и стал работать в районе, для себя необычном и по природно-географическим условиям, и по археологическому материалу.

В 1945 г. он обследовал небольшой участок террасы правого берега р. Иртыша в районе с. Екатерининское (по другому - Екатериновка) - с. Самсоново в Тарском районе Омской области. Надо полагать, что район разведки В.Н. Чернецов выбрал по совету А.Ф. Палашенкова, который уже длительное время собирал сведения о древностях Омской области и, очевидно, от своих корреспондентов знал о памятниках в этом районе. В 1968 г. А.Ф. Палашенков вывозил В.А. Могильникова на обследование памятников близ д. Вишневка в Нижнеомском районе Омской области. Второе немаловажное обстоятельство - к месту работ можно было относительно хорошо добраться. До г. Тары от г. Омска ходили пароходы, затем из Тары можно было добраться на Екатерининский паром (около 8 км от города), проехать по высокой коренной террасе до с. Самсоново, переправиться через р. Иртыш на пароме и, проехав 10-12 км, снова вернуться в Тару. В ходе разведки были зафиксированы памятники, важные для археологии (например, Екатерининская стоянка, городища близ Ананьина озера, у с. Сышиково и т. д.). Этот район, в котором находятся великолепные памятники: Мурлинское городище, пос. Красноозерка, Екатерининская стоянка, и еще около сотни памятников, - исследователя не заинтересовал.

В 1945, 1948, 1949 гг. В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская обследовали Омскую стоянку. В 1945 и 1948 гг. они и А.Ф. Палашенков работали на Ермаковой горе, где вскрыли два кургана. Памятники расположены друг от друга на небольшом расстоянии. Омская стоянка находилась на левом берегу Иртыша, там, где сейчас стоит санаторий-профилакторий «Восток». Ермакова гора - останец коренной террасы Иртыша, на нем располагается мемориальный парк, посвященный 30-летию Победы. В 1949 г. В.Н. Чернецов и его жена Ванда Иосифовна раскопали 100 кв. м на городище Большой Лог. Результаты работ были изложены в двух небольших публикациях (Чернецов, 1947г; Чернецов, Мошинская, 1951).

Омская стоянка, культурный слой которой содержал материалы многих эпох (возможно, палеолит, мезолит, неолит, бронзовый, ранний железный века и средневековье), могла бы быть базовым памятником для изучения древностей южной части Среднего Прииртышья, но не стала, несмотря на то, что на ней или с ее материалами работали многие исследователи. Стоянку нашел С.А. Ковлер в 1918 г. В 1923 г. сборы на ней провел П.Л. Драверт. В 1927 г. с коллекцией Омской стоянки познакомился Н.К. Ауэрбах. В этом же году Е.И. Липеровская провела на памятнике небольшие раскопки. В 1955 г. на материалы стоянки обратила внимание Н.Л. Членова. В 1957 г. после постройки моста через р. Иртыш стоянку посчитали разрушенной. В 1960-х гг. материалы памятника изучал В.И. Матющенко, в конце 1970-х гг. - А.И. Петров. В 1988 г. при строительстве профилактория Б.В. Мельников, осматривая котлован здания, обратил внимание на сохранившийся культурный слой, а Б.А. Конилов по хоздоговору провел археологические

раскопки. Публикации материалов памятника носят предварительный характер (Конилов, 1992; 1996; 1998; Матющенко, 1966; Палашенков, 1956, с. 6-7; 1960, с. 4-6; Чернецов, 1947, с. 79-81).

На городище Большой Лог найдены материалы ранней и поздней бронзы, переходного времени от бронзы к железу, раннего железного века, раннего и позднего средневековья. Памятник нашел школьник Игорь Калугин в мае 1937 г. В 1949 г. городище изучали В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская. В 1965 г. экспедиция УрГУ с В.Ф. Генингом во главе раскопала здесь 1625 кв. м. Интересно, что отряд в 120 человек, руководимый непосредственно Р.Д. Голдиной, жил на берегу р. Оми, а В.Ф. Генинг каждый день приезжал на раскоп из города (Голдина, 2002, с. 33-34). В 1989-1993 гг. по договору с Управлением культуры Администрации Омской области на памятнике вели работы археологи Омского государственного педагогического университета Н.А. Мальцева, И.В. Морев и Б.А. Конилов, роль которого была ведущей. Городище тоже могло стать базовым, но не стало, хотя В.Ф. Генинг выделял особый тип керамики и особый тип памятников - большеложский. Правда, памятник такого типа известен только один. Материалы раскопок кратко опубликованы (Алябина, Конилов, 1995а; 1995б; Генинг, Голдина, 1967; Генинг, Гусенцова и др., 1970; Конилов, 1999; Конилов, Мельников, Тихонов, 1991; Конилов, Морев, Скандаков, 1992; Палашенков, 1956, с. 7-9; 1960, с. 13-15; Чернецов, Мошинская, 1951).

В каком состоянии находятся памятники, на которых когда-то работал В.Н. Чернецов?

Екатерининская стоянка, считавшаяся разрушенной после строительства нефтебазы, была раскопана А.И. Петровым. Материалы исследований вошли в его диссертацию и частично опубликованы. Полевые материалы и коллекции хранятся в Музее археологии и этнографии ОмГУ. Городища на террасе сохранились хорошо.

На Омской стоянке раскопки вести невозможно, так как на ее площади находится здание профилактория и левобережный участок моста. Не исключено, что культурный слой местами сохранился. По устному сообщению А.И. Петрова, в 1970-1980 гг. по берегу р. Иртыша и на островах ниже стоянки находили каменные изделия и керамику. Материалы находятся в Омском государственном историко-краеведческом музее.

Ермакова гора сейчас застроена. В ее северной части находится мемориальный сквер, в центральной - профилактории. Где находился андроновский комплекс, сейчас определить невозможно, так как в 1957 г. левый берег Иртыша стал территорией Омска, и в результате строительных работ произошли значительные изменения дневной поверхности. Киргизские могильники в южной части Ермаковой горы, скорее всего, уничтожены. Во всяком случае, их внешние следы не видны. Весной 2004 г. я и А.В. Матвеев осматривали левый берег Иртыша и около лодочной станции нашли насыпь, напоминающую курган. Может быть, это один из курганов четырех киргизских кладбищ, известных В.Н. Чернецову.

Большая часть городища Большой Лог раскопана. Поверхность памятника свободна от застройки. В юго-западной части памятника, на дороге, ведущей в пойму, начинает формироваться овраг. Материалы раскопок хранятся в УрГУ, Омском областном историко-краеведческом музее, Омском педагогическом университете.

Ю.В. ТРОФИМОВ

Россия, Омск

Омский гуманитарный институт

Омский государственный историко-краеведческий музей

В.Н. ЧЕРНЕЦОВ И ИССЛЕДОВАНИЕ КОНТАКТОВ ДРЕВНИХ СООБЩЕСТВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Контакты разных форм с древности являлись неотъемлемой частью жизни общества. Однако методика их исследований несовершенна. Археологи не всегда ставят на первое место изучение

контактов и взаимодействий, занимаясь вопросами культурной атрибуции материалов, их классификацией, периодизацией, датировкой и т. д. Кроме того, критерии для выделения определенных видов взаимодействий в древности не всегда четко обозначены.

В.Н. Чернецов, занимаясь проблемами этногенеза обских угров и самодийцев, очень много внимания уделял изучению их контактов. Его исследования интересны именно как образец комплексного исследования, включающего археологические, этнографические, лингвистические, фольклорные материалы, данные по мифологии. При этом он создавал картину контактов в древности, которые представляли не просто «связи» или «аналогии» между разными областями, культурами. Картина была насыщена конкретным содержанием, были выявлены механизмы, условия и результаты взаимодействий разных сообществ.

В данной статье рассматриваются два момента: 1) становление взглядов В.Н. Чернецова на происхождение обских угров как процесс взаимодействия разных обществ; 2) подходы к интерпретации контактов на археологическом материале, применявшиеся В.Н. Чернецовым.

Уже к концу 1930-х гг. В.Н. Чернецов наметил основную канву событий древней истории Севера Западной Сибири (1941). Центральным моментом в этногенезе обских угров выступает переселение скотоводов-кочевников угров из южных степей на север Западной Сибири во II в. до н. э. - V в. н. э. и связанные с этим процессы взаимодействия пришлого и местного населения. Механизм этого взаимодействия у него выглядит следующим образом: «Пришельцы, югры по языку, во время своего пребывания в степи первоначально входили в состав скифо-сарматского мира; двигаясь на север, они утратили коневодство, восприняли материальный быт охотников и рыболовов. В то же время югры оказали очень глубокое влияние на технику, общественный строй, идеологию и особенно на язык местных племен, который сменился в основном югорским. Лишь в фольклоре, изобразительном искусстве и обрядах сохранилось отражение их бывшего знакомства с лошастью» (Чернецов, 1941, с. 24).

Попытаемся восстановить ход рассуждений исследователя, приведших к возникновению теории о южных пришельцах в Нижнем Приобье. К 1935 г. В.Н. Чернецов исследовал несколько археологических объектов на севере Ямала и пришел к выводу, что там «в течение длительного периода времени бытовала культура, существенно отличавшаяся от культуры современных насельников полуострова, ненцев-оленоводов. Культура эта базировалась, главным образом, на промысле морского зверя...» (1935, с. 124). На основе записей путешественников, этнографических наблюдений, фольклора ненцев В.Н. Чернецов восстановил некоторые подробности их продвижения. На севере Ямала оно происходило около XVII в.

К 1935 г. В.Н. Чернецов исследовал и археологические памятники Сартынья, Честый-яг и др. на Северной Сосьве и Конде, которые были оставлены охотниками и рыболовами поздненеолитического облика. Отдельные археологические находки на территории таежного Приобья говорили о параллелях со степными культурами раннего железного века. По языку современное население, обские угры, оказывались близки венграм, древним скотоводам; в фольклоре, верованиях и терминах языка хантов и манси сохранились следы знакомства с лошастью. Подобные же данные приводились и в работах венгерского автора Б. Мункачи, что заставляло говорить о тесных связях древнего приобского населения с югом. Но не наблюдалось прямых этнографических свидетельств о конкретных обстоятельствах появления новых элементов в культуре.

Подобные связи и параллели В.Н. Чернецов стал интерпретировать именно как миграции с последующей ассимиляцией местного населения пришлым (1935, с. 132), вероятно, по аналогии с процессом смены культуры на севере Ямала. В дальнейшем, после раскопок В.С. Адрианова 1935-1936 гг. на Усть-Полуе, для В.Н. Чернецова обнаруженные параллели в художественных образах и наличие изделий, близких степным формам, становятся ярким археологическим подтверждением глубинных этногенетических связей со степными культурами. Уточняется и хронология событий. Подчеркнем, что сами по себе археологические материалы не явились исходной точкой в теории о пришельцах, начальные положения появились уже к первой половине 1930-х гг.

В 1940-1950-х гг. В.Н. Чернецов развивал намеченные ранее построения (Чернецов, Мошинская, Талицкая, 1953). Он рассматривал связи населения Приобья в очень широком хронологическом диапазоне - с середины I тыс. до н. э. до XVI в. н. э., чему была посвящена специальная работа о восточном серебре (1947а).

По нашему мнению, в этой работе намечен один из перспективных подходов к интерпретации контактов на археологическом материале - определение маркеров разных видов связей древних обществ. В.Н. Чернецов рассматривал инокультурные черты (термин «маркер» он, конечно, не употреблял) в культуре таежного населения Приобья, причем как в древней, археологической культуре, так и в современной, этнографической, которая является продолжением древней. Показатели южного влияния заключаются в следующем: 1) образ птицы - Карса, 2) образ лошади, всадника, термины коневодства, 3) серебряная посуда. Была осуществлена привязка этнографических инокультурных элементов (с применением материалов языка, фольклора, обрядов) с более древними материальными остатками, по выражению самого В.Н. Чернецова, «оживление» последних:

- в угорском фольклоре образ огромной небесной птицы Карса, связанный с южными краями, с деревом. В археологическом материале усть-полуйского времени образ такой птицы представлен гравировками на бронзовых зеркалах;

- почитание небесного всадника (Мир-сусне-хум), воспоминания о прежнем коневодстве в языке и фольклоре у обских угров соответствуют изображениям лошади и всадника на бляхах Истяцкого клада, глиняным фигуркам лошадей с седлами с Потчеваша;

- привозная металлическая (медная, оловянная, серебряная) посуда использовалась в качестве культовой в обрядах различных угорских божеств, в том числе и Мир-сусне-хума, а также в качестве самостоятельных идолов. Огромное количество серебряных блюд, блях, фаларов, найденных на старых культовых местах Урала и Приобья, показывают древность этих обрядов.

Два первых явления подтверждали, по мнению В.Н. Чернецова, глубинный, этнический характер контактов населения Приобья с более южными районами, потому что соответствовали элементам духовной культуры древнего населения определённого времени (переселение угров из степи в усть-полуйское время). Нахождение завозных серебряных предметов самых разных эпох говорит об устоявшихся постоянных торговых связях, чему способствовали южные элементы в уже сложившейся культуре обских угров.

Такой подход, связанный с «оживлением» археологических свидетельств о контактах с помощью этнографии, характерен для В.Н. Чернецова как уникального исследователя, сочетавшего глубокие этнографические, лингвистические, археологические знания. Кроме того, именно благодаря большой консервативности культуры обских угров создалась возможность увязки данных археологии и этнографии. В последнее время среди теоретических работ развитие этого подхода заметно по исследованию Г.Е. Арешяна (1989). Он попытался соотнести модели контактов из этнографической реальности с археологическим материалом, в котором находит маркёры для идентификации с этнографическими моделями.

Еще одним перспективным направлением в изучении древних контактов является разработка вопроса о пограничных, контактных зонах между археологическими культурами.

В.Н. Чернецов дал теоретическое обоснование исследований взаимоотношений древних групп населения на пограничных территориях, он предположил существование гибридных локальных вариантов культур, которые вбирают в себя элементы нескольких соседних (1969, с. 114; 1973, с. 12). Эта мысль находится в контексте его общих разработок по выделению этнокультурных ареалов на археологическом материале. С 1970-х гг. подобные представления, основанные на характеристике контактных зон, взаимопроникновения ареалов археологических культур, используют в работах по Западной Сибири: В.А. Могильников по Верхнему Приобью и Среднему Прииртышью, Н.В. Полосьмак - по Барабе, Т.Н. Троицкая, В.И. Молодин - для

Новосибирского Приобья бронзового, раннего железного веков; Л.Н. Членова - севера Минусинской котловины бронзового века; В.В. Бобров - для Ачинско-Мариинской лесостепи раннего железного века (Трофимов, 2004, с. 14-15).

Использование данных идей в исследованиях было не в последнюю очередь обусловлено увеличением количества археологических культур, плотностью их размещения по мере развития археологических исследований. Соответственно, росло число параллелей, аналогий, возможных связей между культурами.

По этой линии развития представлений о взаимодействиях древнего населения закономерным представляется то, что в 1990-х гг. А.А. Тишкин, используя идеи В.Н. Чернецова, стал говорить о существовании так называемых «контактных археологических культур», которые вбирают в себя элементы сразу нескольких соседних (Тишкин, 1996).

Н.В. ФЕДОРОВА

Россия, Салехард

Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского

АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПОСЛЕ В.Н. ЧЕРНЕЦОВА. ЭПОХА ЖЕЛЕЗА

Прошло полвека после выхода в свет основных работ В.Н. Чернецова и В.И. Мошинской по археологии севера Западной Сибири. Эти публикации положили начало «эре Чернецова» в археологии Приобья, которая не закончилась до сих пор, несмотря на огромный количественный и качественный прирост источников, появление различных возможностей абсолютного датирования, несмотря на то, наконец, что культурно-хронологическая схема развития западносибирских древностей (классификация), предложенная В.Н. Чернецовым, давно подвергается уточнениям, в том числе и значительным.

Эта самая схема, впрочем, была для Валерия Николаевича лишь способом упорядочения материала, подготовки базы решения основной задачи, которую он предельно точно сформулировал во введении к «Древней истории Нижнего Приобья»: «воссоздание истории народностей, населявших Приобье, и, в частности, этногенеза обских угров» (Чернецов, 1953, с. 9). Уточню: главным образом этногенеза обских угров.

Археология севера Западной Сибири «после В.Н. Чернецова» решает те же задачи, т.е. воссоздает по мере возможности этническую историю народов Западной Сибири. В период с конца 60-х до начала 90-х диапазон мнений на эту тему колебался от общих утверждений обско-угорского или самодийского происхождения археологических культур до более конкретных определений типа «древние ханты» или «древние манси» (иногда с вариациями - протоханты, протоманси). Любая из точек зрения при этом нуждалась в допущении миграций как основного механизма формирования культур региона. Надо отметить, что центр исследовательских интересов довольно резко сместился к югу, в Среднее Приобье - Прииртышье, поэтому создалось то странное положение с «протоненецкими» или «древнененецкими» культурами - по выражению А.В. Головнева: «Самый крупный из коренных народов Российской Арктики остался без археологии» (Головнев, 2004, с. 32).

Происхождение современных коренных народов западносибирского севера, их этногенез и сейчас - «вопрос номер один» для североведов археологов и этнографов. На втором месте - время и место формирования традиционных способов хозяйства и традиционной культуры. При этом подразумевается, что Крайний Север, в частности весь полуостров Ямал, был заселен очень рано, не позже мезолита, соответственно, проблема состоит в том, чтобы «этнически» атрибутировать его население в различные периоды. Решение этой проблемы становится не

проще, а сложнее с накоплением материала и уходом из жизни различных гипотез типа «древнего палеоазиатского населения циркумполярной зоны Евразии» или «миграции оленеводов-самодийцев из Саяно-Алтая». И даже волевое распределение «культур по ненцам», вроде бы вполне логично предпринятое А.В. Головневом, который предложил соотнести бичевническую культуру с европейскими ненцами, нижеобскую - с нижеобскими, а вожпайскую - с лесными ненцами и энцами (Головнев, 2004, с. 32), оставляет пресловутых «досамодийских» сихиртя в роли всего только «реальных обитателей тундры в эпоху, предшествующую развитию крупностадного ненецкого оленеводства» (Там же, с. 33), при полной их этнической неопределенности.

Работы, проведенные Ямальской археологической экспедицией на севере Западной Сибири, в частности на полуострове Ямал, в последнее десятилетие позволяют, мне кажется, сформировать новый взгляд на некоторые процессы, происходящие в регионе в эпоху железа - так получилось, что наш коллектив все эти годы работал буквально «по следам Чернецова», изучая те самые памятники, которые в свое время исследовали В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская (библиографию наших работ см. на сайте: www.yamalarchaeology.ru).

Заселение Крайнего Севера связано непосредственно со становлением оленеводства - постепенным процессом, который мы можем теперь проследить на протяжении полутора тысяч лет: полученные в результате раскопок факты, в том числе на городище (жертвенном месте) Усть-Полуй, свидетельствуют о том, что оленеводство на севере Западной Сибири, во всяком случае в его транспортном (санном) варианте, сложилось уже в последние века до н. э., а специфический для кочевого северосамодийского (ненецкого) оленеводства набор признаков оформился к началу XII в. С окончательным сложением симбиоза «человек-олень» многие изменения в материальной культуре, остатками которой мы оперируем в своих построениях, становятся на самом деле отражением новых жизненных реалий, и далеко не всегда в их основе заложен этнический смысл.

Примером такой реакции на жизненные новации можно считать судьбу художественной резьбы по кости, прослеженную от анималистической скульптуры Усть-Полуя до творений мастеров современной Ямальской косторезной школы. Этот вид искусства всегда считался одним из наиболее древних у населения севера Западной Сибири. В.И. Мошинская совершенно справедливо пишет о том, что в «усть-полуйской скульптуре продолжала жить очень древняя традиция» (Мошинская, 1976, с. 91). Та же художественная традиция, но уже в бронзе, доживает до XII в., а потом исчезает, вытесняясь привозными ремесленными вещами. Почти тысячу лет местное население вполне довольствуется ими, реализуя собственные художественные потребности в изготовлении резных пластин из кости на ремни поясов и украшая простейшим орнаментом олени налобники и рукояти ножей. Во второй половине XX в. оленеводов переводят на оседлость, появляется постоянное население в городах и поселках - оно в каком-то смысле возвращается к оседлости доленеводческого и раннеолeneводческого населения Нижнего Приобья, и «вдруг», «внезапно» традиционная анималистическая скульптура с явным древним мифологическим окрасом возрождается в работах современных ямальских косторезов.

Сходная судьба постигла и женское орнаментальное искусство - богатые меховые мозаики, которыми украшают свою одежду и обувь северные ханты, не характерны для их соседей - ненцев. Является ли причиной этого этническая специфика? Нет, скорее всего, опять же кочевой образ жизни и условия окружающей среды. Вероятно, в «оседлые времена» и на более южной территории, с которой начиналось освоение тундры, самодийская культура была так же орнаментально насыщена, как и уторская.

Этногенез народов севера Западной Сибири, отраженный в материалах фольклорных и письменных источников, выглядит не как наложение крупных миграционных потоков на автохтонное население или вытеснение первыми последнего (миграции самодийцев из алтайского очага, угров-коневонов с юга Сибири и т. д.). Складывалась непрерывная цепь каких-

то перемещений угорских и самодийских коллективов, конфликтов, смешения путем браков или наложения пришлой группы на местную основу, которая стала таковой недавно и путем уничтожения обитателей какой-нибудь местности при военных набегах, реванша со стороны родственников уничтоженных, и так далее. «Порой может показаться, что средневековое Северное Приобье представляет собой театр непрерывных военных действий» (Перевалова, 2002, с. 36). Археологические источники рисуют нам такую же сложную, мозаичную картину, как и фольклор. Даже погребальные памятники XIX в. в низовьях Оби, которые, казалось бы, должны быть однозначно и определенно «этничны», О.А. Мурашко и Н.А.Кренке считают возможным интерпретировать лишь в общем «как позднеколониальный вариант культуры коренных народов Обдорского Севера», без уточнения остяцкой или самоедской их принадлежности (Мурашко, Кренке, 2001, с. 78).

Иными словами, время диктует возвращение к тому, что было наиболее привлекательным в работах В.Н. Чернецова - этнографической наполненности археологических изысканий. На новом витке спирали это называется интеграцией археологических и этнографических исследований, или этноархеологией. Я думаю, что Валерий Николаевич приветствовал бы это направление в западносибирском североведении.

Ю.П. ЧЕМЯКИН

Россия, Екатеринбург

Уральский государственный университет

КУЛАЙСКИЙ ЭТАП РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ТАЕЖНОГО ОБЬ-ИРТЫШЬЯ: ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ранний железный век в западносибирской тайге ассоциируется в первую очередь с кулайской культурой. Однако связать её с древностями эпохи поздней бронзы напрямую еще не удалось. И это не удивительно — на наш взгляд, между этими двумя явлениями лежит этап перестройки, трансформации таёжных обществ на переходе от эпохи бронзы к эпохе железа. Именно поэтому было предложено разделить ранний железный век региона на два этапа: белоярско-васюганский, охватывающий период трансформации культур (VIII-VII - IV вв. до н. э.), и кулайский (IV-III вв. до н. э. - III-IV вв. н. э.) (Чемякин, 1993).

Собственно кулайская культура формируется одновременно в нескольких центрах и постепенно распространяется почти по всей лесной зоне Западной Сибири. В Сургутском Приобье в ее основе лежат белоярская и калинкинская культуры. Одной из особенностей сургутского варианта является широкое применение для украшения сосудов штампов в виде «птички» (состоящих из четырёх колен) (Чемякин, Карачаров, 2002, с. 40-44). В Нарымском Приобье кулайскими, по нашему мнению, следует считать памятники с керамикой 5-й и последующих групп. Нарымский вариант кулайской культуры генетически восходит к васюганским древностям. Эволюция керамики от 2 к 6-й группе и далее, выявленная Л.А. Чиндиной на этой территории, нам представляется правильной (Чиндина, 1984, с. 76-94, 103-106), однако древности с посудой 2-4-й групп следует считать докулайскими.

В Томском, Новосибирском и Барнаульском Приобье, как это убедительно показано Л.М. Плетневой (1973, с. 198; 1977, с. 91), Т.Н. Троицкой (1979) и другими исследователями, кулайские памятники не имеют местных корней и возникли в результате миграции (по-видимому, несколькими разновременными волнами) северных кулайских племен. В Томском Приобье они появились, скорее всего, в III в. до н. э. (Плетнева, 1978, с. 58). В Новосибирском Приобье

Т.Н. Троицкая отмечает две миграционные волны. Первая из них, охватившая Томское и Новосибирское Приобье, датируется III-II вв. до н. э., вторая - первыми веками нашей эры (Троицкая, 1979, с. 62-63). Троицкой выделены 3 этапа развития новосибирского варианта кулайской культуры: каменномысский (конец III-II вв. до н. э.), ордынский (I в. до н. э.-I в. н. э.) и фоминский (конец I-III вв. н. э.) (1979, с. 48-50). По мнению Ю.В. Ширина, фоминские памятники, датированные им рубежом II-III - IV вв., принадлежат «не к этапу, а к самостоятельной культуре Верхнего Приобья и предгорий Кузнецкого Алатау. В ее сложении участвовали не только потомки того населения Приобья, которое сформировалось в результате взаимодействия степных и подтаёжных этнических групп в конце I тыс. до н. э., но и новые этнические группы... которые пока могут быть только обозначены» (2003, с. 158). Пока не ясно взаимоотношение богочановской и кулайской культур в Среднем Прииртышье, но в целом первая относится к белоярско-васюганскому (докулайскому) этапу раннего железного века таёжного Обь-Иртышья. Кулайские древности в этом регионе были отнесены В.Н. Чернецовым к среднеиртышской культуре, синхронизированной им с усть-полуйской (1953б, с. 224; Чернецов, Мошинская, 1951). При этом исследователь заметил, что «керамика среднего слоя городища (Большой Лог. - Ю.Ч.) по форме сосудов и по их орнаментации чрезвычайно близка к потчевашской» (Чернецов, 1953б, с. 224). Тем не менее Чернецов и Мошинская различали эти культуры, предполагая генезис потчевашских древностей от зеленогорских и датируя первые V в. до н. э. - I в. н. э., а вторые - началом раннего железного века (Чернецов, 1953, с. 63-71; 1953б, с. 241; Мошинская, 1953, с. 216). Сегодня очевидно, что и в интерпретации памятников, и в их датировке учеными были допущены серьезные ошибки, сказавшиеся на их дальнейших построениях. Точку зрения о существовании среднеиртышской культуры, «дочерней от кулайской» и датированной II-I вв. до н. э. - II-III в. н. э., продолжал отстаивать В.А. Могильников (1970, с. 181-185). Он полагал, что племена, создавшие среднеиртышскую культуру, скорее всего, пришли с «территории Среднего Приобья, связанного со Средним Прииртышьем бассейнами рек Оми и Тары... Под давлением с юго-востока часть местного... древнесамодийского населения была вынуждена отойти из Приобья на запад, где осела на правых притоках Иртыша - Оми, Таре и оставила памятники среднеиртышской культуры». Некоторое своеобразие последних по сравнению со среднеобскими Могильников объяснял возможным включением в них элементов культуры «смешанных угро-самоедских и угорских племен Обь-Иртышского междуречья, в культурном отношении близких племенам Нижнего Приобья, отсюда попадает к среднеиртышским племенам орнамент в виде трёхчленного штампа, распространённый в Нижнем Приобье и Обь-Иртышском междуречье, но нехарактерный для Среднего Приобья». Тогда же он отмечал несущественную роль мигрантов в дальнейшей этнической истории Прииртышья и прямо писал, что «они не явились той основой, на которой сложилась в лесостепи культура третьей четверти I тыс. н. э.» (Там же, с. 184, 185). Несколько позже он изменил свои взгляды, высказав мнение, что на васюганском этапе проникновение «кулайцев» в Среднее Прииртышье было незначительным, связанным с соседскими, торгово-обменными, возможно, брачными контактами. На саровском же этапе здесь формируется среднеиртышская культура, начало которой вряд ли «древнее I в. до н. э., а в основном идет на первую половину I тыс. н. э. ... Однако большую часть керамики саровского типа в Прииртышье, вероятно, надо относить к III-V вв. н. э.» (Могильников, 1978, с. 90). «Наиболее вероятная дата памятников среднеиртышской культуры на Оми с материалами типа городищ Сперановка, Большой Лог, Сопка и др. - III-V вв.» Изменив первоначальное мнение на прямо противоположное, он полагал, что среднеиртышская культура «составной частью вошла в потчевашскую культуру» (Могильников, 1986, с. 28; 1990, с. 11). Новосибирские археологи, вслед за уральскими (Генинг и др., 1970, с. 216-218), рассматривают эти памятники в рамках сперановского этапа потчевашской культуры, но датируют их II-I вв. до н. э. - V-VI вв. н. э. (Елагин, Молодин, 1991, с. 102-103). Однако сегодня взгляд уральских археологов на эти древности изменился: по нашему

мнению, кулайские (= среднеиртышские, или сперановские) памятники в этом регионе появились, видимо, на рубеже эр, а к концу III в. исчезли. Памятники Омского Прииртышья и северной Барабы конца VI-IX вв. явились не результатом их генезиса непосредственно из кулайских древностей, а следствием более поздней миграции, расширения ареала объ-иртышской общности на её зеленогорском и кучиминском этапах (Зыков, Федорова, 2001, с. 21, 22).

Открытие ранних и поздних кулайских поселений в бассейне р. Конды, материалы новых раскопок на Усть-Полуйском городище и других памятниках Нижнего Приобья позволяют ставить вопрос о местном происхождении кулайской культуры в этих районах. Среди ранних памятников бассейна р. Конды отметим поселения Новый Катмыш IVa и IVб (раскопки Н.К. Стефановой и С.Г. Пархимовича (Стефанова, 1980; Чемякин, 1994, с. 294)). Более поздними являются поселение Ахтымья I (раскопки А.Е. Цеменкова, 2004 г.) и городище Старый Катмыш, на котором есть керамика, близкая ярсалинской (Расторопов, 1985, с. 238). Видимо, в кулайскую общность следует включить и синдейские памятники Северного Зауралья, сложившиеся, по мнению В.Д. Викторовой, из трех компонентов, в том числе местного вагильского (1970, с. 260, 261; 2000, с. 489). Их сменяют памятники туманского типа, керамика которых по форме разделена на 4 группы. Одна из групп по форме сосудов и их орнаментации (штампам и их сочетанию) «генетически восходит к синдейской и даже более ранним традициям» (Викторова, 1999, с. 136). В.Д. Викторова допускает участие в сложении данного типа пришлого населения, по-видимому, из более северных районов (бассейна рек Конды и Северной Сосьвы? - Ю.Ч.) (1970, с. 263; 1999, с. 137-138). Сравнение туманской керамики с ярсалинской показывает практически их тождественность, что вызывает вопрос об обоснованности выделения первой в особый тип (ср.: Чернецов, 1957, табл. I, II, IV-VI и Викторова, 1999, рис. 7, 8). Синдейские комплексы, по нашему представлению, относятся к раннему — началу позднего (саровского, по Л.А. Чиндиной) этапам кулайской КИО. Однако датирующих вещей в них пока не найдено. Туманские (= ярсалинские) комплексы представляют более поздний этап развития кулайской КИО на данной территории и датируются первыми веками н. э.

Что касается усть-полуйской культуры в Нижнем Приобье, выделенной в 1940-х гг. В.Н. Чернецовым и исследовавшейся им совместно с В.И. Мошинской (Чернецов, 1941; 1946; 1953; 1953б; Мошинская, 1953а; 1953б; 1965), то она вызвала непрекращающуюся до сих пор дискуссию. В.Н. Чернецов выделил в ней два компонента: арктический охотничье-рыболовческий и степной, связанный с появлением в северо-западной Сибири нового этнического элемента. В.И. Мошинская типологически разделила керамику Усть-Полуйского городища на три группы, отражавшие, по ее мнению, различные фазы сложения и развития культуры (1953а, с. 107-113). Однако некоторые исследователи считают, что городище многослойно, а представленная на нем посуда не только разновременна, но и разнокультурна. Впоследствии с этим согласилась и В.И. Мошинская, отметившая более поздний возраст керамики 3-й группы и связавшая ее со среднеобским населением, посещавшим «это крупное святилище на Ангальском мысу» (1978, с. 70). А.М. Мурыгин, вслед за В.И. Канивцом и Г.М. Буровым, сравнивает 1-ю группу усть-полуйской керамики с бичевницкой, датированной не ранее середины I тыс. н. э. (Мурыгин, 1985, с. 89-91). Своеобразна точка зрения Л.А. Чиндиной. Она, также допуская средневековый возраст посуды 1-й группы, считает усть-полуйскую культуру (или усть-полуйский вариант кулайской общности) результатом миграции среднеобского кулайского населения, в том числе и населения южного происхождения, унаследовавшего кулайские традиции, на территорию Нижнего Приобья (Чиндина, 1982, с. 16-18; 1985, с. 41; 1989, с. 131). Таким образом, меняется интерпретация усть-полуйской культуры, в свое время противопоставленной В.Н. Чернецовым кулайской.

Новый взгляд на усть-полуйскую культуру сложился у московских археологов. В.А. Могильников резко расширил ее территорию, включив в неё в качестве локальных вариантов белоярские памятники Сургутского Приобья и синдейские - лесного Зауралья (памятники,

относящиеся к разным хронологическим этапам! - Ю.Ч.). Кулайская миграция во II-I вв. до н. э., по его мнению, была сравнительно небольшой, и уже на ярсалинском этапе I-II вв. н. э. четко выступает своеобразие местного этнокультурного компонента. Он считал маловероятной миграцию на север населения из Верхнего Прииртышья (1990, с. 10-12). М.Ф. Косарев пишет о близости и родственности усть-полуйской и кулайской культур. На карте «Западная Сибирь в начале эпохи железа (середина I тыс. до н. э.)» им обозначена огромная усть-полуйская общность, включающая и белоярскую группу памятников (1991, с. 25, карта 5). Он предлагает расширить не только территориальные границы культуры, выделяя кондинский и юго-западный (синдейский) варианты, но и хронологические. М.Ф. Косарев различает три этапа в развитии культуры - усть-полуйский (около III в. до н. э. - I в. н. э.), ярсалинский (II-III вв. н. э.) и карымский (IV-V вв. н. э.) (1991, с. 25; 1993, с. 168-173). К сожалению, оба исследователя не дают характеристику усть-полуйской общности и не обосновывают включение в ее состав белоярских, синдейских и других древностей.

Материалы, полученные уральскими археологами при раскопках в Нижнем Приобье, в том числе и на Усть-Полуйском городище (Малоземова, Морозов, 1996; Усть-Полуй, 2003), позволяют иначе взглянуть на проблему. С одной стороны, как уже отмечалось, на памятнике присутствует средневековый комплекс, соотносимый с керамикой типа бичевник (1-я группа, по В.И. Мошинской, 1953а). Во 2-й группе (по В.И. Мошинской) нами была выделена более ранняя керамика, названная перегребнинской. В.М. Морозовым обнаружены и исследованы поселения, содержащие практически чистые комплексы с такой керамикой (Морозов, 1996). С другой стороны, богатый инвентарь Усть-Полуя в основном связан с кулайской культурой. Кулайская керамика этого городища, основание которого относят к середине I в. до н. э. (Зыков, Федорова, 2001, с. 126), сопоставима с саровской, то есть с поздней керамикой. Есть в коллекции и сосуды, сравнимые с синдейским типом. Кроме того, там вычленены немногочисленные комплексы более поздней - ярсалинской посуды. Возникают вопросы: насколько одновременны перечисленные типы керамики на данном памятнике и, если они разновременны, с какой керамикой связана полученная дата?

Таким образом, можно констатировать, что сегодня проблемы кулайской общности решаются неоднозначно. Однако, исходя из огромного накопленного материала, наиболее перспективными кажутся взгляды на автохтонное формирование кулайских культур (= локальных вариантов) на большей части территории таежного Приобья, там, где в эпоху бронзы были распространены культуры общности гребенчато-ямочной керамики. Миграции кулайского населения были направлены преимущественно на юг, в Верхнее Приобье и Омское Прииртышье.

**МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ
РЕКОНСТРУКЦИЙ**

Г.А. АКСЯНОВА

Россия, Москва

Институт этнологии и антропологии РАН

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЗУБНЫХ НАХОДОК КУЛАЙСКОГО ВРЕМЕНИ НА АЛДЫГАНЕ

В 1997-1998 гг. во время археологических раскопок могильника Алдыган, расположенного в Чаинском районе Томской области (руководитель раскопок Я.А. Яковлев), в слоях раннего этапа кулайской культуры раннего железного века (РЖВ) археологом А.И. Бобровой извлечены зубные фрагменты, которые, безусловно, принадлежат человеку современного вида. В 26 погребениях идентифицировано 28 индивидов разного пола и возраста. Все остатки зубных коронок представлены очень хрупким эмалевым чехлом. По инициативе А.И. Бобровой мною проведено профессиональное антропологическое описание этих уникальных материалов с привлечением к межгрупповому сравнению данных по сериям обских угров, южных селькупов, кетов, населению окуневской, карасукской и тагарской культур (Аксянова и др., 2004; Яковлев, 2001; Яковлев, Боброва, 1995). В силу крайней малочисленности материалов из Алдыгана и некоторых других коллекций заключения возможны лишь в самой общей, вероятностной форме. Здесь я привожу основные выводы внутри- и межгруппового анализа.

1. Демографические показатели изученных антропологических остатков характеризуют выборку как популяцию со следующими свойствами: равное представительство полов (по 50%); возраст захороненного населения примерно от 2 до 60 (не более) лет; соотношение долей детского (примерно до 14 лет) и старческого (примерно от 50 лет) возраста - 9:1, а именно 37 и 4%; средняя продолжительность жизни в данной популяции - 23,5 лет (с учетом детей, но без младенческой смертности); средняя продолжительность жизни мужчин - 29 лет - значительно больше, чем женщин - 19 лет. Практически все показатели указывают на архаичность демографической структуры популяции, живущей в экстремальных условиях.

2. Размеры коронок постоянных моляров умеренной величины, по обобщенным показателям микродонтные на границе с мезодонтией. По размерам зубов погребенным в Алдыгане наиболее близки селькупы Кети и ханты Ваха, а наиболее удалены от них манси. И все же измерительный комплекс в первую очередь свидетельствует об изолированном положении Алдыгана на фоне таежных западносибирских популяций последних столетий. К сожалению, нет аналогичных данных по древнему населению Южной Сибири (Окунево-Карасук-Тагар).

3. В морфологии зубных коронок, корней и альвеолярного отростка, остатков лобной кости и челюстей ясно выражено явление редукции, представленной иногда в весьма архаичной форме. Одновременно есть элементы противоположного характера - повышенной дифференциации коронки (по числу М¹ 6 бугорков). Подобное мозаичное сочетание особенностей сближает Алдыган с угорскими и тюркскими группами последних веков из Обь-Иртышского региона и свидетельствует главным образом о повышенной гетерогенности этого населения.

4. Узор борозд на жевательной поверхности моляров дифференцирован умеренно, что чаще встречается в европеоидных и промежуточных европеоидно-монголоидных популяциях. Дополнительные стилоидные бугорковые образования, располагающиеся на боковой поверхности моляров, практически отсутствуют. В качестве архаического явления выступает отсутствие выраженных форм бугорка Карабелли на М¹ (баллы 2-5), что сближает Алдыган с

крайними восточными группами хантов (реки Вах и Васюган) и южными популяциями нарымских селькупов. Однако в Алдыгане исключительно высок процент балла 1 (43%). Подобной комбинации нет ни в одной сравниваемой группе.

5. Из монголоидного комплекса в изученной серии фиксируются прежде всего черты исконно северного распространения - коленчатая складка и лопатообразность резцов. Отметим морфологию лингвальной поверхности лопатообразного резца в форме широкого валика, а не заостренного края. Такая структура идентична вариантам, обычно наблюдаемым в близких к современности популяциях коренного таежного населения Западной Сибири различных этнолингвистических групп.

6. В ходе прорезывания зубов постоянной смены имеются архаичные соотношения в порядке появления зубов разных классов, а именно $M^2 P^2$. Не отмечены в Алдыгане признаки кариеса боковой и жевательной поверхности зубов. Однако имеются случаи гистологических нарушений в виде дентиновой или эмалевой гипоплазии. Подобные факты обычно связывают с острым непродолжительном голоданием и с лихорадочными состояниями организма.

Встречается сильная стертость задних зубов явно искусственного происхождения. Ее появление обусловлено либо активным употреблением в пищу грубоволокнистых (растительных) материалов, либо использованием зубов в качестве орудий труда. С исторической точки зрения весьма вероятно одновременное действие обоих факторов. В краниологических сериях аборигенного таежного населения последних столетий мы отмечали довольно регулярно аналогичное явление искусственной стертости, но верхних резцов, имеющих отполированную лингвальную поверхность.

Изученные остатки зубов из района Томско-Нарымского Приобья, датируемые ранним этапом кулайской культуры, с точки зрения антропологической диагностики имеют промежуточную между западными и восточными популяциями основу своего одонтологического типа, мозаичного по комбинации некоторых черт. Эта промежуточность характеристики для популяций таежной полосы Западной Сибири может быть результатом действия двух противоположных по направленности факторов: во-первых, сохранения архаических протоморфных особенностей, во-вторых, генетического взаимодействия популяций местного, восточноевропейского и южносибирского происхождения. Все они в разной степени являются носителями и западной, и восточной антропологической специфики.

Рассмотренные находки демонстрируют ряд архаических по отношению к современности особенностей в морфологии и формуле прорезывания зубов. Отмеченные патологии (тип стертости и гипоплазии), а также элементы демографической структуры популяции, характерны и для некоторых современных относительно изолированных групп таежного населения Среднего Приобья с традиционной системой жизнеобеспечения. В то же время особенности алдыганской серии не исключают допущения биологических контактов между кулайским и алтае-саянским населением, но биологические параллели с угро-самодийскими (хантыйско-селькупскими) популяциями представляются более обоснованными.

Для оценки последних предположений привлечены методы многомерной статистики в компьютерных программах Excel и Statistica. Проведены многократные межгрупповые сопоставления с варьирующим набором сравниваемых групп и признаков. Кластерный анализ для возможно полного комплекта характеристик выявил очень изолированное положение Алдыгана по отношению к западносибирским популяциям. Значительный вклад в такой результат вносят как измерительные, так и описательные параметры.

Для того чтобы учесть древние серии культур Минусинской котловины, дополнительно проведена кластеризация с уменьшенным набором из 11 описательных признаков (рис. 1). Алдыганская серия на новом фоне заметно приблизилась к угро-кето-самодийскому массиву, оставаясь по-прежнему в изолированном положении. В то же время таежные группы очень ясно сгруппировались в два кластера - угорский и енисейско-самодийский. График наглядно

демонстрирует существенное приближение к западносибирским популяциям, в том числе и к Алдыгану, тагарско-карасукского кластера, который сильно различается с географически самой близкой к ним, но более древней серией окуневской культуры.

Комплексный анализ выявил, что все привлеченные к сравнению с Алдыганом группы по маркерам зубной системы образуют непрерывную цепь постепенных антропологических переходов. И эта реальность существенно затрудняет решение вопроса об этнической привязке конкретных, к тому же весьма фрагментарных находок из Алдыгана. В качестве наименее удаленных от кулайцев Алдыгана групп можно рассматривать совокупность из трех или пяти локальных популяций XVI-XX вв.: ханты Ваха + селькупы Кети + ханты Васюгана, а также ханты Балыка и селькупы Мигалки. Таким образом, выявляется круг восточнохантыйских и селькупских популяций близкого территориального окружения. По-видимому, есть достаточно оснований видеть в алдыганском населении предшественников угро-самодийского населения Среднего Приобья. Проведенное одонтологическое исследование позволяет считать ведущим расогенетическим процессом в очерченном регионе Западной Сибири (Среднее Приобье) автохтонное развитие древнего таежного населения в условиях преимущественно внутрорегиональных миграционных и ассимиляционных процессов между соседними коллективами.

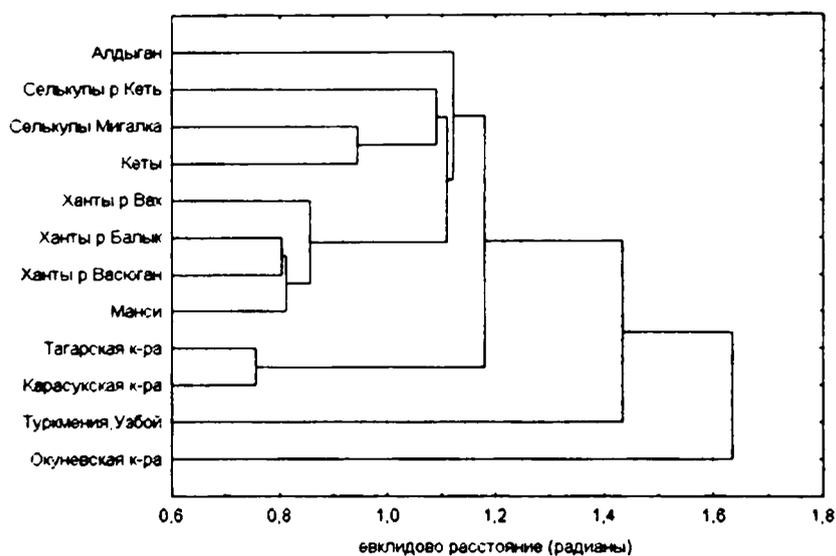

Рис. 1. Соотношение групп по ведущим расоводиагностическим признакам зубной системы (n = 11 признаков)

Ю.В. БАЛАКИН, О.С. ШЕРСТОБИТОВА

Россия, Омск

Омский государственный университет

**СЕМАНТИКА ИЗДЕЛИЙ ФАЛЛИЧЕСКОЙ ФОРМЫ
В СВЯЗИ С БРОНЗОЛИТЕЙНОЙ ТРАДИЦИЕЙ КУЛЬТУР
ЛЕСОСТЕПНОЙ ПОЛОСЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В
БРОНЗОВОМ ВЕКЕ**

Культура - объективно целостное явление, с упорядоченными и иерархически организованными внутренними системными связями. Далеко не всегда эти связи очевидны на уровне первичного источникового наблюдения; требуется многоступенчатая исследовательская работа, в результате которой сумма материала приобретает статус новой археологической культуры или вписывается в контекст уже известной. В археологической культуре есть наиболее «узнаваемые» категории материала, которые как культуурообразующие явления формируют трудноуловимую мировоззренческую ее составляющую. Мировоззренческая составляющая обладает мощнейшей системностью, ибо бесконечно многообразная и стихийная последовательность внешних импульсов оценивается и распределяется именно в сознании, как индивидуальном, так и общественном. Выражение системности прослеживается даже в явлениях, на первый взгляд не близких друг другу: например, Л.А. Чиндиной выявлена связь культура коня с металлургией в бронзовом и раннем железном веках Среднего Приобья (2001, с. 198).

Мы рассмотрим семантическую связь между фаллическими изделиями эпохи бронзы, прежде всего каменными, и металлургическим производством, сосуществование которых в рамках одного культурного пространства представляется неслучайным.

Под каменными изделиями фаллической формы имеются в виду песты/жезлы с навершиями, часто представленными в виде антропо- и зооморфных персонажей, а также находки г-образных каменных изделий («утюжков» или «гладилок»). Преимущественно нас будет интересовать комплекс каменных изделий, обнаруженных на поселении Самусь IV, но подобные находки известны также из материалов окуневской культуры и культур сейминско-турбинского типа (главным образом, елунинской культуры). В литературе преобладает мнение о связи перечисленных культурных традиций (Леонтьев, 1978, с. 98-99; 2002, с. 183; Бобров, 1988, с. 70; Кирюшин, 1992, с. 69; Есин, 2002). Наличие связей между фаллическими изделиями и металлургическим производством, помимо прочего, было установлено при сравнении изобразительных памятников, а также изобразительных канонов и «знаковых кодов» указанных культур. Материал самусьской культуры неоднократно публиковался (Матющенко, 1959; 1961; 1973а; 1973б) и уже несколько десятилетий привлекает внимание исследователей. Но некоторые серии находок введены в научный оборот лишь недавно (Матющенко, Шерстобитова, 2004, с. 224, рис. 3, 4, 6-10). На поселении Самусь IV обнаружено около десяти г-образных фалломорфных каменных предметов и один - бронзовый полого литья (Матющенко, 1973а; Матющенко, Шерстобитова, 2004, с. 223). Наряду с самусьскими находками привлекают внимание окуневские изваяния, а также находки сейминско-турбинского культурного феномена, в том числе знаменитые песты елунинской культуры (Кирюшин, Иванов, 2001, рис. 1-4; Кирюшин, 2002, рис. 127-130). Немалый интерес представляют коллекции каменных пестов, хранящиеся в Свердловском областном краеведческом музее, среди которых также встречаются изделия г-образной формы (Ченченкова, 2004, рис. 1: 18, 19). Известны они и на Алтае (Кирюшин, 2002, рис. 126: 4, 5). Исследователи традиционно связывают эти изделия, в силу очевидности или по ассоциации, с фаллическим культом. Сложнее вопрос о возможности их

утилитарного назначения (к примеру, в качестве пестов), поскольку на большинстве изделий следов использования не обнаружено (Кирюшин, 2001, с. 51; Ченченкова, 2004, с. 159).

Обратим внимание на тот факт, что, несмотря на обилие различных трактовок и подходов к семантике этой группы изделий, создать целостное представление о них исследователям пока не удаётся. Последнее, безусловно, важно и требует привлечения огромного количества материалов как сопредельных, так и более отдаленных территорий. Наша работа - лишь попытка каким-то образом «маркировать» проблематику, связанную с семантикой фаллических изваяний.

Мы считаем принципиально важным факт обнаружения большинства культурно атрибутированных пестов/жезлов в районах с развитыми металлургическими центрами (Михайлов, 2002, с. 107). Материал поселения Самусь IV особо показателен. Ряд исследователей считают, что этот памятник вполне адекватно может быть рассмотрен как средоточие разных культурных традиций (Косарев, 1981, с. 99; Молодин, Глушков, 1989, с. 98-113; Васильев Е.А., 2001, с. 24-26), не просто объединенных одним памятником, но памятником культурообразующего значения, что свидетельствует о неслучайности и устойчивости семантической связи металлургического производства и изделий фаллического типа. Напомним, что на поселении Самусь IV было обнаружено свыше 400 обломков литейных форм. Безусловно, данному памятнику присущи все свойства бронзолитейного сакрального центра: наличие яркой керамики, каменных изделий, часто со стилизованными антропоморфными чертами, образцов культового литья, большого количества пряслиц и т. д. В этом круге артефактов важное место занимают фалломорфные изделия, несущие семантическую нагрузку, близкую той, которая связывается с литейным производством. Ю.Н. Есин, ссылаясь на устное сообщение Ю.И. Ожередова, указывает, что на некоторых г-образных каменных изделиях обнаружены следы затертости, что, возможно, связано с их вертикальным креплением к какой-то плоскости (Есин, 2004, с. 115). По нашей просьбе Ю.И. Ожередов (мы благодарны ему за консультацию) повторил и уточнил свое наблюдение, из коего следует, что на Самусь IV могло быть нечто вроде алтарей, значимой составляющей которых были «утюжки». Наличие «алтаря» на поселении, наиболее яркая характеристика которого - бронзолитейное производство, не может не выразить, прямо или косвенно, сумму идей, относящихся к этому производству. Две идеи позволяют говорить об ассоциированности фаллической символики с мифо-ритуальным окружением литейного производства. Во-первых, отношение того и другого к принципу порождения и, в связи с этим, к мифологическому отождествлению спермы и расплавленного металла, известного по ряду древневосточных данных. Во-вторых, их отношение к космогоническим идеям, ибо принцип порождения определяет не только культ плодородия в узком смысле, но семантический ряд, связанный с периодической гибелью и обновлением Вселенной.

В.В. БОБРОВ

Россия, Кемерово

Институт экологии человека СО РАН

БИРИТУАЛИЗМ АНДРОНОВСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА - НЕТРАДИЦИОННАЯ ФОРМА РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

В современной археологии хорошо известно, что погребальный обряд и погребальная практика - достаточно консервативные компоненты культуры архаических обществ. Выявляемые при изучении конкретной археологической культуры отклонения от типичного обряда количественно незначительны и в некоторых случаях представлены несколькими вариантами.

Причем на периферии культурного ареала они более выражены и разнообразны. Обычно эти отклонения в специальных работах фигурируют в характеристике погребального обряда и практики культуры, сопровождаемые статистическими данными. Реже дают им объяснения, которые сводятся к особенностям смерти, физическим и психологическим особенностям человека, социальной или иноэтнической принадлежности и др. В любом случае в древнем этнокультурном образовании присутствовала типичная форма погребального обряда, выраженного в соответствующих практических действиях. Эту типичность можно рассматривать как традиционную (в широком смысле - для первобытности) форму развития культуры.

В археологии Евразии только андроновская культура, на мой взгляд, представляет исключение. Необходимо отметить, что под андроновской культурой я понимаю памятники и комплексы, которые специалисты, развивая концепцию К.В. Сальникова, относят к федоровским (Бобров, 1992; 1993). Поэтому в контексте работы речь будет идти об андроновской и алакульской культурах. Картография памятников этих двух культур, прежде всего погребальных, свидетельствует о том, что в пределах Среднего Енисея, Кузнецкой котловины, Ачинско-Мариинской лесостепи, Верхней Оби, Восточного Казахстана и преимущественно на территории Барабинской лесостепи распространены памятники только андроновской культуры. Тогда как на остальной территории ареала (Северный и Центральный Казахстан, лесостепное Зауралье, Южный Урал, частично Среднее Прииртышье) известны как андроновские, так и алакульские памятники. Но именно в восточных районах андроновского ареала, где распространены, подчеркнем еще раз, только однокультурные памятники, преобладают два обряда погребения умерших: ингумация и кремация. Факт этот хорошо известен и отражен во многих специальных работах. Но суть проблемы заключается не в сочетании двух обрядов погребения в составе одного памятника или даже одной могилы, что послужило основанием для идеи биритуализма, предложенной М.Д. Хлобыстиной (1976, с. 8-15). Она дала не только таксономическую градацию биритуализма, но и отметила существование в пространстве андроновского мира могильников с кремацией и могильников с ингумацией (1976, с. 14). В.И. Молодин, используя анализ материалов Барабинской лесостепи, один из первых обратил внимание на то, что существовало районированное распространение андроновских кладбищ, на которых хоронили только по одному из обрядов - или трупоположения, или трупосожжения на стороне с последующим погребением останков. Так, по его данным, в западных районах Барабинской лесостепи ингумация составляет 92%, а в восточных кремация составляет 91% (Молодин, 1985, с. 108). В Кузнецкой котловине ситуация более сложная. Здесь в некоторых случаях могильники с разным обрядом погребения расположены в непосредственной близости, например Танай-1 (кремация) и Танай-12 (ингумация). В пределах котловины известны, кроме названных, такие андроновские кладбища с обрядом кремации, как Урский и Юрман-1, а с обрядом трупоположения - Титово, Васьково-5, Заречное-1. В Ачинско-Мариинской лесостепи какой-либо устойчивости обряда не наблюдается. Но следует обратить внимание на тот факт, что практически все известные на этой территории андроновские кладбища малочисленные. Полностью раскопанные могильники Кадат-IX и Ашпыл содержали не более пяти погребений (Бобров, Михайлов, 1989; Гультов, 1980, с. 175-176). Это объясняется транзитным характером данной территории в эпоху бронзы (Бобров, 2003, с. 9-10). В северных районах бассейна Среднего Енисея (только их освоило андроновское пастушеско-скотоводческое население) преимущественно распространен был обряд ингумации (Максименков, 1979; Вадецкая, 1986, с. 44). Трупосожжение встречается редко. В лесостепном Алтае андроновские погребения в преобладающем большинстве представлены обрядом ингумации. В Томском Приобье исследован только один памятник - ЕК-II, но и здесь случаи погребения по обряду кремации единичны. В Центральном и Северном Казахстане выражен биритуализм, но в составе одного памятника. Хотя исследователи выделяют андроновские могильники с преобладанием какого-то одного из ритуалов погребения, например Алпымса, Ботакара, Акимбек или Бугулы I (Евдокимов, Варфоломеев, 2002, с. 36).

Таким образом, если исходить из современного состояния изученности андроновских погребальных памятников, то можно относительно четко обозначить территорию, на которой представлены кладбища как только с обрядом труположения, так и сожжения. Это территория частично Барабинской лесостепи, вероятно, Новосибирского Приобья и Кузнецкой котловины. В данном случае можно утверждать о существовании одной из исключительных особенностей андроновского культуругенеза, которая не находит даже приближенных аналогий ни в предшествующие, ни в последующие хронологические периоды.

В специальной литературе сочетания двух погребальных обрядов чаще всего признавали как факт биритуальности в культуре без дальнейшей интерпретации. Некоторые исследователи усматривали в этом явлении хронологические или локальные особенности культуры (Матющенко, 1973, с. 30; Евдокимов, Варфоломеев, 2002; и др.). В.И. Молодин предложил идею о том, что в процессе продвижения на восток участвовали разные племенные объединения, у которых преобладал тот или иной обряд погребения (Молодин, 1985, с. 109). М.Д. Хлобыстина предполагает, что в андроновском биритуализме нашел выражение комплекс явлений, связанных с половозрастной позицией погребенного и его семейно-социальным положением (1976, с. 14). Эта идея базируется на материалах отдельной могилы, ограды и кургана. Но вряд ли она соответствует материалам конкретного кладбища.

На мой взгляд, решение проблемы биритуализма кроется в «глубинном идейном содержании» (М.Д. Хлобыстина) двух обрядов погребения, а конкретнее в духовной культуре этнокультурного образования. В свою очередь изучение мировоззренческой системы древних обществ представляет собой реконструкцию, которая имеет обобщенный и гипотетический характер. В этой ситуации дальнейшее исследование может строиться на логических умозаключениях, связывающих разрозненные археологические факты в единую комбинацию. В аспекте критериев понятия «археологическая культура» принципиальных отличий между погребальными памятниками с разным обрядом нет (конструкция кургана, типы внутримогильного сооружения, ориентация могилы, наличие столба в мужских погребениях, кусков мяса жертвенного животного, место расположения сосудов, их форма и декоративно-морфологическая характеристика). Зафиксирован только один случай отличий по форме кургана: в могильнике Танай-1 ограды имели квадратную форму, а в могильнике Танай-12 - круглую или овальную. Также зафиксирован в памятниках Кузнецкой котловины факт того, что погребения с кремацией сопровождается белый цвет (заполнение могилы лёссом белого цвета). Бесспорно, они относятся к одной археологической культуре. Следовательно, форма погребения - самое важное и принципиальное отличие. Если учесть, что андроновское общество представляло достаточно развитую социально стратифицированную организацию, можно предполагать и наличие соответствующей ему мировоззренческой системы. А если учитывать относительную дисперсность андроновских коллективов (исключение, видимо, составляла северная периферия ареала), то можно допускать мысль о возможности религиозных различий между ними. Несомненно, что уровень религиозной системы соответствовал первобытной истории эпохи классового образования. Но в ней, при общей основе, были разные персонифицированные божества, названия которых мы вряд ли узнаем. Андроновские общины, хоронившие умерших членов коллектива по обряду кремации, скорее всего, были огнепоклонниками. Важнейшим божеством в их религиозной системе было существо, олицетворявшее силы огня. В общинах с обрядом погребения в форме ингумации верховным божеством в религиозном мировоззрении выступала иная персона. Но культ огня сохранялся в нем.

Предложенная гипотеза, естественно, малодоказательна. Мы касаемся сферы, реконструкция которой возможна на обобщенном уровне. В решении же поставленной проблемы необходима конкретность. Но необходимо иметь в виду еще одну косвенную аргументацию. Это удивительное сходство погребального обряда и практики андроновцев с описанием в погребальных гимнах древнеиндийского священного писания «Ригведа». Соответствие

андроновских реалий данным древнейших письменных памятников, прежде всего, Авесты и Ригведы, неоднократно приводила Е.Е. Кузьмина (1988). Она же усматривает индоиранские, но особенно индоарийские, соответствия андроновскому погребальному обряду (1985, с. 201-203). В целом, Е.Е. Кузьмина в своих научных исследованиях привела значительный корпус доказательств (хотя есть и спорные факты) этнической идентификации андроновцев и индоиранцев. По мнению М. Бойс, именно протоиндоиранцы создали стойкую религиозную традицию, что элементы ее сохранились до настоящего времени у брахманов Индии и зороастрийцев Ирана (1988, с. 8) и что возник зороастризм в азиатских степях в середине II тыс. до н. э. (Там же, с. 4).

Приведенная концепция также позволяет предполагать возможность существования в андроновской среде общин, разделенных по религиозному принципу, но не антагонистических друг другу. Осуществляемые между ними брачные связи не вносили изменений в религиозные убеждения. И супругов хоронили по соответствующим им обрядам. Это и привело к проявлению биритуализма в конкретных курганах или кладбищах. Примером является то, что большая часть погребений по обряду кремации на Среднем Енисее содержит черты, характерные для Кузнецкой котловины.

А.П. БОРОДОВСКИЙ, И.Ю. СЛЮСАРЕНКО, Л.А. ОРЛОВА, Я.В. КУЗЬМИН

Россия, Новосибирск

Институт археологии и этнографии СО РАН

СООТНОШЕНИЕ ДАТИРОВОК ПОГРЕБЕНИЙ КУРГАННОЙ ГРУППЫ БЫСТРОВКА-2 ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫМИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМИ МЕТОДАМИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАНА № 5)

Материалы масштабных некрополей Верхнего Приобья, формировавшихся в течение продолжительного времени, имеют особое значение для решения вопросов датирования. Одним из них является Быстровский некрополь, расположенный на правом берегу р. Оби у с. Быстровка в 90 км к юго-востоку от г. Новосибирска. Этот обширный погребальный комплекс березовского этапа эпохи раннего железа (последняя треть I тыс. до н. э.) объединяет несколько разновременных курганных групп - Быстровка-1, 3, 2 (Бородовский, 2000, с. 14; 2002). Объектом исследования стала Быстровка-2, состоящая из 10 насыпей, под которыми расположено более 250 захоронений. Наличие во многих погребениях остатков деревянных сооружений из сосны обыкновенной (*Pinus silvestris*) позволило собрать на памятнике 146 образцов дерева из 56 погребений, послуживших материалом для анализа.

В ходе перекрестного датирования образцов из отдельных погребений, сгруппированных по курганам, были созданы обобщенные древесно-кольцевые хронологии для курганов № 3, 4, 5, 9, 10. Полученные для отдельных курганов средние кривые погодичной изменчивости синхронизировались между собой с целью построения относительной хронологии быстровского некрополя в целом. По количеству годичных колец, составляющих шкалы курганов, они распределяются следующим образом: курган 3 - 203 кольца; курган 4 - 186; курган 5 - 141; курган 7 (1 погребение) - 70; курган 8 (1 погребение) - 98; курган 9 - 156; курган 10 - 204 кольца. В результате перекрестного датирования шкал курганов предложена модель относительной хронологии могильника Быстровка-2, согласно которой наиболее ранним является курган 4, за ним следует курган 3, далее - курган 5, а наиболее поздними являются синхронные курганы 9 и 10, причем последние два существовали практически синхронно. На основании установленной

методом дендрохронологии последовательности сооружения курганов Быстровки-2 сделан вывод, что время их существования приходится на начало V - начало II в. до н. э. (Бородовский и др., 2003, с. 79-92; Borodovsky et al., 2003, p. 21).

Следующим этапом разработки хронологии курганной группы Быстровка-2 является датирование отдельных погребений традиционными археологическими (по вещевому комплексу) и естественнонаучными (радиоуглеродным и дендрохронологическим) методами (Бородовский, 2004, с. 99). Удалось датировать 38 погребений. Среди этих захоронений 7 могил имели радиоуглеродные даты (к. 3, п. 25; к. 3, п. 25; к. 4, п. 5а, 5в, 27в; к. 5, п. 13, 32). Деревянные погребальные конструкции трех могил имели последнее кольцо (к. 3, п. 28; к. 9, п. 28, 29), а 11 захоронений (к. 3, п. 25; к. 4, п. 5а, 15, 19, 27б, 28; к. 5, п. 7, 11, 13; к. 9, п. 29, 32) располагали сопроводительным инвентарем (предметы вооружения, украшения, бытовая утварь), включающим датирующие предметы.

Таблица

Погребения кургана № 5 могильника Быстровка-2
и их реконструированный примерный календарный возраст
(даты «terminus post quem»)

№ п/п	Погребение	Календарный возраст, до н. э.
1	12	297 г.
2	33	295 г.
3	11	264 г.
4	32	263 г.
5	13	253 г.
6	38	216 г.
7	7	213 г.

Учитывая ограниченный объем настоящей публикации, остановимся подробно лишь на результатах соотношения традиционных и естественнонаучных методов датирования только для погребений кургана 5 (см. табл.). Такой выбор не случаен, поскольку курган 5 самый многомогильный (38 погребений) в курганной группе Быстровка-2 и располагает достаточно представительным предметным комплексом с датирующими вещами. Охарактеризуем изделия из погребений, датированных естественнонаучными методами (сопроводительный инвентарь из захоронений 7, 11, 13).

Погребение-7. Ложечковидная подвеска из к. 5 датируется VI-III вв. до н. э. или I-II вв. до н. э. (Чиндина, Себелева, 2000, с. 58; Бородовский, 2002, с. 128; Шульга, 2003, с. 109; Бородовский, 2004, с. 100). Роговая подвеска имеет определенное сходство с деревянными подвесками для седел из Второго Пазырыкского кургана (Руденко, 1948, с. 17, рис. 4д), датированного V-IV вв. до н. э. (Слюсаренко, 2000, с. 128). Керамический сосуд с ушками для подвешивания. Эта разновидность керамики получает широкое распространение с VI-III вв. до н. э. и, возможно, бытует до конца I тыс. до н. э. (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 47, 77, 183, табл. LII, 112).

Погребение-11. Подвеска-«амфорион». Мода на такие подвески возникает в Малой Азии в XIII в. до н. э. В эллинистическое время (334-30 гг. до н. э.) «амфорионы» получают распространение от Греции, ахеменидского Ирана вплоть до Забайкалья. Форма подвески близка

роговым пазырыкским сосудам из урочища Пазырык, плоскогорья Укок и долины р. Юстыд на Алтае (Бородовский, 2000, с. 114-157).

Погребение-13. Серебряная петельчатая серьга с подвеской-бусиной на проволочном соединении аналогична украшению из могильника Локоть-4 (п. 1) на р. Алей (Уманский, Шульга, 1999, с. 75, рис. 9/5). Датировка этого погребального комплекса, судя по предметам вооружения, - VI-V вв. до н. э. (Там же, с. 60, 61). Шесть бронзовых миндалевидных нашивок, обтянутых золотой фольгой, аналогичны украшениям в курганах Кубани (аул Уляп, к. 5) в захоронениях IV в. до н. э. скифо-меотского периода.

Железный нож можно датировать V-III вв. до н. э. (Могильников, 1997а, с. 66, 180, 181). Каменный алтарик с дисковидным поддоном. Такие культовые предметы появляются в V-IV вв. до н. э. и существуют до III-II вв. до н. э. (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 166, табл. XXXVI, 12; Могильников, 1997а, с. 89). На территории Верхнего Приобья они известны в сопроводительных материалах курганных групп Раздумье IV, Масяляхе-1, Быстровке-1. Дисковидное керамическое пряслице характерно для V-III вв. до н. э. (Могильников, 1997а, с. 183, рис. 53; Телегин, 1999, с. 147, табл. 1: 13, 15, 17).

В целом перекрестная датировка погребений кургана 5 могильника Быстровка-2 по вещевому комплексу, дендрохронологии и радиоуглероду не противоречит предложенной ранее общей хронологии некрополя. Метод перекрестной датировки позволяет разрабатывать более детальную хронологическую шкалу обширного могильника как одного из опорных памятников, что важно для уточнения и корректировки датировки погребальных комплексов эпохи раннего железа в Верхнем Приобье. Результаты таких исследований позволят создать более объективную периодизацию этой эпохи.

А.А. БУРЫКИН

Россия, Санкт-Петербург

Институт лингвистических исследований РАН

ВЕРТИКАЛЬНЫЕ И ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В МОДЕЛИ МИРА У НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Вертикальная структура модели мира предполагает наличие нескольких сфер мироздания, размещающихся одна над другой. Мир живых людей расположен в центре такой модели и трактуется как Средний мир. Вертикальная модель является своего рода универсалией для ранних форм религии. Она характерна почти для всех народов Сибири, в том числе и для народов Западной Сибири. В основном, согласно имеющимся описаниям, у народов Сибири выявляются три сферы мироздания, у селькупов и эвенков их три, семь или девять, у кетов - семь или пятнадцать, у тюркских народов Южной Сибири - от трех до восемнадцати (Религии..., 1999). При этом часто основные сферы мироздания, а именно Верхний и Нижний миры делятся на отдельные ярусы. Число этих ярусов не слишком определено - так, согласно А.А. Попову, у нганасан имеются три сферы - Верхний, Средний и Нижний миры, и в Верхнем мире выделяется от трех до девяти ярусов (Попов, 1984). Однако Нижний мир имеет не строго вертикальное расположение по отношению к Среднему: он расположен под землей за океаном в стороне заката солнца. У ненцев над землей имеются семь или трое небес, а под землей - семь небес или семь слоев льда, а у нганасан под землей - семь или девять мерзлых слоев (Грачева, 1983): вполне материализованная граница между Средним и Нижним мирами делает вертикальную стратификацию нижней сферы у ненцев довольно условной.

По воззрениям кетов, во Вселенной имеются семь морей вокруг земли и семь речных мысов. Звезды, видимые с земли, - это корни деревьев иного мира, где на небе живут люди и животные,

переселившиеся из Среднего мира. Верхний мир у кетов представляется в виде реки, имеющей семь мысов-изгибов (Природа и человек, 1976). Сходное устройство имеет мир у селькупов, у которых он также вытягивается вдоль реки, в истоках которой располагается Верхний мир, а в низовьях - Нижний мир, мир умерших людей. В соответствии с этими представлениями умершие попадали в Нижний мир на лодках, и селькупы хоронили умерших в лодках. Согласно Г.Н. Прокофьеву, такое устройство мира отражает путь селькупов на север вниз по течению рек (Там же). В известной исторической перспективе сказанное может быть справедливым и для других народов Западной Сибири, в частности, для кетов. Г.Н. Прокофьев предполагал, что линейные представления о мире являются более архаичными, нежели многоуровневые вертикальные построения модели мира, и, вероятно, с этим стоит согласиться. Сходные представления отмечаются и у тюркских народов Южной Сибири (Традиционное мировоззрение, 1988), и распространение их с юга на север соотносится с фактами этнической истории народов бассейна Енисея, в том числе и кетов, поскольку имеются основания искать их прародину на юге, в горных массивах Центральной Азии. Довольно неожиданным является то, что представления о множестве мысов (девяти мысах) как составляющих Среднего мира, мира живых людей, и определяющих расстояние от одного края мира до другого края, является характерным для долган, что отразилось в произведениях долганской поэтессы О. Аксеновой.

Особая проблема в характеристике исходной модели мира заключена в представлениях о мире у разных групп эвенков. В литературе получили широкую известность работы А.Ф. Анисимова, в которых Верхний мир - это исток шаманской реки Энгдекит, располагающийся на юге, Средний мир - это мир людей, а Нижний мир расположен в устье реки на севере (Анисимов, 1958). Однако объектом изучения А.Ф. Анисимова были преимущественно западные группы эвенков. В то же время у эвенков-орочонов шаманская река Тунето составляет только один из ярусов Нижнего мира (Мазин, 1984), то есть у эвенков-орочонов река - это не объединяющий модель мира объект, а лишь одна из ее частей, своего рода эвенкийский Стикс. Как кажется, западные эвенки усвоили характерную для них модель мира, в которой особую роль играет река, у тех народов, которые появились в бассейне Енисея раньше их - ими вполне могли быть селькупы или какие-то иные самодоязычные народы, в то время как восточные эвенки лучше сохранили традиционную тунгусскую модель мира, в которой структурирование Нижнего мира является достаточно неопределенным и фактически каждый этнос имеет собственные воззрения на устройство Нижнего мира и состав его сфер.

Отличительная особенность структуры мира народов Западной Сибири - это то, что, согласно представлениям этих народов, нижележащий мир является местом обитания одного из божеств, которое мыслится или как антецедент божества Верхнего мира и носитель злого начала, или реже как хтоническое божество. Таковы божества-антиподы Нуми-Торум и Куль у угров, Нум и Нга у ненцев, Есь и Хоседам у кетов. Обращает на себя внимание и то, что у западносибирских народов в Нижнем мире обитают женские персонажи - угорская Калтащ-Эква, кетская Хоседам, селькупская Ыланта-Кота, ненецкая Я'небя, что составляет интересную особенность религиозных представлений народов этого региона.

Как отмечала Г.Н. Грачева, горизонтальные составляющие модели мира характерны практически для всех культур полярного региона Евразии, и они реализуются в основном в виде представлений о шаманских дорогах, по которым шаман путешествует при камлании - сам шаман занимает как бы центр Вселенной, и его пути простираются вверх и вниз (Грачева, 1993). Действительно, топография шаманских дорог у народов Западной Сибири и у восточносибирских народов (например, у нанайцев) в большей мере связана с горизонтальной плоскостью. Однако шаманы в путешествиях по сферам мироздания пользовались как раз вертикальной моделью мира, и именно такая модель создавала основания и для классификации камланий по целям и адресатам, и для противопоставления белого и черного шаманства у тех народов, для которых такое противопоставление является значимым.

Само противопоставление горизонтального и вертикального компонентов в модели мира, вне зависимости от того, к чему оно относится - к религиозным воззрениям или к шаманской практике, основывается не только на противопоставлении реального мира и одного или нескольких виртуальных миров, но и на более общем и более материализованном противопоставлении видимого и невидимого мира. В оппозиции горизонтального и вертикального в виртуальных мирах присутствует несколько иной признак, нежели собственно реальность/виртуальность - это относительная достижимость сферы мира в горизонтальной модели и относительная недостижимость сферы мира в вертикальной модели. В сферы мироздания, разграниченные по вертикали, обычный живой человек проникнуть не может - в Нижний мир попадают умершие, в Верхний и Нижний миры могут попадать шаманы. В то же время сферы пространства, разграниченные по горизонтали, являются более доступными для человека - вероятно, именно по этой причине горизонтальные компоненты модели мира в религиозных воззрениях повсеместно являются архаичными и вытесняются вертикальными структурами. Горизонтальные компоненты устройства виртуального мира поддерживаются в религиозных воззрениях тем, что мир по горизонтали делится на разные владения духов-хозяев, а в шаманской практике тем, что шаман имеет возможность путешествовать по Среднему миру, не покидая его.

Т.В. ГОЛЬЦОВА, Л.П. ОСИПОВА, С.И. ЖАДАНОВ, Р. ВИЛЛЕМС

Россия, Новосибирск

Эстония, Тарту

**Государственное учреждение Научно-исследовательский
институт биохимии СО РАМН*

Институт цитологии и генетики СО РАН

Эстонский Биоцентр и кафедра эволюционной биологии

Университета Тарту

**ТРАДИЦИИ БРАЧНОЙ МИГРАЦИИ МЕЖДУ
ЭТНИЧЕСКИМИ ГРУППАМИ КАК ОДИН ИЗ МЕХАНИЗМОВ
СОХРАНЕНИЯ И ПЕРЕДАЧИ ЕВРОПЕОИДНЫХ
ГЕНЕТИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ МИТОХОНДРИАЛЬНОЙ ДНК
И ИММУНОГЛОБУЛИНОВ НА ПРИМЕРЕ
НГАНАСАН ТАЙМЫРА**

Отражение предшествующей этнической истории в антропологических, генетических, лингвистических и других характеристиках современных народов является в настоящее время предметом многочисленных исследований. Вместе с тем интерпретация полученных данных весьма затруднительна без достаточно ясного представления о том, какие факторы микроэволюции, равно как и конкретные исторические события, повлияли на ее современный генофонд. Так, ранее на основании изучения полиморфизма групп крови, изоферментов, сывороточных белков и аллотипов иммуноглобулинов (система Gm) было показано, что популяция нганасан практически лишена европеоидных маркеров, характеризуясь высокой частотой северо-монголоидных гаплотипов Ns, cDE, Gm (za;...;b035st) и аллелей Hp2, Fy(a) (Сукерник, Осипова, 1976; Сукерник и др., 1977; Karaphet et al., 1981; Осипова, 1994). Антропологические исследования также показали нарастание монголоидных черт в ряду ненцы-энцы-нганасаны (Золотарева, 1974). Незначительная частота европеоидного гаплотипа Gm (f;...;b)

у нганасан (0,008) объяснялась нами ранее как результат случайных единичных брачных миграций носителей данного Gm-гаплотипа из соседних этнических групп (Осипова, 1994). В связи с этим оказались неожиданными результаты публикации об относительно высокой частоте европеоидных (западно-евразийских) гаплотипов мтДНК не только у манси и кетов, но и у нганасан (Дербенёва и др., 2002). В данной работе мы предприняли попытку установления источников европеоидных маркеров мтДНК и Gm у нганасан на основе анализа межэтнических браков и генеалогии носителей европеоидных гаплотипов мтДНК и Gm с учетом действия факторов микроэволюции (генного дрейфа). Известно, что популяция нганасан, насчитывающая менее 1000 чел., сформировалась на основе древнего палеоазиатского населения, ассимилированного пришедшими с юга самодийцами и частично тунгусами (Долгих, 1952). Со времени формирования в конце XVIII в. и вплоть до середины XX в. нганасанская популяция являлась практически изолированной. Однако традиционные браки с западными соседями - энцами - были отмечены на протяжении большей части истории нганасан. Коэффициент инбридинга по моделям миграции, по нашим данным, составляет у нганасан 0,009, несмотря на избегание последними родственных браков до уровня троюродных сибсов. Анализ брачной динамики у нганасан в кочевой период их жизни - с 1796 до начала 1970-х гг. в пределах традиционной территории их расселения показал, что браки с другими коренными народами Севера и пришлым населением в этот период отсутствовали. Процесс ассимиляции нганасан другими народами и, прежде всего, пришлым населением и долганами, связан с их переходом на оседлость (начало 1970-1990-е гг.), при этом браки с пришлым населением носили асимметричный по полу характер, так как в них вступали только женщины нганасанки. По результатам экспедиции 2000 г. проведен анализ гаплогрупп мтДНК у 280 нганасан в пос. Волочанка и пос. Усть-Авам, а также генеалогический анализ носителей определенных вариантов мтДНК на глубину 4-7 поколений. Установлено, что частота западно-евразийских (европеоидных) гаплогрупп составляет в этой популяции 20,4%, при этом разнообразие их невелико: U, T и H, представленные шестью мт-гаплотипами. Показано, что в 2000 г. 33,3% от общего числа (N=54) материнских линий авамских нганасан восходили к женщинам-энкам, а 5,6% - к ненкам. Присутствие женщин-энок в родословных нганасан связано с традиционными браками нганасан с энцами, присутствие же ненок - со ступенчатой брачной миграцией в ряду ненцы - энцы - нганасаны, а также единичными в прошлом случаями воспитания приемных детей ненцев в семьях нганасан. Показано, что суммарная частота европеоидных гаплотипов мтДНК почти в 2 раза выше в группе нганасан, восходящих по материнской линии к энкам и ненкам, чем в группе нганасан, принадлежащих к собственно нганасанским материнским линиям (0,29 и 0,15 соответственно). Это относится к четырем гаплогруппам: U2, U5, T и H. Примечательно, что сформированная нами для анализа мтДНК выборка охватывает 87% от всех материнских линий нганасан Усть-Авама и Волочанки, по которым к 2000 г. остался хотя бы один живой потомок. Учитывая практическую субтотальность выборки, выявленные различия представляются нам заслуживающими дальнейшего рассмотрения. На основании проведенного генеалогического анализа установлено, что единственный носитель гаплогруппы H ведет свое происхождение от вадеевской нганасанки. А все носители U2-, U5- и T-гаплогрупп восходят по родословным к энкам или метисам энец-ненка. Обнаруженные у нганасан европеоидные гаплогруппы мтДНК U2, U5 и T отсутствуют у их соседней долган, проживающих в тех же поселках, а также у эвенков Подкаменной Тунгуски, согласно нашим неопубликованным данным. Что касается древней гаплогруппы U4, встречающейся у нганасан, восходящих по материнской линии как к энкам, так и к нганасанкам, то гаплотип U4: 134,356 (ГВС-1) - обнаружен нами также у долган, но он не идентичен по ГВС-2 гаплотипам нганасан, а именно: у нганасан это 073-152-195-315+С и 073 152 195 198 315+С, тогда как у долган 072-073-152-195-263-315+С. Это подтверждает предположение о браках с энцами как источнике европеоидных гаплотипов в некогда изолированной популяции нганасан.

Ранее также было установлено, что носителями зарегистрированного у нганасан европеоидного гаплотипа Gm (f,..;b) являются представители двух семей в пос. Волочанка (Осипова, 1994; 1987). При этом в одной семье присутствие Gm (f,..;b) было обусловлено брачной миграцией от энцев, у которых его частота равна 0,032; а во второй семье в родословной основателем явился приемный ребенок от ненцев. На основе генеалогического анализа установлено, что носитель Gm (f,..;b) по энецкой материнской линии (энка Пилько) имеет также и европеоидную гаплогруппу мтДНК - U4. Таким образом, несмотря на низкую в целом частоту европеоидных маркеров иммуноглобулинов Gm, их присутствие у нганасан не является случайным событием. Полученные результаты согласуются с приведенными выше результатами анализа по гаплотипам мтДНК.

Итак, на примере нганасан нами показано, что традиционные межэтнические браки являются одним из важных механизмов передачи и сохранения европеоидных маркеров (мтДНК и Gm) в наиболее монголоидной из самодийских популяций. Сравнительно низкая частота европеоидных аутосомальных маркеров у «этнически чистых» нганасан объясняется несколькими факторами: 1) вероятно, доминирующим монголоидным субстратом при формировании популяции; 2) достаточно интенсивным генным дрейфом в условиях изоляции, который способствовал закреплению монголоидных и вытеснению более редких аутосомальных европеоидных генов из популяции.

При этом использование уникальной системы маркеров мтДНК (чему способствовала хорошая сохранность материнских линий у нганасан) позволило надежно идентифицировать как наличие, так и пути проникновения в популяцию древних европеоидных маркеров.

М.А. ЗЕНЬКО

Россия, Москва

Институт культурного и природного наследия

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ТАКСОН ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ (К ПРОБЛЕМЕ ОБЩЕГО И ОСОБЕННОГО В АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

Проблемы типологии и соотношения понятий в археологии и этнографии неразрывно связаны с проблемами выявления и интерпретации общего и особенного, или локального, в культурах (Арутюнов, Хазанов, 1979; Марков, 1979; и др.). Этнические процессы в современной России развиваются импульсно, и направление этого развития часто меняет свою полярность. В этнических сообществах идет выделение малых этнических и этносоциальных образований. Внешне это напоминает ситуацию выделения из уже «признанных» археологических культур новых, идентификация которых прямо противоположна изначальной. Нынешним процессам дезинтеграции 80 лет назад предшествовали объединительные процессы, в том числе консолидация множества разноязычных народов России в единое национальное сообщество. Этнографическая карта Сибири в XVII в. (История Сибири, 1968) дает наглядное представление о множественности как отдельных культур, так и локальных подразделений внутри них, часть которых в последующее время уже не фиксируется.

Внутри этнических сообществ, представлявшихся прежде вполне целостными, сегодня идут процессы выделения более мелких групп. Примером тому могут служить коми: кроме коми-

зырян и коми-пермяков о своей самобытности заявили, назвав себя особым народом, представители этнической группы изъясняются. Результаты Всероссийской переписи населения 2002 г. зафиксировали появление многих других «новых народов» - води, поморов, кайтагцев и др. Видимо, еще рано исполнять «реквием по этносу» (Тишков, 2003): понятию «этноса», как и понятию «археологической культуры», которые всегда вызывают неутраченную полемику, скорее всего, суждена долгая жизнь.

Массовый полевой этнографический материал по сибирским лесным ненцам (Зенько, 2003) свидетельствует об аналогичных явлениях в развитии этнических процессов среди них: одновременно с процессом консолидации дисперсно проживающих групп идет обособление самостоятельного «народа» - пуровских ненцев (неща). За этой поднявшейся в соответствии с «потребой дня» волной местного «этнического самосознания», с точки зрения классической этнографии определяется иное - существование множества локальных вариантов традиционной культуры, присущее как этнотерриториальной общности пуровских ненцев, так и двум другим этнографическим группам ненецкого населения. Данные лингвистики (у лесных ненцев специалисты выделяют от 2 до 7 диалектов) только подтверждают неоднородность их хозяйственно-культурного облика, так же как, впрочем, и неоднородность компонентного состава. Этнография с наработанными ею методиками изучения живой культуры корректно выявляет локальные варианты, исследуя не только особенные, но и общие с исходной традицией черты. Она не заявляет о них в дальнейшем как о новых этносах, хотя выделяет в них немало специфических и существенно различающихся с базовыми характеристик. Нет и не было у этой науки, в отличие от археологии, пытавшейся и продолжающей пытаться осуществлять «прыжки в этнос» (Кениг, 1998, с. 90-91), такой глобальной цели, хотя вряд ли можно оспорить, что в этногенетических реконструкциях археологические источники играют весьма серьезную роль.

Безусловно, значительным вкладом в теорию культуры являются концепция хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей (хотя и критикуемая, перманентно уточняемая и дополняемая), а также разработанная российскими географами концепция культурных ландшафтов, которой отечественные археологи и этнографы практически не пользуются. Обе эти концепции - весьма близкие между собой - не отказываются от понятия «этнос» и признают этнические различия культур. Вряд ли можно поэтому считать перспективным отказ от понятий этноса и археологической культуры и замены их новыми, такими, например, как локальные культурные комплексы (Селезнев, Селезнева, 2004, с. 6-11).

Действительно, маркер «этно» не всегда может являться показательным и обязательным в этнографических исследованиях. Наши наблюдения и материалы свидетельствуют, в частности, о существовании таких малых локальных культурных (эколого-хозяйственно-культурных) комплексов, когда на одной территории совместно хозяйствуют объединения из 2-3 семей лесных ненцев и хантов, либо лесных ненцев и селькупов. Это совсем не означает, что какие-то элементы их материальной, и тем более духовной культуры (в частности, личные и семейные духи-покровители, антропонимика, родильные и погребальные обряды и атрибутика) не являются этнопоказательными и этномаркирующими. И даже билингвизм, характерный для малой этноконтактной зоны, не может рассматриваться как доказательство слияния культур. В то же время в понятии локальный культурный комплекс содержится ценное указание на необходимость исследования конкретных связей и взаимоотношений конкретных коллективов людей с конкретными же окружающими природно-географическими условиями (Селезнев, Селезнева, 2001, с. 229), подтверждая тем самым важность тезиса о локальном многообразии традиционных культур.

Этноконтактные зоны, как и вообще контакты, устанавливаемые нередко посредством браков с женщинами-иноплеменницами, являвшихся своеобразными трансляторами культур, были весьма характерны для Западной Сибири в древности, создавая ее культурный ландшафт. Поэтому, очевидно, и продолжают давние споры относительно этнической принадлежности

кулайской культуры, а взгляды археологов на «идентификацию» археологических культур, общностей, зон, провинций, районов, типов постоянно меняются. Материалы такого известного памятника Западной Сибири, как Усть-Полуй, где одновременно с находками, интерпретируемыми как обско-угорские и относящимися к одноименной ему культуре, обнаруживаются «чисто» кулайские, они же самодийские (Чемякин, 1995, с. 201-202), свидетельствуют в пользу такого развития местных сообществ. Интеграционные процессы вряд ли могли быть характерны для населения этого региона и в период средневековья, так как, например, у хантов «различные этнографические группы ... вследствие широкого ареала своего расселения ... вступали в контакт с различными этническими группами, что вело к формированию локальных различий» (Могильников, 1997б, с. 13). Перспективным в плане исследования локальных проявлений культуры видится предложение В.А. Могильникова о проецировании «территориально-диалектальных и территориально-говорных групп ... на археологический материал» (Там же, с. 14).

Человек постоянно стремится занять ту нишу или тот средовый ландшафт, который был освоен его предшественниками. Неслучайно поэтому современное строительство - и в необжитых, новых районах, и в больших и малых городах - сталкивается с необходимостью проведения аварийных раскопок. Примечательно, что древние находки, в частности керамику и другие предметы, современные аборигены Западной Сибири нередко трактуют как свидетельства приверженности их предшественников или предков к такому же, как и их собственное, природно-ландшафтному окружению, а следовательно, по их логике, и той же эколого-хозяйственной практике. Именно так ямальские оленеводы интерпретировали керамику, найденную мной с А.П. Зенько в 1998 г. на двух постоянных стоянках по маршруту их кочевания в центральном районе полуострова. Последнее как нельзя лучше подтверждает обоснованность принципа поиска этнографических аналогий в археологии, состоящего в привлечении материалов культур, носители которых обитают в природных условиях, близких экологической обстановке древних коллективов и имеющих, возможно, общее с ними происхождение.

Традиционная культура лесных ненцев, проявляющая стойкую приверженность к одному и тому же ландшафту, который можно условно обозначить «ни тундра, ни тайга», формировалась посредством вбирания в себя как эколого-природных привязанностей, так и хозяйственного опыта субстратного, возможно, палеолитического, населения Западной Сибири и приобретения и развития новых эколого-хозяйственно-культурных знаний и навыков, базирующихся на уже привычных для их исходной культуры и, очевидно, сходных с вновь приобретаемыми. Первоначальными хозяйственными занятиями предков лесных ненцев являлись рыболовство на озерах и охота, в первую очередь на копытных, особенно с использованием манщика и коллективных облав. Позднее, под влиянием тундровых соседей, у них развивается транспортное оленеводство. В настоящее время в физико-географическом отношении территория их проживания характеризуется неоднородностью ландшафтных сред, в том числе разнообразием локальных микроландшафтов. Этнокультурный облик общности реагирует на эту внешнюю, или первичную, по С.М. Широкоговору, среду локальными вариациями. Несомненно, такая направленность развития их традиционной культуры зависела не только от первичной, но и от вторичной среды, или их этнического окружения - тундровых ненцев, хантов, селькупов и, отчасти, эвенков, а в прошлом - лесных энцев. Хозяйственно-культурный тип лесных ненцев вследствие проявляющейся сейчас особенно ярко угро-самодийской двойственности их культуры и локального этнокультурного разнообразия не вписывается ни в один из предложенных ранее и может быть охарактеризован как сочетание взаимопроникающих и смешивающихся признаков/черт разных ХКТ на разных участках осваиваемой ими территории.

Для характеристики особенностей локальных культурных процессов, идущих среди лесных ненцев, по нашему мнению, не подходит на данный момент ни одно из существующих и используемых историческими науками определений. Поэтому наиболее корректным для

выявления и изучения локальных вариаций традиционной культуры лесных ненцев представляется использование такого понятия, как «этнокультурный ландшафт» (ЭЛ), функционирующий как локальный эколого-хозяйственно-культурный или локальный эколого-этнокультурный комплекс. Понятие этнокультурного ландшафта может быть использовано в комплексных археолого-этнографических исследованиях, являясь перспективным и для этногенетических построений и для поиска этнографических аналогий археологическим источникам/культурам и попыток их этнической интерпретации. Как и культурный ландшафт, этнокультурный включает в себя и материальную сферу жизнедеятельности человека, и ментальную. Проведившиеся в последние несколько лет исследования этнокультурных ландшафтов русского Севера базировались на изучении и хозяйственных занятий, и особенностей духовной культуры населения, но в первую очередь - сохранившейся лучше других устной традиции и топонимии (Калуцков, 2000). В Западной Сибири имеется более обширный и массовый - археологический и этнографический - материал, дающий возможность выявления и изучения существующих и существовавших в прошлом этнокультурных ландшафтов угросамодийского мира, а следовательно, и возможность сохранения их как объектов культурного и природного наследия.

Н.М. ЗИНЯКОВ

Россия, Кемерово

Кемеровский государственный университет

РУССКИЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ НА СИБИРСКОМ РЫНКЕ XVII В.: НОМЕНКЛАТУРНЫЙ И КАЧЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ

Включение Сибири в состав Русского централизованного государства на длительное время определило ее зависимость от ввоза промышленных изделий из европейской России. Русские ввозимые металлические изделия стали важнейшей частью материальной культуры сибирского населения XVII в. Основой развития торговых связей между европейской Россией и Сибирью было сложившееся традиционное различие сфер производства между регионами: ремесленно-земледельческое хозяйство, с одной стороны, и промыслово-охотничье - с другой. В связи с этим развивающаяся между территориями торговля в течение долгого периода сохраняла специфический характер: из России шла продукция промышленного производства, из Сибири - пушнина. Активизация в XVII в. процессов освоения края способствовала нарастанию объемов и номенклатуры товарооборота.

В качестве потребителей товаров выступало местное аборигенное население (охотники и рыболовы) и пришлое русское - землепроходцы, служилые люди, крестьяне. Охотники и рыболовы покупали у русских торговцев «для промыслов топоры и котлы, и платишко», и ножи, и рыболовные снасти в обмен на шкурки пушных зверей (Бахрушин, 1955, с. 95). Потребности русских переселенцев были значительно шире, включая ткани, одежду, обувь, землеобрабатывающие орудия, средства для уборки хлеба и сена, ремесленные инструменты, железные и стальные полуфабрикаты, металлический инвентарь для домостроения и судостроения, предметы домашнего обихода и др.

О номенклатуре и объеме привозимых изделий можно с достаточным основанием судить по материалам Таможенных книг XVII в. В качестве таковых использованы данные Верхнетурской и Тобольской таможен. О характере и качестве изделий XVII в. дают представление металлографические анализы сохранившихся экземпляров с археологических памятников Западной Сибири (Абрамово, Айканка, Бергамак, Изюк, Мигалка, Кузнецкий острог, Окунево, Тискино).

Верхотурье по своему географическому положению служило воротами в Сибирь (Бахрушин, 1928, с. 104). Через него проходили многочисленные обозы с русскими товарами и торговыми и промышленными людьми. Так, в 1635-1636 гг. только из России через Верхотурье проследовало 1186 человек (Там же, 1928, с. 105-106). Известно, что доставкой товаров «с Руси» через Верхотурье занимались торговые и промышленные люди более 50 городов европейской России. Наибольшую активность проявляли представители поморских городов, в значительной степени продолжавшие традиции новгородской торговли.

Согласно таможенным книгам Тобольска, основной объем ввозимых русских товаров приходился на Устюг Великий, Лальск, Соль Вычегодскую, Яренск, Соль Камскую (Таможенные книги..., 2003). Номенклатура ввозимых «с Руси» товаров насчитывает более 50 наименований. В том числе: железо «не в деле» (крица, уклад, жесь, прутья), посуда (сковороды, ложки, уполовники, поварницы, лейки), инструменты и бытовые предметы (топоры, ножи, пилы, буравчики, тесла, шилья, ножницы, светильники, сковородники, иглы, замки, пешни), земледельческие орудия (серпы, косы-горбуши, сошники, ральники, заступы огородные), строительные принадлежности (скобы дверные, гвозди, крюки избные, пробои), конское снаряжение, судостроительные снасти (скобы судовые, гвозди), сапожный приклад (сапожные скобы и гвозди), рыболовные снасти и пр.

Обращает на себя внимание существовавшая в таможенных книгах классификация металлических изделий, а именно:

1 - *полуфабрикаты* (железо «не в деле»): железо кричное, железо свищенное (возможно, в тексте описка или опечатка, а правильное прочтение - «свицкое»), уклад корельский, уклад жильный, полицы железа белого, листы железа белого (Таможенные книги..., 2003, с. 85-136), листы железа «немецкого», батоги железа (Верхотурские грамоты, 1982, с. 128);

2 - *инструменты*: топоры малые, топоры средние, топоры большие; ножи усольские простые, ножи усольские с припоем медным, ножи ярославские без припоев простые, ножи мезенинские, ножи с припоем серебряным, железца ножевые (Таможенные книги..., 2003, с. 79-167), ножи московские, ножи кирилловские, ножи пермские чукривы (Верхотурские грамоты, 1982, с. 218); ножницы устюжские, ножницы устюжские средние, ножницы немецкие (Таможенные книги..., 2003, с. 88-124); косы горбуши, косы литовские (Таможенные книги..., 2003, с. 85; Верхотурские грамоты, 1982, с. 128); ральники друженые, ральники недруженые, лемехи недруженые, сошники друженые (Таможенные книги..., 2003, с. 85, 105, 112, 126), заступы, заступы железные большие огородные (Там же, 2003, с. 77, 88);

3 - *бытовые предметы*: иглы, иглы малые, иглы узловые (Там же, 2003, с. 106, 108); светильни, светилицы (Там же, 2003, с. 104, 124); сковороды блинные малые, сковороды блинные средние, сковороды большие (Там же, с. 85, 87); поварени железные, поварницы железные, поварницы железные средние, поварницы железные большие (Там же, 2003, с. 80, 97, 102, 125); замки коробейные, замки коробейные малые, замки задорожчатые средние, замки дорожчатые, замки коробейные с прутьем, замки задорожчатые малые, замки ярославские, замочки немецкие малые; ключи большие, средние, малые замочные (Там же, 2003, с. 79-115);

4 - *сапожный приклад*: скобы сапожные с гвоздем, гвозди сапожные, гвозди носковые, гвозди подпятные (Там же, 2003, с. 77, 78, 116);

5 - *предметы домостроения и судостроения*: гвозди четвертные, гвозди вершковы, гвозди двухвершковы, гвозди трехвершковы; скобы судовые, гвозди большие прибойные (Таможенные книги..., 2003, с. 80-105, 107; Верхотурские грамоты, 1982, с. 15);

6 - *рыболовные принадлежности*: уды стерляжьи, уды осетровые, уды мелкие (Таможенные книги..., 2003, с. 102, 129, 133).

В таможенных книгах сибирских городов есть прямые указания на пункты промышленного производства привезенных товаров, а именно: уклад (сталь) корельский (В Тобольской таможенной книге за 1672-1673 гг. около половины зарегистрированного уклада именовано корельским); ножи

усольские, мезенинские, ярославские (в процентном отношении их доля составляла 91, 4, 4% соответственно) (Таможенные книги..., 2003). Кроме того, на сибирском рынке были известны ножи московские, кирилловские, пермские (Верхотурские грамоты, 1982, с. 132-218); ножницы устюжские и немецкие (последние составляли 2,4%); замки немецкие (в соответствии с названным выше источником они составляли 37%) (Таможенные книги..., 2003, с. 86-136).

Крупным центром поставки железа и кузнечной продукции была Устюжна-Железопольская. Наиболее характерным товаром устюжского рынка было кричное железо. Помимо собственно устюжского металла поставлялось железо в крицах крестьянами соседних Угличского, Белозерского и Новгородского уездов (Сперанский, 1961, табл. 17). В то же время в Устюжне-Железопольской занимались выделкой и более дорого уклада (стали). Так, запись 1630-1631 гг. свидетельствует: «Куплено у пасацково человека у Петрушки Терентьева 30 криц. Дано за десяток по тринадцати алтын по две деньги. И те крицы плавил в двух горнах Овдокимко укладник, да Олешка да Ондрюшка Алексеевы, да шесть человек молотников... И ис тех криц выплавилось 10 криц... И ис тех выплавленных криц ковали» (Сперанский, 1961, с. 168-170). Уклад на устюжский рынок привозился также из Пошехонья, Олонца, Тихвина, изредка из Ярославля (Там же, 1961, с. 165).

О вывозимых с Устюжны в Сибирь товарах мы можем судить отчасти по царским грамотам, отосланным на Верхотурье в 1597 и 1601 гг. с указаниями отправки тысяч судовых скоб и гвоздей «для судового дела». «Лето 7110 ноября в 23-й день по государеву цареву и Великого князя Бориса Федоровича всея Руси указу память Семену Безобразову. Ехати ему на Устюжну Железопольскую, для того: велено отвезти с Устюжны на Верхотурье для судового дела дватцать семь тысяч шестьсот шесть скоб, тысяча сто гвоздей больших, прибойных. ...А будет столько скоб и гвоздей у торговых людей не будет и то число велети устюжским кузнецом скобы и гвозди делати и изготовить вскоре» (Верхотурские грамоты, 1982, с. 15-118).

Важнейшее место на сибирском рынке принадлежало товарам Устюга Великого, одного из самых значительных торгово-ремесленных центров Поморья, расположенного на перекрестке двух торговых магистралей - Московско-Архангельской и Московско-Сибирской. Устюжские кузнецы (в конце века количество их составляло более 100 человек) изготавливали широкий ассортимент продукции, большая часть которой составляла важную статью вывоза в Сибирь: топоры «средней» и «малой руки», тесла, буравцы, ножницы (с конца 60-х гг. XVII в. «ножницы устюжские» или «устюжского дела» были хорошо известны на сибирском рынке (Таможенные книги..., 2003, с. 88-124; Мерзон, Тихонов, 1960, с. 405, 407, 631, 633).

Ножи изготавливались на Устюжском посаде в незначительном числе. Более значительное количество завозилось в Устюг из Соли Вычегодской («ножи усольские») и Мезени, имевших высокоразвитое ножевое производство. Среди их продукции были лучевники, косари (большие тяжелые ножи для шипания лучины), «железца ножевые», а также и ножи с «медным и серебряным припоем». Все они могли быть предметом скупки торговыми людьми Устюга, ведущими торговлю с Уралом и Сибирью (Мерзон, Тихонов, 1960, с. 407, 633).

Славился Устюг и своими замочными изделиями. Местные кузнецы выпускали замки всевозможных конструкций и назначения: амбарные, «отворотные», «коробейные», «колодные», «отднличные», «двоеполчные», «односнишные», «двоеснишные», «нутряные», «дошчатые», «задорощатые», «глядуны», круглые, клинчатые, висячие, «с прутьем» и без прутья». Сибирь являлась крупным рынком их потребления (Там же, 1960, с. 406, 632). Из Устюга же шли в большом числе землеобрабатывающие и хлебоуборочные орудия: сошники, ральники «недружные», лемехи, серпы и косы-горбуши (Там же, 1960, с. 404, 630).

Устюжские кузнецы специализировались на производстве судовых скоб и гвоздей для судостроения и плотничьих работ. Кованые гвозди различались размерами - вершечные, полуторавершечные, двоевершечные, троeverшечные, четвертные, пятивершечные. По свидетельству источников, этот скобяной товар в больших количествах отправлялся для нужд

сибирского судостроения и домостроения (Там же, 1960, с. 405, 411). Гвоздей для сапожного дела устюжские мастера производили мало. Поэтому большое количество их привозилось из Ярославля и Вологды. В конце XVII в. гвозди стали поступать из Холмогор (Там же, 1960, с. 405, 631, 632).

Для рыболовного промысла устюжские кузнецы выпускали уды (крючки) «стерляжи» и «осетровые», вывозившиеся главным образом в Сибирь (Там же, 1960, с. 405, 622).

Объемы поставок кузнечных товаров «с Руси» были весьма значительными и устойчивыми на протяжении всего XVII в. Точное количество поступившей в регион продукции трудно подсчитать. Однако имеющиеся исторические источники позволяют нам выяснить общие тенденции и закономерности развития торговых связей Европейской России с Сибирью. В качестве иллюстрации объема торговых поставок может служить и запись, сделанная в «Тобольской таможенной книге» 1 апреля 1673 г.: «Того же дни приехал с Верхотурья вятчанин торговый человек Дмитрией Иванов Филипов, а явил у себя по верхотурской своей проезжей грамоте русского товару... семь десять топоров средних и малых девятнадцать рублей восемь алтын две денги, ... четыре тысячи пятсот иголок узловых четыре рубли с полтиною, ... шесть пуд меди зеленые в котлах з дугами железными сорок восемь рублей, шестьдесятеры ножницы устюжские шесть рублей, два пуда тритцать фунтов укладу жильного восемь рублей с четью, пять сот ложек вяцких пять рублей, шездесять серпов два рубли тринатцать алтын две денги, десятеры сошники друженые восемь рублей и всего того у него русского товару на семь сот на шездесять на два рубли с полтиною» (Таможенные книги..., 2003, с. 94-95).

Важной стороной русско-сибирской торговли являлось качество поставляемой кузнечной продукции. Его изучение имеет значение для оценки уровня развития русского ремесленного производства того времени, с одной стороны, с другой - выяснения тенденций его развития в XVII-XVIII столетиях.

Металлографический анализ показал, что большая часть русской кузнечной продукции отвечала высоким эксплуатационным требованиям. Рубяще-режущие инструменты (топоры, ножи) изготовлены с использованием традиционных для технологии русского кузнечного ремесла сварных конструктивных схем, в разных модификациях: торцовая наварка стального лезвия на железную или малоуглеродистую основу, двухслойная сварка железа и стали, вварка стального лезвия в железную основу. Наряду с ними имели распространение цельностальные, термически обработанные поковки, обладавшие хорошими рабочими свойствами. Вместе с тем отмечалось использование небольшого количества низкокачественных изделий, изготовленных из простого кричного железа.

Судя по имеющимся данным, большая часть изделий произведена высокопрофессиональными русскими городскими ремесленниками непосредственно в Европейской России, либо русскими мастерами, переселившимися в Сибирь. Свидетельств последнему сохранилось немало в исторических документах. Подтверждением может служить характерный царский указ 1631 г. в Сибирь: «...а в Тобольске и Тобольского (уезда) в городах кузнецов нет же, был де кузнец и тот по нынешнему указу послан из Тобольска с стольники и воеводы с Петром Головиным, с товарищи на великую реку Лену. Которые кузнецы присланы были для рудоделия железного и всякого кузнечного дела из русских городов, и те померли. И за кузнецами в сибирских городах рудоделия ... и самопальное, и мельничное, и всякое кузнечное дело стало. И мы указали... поехать с Устюга Великого, выбрав двух человек кузнецов добрых и семьянистых, которые б умели железную руду плавить и крицы ковать и всякое кузнечное дело делать, да из Перми Великой, да от Соли Камской, выбрав четыре человека кузнецов же добрых же и семьянистых, которые б умели самопальное и мельничное и всякое кузнечное дело делать» (Никитин, 1971, с. 30).

Низкокачественная группа изделий откована малоквалифицированными людьми, имевшими незначительные навыки работы с железом, в качестве таковых могли быть служилые люди или пашенные крестьяне.

В целом, анализ исторических и археологических источников свидетельствует, что продукция металлургической и металлообрабатывающей промышленности европейской России играла весьма важную роль в становлении экономики Сибири XVII в. Железные и стальные полуфабрикаты и готовые изделия представляли материальную основу, с помощью которой в обживаемом крае строились города и поселки, развивалось пашенное земледелие, стойловое животноводство, прокладывались и функционировали водные и сухопутные пути сообщения, организовывались домашние промыслы и городские ремесла. Успех указанных предприятий в значительной степени связан с развитием русского металлургического и металлообрабатывающего производства, поставлявшего в Сибирь высококачественную и сравнительно недорогую продукцию, а также кадры специалистов-ремесленников, заложивших начала местной сибирской промышленности.

**М.А. КОРУСЕНКО, Ю.И. ОЖЕРЕДОВ,
Е.Ю. СМИРНОВА, А.А. ЯРЗУТКИНА**

Россия

Омск, Томск

Омский государственный университет

Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН

Томский государственный университет

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ РАБОТЫ НАД «ОЧЕРКАМИ МИФОЛОГИИ СИБИРСКИХ ТАТАР»*

Настоящим сообщением коллектив авторов намерен ввести в научный оборот предварительные итоги изучения и классификации верований и представлений, существующих в традиционном мировоззрении сибирских татар. Идея разработки данной темы авторами была сформулирована несколько лет назад в ходе осмысления полевого материала с позиции перспективности изучения локальных вариантов традиционной культуры (Корусенко и др., 2002).

В процессе систематизации этнографического материала в мифологии сибирских татар стало понятно, что мифологический пантеон при достаточном большом объеме весьма неоднороден и требует индивидуального рассмотрения. В ходе детального изучения иерархии мифологических персонажей в ней было выделено несколько уровней, обусловленных различием функций героев, степенью индивидуализированного воплощения, спецификой взаимоотношений с человеком и степенью их актуальности для человека. Вместе с тем авторы вполне отдают себе отчет в том, что данная схема достаточно условна и требует дальнейшего совершенствования.

Осмысление материала при классификации мифологических образов привело к необходимости учитывать не только персонажи, но также способы сложения представления о том или ином сверхъестественном существе. Разнообразие характеристик выявленных героев позволило не только выделить группы персонажей, но в свою очередь потребовало создания внутригрупповой их классификации. Сама по себе процедура такого рода разделения оказалась весьма непростой уже потому, что в огромном корпусе полевого материала, описывающего демонических существ, последних иногда очень сложно разграничить. Трудность состоит в том, что по внешним признакам и характеристикам многие из них порой не различимы, а в функциональной сфере они часто исполняют одинаковые или настолько близкие роли, что практически замещают друг друга. Такое положение, вполне объяснимо, исходя из того, что ко

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ №03-01-00483а.

времени фиксации информации о перечисленных демонических существах представления о них частично трансформировались в сторону нивелировки. Такого рода сближение привело к утрате индивидуальности, а образы в итоге потеряли некогда четкие формальные и семантические очертания.

Несмотря на утрату былой индивидуальности, мифологические образы, тем не менее, удалось сгруппировать, причем не путем последовательного соподчинения, а в соответствии с реально занимаемыми позициями, существующими вполне независимо друг от друга. Полученные в процессе анализа мифологических персонажей результаты, по-своему характеризуют каждую из выделенных групп.

К первой группе или верхней ступени иерархии были отнесены персонажи, обладающие наиболее общим набором функций и нередко выступающие в роли демиургов - «творцов». Это *Тенгри*, *Худай*, *Аллах*, *Шайтан* и женский образ *Хава Ана*. Каждому из них посвящена словарная статья, в которой рассматривается термин - имя, которым нарекли конкретное божество, приводится сравнительный материал, указываются формы бытования, сложения и эволюции образа.

В результате исследования пантеона первой группы было установлено, что, несмотря на идеологическое воздействие ислама и замену традиционного «верховного божества» (в разное время у сибирских татар это был *Тенгри* и *Худай*) Аллахом, архаичные представления, связанные с первым, устойчиво сохранялись в народной среде¹.

Ко второй группе отнесены мифологические персонажи, связанные с определенными возрастными этапами жизни человека и наиболее ярко проявляющиеся в моменты, регламентируемые обрядами перехода. Эти существа являются «посредниками» между Богом и человеком. Данная категория мифологических персон довольно разноплановая: ее обитатели располагаются в нескольких иерархических горизонтах и предстают в различных ипостасях. Кроме всего прочего, эти образы также различны по своему происхождению. В первую подгруппу данной группы вошли такие представители потустороннего мира, как *Айша-Фатима*, *Юсуп Пайхамбар*, *Кошура*, *Санге Бабай*, *Хызыр Ильяс*, *Кугурт Ферштэ*. С учетом опыта ряда исследователей, занятых изучением проблемы мусульманского синкретизма и почитания «святых» в исламе, данная группа получила внутреннюю классификацию в соответствии с характером источника появления персонажей в татарской среде: часть мифологических образов вошли в народные представления через Коран, а также рассказы о родственниках пророка, так называемых *Ферштэ* (*ферштэ* - ангел) и *Пайхамбар* (*пэйхэмбар* - пророк). Каждому из персонажей второй группы посвящена индивидуальная словарная статья (см., например: *Айша-Фатима*, *Пайхамбар*, *Нух пайхамбар*, *Юсуп Пайхамбар*, *Джабраил/Хазраил Ферштэ*).

Вторая подгруппа второй группы включает мифологические персонажи, которые некогда были историческими лицами: среди них средневековые суфии, основатели и руководители школ и орденов, а также их ближайшие последователи, причисленные к лику святых. Основное место здесь занимают так называемые аулия и ёхшилар, «святые» люди, похороненные недалеко от поселений, могилы которых издревле почитаются (см. работы А.Г. Селезнева и И.А. Селезневой, И.В. Белича и др.), а также мифологические персонажи, прототипами которых были мусульманские шейхи, такие как *Санге Бабай* и *Чобан Бабай*.

Следующую, третью группу мы обозначили условно как «сборную» и поместили сюда объекты почитания, которые формировались собственно в среде сибирских татар под воздействием всех известных им религиозных течений: коранических, суфийских, языческих.

---

¹ Более того, в настоящее время происходит процесс возврата к языческим формам верований как результат обособления сибирских татар от проживающих с ними рядом татар, пришедших из Поволжья и Приуралья. Местная интеллигенция пытается доказать, что исконная вера сибирских татар - «тенгрианство».

Эти образы являются настолько «синкретичными», что один персонаж нередко несет в себе два имени, причем различных по своей сути, то есть взятых из разных мировоззренческих систем. Таких персонажей в мифологии сибирских татар несколько, большинство из них изучены авторами проекта, и информация о них нашла выражение в готовящихся словарных статьях (см., например: *Кугурт Феритэ и Кошура*).

К четвертой группе отнесены духи-хозяева мест, значимых в хозяйственном цикле сибирских татар, так называемых *Иясе*. Они являются, судя по всему, наиболее архаичными и сохранились, видимо, благодаря тому, что постоянно имели важное значение в хозяйственной деятельности и соответственно обращение к ним было иррациональным способом жизнеобеспечения человека. Каждый из духов-хозяев отвечал сугубо за свое пространство и общение с ними человека осуществлялось посредством использования определенного набора магических действий, текстов и символических жертв.

Однако при рассмотрении этих образов авторы проекта обратили внимание, что некоторые из этих образов, имея одинаковые функции, нередко имеют разные названия и внешний облик. Например, это относится к духам - хозяевам воды *Су Иясе / Су Анасы / Су Ана, Су Бари, Су Бабасы, Су Пицын, Су Сыер*. В процессе анализа каждого из этих образов, в том числе и их названий, выяснилось, что такая вариативность - не только результат локальных отличий, но и показатель разновременности их сложения, а также результат переосмысления местными жителями старинных легенд и поверий, нередко под влиянием пришлых народов.

В пятую группу объединены персонажи низшей ступени в нашей мифологической иерархии, так называемая «нечисть». Некоторая часть из них, такие как *Албасты, Оцкур, Убыр и Мяцкай и др.*, уже нашла (или найдет) отражение в словарных статьях. Происхождение этих существ считалось нечистым, а влияние тлетворным, поэтому от них пытались избавиться. Для изгнания использовали различные магические средства, в том числе разнообразные апотропеи, как пассивного, так и активного функционирования (в том числе и некоторые материальные предметы, ставшие в связи с этим значимыми в мировоззрении и соответственно сакрализованные).

На отдельный уровень мы поместили духов, которые имели антропонимическое воплощение в виде фигурок-идолов. Как особая категория духов-помощников они также участвовали в культовой практике, связанной с достижением удачи в хозяйственной деятельности. Это *курчак, эттеней и чалу*. Им посвящена отдельная словарная статья, в которой рассматривается не только полевого этнографический материал, но и сведения путешественников XVII-XVIII вв., что позволяет охарактеризовать веру в идолов у сибирских татар в прошлом.

Подводя итоги исследований мифологического пантеона сибирских татар, необходимо отметить, что, несмотря на некоторые аналогии, имеющиеся у других тюркоязычных народов Сибири, в целом пантеон мифологических персонажей сибирских татар отличается своей спецификой и несет на себе отпечаток исторических событий, происходивших в среде сибирских татар на протяжении нескольких сотен лет их компактного проживания в Западной Сибири.

Фактически данный вывод означает наличие в тюркской мифологии Евразии локальной мифологии сибирских татар и локального специфического варианта народной формы ислама.

Исследования мифологии сибирских татар выявили пути трансформации мифологических образов на переломных моментах смены идеологических ориентиров. Прежде всего, речь идет об исламизации ранее языческого населения и вживлении персонажей мусульманской мифологии в мировоззрение сибирских татар. Данный процесс проходил путем формальной замены древних персонажей на привнесенные, отвечающие требованиям новой религии. Вместе с тем представители архаичного пантеона, «надев маски новой веры», продолжали свою жизнедеятельность в местной идеологии. За счет такой подмены многие древние образы сохранялись и дошли до наших дней. Прежде всего, конечно же, сохранялись персонажи, необходимые для обеспечения хозяйственной жизни населения. В силу такой нерасторжимой зависимости от традиционного хозяйства они вместе с ним дожили до современности.

М.Ф. КОСАРЕВ

Россия, Москва

Институт археологии РАН

О ПАЛЕОЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ В ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ (РИТУАЛЬНО-ОБРЯДОВЫЙ АСПЕКТ)

Известно, что полевой археологический материал обычно не выводит напрямую к концептуальной информации. Его историческое осмысление осуществляется, как правило, путем обращения к имеющимся этнографическим свидетельствам. Умение находить и объективно оценивать археолого-этнографические параллели при реконструкции тех или иных явлений «ископаемой действительности» - одно из основных условий выхода на исторический уровень археологического исследования. Приоритетным исследовательским полем здесь должно оставаться единое археолого-этнографическое пространство с традиционной направленностью культурного развития - с древних времен до этнографической современности, что с достаточной полнотой и выраженностью мы наблюдаем в азиатской части России, коренные народы которой до сравнительно недавних пор во многом продолжали оставаться на тех или иных уровнях первобытности.

Особенно явно археолого-этнографические соответствия проявляются в традиционной сибирско-языческой погребальной и жертвенной обрядности, при обращении к которой необходимо различать три главных смысловых ракурса - структурный, философско-мировоззренческий и функциональный.

Структурный ракурс. Главный смысл названного ракурса заключается в идее триединства. Вселенная как система Мироздания осмысливалась в виде трехчастной (трехсферной) структуры, в состав которой входят *верхняя* (небесная), *средняя* (земная) и *нижняя* (подземная) сферы. Верхний (и Нижний?) мир, в свою очередь, делится на три внутренних субпространства, тоже имеющих нижний, средний и верхний статус. Семиричная, девятиричная и более многоступенчатая градация Верхнего мира наслоилась на трехступенчатую схему, скорее всего, уже на поздних этапах первобытности.

Структура Мироздания осмысливалась как в вертикальной, так и в горизонтальной проекциях, которые нередко выступали в смешанном виде, образуя единую «гибридную» вертикально-горизонтальную модель. *Вертикальная* модель чаще всего представлялась в образе вселенского дерева, известного в сибирской этнографии под именем «шаманского»: невидимая (корневая) его часть символизирует Нижний мир, видимая - Средний мир, вершина ассоциируется с верхней (небесной) сферой. *Горизонтальная* модель нагляднее всего запечатлена в связке: поселение, кладбище, святилище, где селение осмысливается как Средний мир, кладбище - как Нижний, святилище - как Верхний. *Гибридная* (горизонтально-вертикальная) модель наиболее образно представлена мифической шаманской рекой, текущей с юга на север или с востока на запад; при этом верховье ее находится в Верхнем мире, низовье - в Нижнем.

Особенно зримой и, пожалуй, самой содержательной моделью Мироздания является традиционный могильный комплекс. Подземная часть (могильная яма) ассоциируется с Нижним миром, надземная (надмогильное дерево, курганный холм или какой-либо другой возвышающийся над могилой знак) демонстрирует связь с верхней (небесной) сферой. Случаи грунтового захоронения (без надмогильного сооружения), водружение покойника на дерево или вообще на высоту и другие «отклонения от нормы», известные у ряда сибирских народов, свидетельствуют, видимо, о наличии ритуалов, способствующих акцентированному приобщению «души» покойника (одной из «душ»?) к какой-либо определенной ступени Мироздания - в зависимости от возраста, социального положения, обстоятельств смерти и т. д.

Вышеотмеченная структура могильных сооружений соответствует в основном вертикальной модели Вселенной. Но традиционный погребальный комплекс имеет также ряд признаков, характерных для горизонтальной проекции Мироздания, о чем свидетельствует в частности ориентировка погребенных: на точку солнечного восхода (ритуальный восток) или заката (ритуальный запад); вдоль полуденно-полуночной линии (юг - север); в соответствии с направлением течения близлежащей реки; с учетом местонахождения какого-либо иного священного ориентира.

Тот же принцип горизонтальной ориентации соблюдался при выборе ритуальных сторон, куда направлялись молитвенные послания и жертвенные дары. Обские угры, по К.Ф. Карьялайнену, при обращении к светлым духам становились лицом к солнцу и в течение всего ритуального дня поворачивались по ходу дневного светила, посылая в тех направлениях свои молитвы, поклоны и приношения (1996, с. 44).

Чукчи различали 22 горизонтальных жертвенных направления, ориентированных на положение солнца относительно полуденной точки и линии горизонта. Каждое из 22 направлений имело постоянное имя: Приблизился Рассвет; Свет Прорвался Наружу; Утренний Рассвет; Темнота Ушла; Хорошо Рассвело; Солнце Взошло; Солнце Поднялось; Солнце Поднялось к Вершине; Солнце к Полудню Постепенно Приблизилось; Солнце к Середине дня Подвигаться Стало; Солнце Стало Низким и т. д. (Богораз-Тан, 1939, с. 21). Из 22 направлений лишь два были постоянными: «Полдень Наступил» и «Полночь Наступила». Остальные 20 зависели от продолжительности дня и ночи в разные сезоны года. Кроме того, Верхний мир у чукчей в горизонтальной проекции совмещался с областью рассвета, полудня, с направлением вверх по реке и вправо от молящегося. Нижний мир соответственно ассоциировался с точкой захода солнца, с полуночной (северной) стороной, с направлением вниз по реке и влево от молящегося (Богораз-Тан, 1923, с. 30-34).

Приморские чукчи помимо солнечных направлений совершали моления «всем ветрам» - в ту сторону, откуда они дуют (Богораз-Тан, 1939, с. 34). Похожий ритуальный обычай отмечен у кондинских вогулов, нарымских селькупов и у некоторых других аборигенных народов Сибири.

Отправление в «запредельность» жертвенных и молитвенных посланий могло осуществляться (как и в погребальной обрядности) не только по горизонтальной, но и по вертикальной «дороге». Урало-сибирские аборигены, принося жертвы «нижним» духам, обычно зарывали жертвенный дар в землю (или вообще помещали ниже обычного уровня), а приношения, предназначенные для верхних духов, возносили на дерево или вообще на высоту (см., напр.: Косарев, 2003, с. 145-148, 156, 157, 288, 289; и др.). Кроме того, весьма распространенными приемами приобщения к иным пространствам были: втыкание в землю, выворачивание наизнанку, переворачивание «вниз головой», помещение «задом наперед», ломка («умерщвление»), кремация и пр. (Там же, с. 145-165).

Многообразие, многоплановость и семантическая поливариантность вышерассмотренных ритуальных ориентировок - горизонтальных, вертикальных и «гибридных» (горизонтально-вертикальных) - свидетельствуют о чрезвычайной сложности языческого (в данном контексте сибирско-языческого) миропонимания, в основе которого лежат представления о многоступенчатой, многопорядковой и очень динамичной субординации систем, блоков и деталей, определяющих структуру Мироздания (с. 125-178).

Неоднозначный характер сибирско-языческой ритуальной ориентации, многоуровневость и противоречивость представлений о структурной организации Вселенной должны обязательно учитываться при семантической трактовке так называемых археоастрономических объектов, особенно древних кладбищ, жертвенных мест и святилищ. Дело в том, что, по языческим понятиям, любое произведение человеческих рук, как и всякое творение Природы, являют собою не только структурную часть Вселенной, но понимаются как образ и структурное подобие Мироздания. В этом смысле любой сибирский археологический (и этнографический) памятник (могила, жилище, жертвенное место и др.), как и любая деталь Природы (река, дерево, гора и пр.), просто обязаны быть «астрономическими объектами».

Философско-мировоззренческий ракурс. Здесь, на мой взгляд, мы вправе исходить из безусловности следующего тезиса: в древней и традиционной (в данном случае сибирской) погребальной обрядности закодированы основные категории и концептуальные сюжеты языческого миропонимания, а именно представления о «душе», о Мире, о жизненном круговороте, о пространстве-времени, а также о других категориях сибирско-языческого мировоззренческого комплекса.

Один из главных философских смыслов сибирско-языческого миропонимания сводится (как и во всех других, в том числе «неязыческих» мировоззренческих системах) к проблематике, связанной с соотношением категорий «добра» и «зла», т. е. Верха и Низа, светлых и темных сил, рождения и смерти, праведности и греховности, а также всех прочих земных и вселенских бинарных проявлений. При их оценке следует учитывать, что сибирское язычество, в отличие, скажем, от христианства, не ставит целью искоренение «зла» в мире людей, признавая его столь же правомочным, как и «добро».

Средний мир (наша Земля) выполняет роль пограничья между вселенским Верхом и вселенским Низом. Одним из главных условий существования Земли как «промежуточной» сферы является динамичное равновесие здесь «плюсовых» и «минусовых» вселенских начал. Односторонняя победа на Земле «добра» или «зла» нарушает космический миропорядок и чревата гибелью земного мира, а исчезновение Земли как *буферной зоны*, лежащей между абсолютным вселенским «плюсом» и абсолютным вселенским «минусом», в свою очередь может привести к краху Вселенной, или к так называемому Мировому Хаосу.

В сибирско-языческом понимании стражем миропорядка, во всяком случае на родо-племенном уровне, является *шаман*, способный, в отличие от нынешних псевдошаманствующих самовыдвиженцев, ориентироваться во всей многомерности пространственных и семантических соотношений между земным и внеземными мирами. Будучи избранником духов, т. е. особо предназначенной личностью, он наделен пониманием структурной и смысловой субординации разных пространств Вселенной, а потому может со знанием дела, *не во вред, а на пользу Миру* посредничать между средней, верхней и нижней сферами. Одна из самых ответственных обязанностей *настоящего* сибирского шамана состоит в поддержании разумного динамического равновесия вселенского «плюса» (добра) и вселенского «минуса» (зла) в пограничье верхней и нижней сфер - во имя нормального функционирования срединного земного мира, а отсюда и Мироздания в целом.

«Средний мир - главный жизненный центр Мироздания, сердце и душа Вселенной... По дошедшим до нас космогоническим мифам разных народов, главной заботой Вселенского Творца было обустройство Среднего (земного) мира. Правда, библейский Создатель Вселенной пытался, как может показаться на первый взгляд, обойтись поначалу без средней сферы: созданные им перволюди и их жизненное окружение были помещены в Эдем (рай). Однако «недостроенность» Мироздания предстала столь очевидной, что Бог-Творец практически сразу же приступает к подготовке акта грехопадения. Райское (!) древо «познания добра и зла» как символ Среднего мира, Змей-искуситель (созданный Богом!) как олицетворение нижних сил, запрет (предполагающий его нарушение) на вкушение плодов от древа познания и, наконец, изгнание Адама и Евы из рая - все это есть не что иное, как логически последовательные этапы сотворения Среднего мира - конечно, не случайные, а заранее предусмотренные Вселенским Творцом, прекрасно понимающим, что вне механизма постоянного взаимонапряжения «плюсовых» и «минусовых» значений системы координат Вселенной исчезают понятийные смыслы «добра» и «зла», и Мироздание как таковое теряет свой главный структурный и смысловой стержень» (Косарев, 2003, с. 174).

Многие сущностные смыслы сибирско-языческого миропонимания воплощены в «шаманском» (мировом) дереве. Дерево здесь не просто лестница в другие миры, оно - образ Вселенной. «Одно из отличий сибирского шаманизма от всех других форм языческих верований

состоит в том, что культ дерева здесь достиг наиболее полной выраженности. Дерево со своими бесчисленными ответвлениями первого, второго, третьего и т. д. порядков - замирающее зимой и оживающее летом, могучее, долголетнее, постоянно растущее вверх, к небу, а корнями уходящее в подземный низ, непрерывно меняющееся, - наиболее адекватно отражает динамическую сложность Мироздания, его смыслы и его тайны. Незрелость шаманизма у северо-восточных палеоазиатов (чукчей, коряков, ительменов) объясняется, на мой взгляд, в частности тем, что там не успела сложиться в сколько-нибудь выраженном виде идея мирового (вселенского) дерева» (с. 289).

Светлая человеческая душа («душа-птица»), по сибирско-языческим представлениям, обеспечивает наследование жизни лишь в связи с деревом. Дерево было гарантом возрождения не только людей, но и животных. Поэтому кеты, сахалинские гильяки и другие сибирские аборигены помещали кости убитого животного в дупло дерева или у его подножия, веря, что они после этого вновь облекутся живой плотью. Вне дерева был немыслим полноценный контакт с верхними богами. В молитвенном обращении селькупского шамана к Небу есть такие слова: «У дерева жертву приношу, и мольба моя по дереву вверх поднимается» (Прокофьева, 1981, с. 53).

Культ дерева, согласно историческим и этнографическим данным, в той или иной мере был свойствен большинству архаичных обществ нашей планеты, в том числе славянам - в дохристианский период. Позже под влиянием библейской мифологической сюжетики, где идея непримиримой борьбы двух противоположных вселенских начал («добра» и «зла») вытесняет идею их равноправия, концепция мирового дерева - символа неразрывной сопряженности «светлого» Верха и «темного» Низа, откровенно языческая по своей сути, утрачивает первоначальный смысл и по существу перестает восприниматься как модель Мира, «мировая ось» и т. д. В известном библейском мифе о «древо жизни», «древо познания добра и зла» мы имеем дело всего лишь с доставшимся в наследство от язычества терминологическим реликтом, не содержащим уже глубинных смыслов традиционного языческого древопочитания.

Функциональный ракурс традиционной погребальной обрядности должен, на мой взгляд, исходить из положения, что по существу все ее элементы так или иначе направлены на обеспечение благополучного достижения «темной» (нижней) и «светлой» (верхней) душами покойника мест их загробного обитания - во имя будущих реинкарнаций.

Последовательная этапность жизненного цикла (рождение - смерть - возрождение) в той или иной мере прослеживается в схеме жизненного круговорота большинства аборигенных народов Сибири, но с разной степенью отчетливости. С наибольшей полнотой названная схема представлена у обских угров (остяков и вогулов). По их верованиям, конец земной человеческой жизни сопровождается уходом из тела двух основных жизненных субстанций, а именно темной и светлой душ. *Первая* в виде тени, призрака отправляется на север (у некоторых сибирских народов - на запад), в Нижний мир, в темную страну мертвых; *вторая*, носительница наследования жизни, улетает на юг (у некоторых других сибирских аборигенных групп - на восток), в верхние сферы, где жила в виде птички до тех пор, пока не приходило время вселиться в тело новорожденного младенца.

Момент появления души-тени в Нижнем мире знаменовало начало ее существования там в качестве «нижнего» человека, но не в младенческом состоянии, а в том возрасте, в котором он умер на земле. Далее, в соответствии с обратным течением нижнего времени, начинается обратная жизнь. «Тень» все более молодеет. Дойдя до младенческого возраста, она продолжает уменьшаться и в конце концов исчезает из нижнего пространства - в виде некоего «зародыша», обычно в образе какого-либо насекомого. Этот «зародыш» попадает в лоно земной женщины и прорастает там как внутриутробный младенец. В момент его рождения или чуть позже из Верхнего мира на Землю прилетает душа-птица (как правило, принадлежавшая одному из ранее умерших сородичей) и одушевляет новорожденное тело. После этого начинается новый цикл земной жизни, и так может продолжаться многие поколения подряд.

Для того, чтобы жизненный круговорот шел без отклонений и сбоев, необходимо строго соблюдать особые обряды и ритуалы, связанные, прежде всего, со смертью, похоронами и рождением человека.

Основная идея погребальной обрядности - это идея жизненного круговорота. Зарывание покойника в землю, ориентация, положение с умершим могильного имущества, надмогильное сооружение, напутственное слово погребенному, обряд провожания души, поминки и т. д. - все это работает на бесперебойность циклов возрождения. Малейшее отступление от погребальных канонов грозило сбоями на пути осуществления жизненного круговорота. Это мешало душе (прежде всего душе-тени) закрепиться в потустороннем мире, а то и вообще лишало возможности попасть туда, что вело к нарушению правил возобновляемости жизни и соответственно к сокращению и даже к полному вымиранию рода.

Похожие способы транспортировки в запредельность использовались при жертвоприношениях, во время шаманских путешествий и в других сакральных действиях, связанных с перемещением из одного пространства в другое. Мне кажется, например, что некоторые из так называемых кенотафов (древних могил без покойников) в действительности могли быть «захоронением» вещей (и пищи) для отправки их покойным сородичам, т. е. «посылкой на тот свет». Это тем более вероятно, что у многих урало-сибирских народов практиковался обычай класть в могилу очередного покойника какую-нибудь вещь или еще что-нибудь с наказом передать это нижним людям в качестве гостинца от живых земных родственников.

Примерно в том же интерпретационном ключе можно трактовать и некоторые, казалось бы, сугубо поселенческие объекты, в том числе так называемые хозяйственные ямы. Учитывая, что к сломанным, пришедшим в негодность, отслужившим свой век вещам, а также к пищевым и костным остаткам сибирские аборигены, одушевляющие все окружающее, относились как к «умершим» предметам, почти очевидно, что их утилизация (?) в особых ямах должна была сочетаться с элементами погребальной и/или жертвенной обрядности, о чем мы, современные люди, приученные воспринимать все, что нам не нужно, как «мусор», даже не задумываемся. Примеры и предположения такого рода можно приводить десятками.

Все вышеописанные сибирско-языческие ритуально-обрядовые проявления входят в *круг традиционных элементов духовной культуры*, существовавших, судя по имеющимся археолого-этнографическим материалам Сибири, от неолита-энеолита до этнографической современности. Поэтому все они могут, как мне представляется, достаточно правомерно использоваться при реконструкции древнего миропонимания - в рамках палеоэтнографического подхода. Однако при этом необходимо соблюдать еще один, может быть, самый главный научно-методологический принцип: археолог, использующий палеоэтнографический подход в историко-археологическом исследовании, обязан знать этнографию на уровне этнографа-профессионала.

Г.Г. КРАВЧЕНКО, Ю.И. ОЖЕРЕДОВ

Россия, Томск

УНПО «Информатика»

Томский государственный университет

СОЗДАНИЕ ЦИФРОВОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЫ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Накопленные к настоящему времени объемы материалов и информации в археологии делают необходимым использование современных информационных технологий для дальнейшего их изучения и обобщения. Пространственная привязка памятников археологии и необходимость постоянно учитывать этот фактор при разного рода исследовательской и популяризаторской

деятельности приводят к мысли о перспективности использования в таком случае геоинформационных систем. Именно поэтому археология является одной из первых гуманитарных дисциплин, где были созданы такие системы. Как правило, их основой становятся цифровые карты размещения археологических памятников на территории. Сейчас таких систем создано очень много, но какого-либо радикального изменения в решении задач археологии они пока не внесли и больше напоминают демонстрацию возможностей развитых программных средств для создания универсальных геоинформационных приложений. Создание таких систем изначально должно отвечать конкретным целям и потребностям. В обобщенном виде они выглядят следующим образом:

1. Регистрация археологических памятников с пространственным отображением их положения в интересах государственного реестра памятников культурного наследия и соответствующих территориальных служб по охране памятников.

2. Инвентаризация состояния памятников в ходе хозяйственной деятельности на территориях и отслеживание соблюдения законности использования памятников археологии.

3. Учебный, образовательный процессы. В данном случае требования к составу и наполнению системы конкретизировать трудно из-за разнообразия вариантов использования. Большой интерес могут представлять сами геоинформационные системы как объект знания, требующийся современным археологам, а также демонстрационные лекционные и семинарские занятия на их основе, способные гораздо разнообразнее и полнее представить учащимся материал. Кроме того, крайне важны получаемые с их помощью тематические карты на бумажном носителе.

Такие обучающие программы и карты могут быть максимально точно вписаны в учебный и образовательный процессы, они могут легко корректироваться и обновляться. Получение же разного рода карт может непосредственно входить в учебные задания.

4. Культурно-просветительский процесс. Современные геоинформационные технологии позволяют говорить о создании «виртуальных археологических музеев». Но в таком случае теряется полнота, лежащая в основе цифровой карты. Предпочтение будет отдаваться показу наиболее известных на территории памятников, давших самые интересные и представительные материалы. В качестве производных цифровых картографических слоев могут использоваться материалы по археологическим памятникам для печати различных туристических карт и путеводителей.

В системе интерполяции к вышесказанному могут работать музейные экспонаты, выставленные в витринах и хранящиеся в запасниках. В этом случае информационная нагрузка каждого конкретного экспоната включает в себя блок геоинформационного содержания, способного высветить географические координаты и информацию другого рода.

Геоинформационные технологии могут быть применены для хранимой в музеях архивной документации, относящейся к археологическим памятникам: Отчеты о полевых работах, полевые дневники, описи материалов с археологических памятников и т. п.

5. Научные исследования. В данном случае к системе предъявляются наибольшие требования. Простейшая функция, которая здесь востребована - обеспечение информационно-справочного режима, в том числе и по пространственным запросам. Но именно эта функция зависит от полноты содержания цифровой археологической карты и ее актуальности. Во-первых, перспективы заложены в широких возможностях геоинформационных систем для выделения ареалов распространения какого-либо признака, совместного анализа выделенных ареалов, подключения аппарата пространственной статистики. Во-вторых, геоинформационные системы являются мощнейшим средством для интеграции существенно разнородных данных (можно естественным образом привлечь для анализа данные палеогеографии, топонимики, антропологии и т. п.). Они могут быть инструментом междисциплинарных исследований, именно с их помощью можно эффективно проводить многофакторный анализ.

В полевых условиях электронная карта станет незаменимым гидом. В таежных или горных условиях без современной навигационной техники очень сложно отыскать ранее известный археологический памятник. По прошествии времени и в отсутствии проводника такие памятники необходимо снова открывать, затрачивая массу усилий.

Во всех пяти случаях как к цифровой археологической карте, так и связанным с ней программным средствам, предъявляются разные требования. Тем не менее в каждом из этих случаев используется часть общей основы. Это дает основания говорить о некоторой базовой карте, которая затем должна пополняться или настраиваться под конкретные задачи. Для такой карты важны сведения обо всех известных на территории памятниках, точность их координат и минимальное количество атрибутов, необходимых для идентификации памятника. Поскольку речь идет об обзорной карте, то считалось, что все памятники имеют точечную локализацию, т. е. в графическом плане они однотипны и образуют один тематический слой.

Источником для создания цифровой карты послужили два тома Археологической карты Томской области (Чиндина и др., 1990; Ожередов, Яковлев, 1993). Координатная привязка графических объектов делалась полностью по приведенным там описаниям, с использованием цифровой топоосновы, а также бумажных карт масштабов от 1:200 000 и крупнее. Также использовались карты издания прошлых лет, содержащие ныне не существующие и не отмеченные на более поздних картах населенные пункты. Такая привязка носит качественный характер, причём качество это меняется в широких пределах - в зависимости от полноты и детальности используемых описаний и возможности соотнесения их с используемыми картами. Координатная привязка всех объектов выполнена в географической системе координат. Таблица атрибутов как минимум должна содержать идентификационный номер объекта, принятое название памятника (возможно, с другими используемыми названиями), его тип и датировку. Возможности описания набора свойств одной таблицей и сложности формализации археологической информации быстро приходят в противоречие. Так, указание типа памятника предполагает далее набор специфических для него атрибутов, который уже не может быть представлен одной таблицей. Набор атрибутивных характеристик, использованный при создании цифровой археологической карты Томской области, приведен ниже.

NumberID - уникальный номер объекта. Используется номер, который определен для памятников в (Чиндина и др., 1990, Ожередов и др., 1993). Этот номер может использоваться для связи с базами атрибутивных данных по памятникам, в зависимости от типа, автора и др.

Pt - признак качества пространственной привязки памятника.

Reg - код региона (субъекта Федерации), для Томской области - 70.

Type - тип памятника, в соответствии с принятой их классификацией.

Source - источник информации, на основании которого памятник нанесен на карту. (В данном случае все по: Чиндина и др., 1990; Ожередов и др., 1993).

Name - название памятника, в соответствии с источником.

Name2 - другие используемые названия памятника, перечислением, если их несколько.

EpochID - индекс (код) исторической эпохи.

EpochTXT - название исторической эпохи в текстовом виде, для многослойных памятников - перечислением.

ArchCuID - индекс(код) археологической культуры, к которой отнесен памятник.

ArchCuTXT - наименование археологической культуры в текстовом виде, для многослойных памятников - перечислением.

AbsData1 - Наиболее ранняя абсолютная дата, арабскими цифрами, соответствующими количеству веков. До новой эры - со знаком «минус».

AbsData2 - Наиболее поздняя абсолютная дата, арабскими цифрами, соответствующими количеству веков. До новой эры - со знаком «минус».

Condition - индекс (код) состояния памятника. Определяет как техническое состояние и тенденции его изменения, так и степень изученности памятника.

Помимо приведенных выше полей, желательно иметь информацию об открывателях памятника, о проводивших его изучение и соответствующих датах. Этого можно достичь либо добавлением соответствующих полей, либо добавлением одного текстового поля-комментария, куда будет записана в неструктурированном виде соответствующая текстовая информация. В первом случае число полей получается очень большим, пользоваться таблицей становится неудобно. Во втором случае не будет возможности реализовать соответствующие запросы и управлять визуализацией. Еще более сложной оказывается ситуация со ссылками на библиографические источники. Несмотря на чрезвычайную важность этой информации, ее сложно добавить в рамках принятой знаковой условности базовой карты. Видимо здесь стоит идти по пути создания универсальной базы данных библиографических источников по археологическим памятникам и обработки простых и удобных для пользователей механизмов ее связи с цифровой картой археологических памятников.

Достаточно сложной оказывается ситуация с многослойными памятниками. Перечисление всех исторических эпох для многослойных памятников в таблице атрибутов делает неудобной дальнейшую работу. Легенда карты становится перегруженной и плохо обозримой. Выходом является выделение каждого слоя в отдельный графический объект, но в этом случае нужно решать вопрос идентификации этого объекта.

Со времени опубликования источников, на основе которых создана цифровая версия археологической карты Томской области, информация изменилась, открыты новые памятники, проводилось изучение ранее известных. Возникает необходимость добавления новых объектов к карте, редактирования уже внесенной информации. Желательно создание механизма постоянного поддержания такой карты в актуальном состоянии в интересах всех заинтересованных пользователей.

А.И. КУЗНЕЦОВА

Россия, Москва

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ПРИЧИНЫ СХОДСТВ И ОТКЛОНЕНИЙ ОТ НИХ В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОЛЬКЛОРА)

Собирание, затем издание и последующее изучение фольклора и их изучение в сравнительно-историческом плане длится уже более 200 лет. В XX столетии, особенно во второй его половине, появилась возможность типологического исследования фольклора разных жанров, в том числе - произведений мифологического содержания. Мифов в «чистом» виде, по которым можно было бы воссоздать традиционное мировоззрение народов в России, ничтожно мало, но достаточно широко распространен жанр мифа-сказки, хранящего сколько традиционного миропонимания. Чем больше исследователи обнаруживают сходных мифов, отражающих постепенные изменения в мировоззрении разных народов, тем больше возникает новых вопросов и догадок. Остановлюсь на нескольких легендах у народов Западной Сибири, связанных с астрономией и с миром животных, и, привлекая доступные материалы из мифологий других народов, попытаюсь ответить на некоторые естественно возникающие вопросы.

С незапамятных времен люди, сталкиваясь с разными явлениями природы, пытались объяснить их и испытывали страх перед непонятным в мироздании. Их всегда интересовало строение мира, который представлялся, судя по многочисленным мифам, разделенным на три части - Верхний, Средний и Нижний миры. Особое внимание уделялось Верхнему миру и его ярусам. В фольклоре самодийцев (селькупы, ненцы, энцы, нганасаны) и обских утров (ханты,

манси) нашли отражение представления древних народов о звездном небе, основных светилах, Млечном пути. Млечный путь чаще всего трактовался как лыжный след фольклорных героев: селькупов (Ича), энцев (Диа), ненцев (Ёмпу). У манси это след от ног Мось хума: «А на небе след блестящий *Мось хум ёсанг лёнх* остался» (Чернецов, 1987, с. 268). Иногда это дорога птиц (у ханты, манси). У древних эстов Млечный путь - белая простыня, натянутая Создателем и указывающая перелетным птицам путь на юг и обратно. Это связано с распространенным верованием, что «Млечный путь представлял собой дорогу в загробный мир, которую души умерших преодолевали, будучи обращенными в птиц», символом чего служили улетающие на юг птицы (Пустыльник, 2002, с. 268). Статья М. Раппенглюка об изображении, роли и значении Млечного пути в древних культурах содержит описание десяти пониманий символики Млечного пути в древности (Раппенглюк, 2002, с. 278); подобные некоторым из них есть и у аборигенов Западной Сибири. Так, Млечный путь мог восприниматься разными этносами то как движение одного животного (медведя или лося) во время небесной охоты, то как группы животных, а также живых и мертвых людей (духов, душ) или сверхъестественных существ. Иногда Млечный путь толковался как тропа, след, борозда или нечто парящее в воздухе (мгла, туман, дым...). Во всех случаях Млечный путь у древних людей являлся частью архаичной системы ориентации в пространстве.

Много мифов сохранилось о созвездии Большой Медведицы, название которого в западносибирской традиции связано с Космической охотой на Лося. При тождестве мировоззренческих и астрономических представлений у народов этого региона во многих мифах обнаруживаются определенные расхождения. Так, Лось в мансийской легенде имеет шесть ног (Ромбандеева, 1991, с. 22-23), но в других вариантах мифа их может быть и больше. Ненецкое название созвездия - *Си"ив Со"ом'*, где *Си"ив* означает 'семь' (Терещенко, 1965, с. 564). Возможно, термин *мар'тэ Өгам'пидана'* 'созвездие мелких звезд', где *мар'* 'самец дикого оленя' (Терещенко 1965, с. 239), также соотносится с мансийским названием Б. Медведицы, хотя Н.М. Терещенко такого перевода, в отличие от А.В. Лушникова, не дает (2002, с. 261). Скорее всего, речь идет о мелких звездах в ковше Б. Медведицы, которых может быть от семи до двенадцати. У кетов в этом созвездии также насчитывалось больше семи звезд. В одной из легенд рассказывается об охоте в Верхнем мире на Лося, которого преследуют ненец, селькуп, тунгус (или, в другом варианте, ненец, ханты, манси). Убивает Лося в селькупском варианте легенды селькуп, в ненецком - ненец, в хантыйском - ханты. Понятно, что разночтения такого типа связаны с этнической принадлежностью рассказчика.

Западносибирские народы всегда обращали внимание на пятна на Луне, интерпретируя их по-разному. Одни объясняли, что это шаман, отправившийся камлать на Луну и прилипший к ней (энецкий, ненецкий, нганасанский мифы); другие говорили про девушку с ведрами воды (аналогичный миф есть у кетов, которые видят в этих пятнах женщину с туеском и корягой), взятую на Луну в наказание за то, что показывала на нее пальцем, что по обычаю запрещалось (селькупский миф). Сходное наказание получили от Месяца дети-ханты, расшалившиеся ночью и расхваставшиеся, что у них есть и рыба, и вода. Эвенки Туруханского края видят на Луне лежащую девочку.

Разнообразно восприятие оптического явления гало - ложных солнц, или пасолнц, которые называются селькупами, ненцами и манси «рукавицами солнца»: сельк. *нопы* (Мифология селькупов, 2004, с. 214), нен. *хаерад'Оба* (Терещенко, 1965, с. 721), манс. *пассаз* (Чернецов, 1987, с. 147), ср. русск. *уши солнца*. Правда, у ненцев встречается и другое толкование данного явления: ложные солнца - это две дочери солнца-женщины (Чернецов, 1987, с. 128).

Помимо астрономических мифов, в Западной Сибири широко распространены сказки этиологического характера о животных. Нередко бывает трудно установить первоисточник той или иной сказки-мифа, встречающейся у разных народов. Финский лингвист-компаративист Ю. Янхунен, опубликовавший в 1990-х гг. в нескольких вариантах ненецкий миф-сказку о

матери-кукушке, склоняется к выводу о его кетском происхождении (Янхунен, 1992, с. 41-42). Кукушка действительно является тотемом некоторых групп северных кетов: по данным архивных материалов XVIII в., фамилия Кокушкины встречается у бахтинских кетов в Верхнеимбатской волости (Долгих, 1982, с. 106-107). Фамилия Кукушкины известна у современных фарковских селькупов. Глава этой семьи Г.П. Кукушкин по отцу - кет, а по матери - селькуп. В 2003 г. в с. Горошиха Туруханского района Красноярского края автору удалось записать от кетки О.К. Пешкиной (1950 г. р.) вариант мифа о матери-кукушке, наводящий на мысль о важности ассоциативных связей слов и объектов действительности, их образов. По словам информантки, «кукушка кричит *кок-хы'п кок-ху'п* 'один сын, одна дочь!', а самцы кричат хрипло: *кок-хып'п кок-хып'п!* 'один сын, один сын!' По всему миру так кричит-поет. Везде одна; наша кукушка, конечно, наша; ведь она по-нашему поет!». Очевидно, носительница языка уловила сходство наименования птицы *qorkun* (копкун) (Поротова, 2002, с. 191; Янхунен, 1992, с. 41) - «кукушка» и звукоподражания, напоминающего словосочетание «одна дочь, один сын». Юха Янхунен в своей статье также говорит о возможных фонетических ассоциациях между наименованием кукушки и звукоподражанием «одна дочь - один сын». Очевидно, эта контаминация и легла в основу сказки о матери-кукушке, которой дети не дали напиток, о чем она их просила (Янхунен, 1992, с. 41). В южных ареалах Сибири подобных мифов нет; там кукушка встречается в фольклоре часто, но в иных ипостасях.

Природа совпадений в традиционном мировоззрении у представителей родственных этносов вполне понятна. Точно также легко объясняются контактами причины сближений в мировоззрении у неродственных этносов, говорящих на разных языках, но близких друг к другу территориально, хотя направление заимствования определить трудно.

Может показаться поразительным необычайное сходство в мифах народов, разделенных территориально и различных по происхождению. Схожие мифологические сюжеты обнаруживаются и у аборигенов Западной Сибири, и у коренного населения Австралии и Америки (см.: Березкин). Возможно, при изучении древних миграций с использованием комплексных методик исследования, помогающих установить относительную хронологию мифов и пути возможных взаимовлияний и заимствований, еще могут быть получены неожиданные результаты.

Если проблему сходства мифологической картины мира в разных частях света нельзя считать полностью разрешенной, то попытка выявить природу сходства мифологических традиций на территории Западной Сибири оказывается более продуктивной. Здесь сложился особый этнокультурный ареал, в который входят народы, хотя и принадлежащие к различным антропологическим типам, но входящие, преимущественно, в одну языковую семью - уральскую либо имеющие тесные контакты и сходные условия жизни, а в прошлом - одинаковые или близкие традиционные верования.

Все более усиливающиеся разночтения могут быть объяснены разными причинами. У одних народов происходит возрождение или им в большей степени свойственна консервация традиционного мировоззрения, по отношению к другим, напротив, можно говорить об угасании мифологической традиции или появлении инноваций. Первое наблюдается в ситуации с ненцами, ханты и манси, имеющими свои национальные автономии и некоторые другие преимущества (не обсуждаемые здесь), второе в большей степени характерно для селькупов и кетов. Другой причиной, объясняющей степень расхождения и осмысления мифов, может быть влияние соседнего народа (например, русского) с иным миропониманием. Заметные разночтения в мифах и сказках возникают и за счет творческих способностей сказителей, их богатой фантазии, за счет сходств и различий ассоциативных связей, в том числе фонетических, типичных для разных этносов. Распространенность бытования текстов и достоверность их фиксации (зависящая как от исследователя-полевика, так и от информантов) не коррелируют между собой, что также может отрицательно сказаться на сохранности мифов.

М.Н. ЛИТВИНЕНКО

Россия, Салехард

Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского

ВРЕМЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЛОДОК «КАЛДАНОК» У НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ТЕЧЕНИЯ ОБИ: ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ ДАННЫМ

В 1999-2002 гг. на р. Полуй силами Ямальской археологической экспедиции раскапывался могильник Зеленый Яр (VIII-IX вв.). Погребения более позднего комплекса (XII-XIV вв.) содержали захоронения в берестяных чехлах и разрубленных пополам лодках. Эти лодки являются наиболее ранними из известных сегодня на территории севера Западной Сибири.

Плохая сохранность лодок не позволила реконструировать их полностью, но удалось зафиксировать некоторые конструктивные особенности. Во всех случаях контур погребального сооружения представляет вытянутый треугольник. При разборке погребения 19 удалось зафиксировать разрубленную поперек и сложенную в виде саркофага составную лодку. В погребении 29 хорошо сохранились носовая и килевая части, также фиксируются три доски основного корпуса (центральная - цельнодолбленое дно). Нос острый, вытянутый, на бортах зафиксированы деревянные плашки, которые крепили штыри для насадки весел (высота 5 см над бортом), также сохранилась одна распорка. Из всего вышесказанного можно предположить, что это была «калданка» с креплениями для весел. Все лодки были остроконечные, выпуклодонные с долбленным основанием (Полевые дневники, 2002; Федорова, 2002).

Таким образом, история лодки «калданки» в данном регионе насчитывает, как минимум, 800 лет. К сожалению, у нас нет возможности проследить технологию изготовления лодок такого типа в начале II тыс. н. э., но внешне зеленоярские лодки практически аналогичны известным по этнографическим источникам образцам. В некоторых районах севера Западной Сибири подобные лодки используются до сих пор.

Согласно данным этнографов, лодки типа «калданки» представляют собой составную лодку: на долбленную центральную часть нашивались дополнительные борта. Она изготавливалась, как правило, из осины или кедра, зачастую для дна-основы и нашитых бортов использовался разный материал. Дно выдалбливалось так же, как «облас», затем через специально просверленные отверстия к бортам пришивались по одной доске, для прошивки обычно использовали кедровый корень, под который подкладывали тонкую кедровую планку. Готовую лодку распаривали так же, как «облас», и разводили борта поперечными распорками. На последней стадии лодка промазывалась смолой. Борты «калданки» нашиваются внахлест, иногда длина досок чуть меньше максимальной длины лодки, т. е. приподнятые над бортовой линией нос и корма (цельнодолбленные) выступают. Средняя длина «калданки» 5 м (Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, с. 107; Источники по этнографии Западной Сибири, 1987, с. 26; Хомич, 1995, с. 126; Лукина, 1985, с. 89; Федорова, 1994, с. 54).

Является ли подобная конструкция лодки общей для лесного населения региона? Вероятнее всего, да. Н.В. Лукина считает «калданки» наиболее типичными для северных хантов и манси (Лукина, 1985, с. 86). Е.Г. Федорова дает подробнейшее описание технологии изготовления таких лодок у северных и восточных манси (Федорова, 1994, с. 53-55). Набор инструментов у манси и хантов был практически одинаков. Он включал в себя тикавку, тесло, нож (*касай*), стружок (*волтен*), рубанок (*ер*), также использовалось лучковое сверло (Федорова, 1994, с. 51). В фондах ЯНО МВК есть железные тикавка, тесло и костяной стружок. Первые два - этнографические (лесные ханты), а последний найден при раскопках городища Усть-Войкарское (XV-XIX вв.). Технологии изготовления также аналогичны у манси и хантов.

В 2002 г. Ямало-Ненецкий окружной краеведческий музей заказал жителю пос. Лопхари (ханту) традиционную «калданку», он изготовил лодку, которая практически не отличается от описанных в этнографической литературе (Евладов, 1998, с. 88; Лукина, 1985, с. 86; Историко-этнографический атлас Сибири, с. 107) за одним исключением: на бортах, примерно посередине, с помощью деревянных накладок симметрично расположены два штыря для крепления весел. Такие же приспособления были зафиксированы на лодке из погребения 29 могильника Зеленый Яр. Происхождение этого элемента Е.В. Перевалова связывает с зырянским влиянием (Перевалова, устное свидетельство). Похожие крепления описывает Е.Г. Федорова у мансийских «калданок», но она указывает, что это было отнюдь не обычной практикой (Федорова, 1994, с. 55).

Исходя из всего вышесказанного можно говорить о появлении лодки типа «калданка» в Нижнем Приобье не позднее XII в. В силу традиционности всего уклада жизни местного населения и особенно методов хозяйственной деятельности этот тип сохранился до наших дней.

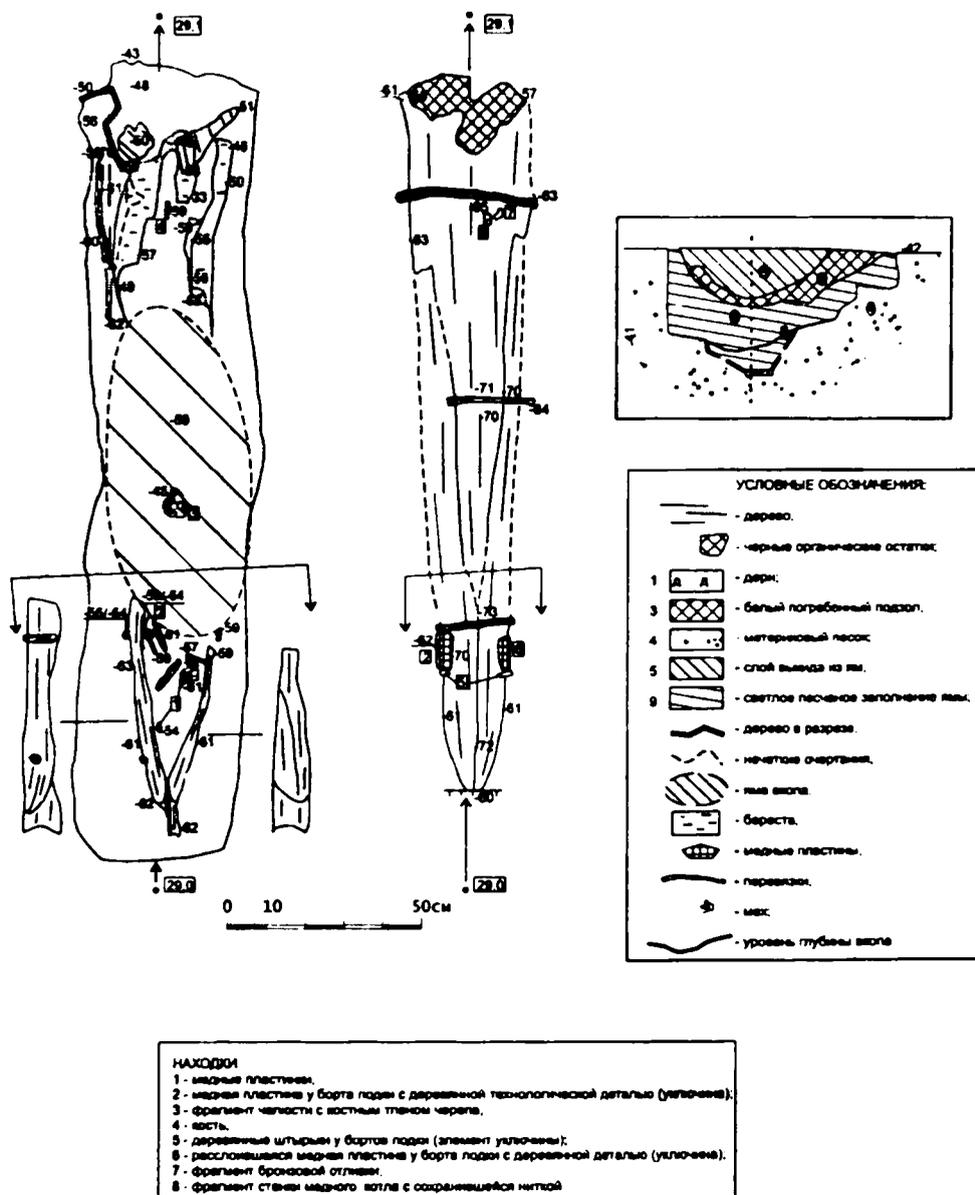

Рис. 1. Могильник Зеленый Яр. Погребение 29 с остатками погребальной лодки

**А.В. МАРУСИН, И.Ю. ХИТРИНСКАЯ, А.И. БОБРОВА,
М.П. РЫКУН, Ю.И. ОЖЕРЕДОВ, В.А. СТЕПАНОВ**

Россия, Томск

Научно-исследовательский институт медицинской генетики

Томского научного центра СО РАМН

Томский государственный университет

АНАЛИЗ ГЕНЕТИЧЕСКОГО РОДСТВА ПРАСЕЛЬКУПСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕВЕКОВЫХ НЕКРОПОЛЕЙ НАРЫМСКОГО ПРИОБЬЯ) И СОВРЕМЕННЫХ ПОПУЛЯЦИЙ СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ ПО ПАНЕЛИ 6 ПОЛИМОРФНЫХ ЛОКУСОВ МОБИЛЬНЫХ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ *Alu*

При изучении генетической истории человечества первоочередной задачей является выявление глобальной демографической картины в истории человечества и датировка основных событий: распространения человека по планете, разделение на различные ветви (географические группы или расы), рост численности разных групп популяций (Zhivotovsky et al., 2003, p. 1171-1186). Реконструкция возможных сценариев заселения человеком территорий Западно-Сибирской равнины является одной из важных проблем отечественной антропологии, археологии, этнографии, лингвистики и этногеомики. Для решения этой задачи применяются различные подходы и методы. Основными проблемами являются миграционные и метисационные процессы, малая численность популяций коренных народов Сибири, сокращение территорий их проживания. Одним из путей решения этих проблем является анализ древней ДНК на фоне известных данных антропологии и археологии. В 1980-1990-х гг. прошлого века было начато исследование палео-ДНК (ancient DNA, aDNA), что позволило использовать для древних популяций генетический анализ, который ранее считался применимым только для современных популяций человека. Анализ палео-ДНК был успешно использован для изучения останков неандертальцев (Hofreiter et al., 2001, p. 353-359; Ovchinnikov, Goodwin, 2001, p. 7-9). За последнее десятилетие появился ряд обзоров о методах выделения и результатах изучения палео-ДНК (Kaestle, Horsburgh, 2002, p. 92-130).

Данное исследование осуществлялось в рамках одного из научных направлений лаборатории эволюционной генетики НИИ медицинской генетики Томского научного центра СО РАМН по изучению генофонда популяций Сибири и Средней Азии. Эти процессы зафиксированы в исторических хрониках, нашли отражение в этнографических и антропологических работах. Однако их интегральной характеристикой является структура генофонда коренных популяций (Степанов, 2002) В этом плане одним из наименее изученных народов являются селькупы, современная популяция которых состоит из двух изолированных территориальных групп - северной и южной (нарымской). На момент переписи 1989 г. в Российской Федерации их было зарегистрировано 3,6 тыс. человек (Аксянова, 2001). Генетиками изучена только группа северных селькупов, проживающих на северо-востоке Тюменской области и в Туруханском районе Красноярского края (Osipova et al., 1999, p. 530-541; Казаковцева и др., 1998, с. 416-422; Фефелова и др., 1994, с. 141-148; Карафет и др., 1994, с. 113-127; Дуброва и др., 1993, с. 1697-1701). Территорией проживания южной группы селькупов является север Томской области. Изучение генетиками современного населения этой группы проблематично, так как этнодемографическая ситуация в районах их расселения свидетельствует о глубоко зашедшем процессе культурной, языковой и биологической ассимиляции их русскими (Аксянова, 1999, с. 108-142). Поэтому

возникла необходимость изучения костных останков носителей древних культур, определяемых антропологами и археологами как праселькупские и селькупские.

Цель нашего исследования - по панели 6 полиморфных локусов мобильных генетических элементов Alu провести анализ генетических взаимоотношений популяции праселькупского населения Нарымского Приобья с современными популяциями коренных народов Сибири и Средней Азии.

В настоящей работе для оценки генетического разнообразия праселькупского населения были использованы 6 полиморфных аутомомных локусов Alu-инсерций, расположенных в области генов ангиотензин-конвертирующего фермента (ACE), активатора плазминогена (PLAT), фактора свертываемости крови FXIIIВ (F13В), аполипопротеина А1 (APOA1) и в локусах predicted variant 92 (PV 92), A25.

Материалом исследования являлись костные останки 20 мужчин из погребений в Томской области, которые хранятся в Кабинете антропологии исторического факультета ТГУ. Поселения относятся к кругу праселькупских культур. В качестве материала для сравнения использованы 34 популяционные выборки, принадлежащие к 19 этническим группам из банка ДНК НИИ медицинской генетики ТНЦ СО РАМН. Сравнимые группы относились к двум основным расовым типам населения Евразии (европеоидному и монголоидному) и говорили на языках трех лингвистических семей - алтайской, индоевропейской и сино-тибетской. В обследование включались индивиды, неметисированные, по крайней мере, в трех поколениях. Данные о частотах аллелей и генотипов 6 полиморфных локусов Alu-инсерций в этих группах взяты из базы данных лаборатории эволюционной генетики НИИ медицинской генетики ТНЦ СО РАМН. Результаты исследований этих популяций по полиморфным локусам мобильных генетических элементов Alu опубликованы в работах (Хитринская 2003; Степанов и др., 2002).

ДНК из костных останков выделяли в соответствии с методиками (Маниатис и др., 1984; Ovchinnikov, Goodwin, 2001, р. 7-9). Alu-полиморфизм в локусах APOA1, F13В, PLAT, PV92, A25 идентифицировали, как описано в работах (Batzer et al., 1994, р. 12288-12292; Batzer, Deininger, 1991, р. 481-487; Turet et al., 1992, р. 197-205; Kass et al., 1994, р. 1-8; Arcot et al., 1995, р. 99-102).

Степень генетического родства между популяциями оценивали с помощью филогенетического анализа. На основе частот аллелей 6 аутомомных локусов была построена матрица генетических расстояний между 20 этническими группами Сибири и Средней Азии по методу Нея (Nei, 1987, р. 287-326). Филогенетический анализ проводили с помощью пакета программ PHYLIP версии 3.5, разработанного Дж. Фельзенштейном. Длины ветвей пропорциональны генетическим расстояниям между популяциями. Для получения наиболее вероятной конфигурации генетического древа мы использовали бутстреп-метод (bootstrep) перегруппировки данных (Felsenstein, 1993).

В ряде случаев генотипирования ДНК, выделенной из костных останков 20 индивидов, полученных из некрополей XII-XVII вв. Нарымского Приобья и археологически идентифицируемых с предками южной группы селькупов, наряду с нормальной амплификацией аллеля D обнаружена слабая амплификация более длинных последовательностей ДНК, несущих инсерцию (аллели I). Это проявляется в снижении интенсивности свечения (> в 2 раза) в ультрафиолетовом свете аллелей со вставкой Alu-повтора, вероятно, обусловленном низким количеством ДНК-матриц с инсерцией, вступающих в полимеразной цепной реакции, вследствие деградации ДНК в тканях со временем.

В связи с возможным отсутствием амплификации, вследствие деградации ДНК в тканях, аллеля I в локусах ACE, F13В, PLAT, A25, возможны два варианта трактовки: минимальная частота инсерций (DN = DD) и максимальная частота инсерций (DN = DI), что рассматривалось как равновероятное событие. Поэтому частота инсерции в этих локусах оценена как среднее арифметическое двух вариантов трактовки генотипа DN. Если в одном и том же образце

наблюдалась амплификация аллеля I по другим локусам, с большей длиной ампликона, то генотип DN рассматривался как DD.

Как видно из рис. 1, праселькупы располагаются между популяциями восточноевропейских и среднеазиатских европеоидов (русские, украинцы и таджики, узбеки), популяции включаются в древо ступенчато, возможно, по мере нарастания «монголоидности». Обские угры (ханты, манси) и кеты занимают промежуточное положение между европеоидными и монголоидными популяциями. При этом первые кластеризованы отдельно от остальных монголоидных популяций Сибири и Средней Азии, что свидетельствует о различных путях этногенеза и, вероятно, о различном происхождении европеоидной компоненты у кетов и у народов уральской языковой семьи. Полученные результаты находятся в некотором противоречии с вышеописанными данными о большом вкладе монголоидной компоненты (для мтДНК) (Казаковцева и др., 1998, с. 416-422) и близости селькупов с кетами (для Y-хромосомы) у северных селькупов (Karafet et al., 2002, p. 761-789; Tambets et al., 2004, p. 661-682).

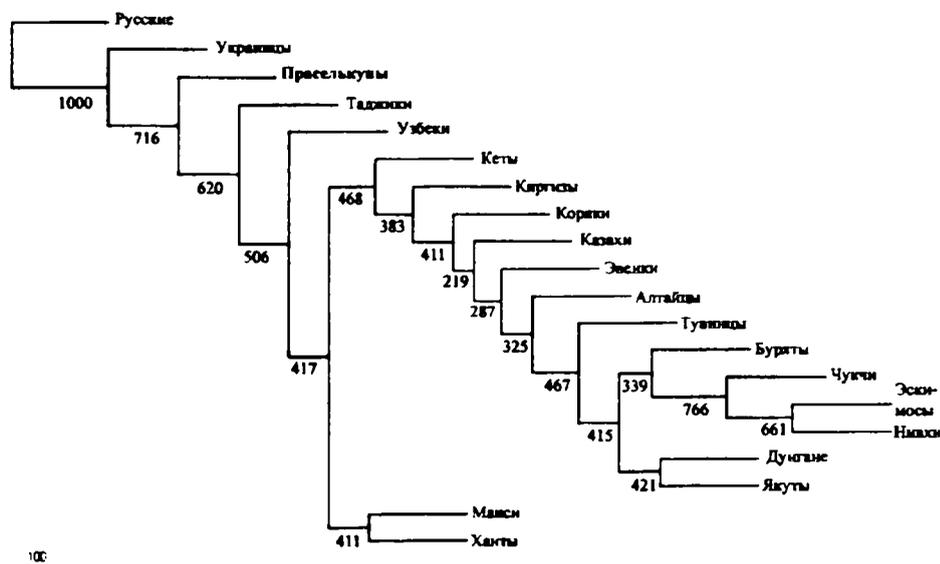

Рис. 1. Консенсусная дендрограмма, отражающая генетические взаимоотношения между исследованными этническими группами по панели 6 мобильных генетических элементов Ahu (ACE, PLAT, F13B, PV92, APOA1, A25).

Примечание. Цифрами на развилках древа показано число бутстреп-реплик (из 1000), поддерживающих это ветвление, длины ветвей древа пропорциональны генетическим расстояниям между популяциями.

Причиной этого могут быть различия в разрешающей способности использованных маркеров, процессы метисации северных селькупов с соседними монголоидными этносами. Возможной причиной несоответствия данных по аутосомным локусам праселькупов Нарымского Приобья и результатов анализа Y-хромосомных и мтДНК-маркеров у современной популяции северных селькупов могут быть также статистические смещения вследствие незначительного объема выборки праселькупов.

Таким образом, на основе филогенетического анализа праселькупов и этносов коренных народов Сибири и Средней Азии подтверждено предположение о значительном вкладе европеоидной компоненты в формирование селькупов, показано близкое родство селькупов с представителями уральской языковой группы и с кетами, что подтверждает данные археологии и лингвистики, уточняет данные этнографии.

Примечание:

Ангиотензин-конвертирующий фермент (АСЕ) кодируется геном (DCP1 - dipeptidyl carboxypeptidase 1), расположенным на хромосоме 17q23 (Zhu et al., 2001). Этот Alu-полиморфизм относится к Ya5-подсемейству Alu-элементов (Batzer et al., 1990).

Фибринстабилизирующий фактор свертываемости крови F13B является проэнзимом для фибринолигазы и превращается в активную форму под действием тромбина и ионов кальция. Ген расположен во втором экзоне хромосомы 1q31-q32.1 (Webb et al., 1989; Batzer et al., 1990).

Белковые компоненты липопротеинов - аполипопротеины (АРО) - обширная и неоднородная группа белков, располагающихся на поверхности липопротеиновых частиц и взаимодействующих благодаря амфипатической структуре с неполярным липидным ядром частицы и полярным окружением. Ген АРОА1 расположен в хромосоме 11q23-q24 (Batzer et al., 1990).

Активатор плазминогена (PLAT) - сериновая протеаза, которая преобразует плазминоген в плазмин, ответственный за фибрино-литическую активность (Benham et al., 1984). Ген охватывает 36,594 п.н., расположенных на коротком плече хромосомы 8 в 8p11.2 (Degen et al., 1986). Этот Alu-полиморфизм относится к Ya8-подсемейству Alu-элементов (Batzer et al., 1990).

Локус PV92 (Predicted variant 92) расположен на хромосоме 16. Alu-полиморфизм относится к Ya5-подсемейству Alu-элементов (Batzer et al., 1994).

Alu-полиморфизм в локусе A25 также относится к Ya5-подсемейству Alu-элементов и расположен на хромосоме 8q21.3 (Batzer et al., 1994).

А.В. МАТВЕЕВ

Россия, Омск

Омский государственный университет

Омский государственный историко-краеведческий музей

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ПУТЕШЕСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

В культуре народов, населяющих территорию Омской области, сохранилось значительное количество традиционных представлений и знаний, связанных с путешествием. Для научной организации этого блока сведений автором был применен термин «Традиционная культура путешествия» (ТКП). Под ним понимается сумма народных знаний и представлений, направленная на обеспечение достижения цели путешествия человека (группы людей), а также последовательное применение этих знаний и представлений в конкретных природно-географических условиях, в рамках системы дорог, посредством элементов материальной культуры (одежда, пища, транспортные средства, средства передвижения и т. д.).

ТКП, являясь составной частью традиционной культуры, тесно связана с представлениями об окружающем мире (мифологическим, мифопоэтическим пространством). Еще В.Н. Топоров утверждал, что именно текст путешествия отображает неоднородные зоны и границы мифологического пространства и их семантику (1992, с. 341). Виды различных путешествий (путь-дорога, путешествие в свадебной, погребальной, праздничной календарной обрядности и др.) отличаются друг от друга конкретной целью и содержанием действия. Однако все они объединены одним мотивом - мотивом движения через границы и зоны (локусы) мифопоэтического пространства, каждая из которых задает определенный стереотип магического (совокупности утилитарного и символического) поведения находящихся на ее территории людей (Седакова, 1981, с. 70). В этом контексте различные путешествия типологически подобны.

Реконструкция ТКП любого народа возможна двумя путями.

Путь первый - «взгляд снаружи». При «взгляде снаружи» необходимо сначала реконструировать структуру мифологического пространства (выявить зоны и границы и выяснить их семантическую наполненность). Для этого нужно синтезировать: а) реконструированные в научной литературе модели путешествия в погребальном, свадебном и других обрядах; б) тексты, описывающие

различные виды путешествия; в) корпус других этнографических и фольклорных источников, в которых каким-либо образом отражены представления о зонах и границах мифологического пространства.

После реконструкции структуры мифологического пространства исследуемого населения необходимо приложить к ней конкретные этнографические тексты, представляющие варианты дальнего (важного, долгого) путешествия, и попытаться уловить особенности в поведении путешественника на территории различных зон пространства и при пересечении их границ. Для корректного сопоставления обоих пластов информации необходимо понимание особенностей мифологического пространства обитателей конкретного населенного пункта, специфики действующей системы дорог, а также набора элементов материальной культуры, необходимых при осуществлении путешествия (пища, одежда, транспортное средство и т. д.).

Путь второй - «взгляд изнутри». Он применяется в случае, когда источников для реконструкции мифологического пространства изучаемого народа недостаточно. В этом случае необходим массивный сбор этнографических текстов, подробно описывающих процесс подготовки к дальнему путешествию, осуществления путешествия, возвращения домой из дальней (трудной) дороги. В этом случае именно текст путешествия неизбежным образом будет фиксировать границы и зоны мифологического пространства. Последующее соотнесение этих данных с этнографическими материалами, описывающими другие модели путешествия (в погребальном, свадебном обряде и т. д.), позволит, в свою очередь, уловить семантику границ и зон мифологического пространства и, в конечном итоге, горизонтальную структуру мифологического пространства изучаемой культуры в целом. При «взгляде изнутри» исследователю необходимо вместе с информатором стать участником виртуального путешествия, фиксируя при этом всякое проявление народных знаний, связанных с мотивом путешествия, пытаться осмыслить семантическую наполненность каждого фрагмента пространства, через который идет передвижение, соотносить магические акты, которые осуществляют путешественники, с конкретными фрагментами пространства, изучить семантику этих актов. При описании путешествия необходимо исследовать обстоятельства использования элементов материальной культуры, необходимых для путешествия, а также уровень и состояние элементов системы дорог, через которые проходит путешествие.

В 1998-2002 гг. автор на основании интеграции данных этнографии, фольклористики, археологии, топонимики проводил изучение традиционной культуры путешествия русских, казахов, сибирских татар, проживавших на территории Омской области (Абрамова, Матвеев, 2000; Матвеев 2001; 2001а; 2001б; 2001в; 2002; 2002а; 2003; 2003а; 2003б; 2004; Матвеев, Михалева, 2001; 2001а). В ходе изучения был выявлен целый ряд проблемных моментов, решение которых может вывести изучение феномена традиционной культуры путешествия на новый уровень.

1. Проблема несовершенства методики определения структуры мифологического пространства.

Например, в ходе изучения ТКП русских, казахов, сибирских татар на основании вышеозначенной методики («путь первый и путь второй») мы получили подтверждение о радиальной структуре мифологического пространства этих народов. Она действительно присутствует в той или иной мере и у оседлых и у кочевых этносов. Вместе с тем в мифологической картине мира кочевых народов должна существовать иная модель пространства, которая на основании имеющихся источников пока не улавливается.

2. Проблема изучения отдельных составляющих ТКП в их этнической специфике.

Элементы ТКП многих народов подобны. Например, подобны элементы ТКП русских и поляков, русских и сибирских татар, сибирских татар и казахов. Встает задача определения причин этих подобий (несовершенство методики, унификация мифологического пространства у различных народов, результат взаимовлияний, или другое?) и выявления этномаркеров ТКП того или иного народа.

3. Проблема динамики ТКП в условиях изменения хозяйственного уклада изучаемого народа.

Например, на территории Среднего Прииртышья к 1928 г. казахское население сменило хозяйственно-культурный уклад и стало оседлым, практикующим придомное содержание скота и земледелие (Бронникова, 1995, с. 161). Со временем это привело к появлению в структуре их мифологического пространства дополнительной зоны - территории поселения, которая стала иметь свои жесткие границы. Нормы поведения в этой зоне были переняты казахами у окружающего оседлого населения: русских, сибирских татар. Соответственно изменилась и ТКП казахов (Матвеев, Михалева, 2001а).

4. Проблема корректности применения характеристики «традиционная» к реконструируемой культуре путешествия того или иного народа.

ТКП как часть традиционной культуры народов уходит. Необратимые процессы на территории Среднего Прииртышья, по мнению ряда исследователей, начались с 1930-х гг. В ТКП утрачивались только те ее составляющие, которые становились не актуальными в условиях изменения представлений о мифологическом пространстве.

Ныне традиционные нормы поведения и представления, связанные с организацией путешествия, отмирают, поскольку изменился принцип путешествия. «Раньше в дороге жили, а теперь пережидают». Новые средства транспорта, используемые большинством населения при перемещении на дальние расстояния, привели к трансформации традиционной культуры путешествий.

Почти исчезли обряды и обычаи, связанные с возвращением человека из путешествия. Объясняется это очевидным повышением безопасности путешествия, которое наблюдалось в стране в послевоенное время. Удачное возвращение стало обыденностью. События последних лет снова сделали дальнюю дорогу небезопасной. Поэтому, может быть, нас ожидает возвращение забытых традиций или появление новых.

Наибольшей сохранностью в ТКП обладают обычаи и обряды, проводимые в начале путешествия (подготовка к нему и выход за пределы населенного пункта). Именно на этом этапе человек совершал значительное число действий, целью которых было моделирование благоприятного путешествия. Например, у русских принято просить благословения у родителей, заказывать в церкви особый молебен «О путешествующих», соблюдать особые правила поведения, предписанные отъезжающему и его родным, перед выходом из дома. Особое внимание уделялось приметам. Многие из этих обычаев сохраняются в повседневной культуре до сегодняшнего дня.

Таким образом, термин «ТКП» корректно употреблять при реконструкции этой части традиционной культуры населения до 1930-х гг. После стоит говорить о «культуре путешествия» без применения к ней характеристики «традиционная».

Итак, культура путешествия - органичная часть традиционной культуры, обеспечивающая благополучие людей во время выхода за пределы домашней повседневности. Ее изучение связано с категориями мифологического пространства. В результате проведенного автором комплекса исследований традиционной культуры путешествия среди населения Среднего Прииртышья был выявлен ряд проблемных задач: проблема несовершенства методики определения структуры мифологического пространства; проблема изучения отдельных составляющих ТКП в их этнической специфике; проблема динамики ТКП в условиях изменения хозяйственного уклада изучаемого народа; проблема корректности применения характеристики «традиционная» к реконструируемой культуре путешествия того или иного народа.

В.И. МАТЮЩЕНКО

Россия, Омск

Омский государственный университет

О НЕКОТОРЫХ ПОНЯТИЯХ В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ ТАЕЖНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Современная отечественная археология, как и несколько десятков лет назад, находится в состоянии слабой разработки многих теоретико-методологических вопросов. Настоящее сообщение ни в коей мере не претендует на ликвидацию этого упущения в нашей работе, а только рассчитывает на привлечение внимания коллег к этим вопросам и проблемам.

На практике мы часто пользуемся, казалось бы, понятным термином «история» применительно к конкретным регионам и областям: «Древняя история Нижнего Приобья..., Среднего Приобья..., Верхнего Приобья...» и т. д. За этим названием книги или статьи кроется характеристика конкретных археологических памятников, комплексов, в лучшем случае, археологических культур. Такие работы, за редкими исключениями, не имеют отношения к исследованию истории региона, а являются только более или менее надежными археологическими источниками по исследованию истории конкретного региона. Объяснение тому очень простое: почти все отечественные археологи с давних пор априорно усвоили одну из важнейших мыслей, что археология - наука историческая.

Но мы до сих пор так и не пришли к необходимости проведения ряда исследовательских процедур, которые призваны превратить археологические материалы в археологические источники, а их - в источники исторические. О необходимости такой исследовательской процедуры речь идет уже многие годы, но видимых результатов мы пока не имеем.

К числу таких неудачных попыток использования терминов из исторической науки нужно отнести и понятие «племя». В отечественной археологической литературе несть числа опубликованным штудиям, посвященным истории, культуре, памятникам племен разных исторических и археологических эпох. Авторы таких, чаще всего, очень добросовестных и, безусловно, выполненных на высоком научном уровне исследований не делают попытки доказать, что речь в них идет именно о племенных образованиях прошлого, а не о каких-либо иных социальных сообществах. А ведь современная наука уже давно установила тот факт, что родоплеменная организация с безусловным историческим приоритетом у всех народов мира в реальной, конкретной ситуации по разным причинам не сохранилась в чистом виде; она или оказалась очень деформированной, или сильно разрушенной, не сохранив основного звена этой древней системы - племени. Деформации родоплеменной организации происходили еще в далеком прошлом, а потому научные категории родоплеменной системы необходимо использовать с большой осторожностью.

В нашей литературе широко используется понятие «исторические связи», особенно когда речь идет о генезисе того или иного культурного образования. В этих случаях мы тщательно выявляем все более или менее заметные черты в сопоставимых культурах. Такого рода поиски обнаруживают несомненные исторические связи в пространстве; это так называемые *горизонтальные исторические связи (ГИС)*. Историография отечественной археологии знает множество подобных исследований, среди которых труды М.П. Грязнова, С.В. Киселева, А.П. Окладникова, В.Н. Чернецова и других, в том числе современных ученых. Этот путь исследования очень перспективен. Он позволяет выявлять широкие ареалы распространения многих элементов культуры, а также больших и широких культурных массивов. Изучение исторических связей теснейшим образом связано с ареальными исследованиями в археологии.

Известно, что В.Н. Чернецов постоянно работал в таком ключе и получил интересные результаты по вопросам этногенеза и культурогенеза народов Сибири. Примером ареальных исследований, осуществленных Томским государственным университетом, являются «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири» (1994).

Изучение горизонтальных исторических связей (ГИС) проводилось, проводится и будет проводиться не только в археологии, но и во других областях исторической науки как одно из частных проявлений сравнительно-исторического метода.

В отечественной археологии не менее известен путь выявления исторических связей во временном ракурсе, т. е. *вертикальных исторических связей (ВИС)*. ВИС позволяют обнаружить исторические корни, истоки наблюдаемых явлений. ВИС прослеживаются не только в том регионе, где находится интересующая нас культурная общность, но и за его пределами, поскольку многие элементы культуры могли сформироваться далеко за границами изучаемого региона. В этом случае ВИС непременно трансформируются в ГИС, образуя интегрированные формы исторических связей.

Важно верно различать характер исторических связей между изучаемыми культурными и историческими общностями. При выявлении ГИС почти всегда обнаруживается общий культурный фон сравниваемых культурных общностей. Нередко эти культурные общности принадлежат одному более обширному культурному массиву, а потому изучаемый культурный комплекс демонстрирует только один вариант из множества других подобных вариантов этого большого культурного массива. При сравнении достаточно далеких друг от друга культурных комплексов следует иметь в виду, что они могут обнаруживать немало параллелей, часть из которых не является следствием каких-либо исторических связей между ними.

Какая бы цель не ставилась (обнаружить ли ГИС этих комплексов или ВИС), необходимо по возможности выяснить все признаки изучаемых культурных комплексов, в том числе: являются ли они конвергентными по происхождению или некоторые из них могут быть универсалиями или архетипами, что важно для определения характера исторических связей, их удельного веса в формировании исследуемого культурного комплекса.

Представление об универсалиях и архетипах в отечественной литературе связано, в первую очередь, с историей культуры (в том числе и первобытной) в узком смысле этого понятия, когда культура воспринимается как духовная сфера жизни общества и не учитываются производственная (в самом широком смысле), материальная и некоторые другие области, которые также являются составляющими культуры. Многие явления материальной и производственной культуры могут оказаться и универсалиями, и архетипами, а в сочетании с подобными феноменами духовной сферы они приобретают особое значение как очень надежный инструментальный познания. Изучение ГИС и ВИС, на наш взгляд, нуждается в дополнительных исследовательских процедурах, в частности в разработке особой методики выявления археологизированных универсалий и архетипов.

Любое культурное явление (орудийный набор, технические приемы обработки любых материалов, керамические и другие орнаменты, вплоть до облика погребального обряда или археологической культуры и т. п.) характеризуется разнообразным сочетанием признаков, что придает ему специфику и позволяет рассматривать это явление как самостоятельное в историческом процессе. Отличительные признаки являются определяющими и выделяют культурное явление из ряда других, что дает возможность проследить конкретные пути формирования культуры и ее компонентов.

ГИС и ВИС редко выступают в чистом виде. Нередко ГИС обнаруживают вертикальные связи и наоборот. Так, при выявлении истоков культурных явлений финно-угорской общности В.Н. Чернецов использует ВИС (когда он прослеживает преемственность компонентов культуры современных финно-угров до эпохи бронзы и неолита) и ГИС (когда выявляет пространственные связи финно-угров со степным югом или обширными областями циркумполярной зоны).

Органичное слияние ГИС и ВИС наблюдается при изучении самусьской культуры (Матюшенко, 1973б; Молодин, Глушков, 1989), некоторые компоненты которой прослеживаются до неолита включительно (ВИС), а также в Средней Азии и на Переднем Востоке (ГИС). Подобных примеров можно привести множество (происхождение окуневской, карасукской и других культур).

Многие современные исторические исследования на основании археологических материалов проводятся на макроуровне: археологическая культура (или более широкая археологическая общность) сопоставляется с комплексом этнических общностей (на уровне этноса). Безусловно, такие сопоставления оправданны. Но мы не имеем опыта подобных сопоставлений на микроуровне (археологическое поселение - родовая или соседская община; археологически выявленное жилище - семья; группа могил на археологически изученном некрополе - семья в составе общины и т. п.). Такие сопоставления могут дать, по нашему убеждению, очень интересные результаты.

Современное состояние отечественной археологии имеет одно несомненное преимущество в сравнении с прошлыми десятилетиями - свободу теоретико-методологического поиска, не ограниченного никакими рамками, кроме истины. Но эту возможность археологи пока используют очень робко.

В.Г. МОИСЕЕВ

Россия, Санкт-Петербург

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)

ИНТЕГРАЦИЯ ДАННЫХ РАЗЛИЧНЫХ СИСТЕМ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ*

Данные физической антропологии и данные популяционной генетики являются самыми значимыми источниками получения информации относительно происхождения и исторической судьбы древних и современных человеческих популяций. Сопоставление антропологических данных с результатами археологических, этнографических или лингвистических исследований являются рутинной процедурой для любого специалиста, работающего в этих областях знания. Особенности соотношения различных дисциплин были неоднократно рассмотрены в специальной литературе (Алексеев, 1989, с. 144-174). На сегодняшний день теоретическим императивом подхода к данной проблеме является признание большинством ученых отсутствия обязательной корреляции между данными этих дисциплин, что является следствием имеющихся различий в природе изучаемых ими явлений. Применительно к антропологическим данным можно сказать, что степень их соответствия результатам археологических, лингвистических и этнографических исследований в решающей мере зависит от того, насколько социальные закономерности влияют на эволюционный процесс, и наоборот.

Привлечение данных антропологии имеет и другой - внутриантропологический аспект, который лишь недавно стал объектом специальных исследований. В рамках физической антропологии существует целый ряд морфологически независимых систем признаков, таких как краниометрия, краниоскопия, антропометрия и антропоскопия, одонтология, дерматоглифика, серология и т. д. Анализ данных по этим комплексам признаков неизбежно

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».

дает различные, а иногда и противоречащие друг другу результаты. Причина состоит в том, что каждый из используемых признаков фенотипа формировался в разное время и, таким образом, имеет собственную «историю» происхождения и эволюции; вследствие этого он отражает лишь часть интересующей исследователя истории той или иной популяции. Количество информативных признаков внутри каждой из систем ограничено и обычно не превышает десяти. Очевидно, что ни одна из отдельно взятых систем антропологических признаков не способна охватить все этапы биологической истории той или иной популяции. Существенно снизить эти трудности можно за счет интеграции результатов анализов по возможно большему числу систем антропологических признаков. Возникает более полная картина межпопуляционной дифференциации, чем это имеет место при анализе лишь одной системы. Случайные колебания того или иного признака уже не будут так сильно влиять на общий результат.

На протяжении последних лет автором велась работа по сопоставлению и интеграции данных основных систем признаков, используемых в этнической антропологии. Исходя из нынешнего состояния источниковедческой базы, был осуществлен анализ близких к современности групп с территории Северной Евразии с использованием данных по четырем системам признаков: краниометрии, краниоскопии, одонтологии и дерматоглифики. При анализе древних групп возможности более ограничены. В полном объеме могут быть использованы данные краниоскопии и краниометрии и лишь в некоторых случаях одонтологии.

Процедура статистического анализа состояла из двух этапов. Сначала данные по каждой из систем анализировались отдельно. Для неметрических признаков использовался метод главных компонент, для метрических - канонический анализ. Следует отметить, что выделенные главные компоненты и канонические векторы представляют собой новые признаки, основанные на межгрупповых корреляциях исходных признаков, а поскольку в отличие от последних они имеют одинаковую размерность, появляется возможность для их дальнейшей интеграции. Новые интегрированные главные компоненты основаны на результатах анализа всех четырех систем признаков. Полученные новые ГК являются уже интегральными показателями, основанными на результатах анализа всех четырех систем признаков. Поскольку исходные векторы внутри каждой из систем в силу особенностей использованной статистической процедуры абсолютно независимы между собой, результаты интеграции основываются исключительно на межсистемных корреляциях.

Интеграционный анализ подтверждает правильность предположения о неравнозначности систем признаков в отношении различных направлений межгрупповой изменчивости, которые реконструируют определенные эпизоды популяционной истории. При анализе близких к современности групп с территории Восточной Европы, Прибалтики, Кавказа, Центральной Азии и Сибири четко выделяются несколько основных направлений изменчивости. Вполне ожидаемо наибольший вес по всем системам признаков имеют векторы, определяющие движение групп по направлению запад-восток. Наиболее эффективными оказываются краниометрические признаки, несколько меньшей дифференцирующей силой по мере убывания обладают краниоскопия, одонтология и, наконец, дерматоглифика (Моисеев, 2004). Столь высокая значимость данного направления изменчивости, на мой взгляд, может объясняться следующими факторами. Во-первых, несомненно важную роль сыграл масштаб самого процесса метисации, заключительная фаза которого происходила уже в историческое время и отражена в письменных источниках. Во-вторых, следует иметь в виду особенности отбора признаков. Действительно, ни одна из систем не была бы признана как эффективная в случае отсутствия в ее арсенале признаков, способных дифференцировать европейские и азиатские популяции, следствием чего является особое внимание исследователей к данному направлению изменчивости, и, как следствие, большое число диагностирующих признаков. И наконец, в-третьих, исходя из результатов аналогичного анализа древних серий (здесь интегрировались краниоскопия и краниометрия), интенсивные метисационные процессы между европейскими и азиатскими по

происхождению популяциями на обширной территории от приуральских степей на западе до западной Тувы на востоке относятся к достаточно позднему времени. Так, серии, обладающие несомненной монголоидной морфологией в узком ее понимании (уплощенность на верхнем и среднем уровне лицевого скелета, слабо выступающие носовые кости, малая ширина лба, высокая высота орбит), а также характеризующиеся соответствующим краниоскопическим комплексом признаков (высокие частоты ЗИ, ЗСШ, НО и низкие ИПНШ), очевидны на данной территории лишь с гуннского времени. Впрочем, возможна и несколько более ранняя датировка проникновения относительно крупных монголоидных групп в восточные области этого региона (Аржан-2) (Чикишева, 2004, с. 120; Моисеев, 2005, в печати). Более древнее население характеризуется либо европеоидным краниометрическим и краниоскопическим комплексом признаков (население афанасьевской, андроновской и карасукской культур), либо, обладая лишь некоторыми восточными чертами, имеет несомненную краниологическую специфику (население окуневской и кротовской культур) (Громов, 1997а, 1997б; Козинцев и др., 2003). Последнее обстоятельство позволяет говорить скорее о сохранении у последней группы древнего населения общей протоморфности, чем о его формировании в результате метисационных процессов между европеоидными и монголоидными популяциями. Хотя метисационный процесс в данном случае, несомненно, имел место, его вероятными участниками были пришлые европеоидные группы, с одной стороны, и автохтонное по происхождению население, обладающее протоморфными чертами, - с другой.

Кроме того, некоторые межсистемные особенности позволяют поставить вопрос о несколько преувеличенной роли метисации для некоторых географических регионов. Анализ величины межсистемных отклонений векторов, дифференцирующих европейские и азиатские популяции, демонстрировал высокие значения данного показателя для Западной Сибири и лесной зоны Восточной Европы, т. е. на территории, заселенной в основном уралоязычными народами. Поскольку, исходя из теоретических предположений, зоны метисации должны характеризоваться пониженным уровнем межсистемных различий, как это, например, имеет место на территории Южной Сибири, есть все основания предполагать, что для популяций в лесной зоне Северной Евразии стохастические процессы играли большую роль, чем метисационные.

В случае, если приведенное выше рассуждение верно, существует большая вероятность того, что группы, обладающие высокими показателями межсистемных отклонений, должны, кроме того, проявлять высокую степень антропологического своеобразия. Последнее, действительно, имеет место, поскольку следующие по значению направления изменчивости при анализе современных групп с территории Северной Евразии имеют прямое отношение именно к уралоязычным группам. Одно из этих направлений вычленяет финноязычные популяции, другое - большую часть уралоязычных народов, а также выделяются тюркские популяции Западной Сибири, у которых уральский компонент выражен сильнее, чем у всех остальных. В этом случае идиосинкразия систем признаков выражена значительно сильнее, чем это имело место в случае дифференциации групп по направлению запад-восток. Так, при дифференциации финноязычных групп из всех использованных систем признаков основное значение имеют данные только двух систем - одонтологии и дерматоглифики, а при дифференциации уралоязычных групп - краниометрии и краниоскопии. Меньшая согласованность различных систем признаков говорит не только о чувствительности тех или иных характеристик, восходящих к определенному периоду истории популяций, но является скорее доказательством более ранней датировки существования общеуральского и финского единства, нежели интенсивного процесса метисации европейских и азиатских по происхождению групп. Чуть большая доля изменчивости, приходящаяся на «финский» вектор, видимо, является следствием более позднего времени существования финского единства, по сравнению с эпохой прауральской общности.

Наиболее проблемным представляется вопрос о древних популяциях, которые можно было бы соотнести с древними уральцами, поскольку отсутствуют палеоантропологические данные

с территории таежной зоны Западной Сибири. Анализ же серий эпохи бронзы и раннего железа из степной и лесостепной зоны демонстрирует либо полное отсутствие у населения данных районов уральского комплекса признаков (степная зона), либо наличие не очень ярко выраженной уральской тенденции (население лесостепной зоны Западной Сибири скифского времени). В отношении последних это может свидетельствовать о наличии уральской примеси. Основным же компонентом населения лесостепной зоны были древние европеоидные популяции, что подтверждается как краниометрическими (Багашев, 2000), так и краниоскопическими данными.

Таким образом, полученные в процессе сравнения и интеграции различных систем антропологических признаков результаты, позволяют по-новому взглянуть на динамику формирования современной картины межгрупповой изменчивости. Выявленные закономерности свидетельствуют также о значительно большем влиянии стохастических процессов в формировании населения таежной зоны Западной Сибири и лесной зоны Восточной Европы, чем это обычно предполагается.

Ю.И. ОЖЕРЕДОВ

Россия, Томск

Томский государственный университет

К ВОПРОСУ О РЕЗУЛЬТАТАХ ФИЛОГЕНЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ОСТЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ИЗ СЕЛЬКУПСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

В рамках совместной программы по изучению генетических истоков селькупского этноса специалистами НИИ медицинской генетики Томского научного центра СО РАМН было проведено филогенетическое исследование представленных Кабинетом антропологии ТГУ остеологических останков из селькупских могильников XV-XVII вв. с территории Нарымского Приобья (Марусин и др.)

В итоге получено два вывода: 1) наличие кластеризации селькупов с восточно-европейскими и среднеазиатскими европеоидными популяциями; 2) отсутствие ожидаемой близости селькупов к хантам, манси и кетам. Причины неожиданных и противоречащих всем прогнозам результатов кроются не в генетической, а в исторической сфере проблемы селькупского этногенеза и в хронологической при постановке задачи в начале исследовательской программы.

Сходство селькупов с уграми и кетами предполагалось на основе антропологических, этнографических и лингвистических исследований. Однако при постановке задачи не было учтено, что выборка остеологического материала, использованного для генетического анализа, не превышает пределов XVII в., а опорные для прогноза данные вышеперечисленных наук приходятся на XVIII-XX вв.

Исторические и этнографические источники свидетельствуют, что только в XVII в. происходят серьезные этногеографические изменения на территории Западной Сибири, которые стали причиной генетических контактов.

Существует точка зрения о том, что толчком к началу контактов между селькупами и всеми другими этносами стала активизация русской колонизации. Движение русских к югу вдоль бассейна р. Оби привело к оттоку на юго-восток части хантыйского населения Нижнего Приобья. В результате в Нарымском Приобье появляется группа васюганских хантов, заселившая верхнее, среднее и часть нижнего течения р. Васюган с притоками. Другая родственная ей группа занимает р. Вах с притоками (ваховские ханты). С территорий, занятых хантами, начинается отток изгнанных ими коренных обитателей этих мест селькупов, которые через реки Тым и Вах уходят в бассейны рек Таз и Турухан. В свою очередь, на территории Нарымского Приобья происходит смешение диалектных групп селькупов, в ходе чего постепенно размывается понятие «люди одной реки».

В условиях нового географического районирования селькупов как южная (нарымская) так и северная (тазовско-туруханская) группы получают непосредственные контакты с хантами в Нарымском и Сургутском Приобье, а северная, кроме того, начинает плотно контактировать с енисейскими (елогуйскими) кетами. Именно такую картину и зафиксировали наблюдатели XVIII-XIX вв. И вероятно, будь при генетическом анализе использованы остеологические материалы нового времени, т. е. периода контактов селькупов в новых географических условиях проживания, результаты генетического исследования смогли бы оправдать заранее спрогнозированные ожидания.

Вместе с тем полученный отрицательный результат предлагает возможность нового видения культурно-исторической картины селькупского мира от начала его становления до XVII в.

Прежде всего, необходимо отметить, что в аналитике были использованы материалы из могильников с обширной территории обского лево- и правобережья Нарымского Приобья, охватывающей бассейны рек Тым, Кенга (юго-западный приток р. Парабель), Кеть и собственно с обских берегов. При этом изученные материалы локализованы в узком хронологическом диапазоне (XV-XVII вв.), в рамках которого, при изолированности таежного социума, вряд ли могли произойти значимые генетические изменения. Поэтому вполне правомерно предположить, что использованная выборка вполне репрезентативна для предварительных выводов о брачно-родственных отношениях селькупов с сопредельными этносами.

В результате аналитического исследования обнаруживается вероятность того, что тесных родственных контактов у селькупов с хантами, манси и кетами вплоть до XVII в. не существовало. Такое положение было обусловлено слишком высокой степенью географической разобщенности перечисленных этносов.

Следовательно, возникновение генетической близости, если таковая обнаружится в дальнейшей работе, могло быть инициировано их географическим сближением.

Полученные выводы подтверждают правильность датировок археологических памятников, материалы которых были использованы в настоящей работе. Если контакты, которые могут быть зафиксированы на генном уровне, появляются столь поздно, то погребения, где взят остеологический материал, наверняка относятся к предшествующему времени, т. е. до XVII в. и части XVII в., когда начинают возникать межэтнические половые связи. Именно такие датировки получены археологическими методами.

Несмотря на достоинства примененных методик, гарантии достоверности перечисленных выводов применительно ко всему селькупскому этносу пока нет. И это связано не с качеством исследовательских методов и способов изучения генного состава, а, прежде всего, с выборкой материала для изучения. Следует признать, что при всех достоинствах, выборка памятников-доноров отличается определенной долей случайности. Поэтому не следует исключать возможность того, что с появлением новых данных могут возникнуть варианты, способные внести корректировки в первоначальную картину генетического состояния селькупского этноса, проявившуюся после первой серии исследований.

Кластеризация, выявленная между селькупскими и европеоидными популяциями среднеазиатского и восточноевропейского типа, также находит объяснения в историческом прошлом селькупского этноса. В свое время Г.И. Пелих выделила в культуре селькупов шесть субстратных культурных компонентов, большая часть из которых имела определенно пришлое происхождение (1972а, с. 2, 13-17). В составе последних была обнаружена близость с материальной и духовной культурами Передней Азии. Прежде всего, речь шла о близости с предшумерийской культурой Эль-Убейда, которую Г.И. Пелих относила к концу V - началу IV тыс. до н. э. (1972б, с. 159). По новым данным, культура зародилась в VI тыс. до н. э. (Матюшин, 1996, с. 252). Исследователь была уверена, что культурные черты, обнаруженные в Передней Азии, в состав культуры селькупов были перенесены из Средней Азии. При этом их носители пополнили этнический состав населения тайги (Пелих, 1972а, с. 17-18). Процесс этот

проходил поэтапно и с достаточно большим хронологическим интервалом. Следуя такой схеме, в генетическом коде селькупов вполне могли появиться черты, свойственные европеоидным популяциям, о которых говорят результаты генетического исследования.

Выводы, сделанные Г.И. Пелих на основании этнографических источников, находят подтверждение в археологических исследованиях. В частности, раскопки позднесредневековых могильников селькупов (Барклай, Кустовский, Сухая Речка), проведенные автором статьи, дали материалы, которые сближают идеологические представления селькупов с культурами «южного» круга. К таким фактам относятся, например, употребление в погребальной обрядности селькупов камня в качестве изолирующего апотропеического материала, установка на курганах столбов с ветвями, имитирующими мировое древо, использование лодок в качестве транспортного средства для доставки души умершего в потусторонний мир, находящийся за водным пространством, применение огня в погребальном обряде, вкладывание в рот умерших украшений из цветных металлов, по смыслу аналогично плате Харону, и ряд других элементов, сближающих мировоззрение селькупов с традиционными воззрениями индоиранцев и тюрков Средней и Центральной Азии, а также Казахстана и Южной Сибири. На то же указывает ряд топонимических наблюдений (Ожередов, 1992; 2000; 2001; 2002а; 2002б; 2003).

А.М. ПУРТОВ, С.Ф. ТАТАУРОВ

Россия, Омск

*Омский филиал Института математики СО РАН,
Омский филиал Объединенного института истории,
филологии и философии СО РАН*

РАЗРАБОТКА ГИС «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ» (GISARCH)

В докладе приводятся результаты работы по созданию геоинформационной системы GISARCH, основная цель которой состоит в представлении археологических данных средствами технологий ГИС (ДеМерс, Майкл Н., 1999; Мызникова, Пуртов, 2003) и WWW. Работа выполняется сотрудниками и студентами Омского филиала Института математики СО РАН, Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, Омского государственного университета, Омского государственного технического университета, Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии в рамках проектов, поддержанных фондами: РГНФ, проект 04-01-12019в, «ГИС-карта археологических памятников юга Западной Сибири», ФЦП «Интеграция», проект Ф0032, «Геоинформационные системы и цифровое видео в методике преподавания истории».

В настоящее время накоплен большой объем уникальных данных по археологическим памятникам Омской области. Известно около 3000 археологических комплексов. Материалы представлены преимущественно на бумажных носителях в ограниченном количестве экземпляров, что делает невозможным доступ к ним широкой общественности. Компьютерное представление созданных фондов позволяет зафиксировать их текущее состояние, дает новые возможности по визуальной и формальной обработке археологической информации, делает ее более доступной для учебного процесса и научных исследований.

Структура GISARCH и средства представления информации о памятниках представлены на рис. 1.

Рис. 1. Структура GISARCH

Основой GISARCH является ГИС-карта археологических памятников. Традиционные технологии Интернет имеют ограниченные возможности для реализации полнофункциональных ГИС. Одна из причин - использование в Интернете преимущественно растровых, а не векторных изображений. Поэтому для создания ГИС используется специализированный пакет GIS ArcView (Пуртов, 2000). Он позволяет:

- работать с реальными электронными картами в векторном формате;
- за счет включения-выключения слоев видеть на экране большие массивы графической информации;
- строить разнообразные запросы (в том числе и графические) на поиск информации в базе данных;
- привязывать к графическим объектам различные приложения (MS Word, MS Internet Explorer и др.).

Таким образом, ГИС-карты позволяют интегрировать большие объемы информации, визуально отобразить размещение и распределение памятников по территории, обеспечить удобный доступ ко всем содержащимся в системе данным.

Краткая информация о памятниках обрабатывается в базе данных под управлением СУБД (системы управления базами данных) MS Access. Информационная связь между проектом ArcView .arg и базой данных .mdb осуществляется с помощью файла .dbf, каждая строка которого содержит данные о соответствующем памятнике. Подробная информация о памятниках хранится в файлах HTML, объединенных в Интернет-сайт. Эта часть системы может использоваться автономно (без ГИС-карты, базы данных). Информационная связь между проектом ArcView .arg и файлами HTML реализуется с помощью механизма «горячая связь». Таким образом, работая с проектом ArcView, щелкнув мышкой на памятник, можно вызвать файл .htm, содержащий его подробное описание. Более подробно технология создания GISARCH описана авторами в специальной статье (Пуртов, Татауров, 2002, с. 64-65).

Основными источниками информации для создания системы являются паспорта памятников и отчеты об археологических работах (рис. 2). Для уточнения информации используются также книги, рабочие материалы раскопок.

Краткая информация о памятнике заносится в файл .dbf. В него также вносят линейные координаты памятника, необходимые для размещения его на ГИС-карте, а также информацию для организации «горячей связи» с файлами .htm. Для представления средствами HTML всей информации, содержащейся в памятнике, разработана стандартная структура файла .htm. Это дает возможность вносить в систему информацию о памятниках даже студентам, не имеющим

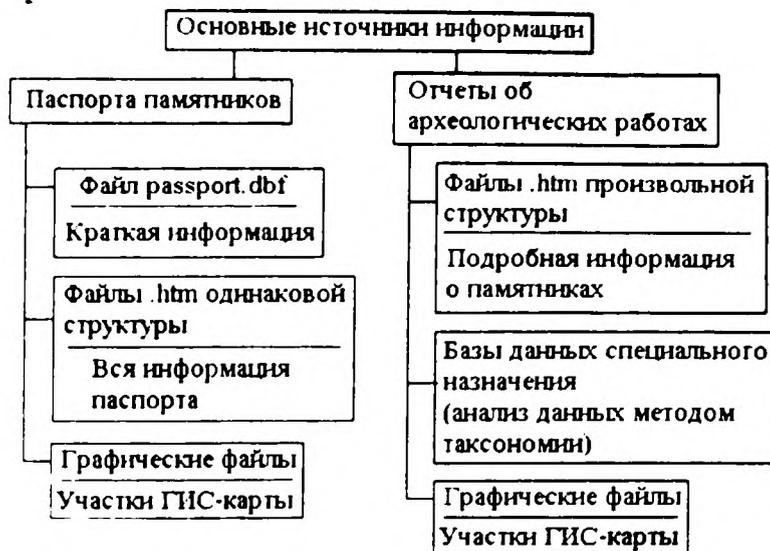

Рис. 2. Способы представления источников информации

высокой квалификации в области информатики. Схемы и карты расположения памятников, прилагаемые к паспортам, сканируются, привязываются к общей ГИС-карте и становятся ее участками. Затем они используются для определения линейных координат памятников (Там же, с. 64-65).

Отчеты об археологических работах содержат обычно большие объемы слабо структурированной информации, поэтому для ее представления используются совокупности файлов .htm произвольной структуры. При этом сохраняется единый стиль оформления файлов .htm, принятый в системе (фон, цвета, шрифты, оформление фотографий). При создании GISARCH параллельно решаются некоторые специфические задачи, связанные, например, с проработкой источников. Так, составлены базы данных для анализа погребальных обрядов на могильниках Изюк-1 и у дер. Ростовка, с использованием метода визуальной таксономии.

Общая технология работы пользователя состоит в следующем. После запуска проекта, созданного средствами пакета GIS ArcView, на экране пользователя появляется вид археологических памятников Омской области с ГИС-картой (рис. 3). Увеличивая необходимую часть карты, можно увидеть, например, подробный план могильника, привязанный к карте (рис. 4).

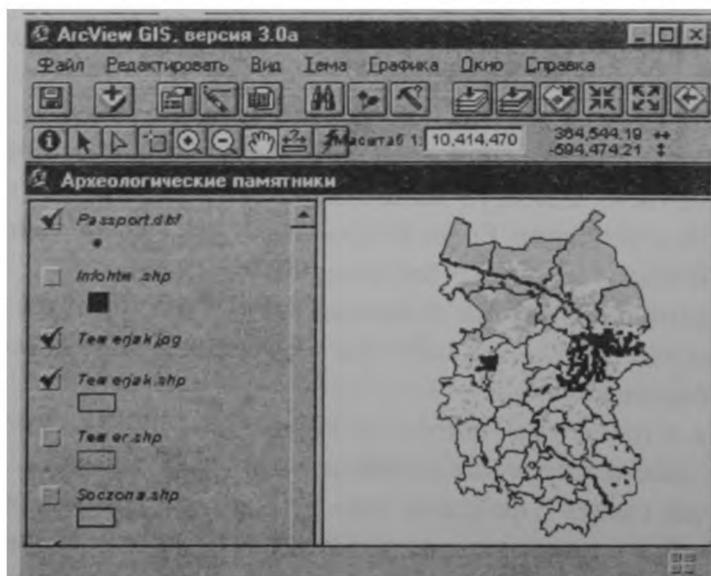

Рис. 3. Общий вид ГИС-карты памятников

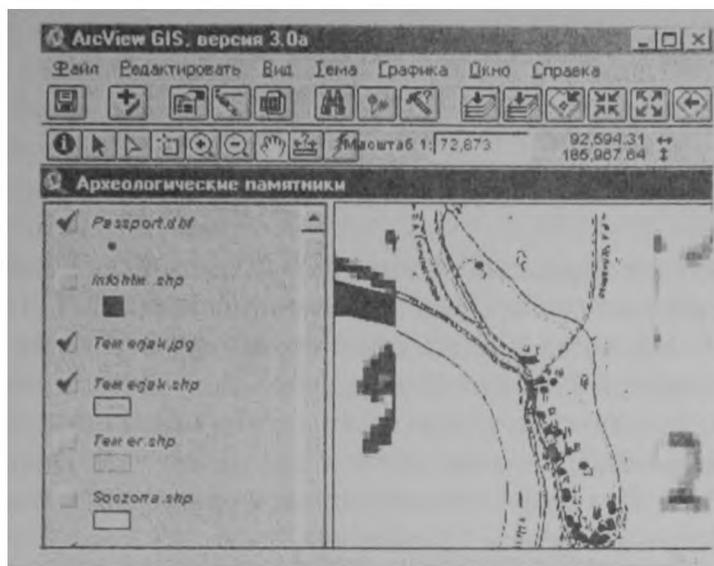

Рис. 4. Схема памятников, привязанная к карте

Например, на рис. 4 приведена схема Темерякского археологического микрорайона (Большаник и др., 2001). Используя кнопку «i» (информация), можно получить краткую информацию о памятнике, хранящуюся в привязанном к проекту файле .dbf. В этом файле содержится следующее:

- номер записи;
- уникальный код памятника;
- наименование памятника;
- типологическая принадлежность;
- датировка памятника;
- современное использование;
- техническое состояние;
- категория охраны;
- наличие охранной зоны;
- наличие документации;
- дата паспортизации;
- автор информации;
- название области;
- название района;
- название населенного пункта;
- краткое описание местонахождения;
- обозначение на карте;
- горизонтальная координата (метры);
- вертикальная координата (метры);
- путь до файла html.

Используя кнопку «горячая связь», можно вызвать файл html, содержащий полную информацию о паспорте памятника.

В настоящее время разработан функционирующий макет GISARCH, содержащий около 100 Мбайт информации, извлеченной из 250 паспортов памятников и нескольких археологических отчетов. К концу года будет введена в систему информация еще о 250 памятниках. Планируются дальнейшие работы с археологическими материалами Омской области, а также интегрирование в систему информации о памятниках регионов юга Западной Сибири.

О.М. РЫНДИНА
Россия, Томск
Томский государственный университет
ОРНАМЕНТ САМОДИЙЦЕВ

Исследование этнических общностей обских угров и самодийцев в контексте их генезиса и исторического взаимодействия пронизывает все научное наследие В.Н. Чернецова. В качестве информативного источника, позволяющего реконструировать страницы далекого прошлого, исследователем использовался орнамент. Правда, внимание ученого привлекло прежде всего богатство форм и разнообразие обско-угорского орнамента, а самодийский оказался вне сферы исследовательских приоритетов, впрочем, как и у последователей. Попытаемся восполнить указанный пробел и подойдем к орнаменту самодийцев с точки зрения выявления в нем общих закономерностей эволюции и этнической специфики.

Наиболее архаической в декоративном искусстве самодийцев следует признать традицию изготовления полотнищ сборного меха, сшиваемых из шкурок мелких пушных зверьков и их микрочастей: лапок, ушек, хвостиков. Обусловленность данной традиции основополагающими нормами охотничьего хозяйства объясняет ее высокую представительность в разных этнических средах. На фоне, как правило, рудиментарного бытования рассматриваемой традиции у многих народов самодийцев характеризует не только ее активное воплощение в декоративном искусстве, но и мировоззренческая значимость. Средний мир и тесно связанный с ним человек в различных социальных ролях ассоциируются с пестрой цветовой гаммой. С этой же гаммой соотносится облик самодийцев в глазах соседних с ними народов.

Эволюция традиции сборного меха в самодийской орнаментике обнаруживает два направления. К первому принадлежит искусство предков энцев и нганасан, у которых сшивание мелких шкурок и их частей перерастает в орнаментальное упорядочение темных и светлых квадратиков (рис. 1: 1). Эти же формы: сухарики и производимые от них полосы с отростками, Г- и F-образные, крестовидные мотивы, шевроны лежат в основе и обско-угорского орнамента. Однако, в отличие от последних, энецко-нганасанские узоры не испытали на себе новационного воздействия зигзагово-треугольной композиции и не преобразовались в мотивы с существенно отличными очертаниями. Предки энцев и нганасан развили исходные формы, не меняя их внутренней структуры. Орнаментальное развитие длительное время шло здесь своим естественным ходом, без стимулирующего влияния извне, о чем свидетельствует многочисленность и последовательность орнаментальных производных, исходящих от базовых форм.

Второе направление в развитии традиции сборного меха демонстрирует искусство ненцев и селькупов, где практически, за одним исключением, не прослеживается самостоятельного выхода на орнаментальный уровень. В декоративном искусстве указанных этносов рассматриваемая традиция дает иные, не орнаментальные всходы. Здесь чередование сшитых разноцветных шкурок трансформируется в шахматное упорядочение темных и светлых деталей кроя на одежде, лоскутную технологию применительно к суконным изделиям, выражается в «испестренности» традиционного костюма суконными лоскутками и явном предпочтении пестрого оленьего меха при изготовлении меховой одежды. При этом последовательность художественного развития технологии составного меха демонстрируют прежде всего материалы по ненцам, а сведения, относящиеся к селькупам, рисуют большую инертность процесса. Меховая орнаментальная мозаика обнаруживается в творчестве европейских тундровых ненцев. Простота ее форм: полосы, зигзаги, шевроны, меандр, T-образные мотивы, а также оригинальная контурная стилистика их исполнения свидетельствуют о самостоятельном пути развития орнамента (рис. 1: 2).

Сибирские тундровые и лесные ненцы заимствовали мозаичный орнамент на меху соответственно у северных и восточных хантов (рис. 1: 3). Хантыйский фонд орнаментальных

мотивов ко времени заимствования уже обладал субэтнической спецификой, которую и воспроизвели узоры различных групп ненцев. От ненцев в результате культурной диффузии мозаичные формы, обско-угорские в своей основе, распространились у северных селькупов. Однако опосредованность восприятия орнаментальной традиции сказалась на селькупских узорах, предельно упростив их конфигурацию.

С декоративной обработкой изделий из бересты связан еще один орнаментальный пласт в творчестве самодийцев, точнее селькупов (рис. 1: 4). Истоки ажурной резьбы с подкладным фоном исходят из технологически обусловленной профилировки краев бересты в местах их соединения. Конфигурация профилировки, стреловидная и флажкообразная, и резьба как элемент технологии воспроизведены в орнаментальных мотивах. Взаимопроникающее скрепление стенок свойственно, кроме селькупов, всем уграм, народам юга Западной Сибири, так что сложение данной традиции следует отнести по меньшей мере ко времени пребывания угров на сибирской территории. Обогащение ажурной резьбы еще одним мотивом - учетверенным треугольником с крестообразным фоном, очевидно, произошло под воздействием трехгранно-выемчатой резьбы, широко распространенной в орнаментальных традициях народов Западной Сибири. Сходство данного орнамента на уровне технологии, конфигурации, композиции и семантики обнаружено у селькупов, обских угров и кетов. Следовательно, ко времени межкультурной коммуникации их предков и следует отнести проникновение рассматриваемого мотива в художественную обработку бересты.

Становление орнаментального стиля, связанного с выскабливанием на бересте, произошло, по-видимому, в результате тюркского воздействием на селькупскую культуру. Своеобразные черты этого стиля присутствуют и в инкрустации металлом по кости и рогу у ненцев. Стилевое единство обеих орнаментальных областей включает следующие признаки: резьба как элемент технологии, контурность узорной линии, сетчатая структура, криволинейность узорных очертаний, элементный состав мотивов в виде зубцов и полукружий (рис. 1: 5). Близкие аналогии указанным признакам обнаруживает резьба по дереву и бересте у алтайцев. Более того, технологическая специфика этой резьбы объясняет некоторые стилевые особенности контурного выскабливания на бересте у селькупов и инкрустации по кости и рогу у ненцев. Развитие традиции узорной обработки бересты в технике выскабливания наблюдается у южной (нарымской) группы этноса. Под воздействием восточных хантов в ее декоративном искусстве сложился новый орнаментальный стиль: ширококонтурные криволинейные мотивы, образованные ромбами, зигзагом с отростками, уголками и подчиненные бордюрной композиции (рис. 1: 6).

Таким образом, реконструированная картина орнаментальной динамики у самоедоязычных народов не обнаруживает общесамодийских закономерностей, и на этнографических материалах не выявляется общесамодийский орнаментальный фонд. Своеобразными областями здесь предстают: меховая орнаментальная мозаика, во-первых, энцев и нганасан, во-вторых, европейских ненцев, в-третьих, декоративная разработка традиции сборного меха у сибирских ненцев, в-четвертых, контурное узорное выскабливание на бересте у селькупов. Первая область отражает декоративную универсалию надэтнического свойства, вторая и третья демонстрируют этническую и субэтническую специфику, четвертая проникнута южным культурным воздействием. При этом между орнаментальными областями не обнаруживаются связи, которые позволили бы трактовать самодийский орнамент как системное начало. Так, орнаментальная мозаика по меху у энцев и нганасан никоим образом не повлияла на аналогичную орнаментальную технологию европейских ненцев и на ненецкую мозаику по сукну, лишенную орнамента; выскабливаемые узоры на селькупской бересте не сопоставимы с мозаичными формами в их различных этнических вариантах.

Отсутствие орнаментального единства в самоедоязычном мире заслуживает самого пристального внимания. Представляется, что можно вести речь о воздействии двух факторов

на формирование выявленной ситуации. Первый связан со спецификой самодийского декора: ни у одного из рассмотренных самодийских народов орнамент не стал ведущим средством традиционной художественной отделки вещей. На пути орнаментального развития декора более всего продвинулось искусство энцев и нганасан. Однако и в их творчестве орнамент - один из важных, но не преобладающих способов эстетического оформления изделий. Он стоит в одном ряду с такими приемами, как цветовое чередование деталей кроя, кисточки, бахрома, ремешки. В традиционной отделке одежды у селькупов и ненцев вплоть до недавнего времени орнаменту практически не отводилось никакой роли. Обогащение самодийского арсенала традиционных декоративных средств за счет орнаментации в различных частях самодийского мира проходило по-разному, и в значительной мере было определено воздействием обско-угорской, и прежде всего хантыйской культуры. Второй фактор, очевидно, сопряжен с этногенетическими особенностями самодийцев. Разнородность автохтонной среды, лежащей в их основе, неравнозначность и разновременность воздействия южных импульсов, различие этнокультурных ниш, окружающих самоедоязычные народы, обусловили большую степень разброса их орнаментальных традиций.

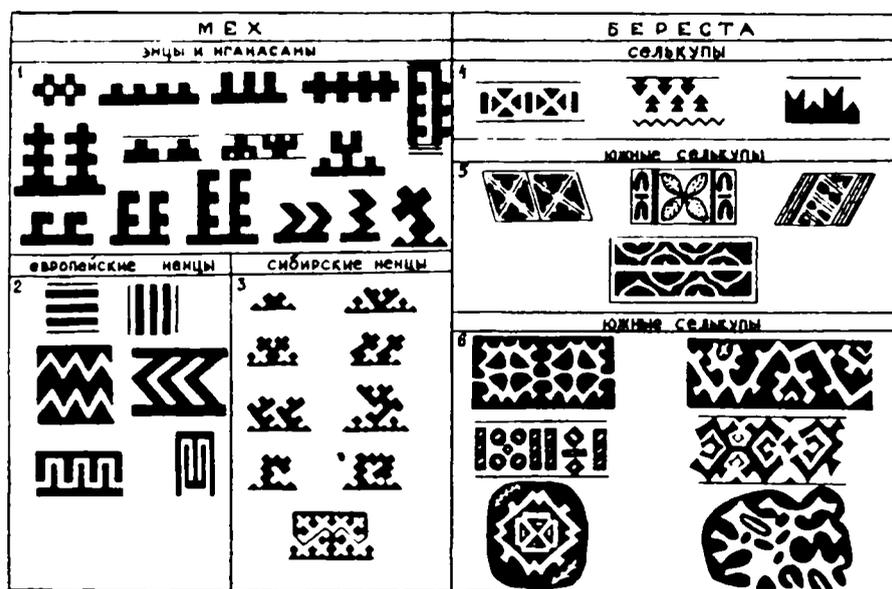

Рис. 1. Развитие орнаментальных традиций самодийцев

О.С. СВЕШНИКОВА

Россия, Омск

Омский государственный университет

**«ИСТОРИЯ ПЕРВОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ» -
НЕИЗВЕСТНЫЙ ПРОЕКТ ИИМК**

В самом конце 1930-х гг. под руководством М.И. Артамонова в ИИМК была подготовлена серия коллективных обобщающих работ. Первой из них стала «История СССР», т. 1: «С древнейших времен до образования Древнерусского государства». Работа, написанная сотрудниками ИИМК, увидела свет уже в 1939 г., но, к сожалению, так и осталась изданной только в виде макета. В 1956 г. на его основе были сделаны «Очерки по истории СССР». В это же время была написана «История культуры Древней Руси», вышедшая в 1951-1954 гг.

Одновременно было задумано еще более десятка проектов, реализовать которые коллективу ИИМК не удалось (Платонова, 1999, с. 475-476). В их числе «История первобытной культуры», которой и посвящена настоящая публикация.

Руководителем проекта был назначен П.П. Ефименко. Для работы над книгой были привлечены ученые из Ленинграда и Москвы, как археологи, так и этнографы.

«Список рукописей по «Истории Первобытной культуры»:

1. Борисковский П.И. «Освоение огня».
2. Гурина Н.Н. «Техника неолита».
3. Борисковский П.И. «Основы первобытной техники».
4. Окладников А.П. и Береговая Н.А. «Жилища охотников и рыболовов».
5. Кричевский Е.Ю. «Жилища и поселения земледельческих племен».
6. Брюсов А.Я. «Возникновение одежды и ткачество».
7. Пассек Т.С. «Возникновение гончарства».
8. Золотарев А.М. «Приручение животных и первобытное скотоводство».
9. Золотарев А.М. «Социальные отношения в первобытном обществе».
10. Кагаров <Е.Г.> «Вооруженные столкновения».
11. Петров <В.П.> «Духовная жизнь». Ч. 1.
12. Францев «Происхождение религии».
13. Гитлиц <М.М.> «Происхождение языка».
14. Кагаров Е.Г. «Начатки науки».
15. Гуцин А.С. «Искусство (эпоха камня - зачеркнуто, карандашом написано: в эпоху дикости и низшей ступени варварства. - О.С.).
16. Окладников А.П. «Лук и стрелы. Охота и рыболовство на высшей ступени дикости и низшей ступени варварства».
17. Рогачев А.Н. и Береговая Н.А. «Жилища и поселения эпохи дикости.»» (Архив ИА РАН. Ф. Р-2. Д. 462. Л. 1).

Работа над предполагаемым изданием велась в течение всего 1939 г. В письме Е.Ю. Кричевского Т.С. Пассек от 20.03.1939 г. читаем: «Мы думаем, что хорошо работу сперва сдать в черновом виде для обсуждения. Потом работы вернутся авторам для окончательного оформления. Работу надо форсировать... У нас есть такое предложение о твоих сроках. Представление в черновом виде - 1 июня с. г. В окончательном - 1 ноября с. г.» (Архив ИА РАН. Ф. 11. Д. 97. Л. 38 об). К концу 1939 г. рукописи были сданы редакции, так на рукописи главы «Возникновение гончарства» рукой Т.С. Пассек поставлена подпись и написано «27/XI 39 г. (1 экз. Отослано в ИИМК П.П. Ефименко)» (Архив ИА РАН. Ф. Н-Арх. Д. 562. Л. 34), на рукописи главы «Приручение животных и первобытное скотоводство» поставлена дата 14/XI 39 г. (Архив ИА РАН. Ф. Н-Арх. Д. 65. Л. 1), подобные пометки есть и на других рукописях.

Первым этапом работы было составление проспектов каждого из разделов. Примером может служить проспект введения, составленный самим П.П. Ефименко.

«Краткий проспект (схема) по I т. «Истории первобытной культуры».

Введение.

Предмет и задачи истории первобытной культуры. Источники ее изучения. Значение первобытной культуры в истории человечества. Разоблачение антинаучных извращений в вопросах истории первобытной культуры.

Основные ступени развития первобытной культуры: первые орудия и очеловечивание обезьяны. Открытие огня. Появление рыболовства. Появление лука и стрел. Изобретение гончарства. Появление земледелия и скотоводства. Отделение скотоводства от земледелия. Открытие металла (обведено синей пастой и стрелочкой показан перенос перед «Отделение скотоводства». - О.С.). Изобретение плуга. Обособление ремесла.

Понятие об археологических эпохах. Палеолит, неолит, бронзовый век, железный век. Эпоха дикости и варварства в свете фактов археологии.

Основные этапы развития общества: первобытное стадо и кровнородственная семья, матриархальный род, патриархальный род, сельская община. Основные черты первобытнообщинного способа производства, причины его разложения и возникновения классов и государства» (Архив ИА РАН. Ф. Р-2. Д. 462. Л. 3).

Написанные авторами раздела проспекты были предоставлены на утверждение редакции проекта, которая внесла в них коррективы. Так, в письме Е.Ю. Кричевского Т.С. Пассек от 20.03.1939 г. читаем:

«Дорогая Таня!

Посылаю тебе проспект «Истории первобытной культуры».

Ты заметишь, что по сравнению с твоим проспектом главы VII здесь есть некоторые изменения. Они в основном сводятся к расширению содержания в следующих направлениях:

В твою главу включаются все вопросы докерамических <неразб.> (по материалам палеолита и современных докерамических племен).

Все построение должно быть увязано с развитием способов приготовления пищи (жарение, копчение и пр., варка с раскаленными камнями, варка в сосудах...).

Мне кажется, все эти расширения улучшают дело». (Архив ИА РАН. Ф. 11. Д. 97. Л. 38).

По утвержденным проектам были написаны тексты глав, объемом примерно 1 п. л. Рукописи, за исключением введения и глав 9, 10, 12, хранятся в архиве Института археологии РАН, Ф. Н-Арх. Д. 9 и 65 - гл. 8; Д. 57 - гл. 5; Д. 64 и 562 - гл. 7; Д. 66 - гл. 6; Д. 210 и 211 - гл. 11; Д. 462 - гл. 1-4, 13-17. Работа над текстами давалась авторам нелегко. Так, Кричевский писал: «Я сижу над «Ист. перв. культуры» и проклиная день и час ее рождения» (Архив ИА РАН. Ф. 11. Д. 97. Л. 37).

В силу невозможности подробно охарактеризовать известные нам тексты «Истории первобытной культуры» остановимся лишь на некоторых моментах. Работа представляет скорее социологию первобытной культуры, чем историю, поскольку авторы не описывают отдельные общества и их развитие, а сосредоточили своё внимание на предельно общих закономерностях. Так, А.П. Окладников писал: «Вопрос о времени появления лука, и, следовательно, о моменте, с которого начинается высшая ступень дикости, достаточно надежно разрешается накопленными в данное время археологическими материалами, в первую очередь остатками стрел» (Архив ИА РАН. Ф. Н-Арх. Д. 462. Л. 286). Т.С. Пассек о возникновении гончарства писала: «Лишь в эпоху варварства, на низшей его ступени, со времени возникновения охотничье-рыболовецких и земледельческо-скотоводческих оседлых поселений (неолит) и одновременно происходившего освоения человеком разнообразных продуктов питания наблюдается усложнение начальных приемов приготовления пищи и появляется гончарство» (Архив ИА РАН. Ф. Н-Арх. Д. 562. Л. 2). Следует отметить, что это наблюдение может быть отнесено ко всем отечественным «историям первобытного общества», начиная с работы В.И. Равдоникаса (1939).

Известные нам тексты «Истории первобытной культуры» не представляют собой единого текста. Каждая глава отражает индивидуальный стиль автора: различны степень привлечения этнографических данных и подробность их описания, способы описания археологических данных и широта их охвата и т. д. Например, в главе, написанной А.Я. Брюсовым, читаем: «Признавая вынужденную привычку некоторых культурно-отсталых народов к длительному перенесению значительного холода, нельзя забывать, что все народы, живущие в странах с холодным климатом, изготавливают одежду для повседневного употребления ее. Холод и сырость - два могущественные агента, которые вынудили человека строить жилище и носить одежду, чтобы не погибнуть в борьбе с природой» (Архив ИА РАН. Ф. Н-Арх. Д. 66. Л. 2). Н.А. Береговая и А.Н. Рогачев писали: «Остатки очагов и другие культурные остатки встречаются (всегда - зачеркнуто. - О.С.) чаще всего у самого входа в пещеры или в неглубоких гротах и под навесами скал. В пещере Боном (деп. Дордони. Франция) имеются четыре культурных слоя, из них два

нижних относятся к ранне-мустьерскому времени. В древности, когда пещера была значительно больших размеров, на площадке перед ней поселились люди, о чем свидетельствует мощный слой культурных остатков (раздробленные кости животных, остатки очага, характерные для ранне-мустьерского времени, орудия из кремня и множество осколков кремня)» (Архив ИА РАН. Ф. Н-Арх. Д. 462. Л. 411).

«История первобытной культуры» представляет один из примеров становления советской археологической науки и заслуживает более детального рассмотрения.

Н.А. ТОМИЛОВ

Россия, Омск

Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии

Омский государственный университет

Сибирский филиал Российского института культурологии

ТРАДИЦИОННО-КУЛЬТУРНЫЕ АРЕАЛЫ И ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ

Сегодня, когда в этнографической (этнологической) литературе предпринимаются попытки переоценки научной результативности исследований отечественных этнографов советского периода, особенно актуальным представляется определение дальнейших приоритетных направлений. И здесь не обойтись без опыта наших предшественников. Большие перспективы открывала разработанная в 1950-х гг. М.Г. Левиным и Н.Н. Чебоксаровым (1955, с. 3-77) теория историко-этнографических областей, правда, долгое время не реализовывавшаяся в практических исследованиях, - этнографы предпочитали заниматься изучением одного, реже двух-трех и более этнических образований.

Фактически только в конце 1970-х - начале 1980-х гг. к отдельным ученым стало приходить осознание того, что изучение историко-этнографических областей может вывести этнографию на получение новых научных результатов, поэтому основной задачей исторической этнографии должно стать создание обобщающих характеристик этих образований. Впервые в нашей науке такую цель поставил и получил определённое решение этой проблемы Р.Г. Кузеев в монографии «Народы Среднего Поволжья и Южного Урала» (1992). Всестороннее изучение Волго-Уральской историко-этнографической области позволило во многом по-новому осветить этническую историю народов, включенных в систему исторического взаимодействия их друг с другом в рамках одной историко-этнографической области, а также в систему взаимодействия с народами сопредельных историко-этнографических областей - Беломоро-Печерской, Днепровско-Волжской, Казахстанской, Западно-Сибирской и др.

С 1980-х гг. в отечественной этнографии все больше стали говорить об историко-этнографических общностях, уменьшая постепенно использование понятия «историко-этнографическая область». Вопросу о соотношении этих двух понятий автору данной статьи уже приходилось уделять внимание в своих работах (Томилов, 1987, с. 10-11; 1992, с. 37-38; 1993, с. 14-16; 1996, с. 208-212). При этом опорой послужила предложенная Ю.В. Бромлеем разработка типологии историко-культурных общностей, в которой выделяются две группы этих общностей - этнические и этнографические, а в составе последних - историко-этнографические общности, этнографические, субэтнографические и т. д. группы (1981, с. 10-23).

С понятием «историко-культурные общности» следует связывать и объект этнографии. Представляется недостаточным включение в объектную среду этнологической науки только этносов, а не всех других видов общностей, основным систематизирующим фактором для которых является этнический, т.е. этнические свойства.

Следует обратить внимание на нетождественность содержания понятий историко-этнографическая общность и историко-этнографическая область. Если в первом случае обозначаются группы населения, то во втором - географические ареалы, хотя каждому этнографу понятно, что и здесь речь идет о населении этих ареалов и их культурной близости. Представляется, что более правильным было бы отказаться от употребления названий видов географических ареалов по отношению к таким разновидностям историко-культурных общностей, как этнографические. Эти понятия должны обозначать действительно только географические зоны, в которых складываются такого вида историко-культурные общности. Они могут быть использованы в названиях, имеющих отношение к этнической истории зон или ареалов, например в таком сочетании: история Волго-Уральской, Северо-Кавказской, Сибирской или других историко-этнографических провинций, Волго-Уральской, Ямало-Таймырской и других историко-этнографических областей, Южнозападносибирского историко-этнографического региона и т.п.

Такая структура понятия указывает на то, что в исследовании речь идет, прежде всего, об историко-этнографической (традиционно-культурной) общности населения данных географических ареалов. В то же время в нём не отражаются все виды традиционно-культурной общности, поскольку в одном и том же географическом ареале могут сосуществовать двусоставные и, возможно, даже многосоставные общности такого рода. Например, в изучаемом нами Южнозападносибирском историко-культурном регионе сложилась преимущественно тюркская по языковой принадлежности региональная традиционно-культурная общность, охватившая сибирских татар, чулымцев, поволжских татар, казахов группы выходцев из Средней Азии - узбеков, каракалпаков и др. Однако начиная с конца XVI в. на этой территории и в соседней Западно-Сибирской историко-культурной области стала складываться историко-этнографическая общность переселенческих групп, включившая сначала русских, а позднее украинцев, белорусов, чувашей, коми и др.

Поэтому более правильным в научном отношении нам представляется употребление общего понятия «историко-этнографическая (традиционно-культурная) общность» и выделение учеными среди них континентальных, провинциальных (субконтинентальных), областных, региональных и районных историко-этнографических общностей.

В связи с вопросом об историко-этнографических общностях скажем еще несколько слов об их отличии от этнических общностей, которое, как принято считать в нашей науке, выражается в отсутствии у первых этнического самосознания. Следует, конечно, согласиться, что этническим самосознанием как таковым историко-этнографические общности не обладают. Но частичное осознание своего внутреннего сходства в культуре, языке, также как и осознание своих этнодифференцирующих свойств представителями какой-нибудь конкретной историко-культурной общности данной разновидности, может иметь место (Андрианов, Чебоксаров, 1972, с. 18).

Особенно хорошо это наблюдается в зонах межэтнических контактов этносов, входящих в одну историко-этнографическую общность. Но и у представителей более дробных подразделений такого вида общностей, а именно локальных этнографических групп, тоже может проявиться осознание своего отличия от соседних групп их этноса, хотя такого осознания может и вообще не возникнуть.

Теперь несколько слов о результатах нашего изучения историко-этнографических и шире - историко-культурных общностей в Западной и Южной Сибири (Томилов, 1986, с. 70-86; 1992, с. 209-222).

В результате длительного взаимодействия тюркского населения разных хозяйственно-культурных ареалов Западно-Сибирской равнины, а также благодаря этнокультурной близости и даже родственности в генетическом отношении предков изучаемых нами тюркских этнических образований, единству некоторых этнических, этноязыковых компонентов в их составе здесь

издавна происходили процессы формирования традиционно-культурной общности. В Сибирской историко-этнографической провинции этнографами были выделены Ямало-Таймырская, Западносибирская, Алтае-Саянская, Восточносибирская, Камчатско-Чукотская, Амуро-Сахалинская историко-этнографические области, и это деление принято в науке (Андрианов, Чебоксаров, 1975, с. 18). Представляется более правильным выделять Западносибирскую областную историко-этнографическую общность, в которую входят преимущественно народы, обитающие в лесной зоне - манси, ханты, селькупы, коми и некоторые другие, но к которой не относится тюркоязычное население Западной Сибири, принадлежащее к другому историко-этнографическому миру, где сложилась Алтае-Саянская историко-этнографическая областная общность и где до сих пор реально существует Южносибирская областная историко-этнографическая общность, в которые наряду с алтае-саянскими народами, якутами и бурятами входят сибирские татары, чулымские тюрки, сибирские бухарцы, северные казахи и некоторые другие этнические группы, этноистория которых была взаимосвязана или в отдалённом прошлом, или в более близкие к современности периоды.

К объединяющим чертам Южнозападносибирской региональной историко-этнографической общности относятся еще ее полиэтничность, относительное единство этногенетических процессов и наличие некоторых общих этнических компонентов, общность исторических судеб и своеобразие исторического пути каждого этнического образования; наличие нескольких хозяйственно-культурных типов (ХКТ), и на основе их различия - взаимодействие групп населения друг с другом; возникшая этнокультурная общность в культурно-хозяйственной сфере, в других сферах природно-средовой и материальной культуры, в духовной и соционормативной культуре, в языке и сложившееся культурное и языковое своеобразие этнических общностей данного региона; связь с Саяно-Алтайской региональной историко-этнографической общностью в этногенезе и историческом развитии, в ХКТ, традиционно-бытовой культуре, языках, но и большие различия, связанные с разным уровнем плотности в сходстве и близости тех или иных сторон культурных явлений.

Выделение двух региональных тюркских историко-этнографических общностей - Саяно-Алтайской и Южнозападносибирской - связано с природными факторами: различием географических условий их складывания (в одном случае преимущественно горный массив, в другом - степь и лесостепь) и большой территориальной широтной протяженностью всей этой южной и средней зоны Западной и Средней Сибири. Последнее обстоятельство приводило к тому, что в развитии этнокультурного взаимовлияния в XIX - начале XX в. наблюдалось определенное ослабление его между населением западных и восточных районов Южносибирской историко-этнографической общности.

И еще раз о научной значимости и перспективности решения проблемы историко-этнографических общностей. Изучение такого рода общностей фактически может вывести этнологию на создание историко-этнографической классификации, которая совокупно с применением классификации этнических общностей по хозяйственно-культурным типам может способствовать созданию собственно этнографической классификации народов мира и отдельных регионов.

В.С. ТОМИЛОВА, Н.А. ТОМИЛОВ, М.А. КОРУСЕНКО

Россия, Омск

Сибирский филиал Российского института культурологи

Омский государственный университет

Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии

**НАУЧНЫЕ СЕРИИ ОМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ
ПО АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ, ЭТНОАРХЕОЛОГИИ
И КУЛЬТУРОЛОГИИ**

Рис. 1. Обложки для некоторых изданий

Омский археолого-этнографический научный центр создавался десятилетиями, фактически начиная с середины XIX в. Так, в 2004 г. исполнилось 150 лет омской этнографии, которая берет начало от первых экспедиционных работ Ч.Ч. Валиханова и Г.Н. Потанина. Первые археологические работы проводились омскими учеными с 1910-х гг.

Культурологические (в том числе музеологические) исследования проводятся омскими учеными, начиная с образования здесь в 1974 г. Омского государственного университета. Коллектив этноархеологов возник в Омске в 1993 г.

В настоящее время основную научно-исследовательскую работу в области названных дисциплин в Омске ведут Омский государственный университет (ОмГУ), Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской академии наук (ОФ ОИИФФ СО РАН) и Сибирский филиал Российского института культурологии Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации (СФ РИК). Археологические и отчасти этнографические изыскания осуществляют также ведущие музеи - Омский государственный историко-краеведческий музей (ОГИКМ) и Омский областной музей изобразительных искусств, а также Омский государственный педагогический университет. Этнографические работы по изучению народов Сибири проводятся Омским государственным институтом сервиса, ОГИКМ, учеными ряда вузов Омска и названного Музея изобразительных искусств.

Из археологических изданий назовем ежегодник «Новое в археологии Среднего Прииртышья». Он задуман был в 1997 г., а первый выпуск вышел в свет в 1999 г. Цель этого издания - оперативно представлять материалы археологических исследований на территории Среднего Прииртышья. Сегодня выпущено 3 сборника этого издания. В первых двух опубликованы работы омских ученых и некоторых исследователей из Новосибирска. В третьем выпуске опубликована монография В.И. Матющенко «Могильник на Татарском увале у д. Окунево». Ответственными редакторами томов этой серии стали Б.А. Конигов, С.Ф. Татауров и И.В. Толпеко. В настоящее время готовится четвертый сборник статей.

Еще одно серийное издание охватывает области знаний по этноархеологии - это серия «Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума», которая выходит начиная с 1996 г. Ее издателями (как и последующих трех серий) являются ОмГУ, ОФ ОИИФФ СО РАН и СФ РИК.

Уже выпущено 7 томов - 6 сборников научных трудов и монография М.А. Корусенко о погребальном обряде тюркского населения бассейна р. Тары в XVII-XX вв. Основной смысл этого издания - стимулировать развитие этноархеологии в России. Серия имеет редакционную коллегию, в которую вошли ее главный редактор Н.А. Томилов, заместитель главного редактора С.С. Тихонов, ответственный редактор М.А. Корусенко, секретарь М.Ю. Здор и ведущие российские ученые С.А. Арутюнов, А.В. Головнев, А.П. Деревянко, Р.Г. Кузеев, Г.Е. Марков, В.И. Матющенко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, В.А. Шнирельман. Ответственным редактором седьмого тома является В.И. Молодин. В серии публикуются статьи ученых из разных научных центров России. Редколлегия приглашает и зарубежных ученых к сотрудничеству в этой серии. Очередные два тома сдаются в печать, и начинает формироваться десятый том.

К названной серии примыкает еще одна - «Интеграция археологических и этнографических исследований», которая выходит отдельным изданием ежегодно с 1995 г. и включает материалы (статьи) ежегодного международного научного семинара под таким же названием.

Научной целью семинаров является апробация на них идей и результатов исследований в области этноархеологии - молодой, еще только складывающейся науки. В настоящее время разрабатываются методы конструирования моделей социокультурных этнографо-археологических комплексов, исследуется опыт археолого-этнографических работ коллег из научных центров России и других стран.

В серии опубликованы работы ученых Венгрии, Испании, Казахстана, России, Таджикистана и Украины. Ответственными редакторами разных томов этой уже 10-томной серии были М.Л. Бережнова, Л.М. Кадырова, М.А. Корусенко, С.Н. Корусенко, А.Г. Селезнев, В.И. Соболев, С.Ф. Татауров, Л.В. Татаурова, С.С. Тихонов и Н.А. Томилов.

Серия «Культура народов России» издается с 1995 г. В свет вышло 8 томов - это сборники «Материальная культура России», «Проблемы музееведения и народная культура», монографии Ф.Т. Валеева, С.Н. Корусенко, Н.В. Кулешовой, Н.А. Левочкиной, В.Г. Малиновского, коллективная монография о культуре народов Западной и Средней Сибири. В главную редакцию серии входят ее главные редакторы В.Т. Пуляев и Н.А. Томилов, члены редакции - видные российские ученые.

Еще одна серия под названием «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев» выходит sporadически с 1986 г. Опубликовано 12 томов, описывающих состав музейных этнографических коллекций с перечнем этнографических экспонатов с их полным описанием, иллюстрациями и схемами. В описание включены материалы по хозяйству и культуре народов Севера Сибири, Южной Сибири, казахов, русских и народов зарубежной Азии, хранящихся в музеях Новосибирска, Омска и Тюмени. В главную редакцию серии сегодня входят Н.А. Томилов (главный редактор), А.С. Арутюнов, И.Н. Гемуев, А.П. Деревянко, В.И. Матющенко, Н.В. Лукина, З.П. Соколова, В.Т. Пуляев, Ч.М. Таксами, Г.М. Патрушева (ответственный секретарь).

С 1999 г. в Омске издается российский научный журнал «Культурологические исследования в Сибири» - сначала по 2 номера, а с 2003 г. - по 3 номера в год. Учредителем журнала является ОмГУ. В качестве издающих организаций выступают также ОФ ОИИФФ и СФ РИК. Редакционную коллегию журнала сегодня возглавляют омские ученые Н.А. Томилов (главный редактор), Н.М. Генова и Д.П. Синельников (заместители главного редактора), Д.А. Алисов, М.А. Жигунова и Т.Н. Золотова (ответственные редакторы), В.С. Томилова (ответственный секретарь), О.И. Терехина (секретарь). В ее состав входят известные российские ученые: П.П. Вибе, Г.Г. Волощенко, Б.А. Конилов, С.Н. Корусенко (Омск), Н.В. Кочешков (Владивосток),

С.А. Красильников (Новосибирск), В.М. Кулемзин (Томск), В.Ш. Назимова (Омск), В.И. Полищук (Нижевартовск), К.Э. Разлогов (Москва), А.В. Ремнев, В.Г. Рыженко (Омск), В.Л. Соскин (Новосибирск), В.И. Струнин, А.В. Якуб (Омск).

Тематика журнала охватывает следующие научные проблемы: общая теория и историография культуры, методология и методы культурологических исследований, история культуры, региональная культурная политика, социокультурное пространство и культурные субъекты в условиях модернизации Сибири, музееведение, теория и практика музейного дела, охрана и использование памятников истории и культуры, культурное пространство города, современная молодежная субкультура, культура досуга, народная культура, межнациональные этнокультурные отношения, этнокультурология.

Всего за годы существования этого периодического издания в нем опубликовали свои работы ученые и практические работники сферы культуры более чем из 20 городов России: Барнаула, Бийска, Владивостока, Горно-Алтайска, Екатеринбурга, Иркутска, Казани, Кемерова, Красноярска, Кызыла, Москвы, Нерчинска, Нижневартовска, Новосибирска, Омска, Северска, Томска, Тюмени, Улан-Удэ, Хабаровска, Ханты-Мансийска, Якутска), а также из Китая и Монголии.

В разных разделах журнала в течение 5 лет его существования печатали свои научные статьи многие видные российские ученые, например ученые из Новосибирска: А.В. Бауло, В.И. Бойко, В.А. Ламин, В.И. Молодин, Н.Н. Покровский, Ю.В. Попков, Е.К. Ромодановская, В.С. Соскин, М.В. Шуньков; из Кемерова: А.М. Кулемзин, А.И. Мартынов, В.П. Машковский, А.В. Циркин; из Томска: В.М. Кулемзин, Л.М. Плетнева, Ю.С. Плотников, Л.А. Чиндина; из Хабаровска: И.И. Светачев; из Нижневартовска: В.И. Полищук; из Владивостока: Н.В. Кочешков; из Москвы: К.М. Банников, К.Э. Разлогов, З.П. Соколова, Э.А. Шулепова; из Казани: С.М. Исхакова; из Омска: Д.А. Алисов, В.Ш. Назимова, Т.Н. Паренчук, Г.М. Патрушева, В.Г. Рыженко, Т.Б. Смирнова, Н.А. Томилов и др.

Учредители и редакционная коллегия журнала надеются, что новый периодический журнал будет играть и научно-координационную роль в проведении культурологических исследований в Сибири, а может быть, отчасти и всей России и ряда зарубежных стран, так как в журнале могут участвовать все ученые и работники культуры - те, кто проводит культурологические исследования и по сибирским материалам, а также те, кто пожелает участвовать в разделах, освещающих общие методолого-теоретические аспекты культурологии и смежных с нею дисциплин, практические проблемы региональной культурной политики, новинки культурологической литературы и т. д.

В завершение назовем те издания омских учреждений, в которых также печатаются работы по археологии, этнографии и культурологии и которые выпускаются как серии или журналы: «Вестник Омского государственного университета» (4 номера в год), «Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук», «Декабрьские диалоги» (издание Омского областного музея изобразительных искусств), «Известия Омского государственного историко-краеведческого музея», «Исторический ежегодник» (издание исторического факультета ОмГУ).

Приглашаем ученых всех стран присылать свои научные труды в названные выше научные серии и журналы, а при желании участвовать в работе редакционных коллегий данных изданий.

М.П. ЧЕРНАЯ

Россия, Томск

Томский государственный университет

КОЛОДЕЦ КАК КУЛЬТУРНАЯ РЕАЛИЯ: КОНТЕКСТЫ БЫТИЯ*

Колодец, колодец, дай воды напиться,
Колодец, колодец, дай неба глоток.

Из песни

При раскопках в Томском кремле был обнаружен колодец, входивший в комплекс воеводской усадьбы второй половины XVII - середины XVIII в. Под колодец был вырыт котлован 3×3 м, куда вставлен сруб с вязкой бревен «в обло», размерами около 2×2 м, промежуток между стенками сруба и ямы засыпан грунтом и плотно утрамбован. Возможно, в нижней части колодезный сруб расширялся, как это характерно для водоразборных колодцев (Рабинович, 1976, с. 36-37), что не получилось выяснить из-за просачивания техногенных вод. По этой причине удалось углубиться только на 2,5 м от современной поверхности, а сруб был расчищен на 1,2 м. Оголовок колодца и венцы, находившиеся в верхней части ямы, видимо, частично были разобраны во второй половине XVIII в., частично разрушились. Колодезные венцы из-за плохой физической сохранности не годились для анатомического анализа. Были сделаны определения тетивы лестницы, извлеченной из сруба, и пня, располагавшегося в 1,5 м от колодца. Для изготовления тетивы использовали сосну возрастом более 127 лет (внешние годичные кольца отсутствуют, поскольку бревно при обработке тщательно ошкурили). Пень также принадлежал сосне, срубленной в возрасте 110-120 лет (Черная, 2003, с. 65). Скорее всего, и колодец был обшит сосной. На Руси при постройке колодцев чаще употреблялся дуб, затем вяз и ольха как наиболее влагостойкие породы, следом шли сосна и ель (Фальковский, 1947, с. 67; Бломквист, 1956, с. 288). В Сибири сосна выходит на первое место.

Единственно возможным источником питьевой воды на южном мысе Воскресенской горы, где располагался Томский кремль, являются водовмещающие породы. Уровень подземных пластово-поровых вод имеет здесь прямую гидродинамическую связь с уровнем воды в русле р. Ушайки. Учитывая это обстоятельство, а также то, что уровень древней дневной поверхности на этом участке залегает на 1,3 м ниже современной, была рассчитана глубина колодца, которая составляет 18-20 м (Черная, 2003, с. 67). Глубина колодца зависела от уровня залегания подземных вод. Колодец X в. в г. Москве, находившийся в низменной части города поблизости от Москвы-реки, был неглубок - до 1 м (Рабинович, 1955, с. 46). Из письменных документов последней четверти XVII в. известно, что четыре колодца вблизи Приказной избы в старом Киеве имели глубину 17-21 м, а в г. Пскове глубина колодца, соединенного каналом с р. Великой, достигала почти 24 м. В 1259 г. в г. Холме был вырыт колодец глубиной около 75 м. В 1838 г. в г. Якутске из-за вечной мерзлоты пришлось копать колодец на глубину 116,5 м, однако до подмерзлотной воды так и не дошли (Фальковский, 1947, с. 19, 66, 69, 72). Таким образом, колодец в Томском кремле был не самым глубоким.

Как явствует из грамоты 1673 г. о «вырытии в Романовском кремле колодца», для «колодезного дела» требовались «лес ... и ушаты, и ведра, и шайки, и веревки и всякие запасы» (ДАИ, 1857, с. 291). Свяжем эти указания с находками двух деревянных заступов с железной оковкой, деревянных ведер и кучи лыковых веревок, обнаруженных М.К. Каргером при раскопках тайника-колодца, сооруженного в XI-XII вв. и обнаруженного под развалинами Десятинной

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ проект № 04-01-00379а.

церкви в г. Киеве. Судя по письменным и археологическим данным, способ производства колодезных работ оставался на протяжении 600-700 лет практически неизменным: копальщики рыли ямы, насыпали землю в ведра, ушаты, шайки, которые с помощью веревок вытаскивали стоящие наверху люди (Каргер, 1941, с. 80, 85). Сруб устанавливали в колодезной шахте двумя путями: 1) опускным способом сверху, наращивая венцы друг над другом, от собственной тяжести сруб постепенно оседал, уплотнялся; 2) подведением венцов снизу - при большой глубине колодца и в плотных почвах. При этом способе нижние венцы поджимают рычагами к верхним, а через каждые 5-6 венцов два нижних бревна берут длиннее остальных, их концы опираются на углубления-ниши, называемые колодезниками залогами, закладами, печурами. Благодаря дополнительной опорной системе не происходит дальнейшая осадка сруба и уменьшается угроза обвала при ремонте, когда перегнившие бревна заменяют новыми. Венцы сруба плотно подгонялись во избежание засорения воды грунтом сквозь щели. Самый низ сруба делался щелистым для более свободного пропуска грунтовых вод (Фальковский, 1947, с. 20; Бломквист, 1956, с. 288).

Сложным делом сооружения колодцев занимались специальные мастера - колодезники, которые должны были не только грамотно выкопать шахту и обшить ее срубом, но и правильно выбрать место, где устроить колодец, т. е. обладать специальными знаниями и умением в разведке поверхностных и подземных вод. Существовали проверенные способы обнаружения водяных жил. Примечали, где поздним вечером гуще садится роса, где раньше и гуще начинает оседать туман, или в намеченном месте опрокидывали стакан, чугунную сковороду и через сутки смотрели, появился ли «пот» на внутренних стенках сосуда. Однако такие методы годились в тех случаях, когда воды залегали близко к поверхности. Для разведки глубоководных жил использовали «волшебный прут» - лозу в виде рогатки, которая представляла собой ветку орешника с развилкой. «Некоторые употребляют вместо ореховой лозы дубовую, сосновую или другого какого дерева, а также железную или медную проволоку или усую кость и прочее, которую на подобие лозы изображают... где лоза в руках подвинется и верхним концом вниз склонится, в таком месте должно быть рудной жиле. Лоза и на таких местах наклоняется, в которые водяные ключи, стоящие воды и протчия вещи имеются», - писал в 1760 г. автор «Обстоятельного наставления рудному делу» Иван Шлаттер и добавлял: «о разных родах таких лоз суесловили, что сей способ не всегда удается» (Фальковский, 1947, с. 125; Бломквист, 1956, с. 288; Беловинский, 2002, с. 120, 121). Видимо, решающее значение имело умение колодезников верно оценить гидрологическую ситуацию. Наблюдательность, практический опыт, анализ особенностей рельефа помогли мастеру второй половины XVII в. правильно выбрать место для закладки колодца на территории Томского кремля, установив связь подземных вод с уровнем воды в р. Ушайке, что подтвердила наука через 300 с лишним лет. Важнейшей задачей специалиста было определение качества воды по внешним признакам (прозрачность, цвет, запах) и на вкус, «чтоб в колодезе вода была свежа и чиста» и количества воды: «сколко в нем в глубину воды», «чтоб в городе в осадное время всяким людям водою было нескудно» (ДАИ, 1857, с. 291, 292).

Сложная и ответственная работа по сооружению колодцев высоко оплачивалась. В 1624 г. за устройство колодца Макарьевский монастырь (Костромская область) заплатил 2 рубля (Фальковский, 1947, с. 71). Для сравнения: на Ницынском заводе (1631-1680 гг.) за выработку в производственный сезон (с 1 сентября по 9 мая) 400 пудов железа полагалось жалование по 5 руб. в год (Вилков, 1990, с. 313). В 20-е гг. XVII в. в Томске поденному работнику платили 9 коп. в день, в «страдную пору» - 15 коп. С 20-х гг. XVII в. по начало XVIII в. на территории от г. Верхотурья до р. Лены при срочном найме работник получал в среднем 4-5 руб. за сезон. В Сибири выработалась норма минимальной заработной платы, составлявшая 3 деньги (1,5 коп.) в день. Размер заработной платы повышался в зависимости от остроты потребности в выполнении тех или иных работ. Существовала заметная разница в оплате квалифицированного

и неквалифицированного труда. Солевары, пивовары, винокуры и другие специалисты получали от 10, 12, 15 до 30 руб. в год. Заработок рядового работника был в 2-3 раза ниже. Средний размер денежного жалования сибирских служилых людей в XVII в. составлял 4-5 руб., иногда до 7 руб. в год (Курилов, 1982, с. 64, 65).

Повсеместная надобность в колодцах при предпочтении подземных вод поверхностным и необходимость найма квалифицированного специалиста обусловили высокую стоимость колодезных работ.

Колодезники были, видимо, «штучными» специалистами, таких умельцев разыскивали и нанимали из дальних мест, подчас из самой Москвы. Томску повезло: у него был собственный мастер, как это следует из официальной переписки. Сравним два документа для обнаружения одного из моментов многоликой повседневной жизни средневекового русского города Сибири. В 1684 г. якутский воевода Матвей Кравков писал царям Ивану и Петру Алексеевичам: «А колодезя, великие государи, в Якутском сделать никоими мерами не лзя, потому что летом толко тает земли в полтора аршина, а больше дву аршин земли никогда не тает, а в исподи на дне бывает земля всегда мерзла» (Фальковский, 1947, с. 72). 14 мая 1685 г. пишут великие государи томскому воеводе князю Андрею Кольцову-Мосальскому о том, что построен «в Якутском город новый рубленый, а надобно де в том новом городе сделать колодезь, потому что построен тот город от реки далече. А в Якутском де мастера колодезнаго нет, сделать колодезя некому; а без колодезя де в том новом городе быть нельзя... И как к тебе ся наша великих государей грамота придет, и ты-б велел в Томске сыскать колодезнаго мастера и послать в Якутской без замотчанья» (Исторические акты XVII столетия, 1890, с. 58-59). Из переписки вытекают исторические выводы. Не гнушались цари таким обыденным предметом, как посылка колодезного мастера в Романовский кремль или сооружение колодца в далеком от Москвы Якутске, потому что понимали: обеспечение города водой - необходимое условие как в текущей жизни, так и в случае осады «немирными людьми», в связи с чем наличие колодца приобретало стратегическое значение. Так сопрягался быт и история: решение будничного вопроса переходило в разряд государственных дел. Великих государей не убедили заверения якутского воеводы о том, что устроить колодец «никоими мерами не лзя». Следует распоряжение об отправке без промедления в Якутск мастера, который должен выполнить свою обыденную, но отнюдь не пустячную и по значимости, и по сложности работу. Неслучайно царская грамота послана в Томск: в Москве известно, что здесь есть свой колодезник. Очень возможно, что безымянный мастер, который в 1685 г. должен был быть «из Томского в Якутский послан», и соорудил колодец в Томском кремле, раскопанный археологами в 2000 г. Вероятность предположения повышается, если колодец делали в то время, когда строили новый воеводский двор, что произошло в 1667 г. (Черная, 2002, с. 38-39). В таком случае указанные события разделяют 18 лет, составляющих средний по продолжительности трудовой стаж. Если колодец был сооружен раньше, при строительстве кремля в 1647-1648 гг., то мастер, откомандированный в 1685 г. в Якутск, в Томске наблюдал за состоянием колодца в кремле, производил его чистку и ремонт. Возможным свидетельством ремонтных работ является обнаруженная в колодце тетива лестницы, которую могли использовать для замены подгнившего бревна (неслучайно его длина 2 м) или как опору при чистке, а в вырубленные чашки тетивы было удобно ставить ноги. Но вряд ли добротную лесину просто так бросили в колодец.

Колодцы требовали постоянного присмотра. Без своевременного ремонта они засорялись, деревянная обшивка гнивала и разрушалась, и колодцы забрасывались. Томский колодец перестал функционировать примерно в середине XVIII в., что известно из пояснения к плану Томского кремля 1768 г., на котором под № 11 обозначено «место, на коем был колодец, а ныне завален». К этому времени воеводская усадьба выносится за пределы кремля, он перестает быть административным, общественным, военным центром города. Отпадает надобность и в колодце.

Подъем воды из колодца осуществлялся по-разному. Из неглубокого колодца воду черпали сосудами, прикрепленными к веревке или к шесту. Из более глубоких - с помощью журавля, работающего по принципу рычага, из глубоких - с помощью «барана», или ворота, который представлял собой горизонтальный вращающийся вал, закрепленный между столбами, стоящими по бокам колодца. Хотя колодец в Томском кремле был достаточно глубоким, воду из него доставали не воротом, поскольку следы опорных столбов отсутствуют. Зато рядом с колодцем росла сосна, которую очень просто можно было превратить в столб, сделать наверху развилку или прорезь для длинной толстой жерди - «очепа» («оцепа») с массивным грузом на одном конце и крюком для бадьи на другом.

Водоподъемники типа журавля, имевшие распространение повсюду, давно и хорошо известны по письменным, изобразительным, этнографическим источникам (Ефименков, 1877, с. 25; Бломквист, 1956, с. 289-290; Яснецкий, 1960, с. 314, рис. 28; Громов, 1975, с. 194; Маковецкий, 1975, с. 43; Рабинович, 1976, рис. 1-3; и др.). Вот и в описании томской торговой бани конца 1650-х гг. сообщается, что около нее находился «колодец с журавцом и с цепнею» (Люцидарская, 1992, с. 53). Знатоки истории водоснабжения в России профессор И.Н. Фальковский считал, что при широком распространении блоков и воротов, основным способом подъема воды из колодцев в XVII столетии были журавли (1947, с. 77).

Выбор подъемного механизма зависел не только от глубины колодца, но и того, насколько далеко от поверхности находился уровень воды: «сколко в колодезе сверху до воды сажень» (ДАИ, 1857, с. 292). Косвенной уликой, указывающей на то, что уровень воды в томском колодце был не очень глубоким, является обнаруженная в нем при раскопках целая керамическая кринка высотой 21 см, диаметром 13 см, покрытая зеленой поливой. Археологами выявлена любопытная деталь быта русского средневекового города: для подъема воды из колодцев значительно чаще, чем ведра, использовались глиняные кувшины, которые во множестве находят в старых колодцах; воду не только доставали, но и переносили главным образом в кувшинах (Рабинович, 1955, с. 46). В документах XVI-XVII вв. часто упоминается о покупке кувшинов «для поливания капусты» (Розенфельдт, 1961, с. 289). Теперь можно добавить: в этих целях использовались не только кувшины, но и кринки. Разделяю мнение М.Г. Рабиновича, что к традиционному образу русской девушки с коромыслом и ведрами следует добавить образ девушки с кувшином / кринкой на плече (1955, с. 46). Оба образа дополняют друг друга, а последний в какой-то мере отражает отношение к женскому труду и, видимо, реальную заботу более сильного о возможностях и здоровье более слабого.

На первый взгляд кажется, что кринка менее удобна, чем кувшин, потому что у нее нет ручки, однако обвязать веревкой горлышко совсем не сложно, и такой способ имеет преимущества из-за меньшей степени крена кринки. В случае крепления веревки за ручку угол наклона сосуда больше, а значит и воды из кувшина при подъеме выливается больше, чем из кринки. Сосудом объемом 2, 4, 5 л достать воду быстрее и несравненно легче, чем ведром или бадьей, и по силам даже ребенку, что в домашнем обиходе немаловажно. Поручили отроку или отроковице натаскать воды в кадушку, заторопились помощники, плохо привязали веревку, она и соскользнула, а кринка-то «бульк» в колодец. Пришлось несколько веков дожидаться, пока извлекут ее чуткие руки археологов.

Кстати, о кадушке или бочке для хранения воды: при расчистке воеводских хоромин была найдена прямоугольная крышка со скругленными углами, полотно которой сделано из двух очень плотно подогнанных друг к другу плах. Поперек полотна вырезаны два узких желобка для железных жиковин, скреплявших плахи. В длину крышка достигала 1,2 м в ширину - 0,6 м. В центре вырублено квадратное отверстие (14×14 см), обрамленное досками, забранными «в косяк» (?). Квадратные вырезы сбоку имели водовозные бочки, их остатки являются частой археологической находкой в Великом Новгороде (Медведев, 1951, с. 64). Крышка закрывала немалую бочку, этакую мини-цистерну, которая должна была лежать горизонтально, потому

что так удобно заливать и черпать воду. С одной стороны отверстия располагались деревянные шипы, на которых крепилась откидная крышка (не сохранилась), прикрывавшая отверстие, что предохраняло воду от загрязнения. Наливать воду в бочку могли найденной кринкой, а вот доставать более миниатюрным сосудом или черпаком, поскольку наша кринка в отверстие не пролезала.

Колодец играл важную роль в хозяйстве и быту средневекового горожанина: еду сготовить, сад, огород полить, скотину напоить, помыть, постирать. Имели колодцы и противопожарное значение. Многочисленные царские указы кроме профилактических противопожарных мер: вынос летних печей и бань на огороды, подальше от домов, запрещение топить в домах летом печи и сидеть вечером с огнем, пиво варить и вино курить, требовали, чтобы от пожара «на амбарех и рядах, на всех лавках и на всех хоромех были поставлены мерники (ведра) или кади с водой и с веники», держали запасы воды во дворах, а также устраивали колодцы на несколько дворов (Фальковский, 1947, с. 98-100). Колодец на случай военных действий приобретал стратегическое значение как надежный источник водоснабжения жителей и гарнизона. Повседневная нужда в источнике обеспечения водой в мирное и военное время заставляла проявлять заботу о состоянии колодца, руководствуясь народной мудростью: «Живое-то пожалеть нехитро, а ты неживое пожалей. Оно тебе служит, трудится на тебя, а ты его прибереги, дай ему покой - и тебе спокойней будет» (Габбе, 1992, с. 155).

Однако значение колодца не сводимо к сугубо утилитарному. Существует аспект, который С.А. Токарев назвал отношениями между людьми по поводу той или иной вещи, т.е. социальными отношениями, опосредованными материальными предметами (1970, с. 3, 5), в нашем случае колодцем. Об одном из проявлений таких связей говорилось, когда шла речь о приглашении специалиста для сооружения колодца. Но колодец выступает также материальным воплощением микросреды, в которой происходит активное общение: здесь удобно назначить встречу, посудачить о текущих делах, обсудить животрепещущую тему и т. п. Коммуникативная функция колодца проявляется в том, что он социально организует микропространство, являясь точным, выразительным ориентиром и общедоступным местом.

Мы не раскроем содержания колодца как культурной реалии, если не рассмотрим его использование в сакрально-символическом контексте. Анализ материального плана повседневности необходимо сочетать с анализом его внутреннего, ментального плана. Такой синтез позволяет увидеть за внешне-предметными проявлениями быта знаковые и символические смыслы, а значит постичь повседневность как часть культуры (Лелеко, 2002, с. 15, 16). Всякая вещь, которую использует человек, имеет двуединую природу: помимо утилитарных, прагматических функций она всегда в той или иной мере выступает как знак. Соотношение утилитарных и знаковых характеристик в бытии вещи не остается стабильным, как в реальном ее функционировании, так и на разных стадиях культурно-исторического развития общества (Байбурин, 1982, с. 13, 14; Антонова, Раевский, 1991, с. 210). Анализ разнообразных контекстов использования вещи, помогает понять не только смысл самой вещи, но создать динамичную картину культуры, неотъемлемым, функционирующим - «живым» элементом которой она является.

Сакральное значение колодца многопланово (Бидерман, 1996, с. 121). Начнем с пространственной характеристики. «Вещи не только конституируют пространство через задание его границ..., но и организуют его структурно, придавая ему значимость и значение (семантическое обживание пространства)» (Топоров, 1983, с. 239). Функция колодца устанавливать границы и структурировать пространство не ограничивается зоной обитания конкретного социума, но охватывает мир в целом. Вода считалась рубежом между мирами, а колодец не просто оформлял границу, но был связующим звеном: в темной глубине колодца (нижний мир) на поверхности воды (граница) отражается небесная синь или звезды (верхний мир), увидеть это отражение может представитель среднего мира - человек, который, построив

колодец, своими руками создал материальную оболочку узла связи трех миров. Граница между мирами вполне проницаема, а колодец является и воротами, входом в иной мир, и дорогой, ведущей в него, т.е. одновременно и каналом связи. Вспомним русскую народную сказку «Мороз Иванович», литературно обработанную В.Ф. Одоевским (или ее немецкий аналог «Бабушка-выюга» В. и Я. Гримм), в которой Рукодельница спустилась по веревке в колодец за упавшим ведром и попала в отраженный, перевернутый мир, своего рода Зазеркалье, где и солнышко светит, и сад растет с наливными яблочками, и печка стоит с поджаристым пирожком. Выполнив работу и получив заслуженные серебряные пяточки и бриллиантик, Рукодельница возвращается тем же путем: ухватилась за веревку и вышла на свет Божий (Одоевский, 1993, с. 3, 10). Колодец с водой также может служить дорогой на тот свет, в загробный мир, как об этом рассказывается в быличке, где умерший муж приходит к жене из колодца (Рейзвих, 2002, с. 160-161).

Разделение на «свое» - принадлежащее человеку или освоенное им, и «чужое» - нечеловеческое, там, где кончается свое, предполагает наличие границ. При этом чужое может быть заряжено как благом, так и деструктивными тенденциями. Иной мир локализуется под землей, под водой, на небе, за горами и т. п. Некоторым частям пространства приписывалась более или менее постоянная связь с иным миром, а значит, более чем другим, им свойственна функция границы. Среди таких «напряженных» зон, связанных и со своим и с чужим миром, - дороги, особенно перекрестки, кладбища, выморочные места, заброшенные дома, поселения и др. Маргинальные объекты, принадлежащие сразу двум мирам, были одновременно запором и каналом связи, границами и связующими звеньями. Для человека важно сделать границы между чужим и своим подконтрольными, зависящими от него, поэтому любой коллектив выделял людей, способных общаться со сферой чужого. Это могли быть не только шаманы, колдуны, знахари, но кузнецы, гончары, мельники и другие специалисты. Их производственная деятельность предполагала не просто взаимодействие с той или иной сферой чужого, в зависимости от специализации, но вторжение в эту сферу с целью ее освоения (например, строительство) или для добывания принадлежащих ей ценностей (металлы, глина, дерево и др.). Таким образом осуществляется преодоление границ, которые путешествуют вместе с человеком, ведь рубежи между своим и чужим не остаются неизменными и варьируют во времени и пространстве в зависимости от ситуации и, не в последнюю очередь, от степени освоения человеком внешнего мира (Байбурин, 1990, с. 3-16).

Рассмотрим семантику колодца согласно изложенной позиции. Колодец является тем более сакральным местом, что, находясь на земле, одновременно локализуется и под землей и под водой. Он маркирует собой границу между двумя мирами и связывает их колодезной шахтой, отражая еще и третий (верхний) мир. Шахта - это дорога и канал связи с нижним миром. Колодец как граница, разделяющая и связывающая свое и чужое, как путь проникновения в потусторонний мир, подконтролен человеку уже потому, что колодец есть творение рук специалиста, который умеет подчас на большой глубине отыскать водяную жилу и докопаться, проложить к ней дорогу. Недаром бытовало поверье: кто на этом свете сделает колодец, у того будет вода на том свете; действия в *этом* мире получают резонанс в *том* мире (Цивьян, 1985, с. 163). Так происходит обживание пространства не только в практическом, но в семантическом смысле.

Колодцы ассоциировались с животворящей силой воды. Отсюда отношение к колодцу как святому источнику, оказавшееся поразительно живучим. Например, в 1970-1980-е гг. жители окрестных сел посещали «святой колодец» у с. Вознесенского Новосибирской области, несмотря на то, что колодец был засыпан, стоявшая около него часовня снесена и это место запахано трактором (Фурсова, 2004, с. 231). Колодец считался связующим звеном между водой нижнего и верхнего миров, о чем свидетельствует ритуал бросания в колодец гончарных изделий для вызывания дождя; горшки и кувшины следовало при этом украсть у соседей, инородцев или горшечника (Топорков, 1990, с. 91). Кто знает, может кринка, извлеченная из томского колодца, не сорвалась случайно, а является вещественной уликой подобного магического ритуала?

Связывали колодец с идеей плодородия и возрождения, поэтому в народной традиции колодец, источник были иносказательным обозначением женского лона. Ритуальное битье посуды должно было способствовать плодородию: «Сколько черепков, столько и детей (столько и счастья!)» и символизировать необратимый переход человека из одного состояния в другое. Сюжет «У колодца» типичен для свадебной и любовной лирики. Самым крепким считался союз, если был заключен над колодцем, а значит как бы поддержан и скреплен потусторонними силами (Топорков, 1990, с. 91, 113-114; Русанова, 1992, с. 8, 11, 13; Артемьева, 2004, с. 308).

Колодец может быть не только источником воды, которая напоит, исцелит, а то и беду отведет, но кладезем других земных богатств, как тот Синюшкин колодец, в котором золота да дорогих камней, богатства всякого доверху набито (Бажов, 1967, с. 234, 238). Однако как ключ (подземные воды) нужно суметь отворить, так и «богатимое золото» Синюшка даст «гораздому, да удалому, да простой душе. Больше никому» (Там же, с. 231).

Наряду с верой в таинственную и добрую силу колодцев бытовали представления о колодце как источнике зла, смерти, вода в котором может быть гнилой, отравленной, как обиталище нежити-колодезника или водяного. Чужое, находившееся за границей, обозначенной колодцем, могло обернуться и благом и злом. Сам колодец мог быть проводником злых сил или защищать от них, служить добрым целям. Сравним два примера. В одном чудо-юдова жена, собираясь отомстить Ивану-крестьянскому сыну за мужа, напускает жару, оборачивается колодцем с серебряным ковшиком: «Захотят братья воды испить - и с первого же глотка мертвыми свалятся». Но Иван, не будь дураком, принялся тот колодец мечом сечь да рубить. Завыл колодец, заревел дурным голосом. Тут спустился туман, жара спала - и пить не хочется. «Вот видите, братцы, какая вода в колодце была!» - говорит Иван. - «Видим, братец». В другом примере Василиса Премудрая, спасаясь от погони Московского царя, оборотила коней колодцем, себя - ковшиком, Ивана-царевича - стареньким старичком. Обман удался, и погоня повернула назад (Русские сказки, 1962, с. 40, 92). Примечательно, что во втором примере путь лежит из нижнего морского царства наверх - на землю, на белый свет, а в колодец оборачивают коней, на которых совершается побег. Чтобы избежать злых сил, нужно действовать с опаской, с бережением, но и с умением, сноровкой, смекалкой. Тогда при переходе заповедной границы шансы обжить чужое пространство, подчинить его своей воле, взять под контроль и при этом уцелеть, выйти сухим из воды, несомненно повышаются.

Вот в такой тугой материально-мировоззренческий узел завязались отношения между людьми по поводу колодца. В заключение вновь обращусь к народной мудрости: «Мы ведь что! Сверху поковыряли маленько, копни-ко поглубже. Глубокий, сказывают, тот Синюшкин колодец. Страсть глубокий. Еще добытчиков ждет» (Бажов, 1967, с. 241).

**КУЛЬТУРОГЕНЕЗ.
КОМПОНЕНТЫ КУЛЬТУРЫ**

А.А. АДАМОВ

Россия, Тобольск

Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник

НЕКОТОРЫЕ ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАМЯТНИКОВ XIII-XIV ВВ. НОВОСИБИРСКОГО ПРИОБЬЯ

За последние годы в Верхнем Приобье был накоплен значительный материал со средневековых памятников второй половины I - первой половины II тыс. н. э. В ходе исследований остро дискутируются вопросы культурной принадлежности найденных памятников и названия культуры.

Впервые культуру населения IX-X вв. Верхней Оби выделил М.П. Грязнов и дал ей название сrostкинская (1950). Д.Г. Савинов сrostкинскую культуру рассматривает как археологическую культуру кимаков (в широком этнокультурном значении термина), настаивая на узких хронологических границах культуры (IX-X вв.), которая с распадом в 30-х гг. XI в. кимакского объединения прекратила свое существование (Савинов, 1994, с. 91, 103). В.А. Могильников, отделяя кимаков от племен - носителей сrostкинской культуры, выделил в последней три этапа в рамках VIII - начала XIII вв. (1981а, с. 45). Близкое мнение о хронологии сrostкинской культуры высказали С.В. Неверов (1991) и А.А. Тишкин, В.В. Горбунов (2002). Л.М. Плетнева, характеризуя памятники Томского Приобья, рассматривает их в рамках басандайской культуры, датируя ее сначала X-XIV вв., а позднее XII-XIV вв. (1993; 1997б). С ней согласился А.М. Илюшин, считающий, что басандайская культура распространена на территории Верхнего Приобья (1998, с. 26). Автор материальную культуру Новосибирского Приобья X-XIV вв. рассматривает в рамках сrostкинской (Адамов, 2000; 2002).

Причина столь большого разнообразия точек зрения - в невыработанности единого критерия для выделения археологических культур и их этапов. Например, учет только некоторых категорий инвентаря сужает хронологические границы археологической культуры. Но категории инвентаря очень изменчивы, и именно поэтому многие из них служат опорой для датировки. Однако хронологическое своеобразие инвентаря принимать за смену населения без учета других показателей материальной культуры в корне неверно.

Еще один аспект - существенное изменение материальной культуры при отсутствии смены населения. Такие случаи не единичны и большого спора не вызывают. На это обратила внимание Т.Н. Троицкая (2002а), критикуя автора, рассматривающего материалы XIII-XIV вв. Новосибирского Приобья в рамках сrostкинской, а не басандайской культуры.

Если преемственность населения не может служить единственным аргументом в пользу сохранения одной археологической культуры, то таким аргументом должны являться существенные комплексные изменения в материальной культуре, охватывающие большинство сторон культуры, которую фиксируют археологи. В рамках того примера, который приводит Т.Н. Троицкая в споре с автором (кулайская - релкинская культуры) дело обстоит именно так. Действительно, различия двух культур проявляются в комплексах культурных признаков: в керамике, инвентаре, погребальном обряде. Особенно ярко различия видны при сравнении кулайской и верхнеобской культур. Если бы не наличие переходного этапа на Верхней Оби, то о преемственности этих культур можно было бы судить только гипотетически. Так, может быть, такая же ситуация сложилась и в Новосибирском Приобье между памятниками X-XI вв. и второй половины XIII-XIV в. и правы те, кто считает, что между ними лежит огромная пропасть?

В Новосибирском Приобье исследованы не только могильники, но и городища, поселения, местонахождения, позволяющие оценить все доступные археологу стороны материальной культуры, что упрощает процедуру исследования. Рассмотрим прежде всего черты сходства между двумя крайними в хронологическом отношении группами памятников. В формах, элементах и мотивах орнаментации керамики - почти полное тождество. Поэтому керамику, относящуюся к двум этапам, сначала исследователи датировали одним хронологическим отрезком, чаще всего XII-XIV вв. (Троицкая и др., 1980; Романцова, 1976; Соболев, 1979). Сходство хронологически различных групп памятников заключается в погребальном обряде: захоронения в курганах, вытянуто на спине, головой на СВ, отсутствие керамики в могилах, редкое сопровождение покойных конем или его чучелом, наличие ровиков, тризн и костров в насыпях курганов, сожжение поминальных сооружений под курганами. Сходство двух этапов дополняется другими чертами в материальной культуре. Оно присутствует в некоторых категориях инвентаря (кольчатых серьгах, кресалах), одинаковой системе крепления высоких голенищ кожаных сапог с железными крючками, специфическом положении стрел в колчанах (наконечниками вверх и вниз), широком распространении игр в кости с идентично помеченными астрагалами. Полностью аналогичными остаются и все формы жилищ: срубные и каркасные полуземлянки, наземные жилища - балаганы. Не изменилась и форма ведения комплексного хозяйства.

Так, может быть, материальную культуру Новосибирского Приобья X-XIV вв. можно рассматривать в рамках басандайской культуры? Для этого нужно сравнить памятники X-XI вв. Новосибирского Приобья с памятниками сrostкинской культуры, лежащими несколько выше по р. Оби. Прежде всего, сходство выражается в погребальном обряде. Это курганные насыпи с одной или несколькими могилами, наличие ровиков под курганами, единичные погребения в могильных ямах, где костяки лежат на спине вытянуто, головой на СВ, использование бересты в погребальных сооружениях, почти полное отсутствие в могилах посуды и наличие погребальной пищи (кости животных), редкое положение вместе с человеком коня или его чучела. Сходство проявляется и при анализе керамических комплексов. Сосуды X - начала XIII в. Новосибирского Приобья по всем своим показателям аналогичны керамике сrostкинской культуры: горшки с ярко выраженной шейкой и срезанным наружу венчиком, элементы орнамента и скудная орнаментация сосудов, 2/3 из которых, кроме орнамента по срезу венчика и ряда ямок по шейке, других украшений не имеют.

Среди украшений Новосибирского Приобья есть типично сrostкинские поясные бронзовые пряжки и имитация подобных пряжек из кости, продолжают существовать ажурные подвески и кольчатые серьги, способ хранения наконечников стрел в колчанах остриями вверх и вниз, как и в сrostкинских погребениях на Ближних Елбанах.

Все вышеприведенные данные достаточно аргументированно позволяют относить памятники X-XI вв. Новосибирского Приобья к сrostкинской культуре. А поскольку позднее материальная культура значительных трансформаций по сравнению с ранним периодом не претерпела, то и памятники XIII-XIV вв. Новосибирского Приобья следует относить к сrostкинской, а не к басандайской культуре. Приоритет в названии культуры, который мы поддерживаем, здесь принадлежит М.П. Грязнову, выделившему ее еще в 1950 г.

Однако различия в материальной культуре памятников Новосибирского Приобья X-XI вв. и XIII-XIV вв. существуют и заключаются в отсутствии в поздних памятниках сrostкинских пряжек и бронзовых ажурных подвесок, в изменении степени орнаментированности керамики. Различия форм наконечников стрел, стремян, наконечников ремней, поясной гарнитуры обусловлены хронологическими особенностями.

Так, может быть, решающими факторами в определении сrostкинской культуры и являются такие яркие показатели, как погребения без сопровождения коня, бронзовые пряжки и ажурные подвески? Если это культурноопределяющие признаки, то исследуемый автором могильник

Вак-Кур X-XI вв., расположенный на отдаленном расстоянии от Верхнего Приобья в южнотаежном Притоболье, следует считать сrostкинским. Там присутствуют классические сrostкинские пряжки (таких пряжек нет даже в одновременных могильниках Новосибирского Приобья), представлены ажурные сrostкинские подвески (полные аналогии в могильнике Крохалева 13 в Приобье), есть даже крючки от идентичной сrostкинской Новосибирского Приобья системы крепления высоких голенищ сапог. Погребенных не сопровождает конь.

В то же время могильник Вак-Кур - грунтовый, причем население практиковало обряд обезвреживания покойников (намеренное разрушение погребения), в могилах находится глиняная посуда юдинской культуры и нет ни одного сосуда, даже отдаленно напоминающего сrostкинские. В инвентаре много художественных изделий, выполненных в классическом для таежной зоны стиле. Именно эти признаки позволяют отнести данный могильник не к сrostкинской, а к юдинской культуре.

Становится ясно, что ни сrostкинские пряжки, ни ажурные подвески не могут быть единственным решающим аргументом в определении сrostкинской культуры. Из вышеизложенного явствует, что автор, даже если бы и хотел, не может рассматривать в рамках двух разных культур материальную культуру населения Новосибирского Приобья X-XIV вв. Ни смены материальной культуры, ни смены населения здесь не произошло.

О.М. АНОШКО, Ю.В. РЫЖКОВА

Россия, Тюмень

Институт гуманитарных исследований

Тюменский государственный университет

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ

ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ПРИИШИМЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДИЩА КУЧУМ ГОРА И ЧУПИНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ)*

Западносибирская лесостепь в позднем бронзовом веке характеризовалась взаимодействием разных культурных традиций, как сформировавшихся в лесной и степной зонах, так и имеющих местную основу. Археологические материалы предоставляют возможность реконструировать локальные особенности проявления этих процессов. В большинстве случаев удается зафиксировать абсолютное преобладание на какой-либо конкретной территории памятников одной археологической культуры, артефакты которой позволяют установить особенности ее поэтапного развития. Другие районы в силу своего пограничного положения между ареалами нескольких культур отличались либо неустойчивостью исторической обстановки, характеризующейся дискретностью протекавших там культурных процессов, либо синкретизмом разных культурных традиций. Последнее обстоятельство наиболее ярко проявилось в Приишимье, где обнаружены материалы, соотнесенные с несколькими археологическими культурами, сыгравшими определенную роль в формировании древностей позднебронзового времени. В связи с этим они приобрели смешанный облик, что объясняет дискуссионность в определении культурной принадлежности некоторых приишимских памятников. К числу таких комплексов мы относим Чупинское поселение и городище Кучум Гора.

---

* Работа осуществлена при поддержке АНО ИНО-Центр совместно с Министерством образования РФ, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при участии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном документе, может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций.

Данные памятники были открыты и изучены В.Ф. Генингом и Р.Д. Голдиной в 1963-1964 гг. (Голдина, 1969, с. 138-153; Генинг, Корякова, 1985, с. 52-60). Состояние источниковой базы и своеобразие полученных керамических коллекций не позволило им определить культурную принадлежность этих древностей. Позднее подчеркивался смешанный характер керамики городища Кучум Гора и Чупинского поселения. Ряд исследователей считали, что данные комплексы образовались в результате трансформации позднеандроновского населения и относили их к культуре чупинского типа (Генинг, Гусенцова и др., 1970, с. 43). М.Ф. Косарев включил эти памятники в ареал межовской культуры, рассматривая район Среднего Приишимья в эпоху поздней бронзы как контактную зону между межовским, ирменским и сузгунским ареалами (1981, с. 167). С точки зрения Н.Л. Членовой, городище Кучум Гора и Чупинское поселение входят в состав карасукоидной черкаскульской культуры, распространенной от Приказанского Поволжья до Иртыша (1981, с. 29). Значительную роль в формировании отличительных черт керамики чупинского типа, по мнению В.И. Молодина и М.А. Чемякиной, сыграл ирменский компонент (Молодин, Чемякина, 1984, с. 57; Молодин, 1985, с. 153-154). Екатеринбургские археологи соотносят памятники чупинского типа с приишимским локальным вариантом сузгунской культуры, считая их появление результатом синтеза традиций андроновидного населения и носителей гребенчато-ямочной керамики при определенном воздействии ирменского компонента, либо с продвижением на юг, в Приишимье, сузгунского населения (Корочкова, 1987, с. 25; Корочкова и др., 1991, с. 88-89). Сходной позиции придерживается А.Я. Труфанов, подчеркивая явные сузгунские черты в чупинских керамических комплексах (Труфанов, 1993, с. 15). Совершенно другую версию предлагает А.В. Матвеев, который склонен соотносить материалы поселения Чупино и городища Кучум Гора с приишимским вариантом бархатовской культуры, и на этом основании проводит по этой территории восточную границу расселения бархатовских групп (Матвеев, Бурлина, 1990, с. 111; Матвеев, 2000, с. 41).

Представленные точки зрения свидетельствуют о важности материалов рассматриваемых памятников при построении схем культурного развития как Приишимья, так и сопредельных территорий в позднем бронзовом веке. Тот факт, что одни и те же комплексы интерпретируются в культурном отношении по-разному, свидетельствует о неразрешенности вопроса. В этом случае актуальным является непосредственное обращение к материалам Кучум Горы и Чупино с учетом современного состояния изученности позднего бронзового века и регулярного пополнения корпуса источников. С этой целью нами вновь обработаны коллекции керамики данных памятников и проведен статистический анализ¹. Он подтвердил значительное сходство и смешанный характер этих керамических комплексов и позволил уточнить компоненты, которые и определяют их специфику.

Объем выборок с городища Кучум Гора и Чупинского поселения, оказавшихся в нашем распоряжении, составляют фрагменты 80 и 218 сосудов соответственно. При этом керамика с крестовым орнаментом, представленная в целом 11 единицами, была обработана нами отдельно. Керамический материал памятников сильно раздроблен, и лишь по нескольким крупным обломкам можно представить форму сосудов. Это типичная для культур позднего бронзового века горшковидная форма со слабо отогнутой наружу шейкой. Выделяются также несколько сосудов с вертикальной и сильно профилированной шейкой. По такому морфологическому признаку, как срез горловины, керамику Кучум Горы и Чупино можно разделить на посуду с округлым (57,5 и 59,0% соответственно) и приостренным (27,5 и 33,5%) венчиком. Только на Чупинском поселении встречены сосуды с прямым срезом венчика, насчитывающие 7%.

---

¹ Хотелось бы выразить благодарность директору Тюменского областного краеведческого музея Т.М. Исламовой за предоставленную возможность обработки материалов Чупинского поселения и городища Кучум Гора.

Характеризуя способ нанесения орнамента, отметим значительное преобладание резной техники (91% на городище Кучум Гора и 94% на Чупинском поселении), доля же гребенчатого штампа невелика - 9 и 6% соответственно. Обращает на себя внимание сочетание резных и гребенчатых орнаментов на одном сосуде. Композиционные и орнаментальные особенности керамики, на наш взгляд, заключаются в наличии таких элементов декора, как жемчужник, каннелюр с насечками, круглые ямки, сетка, «скобочки», вертикальный зигзаг, ряды наклонных и вертикальных линий, являющихся самыми распространенными узорами. Верхняя часть горловины чаще всего украшалась рядами вертикальных или наклонных линий со значительным преобладанием последних не только в этой части сосуда, но и во всей совокупности орнаментов (12,5 и 68,8% - на городище Кучум Гора, 14,8 и 63,1% - на Чупинском поселении). Кроме того, в этой зоне фиксируются такие элементы декора, как сетка (18,7 и 19,4% соответственно) и скобочки (18,7 и 6,9%). В целом орнаментальная композиция шеек характеризуется значительной долей жемчужника (61,3 и 44,7%), круглых ямок (32,5 и 38,3%) и каплевидных вдавлений (6,25 и 7,80%). Сочетания этих элементов орнамента на одном сосуде не зафиксировано, что свидетельствует об их одинаковой смысловой нагрузке. Своеобразие рассматриваемых керамических комплексов проявляется в присутствии на нижней части и переходной зоне от шейки к плечикам валика (10,00 и 10,15%) или каннелюр с насечками (16,3 и 23,1%), либо просто каннелюра (7,5 и 4,6%). Также здесь отмечен высокий процент вертикального зигзага (37,5 и 23,5%), горизонтальной линии (15,0 и 12,4%) и два ряда наклонных линий (20,0 и 12,4%). Дополняют орнаментальную композицию рассматриваемых керамических комплексов следующие мотивы декора: насечки (5,0 и 3,7% соответственно), однорядный (1,25 и 1,40%) и многорядный (2,50 и 0,92%) горизонтальные зигзаги, заштрихованная лента (2,5 и 0,9%) и лесенка (1,3 и 0,5%). Кроме того, на посуде городища Кучум Гора фиксируются геометрические фигуры - заштрихованные треугольники (1,25%) и ромбы (2,50%), защипы (3,75%).

Сравнивая эти керамические коллекции с материалами западносибирских культур позднего бронзового века (сузгунской, бархатовской и ирменской), мы обратили внимание на их сходство по ряду показателей. Сузгунский облик на посуде городища Кучум Гора и Чупинского поселения проявляется в членении его на отдельные ленты поясками ямок, в присутствии скобок, вертикальных линий гребенчатого или гладкого штампа и каннелюр с насечками. Большой удельный вес жемчужника, вертикального, а также однорядного и многорядного горизонтального зигзагов, сетки, каплевидных вдавлений придают чупинской посуде бархатовский колорит. Необходимо отметить, что на посуде Чупинского поселения дважды, а на городище Кучум Гора в одном случае отмечен специфический бархатовский межзональный узор, разбивающий по вертикали орнаментальное поле. Об ограниченности ирменского присутствия на керамике рассматриваемых памятников свидетельствует минимальный процент геометрических элементов - заштрихованных треугольников и ромбов на шейке и тулове сосудов, а также отсутствие жемчужин с разрядкой. В целом, мы предполагаем участие сузгунской и бархатовской культур в качестве основных слагающих компонентов в формировании керамических комплексов городища Кучум Гора и поселения Чупино. На наш взгляд, в ней переплелись две декоративные традиции - сузгунская и бархатовская.

Примечательно, что значительно севернее этих памятников, в подтаежной зоне, находится Ивановское поселение, известное среди местного населения под названием «Чалпан» (Панфилов, 1986). На нем была собрана небольшая коллекция керамики эпохи поздней бронзы, включающая фрагменты как сузгунского, так и бархатовского типа. В южнотаежной зоне Приишимья весьма любопытными являются материалы поселения Боровлянка 2, основу комплекса которого составляет крестовая керамика. Однако здесь же встречены обломки сузгунской и бархатовской посуды, а в орнаментации некоторых фрагментов также наблюдается синкретизм их черт (Панфилов, Зах Е.М., Зах В.А., 1989, с. 42, рис. 6). Отдельные находки, сопоставимые с

бархатовскими, наряду с крестовой и сузгунской керамикой, зафиксированы и на других памятниках данного региона: городищах Ефимово 1 (Матвеев, Горелов, 1993, с. 14, рис. 9: 1, 2, 3, 17) и Узловское (Стоянов, 1969, с. 69).

Таким образом, своеобразие территории Приишимья заключается в одновременном сосуществовании здесь представителей нескольких археологических культур, что в результате их контактов повлекло за собой формирование синкретичных по содержанию комплексов, но не дало начала новым культурным образованиям. К эпохе поздней бронзы в Приишимье относится ряд памятников, в материалах которых зафиксирована определенная степень проявления нескольких культурных традиций, отражающих разные формы взаимодействия их носителей. О бархатовском присутствии в этом районе косвенно свидетельствуют городище Кучум Гора и поселение Чупино, особенности керамических коллекций которых можно интерпретировать как результат переплетения сузгунских и бархатовских орнаментальных композиций. В Приишимье чистых комплексов этой культуры на сегодняшний день не выявлено. Более представительными на этой территории можно считать сузгунские древности. Археологические исследования показали наличие комплексов или только с сузгунскими материалами, например городище Аббатское 6 (Ткачев, 2003, с. 44), или синкретичных, сузгунско-бархатовских, охарактеризованных нами выше, либо бикультурных, таких как городище Ефимово 1, Старомаслянское поселение, где фиксируется смешение сузгунской и крестовой керамики с преобладанием последней (Генинг, Евдокимов, 1969; Матвеев, Горелов, 1991). Ее распространение в этом районе, как и в соседних, связано с периодическими миграциями сюда таежного населения. Следы пребывания носителей крестовой керамики обнаружены также на поселениях Боровлянка 2 (Панфилов, Зах Е.М., Зах В.А., 1989), Чупино, городищах Кучум Гора и Узловское. Приведенные данные свидетельствуют об освоении территории Приишимья различным в культурном отношении населением в позднем бронзовом веке. Можно говорить об эпизодическом присутствии в этом районе бархатовских групп, сопровождавшемся контактами с сузгунским населением, проживавшем здесь в течение более продолжительного отрезка времени. Об этом свидетельствуют материалы наиболее поздних в хронологическом отношении, чем Чупино и Кучум Гора, приишимских памятников с крестовой керамикой (Ефимово 1, Старая Маслянка).

Эти факты позволяют рассматривать приишимский регион в эпоху поздней бронзы с точки зрения «контактной зоны», на что неоднократно обращал внимание М.Ф. Косарев (1981, с. 167). Анализ материалов таких памятников, как Кучум Гора и Чупино, дал возможность определить некоторые аспекты содержания данного понятия. Под контактной зоной мы понимаем соприкосновение, взаимодействие и взаимовлияние разных культурных традиций на определенной территории в конкретный отрезок времени. С этой точки зрения к ней применимы такие характеристики, как поликультурность, синкретизм и симбиоз. Обращение к древностям контактных зон, на наш взгляд, является перспективным, поскольку дает возможность выявить конкретные тенденции и особенности протекания историко-культурных процессов.

УКРАШЕНИЯ И АМУЛЕТЫ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КУРГАНОВ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ

Население, проживавшее на территории Кузнецкой котловины во второй половине I тыс. н. э., использовало широкий круг украшений и амулетов. Мы принимаем точку зрения Т.Н. Троицкой и А.В. Новикова о принадлежности этого населения верхнеобской культуре (2004, с. 102). К памятникам верхнеобской культуры в Кузнецкой котловине относятся курганные могильники с погребениями по обряду кремации на стороне (Ваганово-I, Есаульская курганная группа, Сапогово, Саратовка, Шестаки-II), а также впускные погребения (Шабаново-I).

При всем своем разнообразии украшения и амулеты, встречающиеся в указанных памятниках, имеют достаточно ясную типологию. К украшениям относятся бусы, серьги, браслеты, перстни, разнообразные подвески. Амулеты представлены когтями и зубами хищников с просверленными отверстиями, челюстями соболя или куницы, раковинами каури, бубенчиками, изображениями птиц, фигур человека в круге, привозными монетами, зашитыми в кожаные мешочки, деревянными или бронзовыми предметами.

В большом количестве население верхнеобской культуры использовало бусы. По материалу бусы делятся на бронзовые, стеклянные, каменные, костяные, перламутровые. Бусы из стекла (как правило, синие или голубые) метаморфизируются до состояния, внешне напоминающего известняк, и их зачастую ошибочно определяют как пастовые. Форма бусин - цилиндрическая, круглая, эллипсоидная, граненая, аморфная. Размер бусин также варьируется. Наиболее предпочтительными цветами стеклянных бусин были голубой (зеленоватый) и золотисто-желтый. Из-за эрозии стекла, придающей бусинам матово-белую окраску, не всегда можно определить их первоначальный цвет. Глазчатые бусины, грубо слепленные из темной стеклянной массы, декорированы белыми кружками с красными глазками внутри. Глазки могли быть «размазаны» в неправильные вытянутые капли. Часть бус, попавших в огонь при совершении обряда кремации на стороне, расплавилась и представляет собой капли ошлакованного стекла. Однако основная масса найденных стеклянных бус в огне не была. Видимо, они попали в погребения как украшения либо погребальной куклы, либо погребальной одежды, положенной в могилу при захоронении пепла. В погребениях неоднократно встречены детали одного набора, например поясные накладки, часть из которых сохранилась прямо на коже, а часть расплавлена.

Практически все обнаруженные в могильниках серьги - бронзовые. Следует учитывать, что средневековое серебро в памятниках Кузнецкой котловины низкопробное, поэтому предметы из окислившегося биллона визуально определяются как бронзовые. Серьги подразделяются на кольчатые, кольчатые с каплевидной подвеской, овальные с имитацией одной или двух бусин в виде шариков, овальные с боковым отростком и опущенным стержнем (на которые нанизывались бусины). В могильнике Шестаки-II была найдена пара сложных серег с подвесками из полых бронзовых капель, надетых на свисающий вниз стерженек. Серьги ремонтировались: подвески грубо привязаны нитками. На подвесках сохранились следы стершейся позолоты. Серьги похожей формы были обнаружены А.А. Гавриловой в могилах № 12 и 15 могильника Кудыргэ (1965, с. 39).

Браслеты, представленные в памятниках Кузнецкой котловины, изготовлены из бронзы и относятся к типу литых, несомкнутых. В Шестаковском могильнике найден браслет, концы которого выполнены в виде змеиних голов. Выпадает из общего ряда пластинчатый браслет из

белой бронзы из Есаульской курганной группы. Кованые и крученые проволочные железные изделия, которые иногда интерпретируются как браслеты, очевидно, являются обломками стремян и деталями конской сбруи.

Все зафиксированные в могильниках перстни - бронзовые. Перстень из Сапогово с большим овальным щитком, украшенным меандровым орнаментом, подобен перстням из Тискинского курганного могильника-I, Рёлки, Красного Яра-I. В Шабановском могильнике обнаружены полые перстни с гнездом для камня. Перстни из Шестаковского могильника и Есаульской курганной группы с гнездом для камня, со щитком с изображением виноградной грозди идентичны перстням из Бобровского могильника на Иртыше (Арсланова, 1963, с. 76). Встречены несколько перстней со вставкой из синего стекла и цельнолитые, имитирующие вставки, со щитком в виде трех выпуклых овалов.

Разнообразны по форме подвески: ворвороки с тремя отростками; в виде стремени, или «бобовидные» (Саратовка; аналоги им известны в Тимирязевском могильнике, Красном Яре-I, Умне-II); плоские «якоревидные» (Шестаковские и Шабановские курганы). Многочисленные находки бронзовых литых пуговичек с ушком и каплевидным телом по своему функциональному назначению не поддаются однозначной интерпретации. Их могли использовать в качестве подвесок, застежек или расшивать ими одежду и обувь. Обряд погребения не позволяет обнаружить эти «подвески» на месте их расположения на одежде.

В большинстве верхнеобских памятников Кузнецкой котловины присутствовали бронзовые и железные бубенчики. Крупный железный бубенчик обнаружен в составе поясного набора в Шестаках. Часто бубенчики встречаются не в погребениях, а в насыпях курганов. Бубенчики использовались повсюду в Азии вплоть до этнографической современности. Возможно, бубенчики следует относить не к украшениям, а к амулетам.

Амулеты в погребальных памятниках Кузнецкой котловины представлены разными предметами. В Сапоговских и Саратовских курганах найдены солярные подвески в виде плоского кольца с отростками и без них и отверстием для подвешивания. Аналоги им известны в могильниках Умна-3, Крохалевка-13, Тискинский курганный могильник-I, Архиерейская заимка.

Бронзовые плоские подвески, изображающие птицу с объемной головой (часто с ушами) и с раскинутыми крыльями, встречены в Сапоговских, Шестаковских и Саратовских курганах. Похожие «птицы» известны и Новосибирском Приобье и во всей таежной полосе Западной Сибири. Однако на кузбасских «птицах» нет человеческой личины на груди, но бывает орнамент или изображение ног птицы. На подвеске из Шестаковского могильника сохранился кожаный ремешок, который проходил через отверстия в крыльях, причем по лицевой стороне подвески. Возле крыльев «птицы» на ремешке сохранились бронзовые бусины-пронизки. Подвеска изготовлена из бронзы, но была отбелена, возможно, посеребрена или лужена. В могильнике Саратовка М.Г. Елькиным найдены отливка из белой бронзы с антропоморфным изображением, заключенным в круг, а также объемная отливка водоплавающей птицы.

Интересен амулет в виде круглой бронзовой посеребренной бляшки, нашитой на лоскут кожи с тремя параллельно «свисающими» бронзовыми бусинами-пронизками (Шестаки-II, курган № 7). Амулет был зашит в кожаный мешочек, обернутый шелком и подвешенный на тонком кожаном шнурке. На этом же памятнике найден выструганный кусочек дерева, завернутый в шелк и обмотанный тонко выделанным кожаным ремнем, амулет подвешивался на кожаном шнурке.

К амулетам, очевидно, относились китайские и среднеазиатские монеты (Сапогово, Саратовка, Шестаки). На некоторых монетах сохранились кожаные ремешки для подвешивания. Обнаружено более десятка монет, среди которых тюркешские (Сапогово) и китайские монеты «у-шу», «чанпин у-шу» и «кайюань тунбао». Интерпретация А.М. Илюшиным встреченных в памятниках Кузнецкой котловины бронзовых проволочных колечек как китайских монет «э-янь» представляется неубедительной.

Монеты «у-шу» из Кузнецкой котловины по диаметру и весу, ширине канта и другим деталям относятся к эмиссии династии Суй. Наиболее массовый выпуск подобных монет относится к 581 г. (согласно определению специалиста по китайской нумизматике В. Беляева). «Чанпин у-шу» отливались только в 553 г., хотя были выпущены в оборот значительно позднее и долго находились в обращении. Начало эмиссии «кайюань тунбао» относится к 621 г. Монеты этого типа в Кузнецкой котловине датируются, вероятнее всего, не позднее 660 г., так как после этой даты на оборотной стороне этих монет появились дополнительные изображения (точки и полумесяцы). Наиболее поздние монеты - тюргешские. Их традиционно датируют первой половиной VIII в., однако эта датировка требует уточнения.

Широкий временной диапазон изготовления монет (конец VI - начало VIII в.) не указывает на хронологические рамки верхнеобской культуры, носители которой использовали их в качестве амулетов. В Китае монеты «у-шу» вплоть до позднего Средневековья добавляли в связки с монетами «кайюань», а купцы старались избавиться от вышедших из употребления монет. Монеты «чанпин у-шу», несмотря на то, что отливались только один год, находились в обращении также длительное время.

Разнообразие и количество украшений и амулетов свидетельствует о достаточно богатой материальной и духовной культуре населения, проживавшего на территории Кузнецкой котловины во второй половине I тыс. н. э.

А.В. ВАРЕНОВ

Россия, Новосибирск

Институт археологии и этнографии СО РАН

ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ СЯОШАНЬДУНЧЖУАН И ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ «КАРАСУКСКИХ» НОЖЕЙ И КИНЖАЛОВ В СЕВЕРНОМ КИТАЕ*

Когда почти 30 лет назад Н.Л. Членова издала монографию о карасукских кинжалах, со всей современной территории Китая ей было известно только два комплекса с подобными изделиями. Ключевой из них - Чаодаогуо из уезда Цинлун провинции Хэбэй, датированный исследовательницей X-VIII вв. до н. э. (1976, с. 61). В его состав входили проушной клевец с очень длинным обухом, втульчатый топор с пояском рифленого орнамента по низу втулки и выступом на обушке, нож с головкой козерога, кинжал с изогнутой ручкой, увенчанной головкой барана, нож с навершием в виде круглого прорезного бубенчика и с петелькой под навершием и три ножа с кольцевыми навершиями, причем один из них увенчан кольцом с тремя выступами (Варенов, 1999, с. 306-311). Каковы же доводы в пользу даты для Чаодаогуо X-VIII вв. до н. э., если не принимать во внимание сами «карасукские» ножи и кинжалы, хронология которых и должна быть определена? Вопрос о датировании втульчатого топора из Чаодаогуо с пояском рифленого орнамента по низу втулки и выступом на обушке мы уже рассмотрели (Варенов, 2003, с. 259-265; Варенов, 2004, с. 10-24). Аналогии проушному клевцу с длинным обухом были Н.Л. Членовой неизвестны. Такие клевцы за истекшие годы, помимо Чаодаогуо, найдены еще в нескольких пунктах на территории провинций Хэбэй и Ляонин, в том числе и в местечке Сяошаньдунчжуан (Чжай Лянфу, Инь Сяоянь, 1997, с. 58-62).

Деревня Сяошаньдунчжуан расположена в 10 км к юго-востоку от административного центра уезда Цяньань провинции Хэбэй, на западном берегу р. Луаньхэ, впадающей в р. Цинлунхэ, у

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 03-01-00667а.

подножия восточного склона гор Лунцюаньшань. В ноябре 1983 г. местные крестьяне при ремонте дороги, соединяющей их родную деревню Сяошаньдунчжуан (букв.: «Малая Шаньдунчжуан») с соседней деревней Дашаньдунчжуан («Большая Шаньдунчжуан»), в 50 м от окраины деревни, на глубине 0,5 м от поверхности земли выкопали группу бронз, керамики и изделий из золота. В августе 1984 г., в ходе исправления размытого после больших дождей участка той же дороги, рабочие в промыве нашли еще несколько изделий из керамики и бронзы. Только после этого в Сяошаньдунчжуан прибыли археологи из Таншаньского городского отдела охраны памятников культуры и Цяньаньского уездного бюро охраны памятников культуры.

Пункт находки, предположительно, древнее погребение, располагался на первой террасе западного берега р. Луаньхэ. Из-за размывов, причиненных дождевой водой, погребение, получившее индекс QXM1, оказалось уже полностью разрушенным. На поверхности земли не прослеживалось ничего, кроме разрозненных человеческих костей, а размеры предполагаемой могильной ямы и расположение в ней сопроводительного инвентаря были совершенно неясны. По сообщению местных крестьян, в разное время при ремонте дороги и размывах грунта из-за дождей, в радиусе 10 м вокруг могилы QXM1 трижды находили немало вещей, причем часть из них была к моменту прибытия ученых уже повреждена или утрачена. Археологам передали три бронзовых треножника *дин*, один бронзовый сосуд *гуй*, два бронзовых клевца *гэ*, четыре бронзовых топора, 124 бронзовых бляшки, два золотых браслета, золотую серьгу, восемь керамических горшков *гуань* и четыре керамических трипода *ли*, бирюзовую серьгу и 35 бирюзовых бусин (рис. 1).

Треножники *дин* из Сяошаньдунчжуан делятся на три типа, каждого типа по одному экземпляру. У *дин* I типа наклонное устье с ровным срезом, пузатое тулово, круглое доньшко, столбообразные ножки, есть крышка и ручки (рис. 1: 1). На макушке крышки есть петелька, ниже, близ устья и по плечикам крышки, между двумя кольцевыми линиями, идет поясok орнамента, состоящий из звериных масок в окружении спиралей и меандров. Внутри крышки нанесена надпись из трех иероглифов, расположенных в одну строку, читающаяся «*Цзо цзунь*» (т. е. «Изготовил ритуальную утварь»). У треножника *дин* II типа ровный срез отогнутого наружу устья, довольно глубокое тулово, круглое доньшко, столбообразные ножки и прямые вертикальные ручки (рис. 1: 3). Тулово сосуда украшено узором в виде шляпок заклепок, расположенных в шахматном порядке. Поскольку данный треножник сильно корродирован, то орнамент даже на прорисовке читается очень плохо. Треножник *дин* III типа на рисунке не показан.

Жертвенный сосуд для проса *гуй* со слегка огубленным устьем, круглым в сечении венчиком, круглой кольцевой ножкой и слегка раздутым снизу туловом (рис. 1: 2). Ручки исполнены в виде звериных морд, под ними расположены прямоугольные выступы-сережки. Тулово сосуда украшено узором *тао-те*, а кольцевая ножка - пояском узора, составленного из чудовищ *куй* и драконов *лун*. Снизу на доньшке сосуда нанесена надпись из шести иероглифов, расположенных в две строки, читающаяся «*Хоуцзюэ цзо бао цзунь*» (т. е. «*Хоу* [маркиз] изготовил драгоценную ритуальную утварь»). Бронзовые бляшки *пао* (на рисунке не показаны) по форме все одинаковы. Они круглые в плане, выпуклые, диаметром около 2,4 см, с петелькой на тыльной стороне.

Клевцы *гэ* из Сяошаньдунчжуан делятся на два типа. Клевец I типа найден в единственном экземпляре. Он проушного типа, с овальной в сечении втулкой, длинным обухом и языковидным, ромбическим в сечении, слегка изогнутым бойком (рис. 1: 6). Клевец II типа также только один. Он тоже проушного типа и с длинным обухом, но кроме того у него есть и длинная бородка с одной прорезью, а прямой боек с центральным ребром слегка задран вверх (рис. 1: 5). Верхнее и нижнее лезвия бойка заметно корродированы, а конец обуха и конец бородки обломаны. Топоры в Сяошаньдунчжуан также делятся на два типа. Топор I типа только один. У него прямоугольный, с обеих сторон ровный, клиновидный в продольном разрезе боек с дугообразным лезвием и

овальной в сечении втулкой (рис. 1: 4). С тыльной стороны втулки, по ее центру, расположен выступ в виде усеченного конуса. На втулке нанесен узор, состоящий из трех групп, по три выпуклых прямых линии в каждой. Напротив каждой из групп линий, у основания бойка, расположено по круглой выпуклой точке. Все три топора II типа по форме одинаковы. У них длинное, расширяющееся к лезвию тело с квадратной в сечении пяткой, дугообразное лезвие двухсторонней заточки шире клиновидного в сечении бойка (рис. 1: 7).

Бирюзовая серьга с раструбом изготовлена из камня ярко-зеленого цвета с отполированной поверхностью, ее миндалевидное в сечении тело в разрезе представляет собой полый конус, а конец крючка уже отломан (рис. 1: 8). Бирюзовое ожерелье, состоящее из 35 бусин, на рисунке не показано. Бусины длиной от 0,6 до 2,8 см бывают овальные, уплощенно-квадратные, прямоугольные и неправильной формы. Золотая серьга - круглая в плане, один ее конец уплощенный, а другой заостренный (рис. 1: 9). Вес изделия 1,7 г. Золотые браслеты по форме в основном одинаковы. Они кольцевидные, с разъемом, в сечении круглые. У одного образца оба конца уплощенные, заканчиваются дугами, а общий вес браслета 21 г (рис. 1: 10). У другого браслета оба уплощенных конца треугольной формы, а вес составляет 15,5 г (рис. 1: 11).

Керамические триподы *ли*, найденные в Сяошаньдунчжуан, делятся на четыре типа, каждый из которых представлен только одним экземпляром. Трипод *ли* I типа песчанистой бурой керамики, с огубленным устьем, круглым в сечении венчиком, пузатым туловом и острыми ножками (рис. 1: 12). Все его тулово покрыто тонким шнуровым орнаментом. Трипод *ли* II типа песчанистой бурой керамики, слегка огублен, его венчик в сечении квадратный, тулово дугообразное, стержни ножек довольно грубые, а все тулово покрыто грубым шнуровым орнаментом (рис. 1: 14). Трипод *ли* III типа изготовлен из песчанистой бурой керамики. Его венчик слегка огублен, в сечении квадратный, горло суженное, тулово дугообразное, украшено грубым шнуровым орнаментом, стержни ножек грубые, ровные (рис. 1: 13). Трипод *ли* IV типа песчанистой серо-бурой керамики. У него огубленное устье, венчик в сечении круглый, пузатое тулово с петлевидной налепной ручкой не украшено, стержни ножек довольно маленькие (рис. 1: 15).

Керамических горшков *гуань* со сжатым устьем обнаружено 7 экземпляров. Они делятся на три типа. Горшки *гуань* I типа со сжатым устьем представлены двумя экземплярами. Они изготовлены из песчанистой серо-бурой керамики. Устье огублено, квадратный в сечении венчик, плечики с перегибом, стенки тулова наклонно уходят вниз, доньшко плоское (рис. 1: 17). Поверхность сосуда не обработана, но доньшко снаружи украшено тонким шнуровым орнаментом. Горшков *гуань* II типа со сжатым устьем встречено три экземпляра. Они песчанистой серо-бурой керамики, с квадратным в сечении венчиком, плечики с изломом, доньшко плоское, косая стенка тулова наклонно уходит вниз (рис. 1: 16). Поверхность сосуда не обработана, но плоское доньшко снаружи украшено узором шнура. Горшков *гуань* III типа со сжатым устьем выделено два экземпляра. Они песчанистой бурой керамики, венчик в сечении квадратный, плечики с изломом, косые стенки тулова наклонно уходят вниз (рис. 1: 18). Поверхность сосуда не обработана, плоское доньшко снаружи украшено тонким шнуровым орнаментом. В Сяошаньдунчжуан найден еще один горшок *гуань* песчанистой красно-бурой керамики. У него огубленное устье, венчик в сечении квадратный, покатые плечики без излома, глубокое тулово, плоское доньшко, стенки толстые, а все тулово покрыто грубым шнуровым орнаментом (рис. 1: 19).

Набор находок из Сяошаньдунчжуан выглядит достаточно странно. Треножник *дин* I типа и сосуд *гуй* для проса, несомненно, датируются эпохой Западного Чжоу. Об этом свидетельствуют не только форма и орнаментация данных бронзовых изделий, но и эпиграфические особенности, и само содержание нанесенных на них надписей. Вместе с тем треножник *дин* II типа относится к эпохе Шан-Инь, причем далеко не к самому позднему ее периоду. Бирюзовая серьга с раструбом и золотые браслеты из Сяошаньдунчжуан встречают аналогии, прежде всего, в погребении из Люцзяхэ уезда Пингу Пекинского округа, датирующемся XIV-XIII вв. до н. э., а также среди

находок еще более ранней по времени культуры нижнего слоя Сяцзядянь. Набор керамики из Сяошаньдунчжуан также характерен для местного варианта культуры нижнего слоя Сяцзядянь, в которой есть и триподы *ли*, и горшки *гуань* со сжатым устьем, но нет других типов сосудов. Аналогии керамическим триподам *ли* и горшкам *гуань* из Сяошаньдунчжуан встречены среди посуды расположенных поблизости, в уезде Цзисянь провинции Хэбэй, стоянок Гуге, Вэйфан и Чжанцзяюань.

В целом складывается впечатление, что коллекция, собранная в Сяошаньдунчжуан, сформирована из материалов не одного, а как минимум двух, если не трех одновременных погребений: культуры нижнего слоя Сяцзядянь (керамика, серьги, бусы и браслеты), эпохи Западного Чжоу (бронзовые сосуды с надписями) и, возможно, эпохи Шан (треножник *дин* без надписи). Бронзовое оружие из Сяошаньдунчжуан к культуре нижнего слоя Сяцзядянь относиться не может. Все оно распадается на три комплекта, в каждый из которых входило по два изделия: один топор II типа и составляющие ему пару топор I типа, или клевец I типа (проушной, с длинным обухом), или клевец II типа (проушной, с бородкой). Близкую аналогию данному принципу комплектования оружейных наборов можно усмотреть в обнаруженном неподалеку от Сяошаньдунчжуан комплексе бронзового оружия из Фэнцзяцунь (Ван Юньган, Ван Гочжун, Ли Фэйлун, 1996, с. 51-55). В составе клада из Фэнцзяцунь, что расположен в уезде Суйчжун провинции Ляонин, каждому проушному клевцу с длинным обухом пару составлял бронзовый кельт-топор (и тех, и других встречено по 13 экземпляров). Следовательно, бронзовое оружие из Сяошаньдунчжуан входило в состав инвентаря одного погребения (или клада) и его хронологическую принадлежность к эпохе Шан или к Западнему Чжоу можно определить, только опираясь на его же анализ.

Прямых аналогий топорам из Сяошаньдунчжуан мне не известно. Похожие на сяошаньдунчжуанский проушные клевцы из Фэнцзяцунь можно разделить на две группы: с коротким (3 экземпляра) и с длинным (10 экземпляров) обухом. Судя по всему, проушные клевцы с коротким обухом типологически являются более ранними. Похожие проушные клевцы с коротким обухом встречены в погребениях M17 и M38 раннешанского могильника Тайси в уезде Гаочэн провинции Хэбэй. Функционирование шанского могильника в Тайси соответствует времени от верхнего (до-аньянского) слоя культуры Эрлиган до раннего периода Иньской культуры (Шанская стоянка Тайси, 1985, с. 11, 14). Таким образом, проушные клевцы из Тайси относятся ко времени до возникновения Иньского городища в Аньяне в 1300 г. до н. э. Это позволяет рассматривать их как исходные формы для короткообушных проушных клевцов из клада в Фэнцзяцунь, датированного нами XIII-XI вв. до н. э., т. е. эпохой Шан-Инь (Варенов, 2004а, с. 205-210). Короткообушные клевцы из Фэнцзяцунь, в свою очередь, положили начало длиннообушному оружию, в том числе и клевцам из Чаодаоугоу и Сяошаньдунчжуан, которые в этом ряду самые длинные, и, видимо, самые поздние.

Проушные клевцы с бородкой, помимо Сяошаньдунчжуан, встречены в погребениях M1, M2 и M3 могильника Цзинцзецунь, что в уезде Линши провинции Шаньси (Варенов, 2004б, с. 209-216), а также на позднешанской стоянке Шилимяо близ г. Наньяна в юго-западной части провинции Хэнань, и в погребении M697 могильника в Западном районе Иньского городища в Аньяне, датированном IV периодом существования этого памятника. Есть проушные клевцы с бородкой с одной прорезью и в погребении M85 западночжоуского могильника Чжанцзяпо близ г. Сиань, что в провинции Шэньси, и в оружейном кладе из Сяохэнань, найденном в уезде Синлун провинции Хэбэй (Варенов, 1994, с. 44-45). У клевцов из двух последних местонахождений обухи прямоугольные и без шипа, в отличие от шанских клевцов, имеющих закругленные обухи с шипом. По этому признаку проушной клевец с бородкой из Сяошаньдунчжуан ближе всего стоит к сяохэнаньским образцам. Как и клад из Сяохэнань, данный проушной клевец с бородкой, а значит, и весь комплекс оружия из Сяошаньдунчжуан, включая и проушной клевец с длинным обухом, относятся к хронологическому рубежу, отделяющему эпоху Шан от Западного Чжоу,

или к самому началу Западного Чжоу. В абсолютных датах, по исправленной хронологии Аньяна, принятой в работах Н.Л. Членовой, это соответствует периоду правления чжоуских У-вана (1027-1024 гг. до н. э.) и Чэн-вана (1024-1005 гг. до н. э.), т. е. последней четверти XI в. до н. э. Следовательно, чуть более ранний комплекс бронз из Чаодаогуо с «карасукскими» ножами и кинжалом должен относиться к концу эпохи Шан-Инь, ко времени правления вана Ди-синя (Чжоу-синя) (1060/1050-1027 гг. до н. э.), т. е. к середине - третьей четверти XI в. до н. э.

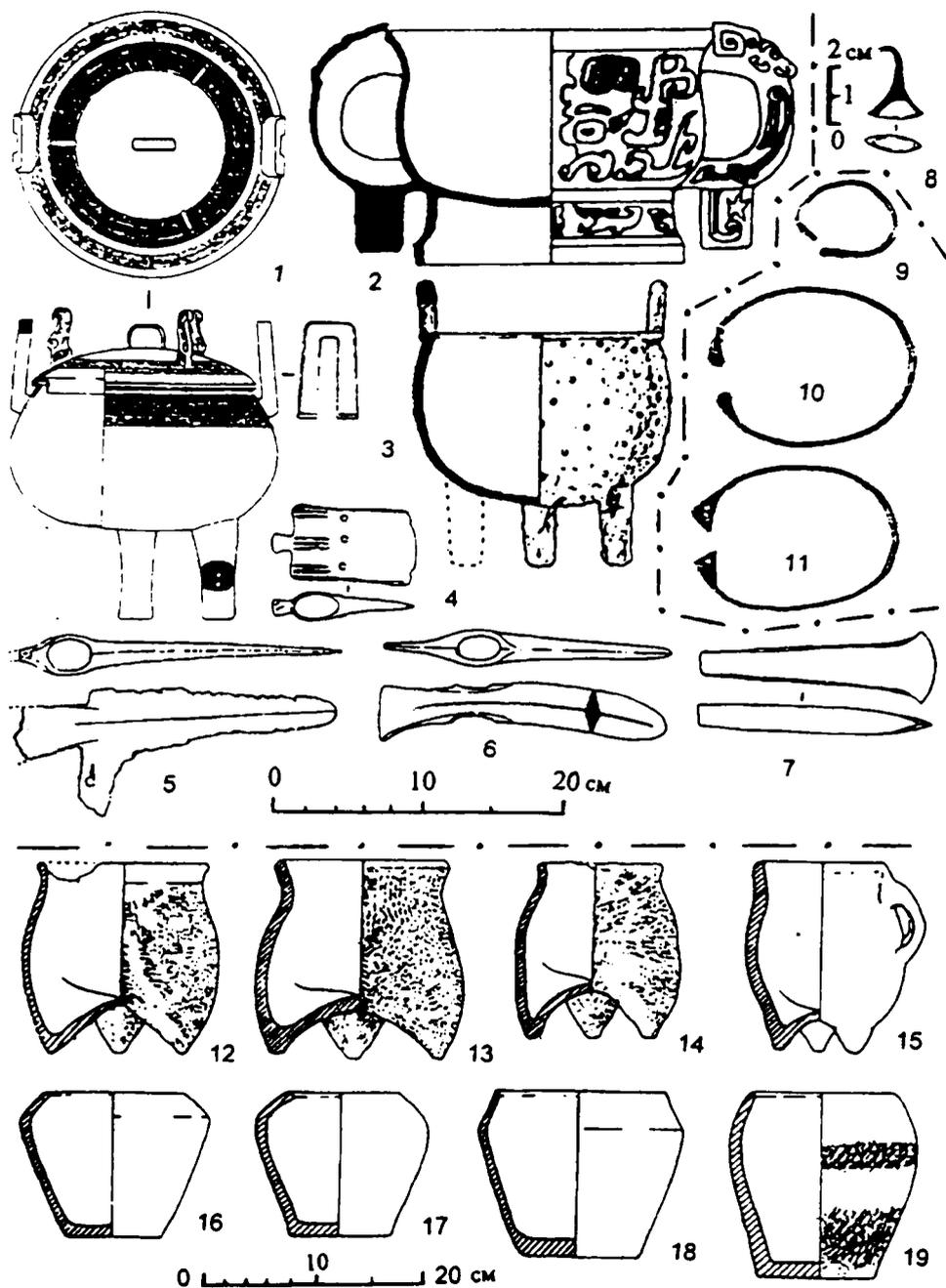

Рис. 1. Находки из Сяошаньдунчжуан уезда Цяньань провинции Хэбэй:
 1, 3 - треножники *дин*; 2 - сосуд *гуй* для зерна; 4 - проушной топор; 5 - проушной
 клевец с длинной бородкой и обухом (обломаны); 6 - проушной клевец с длинным
 обухом; 7 - топор (тесло?); 8, 9 - серьги; 10, 11 - браслеты; 12-15 - триподы *ли*;
 16-19 - горшки *гуань*. 1-7 - бронза, 8 - бирюза, 9-11 - золото, 12-19 - керамика

А.С. ВАСЮТИН

Россия, Кемерово

Кемеровский государственный университет

ДИНАМИКА СООТНОШЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ АРЕАЛОВ И ЛОКАЛЬНЫХ КУЛЬТУР НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ I - НАЧАЛЕ II ТЫС. Н. Э.

Проблема соотношения релкинского этнокультурного ареала (ЭКА) и археологических культур (АК) на юге Западной Сибири уже рассматривалась в литературе, преимущественно в аспекте границ культурных образований (Беликова, Плетнева, 1983, с. 114-127; Могильников, 1987, с. 216-218, карта 42; Чиндина, 1977; 1991, с. 117-130; Троицкая, Новиков, 1998, с. 78-86). Динамике соотношения релкинского и сrostкинского ЭКА уделялось гораздо меньше внимания (Могильников, 1981а, с. 45-46; 2002а, с. 74-76; 2002б, с. 123-125; Бараба, 1988, с. 164-169; Молодин и др., 1990, с. 183-196; Савинов, 1994, с. 83-109; Беликова, 1996, с. 127-136; Плетнева, 1997б, с. 117-123; Адамов, 2000, с. 76-84), что заставляет еще раз обратиться к этой проблеме, в частности к вопросам смены этнокультурных ареалов.

Для общего понимания процесса взаимодействия соседних раннесредневековых культур на юге Западной Сибири и его результатов ключевым памятником является Бобровский могильник, отражающий специфическую этнокультурную ситуацию на границах южной степной и северной лесостепной культур. Синкретичные черты этого культурного комплекса фиксируются в уже сложившемся виде и синхронны раннему этапу формирования сrostкинской АК. Ф.Х. Арсланова включает Бобровский могильник в круг культур западносибирского происхождения, находя массовые параллели обряду погребения, керамике и женским украшениям в материалах прежде всего потчевашской культуры (Арсланова, 1980, с. 95; 1983, с. 64-65), восточная граница которой проходит по территории Барабы (Бараба..., 1988, с. 123-124; Елагин, Молодин, 1991, с. 98-103; Троицкая, 2002б, с. 92-93).

Внутри верхнеобского культурного ареала, начиная с рубежа VIII-IX вв., происходят видимые изменения во внешнем облике культуры, население которой восприняло новую моду на поясную и сбруйную garnитуру с развитой растительной орнаментацией и сложными рельефными формами ряда украшений (Плетнева, 1984, с. 86-87, рис. 6: 1-3, 5; Васютин, 1997, с. 176-178, рис. 1; 1998, с. 180-181; 2001а, с. 223-226; 2001б, с. 142-144, рис. 1; Троицкая, Новиков, 1998, с. 84-86, 135). Если происхождение этих инноваций далеко не всегда ясно, то хронология этого процесса более отчетлива. Она совпадает с одновременным появлением на Северном Алтае (могильник Сrostки) и в северо-западных предгорьях (могильники Гилево I-V) уже сформированного смешанного культурного комплекса (Савинов, 1997, с. 179, 189, рис. 1-9; Могильников, 2002б, с. 123-124, рис. 215, 216).

Об отсутствии сплошного ареала сrostкинских памятников в конце I тыс. н. э. свидетельствует наличие в это время отдельных могильников верхнеобской культуры в Томском Приобье (Могильницкий могильник, Архиерейская заимка и поздние погребения Тимирязевских I и II могильников), в Новосибирском Приобье (Красный Яр I), в Кузнецкой котловине (Сапогово II, Саратовка, Калтышино II и Зимник). Наиболее последовательным сторонником концепции формирования сrostкинской АК на основе местной верхнеобской культуры был В.А. Могильников (1981а, с. 45; 2002а, с. 74-75). Эта идея о местном происхождении сrostкинской культуры, высказанная выделившим ее М.П. Грязновым (1965, с. 145-152), в целом подтверждается общим развитием западносибирской археологии Средневековья и полученными за последнее время новыми археологическими фактами (Савинов, 1994, с. 87-92; Неверов, Горбунов, 2001, с. 177-178; Троицкая, 2002а, с. 104-107; 2002б, с. 92-94). Очевидно, что ранние этапы развития Сrostок связаны с северными и северо-восточными районами лесостепного

Алтая, с Бийско-Барнаульским Приобьем, с территорией бытования памятников предшествующей верхнеобской культуры. Именно этот район юга Западной Сибири был центром формирования новой сrostкинской АК. Это особенно отчетливо наблюдается в связи с полной публикацией В.А. Могильниковым материалов Алейской экспедиции. Согласно полученным данным, с рубежа VIII-IX вв. в северо-западных предгорьях Алтая сосуществовали четыре разнокультурные группы населения по соседству с ареалом формирующейся сrostкинской АК. Этот установленный факт является определяющим в реконструкции этнокультурной ситуации данного периода. Сложившаяся этнокультурная ситуация была предопределена сосуществованием на юге Западной Сибири кочевых групп и местного угро-самодийского населения. Это документируется материалами Барабы (Преображенка III) с конца VII-VIII вв., когда на западных границах верхнеобской АК уже происходят процессы смены культурного облика в ареале потчевашской АК, захватившие в дальнейшем и северо-восточные районы, в первую очередь лесостепной Алтай.

Сокращение ареала верхнеобской АК, начиная с середины VIII в. (условная дата), было обусловлено возрастающим давлением со стороны южных соседей, в том числе населения новой сrostкинской АК. Факт сосуществования этих двух культур не подлежит сомнению, но еще детально не обсуждался в научной литературе (Плетнева, 1984, с. 64-87; Казаков, Неверов, 1991, с. 168-169; Троицкая, 2002а, с. 104; 2002б, с. 92).

Как известно, ареал сrostкинской АК расширяется за счет территорий верхнеобской АК, вплоть до совпадения их основных локальных вариантов (Троицкая, Новиков, 1998, с. 81-83; Неверов, Горбунов, 2001, с. 177). С этой точки зрения очень важен период с середины IX до середины X в., в который попадают ранние материалы сrostкинского могильника. Это имеет прямое отношение и к верхнеобской культуре, в инвентаре погребений и жертвенных комплексов которой с этого времени широко и массово распространяются типологически сходные с алтайскими изделия. Немаловажно и то, что этот процесс происходил в момент отсутствия «акта» смены культур на северных территориях бассейна Верхней Оби (Новосибирское и Томское Приобье, Кузнецкая котловина). Особенно эти инновации проявляются в экипировке всадника и снаряжении верхового коня (Васютин, 2001б, с. 144, рис. 1). Не случайно именно в рассматриваемое время происходит наиболее глубокая трансформация верхнеобской АК, которая затронула все важнейшие ее составляющие.

Для корректировки культурной идентификации и уточнения хронологических границ ранних этапов развития сrostкинской АК решающее значение имеет культурно-хронологический статус различных групп погребений из алтайских предгорий. В настоящее время появилась реальная возможность сравнительного анализа синхронных материалов с близлежащих территорий, что прежде было затруднительно из-за малочисленности данных по Восточному Казахстану. На это указывал еще Д.Г. Савинов, говоря об актуальности выделения памятников, которые предшествовали созданию кимакского каганата, т. е. до середины IX в. Это важно и для конкретизации участия местного компонента в формировании культуры кимаков (Савинов, 1994, с. 75-76), да и сrostкинской АК тоже.

Синхронизация смежных этапов развития верхнеобской и сrostкинской АК, несомненно, актуализирует проблему их сосуществования в бассейне Верхней Оби. На основании ряда наблюдений, можно предварительно представить культурно-генетический ряд «событий» накануне и в процессе формирования новой сrostкинской культуры. Он проходил неравномерно и носил запаздывающий характер в отношении северной и северо-восточной периферии Верхнеобья. Развитие новых традиций в инокультурном окружении обеспечивалось не столько за счет внешних массовых миграций, а устойчивыми связями северных культур юга Западной Сибири с кочевым миром. Индикаторами таких связей на всем протяжении этапов развития верхнеобской АК являлись определенные атрибуты одежды, воинской экипировки и некоторые

украшения. Последовательная смена внешних заимствований, отражающая хронологию связей, не влияла существенным образом на палеоэтнографические черты местной культуры. Начиная с середины IX в., характер связей постепенно меняется в сторону более тесных контактов «верхнеобцев» с отдельными пришлыми группами «сросткинского» населения с уже сформировавшейся симбиозной культурой. Начало этому процессу было положено в ходе первых прямых контактов на территории Северного Алтая. В дальнейшем с нарастанием частоты и плотности таких связей, при сохранении их мирного характера, появляются смешанные культурные комплексы с выраженным угро-самодийским компонентом. На этой основе в дальнейшем формируются синкретичные черты новой культуры конца I - начала II тыс. н. э. в границах позднего этапа развития верхнеобской культуры в Среднем и Нижнем Притомье (Плетнева, 1993, с. 43; 1997а, с. 283, 285; 1997б, с. 123; Ширин, 2002а, с. 41-77; Васютин, 2003, с. 181-187; Васютин, Заушинцева и др., 2004, с. 421-424).

Таким образом, бассейн Верхней Оби в раннесредневековую эпоху занимал особое место в культурогенезе юга Западной Сибири. Происходившие здесь историко-культурные процессы, как это установлено археологическими средствами, являются ключевыми для понимания не только специфики развития этого региона, но и общего направления и результатов культурогенеза в лесостепном Обь-Иртышье. Исходя из этого, важнейшими культурогенетическими составляющими «событиями» на Верхней Оби и прилегающих территориях были: во-первых, развитие и сосуществование на протяжении последней четверти I тыс. н. э. верхнеобской и сросткинской АК; во-вторых, смена культур, которая на Верхней Оби не носила взрывного характера, как это случалось при нашествиях, что могло привести к тотальному уничтожению субстратной культуры и полной ассимиляции местного населения; в-третьих, своеобразное наложение двух родственных этнокультурных ареалов, которое обусловило культурную дифференциацию на Верхней Оби в конце I тыс. н. э. и создало предпосылки для формирования новой, субстратной по преимуществу, басандайской культуры в Среднем и Нижнем Притомье (городище Городок, курганные могильники Зимник, Порывайка, Шумиха и Басандайский археологический микрорайон).

Г.П. ВИЗГАЛОВ

Россия, Нефтеюганск

Научно-производственное объединение «Северная археология»

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАНГАЗЕИ

Мангазея - самый северный русский город в Сибири, который уже более 140 лет посещается исследователями. В результате проведенных полевых исследований с городища получен самый массовый и разнообразный материал по русской археологии Сибири, что позволяет считать его эталонным памятником русской археологии XVII в. для сибирского Севера. Городище Мангазея находится в 15 км к северу от полярного круга на правом берегу р. Таз, в устье р. Осетровки (сейчас Мангазейка). Памятник расположен в Красноселькупском районе ЯНАО в 8,5 км к северу от пос. Сидоровск (где проживают 2 человека, наплыв людей бывает летом в период рыбного промысла).

Изучение истории Мангазеи по письменным источникам было начато Г.Ф. Миллером, который в 1739 г. побывал в Туруханске и сделал копии 146 документов архива Старой Мангазеи, часть из которых была им использована при создании «Истории Сибири». Впоследствии мангазейской тематикой занимались историки П.Н. Буцинский, Д.Н. Анучин, С.В. Бахрушин, В.О. Долгих, В.А. Александров и др.

Полевые исследования впервые провел в 1862 г. Ю.И. Кушелевский, который во время своего путешествия по Крайнему Северу осмотрел остатки поселения (1864, с. 45). Следующим

побывал на месте заброшенного города путешественник от РГО В.О. Маркграф, затем в 1927 г. Р.Е. Кольс (Кольс, 1930, с. 27). В 1914 г. городище обследовал биолог из Омска И.Н. Шухов. Он описал разрушенный рекой берег, собрал подъемный материал и составил маршрутную карту поездки по р. Таз через волок по р. Турухан до г. Старотуруханска. Карта содержит много уже забытых названий рек и озер (Шухов, 1915, с. 9-10).

Собственно археологические исследования Мангазейского городища начались в 1946 г., когда в ленинградском арктическом НИИ была создана Мангазейская экспедиция под руководством В.Н. Чернецова. Экспедиция была рассчитана на несколько лет для обследования на западносибирском Севере памятников разных эпох. На городище Мангазея была проведена предварительная разведка, собран подъемный материал, сделана глазомерная топографическая съемка плана городища и окрестностей в масштабе 1:200 (Чернецов, 1946). В окрестностях Мангазейского городища были выявлены три впадины, которые, по информации селькупов, являются землянками энцев (Чернецов, 1947в, с. 159-162).

Стационарные широкомасштабные археологические раскопки памятника проводились с 1968 г. Мангазейской историко-географической экспедицией арктического и антарктического НИИ (далее ААНИИ) под руководством М.И. Белова, при участии О.В. Овсянникова и В.Ф. Старкова. В течение четырех полевых сезонов (1968-1970, 1973 гг.) на городище Мангазея было вскрыто более 80 построек на площади 1,5 га. По результатам исследований была написана монография (Белов и др., 1980; 1981), сделана графическая и объемная реконструкция города (кремля и посада). Для датировки был использован метод дендрохронологии, работы выполнены Институтом экологии растений и животных УрО АН СССР. Мангазейской экспедицией обследованы мастерская X-XIII вв. в нижнем течении р. Таз (Хлобыстин, Овсянников, 1973, с. 248-257), пос. Старотуруханск - место Новой Мангазеи (Старков, 1970) и древний волок с р. Худосей (притока р. Таз) в р. Енисей (Белов, Старков, 1973). После 1973 г. археологические раскопки на памятнике долгое время не проводились, что объясняется удаленностью памятника и заявлением о полном исследовании Мангазеи.

В 1999 г. городище было обследовано группой специалистов из Центра историко-культурного наследия (ЦИКН) Нефтеюганского района ХМАО, при участии директора Красноселькупского краеведческого музея В.В. Сумина и сделано заключение об аварийном состоянии памятника. Культурный слой и остатки деревянных сооружений на месте старых раскопов интенсивно разрушаются в результате оттаивания мерзлоты и под воздействием эрозии. Необходимость безотлагательного проведения аварийно-спасательных работ на разрушающихся участках памятника была очевидна. С 2000 г. под руководством Г.П. Визгалова и С.Г. Пархимовича проводятся ежегодные археологические раскопки. Работы носят комплексный характер: привлечены специалисты Института экологии растений и животных УрО РАН и архитекторы Уральской государственной архитектурно-художественной академии. Цель исследований состоит в спасении разрушающихся участков памятника и формировании археологических коллекций для Ямало-Ненецкого окружного и Красноселькупского районного музеев. В задачи входит полное исследование культурного слоя и реконструкция (моделирование) построек, хозяйства и быта мангазейцев.

После первого года работ, носивших рекогносцировочный характер, стало ясно, что культурный слой в старых раскопах был выбран частично. В связи с тем, что раскопки производились не на «чистом» месте, а в пределах «раскопанного полностью» раскопа № 22 экспедиции ААНИИ, нам приходилось постоянно сопоставлять вскрытые остатки объектов с чертежами предшественников. Результаты исследований последних лет дают возможность не только существенно дополнить выводы авторов монографии «Мангазея», но и в значительной степени скорректировать их. Это касается планировки, стратиграфии, особенностей конструкций построек, так как выявились значительные расхождения между реальной конфигурацией объектов и чертежами, представленными в монографии. Основной причиной этих расхождений,

на наш взгляд, явилась методика раскопок: по признанию авторов монографии, многие постройки «не изучались полностью», а «оконтуривались по окладному венцу» траншеями, в результате чего их центральная часть подчас вообще не вскрывалась, полы «домысливались» по концам досок, попавших в траншеи, а печи, естественно, не фиксировались. Таким образом, большая часть культурного слоя в старых раскопах осталась нетронутой, а конструктивные особенности интерьеров многих построек до конца не были выявлены.

За четыре полевых сезона в пределах раскопа № 22 ААНИИ вскрыто 259 кв. м. К настоящему времени полностью исследовано восемь построек и частично расчищены остатки еще пяти. По материалам раскопок сделана графическая реконструкция пяти зданий - четырех изб и амбара из кочевых досок, построенных и перестраиваемых в 1608-1628 гг. Четыре жилых дома (один из которых перестроен на месте более раннего) интерпретированы как избы с пристроенными сенями; дощатый амбар, судя по развалу печи в центре, какое-то время тоже использовался под жилье. В отличие от мнения предшественников, все постройки реконструируются как одноэтажные (Визгалов, 2004, с. 19-25).

Коллекция вещей, собранная в ходе раскопок, по количеству и разнообразию не уступает, а во многом превосходит, коллекцию 1968-1973 гг. В 2000-2004 гг. найдена 181 шахматная фигурка, а в 1968-1973 - 80, монет - 222 (почти все из раскопа) против 198 (большинство - сбор с пляжа), 2460 фрагментов керамики от 364 горшков (по венчикам), против нескольких сот черепков «от 186 сосудов, 867 фрагментов кожаной обуви против 169». Многие категории вещей вообще не были отмечены предшественниками. Всего в недокопаном слое раскопа № 22 найдено 10083 единиц находок, 30000 костных остатков, взято на анализ 90 древесных спилов для дендрохронологии (из них 31 датированных), 150 образцов культурного слоя, 65 образцов волос человека, 58 образцов шерсти животных, 46 копролитов; скелеты и чешуя рыб 8 видов из 6 семейств, 9 палеознтомологических образцов.

В результате проведенных палеоэкологических исследований получены сведения о существенной роли свиноводства, разведении крупного рогатого скота, наличии птицеводства, о быте мангазейцев, довольно высоком уровне гигиены, о разнообразном благодаря привозимым товарам питании, о заболеваниях. Тщательное исследование культурного слоя позволило зафиксировать следы нескольких магических обрядов в жилищах (Пархимович, 2004, с. 47-53).

Результаты новых раскопок Мангазеи показали, что источниковый потенциал этого памятника не исчерпан. Археологические исследования Мангазеи должны продолжаться с применением разнообразных методов и разработкой проектов по реконструкции, консервации и использованию этого уникального города XVII в.

В.В. ГОРБУНОВ, П.К. ДАШКОВСКИЙ, А.А. ТИШКИН

Россия, Барнаул

Алтайский государственный университет

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ГОРНОГО АЛТАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА ЧИНЕТА-II)*

Изучение взаимодействия различных этнических групп средневекового населения Алтая при отсутствии прямых свидетельств письменных источников возможно путем многостороннего анализа археологических материалов и сравнения полученных результатов с известными

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 03-06-80484).

историческими событиями. В этом плане особенно информативны памятники, содержащие синхронные или близкие по времени, но разнокультурные объекты. Такая ситуация была зафиксирована нами при исследовании курганного могильника Чинета-II, расположенного возле одноименного села в Краснощековском районе Алтайского края. Данный памятник находится в низкогорной долине р. Ини (левый приток Чарыша) на ландшафтной границе Горного Алтая и Предалтайской равнины.

Основу довольно обширного археологического комплекса Чинета-II составляют цепочки курганов пазырыкской культуры. К востоку от одной из них выявлены и исследованы сплошным раскопом разные объекты эпохи Средневековья. В северной части территории рассматриваемого могильника на значительном расстоянии от других сооружений находился курган № 1. Первоначально он содержал, по всей видимости, кенотаф сrostкинской культуры с инвентарем второй половины IX в. (Тишкин, Дашковский, 2002, с. 468-470, рис. 1: 1-8, 11-14). Позднее этот объект был нарушен впускным захоронением, совершенным уже по обряду кремации с предметами, побывавшими в огне и характерными для кыргызской культуры XI в. (Там же, рис. 1: 9, 10).

В центральной части некрополя раскопана группа смежных курганов № 6-9. Под каменными насыпями находились грунтовые ямы с одиночными и парными ингумациями, а также захоронения с конем. Погребальный обряд, зафиксированный в этих объектах, характерен для сrostкинской культуры, а инвентарь позволяет датировать их второй половиной IX в. (Тишкин, Дашковский, Горбунов, 2004, с. 412-413, рис. 1: 1-28). Немного восточнее исследованы два кургана № 10 и 12, содержавшие на уровне древнего горизонта кремированные останки. Такие объекты типичны для погребальных памятников кыргызской культуры, а обнаруженные в них вещи, побывавшие в огне, также относятся ко второй половине IX в. (Там же, 2004, с. 413, рис. 2).

Исследованные средневековые комплексы на могильнике Чинета-II в определенной мере демонстрируют контакты двух разных этнических групп населения в пограничной зоне их культурных ареалов. Первая представляет хорошо известную сrostкинскую общность, которая сложилась в результате миграции тюрок II Восточно-Тюркского каганата в середине VIII в. на территорию лесостепного Алтая, где ими были подчинены местные самодийские племена (Неверов, Горбунов, 2001, с. 177-178). К середине IX в. сrostкинское население занимало всю территорию Предалтайской равнины. Вторая этническая группа - кыргызы, которые появляются на Алтае после разгрома в 840 г. Уйгурского каганата (Кляшторный, Савинов, 1994, с. 34) и последующей военной экспансии в Центральной Азии (Савинов, 1994; Худяков, 1990, 1993; и др.). Курганы с трупосожжениями в небольшом количестве, но равномерно рассеяны по всему Горному Алтаю: Узунтал-XIII (Савинов, 1979), Кара-Коба-I (Могильников, 1990а), Яконур (Грязнов, 1940; Худяков, 1990), Бийке (Тишкин, Тишкина, 1996), Кок-Эдиган (Худяков, 2000, 2001), Коргон-I (Дашковский, 2001); и др.). Отдельные их группы есть на территории Предалтайской равнины, например Гилево-III, XV (Могильников, 2001а, 2002б) и Верхнего Прииртышья (Зевакино) (Арсланова, 1972).

Северо-западные предгорья Алтая в середине IX в. и позже были ареной активных межэтнических и культурных контактов. Их характер можно наметить, исходя из планиграфии раскопанных средневековых объектов могильника Чинета-II. Расположение кыргызских курганов в центральной части памятника рядом с почти синхронными им сrostкинскими говорит о мирном сосуществовании обеих групп населения. Сохранение определенной обособленности цепочек курганов разных культур свидетельствует об отсутствии в данный период каких-либо ассимиляционных процессов. Сходная ситуация наблюдается при рассмотрении курганных групп Гилево-I-IV, где на одном поле соседствуют «одновременные» (вторая половина IX в.) погребения сrostкинской и кыргызской культур (Могильников, 2002б, рис. 1). Аналогичные процессы протекали и в разных районах Горного Алтая, где в период кыргызского господства проживали тюрки. Об этом свидетельствует расположение погребений обеих этнических групп в пределах одного могильника (Могильников, 1989, с. 139; Дашковский, 2001, с. 21). Эти факты

еще раз подтверждают достаточно стабильные отношения с местным населением, поскольку в противном случае по религиозным и идеологическим причинам кыргызы вряд ли стали бы хоронить своих умерших на общих некрополях.

По-другому следует воспринимать курган № 1 в северной части памятника Чинета-II, где имело место разрушение сросткинского кенотафа более поздним кыргызским захоронением. Это могло быть обусловлено как враждебными отношениями, так и утратой информации о принадлежности объекта. Впускной характер погребения может свидетельствовать о непостоянном или случайном пребывании кыргызов в XI в. на рассматриваемой территории.

Материалы археологического комплекса Чинета-II расширяют наши знания о расселении сросткинских племен, которые во второй половине IX в. освоили не только предгорья, но и ближайшие горные долины.

С.П. ГРУШИН

Россия, Барнаул

Алтайский государственный университет

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА РУДНОГО АЛТАЯ*

Особенность Рудного Алтая заключается в наличии здесь богатых месторождений полиметаллических руд, что сыграло большую роль в этнокультурном развитии региона не только в древности и Средневековье, но и в период освоения территории Южной Сибири русским населением. Присутствие месторождений касситерита (олово) и медной руды, необходимых компонентов для производства высококачественной оловянистой бронзы, способствовало формированию Алтайского очага металлургии бронзового века.

Развитие данной производственной системы приходится на эпоху ранней бронзы. Этот период в древней истории Рудного Алтая до настоящего времени практически не изучался, хотя именно в эпоху ранней бронзы происходят значительные этнокультурные изменения, а также масштабное производственное освоение горнорудных месторождений на медь и олово. Единственной находкой, отнесенной к эпохе ранней бронзы, является каменная скульптура, случайно обнаруженная в 1987 г. у дер. Савушка. На верхней обломанной части каменного жезла изображена голова человека с хорошо оформленным лицом и круглым головным убором (Кирюшин, 2002, с. 57, рис. 131: 1).

Привлечение синхронных материалов из Верхнего Приобья позволяет пересмотреть датировку и культурную принадлежность некоторых археологических комплексов, которые исследователи из-за отсутствия сравнительного материала относили к неолиту - энеолиту. Наиболее изученным памятником, связанным со становлением горнорудного дела и металлургии в регионе, является поселение Колыванское-I. Памятник расположен на северо-восточном берегу оз. Колыванского, в 0,2 км к северо-западу от старой деревни. Поселение открыто в 1982 г. Ю.П. Алехиным, исследовалось им в 1984-1985 гг., а в 1987-1988 гг. - совместно с Д.А. Деминим. На поселении вскрыто около 1200 кв. м. Материал представлен находками эпохи поздней бронзы, раннего железного века. Основную часть площади памятника занимает культурный слой древних металлургов, который был отнесен Ю.П. Алехиным к эпохе энеолита (вторая половина III - начало II тыс. до н. э.). На поселении найдены развалы и фрагменты керамических сосудов, каменный, костяной, бронзовый инвентарь и оружие, кости домашних (крупного и мелкого

---

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МК-1138.2004.6.

рогатого скота, лошади, собаки) и диких животных. О горно-металлургическом производстве на памятнике свидетельствуют каменные рудодробильные песты, обломки каменных и керамических литейных формочек, керамических тиглей, медные и бронзовые всплески, шлаки, куски медной руды (Алехин, Кирюшин, 1996). По мнению автора раскопок Ю.П. Алехина, основной комплекс относится к выделенной им «колыванской» археологической культуре эпохи энеолита (1999, с. 27).

В 1993 г. Саяно-Алтайской экспедицией Государственного Эрмитажа было открыто поселение Слюдянка, расположенное в 2,3 км к северу от поселения Колыванское-I. Материал, представленный керамикой, украшенной отступающей палочкой, каменными и костяными орудиями, был отнесен Л.С. Марсадаловым к неолиту (1998, с. 58, рис. 2: 5).

Поселения Колыванское-I и Слюдянка объединяет керамика, украшенная отступающей палочкой, которая находит аналогии в елунинских материалах Верхнего Приобья. Особую категорию костяных наконечников стрел составляют многогранные черешковые изделия с сужением в нижней части пера при переходе к черешку, с плечом-упором для древка, известные на поселении Колыванское-I (Грушин, 2001).

Представительная коллекция костяных наконечников данного типа, а также керамики, украшенной отступающей палочкой, была получена при раскопках хорошо стратифицированных памятников эпохи ранней бронзы: поселения Березовая Лука (Кирюшин, Тишкин, Грушин, 1999; 2001; Тишкин, 2002; и др.) и грунтового могильника Телеутский Взвоз-I (Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003). Аналогии позволили говорить об отнесении поселений Колыванское-I и Слюдянка к эпохе ранней бронзы и об их принадлежности к елунинской археологической культуре (Грушин, 2001).

На территории Верхнего Прииртышья (Восточный Казахстан) к периоду доандроновской бронзы относятся, по нашему мнению, курганы № 3, 6 могильника Ак-Чий-I, в которых обнаружены каменные шары, пест и зернотерка, костяной наконечник стрелы, бронзовый кельц, несколько фрагментов керамики, украшенных оттисками гребенки. Погребальный обряд, зафиксированный в объектах, характеризуется наличием земляной насыпи, деревянной внутримогильной конструкции, костей животных, использованием огня, позой погребенного, лежащего в скорченном положении на левом боку, головой на восток. Ю.П. Алехин относит данные курганы к энеолиту, датируя их второй половиной III тыс. - началом II тыс. до н. э. (Алехин, 1999, с. 27; Алехин, Демин, Илюшин, 1992, с. 135).

Есть основания для пересмотра датировки погребений кургана № 7 могильника Измайловка, отнесенных А.Г. Максимовым и А.С. Ермолаевой к эпохе поздней бронзы (1987, с. 62). О принадлежности данных материалов к эпохе ранней бронзы свидетельствуют костяные черешковые наконечники стрел, рассмотренных выше, и каменные черешковые наконечники стрел, которые находят аналогии в материалах елунинской культуры.

Таким образом, ряд памятников на территории Рудного Алтая следует отнести к эпохе ранней бронзы, к периоду между афанасьевской эпохой и андроновскими комплексами. По некоторым параметрам обозначенные выше памятники входят в одну хронологическую группу. Наиболее близкими являются елунинские комплексы Верхнего Приобья. Курганы Измайловка и Ак-Чий-I объединяют с елунинскими могильниками северо-восточная ориентация, поза погребенного на левом боку или на спине с согнутыми ногами, повернутыми влево, использование огня, внутримогильные деревянные конструкции, использование животных в погребальных обрядах, сопроводительный инвентарь (керамика, костяные и каменные наконечники стрел, каменные песты и шары и др.). Наличие каменных и земляных насыпей отличает могильники от Елунинских памятников Верхнего Приобья, представленных грунтовыми захоронениями (Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003).

К северу от Рудного Алтая в Павлодарском Прииртышье в последнее время открыты более десятка памятников, относимых к елунинско-кротовским древностям. Один из них - курган

Шидерты-Х. Погребальный обряд характеризуется наличием каменно-земляной насыпи с подчетыреугольной оградой и поминальником под ней, присутствием следов огня, костей животных, позой погребенного на спине или на правом боку с согнутыми в коленях ногами. Сопроводительный инвентарь представлен керамическим сосудом, украшенным «шагающей гребенкой» и волнистым валиком, обломком бронзового ножа, перламутром от украшений из моллюсков, каменными сколами и отщепами, кусочками руды, обломком каменного наконечника стрелы и др. (Мерц, 2003, с. 141). Керамические материалы, близкие к елунинско-кротовским, известны и на других археологических памятниках Восточного Казахстана (Мерц, 2003, с. 133; Мерц, Франк, 1996, с. 71-76; Мерц, Куропятникова, 1998).

Археологические материалы позволяют говорить о том, что население Рудного Алтая в эпоху ранней бронзы в культурном отношении было близко носителям елунинской культуры Верхнего Приобья и Среднего Прииртышья, что определялось тесными производственными связями. Медная и оловянистая руда, а также готовый металл доставлялся в различные регионы Сибири (Ростовка) и за ее пределы (Сейма, Турбино), что дает основание для размещения центра формирования сейминско-турбинской бронзолитейной традиции в районе Рудного Алтая (Черных, Кузьминых, 1989). Естественными маршрутами, по которым осуществлялась транспортировка сырья и металла, служили реки, в частности Иртыш и Алей, последний связывал Рудный Алтай, включая Верховья Иртыша с Приобьем. Такие маршруты могли осуществляться и по кромкам ленточных боров (Грушин, 1998), которые протянулись с юго-запада на северо-восток до р. Обь. Данные наблюдения подтверждают результаты спектрального анализа металла с поселения Березовая Лука, расположенного на берегу Алея: определено не только рудноалтайское происхождение, но даже конкретные месторождения металла (Тишкин, 2002, с. 185; Кирюшин, Тишкин, 2003, с. 88).

Производственная система, ядром которой выступали богатые полиметаллические месторождения Алтая, охватывала и северо-западный Китай (Синьцзян). Исследованные здесь памятники бронзового века уже сопоставлялись с материалами бронзового века Южной Сибири (Молодин, Алкин, 1997, Варенов, 1998). Среди находок могильника Кээрмуци (г. Урумчи Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР) имеются две створки каменной литейной формы для кельта-лопатки с боковой петелькой на втулке (Варенов, 1998, рис. 1: 7, 8). Подобные бронзовые кельты-лопатки известны в могильниках Акчий-1 (Верховья Иртыша) и Ростовка (Среднем Прииртышье). Предметы такого типа П.М. Кожин напрямую связывает с сейминской традицией (1993, с. 19-22).

Важным научным направлением в изучении бронзового века региона в ближайшее время должно стать определение значения Алтайского металлургического очага в системе евразийской металлургической провинции.

Е.М. ДАНЧЕНКО

Россия, Омск

Омский государственный педагогический университет

К ИЗУЧЕНИЮ КАРЫМСКИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

Со времени выхода работ В.Н. Чернецова (1953; 1957), в которых была предпринята первая попытка систематизации археологических материалов Обь-Иртышья, прошло около полувека. На протяжении этого периода публикации ученого без преувеличения служили отправной точкой для нескольких поколений исследователей древностей Западной Сибири. Широкий научный кругозор и интуиция позволили В.Н. Чернецову верно уловить основные направления

культурного развития региона, в результате чего предложенная им концепция и в наши дни не только представляет историографический интерес, но в значительной мере сохраняет свое научное значение.

Разрабатывая периодизацию древностей Нижнего Приобья I тыс. н. э., В.Н. Чернецов отмечал в качестве важной особенности этого периода преемственность и малую изменчивость форм материальной культуры, что крайне затрудняло типологический анализ. Ученый полагал, что подобная ситуация отражает развитие одной археологической культуры на протяжении ряда этапов: ярсалинского (II-III вв. н. э.), карымского (IV-V вв. н. э.), оронтурского (VI-IX вв. н. э.), кинтусовского (X-XIII вв. н. э.) (1957, с. 136-138). Вполне естественно, что по мере накопления новых данных возникала необходимость корректировки этой схемы.

Основываясь на результатах многолетних исследований в Сургутском Приобье, екатеринбургские археологи предложили обновленный вариант периодизации древностей Обь-Иртышья, пересмотрев перечень, хронологию и последовательность ее этапов. Подобно В.Н. Чернецову они рассматривали исследуемые археологические памятники в рамках одной культурной общности, развивавшейся по единым закономерностям, предлагая вообще отказаться от выделения археологических культур, дабы не разрывать культурное единство, существовавшее в таежной зоне Западной Сибири с эпохи раннего железа (Федорова, Зыков и др., 1991, с. 129; Зыков, Федорова, 2001, с. 22).

Следует заметить, что такая преемственность в культурном развитии фиксируется отнюдь не повсеместно, свидетельством чего может служить ситуация в Среднем Прииртышье, где до сих пор сохраняется лакуна между памятниками раннего железного века и Средневековья. В этой связи изучение древностей карымского этапа, которые могут, по крайней мере частично, заполнить существующий пробел в археологической периодизации данной территории, приобретает особое значение. Однако, очерчивая ареал распространения карымских памятников, уральские археологи не включили в него Омское Прииртышье, которое, по их мнению, не было занято таежным населением (Зыков, Федорова, 2001, с. 22). Этот вывод был сделан, несмотря на высказанное ранее предположение об участии карымского компонента в генезисе потчевашской культуры (Могильников, 1990б, с. 17) и публикацию некоторых материалов (Скандаков, Данченко, 1999; Данченко, Колесникова, 2000). Справедливости ради следует признать, что памятники карымского этапа на Среднем Иртыше до недавнего времени не становились объектом целенаправленного изучения. Представленные на этой территории комплексы эпохи раннего Средневековья, иногда достаточно разнородные по облику, не дифференцировались, а словно по инерции относились исследователями к потчевашской культуре или, более обобщенно, к «потчевашскому времени». Этому способствовало утвердившееся мнение о сложном характере и многокомпонентности генезиса потчевашцев. Поскольку удельный вес и роль возможных компонентов этого процесса остаются практически неисследованными, изучение древностей карымского этапа вызывает закономерный интерес.

В настоящее время необходимо признать, что чистые карымские комплексы представлены в Среднем Прииртышье, и было бы ошибкой исключать эту территорию из ареала памятников карымского этапа. Речь в данном случае идет именно о карымских комплексах, а не о потчевашских, унаследовавших карымские черты в процессе своего формирования. Наиболее яркие материалы были получены И.Е. Скандиковым в ходе раскопок могильника Усть-Тара-VII в Тарском Прииртышье (Скандаков, Данченко, 1999). В восьми погребениях под невысокими насыпями были исследованы останки людей с признаками кольцевой деформации черепов, встречены карымские сосуды совместно с бронзовыми украшениями и деталями поясной гарнитуры, позволяющими датировать памятник IV-VI вв. н. э. Особый интерес для изучения контактов и генезиса населения эпохи раннего Средневековья представляет присутствие в материалах могильника керамики, форма и орнаментальная схема которой находят аналогии в кушнаренковской культуре, в то время как сами узоры выполнены типично карымскими ромбическими штампами (Скандаков, Данченко, 1999, рис. 17).

Другой выразительный комплекс карымской посуды получен при раскопках Красноярского городища, расположенного на правом берегу Иртыша в 4,5 км северо-восточнее устья р. Ишима (Данченко, Колесникова, 2000, рис. 8). Керамика изготовлена из глины с примесью шамота и песка. По форме преобладают круглодонные горшки разнообразных пропорций с прямыми или слегка дуговидными шейками, которые могли быть вертикальными, отогнутыми или наклоненными внутрь. Помимо этого, встречены немногочисленные сосуды закрытой формы, а также орнаментированный ромбическим штампом миниатюрный кувшинчик, форма которого вызывает саргатские ассоциации. Венчики имеют профиль желобка и карнизика с внутренней стороны. Орнамент в виде рядов ямок и зон, заполненных отпечатками гребенки и ромбического штампа, обычно покрывает шейку и тулово сосудов, хотя встречаются и днища, украшенные гребенчатым узором. С карымской керамикой памятника связана постройка со слегка углубленным в материк подпрямоугольным котлованом, очагом в центре и коридорообразным выходом.

Красноярское городище остается пока единственным памятником Омского Прииртышья, давшим достаточно представительный комплекс бакальской керамики (Данченко, Колесникова, 2000, рис. 9). При этом края венчиков у значительной части сосудов этой группы имеют желобчатый профиль и карнизика, аналогичные карымским, а на некоторых фрагментах характерная для бакальской керамики резная орнаментация сочетается с оттисками фигурных штампов. Возможно, такое сходство является следствием хронологической близости или одновременности карымской и бакальской посуды, в пользу чего ранее уже высказывались екатеринбургские археологи (Федорова, Зыков, 2001, с. 20). Если это предположение подтвердится в дальнейшем, объяснить наличие саргатских черт в орнаментации бакальской керамики будет значительно проще.

Соображения уральских коллег о необходимости корректировки верхних хронологических границ существования саргатских и саровских памятников (Федорова, Зыков, 2001, с. 19, 20) заслуживают не меньшего внимания, поскольку позволяют избежать целого ряда очевидных противоречий. Одним из них является частичное совпадение датировок саровских памятников - вплоть до V-VI вв. н. э. (Елагин, Молодин, 1991, с. 103) - и сформировавшихся на их основе карымских комплексов - IV-VI вв. н. э. (Федорова, Зыкови др., 1991, с. 131). Другое противоречие касается отсутствия каких-либо свидетельств о контактах кулайцев и саргатцев в материалах городищ типа Сперановки и Большого Лога, хотя в более ранний период подобные контакты прослеживались неоднократно (Могильников, 1986). В этой связи удревание верхнего предела существования саргатского и саровского населения в Омском Прииртышье выглядит более логичным. Следует, однако, признать, что соображения логики далеко не всегда помогают понять сложный и мозаичный характер культурного развития, которое в различных районах Обь-Иртышья могло иметь свои особенности, не укладывающиеся в создаваемые схемы. Так, если, по мнению екатеринбургских археологов, на территории Сургутского Приобья карымский этап является прямым продолжением саровского, то в Нарымском Приобье на смену позднекулайским комплексам приходят релкинские, которые, несмотря на определенное сходство с карымскими, не тождественны им.

Ситуация в Барабе и Среднем Прииртышье выглядит не менее сложной. Представленные здесь позднекулайские керамические комплексы обнаруживают большую степень сходства, подтверждаемого статистикой, и могут быть объединены в одну группу, формирование которой стало результатом миграции саровцев из Среднего Приобья. Вместе с тем позднекулайские памятники не образовывали в Среднем Прииртышье сплошного ареала, в основном занимая территорию, примыкающую к долинам рек Оми и Тары. Появление саровцев в Тобольском Прииртышье, по всей видимости, явилось следствием их миграции из районов Сургутского Приобья или Нижнего Прииртышья. Что касается достаточно протяженного отрезка Иртыша между устьями Тары и Вагая, то здесь позднекулайские материалы представлены слабо (Могильников, Данченко, Горькавая, 1999, с. 126).

Вопрос о судьбе саровского населения Среднего Прииртышья и Барабы традиционно рассматривался в аспекте генезиса потчевашской культуры. Отнесение позднекулайских комплексов к ее раннему, сперановскому этапу не раз подвергалось критике (Данченко, 1992; Зыков, Федорова, 2001, с. 21). Прежде всего, при таком подходе не ясно, в чем отличие сперановских памятников от саровских, поскольку статистический анализ керамики показал достаточно высокие коэффициенты сходства между ними (Могильников, Данченко, Горькавая, 1999, с. 124). Тезис о плавной трансформации сперановской (саровской) керамики в горносталевскую слабо подкрепляется материалами. Более того, по мнению уральских археологов, такой ход развития был вообще невозможен, поскольку между выделяемыми этапами потчевашской культуры существовал хронологический разрыв в три столетия (Федорова, Зыков, 2001, с. 21). Открытие в Среднем Прииртышье карымских памятников и прослеженные в материалах одного из них кушнаренковские черты показывают, что накануне эпохи раннего средневековья этнокультурная ситуация в регионе была более сложной.

Появление карымских комплексов на Среднем Иртыше не было результатом их формирования на местной позднекулайской основе, а, скорее всего, стало следствием продвижения северных групп, как это имело место в более западных районах, не входивших в саровский ареал, где прослежено взаимодействие мигрантов с позднесаргатским населением (Корякова, Морозов, Суханова, 1988).

В.Н. ДОБЖАНСКИЙ

Россия, Кемерово

Кемеровский государственный университет

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ КУНГОПСКОГО ОСТРОГА

Продвижение русских промышленников и казаков из бассейна Средней Оби на Енисей на рубеже XVI-XVII вв. способствовало их знакомству с р. Кеть и ее населением. За короткое время сургутскими казаками было построено здесь три острога - Нарымский, Кетский и Кунгопский. Последний был самым дальним и просуществовал очень недолго. Представления об этом остроге базируются на работе Г.Ф. Миллера, со времен которой в историографии утвердилось мнение, что Кунгопский острог XVII в. вскоре после своего основания был переименован в Кетский (Миллер, 2000, с. 45). Однако недавно А.Т. Шашковым было высказано обоснованное предположение, что это самостоятельные остроги, построенные в разное время и в разных местах: Кунгопский в 1601 г. на Верхней Кети и Кетский в 1602 г. на Средней Кети (2003, с. 34). Автор предлагает более точную локализацию Кунгопского острога в районе впадения р. Кельмы в р. Кеть (Добжанский, 2005).

В истории Кунгопского острога остается, однако, один вопрос, не получивший до сих пор своего объяснения: откуда произошло название «Кунгопский»? Миллер предположил, что, «подобно Мангазее, этот острог был вначале назван по остяцкой ясачной волости, в которой он был построен, но что вскоре предпочтение получило название, заимствованное от реки Кети» (2000, с. 45). Гипотеза скоро стала аксиомой, которую не было нужды доказывать. Позднее Б.О. Долгих отождествил Кунгопскую волость с Пумпокольской волостью XVIII-XIX вв. (1960, с. 188-189), наметив тем самым район локализации острога в верховье р. Кеть. В документах первой половины XVII в. она часто писалась как Панпукольская Урнукова (Миллер, 2000, прил. 133, 158, 175, 195; с. 285, 303, 319, 340).

А.Т. Шашков убедительно доказал, что Кунгопский острог был построен летом 1601 г. (2003, с. 34). Весной 1597 г. по царскому наказу был осуществлен поход сургутских, тобольских и

березовских казаков, а также кодских остяков на Пегую орду, в ходе которого в непосредственной близости от городка главы орды князя Вони был построен Нарымский острог (Вершинин, Шашков, 2002, с. 135-140; Вершинин, 2002, с. 313-314). «Книга Большому чертежу» называет городок князя Вони Верхним («Вышним») Нарымом, отличая его от Нижнего Нарыма, рядом с которым в р. Обь впадала р. Нарым (КБЧ, 1950, с. 169, 181). Анализ этих сведений русских документов позволяет говорить о том, что городки Верхний и Нижний Нарым стояли на рукавах р. Кеть, известных ныне как Верхнее, Среднее и Нижнее Кетские устья. При этом следует отметить, что «Книга», описывая «Большой чертеж» Московского государства, созданный в 1600-1601 гг., не знает р. Кеть. По всей видимости, первоначально сургутским казакам был известен лишь нижний рукав реки, названный ими по одному из устьев рекой Нарым (Добжанский, 2004, с. 146-147). Можно было бы предположить, что вскоре после постройки Нарымского острога, выйдя на основное русло реки, русские перенесли на него и название нижнего рукава реки. Однако этого не произошло. Ни в одном из известных нам документов, в том числе и первых лет существования Сургута, названия Нарым не встречается. Впервые Кетское устье упоминается в документе 1611 г., из чего можно заключить, что река уже носила название Кеть (Миллер, 1999, с. 428). В этой связи заметим, что А.П. Дульзон связывал имя реки с кетами, «которые еще в 18 в. проживали в ее верховье» (1974, с. 108).

Весной 1601 г. 50 сургутских казаков были посланы «на Енисею острог ставить» (Вершинин, Шашков, 2002, с. 146). Тогда-то и был поставлен Кунгопский острог. Предположение А.Т. Шашкова, что под Енисеем «тогда понималось прежде всего верхнее течение Кети», вряд ли может быть принято (2003, с. 34). Скорее за этим понятием скрывалась определенная территория, примыкающая к Енисею и граничившая с верховьем Кети.

Обычно названия ясачных волостей давались по названиям рек. Можно предположить, что и свое название Кунгопская волость получила от реки. Для такого предположения у нас есть определенные данные.

Как уже говорилось, Б.О. Долгих убедительно отождествил Кунгопскую волость с Пумпокольской волостью XVIII-XIX вв. Вскоре Кунгопская волость стала именоваться Пумпокольской, впервые это название встречается в документе 1610 г. (Миллер, 2000, с. 285). Пумпокольцы были кетоязычны (Дульзон, 1959, с. 101-102; Долгих, 1960, с. 188; Топоров, 1990, с. 150). Свою реку, т. е. верховье Кети, они называли Тым. Переселившись в XVII в. севернее на нынешнюю р. Тым, кеты-пумпокольцы принесли с собой и старое название своей бывшей реки (Долгих, 1970, с. 196, 210). Кроме того, часть пумпокольцев осела на р. Сым: «Род сымских кетов, выходцев с Кети, назывался Тымдыгет, т. е. дословно «гусиный человек»» (Там же, 1970, с. 210, прим. 157).

«В XVII-XVIII вв. р. Тым, правый приток Оби, носила название Кенг» (Розен, Малолетко, 1986, с. 128). Это название относится к «фратрии кетов Кенгтаденг», которое можно перевести как «тымский народ» (Долгих, 1970, с. 196). Слово *тым* Долгих переводит как *гуси*, которые являлись тотемом кетов, проживавших в XVII в. в верховье Кети и переселившихся затем на реки Тым и Сым (Долгих, 1970, с. 210; см. также: Алексеенко, 1967, с. 34).

Относительно слов *кенг*, *канг* и сходных с ними, которые используются в качестве гидронимов, исследователи единодушны. Основная функция топоформанта *-кан* «возникла, очевидно, потому, что этот формант восходит к слову, имеющему значение *река*» (Мурзаев, 1984, с. 252). С глубокой древности реки были основными путями сообщения. В условиях лесоболотной зоны Западной Сибири реки играли исключительно важную роль в жизни человека. В собственных названиях рек Кенга, Кан(г), Канга можно видеть «нарицательное имя «река», трансформированное из понятия «путь», «дорога» (Розен, Малолетко, 1986, с. 129; см. также: Алексеенко, 1872, с. 180).

Реки Кенга и Канга (приток р. Чузик), по-видимому, являются реликтами кетоязычных племен, некогда обитавших здесь (Розен, Малолетко, 1986, с. 129; см. также: Дульзон, 1959, с. 101-108 и карта). В этой связи обратимся к работе С.У. Ремезова. На «Чертеже земли Нарымского города»

название нынешней р. Кёнга написано немного иначе - *Кунгу* (Ремезов, 1882, л. 10). Из данного факта следует, во-первых, что название реки в форме *Кунгу* было общепринятым среди русскоязычного населения по крайней мере Среднего Приобья на протяжении всего XVII и начала XVIII в. Во-вторых, несомненная связь названий реки Кёнга-Канга-Кунгу с кетами дает основание сделать определенные выводы и о названии Кунгопского острога. Оно происходит от слова *кунгу*, которое использовалось кетами для обозначения рек как основных путей сообщения, а также осваиваемой ими промысловой территории.

И.В. КАЛИНИНА

*Россия, Санкт-Петербург
Государственный Эрмитаж*

НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ОРНАМЕНТАЦИИ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ И НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ УРАЛА

При изучении наскальных изображений Урала внимание В.Н. Чернецова привлекли гравированные орнаменты на костяных наконечниках стрел из Шигирского торфяника. На основании аналогий между орнаментами - рисунками писаниц В.Н. Чернецов счел возможным отнести возникновение наскальных изображений к более древнему периоду. Предполагаемый им мезолитический возраст упомянутых наконечников стрел из Шигирского торфяника в настоящее время сомнений не вызывает. В некоторых композициях писаниц и гравированных орнаментов на наконечниках В.Н. Чернецов предполагал изображения охотничьих загородей и ловчих ям.

В Государственном Эрмитаже хранятся наконечники стрел, подобные шигирским, из культовой пещеры Камень Дыроватый на р. Чусовой (материалы из раскопок Н.А. Прокошева 1933, 1937 гг.), которые не были опубликованы и остались неизвестными В.Н. Чернецову. При изучении наконечников стрел выяснилось, что композициями, рассмотренными В.Н. Чернецовым, не исчерпывается сходство орнаментов наконечников с рисунками на скалах. Отметим следующие моменты.

1. Наряду с изображениями на скалах «попадаются места, - писал В.Н. Чернецов, - где поверхность скалы до 1 кв. м и более сплошь закрашена красной краской, что имело, надо думать, свое особое значение» (1964, с. 18). На наконечниках стрел в гравированный орнамент втиралась темно-красная и более светлых оттенков охра, но на наконечниках имеются и пятна охры. Наконечники шлифовались, нередко полировались, для создания охристых «пятен» участки поверхности дополнительно процарапывались резцом. На одном наконечнике «пятно» оконтурено тонкой линией (рис. 1: 1). Среди уральских писаниц присутствуют скопления «точек», коротких «штрихов». Мелкие пятна охры, «точки», «черточки» есть и на наконечниках стрел (рис. 1: 6). У многих наконечников под лезвием имеется разное количество «насечек», «зарубок», включенных мною в группу «укрепляющих орнаментов» (рис. 1: 4). По мнению В.Н. Чернецова, на скалах вертикальными или косыми черточками, в двух случаях - высеченными линиями, по-видимому, «отмечали периодичность (семилетнюю), с которой совершались здесь обряды» (1964б, с. 31).

2. Из отдельных мотивов В.Н. Чернецов особо выделил «зигзаг с отростками», который встречается и на наконечниках стрел (рис. 1: 5).

3. На уральских писаницах имеются гребневидные фигуры (Чернецов, 1971, с. 97), возможно, такая фигура представлена на наконечнике (рис. 1: 3).

4. С наскальными рисунками сопоставимы антропоморфные изображения на одном из наконечников.

5. По мнению В.Н. Чернецова, «в адекватности некоторых фигур наскальных изображений с мансийскими тамгами сомневаться не приходится» (1964б, с. 22). Среди орнаментов наконечников стрел также выделены тамгообразные знаки-метки (рис. 1: 2).

6. На наконечниках стрел естественные углубления костей включались в орнаментальные композиции, что находит соответствие в использовании естественных рельефов в рисунках на скалах (Широков и др., 2000, с. 21).

Знаки-метки («орнаментальные мотивы», «пятна»), граффити присутствуют на наконечниках стрел наряду с орнаментами, рисунками (композициями); фиксируются разные варианты их сочетаемости. «Сюжет», «композиции» могут быть на одной стороне наконечника, а орнамент - на другой, или «тамга» - на одной стороне наконечника, «сюжет» - на другой. В.Н. Чернецов полагал, что «наскальные изображения значительно ближе к письменности, чем орнамент» (1964б, с. 5). В орнаментации мезолитических наконечников стрел еще, по-видимому, совмещены функции рисунка, письма и орнамента.

В.Н. Чернецов сравнивал рисунки на скалах с различными изображениями в искусстве обских угров. Он пришел к выводу, что «одно явление выступает теперь с совершенной отчетливостью - это необыкновенная устойчивость хотя бы отдельных изобразительных форм, остающихся неизменными на протяжении ряда тысячелетий» (1971, с. 110). Орнаменты на костяных наконечниках стрел свидетельствуют о зарождении знаковой системы в эпоху мезолита, сохраненной традицией изобразительного искусства обских угров. В гравировках наконечников стрел на основании их анализа в контексте связей с семантикой орнаментального искусства хантов и манси видятся некоторые истоки образных понятий обских угров.

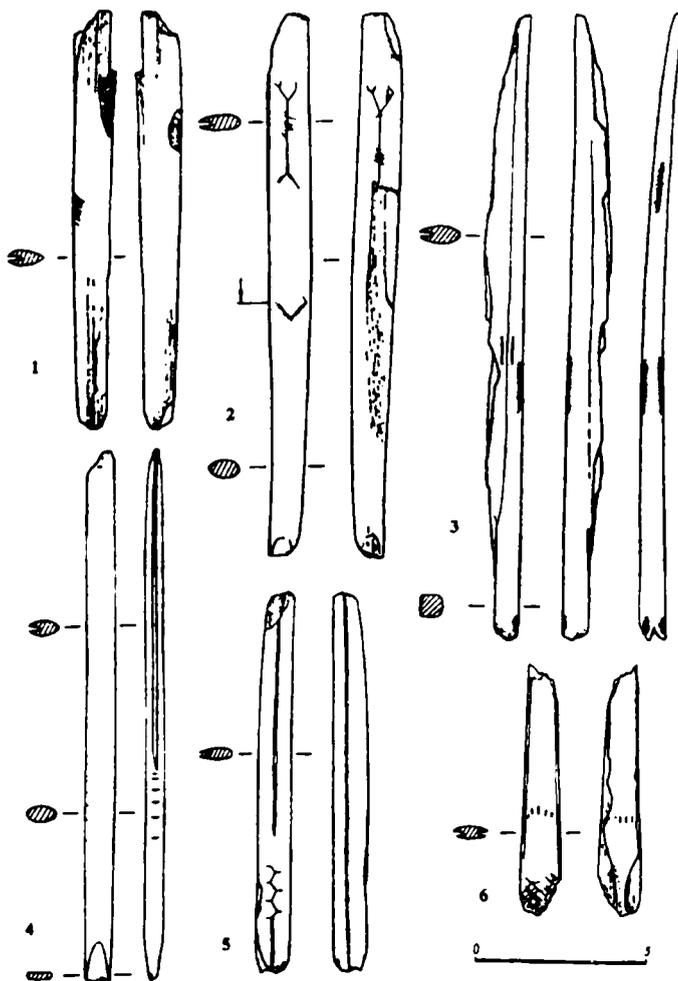

Рис. 1. Орнаменты на мезолитических наконечниках стрел из пещеры Камень Дыроватый (собрание ГЭ)

В.А. КИСЕЛЬ

Россия, Санкт-Петербург

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ОДНУ ЭТНОГРАФИЧЕСКУЮ КОЛЛЕКЦИЮ

В 1937 г. В.Н. Чернецов передал в дар Музею антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) из Окружного красневедческого музея г. Остяко-Вогульска (ныне г. Ханты-Мансийск) коллекцию предметов, собранных у хантов и манси (МАЭ № 5531). Особое внимание в коллекции привлекают две категории вещей - металлические диски и антропоморфные фигурки. К сожалению, приложенная документация малоинформативна, но позволяет заключить, что вещи использовались коренным населением в ритуальных целях. Диски являются блюдцем и фрагментами зеркал (МАЭ № 5531-9, 10, 11, 12, 18/4=4). Блюдце было расплющено. От одного зеркала осталась только центральная часть, которую аккуратно вырезали, а края загладили (МАЭ № 5531-10). Диски имеют полированную поверхность желтоватого цвета, большинство украшено выгравированными концентрическими окружностями и циркульными 6-лепестковыми розетками. В четырех предметах были просверлены и прорезаны отверстия, что позволяло использовать их как нашивные бляхи. В основном подобные зеркала известны по раскопкам савромато-сарматских памятников IV в. до н. э. - I в. н. э. (Мошкова, 1963, с. 41-42; Хазанов, 1963, с. 58-62; Смирнов, 1984, с. 91, 107; Золотые олени Евразии, 2003, с. 27¹). Как показал рентгенофлюоресцентный анализ, проведенный в лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа, все предметы были изготовлены из бронзы с большим содержанием олова (25-28%) и практически полным отсутствием других примесей (менее 1%)². Подобная высокооловянистая бронза обычно использовалась для зеркал и чаш на территории Северной Индии, Пакистана, Афганистана и южных областей Средней Азии (Заднепровский, 1993, с. 90-92; Васильков, 2003, с. 30-32; Бубнова, Шемаханская, 2003, с. 40-42; Равич, 2004, с. 64).

Фрагмент зеркала, представленный центральной частью, с двух сторон декорирован процарапанными изображениями³. На одной стороне, поверх циркульной розетки, нанесены перекрывающие друг друга фигуры хищной птицы с распахнутыми крыльями и фантастического существа, свернувшегося в кольцо (рис. 1: а). На другой стороне, покрытой многочисленными царапинами, просматриваются несколько продолговатых ихтио/зооморфных фигур (рис. 1: б)⁴. Все рисунки выполнены в пермском зверином стиле. Некоторые черты хищной птицы имеют параллели в изображениях на бронзовых литых бляхах VI-VIII вв. из д. Скородум Ильинского района на и пос. Курган Чердынского района Пермской области (Оборин, Чагин, 1988, с. 18, 136). Аналогично указанным изображениям крылья птицы на зеркале разделены на отдельные перья, верхний абрис крыльев подчеркнут дополнительной линией, перья хвоста орнаментированы косыми штрихами, на шее и лапе подчеркнуты складки. Фантастическое существо, свернувшееся в кольцо, вероятно, является развитием образа скифской пантеры. В данном случае хищник копирует пермских «ящеров», подобных представленным на бронзовой пластине V-VIII вв. из пос. Кушеват Шурышкарского района ЯНАО (Сокровища Приобья, 1996, кат. № 7). Аналогично трактованы плавно изогнутое узкое тело, две пары коротких конечностей, приоткрытая пасть, круглый глаз, выступающий над головой, складки на шее.

¹ Автор выражает признательность А.Ю. Алексееву за указание на южноуральскую аналогидо из 3-го Филипповского кургана, погребения I.

² Автор благодарит С.В. Хаврина за проведение анализа.

³ Этот предмет был опубликован В.Н. Чернецовым (Чернецов, 1953, табл. XIII 4).

⁴ Прорисовка автора.

Какие образы представлены на другой стороне диска, сказать трудно. Очень осторожно их можно сопоставить с рыбами и бобрами на бронзовом наконечнике копья V-IV вв. до н. э. (Чернецов, 1953а, рис. 1; Чиндина, 1984, рис. 14: 1), зеркалах и бляхах III-II вв. до н. э. из Приобья (Чернецов, 1953, табл. XIII: 1, 2, 3, XIV: 4, XIX, XX: 6), пластине I в. до н. э. из Усть-Полуя (г. Салехард) (Усть-Полуй, 2003, кат. № 22), с гравировками VII-VIII, IX-X вв. на серебряных блюдах из с. Слудка Чернушинского района, д. Больше-Аниковская, д. Керчевая Чердынского района Пермской области (Лещенко, 1976, с. 179-180, рис. 20а, 21б, 25, 28, 35) и XI-XIII вв. на ковше с оз. Шурышкарский Сор Шурышкарского района ЯНАО (Сокровища Приобья, 1996, кат. № 34).

Обычай выцарапывать изображения на бронзовых бляхах и фрагментах зеркал был широко распространен в Западной Сибири. Зародившись незадолго до начала новой эры, он просуществовал длительное время (Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980, с. 29-30; Чернецов, 1953, табл. XIII, XIV, XX; Усть-Полуй, 2003, кат. № 21, 22, 24; Чемякин, 2000, с. 157; Федорова, 2003, с. 5). По всей видимости, сарматские зеркала и блюда, хранящиеся в МАЭ РАН, попали в Приобье путем торгового обмена (Косарев, 1969, с. 51) или вместе с мигрантами-степняками (Таиров, 2004, с. 54; Бобров, 2004, с. 311-312) и были использованы аборигенным населением в качестве традиционных нашивных блях, одну из которых украсили сакральными анималистическими образами. Рисунки можно предварительно датировать V-VIII вв. Принимая во внимание аналогии из Нарымского Приобья, Усть-Полуя, Айдашинской пещеры, Барсовой горы и тот факт, что гравировки на серебряных сосудах были нанесены немногим позднее их изготовления, нельзя исключить и рубеж эр - первые века н. э.

В эту же коллекцию входят 8 бронзовых фигурок антропоморфных существ (МАЭ № 5531-1-8) (рис. 2)⁵. Возможно, ханты воспринимали их как изображения одного из своих мифологических покровителей - *саперике* (Лягушка-старик) (Опись колл. № 5531, л. 1). Часть фигурок была опубликована (Прошлое Урала в фотографиях, 1993, с. 127).

По составу металла фигурки разительно отличаются от зеркал и блюда. Анализ сплава указывает на то, что материалом послужил бронзовый лом (заключение С.В. Хаврина). Все фигурки индивидуальны и изготовлены в так называемом плоском литье. Стилистически они имеют много общего с самусьской и окуневской художественными традициями. Однако большинство признаков указывает на их принадлежность кулайскому искусству: подтреугольная голова с тремя отходящими вертикальными выступами, соединенные дуги бровей, переходящие в линию носа, глаза и рот в форме овалов, прямые складки щек, спускающиеся от носа под углом, ребра в виде косых штрихов и символическая «линия жизни» (вертикальная черта, разделенная перпендикулярными штрихами), которые отмечаются у «древовидных идолов» Лозьвинского клада и сборов Н.Л. Гондатти (Чернецов, 1953, табл. XV: 4, XVI: 1, 4, XVIII: 4). Фигурки представлены фронтально, с согнутыми и разведенными в стороны руками и ногами, то есть в позе «роженицы». Фантастичность персонажей подчеркнута не только «рогами» на голове, но и тремя пальцами на каждой конечности.

У многих народов в различные эпохи изображались антропоморфные существа в сходных позах. Например, «роженицы» (иногда действительно рожаящие) встречены среди петроглифов и росписей Алтая, Хакасии, Тувы, Прибайкалья и Монголии (Савинов, 1976, рис. 3: 6, 9: 4; Дэвлет М.А., 1976, табл. XVIII: 1, 2; Кызласов, 1986, рис. 143; Кубарев, 1988, табл. XIV: 2, 5-7, 9, 10, XVI: 3, 7, 8; Новгородова, 1989, рис. на с. 95, 96; Подольский, 1997, рис. 40; Есин, 2003, рис. 1), а также на некоторых металлических изделиях Сибири и Ближнего Востока (Ghirshman, 1964, ill. 57; Дэвлет М.А., 1976, табл. XVIII: 3). Часть из них отличаются трехпалостью, угловатостью голов, «рогами», ребрами и «линией жизни» (Кубарев, 1988, с. 138; Новгородова, 1989, с. 92, 96, 97).

⁵ В Окружном краеведческом музее их хранилось 18. Очевидно, В.Н. Чернецову они были не известны.

В целом облик фигурок (ярко выраженная «рогатость», геометричность лиц, упрощенная «линия жизни») указывает на изготовление их в раннекулайское время. Однако по ряду стилистических элементов они близки некоторым антропоморфам II-I вв. до н. э. из Сапоговского клада (трехпалость, трактовка черт лица, ребер, половых органов) и Усть-Полуя (трехпалость, «рогатость»(?), трактовка черт лица) (Зуев, 1993, рис. 1, 2; Яценко, 2000, с. 99-115; Усть-Полуй, 2003, кат. № 21, 22, 24, 46). По-видимому, датировать фигурки следует IV-I вв. до н. э.

Проведенный обзор одной этнографической коллекции вводит в научный оборот новые археологические памятники. Анализ рассмотренных вещей доказывает их длительное бытование в инокультурной среде. Практически все предметы были переиспользованы, а некоторые из них (зеркала и блюдце), очевидно, дважды.

a

б

Рис. 1. Прорисовка изображений на фрагменте бронзового зеркала (пояснения в тексте)

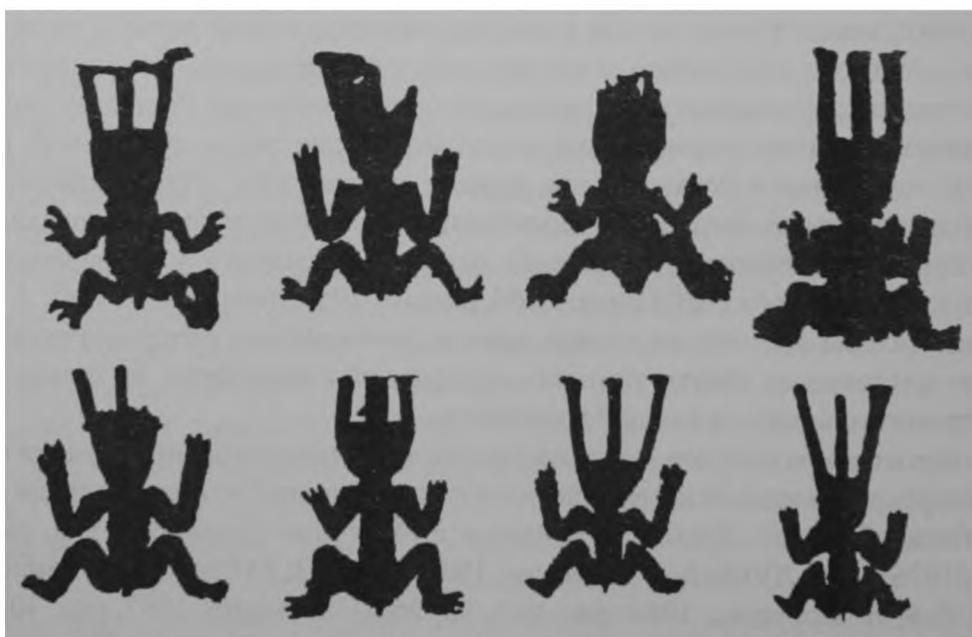

Рис. 2. Бронзовые антропоморфные фигурки

Н.А. КУЗНЕЦОВ

Россия, Новокузнецк

Историко-архитектурный музей «Кузнецкая крепость»

КИНЖАЛЫ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОМПЛЕКСОВ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В настоящее время существует проблема атрибуции такой категории экипировки воина, как короткоклинковое оружие. При описании этой категории наступательного оружия делается много оговорок. Авторы непременно указывают, что ножи являются в первую очередь бытовыми предметами, но в определенных ситуациях могут использоваться как боевое оружие. Основное короткоклинковое оружие, которое признается за таковое всеми исследователями, - это кинжалы. Возникает вопрос: что именно следует считать кинжалом.

Приведем несколько определений кинжала. «Кинжал (англ. *dagger*, нем. *Dolch*), небольшое режущее и колющее орудие из кремня, меди, бронзы или железа, иногда из кости. Грань между К. и ножом провести трудно, некоторые специалисты относят к К. лишь обоюдоострые клинки. Медные К. стали типологической основой *rapir, мечей, копий и алебард*» (Брей, Трамп, 1990, с. 110). «Кинжал. Колющее клинковое холодное оружие, предназначенное для рукопашного боя. Состоит из короткого клинка и черена. Кинжалы бывают разных видов: бебут, дага, кортик, кама и др.» (Трубников, 1997, с. 43). «Термин «кинжал» имеет очень широкие границы, так может быть названо любое колющее оружие для работы на короткой дистанции. Часто кинжалом называют нож с вытянутым или скошенным к концу клинком» (Попенко, 1992, с. 93).

Таким образом, можно определить кинжал как колющее оружие. Но этому противоречит форма кинжала «бебут» (кривой кинжал, тесак), более приспособленная к рубяще-режущему удару, чем к уколу. Форма клинка и его сечение не являются основными определяющими элементами кинжала: кинжал «кама» (кавказский кинжал) - обоюдоострый, двухлезвийный, а кинжал «стилет» вообще лезвия не имеет, предназначен исключительно для укола.

Использование кинжалов в бою существенно отличалось в европейских и азиатских традициях. В Западной Европе кинжал применяли как «оружие левой руки» для парирования ударов противника, для добивания раненых (кинжал «мизерикордия»), для пробивания брони противника, как вспомогательное оружие при фехтовании. Степняки Центральной Азии никогда не делали упор на фехтование, поскольку всаднику неудобно держать кинжал.

В эпических произведениях кинжал или нож практически никогда не упоминаются как боевое оружие. В крайнем случае ножом добивают врага, которого уже одолели в поединке, либо нож используют в ситуации, когда другого оружия нет под рукой. Например, в калмыцком героическом эпосе «Джангар» четко различаются место и время применения кинжала. В сражении в открытом поле, при набеге, преследовании, в поединке герои используют пику или копье, меч, бердыш. Однако во дворце во время пира оскорбленный речью посла богатырь порывается расправиться с обидчиком с помощью кинжала - ханжал (Джангар, 1990, с. 312). В «Алтан Тобчи» описывается момент расправы воинов Чингисхана над татарами в 1202 г. Пленные татары были безоружны. Узнав, что принято решение об их полном уничтожении, татары сказали друг другу: «Пусть каждый человек спрячет в рукав нож, и мы умрем на подушках!». При уничтожении пленных, многие воины Чингисхана погибли (Лубсан Данзан, 1973, с. 133).

Таким образом, кинжал предстает как вспомогательное индивидуальное оружие, которое не занимало много места, было всегда под рукой и годилось на все, особенно в непредвиденных ситуациях. Фактически эту роль может исполнять нож. Какие ножи из средневековых комплексов Кузнецкой котловины при классификации инвентаря следует признавать оружием?

Величина клинка не имеет решающего значения при определении назначения ножа. Например, «нож нижних чинов иновеческих казачьих полков, размещенных на китайской границе», являвшийся армейским оружием с 1840 г. до конца XIX в., имел длину клинка 140 мм (Трубников, 1997, с. 136).

В погребальных памятниках Кузнецкой котловины конца I тыс. н. э. оружие, как правило, повреждено при совершении погребального ритуала. В могилах нередко присутствуют наконечники стрел, длинноклинковое оружие или его фрагменты, боевые топоры, наконечники копий, кистени и даже железные чеканы-клевы. Вместе с разными предметами вооружения очень часто встречаются ножи. В подавляющем большинстве случаев это небольшие клинки треугольного сечения.

Обоюдоострые клинки входят в состав раннесредневековых оружейных кладов Кузнецкой котловины. О наличии в курганах верхнеобской культуры подобных клинков нам не известно, за исключением миниатюрных ножей (Сапогово), которые являются специализированными рабочими ножами. Зато в этих погребальных комплексах часто присутствуют «ножи с загнутой в сторону лезвия рукоятью», которые называют «кинжалами уйбатского типа», «коленчатыми кинжалами», а в современной литературе «ножами с пистолетной рукояткой».

Специалист по холодному оружию В.Н. Попенко считает, что для колющих движений наиболее приспособлены ножи с изогнутой, «пистолетной» рукояткой. «Пистолетная рукоять удобна не только для колющих движений, но и для режущих взмахов ножом по окружности, снаружи - вовнутрь... Ножи могут иметь мечеобразное острие, что приближает их по колющим возможностям к кинжалам... Изогнутая рукоять позволяет наносить толчковые удары большой силы вперед, рука не соскальзывает на лезвие при ударе даже в отсутствие гарды... При вспарывающих движениях рукоятка могла быть изогнута дугой вниз, что позволяло развивать большее усилие...» (Попенко, 1992, с. 103, 108). В настоящее время ножи подобного типа популярны у охотников.

«Коленчатые ножи» найдены в могильниках Саратовка и Сапогово. В погребениях курганного могильника Шестаки-II (бассейн р. Бачат) ножи с пистолетной рукояткой встречены в 4 из исследованных 25 могил. Вместе с коленчатым ножом в комплексе присутствовали и другие предметы вооружения (в двух могилах набор оружия был значительным), а также прямой нож. Лезвие одного из прямых ножей было почти вдвое тоньше, но длиннее лезвия коленчатого ножа. Наличие второго (прямого) ножа в могиле однозначно свидетельствует об особой роли «ножа с пистолетной рукояткой». В тех случаях, когда сохранность была удовлетворительной, хорошо видно, что нож имел перекрестье, иногда рукоять и ножны были отделаны серебром и позолотой.

Ножи «с пистолетной рукояткой» имеют многочисленные аналоги в памятниках степного пояса Евразии. Они хорошо известны по многочисленным изображениям на каменных изваяниях и настенной живописи, где являются непременным атрибутом костюма. Вероятно, эти ножи пережили время, когда они были в первую очередь индивидуальным оружием и получили в некоторой степени декоративную функцию, как кинжал типа «кама» на Кавказе. Возможно, наличие кинжала «уйбатского типа» указывает на определенный социальный статус его владельца.

А.М. КУЛЕМЗИН

Россия, Кемерово

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО ПРОСТО НЕЗАМЕЧЕННАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА?

(Рабочая гипотеза)

В археологии скифского времени Южной Сибири существует парадокс, с которым исследователи молча согласились, не пытаясь его разрешить. Суть его состоит в том, что значительная часть предметного материала, на котором выделена и охарактеризована тагарская культура, происходит из случайных находок. Эти предметы имеют признаки, более характерные для скифо-сибирского мира в целом, нежели специфические тагарские. Но так как их местонахождения совпадает с территорией, занятой курганами тагарской культуры, то их без особого колебания отнесли к последней (Киселев, 1951, с. 194-303; Членова, 1967). Однако в своем общем массиве предметы из случайных находок существенно отличаются от предметов тагарских погребальных комплексов.

Первое отличие в наборе предметов. Среди случайных находок преобладают предметы вооружения и детали конской упряжи. *Второе* - случайные находки, будь то оружие, орудия труда или украшения, значительно (порою в несколько раз) превышают по размерам аналогичные, найденные в погребениях. Массивные предметы в археологической литературе получили название «натуральные» или «полноразмерные», а уменьшенные, из погребений - «миниатюрные». *Третье* отличие - полноразмерные предметы из случайных находок по вторичным признакам (декору, стилистике изображений и т. п.) имеют больше общескифских черт, нежели специфических тагарских. *Четвертое* - названные две группы предметов найдены в различных археологических ситуациях. Полноразмерные предметы - это, как правило, случайные находки, располагавшиеся на поверхности или неглубоко в земле; миниатюрные извлечены из погребений. В связи с этим появилось предположение о том, что полноразмерные предметы найдены на поселениях, интенсивно разрушавшихся в период активного хозяйственного освоения южно-сибирских степных черноземов.

В настоящее время раскопано некоторое количество тагарских поселений. Однако массовых находок полноразмерных предметов оружия и орудий труда на них не найдено в таком изобилии, как они представлены во многих музеях Сибири, Москвы, Санкт-Петербурга и других городов.

Вместе с тем в археологии Южной Сибири накопилось определенное количество фактов, наводящих, на наш взгляд, на перспективный путь поиска ключа к разрешению скифо-сибирского парадокса. Суть этих фактов сводится к следующему. В Южной Сибири и прилегающих степных и лесостепных территориях имеются памятники, содержащие комплексы полноразмерных предметов, близких по внешним признакам к тагарским, но не идентичных им, имеющих в большей степени общескифские черты. Археологические условия местонахождения этих комплексов принципиально отличаются от тагарских погребальных комплексов. А именно: 1 - залегание предметов на поверхности земли или на небольшой глубине; 2 - обязательное присутствие следов огня. В археологической литературе такие местонахождения называются курганами, кладами, поминальниками, жертвенниками, но не выделены в особую категорию археологических памятников с соответствующим обоснованием, интерпретацией, хронологической и культурной характеристикой.

Например:

1. В 1891-1892 гг. С.К. Кузнецовым были раскопаны два кургана на Лысой горе при впадении р. Золотого Китага в р. Яю на современной территории Кемеровской области (Дульзон, 1956, с. 142-143).

2. В 1889 г. им же раскопан курганный могильник на территории г. Томска, в Лагерном саду. (Там же, с. 110-112).
3. Клад у д. Степановка, хранящийся в Томском областном краеведческом музее.
4. Аскыровский клад, хранящийся в Абаканском музее.
5. Косогольский клад. (Нащекин, 1965)
6. Шалаболинский клад (Левашова, Рыгдылон, 1952)
7. Июсский клад (Бородовский, Ларичев, 2001)

Подобные находки имеются и на соседних территориях. Например: клад из Забайкалья с р. Джиды (Хамзина, 1981); клад у пос. Иссык-Энбекши Алмаатинской области (Боковенко, 1981); курганы у с. Перебыковцы на Среднем Днестре (Смирнова, 1979). Это лишь примеры. Фактов о подобных комплексах значительно больше.

Ключ к пониманию обозначенной проблемы, на наш взгляд, найден. Осталось лишь собрать достаточно репрезентативную доказательную базу. Этим ключом явился раскопанный автором в 1971 г. Арчекасский курганный могильник на севере Кемеровской области. Здесь был документально зафиксирован факт обряда захоронения на поверхности с сожжением погребального деревянного склепа с последующим сооружением невысокой земляной насыпи. Комплекс вещей (полноразмерное бронзовое оружие, орудия труда, украшения, глиняная посуда) сходен с предметами тагарской культуры, но имеет больше общескифских черт (Кулемзин, 1979).

Гипотеза. В скифскую эпоху на юге Сибири существовало население, оставившее специфический обряд захоронения на поверхности земли с сожжением погребального сооружения с последующим сооружением небольшой курганной насыпи. Создатели этих археологических памятников, возможно, не население тагарской культуры, а иной этнос, проникший в южно-сибирские степи с иной (вероятно, юго-западной) территории.

Так как слой погребений был расположен близко к поверхности земли, то он легко разрушался естественным путем и в результате антропогенного воздействия, на что в свое время обратил внимание С.И. Руденко (1960, с. 313). Сохранившиеся комплексы находок из таких погребений были обнаружены в основном в прилесной зоне, менее подвергшейся сельскохозяйственному освоению. Археологами были раскопаны или зафиксированы приведенные выше захоронения, подобные арчекасским.

Какая-то часть сохранившихся погребений арчекасского типа наверняка еще существует и ждет своих открывателей.

А.Л. КУНГУРОВ

Россия, Барнаул

Алтайский государственный университет

КЕРАМИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ЮГО-ЗАПАДНЫХ ОТРОГАХ ГОРНОЙ ШОРИИ (МАЙМИНСКАЯ КУЛЬТУРА)

Майминская культура была выделена М.Т. Абдулганеевым на основании анализа группы памятников северных предгорий Алтая, среди которых имеются городища, долговременные поселения и могильники (1993, с. 3-5). Время существования майминской культуры на основании особенностей предметов материальной культуры и серии радиометрических датировок определяется первой половиной I тыс. н. э. Одним из опорных объектов этой культуры является поселение Ушлеп-5 (юго-западные отроги Горной Шории, бассейн р. Неня, правого притока р. Бии), открытое автором в 1989 г. (Кунгуров, Горбунов, 1993, с. 99-107). В ходе раскопок в 1989-1990 гг. на памятнике открыто большое количество жилых и хозяйственных сооружений и огромное количество остатков материальной культуры (каменные, костяные и железные

изделия, керамика, обугленные и обожженные зерна ячменя и проса). Выделяется интереснейший хозяйственный комплекс, связанный с керамическим производством и представленный комками керамического теста, обжиговыми ямами, скоплениями керамических шлаков и т. п. К сожалению, этот материал до настоящего времени полностью не опубликован, а в предварительной информации содержится только констатация факта наличия элементов керамического производства без анализа его особенностей, порой допущены досадные неточности. Так, при характеристике обжиговой ямы указано, что «один из сосудов был почти полон зерна» (Абдулганеев и др., 1995, с. 129). Речь идет о яме, исследованной автором статьи в 1993 г., где действительно находилось четыре сосуда, стоящих *вверх дном* и поэтому никакого зерна там быть не могло.

Керамическое производство поселения Ушлеп-5 представлено следующими составляющими:

- глиняные замесы - сфероидные комки хорошо промешанного теста с добавлением отошителя, плотно завернутые в бересту;
- керамические изделия, в том числе обожженные «глиняные подушки», являющиеся составляющей частью очага;
- скопления отходов керамического производства (шлаки, обломки), сваленные древними обитателями поселения в отдельные ямы;
- обжиговые ямы.

Наличие перечисленных элементов производства позволяет реконструировать его особенности, алгоритм функционирования и сырьевую базу без применения современных экспериментов, зачастую вызывающих у исследователей больше вопросов, чем ответов.

Сырьевая база. Основой замеса являлись две разновидности глины: синяя иловатая и белая. Выходы этих глин в изобилии встречаются в окрестностях памятника, как в обнажениях р. Ушлеп, так и в руслах его многочисленных мелких притоков. Поскольку они достаточно «жирные», древние керамисты использовали отошители: раздробленный камень (метаморфизированный сланец и кремниесодержащие породы из руслового аллювия, крупнозернистый песок), в меньшей мере шамот (как керамический, так и раскрошенные отходы производства), органику. Все составляющие тщательно перемешивались и, видимо, некоторое время хранились в виде комков весом по 2-3 кг, плотно обернутых многослойной выделанной берестой, препятствующей высыханию замеса. Наибольшее количество крупной дресвы фиксируется в очаговых «подушках», предназначенных для сохранения тепла и приготовления толокна.

Технология изготовления сосудов своеобразна. Достаточно упомянуть факт использования древними керамистами берестяных «туесообразных» каркасов при «кольцевом» формовании тулова крупных горшков. Один из них сохранился в обжиговой яме, так как процесс производства был прерван, видимо, вследствие вражеского нападения (поселение Ушлеп-5 сохраняет свидетельства поспешного бегства его обитателей, бросивших большую часть хозяйственного скарба, и дальнейшего пожара). Упомянутый каркас не предназначался для повторного использования, поскольку горловина сосуда препятствовала его извлечению, и должен был сгореть в процессе обжига. Высушенные сосуды устанавливались на дно обжиговой ямы на венчик. Поскольку рыхлая толща, подстилающая культурный слой памятника, достаточно влажная и насыщена водоносными прослоями, сосуды устанавливались не на само дно, а на уложенные плоские кости (ребра) крупного и мелкого домашнего скота, соответствующим образом подработанные рубящим орудием. Эта хитрость предотвращала размокание верхней части горшков до достижения в яме оптимальной для обжига температуры. Обжиговая яма сохранилась полностью. Она имела грушевидную форму (диаметр ямы в верхней части 0,7-0,8 м, внизу - 1-1,2 м). Глубина ямы достигала 1,2-1,4 м. Дно ямы тщательно выровнено. Вокруг стоящих на дне сосудов поленицей укладывались березовые и лиственничные плашки длиной около 0,5 м, диаметром до 0,1 м, дровами заполнялась вся расширенная часть ямы (топка). Следов принудительного поддува воздуха не фиксировалось, хотя утверждать, что его не было, пока

преждевременно. Не исключено, что система подачи воздуха в топку все-таки имелась, так как обжиговые ямы располагались близко к краю мыса и воздухозаборники могли выходить на его склон и прокапываться горизонтально (после многократного использования и дальнейшего разрушения ямы зафиксировать и идентифицировать подобные прокопы просто невозможно). В этом случае начинала действовать тяга воздуха в яму с момента разжигания огня. О знакомстве обитателей поселения с особенностями циркулирования разогретого воздуха свидетельствуют остатки принудительного отопления жилых помещений типа канов, что требует, однако, дополнительного исследования и обоснования.

В центре жилищных и хозяйственных построек сооружались многофункциональные прямоугольные очаги, размеры которых колебались в пределах 141-141,2 м. По периметру очаг оконтуривался поставленными не ребро и плотно подогнанными друг к другу каменными плитами, вкопанными на 5 см в пол. При различной ширине и высоте, их толщина одинакова - около 15 см. В центре очага делали «подушку» из хорошо промешанного глиняного теста, когда ее утрамбовывали, глина проникала в щели между камнями, дополнительно их скрепляя. После просушки древние строители прожигали получившуюся конструкцию. В повседневной жизни «подушки» играли большую роль: они предназначались для сохранения тепла в полуземляночном помещении и приготовления пищи. Многие очаги оказались заполнены перловой и пшенной крупой, обугленной во время пожара. По всей видимости, эту крупу прокаливали на предварительно разогретых глиняных очаговых плитах, чтобы затем растереть на зернотерках и приготовить блюдо типа толокна. Вокруг всех очагов в жилищах находились брошенные зернотерки, иногда площадью до 0,5-0,8 кв. м, и куранты. Глиняные плиты регулярно чинили и подновляли. Рядом с жилищами раскопаны хозяйственные ямы, куда ссыпали перекаленные или распавшиеся части «подушек», в одном случае зафиксирован выброшенный вместе с керамическими обломками треснувший сосуд-чаша (хотя по пропорциям он больше напоминает глиняный таз).

Об интенсивности керамического производства на поселении Ушлеп-5 свидетельствует значительное количество целых сосудов и их обломков (свыше 500), представляющих огромное разнообразие типов (свыше 40). Основные исследования этой отрасли хозяйства еще впереди. Сейчас можно констатировать перспективность анализа технологии керамического производства, а также этнокультурной интерпретации различных аспектов керамики (орнамент и орнаментальные композиции, смешанные традиции в применении шамота и дресвы, формование сосудов разных размеров и назначения). Не менее значимы данные о развитии у майминцев земледелия, особенно учитывая, что памятники этой культуры расположены преимущественно в лесной и таежной зонах предгорий Алтая, традиционно для земледелия неудобных.

П.В. ЛОМАНОВ

Россия, Красноярск

Красноярский государственный аграрный университет

К ПРОБЛЕМЕ ОБЩЕГО И ЕДИНИЧНОГО В КУЛЬТУРАХ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПРИЕНИСЕЙСКОГО РЕГИОНА

В эпоху раннего железного века территория бассейна р. Енисея являлась зоной контактов между двумя крупными этнокультурными общностями: скифо-сибирской, представленной, прежде всего, тагарской культурой на Среднем Енисее, и уюкской в высокогорьях Тывы, и общностью таежных охотников Ангаро-Ленского региона.

Культуры Тывы и лесостепной части бассейна Среднего Енисея рассматриваются как яркие культуры скифо-сибирского мира, как неотъемлемые составляющие скифо-сибирской историко-культурной общности. Вместе с другими скифоидными культурами евразийских степей и прилегающего лесостепного пояса они составляют относительное единство по целому ряду форм духовной и материальной культуры (Абсалямов, 2004, с. 124). Это единство выходит далеко за рамки общеизвестной скифской триады. Оно проявляется во многих формах хозяйственной жизни, погребальной обрядности, социальных сторон жизни общества. Общие для всего скифо-сибирского мира мотивы искусства, получившие выражение, прежде всего, в зверином стиле, подразумевают во многом не только сходство используемых семантических кодов, но и общие мифологические представления, мировоззренческие установки, лежащие в их основе.

Внутри территорий распространения культур, связанных единством многих проявлений материальной и духовной жизни, выявляются отдельные регионы. Территория тагарской культуры дробится на несколько районов (минимум три). Это - собственно тагарская культура Хакасско-Минусинской котловины; выделенная А.И. Мартыновым лесостепная тагарская культура (район лесостепей, прилегающих к Хакасско-Минусинской котловине с северо-запада) и красноярский вариант тагарской культуры (красноярско-канская лесостепь). Но вопрос о локальных вариантах тагарской культуры достаточно дискусионен. Большинство попыток выделения локальных вариантов основываются на формально-типологическом анализе инвентаря (Членова, 1992, с. 207). Однако сама территория распространения тагарской культуры неоднородна и разделяется на несколько обособленных регионов, различающихся по многим природно-ландшафтным характеристикам. Помимо незначительных изменений орнамента керамики, стилистических особенностей предметов искусства, орудийного инвентаря необходимо учитывать и формы освоения человеком окружающей среды. При незначительных внутренних различиях в локальных вариантах многие исследователи подчеркивают однородность и стилевое единство в границах распространения тагарской культуры.

Общим для всего Енисейского ареала культур в раннем железном веке было использование определенных форм бронзовых изделий. Если в степной и лесостепной зонах Среднего и Верхнего Енисея к скифскому времени на базе богатейших природных местонахождений руд цветных металлов Саянского Нагорья сложился один из важнейших и крупнейших во всей Северной и Центральной Азии очаг древней металлургии, то для северных народов тайги (при крайней бедности таежных районов естественными выходами руд цветных металлов) единственным источником поступления бронзовых орудий стало взаимодействие с южными лесостепными современниками. Почти весь набор бронзовых орудий, использовавшихся в скифскую эпоху, на большей части Енисея универсален не только для Приенисейской Сибири, но и для многих обширных сопредельных регионов, связанных со скифо-сибирской культурной общностью или непосредственно входящих в нее. Помимо собственно бронз скифо-сибирского облика материальная культура таежных племен включала такие изделия, как луки степного образца, встреченные на Верхней Лене и в подтаежной зоне Среднего Енисея (Окладников, 1978, с. 101-109; Мандрыка, 1998, с. 13), кельты енисейско-ангарского типа, широко распространенные в скифское время как на Среднем Енисее, так и по всему течению р. Ангары (Максименков, 1960, с. 5-17). Находка фрагмента литейной формы такого кельта с Таймыра на стоянке Абылаах-1 позволяет предположить бытование и местное изготовление подобных орудий по всему протяжению р. Енисея от лесостепей до тундр, включая всю таежную зону (Хлобыстин, 1998, с. 108-138).

Помимо многих черт материальной культуры (прежде всего, использования схожих типов бронзовых орудий), культуры енисейской Сибири были связаны рядом общих характеристик в духовной сфере. Прежде всего, это распространение в степной и лесостепной зонах, а также трансляция на север в таежные районы образов скифо-сибирского искусства, несущих

определенный комплекс мифолого-мировоззренческих установок. Так, в наскальном искусстве Северного Приангарья железного века выделяется целая группа сюжетов, восходящих непосредственно к мотивам наскального искусства степной и лесостепной зоны Среднего Енисея. Это композиции, изображающие всадников, воинов с луками М-образного степного типа, людей с прическами в виде пучка волос, собранных на макушке (подобная прическа неоднократно встречается на петроглифах Минусинской котловины и реконструирована Э.Б. Вадецкой на материалах таштыкских погребений), оленей с ветвистыми рогами (характерная для степных писаниц скифского времени манера). Подобные петроглифы есть на писаницах Мурожный камень, Мурожная-2, 3, Олений утес и др. (Ключников, Заика, 2001, с. 85).

На таежных святилищах р. Ангары прочное место в культово-обрядовой практике заняли образы скифо-сибирской металлопластики. Например, на материале таких культовых комплексов раннего железного века, как Усть-Тасеевский культовый комплекс, местонахождение Мыс Арбан, пещера Графская, комплекс Каменка-1 в обилии были найдены S-видные и бабочковидные бронзовые бляхи южного происхождения, а также подобные изделия из железа, часто трактуемые как местное подражание импортным бронзовым. Особенности местонахождения инвентаря, сопровождающего эти предметы, дают возможность говорить о явном культовом их использовании (Заика, 1999, с. 11).

Известно, что S-видные и бабочковидные бронзовые бляхи являются предметами, «маркирующими» материальную культуру «скифского типа», отражающими с той или иной степенью стилизации образ грифона - одного из ключевых образов мифологии и искусства скифо-сибирского мира. Подобные изделия известны фактически по всей степной полосе Евразии, в основном из погребальных памятников. В позднескифское и гунно-сарматское время эти предметы выполняли, прежде всего, утилитарную и эстетическую функции как деталь костюма (стандартный элемент поясного набора), что вовсе не исключает их магической и религиозной нагрузки.

На таежных святилищах Нижней Ангары данные изделия используются уже совершенно в ином контексте: как приношения на культовых местах при отправлении определенных религиозно-магических обрядов. О прочном месте, которое заняли эти предметы в культовой практике таежного населения Нижнего Приангарья, свидетельствует их обилие, частая встречаемость и изготовление местных подражаний им из железа. Возможно даже наделение этих предметов в новом культурном поле иной семантикой.

В рамках проблемы единства и различий особенно интересны районы непосредственного взаимодействия представителей разных культурных общностей. Если племена Тывы и тагарская культура с южных, западных и восточных окраин достаточно изолированы благодаря хребтам Саяно-Алтайского нагорья, то северная граница территории распространения тагарской культуры не имеет естественных преград. Условно ее можно проложить по границам лесостепи и подтаежной зоны. Но реалии археологических памятников этой территории рисуют сложную картину взаимоотношений тагарцев с их северными соседями. На северо-западной периферии тагарской культуры отношения тагарцев с их таежными современниками складывались, по всей видимости, не всегда мирно, о чем свидетельствует серия фортификационных сооружений (городищ), отмечающих северную границу распространения тагарских памятников (Абсалямов, 1989, с. 214). По самому Енисею отмечено некоторое проникновение тагарцев в подтаежную зону, а представителей таежных племен - на территорию лесостепи, и их дисперсное сосуществование (Мандрыка, 2001, с. 113-117).

По-видимому, на северной окраине Красноярской лесостепи, в условиях относительной этнической комплементарности, вместе с процессами обмена культурными достижениями активно проходили ассимилятивные процессы. Возможно, в них следует искать истоки этногенеза целого ряда коренных народов Приенисейской Сибири (прежде всего, народов

енисейской языковой группы), культура которых сочетала как южные степные, так и северные таежные элементы, а также сохраняла, фактически до Нового времени, отдельные черты, восходящие к периоду скифо-сибирского культурно-исторического единства.

При обилии общих черт материальной и духовной культуры каждый из отдельных социокультурных миров Приенисейской Сибири обладал ярко выраженной индивидуальностью, обусловленной различными природными условиями, этническим, культурным окружением.

Н.П. МАКАРОВ

Россия, Красноярск

Красноярский краевой краеведческий музей

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРНЫЕ АРЕАЛЫ НИЖНЕГО ЕНИСЕЯ

Долина Нижнего Енисея от впадения р. Ангары до Енисейского залива вплоть до недавнего времени оставалась белым пятном на археологической карте Красноярского края. Достаточно сказать, что стоянка Подкаменная Тунгуска долгое время была единственным археологическим памятником, раскопанным на более чем полуторатысячекилометровом участке р. Енисея (Тугаринов, 1924). Лишь в последние десятилетия XX в. на Нижнем Енисее усилиями археологов г. Красноярска и г. Кемерово были открыты более 40 археологических стоянок и местонахождений, что значительно увеличило количество источников по древней истории региона. При этом наибольший вклад в изучение Енисейского Севера внесли работы экспедиций таких исследовательских центров, как Красноярский краевой музей (Николаев, 1963, с. 127-131; Баташев, Макаров, 1998, с. 78-79; 2000), Кемеровский университет (Николаев, 1980, с. 20-26), Красноярские краевой дворец пионеров (Мандрыка П.В., Баташев М.С.) и педагогический университет (Макулов и др., 1997, с. 10-12).

Несмотря на то, что новые материалы значительно увеличили источниковедческую базу, можно сделать лишь предварительные выводы о древних этапах культурогенеза народов Красноярского Севера.

Енисей был естественным географическим разделителем двух больших контактных зон Сибири - Западной и Восточной историко-культурных провинций. Кроме того, северные племена должны были испытывать постоянное влияние южных народов, поскольку Енисей являлся наиболее удобным путем для миграций по речной долине. Новые материалы во многом подтверждают эту гипотетическую реконструкцию.

Наиболее дискуссионным является вопрос о первоначальном заселении Нижнего Енисея. Введенные в научный оборот Р.В. Николаевым и Н.И. Дроздовым орудия палеолитического облика на местонахождениях Бахта и Сухая Тунгуска относятся к подъемному материалу и пока единичны. Можно лишь надеяться на открытие палеолитических памятников при дальнейшем обследовании региона.

Археологические изделия мезолитического времени также обнаружены лишь на единственном памятнике - стоянке Утиный столб, раскопанной экспедицией Красноярского краевого музея. Найденные здесь каменные топоры с перехватом имеют широкий круг аналогий в мезолите Сибири на археологических памятниках Якутии, Прибайкалья и Среднего Енисея, более тяготея к Восточной культурной провинции. В силу малочисленности материала определение всей совокупности технико-типологических характеристик мезолита Енисейского Севера и его культурной принадлежности остается делом будущего.

К Восточно-Сибирской культурной провинции можно отнести неолитические памятники Нижнего Енисея. На это указывает керамика посольского типа со стоянки Подкаменная Тунгуска,

каменные топоры с ушками и шлифованные тесла из района г. Енисейска и г. Лесосибирска, серия случайных находок каменных орудий, находящихся аналогии в прибайкальских культурах неолита и энеолита.

Практически неизвестным остается бронзовый век Нижнего Енисея. Вместе с тем, с учетом находок Л.П. Хлобыстина на Таймыре, и здесь прослеживаются в первую очередь восточные аналогии с ымыяхтахской и усть-мильской культурами Якутии.

Большая часть накопленных материалов по Нижнему Енисею относится к эпохе железа. Наиболее яркие находки датируются ранним железным веком и выполнены из бронзы. Среди них кельты красноярско-ангарских типов, трехлопастные наконечники стрел, копья, котлы скифского типа, петельчатые ножи, шилья. Аналогии перечисленной серии изделий исследователи отмечали, прежде всего, в кулайской культуре Западной Сибири и в тагарской культуре Южной Сибири. В то же время отсутствие кулайской и тагарской керамики в памятниках Нижнего Енисея заставляет искать аналогии новым материалам в иных культурах. В 80-90-е гг. XX столетия оригинальные комплексы раннего железного века выявлены в цэпаньской культуре Северного Приангарья и подтаежной части Среднего Енисея (В.И. Привалихин, П.В. Мандрыка). Можно говорить о существовании самостоятельной Средне-Сибирской культурно-исторической провинции, включающей территорию Нижнего Приангарья и примыкающие к ней районы Нижнего и Среднего Енисея. Вероятнее всего, на всей обозначенной территории распространяется цэпаньская археологическая культура VII-II вв. до н. э. Хотя ее локализацию В.И. Привалихин ограничил Северным Приангарьем, территорию цэпаньской культуры следует довести на Среднем Енисее до границ Красноярской лесостепи, а на Нижнем Енисее, по меньшей мере, до Подкаменной Тунгуски. На это указывает, в первую очередь, наличие на всей обозначенной территории оригинальной керамики карабульского типа, получившей свое название по наиболее ярким находкам на стоянке Усть-Карабула на Нижней Ангаре. Карабульская керамика характеризуется устойчивыми признаками, присутствующими на десятках сосудов. Венчики сосудов этого типа утолщены у верхнего края широкой наклепной лентой, украшенной различными сочетаниями зубчатого штампа, поясом округлых вдавлений, а также пальцевыми защипами с ногтевыми дугообразными оттисками. Зачастую зубчатые оттиски переходят с утолщения налепа на тулово сосуда, локализуясь в его верхней трети. Такая керамика найдена автором на стоянках Енисея и Ангары в комплексе с бронзовыми изделиями: петельчатыми ножами, наконечниками стрел, шильями раннего железного века. Учитывая некоторое запаздывание северных территорий по отношению к южным, верхнюю хронологическую границу распространения данной керамики, как и самой цэпаньской культуры, следует поднять до первых веков н. э. Такое запаздывание отмечено для красноярского варианта лесостепной тагарской культуры и уж тем более вероятно для таежных районов Нижнего Енисея.

С середины I тыс. н. э. можно говорить о развитом железном веке Нижнего Енисея. Его характеризует уже развитая металлургия железа, железные черешковые и кольчатые ножи, керамика с тонкими обмазочными валиками, ногтевыми вдавлениями, оттисками зубчатых штампов. Основные аналогии найденным материалам этого периода обнаруживаются на стоянках правых притоков Енисея - на Нижней Ангаре, Подкаменной и Нижней Тунгусках, а также на памятниках Якутии. Отдельные западносибирские аналогии енисейским материалам в комплексах второй половины I тыс. н. э. не прослеживаются западнее Кузнецкой котловины и левых притоков р. Томи (Ширин, 2004, с. 184), значительно уступая восточносибирским аналогиям в количественном отношении. Таким образом, в развитом железном веке район Нижнего Енисея также относится к Восточно-Сибирской культурно-исторической провинции.

Средневековые памятники II тыс. н. э. Нижнего Енисея пока единичны и только начинают изучаться. Раскопанное П.В. Мандрыкой средневековое Лесосибирское городище и изучаемое экспедицией Красноярского краевого музея Чермянское городище - пока единственные

памятники, по материалам которых можно сделать предварительные выводы. Оба городища имеют укрепления в виде углубленного рва и насыпных валов. Полученный археологический материал указывает на культурное влияние, с одной стороны, релкинской культуры Западной Сибири, а с другой - культуры енисейских кыргызов Южной Сибири (Свалова, 2000, с. 44-46). Не до конца ясно в силу малочисленности источников, каковы особенности культуры местного аборигенного населения и насколько велико влияние соседних культурных провинций. Материалы средневековых городищ Нижнего Енисея обнаруживают некоторую преемственность с материалами железного века в керамике и типах железных изделий, что позволяет говорить о продолжении культурной традиции, но затрудняет определение границ археологической периодизации этих эпох. До накопления достаточного количества материалов правомернее вести речь о различных этапах развития в рамках единой культуры развитого железного века Нижнего Енисея.

Делом будущего является также определение границ культурных ареалов позднего Средневековья данного региона и соотнесение их с конкретными этносами Сибири.

П.В. МАНДРЫКА

Россия, Красноярск

Красноярский государственный университет

СТЕПЬ И ТАЙГА: ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПЛЕМЕН РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕНИСЕЙСКОГО ПРИАНГАРЬЯ)

Эпоха раннего железного века знаменует собой появление в Средней Сибири многих форм предметов и обычаев, распространенных как в среде южных степных и лесостепных племен того времени, так и в среде северных таежных народов. В это время отмечаются широкие межплеменные связи и значительные перемещения народных масс на обширной территории не только Сибири, но и Евразии в целом. Народы южнотаежных районов также были вовлечены в эти процессы, приведшие к формированию здесь ряда самобытных культур. Для обоснованного решения вопросов об их происхождении, связи с другими культурами необходим обширный археологический материал. Имеющиеся на сегодняшний день источники позволяют лишь поставить некоторые вопросы и предложить предварительные пути их решения.

Енисейское Приангарье охватывает территорию долины р. Енисея и р. Ангары в западной части южнотаежной подзоны Средней Сибири и условно ограничивается на юге пос. Предивинск, на севере г. Енисейска и на востоке пос. Мотыгино и пос. Тасеево, то есть лежит севернее Красноярской лесостепи. Сочетание лесных массивов с незалесенными участками и лугами в поймах рек, присутствие источников металлургического сырья в предгорьях Енисейского кряжа облегчало адаптацию групп населения различных культурно-хозяйственных укладов, а разветвленная речная система способствовала их контактам с сопредельными и далеко отстоящими территориями.

До работ автора I тыс. до н. э. было белым пятном в истории древних племен Енисейского Приангарья, открытие здесь серии памятников этого времени имеет определенный научный интерес. Изучение их в пределах одного археологического микрорайона и даже комплекса позволяет установить их хронологическую последовательность. Привлекая другие известные памятники сопредельных районов, можно предварительно представить характер расселения здесь древних племен в раннем железном веке, определить их культурные связи и взаимоотношения.

О проникновении отдельных изделий из степного юга в лесостепные и таежные районы неоднократно упоминалось в работах Г.К. Мергарта (1923), Г.П. Сосновского (1923), В.Г. Карцова (1929), Г.А. Максименкова (1960, 1961), Р.В. Николаева (1962), Н.Л. Членовой (1966, 1967), Н.П. Макарова (1987) и других исследователей. А.П. Окладников (1978), и Н.Л. Членова (1992), основываясь на случайно найденных предметах и единичных погребениях, предполагали, что из степей Южной Сибири в тайгу проникали не только изделия, но и отдельные группы представителей степных племен. Отчасти это подтверждают новые материалы, полученные автором со стационарно изученных комплексов Енисейского Приангарья. Формирование этих комплексов проходило в различных культурно-хронологических условиях.

В период формирования культур раннетагарского времени в степях Южной Сибири южнотаежная территория заселялась племенами нижнепорожинской культуры, выделенной на материалах могильников Нижнепорожинский, Усть-Шилка-2 (погребения 1, 2, 3), селища Шилка-13 и многослойных поселений Нижнепорожинское-1 (второй культурный слой), Усть-Шилка-1 (второй культурный слой), Шилка-9 (четвертый культурный слой), Бобровка (четвертый «б» культурный слой) и др. Погребения этого этапа характеризуются обрядом труположения на спине, в грунтовых ямах, иногда с каменной кладкой. Все поселения открытого типа расположены в пойме р. Енисей и на террасах коренного берега. Каркасные жилища типа шалаша с двумя опорными столбами сооружались над прямоугольным неглубоким, до 30 см, котлованом. Нижнепорожинский керамический комплекс характеризуется сочетанием «вафельной», характерной для бронзового века, и гладкостенной керамики (примерно 1:3). Орнаментация сохраняет традиции позднего бронзового века, которые выражаются в наличии гладкой полосы в зоне шейки, рядов наколов, а также налепных валиков, как гладких, так и рассеченных различными наколами и пальцевыми зажимами. Практически все бронзовые орудия по форме и, возможно, по способу изготовления имеют исключительно степное происхождение и находят аналогии в раннетагарских минусинских бронзах.

Конец первой половины I тыс. до н. э. в Енисейском Приангарье характеризуется комплексами, изученными на поселении Бобровка (четвёртый «а» культурный слой), городище Шилка-2 и могильнике Усть-Шилка-2 (погребения 4, 5). Они объединяются по распространению баночных и кубковидных сосудов тагарских форм, но без лощения поверхности. Погребения устраиваются в грунтовых ямах, по обряду труположения на спине с обжиганием в могиле. Поселения представлены стоянками и городищем, но с незначительным по мощности культурным слоем. Жилища устраивались в прямоугольных котлованах, углублённых до 50 см. В комплексах доминируют железные орудия труда и оружие, хотя сохраняются и бронзовые изделия, копирующие формы Саяно-Алтая. Здесь же встречаются отдельные предметы (каменные наконечники стрел с роговыми обоймами) таежного происхождения.

Начало второй половины I тыс. до н. э. в Енисейском Приангарье характеризуется шилкинской культурой, материалы которой содержатся на городищах Шилка-2, Усть-Шилка-2, селищах Каменка, Чермянка (раскопки Н.П. Макарова и М.С. Баташева), а также поселениях (стоянках) Островки-1 (первый культурный слой), Стрелковское-1 (первый культурный слой), Шилка-9 (третий культурный слой) и Шилка-7 (первый культурный слой). Углубленные жилища прямоугольной формы покрывались конусообразной кровлей с земляным перекрытием. В жилищах находились гладкостенные горшки, украшенные двумя (реже тремя) рядами рассеченных налепных валиков и поясом ямок. Орудия труда представлены костяными, бронзовыми, а также железными (небольших размеров) изделиями. Наличие бронзовых всплесков и керамических льячек свидетельствует о местном бронзолитейном производстве шилкинцев, которые расселялись по долине Енисей ниже Казачинского порога.

Конец I тыс. до н. э. в южнотаежном районе характеризуется селищами Стрелковское-1 и Стрелковское-2 (раскопки С.М. Фокина), поселениями Язаевка (третий культурный слой), Зимовейное (первый культурный слой) и, возможно, Шилка-3 (раскопки Н.П. Макарова).

Материалы этой группы памятников близки малокореннинской культуре, выделенной Л.П. Хлобыстиным для районов северной тайги и лесотундры енисейской долины (1998), и, возможно, демонстрируют южный ее вариант. Керамика характеризуется круглодонными горшками, венчики которых выделены широкой налипной лентой и украшены накольчатыми и отступающими оттисками гладких орнаментов с приостренным концом. Каркасная кровля жилищ без столбовых опор устраивалась над прямоугольным котлованом, углубленным до 20-30 см. Керамика и редко встречающиеся бронзовые изделия имеют таежное происхождение (кельт с геометрическим орнаментом, двулопастной наконечник стрелы, трехлопастные шипастые наконечники стрел и др.).

Следует заметить, что за исключением распространения бронзовых изделий степных форм, какой-либо преемственности между памятниками выделенных культур не прослеживается. Особенно отчетливо это читается по керамике.

Представленные материалы позволяют реконструировать взаимоотношения племен степного юга и таежного севера на протяжении раннего железного века. В начале периода (VIII-VII вв. до н. э.) южнотаежная зона енисейской долины была занята лесным по происхождению и типу хозяйства населением. Оно проникало и в северные районы Красноярской лесостепи. Скорее всего, этому способствовали природно-климатические изменения, связанные с наступившим похолоданием и увлажнением, вызвавшие в свою очередь смещение границы леса к югу, особенно по пойме р. Енисей. Имеющиеся данные позволяют отметить мирный характер взаимоотношений южнотаежного населения с лесостепными соседями. При сопоставлении тагарских материалов Южной Сибири с находками нижнепорожинской культуры отмечается взаимный обмен предметами материальной культуры на бытовом уровне. На поселениях и могильниках нижнепорожинцев зафиксированы бронзовые двушковые кельты, однопетельные, однодырчатые, ажурные ножи с резными спиральными линиями и копытообразным знаком, шляпковидные шилья и другие изделия типично тагарского (минусинского) облика. Вместе с ними отмечаются сосуды баночной формы с каплевидным профилем венчика, сосуды с роговидными ручками, кружки, которые сходны с раннетагарскими только по форме. Отсутствие следов лощения на стенках и присутствие разнообразного орнамента на этой посуде указывает на местное ее производство, которое проводилось с сохранением автохтонных традиций, но с подражанием или, скорее всего, под влиянием южных соседей. Нижнепорожинцы сформировали своеобразную культуру на местной основе, но под большим влиянием степняков. Скорее всего, они выступали посредником между культурами степи и лесостепи и народами сибирской тайги, особенно в распространении бронзовых изделий. Обратное влияние лесных народов на степняков выражается в распространении некоторых элементов орнаментации керамики и бронзовых изделий, что уже отмечалось в литературе (Членова, 1966; Мартынов, 1979; и др.).

К концу первой половины I тыс. до н. э. взаимоотношения степняков с северными лесными племенами долины Среднего Енисея усложняются. На их военный характер указывают впервые появляющиеся в южной тайге городища и погребения с оружием. Теперь степные племена, пришедшие в лесостепь мощной миграционной волной, вклиниваются и в южнотаежные районы. Здесь местные нижнепорожинские и другие племена леса были частично уничтожены, частично вытеснены или ассимилированы и подчинены пришельцам. Картографирование имеющихся на сегодняшний день памятников показало, что тагарская керамика распространяется на север по долине р. Енисей только до Казачинского порога. В более северных глубинных районах в разнотничной местной среде отмечается проникновение только предметов скифо-сибирского искусства, очевидно, связанных с эпохальным распространением религиозного мировоззрения степняков. Закрепиться надолго выходцам с юга в таежной зоне не удалось (а может, не было в этом необходимости), и они отступили в привычные для них открытые участки лесостепи, где сохранили свою культуру до рубежа эпох.

Во второй половине I тыс. до н. э. на южной окраине таежной зоны долины р. Енисей формируется новая культурно-этническая среда, сохраняющая преемственность предшествующего времени. Материальная культура в целом принципиально иная, но сохраняет традиции скифо-тагарского степного мира. С этого времени контакты со степными культурами, возможно, имели определенную экономическую основу в виде обмена продуктами тайги, главным образом мехов, на то, что давали степные племена. Мирный характер сосуществования народов тайги с позднеатагарским населением лесостепного Красноярского района подтверждается присутствием в курганах Ковригино, Коркино-1, 2 среди европеоидных костяков четырех черепов с признаками монголоидной расы (Дремов, Рейс, 1996, с. 103). Наличие в кургане у Военного городка фрагментов сосудов-дымокуров с прямоугольными ушками, черепков, украшенных обмазочными и волнистыми жгутиковыми валиками (Дэвлет, 1964), также указывает на присутствие лесных элементов в тагарской среде.

Таким образом, планомерное изучение контактов населения лесостепи и южной тайги в долине Среднего Енисея позволило создать качественно новую источниковую базу для определения южных границ расселения народов леса и их взаимоотношений с южными соседями. Представляется, что в их основе лежали сложные и противоречивые этнические и культурные процессы, связанные с неоднократными перемещениями разноэтнических групп населения с различными хозяйственно-культурными типами, не в последнюю очередь обусловленными природно-климатическими и другими факторами.

Д.Н. МАСЛЮЖЕНКО

Россия, Курган

Курганский государственный университет

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАННИЙ ПЕРИОД ЭВОЛЮЦИИ БАКАЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ (НЕАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА АРХЕОЛОГИЧЕСКУЮ ПРОБЛЕМУ)

Носители традиций бакальской археологической культуры являются, по сути, единственной автохтонной группой, населявшей лесостепное Притоболье в эпоху Средневековья. Однако до сих пор точно не выяснены ее происхождение и механизмы функционирования, а также процесс исчезновения (в традиционной хронологии - переход от первого этапа ко второму, который может быть рассмотрен не только как смена культурных стереотипов, но и как коренное изменение этнического состава населения). Попытаемся отстраниться от «археологической» интерпретации археологических культур и рассмотреть их с точки зрения исторического развития этнических групп. По всей видимости, проблемы эволюции бакальской культуры не могут быть рассмотрены без анализа общей этнополитической ситуации в этот период. Отметим, что автор идет на очевидное допущение, сравнивая «культуру» с группой людей (Маслюженко, 2003, с. 33-37).

Бакальская археологическая культура была выделена К.В. Сальниковым по материалам работ в пойме р. Исеть, который датировал ее IV-VIII вв. (1956, с. 212-214; 1961, с. 37-48). Т.М. Потемкина и В.А. Могильников предложили другие рамки существования культуры в IX-XV вв., с разделением на два этапа: IX-XI вв. и XII-XV вв. (Потемкина, 1964, с. 257-259; Могильников, 1987, с. 179-183). Данная датировка базировалась на немногочисленных аналогиях инвентаря с иными территориями и находках нескольких железных изделий, характеризовавших комплекс рассмотренных ими городищ. Определение хронологии бакальской культуры остается наиболее важной проблемой, что связано, в частности, с небольшим количеством железных изделий, обнаруженных на бакальских памятниках. Эта проблема особенно обострилась после

пересмотра материалов Пахомовского могильника на р. Ишиме в сторону кыпчакской принадлежности (Зыков, 1990, с. 3-10), что лишило выделяемую культуру погребальных памятников. В последнее время прослеживается стремление к удревнению дат и возвращению к датировке, предложенной К.В. Сальниковым (см., например: Морозов, Боталов, 2001, с. 135-137). Необходимо учесть, что эпонимные (лишь частично раскопанные) для бакальской культуры городища могут быть не характерны для ранних этапов бытования этой группы населения.

Существенными факторами в рассмотрении проблемы является близость строительных и керамических традиций саргатской и бакальской культур (Овсянников, 1997, с. 16; Овчинникова, 1986, с. 133-141). В.А. Могильников в более поздних работах писал о том, что позднесаргатские памятники IV-V вв. непосредственно переходят в раннебакальские VI-VII вв. и синхронны протокушнареновским (Перейминский и Козловского могильники, а также Логиновское городище в северной части лесостепи) (1996, с. 8-9). В результате памятники раннебакальской культуры в географическом плане были разбросаны по всей лесостепи от Тоболо-Исетья до Иртыша и Ишима.

Обратимся к событиям, которые предваряют рассмотренные проблемы. После ухода гуннского племенного союза в поход на запад начинается отток саргатских (протомадьярских) групп на север в тайгу, сопровождающийся одновременной миграцией в освободившуюся лесостепь Южного Зауралья казахстанских кочевников с юга и таежных групп с севера. Северная волна проникновения связана с группами населения, для которых была характерна гребенчатая и шнуровая орнаментация сосудов, возможно, так называемые «кашинско-прыговские комплексы» (Ковригин, Шарапов, 1996, с. 67-73). В.Д. Викторова и В.М. Морозов считают, что на ряде памятников раннебакальская керамика с резной орнаментацией залегает в одном слое с гребенчатой туманского и кашинско-прыговского (среднее течение р. Исети) типов, что отражает процесс инфильтрации групп таежного населения в лесостепь в V-VI вв. (1993, с. 178).

В пограничье со степью ситуация была еще более сложной. Существует мнение, что на южной кромке лесостепи Южного Урала и Западной Сибири сформировалась единая этнокультурная область (Боталов, 1988, с. 132). Эта группа кочевого лесостепного населения Южного Зауралья и прилегающих территорий в раннее Средневековье в этническом плане может быть названа протомадьярской. Хотя их идентификация с упоминаемыми в письменных источниках «маджуджами и яджуджами» в высшей степени дискуссионна. С большой долей вероятности можно допустить, что эта группа населения представлена кушнареновской и караякуповской культурами Южного Урала.

Существование в южной лесостепи протомадьярских групп населения совпадает с формированием Первого Тюркского и Западнотюркского каганатов. В письменных и археологических источниках почти нет данных о взаимоотношениях тюркских каганов с лесостепным населением Южного Зауралья. Так, например, Н.А. Тадина считает, что Тюркский каганат поддерживал политику проникновения отдельных тюркских родов по речным долинам с юга вплоть до кромки тайги (Тадина, 1984, с. 56). Однако очевидно, что дальнейшие миграции лесостепного населения Южного Зауралья тесно связаны с деятельностью Тюркских каганатов. В частности, в 580-х гг. в Первом Тюркском каганате начинаются междоусобные войны (Кызласов, 2001, с. 123). Дестабилизация степей и усиление давления на лесостепь в ходе этих событий и вмешательства Танского Китая (Гумилев, 1993, с. 243-245), а также разгром угорского восстания, привели к началу миграции зауральского населения в Южное Приуралье (формирование памятников кушнареновского типа), которые продолжались до середины VII в. (Иванов, 1990, с. 16).

Оставшемуся в лесостепи населению, в том числе протомадьярскому (керамика в северной зоне лесостепи сохраняется до VIII-IX вв.), необходимо было срочно укрепить свои позиции. Единство этнополитических и экономических интересов приводит к процессам интеграции

ряда родственных племен («караякуповская» группа). В 682 г. тюрки-тугю подняли восстание, установив власть Второго Тюркского каганата. Южнозауральское население продолжало поддерживать со степным миром традиционные военные и торговые контакты, необходимые для существования северного ответвления Великого Шелкового пути. Возможным свидетельством контактов являются находки ряда среднеазиатских вещей VII-VIII вв. в лесостепи (Шляхова, 1977, с. 287-292). Скорее всего, автохтонное прамадьярское население могло вновь выступить в качестве торгового посредника с Тюркскими каганатами, в то же время сила каганата не позволяла им избежать и даннических отношений. Отряды угров входят в состав войск каганата (Мажитов, 1981, с. 77). Полиэтнический состав населения Южного Зауралья в VII-VIII вв. подтверждается материалами могильника Усть-Суерка IV (Шилов, Маслюженко, 2004, с. 100-103).

В начале VIII в. тюрки разгромили танский Китай и ряд других государств, однако восстание подчиненных племен (уйгуров, кипчаков и других) в 742-745 гг. окончательно уничтожило власть каганата (Могильников, 1981, с. 30). В результате часть лесостепных групп («караякуповцы») в середине VIII в. откочевывают в Приуралье. Непосредственным стимулом усиления миграции в Приуралье в VIII в. стало появление Кимакского каганата и расширение в середине века территории воинственных кыпчаков на запад от р. Иртыша (Иванов, 1990, с. 34-35). Изначальное давление кыпчаков представляло лишь миграции небольших групп. Миграции мадьяр нашли отражение и в письменных памятниках. У ал-Гарнати сообщается, что мадьяры жили вначале где-то возле Йуры (Югры), а потом попали в Башгирд и Булгар (Путешествие..., 1971, с. 59-60).

Появление хорошо укрепленных городищ бакальской культуры отражает особенности внешнеполитических связей. По всей видимости, ситуация здесь была аналогичной событиям начала раннего железного века. Как пишет В.А. Борзунов, «закономерной реакцией лесостепных коллективов на возрастающую агрессивность степных племен явилась активизация строительства пограничных «крепостей» (2002, с. 93). Вероятно, часть прамадьярского населения укрылась за оборонительной системой городищ по рекам Исети и Тоболу. Среди него были группы, оставившие на р. Ишиме Коловское городище с керамикой, очень близкой бакальской, а также мадьяры (Крестьянникова, Еманов, 2002, с. 417). Чрезвычайно интересным является в этом отношении Усть-Терсюкское городище, где найдена как раннебакальская, так и потчевашская керамика. При этом крайне южные укрепленные памятники собственно бакальской культуры развитого этапа (Усть-Утякское I городище или Змеиная горка) не опускаются ниже параллели г. Кургана (Кайдалов, Шилов, Маслюженко, 2003, с. 115-116), приблизительно соответствовавшей границе со степью.

С учетом рассмотренной этнополитической обстановки необходимо удревнить часть бакальских городищ и отнести раннюю дату формирования собственно бакальской культуры к VIII в., то есть к эпохе кризиса Второго Тюркского каганата и связанным с этим «смутным временем» в северной степи и лесостепи (миграция мадьяр) (Маслюженко, Кайдалов, 2002, с. 25-37). Видимо, население Южного Зауралья, известное как бакальское, на раннем этапе (V-VIII вв.) сформировалось как полиэтничное, слиянию способствовала родственность корней. Статистический обсчет городищ, проведенный В.В. Овсянниковым, показал значительную близость саргатских и караякуповских традиций строительства, причем наиболее близкие к ним сохраняются и в бакальских городищах. Также схож комплекс вооружения у носителей караякуповской и потчевашской культур (Овсянников, 1997, с. 12-18). Сходство систем укреплений находит свое объяснение в возможном влиянии иртышско-ишимских мадьяр на возрождение строительных традиций населения Южного Зауралья. По мнению В.А. Могильникова, близкие к ним «перейминские комплексы» как тупиковая ветвь развития угорского массива были полностью ассимилированы уграми бакальской культуры (1993, с. 170). В русле принятой точки зрения следует отметить, что наблюдается совместное залегание групп

керамики на городищах, а также сходство керамических традиций (по Г.И. Матвеевой) караякуповской и бакальской культур, проявляющееся, в частности, в поясах ямок по шейке и ряде других элементов (Мажитов, 1977, с. 74).

Н.П. МАТВЕЕВА

Россия, Тюмень

Институт проблем освоения Севера СО РАН

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ КОЛОВСКОГО ГОРОДИЩА

Культурные процессы второй половины I тыс. н. э. в лесостепной зоне Зауралья по-прежнему малоизучены. Спорными остаются хронологические рамки и основные характеристики эпохи в силу недостаточной репрезентативности имеющихся на сегодняшний день источников. Краткое изложение проблем выделения и определения историко-культурного содержания понятия «бакальская культура» дано в ряде работ уральских археологов (В.Д. Викторова, В.М. Морозов). Согласимся с ними в том, что главными причинами недостатка данных являются компрессия культурных слоев на важнейших поселениях и наличие датирующих предметов только позднего времени, а также отсутствие могильников. Поэтому каждый новый памятник с материалами Средневековья из лесостепи вызывает большой интерес.

Городище Коловское представляет трехплощадное мысовое укрепление на Средней Исети. Памятник исследовался автором в 2001-2004 гг. Основная часть его культурного слоя представлена разновременными сооружениями бархатовской и саргатской культур, и лишь в верхней его части, в дерне и под ним встречены артефакты эпохи Средневековья. Наличие эшелонированной обороны крепостей еще недавно считалось признаком средневекового военного дела, но и это новаторство в фортификации теперь надежно датировано концом раннего железного века (Матвеева, 2000). При раскопках оказалось, что все котлованы жилищ и оборонительные линии, видимые в рельефе, являются следами жизнедеятельности населения раннего железного века. Несмотря на вскрытие значительной площади на всех трех площадках, на памятнике не было обнаружено никаких долговременных средневековых сооружений, но собраны керамика и инвентарь разных культур.

Стратиграфия и планиграфия памятника очень сложны ввиду многократного заселения и перестроек, хотя культурный слой невелик по мощности и составляет 0,5 - 0,7 м вне котлованов. Остатки деятельности населения эпохи Средневековья представлены рядом кострищ и развалов сосудов, а также короткими и широкими канавками глубиной 0,2 - 0,3 м вокруг очагов, вероятно, последние являются следами наземных жилищ.

Средневековая керамика многочисленна и представлена в основном фрагментами посуды бакальской культуры. Она расположена в верхних слоях раскопа, в основном в дерне и находившемся под ним слое черной супеси, хотя встречается и в более глубоких слоях, в перекопах. Сосуды толстостенные, грубой лепки, делятся на горшковидные и чашевидные. Тесто коричневое, с шамотом, заглажено и орнаментировано небрежно. Орнаментирована верхняя треть сосуда. По декору керамику можно разделить на три типа. Чашевидные емкости украшены бедно, в основном пояском ямок или в сочетании пояска ямок с насечками по венчику. Горшковидная керамика орнаментирована более богато, выделяются сосуды, декорированные по венчику решеткой, насечками, зигзагом. Ниже, в зоне перехода от шейки к тулову, обычно пролегал ряд ямок. Есть более нарядная группа сосудов горшковидной формы, украшенных по венчику решеткой, насечками или зигзагом, с пояском ямок под ними, а по верхней части тулова идут пояски из рельефного узора, нанесенного пальцевыми или ногтевыми вдавлениями.

Из инокультурной средневековой керамики встречены кушнаренковские черепки примерно от 20 горшков. Кушнаренковская керамика более фрагментирована, чем бакальская, хорошо отличается от нее по технологии и орнаменту. Собрана и на территории жилищной застройки, в частности в заплывшей западине от самого позднего жилища 7, и на валу второй площадки. Кушнаренковская керамика залегала в тех же горизонтах, что и бакальская. Тесто хорошо отмученное, поверхность черепков тщательно заглажена и залощена, цвет ярко-красный или ярко-коричневый. Сосуды тонкостенные, по формам подразделяются на горшки и кувшины. Венчик округлый, во всех случаях отогнут, шейки встречаются как короткие, так и высокие, прямые. Посуда украшена в основном по шейке аккуратными вертикальными насечками, которые разделены врезанными горизонтальными линиями или, как на кувшиновидном сосуде, - оттиском тонкой крученной веревочки. Часть сосудов не орнаментирована.

Встречена также керамика лесного облика, вероятно, переходная от карымской к потчевашской, залегающая в тех же слоях и горизонтах, что и кушнаренковская, таким же образом фрагментирована. Культурная атрибуция ее затруднительна частично из-за сильной фрагментации сосудов, частично из-за малой изученности культур раннего Средневековья в лесостепном и южнотаежном Притоболье. Керамика орнаментирована наклонными отпечатками гребенчатого штампа, расположенного наклонно в виде полос или ромбов, имеются ямки и вдавления, фигурный штамп в виде прямого креста.

Керамика юдинской культуры малочисленна, располагалась скоплениями в основном на второй площадке городища сразу под дерном в участках, на валу и поверх самого позднего рва. Очевидно, она маркирует определенный эпизод обитания на городище, скорее всего, следующий за бакальским. Посуда представлена горшковидными и чашевидными формами, круглодонная. Тесто плотное, хорошо обожжено, стенки тонкие. Венчики имеют карнизники, орнаментированы густыми отпечатками мелкого гребенчатого штампа. По шейке обязателен поясок мелких и частых круглых ямок. Орнаментация плотная, нанесена в резной, прочерченной и шнуровой технике, реже фигурным штампом в виде чередующихся поясов разных элементов узора. Среди последних встречаются горизонтальные, наклонные линии, зигзаги, «бахрома».

Из инвентаря к остаткам позднего периода следует отнести несколько железных ножей, шлаки и раскованную как зеркало овальную бронзовую пластину, невыразительные обломки бронзового литья, цилиндрическую костяную бусину, железную прямоугольной формы пластинку толщиной 2 мм, напоминающую панцирную.

Таким образом, достоверно средневековых стационарных сооружений не выявлено, предположительно можно заключить, что фортификация этого времени отсутствует, жилые постройки были легкими, переносными, а население бакальской культуры вело подвижный образ жизни.

К сожалению, новых хронологических материалов для уточнения датировки бакальской культуры не имеется, за исключением двух датировок радиоуглеродным методом, выполненных Л.О. Орловой в Объединенном институте геологии, геофизики и минералогии СО РАН, по углю из горелых бревен, лежавших горизонтально в слое на вершине вала цитадели Коловского городища. Одна из дат раскопа 2001 г. - 1465 ± 25 лет, другая - 1475 ± 30 лет. Они относятся к самому позднему эпизоду строительства оборонительных сооружений на валу. По программе калибровки датировок по C-14 их совокупный интервал с 68,2% вероятностью находится в интервале 455-510 AD, с вероятностью 95,4% - 430-535 AD. Таким образом, они могут относиться как к финальному периоду саргатской культуры, так и к раннему Средневековью.

Послесаргатская и доюдинская составляющая бакальского комплекса тем не менее очевидна, она согласуется с залеганием в слое кушнаренковской керамики. Данные наблюдения делают актуальной постановку вопроса об удревнении бакальской культуры и помещении ее в схеме историко-культурного развития Зауралья в период раннего Средневековья.

Н.П. МАТВЕЕВА, Т.Н. РАФИКОВА

Россия, Тюмень

Институт проблем освоения Севера СО РАН

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЮДИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Впервые своеобразие средневековых керамических комплексов лесного Зауралья, заключающееся в шнуровой орнаментации керамики, было отмечено В.Н. Чернецовым в 50-е гг. XX в. (1957, с. 180). В начале 1960-х гг. В.А. Могильников, рассматривая средневековый период южной части лесной полосы Западной Сибири, отметил отличие памятников туринского района, состоящее в шнуровой орнаментации керамических комплексов с малой долей гребенчатых, фигурно-штампованных и резных элементов (1964, с. 12). В 1960-1970-х гг. на материалах ряда новых средневековых объектов В.Д. Викторова охарактеризовала основные признаки юдинской культуры (приземистые круглодонные сосуды с гребенчато-шнуровым принципом орнаментации) и два локальных варианта (юдинский и заозерный) в ее составе (1968, с. 245-248). В последние годы Н.П. Матвеевой, Е.А. Зайцевой, Т.Н. Бахаревой освещены локальные особенности, прослежена динамика форм и декора юдинской керамики (Матвеева, Зайцева, 2004, с. 51-63; Матвеева, Бахарева, 2004, с. 129-133). На сегодняшний день среди орнаментов юдинских керамических коллекций вычленен только один, самый яркий признак, отличающий ее от других средневековых комплексов (кинтусовских и усть-ишимских) - использование шнура. Исследование по выявлению иных культуроопределяющих признаков юдинской культуры (специфические орнаменты, принцип их нанесения, композиционное построение узора) и мотивов, заимствованных в процессе взаимодействия с соседними культурами, не проводилось и стало целью данной работы.

Анализ юдинской керамики производился на материалах городищ Барсучье, Святой Бор-5, Ипкуль-13, расположенных в бассейне р. Тавды, Красногорское - р. Исети, Криволукское - р. Тобола. Посуда изготовлена из хорошо промешанного теста с примесью песка, шамота, органики, талька и слюды, ее внешняя поверхность тщательно залощена, внутренняя обработана щепой или пучком травы, оставляющей тонкие штрихи. Сосуды представлены приземистыми, круглодонными чашами и горшками с прямой шейкой, доля которой преобладает во всех комплексах, а также отогнутой (занимает 10-25%) и выгнутой (20-30%) шейкой. По срезу венчика выделено четыре типа, их процентное соотношение для разных форм сосудов различно. Закономерность в распределении форм бортиков по локальным вариантам не выявлена (см. табл.).

Таблица

Характеристика параметров сосудов юдинских керамических комплексов

Параметры	Городище				
	Барсучье	Святой Бор-5	Ипкуль-13	Красногорское	Криволукское
1	2	3	4	5	6
Горшки (кол-во)	160	38	101	41	56
Чашы (кол-во)	111	28	43	11	29
Венчик горшков (%)					
-скошен внутрь	43,1	7,9	36,6	29,3	10,7
-заострен	16,3	42,1	33,7	26,8	42,9
-прямой	11,8	15,8	4,9	19,5	10,7
-округлый	26,3	34,2	24,8	24,4	35,7
-скошенный наружу	2,5	0	0	0	0

1	2	3	4	5	6
Венчик чаш (%)					
-скошен внутрь	65,7	26,7	25,5	9,1	34,5
-заостренный	7,3	30	32,5	18,2	44,8
-прямой	5,4	10	13,9	9,1	3,5
-округлый	21,6	33,3	27,9	63,3	17,2
Конфигурация шейки (%)					
-прямая	41,3	57,9	65	43,9	59
-выгнутая	31,9	23,7	29	31,7	19,6
-отогнутая	26,8	18,4	7	24,4	21,4
Профилировка шейки (%)					
-вогнута внутрь	13	47	92,9	33	58,3
-слабоотогнута	60,9	53	7,1	67	41,7
-среднеотогнута	21,7	0	0	0	0
-сильноотогнута	4,4	0	0	0	0

В составе юдинской культуры по ряду деталей в орнаментации и композиционном построении узора выделены два локальных варианта, условно названных южным (туринским) и северным (тавдинским). Принцип нанесения узора зональный: по срезу венчика, верхней и основной части шейки, плечу. Украшение среза венчика наклонными резными или гребенчатыми линиями, с преобладанием последних, типично для всех комплексов, по бортику тавдинских сосудов дополнительно наносились зигзаг и елочка.

Лидирующим мотивом в украшении верхней части шейки сосудов являются наклонные гребенчатые линии, причем их доля в керамике Красногорского и Криволукского городищ на порядок выше. Помимо них в комплексах обоих вариантов встречены горизонтальная елочка и вертикальный зигзаг, выполненные в гребенчатой технике. Орнаментация резной елочкой, горизонтальными резными, гребенчатыми, прочерченными линиями, решеткой выявлена только на поселениях северного варианта.

В орнаментации основной части шейки доля ряда орнаментов (горизонтальных шнуровых линий, вертикальных и наклонных гребенчатых линий, кружково-овальных, квадратно-ромбических, уголкового оттиска, зигзагов, решетки, елочки) на памятниках северного варианта выше, чем на южных. Лишь в декоре гребенчатыми горизонтальными линиями коллекция Красногорского городища превзошла все остальные комплексы (рис. 1).

Плечико сосудов памятников южного варианта украшалось наклонными гребенчатыми и резными линиями, доля вертикальных гребенчатых оттисков приблизительно равна для всех объектов. Отличительной чертой керамики северного локального варианта являются фестоны и вертикальные столбики, выполненные с помощью уголкового, ромбического, треугольного штампов (рис. 2).

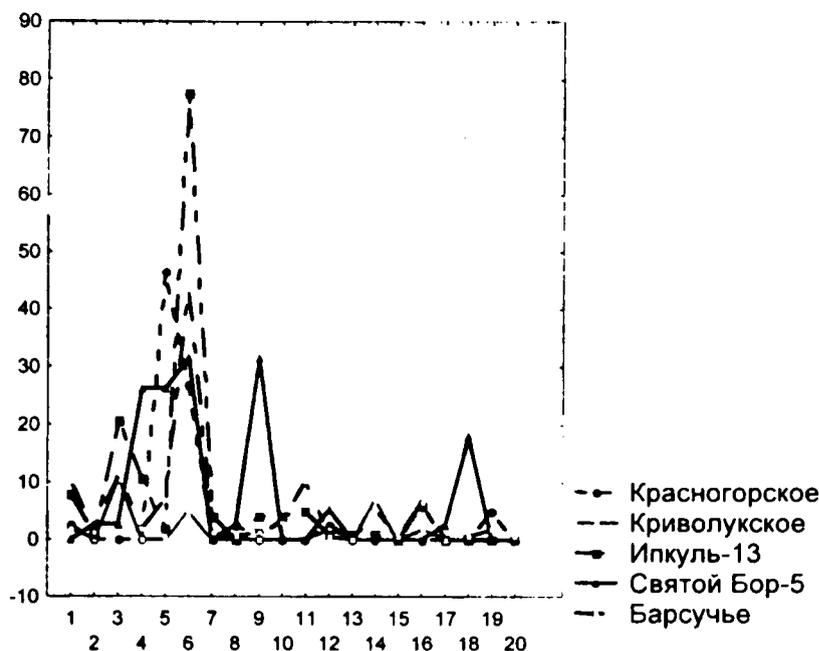

Рис. 1. Орнаментация шеек сосудов городищ юдинской культуры: 1 - наклонные гребенчатые линии; 2 - наклонные резные линии; 3 - вертикальные гребенчатые линии; 4 - вертикальные резные линии; 5 - горизонтальные гребенчатые линии; 6 - горизонтальные шнуровые линии; 7 - горизонтальные прочерченные линии; 8 - горизонтальные резные линии; 9 - горизонтальный гребенчатый зигзаг; 10 - горизонтальный резной зигзаг; 11 - уголок; 12 - кружково-овальный; 13 - треугольник; 14 - квадратно-ромбический; 15 - трехлиственник; 16 - взаимопроникающие треугольники; 17 - гребенчатая решетка; 18 - резная решетка; 19 - горизонтальная гребенчатая елочка; 20 - горизонтальная резная елочка

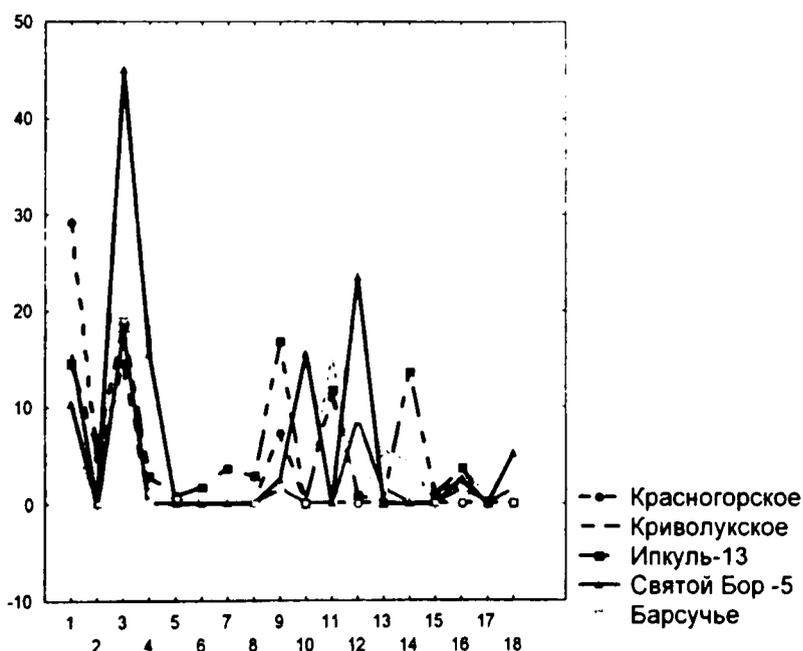

Рис. 2. Орнаментация плечиков сосудов городищ юдинской культуры: Признаки: 1 - наклонные гребенчатые линии; 2 - наклонные резные линии; 3 - вертикальные гребенчатые линии; 4 - вертикальные резные линии; 5 - горизонтальные прочерченные линии; 6 - горизонтальные прочерченные линии; 7 - горизонтальные шнуровые линии; 8 - горизонтальный гребенчатый зигзаг; 9 - горизонтальный резной зигзаг; 10 - горизонтальная гребенчатая елочка; 11 - горизонтальная резная елочка; 12 - уголок; 13 - кружково-овальный; 14 - квадратно-ромбический; 15 - треугольные фестоны из уголков; 16 - треугольные фестоны из ромбов; 17 - треугольные фестоны из круглых вдавлений; 18 - спускающиеся столбики уголков; 19 - решетка; 20 - вертикальная гребенчатая елочка

Итак, анализ декора юдинских керамических комплексов выявил большее разнообразие в узорах и их техническом нанесении для керамики северного варианта. Основной композицией южных памятников является следующая: наклонные или вертикальные линии в гребенчатой либо резной технике, нанесенные по краю шейки и плечу с заключенными между ними многорядовыми горизонтальными гребенчатыми или шнуровыми линиями. Иногда композицию завершал пояс из ромбов или гребенчатая елочка. Плечико городищ Барсучье, Святой Бор-5, Ипкуль-13 в ряде случаев орнаментировано фестонами и столбиками из треугольников, уголков, крестов, ромбов, что придает посуде более нарядный вид. Из орнаментов чаш доминируют ямки, которые сочетаются с наклонными гребенчатыми или резными линиями, горизонтальной гребенчатой елочкой, горизонтальными шнуровыми оттисками, а на посуде тавдинских памятников - с рядами уголкового и квадратно-ромбического штампов.

Большой процент фигурных элементов и мотивов из них в орнаментации памятников бассейна р. Тавды можно объяснить, вслед за В.А. Могильниковым (1987, с. 170-171), взаимодействием с населением нижеобской культуры. Необходимо отметить, что ряд штампов (крестовый, кружково-овальный, квадратно-ромбический) фиксируется во всех средневековых комплексах Западной Сибири (юдинских, кинтусовских, усть-ишимских) и восходит, видимо, к одному из субстратных компонентов (карымскому) средневековых культур. Заимствованными можно считать принцип украшения треугольными фестонами и столбиками, заполненными разными оттисками, а также взаимопроникающие треугольники, характерные для керамики вожпайского типа (Федорова и др., 1991, с. 134, 137-138). Результатом обменных или брачных контактов стало появление на городище Святой Бор-5 группы сосудов с рубчатым валиком по шейке, распространенным на посуде кинтусовского этапа (Там же, с. 137). Отражением контактов с Прииртышьем или Нижним Приобьем является зафиксированный в коллекции Красногорского городища фрагмент чаши со свисающим карнизиком, орнаментированный решеткой по краю венчика и фестонами из крестового штампа, что не характерно для юдинской керамики.

Таким образом, с помощью детального анализа и сопоставления керамических комплексов юдинского и нижеобского населения выявлена их близость, проявившаяся в одинаковых формах сосудов (круглодонные слабопрофилированные горшки и чаши), а также в зональном расположении орнамента и плотном нанесении узора, что объясняется принадлежностью к одной угорской общности. Для юдинской культуры характерны тонкостенные сосуды, тщательно залощенные снаружи и затертые травой или щепой изнутри. Отличительным признаком орнаментации керамики юдинской культуры является бордюрная композиция, разворачивающаяся по поверхности шейки и плечика и представленная рядами наклонных или вертикальных резных или гребенчатых оттисков с заключенными между ними многорядовыми шнуровыми или гребенчатыми линиями. В ряде случаев в шахматном порядке по шейке или одним-двумя рядами по тулову нанесен кружково-овальный и квадратно-ромбический штампы. В тавдинских комплексах тулово орнаментировано свисающими вершиной вниз треугольниками или столбиками из оттисков уголков, ромбов, крестов, треугольников и т. д., придающими посуде нарядный вид.

В.И. МОЛОДИН

Россия, Новосибирск

Институт археологии и этнографии СО РАН

УСТЬАРТАССКАЯ КУЛЬТУРА

Валерий Николаевич Чернецов был ученым, широко известным своими достижениями в области археологии и этнографии западносибирского Севера и Урала. Его статьи и монографии широко востребованы научным сообществом вплоть до сегодняшнего дня, они отличаются

комплексным подходом к интерпретации археологических источников, чему, несомненно, способствовало прекрасное знание этнографии, языка и мифологии сибирских аборигенов. Являясь к тому же блестящим педагогом, воспитавшим таких выдающихся ученых, как, например, доктора наук М.Ф. Косарев и З.П. Соколова, Чернецов был и не менее известным организатором науки, стоящим у истоков нашего сегодняшнего совещания, успешно функционирующего на протяжении вот уже нескольких десятилетий.

Именно такие ученые, как В.Н. Чернецов, А.П. Окладников, М.П. Грязнов, С.И. Руденко, С.В. Киселев, по существу заложили основу сибирской археологии, разработав основополагающие историко-культурные схемы, да и сами они являлись авторами блестящих полевых открытий по-настоящему мирового класса. Эти ученые, основатели научных школ, способствовали расширению археологического поиска, благодаря чему наши представления об археологии Сибири в незначительный срок существенно пополнились, а в ряде случаев и изменились.

Все вышесказанное относится и к территории лесостепного Обь-Иртышья, о котором пойдет речь в данной работе. Именно здесь за последнее тридцатилетие был открыт и исследован ряд ярких и самобытных археологических памятников, позволивших выделить не менее яркие археологические культуры, существенно дополнившие наши представления об этнокультурных процессах, протекавших на данной территории в конце плейстоцена - голоцена.

К числу таких образований относится недавно выделенная мною устьгартасская культура эпохи раннего металла (Молодин, 2001, с. 113-121), открытая благодаря информативному могильнику Сопка-2/3, 3А, где было исследовано 67 захоронений. Важно подчеркнуть, что памятник был исследован полностью.

Выделение устьгартасской культуры было в целом доброжелательно воспринято научной общественностью (Матющенко, 2003, с. 125; Бобров, 2004, с. 177-179), хотя в рецензии профессора В.В. Боброва справедливо указывается на слабые места в работе. Они обусловлены в первую очередь состоянием источниковой базы. Поисковые работы последнего десятилетия в означенном регионе позволили сделать ряд важных открытий новых памятников, которые также относятся к устьгартасской культуре (рис. 1). Новые материалы заставляют еще раз обратиться к данной культуре, что может быть актуальным еще и потому, что разрушенная в начале 1990-х гг. система книгообмена крайне негативно сказалась (да и продолжает сказываться!) на оперативном получении научной информации, особенно специалистами, работающими на периферии.

На сегодняшний день увеличилось количество археологических памятников, относящихся к устьгартасской культуре: погребение № 19 памятника Крючное-6 (Молодин, Новиков, 1999, с. 292-294); серия захоронений могильника Крохалевка-13, изученных А.А. Адамовым и Т.Н. Троицкой. Результаты исследований, к сожалению, до сих пор не опубликованы. В последние годы в Барабинской лесостепи открыты еще два могильника означенной культуры. К их числу относятся несколько захоронений разновременного могильника Гришкина Заимка (Молодин, Парцингер, Гаркуша, 2000, с. 453-455), а также погребение № 51 могильника Тартас-1 (Молодин, Парцингер, Гришин и др., 2004, с. 363), исследуемого в настоящее время. На разновременном памятнике Автодром-2 выделяется первый поселенческий комплекс данной культуры (Молодин, Бобров, Чемякина и др., 2003, с. 423-427). Новые материалы расширяют характеристику данной культуры, ярко очерчивают ареал ее распространения в лесостепной части Обь-Иртышского междуречья. При этом базовым и наиболее информативным объектом по-прежнему остается курганный могильник Сопка-2/3, 3А, в котором выявлено 67 захоронений, где покоилось не менее 198 человек (Молодин, Новиков, 1999, с. 292-294).

Могильники чаще грунтовые (кроме Сопки-2/3). Поэтому погребения данной культуры были обнаружены либо случайно, во время исследования более поздних комплексов (Крючное-6), либо с привлечением геофизических методов, успешно применяемых на Тартасе-1 (Молодин,

Чемякина и др., 2004, с. 372-377), либо в результате применения методики изучения объекта методом вскрытия сплошной площадью (Сопка-2, Гришкина Заимка), к сожалению, пока безуспешно пропагандируемую автором (Молодин, 1992). Могильники сооружались на высоких коренных террасах равнинных рек. Если отнесение части поселения Автодром-2 к устьгартасской культуре окажется справедливым, то можно, по-видимому, говорить о сильной влажности климата в регионе, когда поймы и даже первые надпойменные террасы находились под водой. В настоящее время поселение Автодром-2, расположенное на краю второй надпойменной террасы, находится в нескольких километрах от реки (Молодин, Новиков, 1998).

Погребальный обряд данной культуры весьма специфичен, что делает его, несомненно, культурнодиагностируемым. Можно предполагать, что наряду с небольшими кладбищами существовали крупные некрополи (типа Сопка-2/3, 3А), устраиваемые в особых сакральных местах и функционирующие длительное время. В таком случае налицо достаточно строгая организация сакрального пространства, когда погребения располагались рядами, формируемыми по линии С-Ю, внутри же самих рядов погребения располагались по линии З-В (Молодин, 2001, генплан). Было выявлено и наличие над рядом захоронений земляных сооружений со сложной системой ям и рвов. Количество могил под насыпью варьирует от 1 до 21, а количество похороненных людей - от 2 до 33. Величина и планиграфия могильных ям зависит от количества погребенных. Наиболее типичной следует считать длину могилы в пределах от 201 до 300 см, ширину - от 60 до 150 см, глубину - от 12 до 100 см. Устойчивым показателем является ориентация могильных ям и погребенных людей на ССВ с отклонением на С и СВ. Отмечены индивидуальные и коллективные захоронения. Среди коллективных распространены тройные, хотя встречаются и парные погребения, а также могилы, где было похоронено от 4 до 15 человек. Погребенные в могилах размещались рядами и ярусами (до трех). Доминируют вторичные захоронения. Отмечены следы расчленения (рубки) трупа, присутствие охры. В захоронениях Тартаса-1 и Гришкиной Заимки - следы огня на костях погребенных, а на Сопке-2/3, 3А - кремация в могиле и на стороне. Мужчин, женщин и детей хоронили как в индивидуальных, так и в коллективных могилах. Положение останков погребенных достаточно вариантно и не зависело от пола или возраста. Нередко в одной могиле присутствуют как первичные, так и вторичные захоронения. Останки трупа уложены в анатомическом порядке, либо в какой-то емкости - мешке или корзине. Нередко в могилу клали только голову (или череп) умершего. Чаще всего труп (или его остатки) помещали на спине в вытянутом положении, реже встречается положение умершего на спине с подогнутыми вверх коленями ног. В ряде случаев ноги были согнуты столь сильно, что берцовые кости лежали под бедренными, а кости стоп под тазовыми костями. В виде исключения встречаются помещения трупа на животе, скорченно на боку, вытянуто на боку. Типичной является ситуация полного беспорядка костей скелета.

Деревянная рама отмечена лишь в одной могиле, имеют место случаи присутствия бересты и коры.

Анализ половозрастной представительности в коллективных захоронениях позволяет предполагать, что формирование этих усыпальниц велось по принципу семейных склепов, когда полузакрытая могила постепенно пополнялась умершими родственниками.

Результаты полного исследования некрополей Сопка-2/3, 3А позволяют в ряду коллективных захоронений выделить погребение (№ 655), где среди четырнадцати особей явно выделяется одно, без сомнения, центральное, вокруг которого были сконцентрированы остальные особи.

Погребальный инвентарь, как правило, присутствует в могиле. Морфологически это весьма архаичные предметы, отдельные образцы которых типичны даже для мезолитических комплексов, не говоря уже о неолитических. Орудия труда и оружие представлены каменными и костяными наконечниками стрел (рис. 1: 7, 11), каменными миниатюрными топориками,

гарпунами, кинжалами, (включая вкладышевый), проколками, игольниками, иглами и т. д. (рис. 1: 1-6). Второй, наиболее представительный блок инвентаря связан с украшениями одежды (рис. 1: 9, 10, 14, 20), изготовленными из просверленных зубов хищников и травоядных, створок раковин, конкреций, костей. Это подвески, нашивки, бисер и т. д. Имеют место и яркие индивидуальные находки из камня (луновидная подвеска из нефрита), кости (человеческая личина, орнаментированный кинжал, змея (Молодин, 2003, с. 67-69) (рис. 1: 8). Керамика специфична. Это горшковидные и баночные сосуды, украшенные рядами отступающе-гребенчатого штампа (рис. 1: 21). Их помещение в могилу является исключением, а не правилом. То же самое можно сказать и о бронзовых предметах. Пока известна лишь находка бронзовой пронизки (п. № 660, Сопки 2/3, 3А) и двух бронзовых обоймочек (п. № 51, Тартас-1) (рис. 1: 12, 13). Явно много металла было в захоронении № 646 Сопки 2, где кости человека были обильно покрыты окислами бронзы.

Отчетливо фиксируемый архаизм элементов культуры можно объяснить прежде всего устойчивостью традиции. Корни ее уходят в культуру местного неолита, мезолита и даже, вероятно, верхнего палеолита. Об этом свидетельствуют инвентарь и антропологический тип погребенных. По заключению Т.А. Чикишевой, последний весьма сходен с типом неолитических особей из могильников Сопка-2/1 и Протока. С другой стороны, традиция эта продолжает свое развитие в кротовской культуре.

Разительное сходство с основными элементами устьтартасской культуры мы находим в Хвалынском энеолитическом могильнике (Агапов и др., 1990), самарской энеолитической культуре (Васильев И.Б., Синюк, 1985, с. 10) и других культурных образованиях этой эпохи в Евразии, что объясняется эпохальными тенденциями, конвергентно формирующимися на этой огромной территории. Близкие аналогии устьтартасские памятники имеют с рядом погребальных комплексов в низовьях р. Тара у дер. Окунево на Татарском увале (Матющенко, Полеводов, 1994), а также с игрековскими памятниками в среднем Приобье (Косарев, 1976; Васильев Е.А., 1989; Мец, 1993). Ориентируясь на данные параллели, устьтартасскую культуру следует относить к IV - первой половине III тыс. до н. э. Об этом же свидетельствуют полученные в канадской лаборатории Университета Альберта (г. Эдмонтон) радиоуглеродные даты по костям человека из могильника Сопка-2/3, 3А - 6285 ± 90 и 6470 ± 90 гг. до н. э. Таким образом, появления данного феномена приходится на конец V - начало IV тыс. до н. э.

Вместе с тем отмеченное образование, несомненно, имеет специфику в погребальном обряде и инвентаре (в том числе и керамике), что отчетливо проявляется на фоне неплохо изученных памятников соседних регионов Западной Сибири (Косарев, 1974; Бобров, 1992; Кирюшин, 2002; 2004).

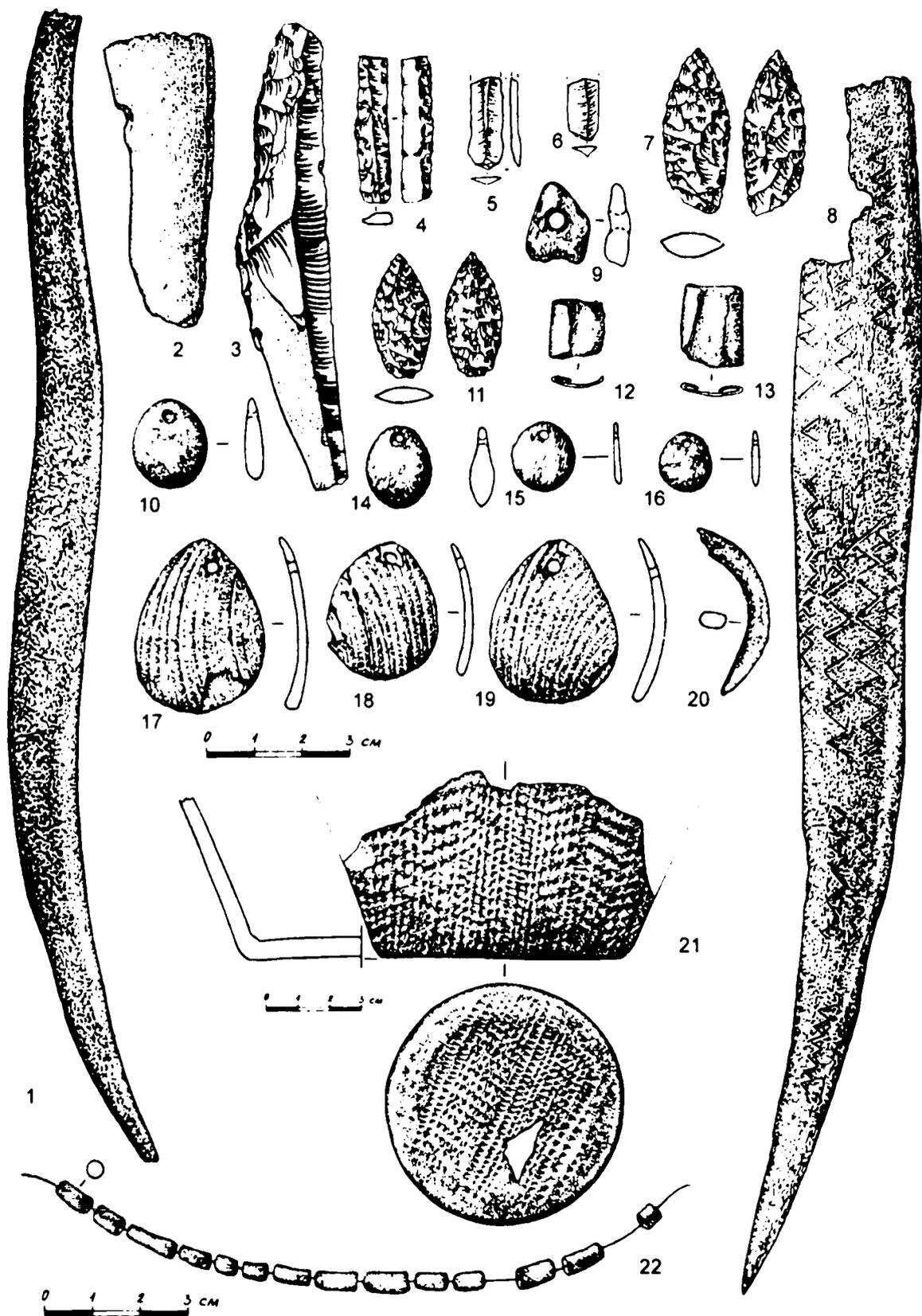

Рис. 1. Погребальный инвентарь могильников устьтартасской культуры: 1, 2, 8 - Крючное-6, п. № 19; 3, 4, 7, 10, 11, 14-20, 22 - Гришкина Заимка, п. № 4; 5, 6, 9, 12, 13 - Тартас-1, п. № 51; 21 - Автодром-2. 1, 8, 15, 16, 20 - кость; 2-7, 10, 11, 14 - камень; 9 - конкреция; 12, 13 - бронза; 17-19 - раковина; 21 - глина; 22 - паста

ПОГРЕБЕНИЕ ТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ НУРИНСКОГО РАЙОНА КАРАГАНДИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В ходе изучения левого берега р. Нуры было обнаружено одиночное погребение тюркского времени. Погребение расположено в 1 км к юго-востоку от центральной усадьбы бывшего совхоза «Шахтер» в пойме левого берега р. Нуры, на территории водонапорной станции.

В профиле оврага зафиксировано погребение. Могила перекрыта слоем речного ила мощностью 0,5 м, образовавшегося после захоронения.

Могила представляет грунтовую яму с закругленными углами, длина которой 1,7 м. Реконструируемые размеры ямы 240,7×1,7 м. Ориентирована по линии З-В. Сохранилась верхняя часть скелета и бедренная кость правой ноги. Умерший был положен на спину с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на запад. У южной стенки могилы вдоль костяка лежал палаш.

Палаш прямой, однолезвийный, с острием, прокованным на два лезвия. Черенок отделен от лезвия небольшим перекрестием, в верхней части которого есть углубление, для закрепления рукояти из дерева. Деревянная рукоять крепились к черенку палаша двумя заклепками. От перекрестия по центру лезвия проходит небольшой желобок. Палаша, сочетающие в себе функции меча и сабли, являются рубяще-колющим оружием ближнего боя всадника (рис. 1: 22).

Около перекрестия палаша лежала пряжка из белого металла, вероятно, от перевязи (рис. 1: 6). На тазовых костях погребенного обнаружены остатки кожаного ремня с пряжкой из белого металла и подвижным язычком (рис. 1: 2). Ремень украшен бляшками из белого металла с прорезным растительным орнаментом. Они крепились при помощи трех штырьков к ремню, с обратной стороны которого подложены медные пластины-фиксаторы, повторяющие форму бляшки.

С правой стороны на ремень приклепаны три бляшки: большие по краям, маленькие в середине, с левой стороны - наоборот: маленькие по краям, большая посередине. В нижней части бляшек сделаны прямоугольные отверстия, в которые вставлены кожаные ремешки, украшенные колечками

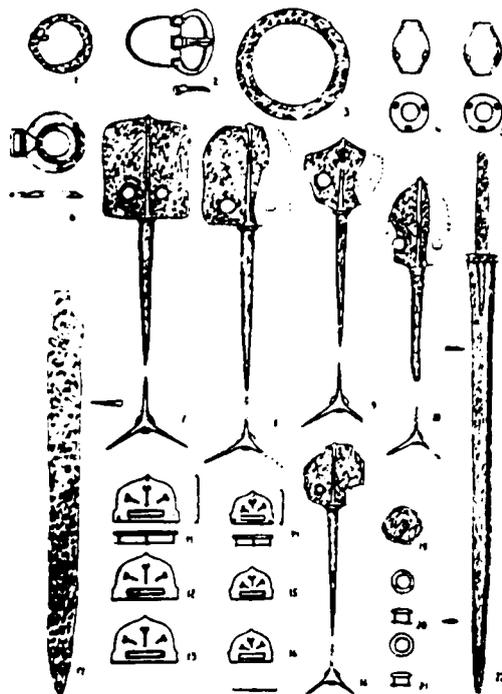

Рис. 1. Инвентарь погребения

из белого металла (рис. 1: 11-16). Они крепились к ремешкам при помощи трех штырьков (рис. 1: 20, 21). Обнаружены пять колечек. С правой стороны пояса на спускавшихся ремешках висел железный однолезвийный черешковый нож (рис. 1: 17), который, вероятно, был вставлен в деревянные ножны. С левой стороны на ремешках, возможно, висела сумочка с личными вещами погребенного. С левой стороны костяка лежали остатки колчана с пятью железными наконечниками стрел. На наконечниках лежала железная бляшка, крепившаяся к колчану медной заклепкой (рис. 1: 19). Рядом с колчаном обнаружена железная бляшка от ремня колчана (рис. 1: 1).

Наконечники кованые, трехлопастные, с длинными, хорошо выделенными черешками. Ударные грани лопастей почти плоские или слегка приостренные. На основании лопастей сделаны круглые отверстия. Четыре наконечника с упором, предохранявшие древко стрелы от раскалывания (рис. 1: 7-10, 18). На черешки двух стрел нанизаны костяные шарики-свистунки (рис. 1: 4, 5), издававшие пронзительный свист при полете. Свистунки бочонковидные, с центральным отверстием для насада и тремя боковыми отверстиями, в которые проникал воздух.

В обвале берега обнаружено железное кольцо, вероятно, от сбруи (рис. 1: 3). Можно предположить, что в ногах погребенного или на краю могилы лежали останки лошади с полной упряжью. По погребальному обряду и вещевому материалу исследуемое погребение относится к тюркскому времени и датируется VII-IX вв. н. э.

Погребальный инвентарь аналогичен памятникам, расположенным на территориях Кузнецкой, Минусинской котловин, Южного Урала. Материальная культура, представленная памятниками, свидетельствует о контактах степного населения с сопредельными территориями.

Л.В. ПАНКРАТОВА

Россия, Томск

Томский государственный педагогический университет

ПОСУДА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

В настоящее время на территории Западной Сибири известно несколько могильников, содержащих погребения, интерпретируемые в рамках кулайской КИО (табл. 1). Одиночные захоронения кулайцев и останки людей обнаружены на Саровском городище, на городищах Барсов городок I/20, Усть-Полуй, Большой Лог, Мало-Брагинском¹. Однако не все находки остеологических останков людей на поселенческих комплексах могут быть интерпретированы как погребения. Целью данной работы является анализ керамической посуды из опубликованных идентифицированных по полу и возрасту погребений кулайской культурно-исторической общности. Следует обратить внимание на тот факт, что подавляющее большинство исследованных погребений происходит с территории, которая является периферией кулайской культурно-исторической общности, а материалы могильников хронологически разнородны. В работе рассмотрены погребения кулайской культурно-исторической общности (КИО), отвечающие двум требованиям: определены пол и, где возможно, возраст погребенных; в погребении имеется керамическая посуда или ее фрагменты (Табл. 1) (Борзунов, Бельтикова, 1989; Борзунов, Зыков, 2003; Древний город на Оби..., 1994; Елагин, Молодин, 1991; Комарова, 1952; Полосьмак, 1987; Троицкая, 1979; Чемякин, Зыков, в печати; Чемякин, Карачаров, 1999; Чемякин, Морозов, Шатунов, 1997; Чемякин, Степанова, 1994; Чемякин, Шатунов, 1997; Чиндина, 1984; Ширин, 2003; Яковлев, 2001).

---

¹ Автор выражает благодарность Л.М. Плетневой, Ю.П. Чемякину и Л.А. Чиндиной за возможность ознакомиться с материалами и за помощь в подготовке публикации.

Половозрастные и количественные показатели погребальных комплексов КИО

Могильник	Количество погребений	Количество погребенных	Наличие определений по полу и/или возрасту	Количество погребений с посудой из числа, идентифицированных по полу и возрасту
Шеркалинский	3 + (3?) погребения	3	-	-
Барсовский I (погребение на городище Барсов городок I/20)	1 погребение	1	?	?
Барсовский VII	9 погребений	?	?	?
Барсовский III	3 погребения	3	1	1
Барсовский VIII	16 (?) погребений	?, изучено 5 ям (кенотафы - ?)	-	-
Алдыган	57 погребений	?	-	-
Томский	6 погребений	?	-	-
Каменный Мыс	72 погребения из 8 курганов	65-66	40	29; посуда из одного погребения (к. 5, м. 3) не опубликована
Ордынское 1	17 погребений из 4 курганов + 2 грунтовых погребения	20 (?)	4	3
Фоминский	?	?	?	?
Круглое озеро	?	?	?	?
Ближние Елбаны 7	31 погребение	?	2	2
Ирмень-2	6 погребений	?	-	-
Степной Чумыш 2	3 погребения	?	1	1
Карлык 1	8 погребений	?	-	-
Усть-Абинский	14 погребений	?	11	8
Бедарёво 2	1 погребение	?	-	-
Новоцёкино 2	5 погребений из 5 курганов	9	3	1
Бергуль	3 погребения из 3 курганов	3	2	1
Сопка 2	9 погребений	10	6	3
Старый Сад	1 погребение	1	1	1
Протока	1 погребение	1	1	1
Итого:	268 погребения	116 (?) человек	72 человека	51 погребение; 19,0% погребений кулайской общности

Таким образом, исследуемая выборка составляет около 1/5 от общего числа погребений кулайской культурно-исторической общности. В результате анализа погребальных комплексов, отобранных в соответствии с вышеназванными требованиями, выделено 4 группы погребений: детские, женские, мужские и коллективные.

В основе организации орнаментальных композиций на посуде кулайской КИО из погребальных и поселенческих комплексов лежат общие принципы. Композиции построены путем присоединения одинаковых и разных знаков, образующих структурные компоненты - орнаментальные мотивы. Каждый из мотивов в отдельности и в сочетании с другими может образовывать орнаментальную композицию. Орнаментальные мотивы в композиции выстраиваются в соответствии с определенными правилами синтаксиса. Одним из них является принцип симметрических преобразований элементов орнамента внутри мотива. Исходя из этого принципа все орнаментальные мотивы сводятся к бордюрам, розеткам и сеткам. Все бордюры на кулайской посуде в зависимости от последовательности соединения элементов внутри мотива делятся на две группы: бордюры без окаймления и бордюры с окаймлением. Первые представляют последовательность элементов орнамента, расположенных ярусами (рис. 1: 1, 5-7). Самым простым вариантом бордюра без окаймления является композиция из 1-2 элементов орнамента. Композиция может состоять и из одинаковых бордюров без окаймления, расположенных ярусами (рис. 1: 1). Бордюры с окаймлением состоят из трех и более элементов мотива, расположенных ярусами таким образом, что центральный элемент мотива занимает место между двумя и более идентичными окаймляющими элементами бордюра (рис. 1: 2). В составе композиции могут сочетаться бордюры разных видов, образуя комбинированные композиции (рис. 1: 3, 4). Наиболее сложные композиции состоят из последовательности бордюров и розетки (рис. 1: 3, 5-8). Названные варианты орнаментальных записей распределяются в перечисленных группах погребений по-разному.

Детских погребений в исследуемой выборке оказалось большинство (19 ед.; 38,0% выборки), в них обнаружено 26 керамических сосудов (табл. 2) (Троицкая, 1979; Елагин, Молодин, 1991; Полосьмак, 1987; Ширин, 2003; Борзунов, Зыков, 2003).

Таблица 2

Виды орнаментальных композиций на керамике из детских погребений

Могильник	Посуда без декора	Композиции, состоящие из бордюров без окаймления	Композиции, состоящие из бордюров с окаймлением	Комбинированные композиции (сочетающие бордюры с окаймлением и без окаймления)
Усть-Абинский	2 сосуда	-	1 сосуд	-
Каменный Мыс	3 сосуда	10 сосудов	-	2 сосуда
Ордынское 1	1 сосуд	-	-	-
Старый Сад	1 сосуд	1 сосуд	-	1 сосуд
Барсовский III	-	1 сосуд	-	-
Ближние Елбаны 7	-	-	1 сосуд	-
Новочёкино 2	-	-	1 сосуд	-
Степной Чумыш 2	-	1 сосуд	-	-
Итого:	7 сосудов	13 сосудов	3 сосуда	3 сосуда

Все варианты организации композиций присутствуют на посуде из детских погребений кулайской КИО. Среди них преобладают сосуды, декорированные бордюрами без окаймления и сосуды без орнамента. Поскольку пол погребенных детей антропологами не установлен, то выявить взаимосвязь между видом орнаментации и полом погребенных не представляется возможным. Можно лишь отметить, что 34,6% сосудов из детских погребений или не орнаментированы или украшены только рядами ямок.

В семи могилах оказались захоронены женщины (14,0% выборки) (табл. 3) (Троицкая, 1979; Полосьмак, 1987; Ширин, 2003).

Таблица 3

Виды орнаментальных композиций на керамике из женских погребений

Могильник	Посуда без декора	Композиции, состоящие из бордюров без окаймления	Композиции, состоящие из бордюров с окаймлением	Комбинированные композиции (сочетающие бордюры с окаймлением и без окаймления)
Усть-Абинский	-	1 сосуд	3 сосуда	-
Каменный Мыс	-	-	1 (?) сосуд	-
Ордынское 1	1 сосуд	-	-	-
Протока	-	-	-	1 сосуд
Бергуль	-	1 сосуд	-	-
Итого:	1 сосуд	2 сосуда	4 сосуда	1 сосуд

Малочисленность выборки женских погребений позволяет нам только предположить, что в женских погребениях чаще помещали посуду, орнаментированную бордюрными мотивами с окаймлением.

В 16 погребениях выявлены останки мужчин (32,0% выборки); в этих могилах обнаружено 26 сосудов (табл. 4) (Троицкая, 1979; Елагин, Молодин, 1991; Ширин, 2003). Два сосуда из могильника Каменный Мыс (к. 5, м. 3) не опубликованы, поэтому в статистике эта посуда не учтена.

Таблица 4

Виды орнаментальных композиций на керамике из мужских погребений

Могильник	Посуда без декора	Композиции, состоящие из бордюров без окаймления	Композиции, состоящие из бордюров с окаймлением	Комбинированные композиции (сочетающие бордюры с окаймлением и без окаймления)
Усть-Абинский	-	1 сосуд	-	-
Каменный Мыс	4 сосуда	14 сосудов (сосуд из к. 10 м.3 включен в подгруппу условно из-за недостаточно четкой публикации орнамента).	2 сосуда + 1 сосуд, на котором верхний элемент мотива выполнен разными орнаментами, отчего бордюр с окаймлением трансформируется в бордюр без окаймления и наоборот.	-
Сопка 2	-	2 сосуда	-	-
Итого:	4 сосуда	17 сосудов	3 сосуда	-

Имея достаточно представительную выборку погребений мужчин, мы вынуждены отметить, что практически вся она состоит из захоронений, происходящих из одного могильника (Троицкая, 1979). Возможно поэтому орнаментика посуды менее вариантна. Как видно из представленных данных, посуда из мужских погребений чаще всего имеет композиции, составленные бордюрами мотивами без окаймления. Относительно посуды без декора следует отметить, что вся она происходит из погребений, где были выявлены по 2-3 сосуда. Таким образом, в отличие от детских погребений, где процент неорнаментированных сосудов достаточно высок, в мужских захоронениях посуда без орнамента встречается в погребениях, содержащих и декорированные сосуды. Интересно и то, что выявленные сосуды с организацией композиций из бордюров с окаймлением происходят из погребений мужчин, возраст которых определен в границах 50-60 лет, то есть из погребений стариков.

К последней категории относятся коллективные погребения (8 ед., 16,0% выборки), в них расчищено 14 сосудов (табл. 5) (Троицкая, 1979; Елагин, Молодин, 1991; Ширин, 2003).

Таблица 5

Виды орнаментальных композиций на керамике из коллективных погребений

Виды погребений/памятник	Посуда без декора	Композиции, состоящие из бордюров без окаймления	Комбинированные композиции (сочетающие бордюры с окаймлением и без окаймления)
Погребение взрослого с ребенком - 2 погребения (Усть-Абинский могильник, могильник Ордынское 1)	2 сосуда	1 сосуд	-
Погребение женщины с ребенком - 1 погребение (могильник Каменный Мыс)	поддон сосуда	-	-
Погребение мужчины и женщины - 2 погребения (могильник Каменный Мыс)	-	5 сосудов	1 сосуд
Погребение мужчин - 1 погребение (могильник Каменный Мыс)	-	1 сосуд	-
Погребение мужчины и человека, пол и возраст которого не определены - 2 погребения (могильник Каменный Мыс и могильник Сопка 2)	1 сосуд	1 сосуд + 1 сосуд с ямками	-
Итого:	4 сосуда	9 сосудов	1 сосуд

Посуда без орнамента выявлена в парных захоронениях взрослых с детьми и в погребении взрослого пожилого мужчины с человеком, пол и возраст которого не определены. Композиции, состоящие из бордюров без окаймления, выявлены на посуде из погребений как мужчин, так и мужчин с женщинами. Единственный сосуд с комбинированной орнаментальной композицией обнаружен в погребении мужчины с женщиной. Сосуды с орнаментальными композициями, состоящими из бордюров с окаймлением, в коллективных захоронениях не выявлены.

Подводя итоги, можно сделать некоторые предварительные выводы. Чаще всего на погребальной посуде из идентифицированных по полу и возрасту погребений встречаются орнаментальные композиции из бордюрных мотивов без окаймления (рис. 1: 1, 5, 6, 7). Сосуды с подобным типом декора обнаруживают преимущественно в погребениях мужчин, мужчин с женщинами, редко - в женских погребениях. Выявлены они и в детских недифференцированных

по полу погребениях. Композиции из бордюров с окаймлением украшают часть посуды из женских погребений, посуду из погребений пожилых мужчин и один сосуд из детского погребения (рис. 1: 2). Комбинированные композиции на посуде из погребений встречаются редко (рис. 1: 3, 4). Они обнаружены в детских погребениях и в коллективном захоронении мужчины и женщины. Возможно, намеченная взаимосвязь между полом погребенных и видом орнаментальных мотивов, составляющих композиции, свидетельствует о социальной значимости орнаментов на посуде, а орнаментальные композиции на сосудах из некрополей представляют тексты, по которым можно установить пол, возраст и социальное положение погребенного. Так, например, значительная часть посуды из детских погребений либо не орнаментирована, либо орнаментирована только рядами ямок. В то же время сосуд из богатого инвентарем детского погребения Барсовского III могильника (мальчик, 6 лет) хотя и украшен рядами ямок, но орнаментация сосуда выглядит нестандартной, поскольку декор состоит не из одного, а из четырех рядов ямок, расположенных парами со свободной зоной между ними (рис. 1: 9) (Борзунов, Зыков, 2003). Таким образом, композиция на сосуде может быть рассмотрена либо как последовательность бордюров без окаймления со свободной зоной между ними, либо как бордюр с окаймлением, где в качестве центрального элемента выступает свободная от орнамента зона («минус признак»). И в том и в другом случае, не нарушая канона, ограничивающего количество орнаментов, используемых в декоре «детской» посуды, гончар смог передать текстом орнамента особый (возможно высокий) социальный статус погребенного. Близкий по структуре орнаментальной композиции сосуд обнаружен в к. 3, м. 30 могильника Каменный Мыс (Троицкая, 1979, табл. XXI-б).

Некоторые особенности орнаментации могут быть рассмотрены в связи с проблемой социализации и выделением возрастных групп в кулайском обществе. Для части кулайской посуды характерно завершение орнаментальной композиции мотивами, которые в пространственном восприятии предстают розетками (рис. 1: 3, 5, 6, 7, 8). На 12 опубликованных сосудах из некрополей зафиксирован данный вариант декора. Но не все сосуды происходят из погребений, некоторые обнаружены рядом с ними. Пять сосудов выявлены в идентифицированных погребениях, они были найдены в погребениях детей и людей зрелого возраста. Та же тенденция обнаруживается при сопоставлении данных о погребениях, в которых были расчищены перевернутые вверх дном сосуды. В перечисленных могильниках выявлено 22 перевернутых сосуда, 10 из них происходят из идентифицированных погребений. Еще три сосуда расчищены в погребениях людей, пол которых не установлен, но определен возраст. Три из перевернутых вверх дном сосудов обнаружены в погребениях детей, один - в погребении женщины 40-50 лет, восемь - в погребениях мужчин 30-50 лет, еще три - в погребениях людей 35-50 лет. Следовательно, как и посуду с розетками, перевернутые вверх дном сосуды помещали в погребения детей и, видимо, пожилых людей. В одном погребении перевернутый вверх дном сосуд был в то же время орнаментирован розеткой (Усть-Абинский могильник, м. 5; рис. 1: 8). В другом погребении из того же могильника были поставлены и сосуд с розеткой, и перевернутая вверх дном чаша (м. 13; рис. 1: 7) (Ширин, 2003, табл. ХСV-23, 28). Вероятно, данные возрастные группы, по представлениям кулайцев, были каким-то образом связаны. И исходя из данных представлений, по отношению к умершим применяли одинаковые приемы погребальной обрядности. Почему в одних случаях с умершим ставили перевернутые сосуды, а в других - сосуды со специфическими орнаментальными мотивами, каково происхождение и семантика названных обрядовых черт - все эти вопросы требуют специального рассмотрения. В рамках данной работы отметим, что анализ орнаментики на керамической посуде открывает интересные перспективы в исследовании социальных структур и мировоззрения населения древних традиционных культур.

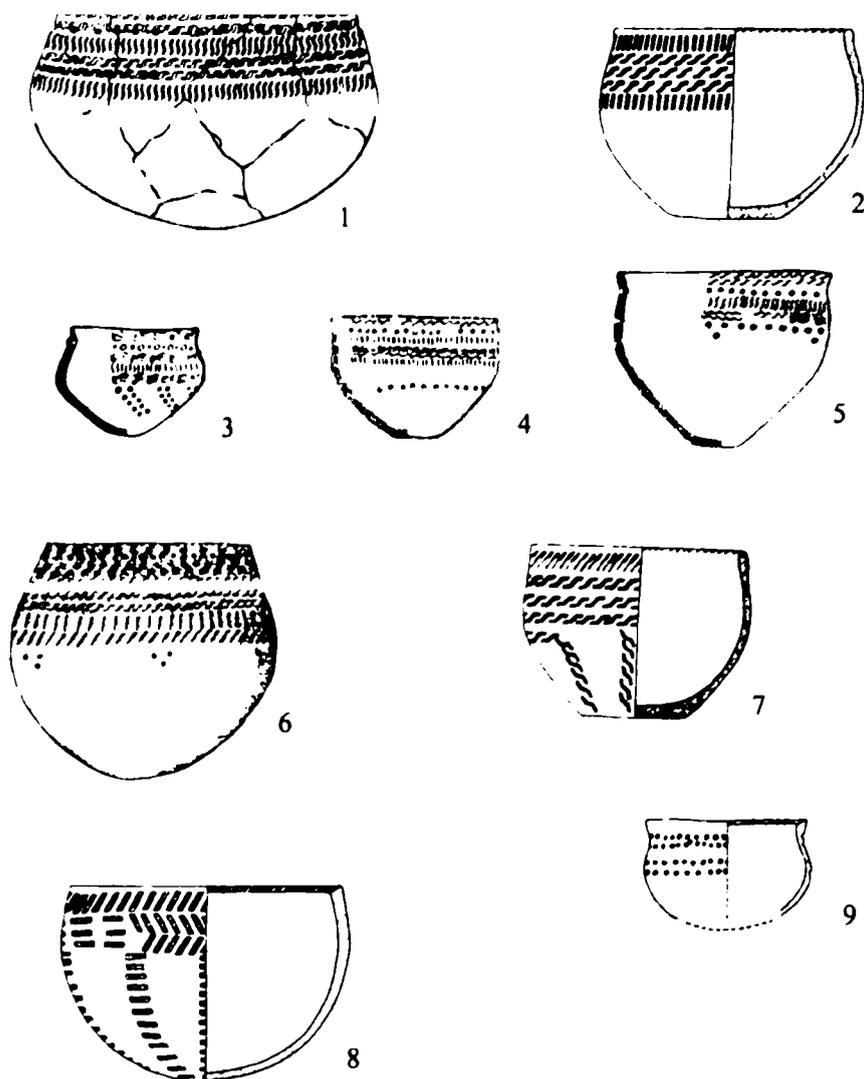

Рис. 1. Керамика из могильников кулайской культурно-исторической общности:
 1, 6 - могильник Сопка-2; 2, 7, 8 - Усть-Абинский могильник; 3-5 - могильник
 Каменный Мыс; 9 - могильник Барсовский III

Д.В. ПАПИН, А.С. ФЕДУРУК

Россия, Барнаул

Алтайский государственный университет

**ОРНАМЕНТАЛЬНАЯ СХЕМА КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА
 ПОСЕЛЕНИЯ РУБЛЕВО VI КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ
 РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОЦЕССОВ
 ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТЕПНОЙ ЗОНЫ
 АЛТАЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ***

В археологической литературе является общепризнанным тот факт, что орнаментация древней керамики отражает культурную специфику и этническое своеобразие древнего населения Западной Сибири и вместе с этим служит определенным хронологическим индикатором. Многие

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ проект № 03-01-00475а.

исследователи, отмечая высокую информативность этого источника, обращают внимание на сложность его интерпретации. Орнаментальная схема представляет собой закодированную систему символов, где мотив или элемент несет в себе самостоятельную смысловую нагрузку. Большой объем работ по изучению данного корпуса источников проделан для керамики эпохи бронзы Западной Сибири, самостоятельному исследованию подвергались материалы андроновской и ирменской культур (Рудковский, 2003; Новикова, 2002). Однако от внимания специалистов ускользнула саргаринско-алексеевская культура поздней бронзы степной полосы Западной Сибири. В настоящее время на территории российской части степного Обь-Иртышского междуречья исследуется значительное количество поселений этой культуры, материалы которых отражают сложные процессы этнокультурного взаимодействия (Ситников, 2002). Особый интерес представляют материалы поселения Рублево VI, изучаемого экспедицией Алтайского госуниверситета (Шамшин, 1999; Папин, Шамшин, 2001; Папин, Шамшин, 2002; Кирюшин, Косинцев и др., 2002).

Керамическая коллекция насчитывает 3074 фрагмента керамики, в том числе 547 орнаментированных (17,89% всего комплекса) не менее чем от 502 сосудов. Реконструируются следующие формы сосудов: слабо- и сильнопрофилированные горшки, острореберные сосуды горшечных форм, сосуды с прямым венчиком и раздутым туловом, банки, кувшиновидные сосуды и, возможно, большие сосуды типа среднеазиатских хумчи, выполненные на гончарном круге.

В орнаментации коллекции наиболее часто употребляются узоры из пальцевых защипов: горизонтальные (13,17% от всех орнаментированных фрагментов) и вертикальные (13,17%) линии, свисающие треугольники (0,91%). Реже встречаются узоры из оттисков ногтя: горизонтальные (5,12%) и вертикальные (1,65%) линии. Часто мотив выполнен различными поясками (23,52%), оттисками наклонного гладкого и гребенчатого штампов, наклонными резными линиями, насечками либо косыми крестиками, выполненными нарезкой, оттисками гладкого и гребенчатого штампов. На ряде фрагментов декор представлен в виде горизонтального либо вертикального зигзага из оттисков гладкого (0,73%) и гребенчатого (1,83%) штампов, резных линий (1,83%), насечек (0,37%). Относительно часто употребляется мотив елочки (горизонтальной и вертикальной) - 12,61%, выполненной оттисками гладкого или гребенчатого штампов, резными линиями. Мотив сеточки присутствует на 15,17% орнаментированных фрагментов, он исполнен резными линиями, оттисками штампа (гладкий, крупно- и мелкозубчатый гребенчатый). Геометрические мотивы (треугольники вершинами вверх или вниз, «шахматный» декор) употреблялись довольно редко (3,11%). Они выполнены резными линиями, оттисками мелкозубчатого гребенчатого штампа. Внутреннее пространство треугольников заполнено нарезками, оттисками уголка лопаточки либо оттисками мелкозубчатого гребенчатого штампа. «Шахматный» орнамент нанесен оттисками мелкозубчатой гребенки. Встреченные на керамике поселения каннелюры четко делятся на два вида: широкие (до 1,2 см) - 2,00% и узкие (до 0,6 см) - 5,27%.

Обращает внимание наличие в коллекции валиковой (6,03% фрагментов коллекции) и воротничковой (5,12%) керамики. Данные элементы орнамента в большинстве случаев налепные, однако присутствуют и формованные. Орнаментировано 75,76% валиков и 78,57% воротничков. В их орнаментации преобладают оттиски гладкого и гребенчатого штампа, насечки, образующие пояски, сеточку, елочку либо ряды косых крестиков, а также ряды пальцевых защипов.

Исходя из орнаментации сосудов, выделяют четыре группы. Первая представлена 83,5% всех анализируемых фрагментов (не менее 419 сосудов). Основные формы: слабо-, сильно-профилированные горшки, острореберные горшечные формы, банки, кувшиновидные сосуды. Основной зоной орнаментации сосудов являются плечики (35,8%) и шейка (33,7%). Реже узор наносился на тулово (29,8%). В орнаментации данной группы преобладающими элементами являются различные линии и треугольники, выполненные пальцевыми защипами и оттисками ногтя, пояски, елочка, сеточка, зигзаг, широкие каннелюры (рис. 1: 1-16). Этой керамике наиболее близки материалы саргаринско-алексеевских памятников Казахстана (поселения Саргары, Новоникольское, Петровка-II-IV, Ильинка-I, Явленка-I, Малокрасноярка, Трушниково, Усть-

Нарым, Шауке 1,3, Ортау-II, Улутау, Шортанды-Булак) (Черников, 1960; Зданович, 1983; 1984; Варфоломеев, 1988а; 1988б; Маргулан, 1979;) и Алтая (поселения Советский Путь-1, Чекановский Лог-1, Жарково-1, Суслово-1, Новоильинка и др.) (Ситников, 2002; Удодов, 1994). Ряд общих черт данная керамика имеет и с так называемым «донгальским» типом керамики (Ломан, 1987).

Ко второй группе относятся фрагменты не менее чем от 54 сосудов (10,8%). Основные формы: слабо- и сильнопрофилированные горшки, банки. Основными зонами орнаментации являются плечики (41,1%) и тулово (34,3%) сосудов. Область шейки украшена реже (24,6%). В орнаментации наиболее часто употребляются следующие элементы орнамента: различные пояски, зигзаги, елочки, геометрические фигуры (треугольники, ромбовидные фигуры), выполненные оттисками мелкозубчатого гребенчатого штампа, а также ряды оттисков конца полой палочки (трубочки) (рис. 1: 19, 20, 22, 23). Встречены также пояска из резных линий и ряд оттисков уголка лопаточки. Наиболее близкие аналогии этой керамике находятся в бегазы-дандыбаевских материалах Казахстана (могильники Бегазы, Дандыбай, Сангру, Шоиндыколь, Измайловка; поселения Бугулы-II, Мало-Красноярка, Трушниково) (Маргулан и др., 1966; Грязнов, 1952; Маргулан, 1979; Варфоломеев, 1987; Ермолаева, 1987; Черников, 1960) и Алтая (поселения Бурла-3, Кайгородка-3, Новоильинка, Советский Путь-1, Чекановский Лог-1 и др.) (Удодов, 1994; Ситников, 2002).

Третья группа представлена обломками 29 сосудов (5,8%). По форме они относятся к шаровидным горшкам. Основной зоной орнаментации является основание шейки (100%). Реже украшалась верхняя часть шейки (41,37%), плечики (6,9%) и тулово (3,45%). В орнаментации используются узкие каннелюры, резная сеточка, резные равнобедренные треугольники с ямками по углам (рис. 1: 17, 18, 21). Аналогии известны в материалах ряда памятников Западной Сибири (Суслово-I, Советский Путь, Казенная Заимка, Костенкова Избушка, Заковряшино-I, Речкуново-III) (Шамшин, 1991; Ситников, 2002) и Казахстана (Атасуское поселение, Трушниково) (Черников, 1960; Маргулан, 1979). Ряд общих черт обнаруживается с керамикой карасукской культуры (Членова, 1972).

Сосуды, изготовленные на гончарном круге, образуют четвертую группу. Их форму можно реконструировать как «хумчи». Аналогии станковой керамике находятся в материалах эпохи поздней бронзы Средней Азии в культуре Намазга-VI (Массон, 1959). Подобная керамика также присутствует на ряде памятников Западной Сибири (поселения Бурла 3; Кайгородка 3; Советский Путь-1; Чекановский Лог-1 и др.) (Удодов, 1994; Ситников, 2002) и Восточного Казахстана (Шауке 1, 3; Шидерты) (Шамшин и др., 2000; Мерц, Пересветов и др., 2001).

Проведенный планиграфический анализ показал значительное различие в распределении керамического материала по площади раскопа. Прежде всего, отличие наблюдается в саргаринско-алексеевской группе. Так, особое место в декоре керамики из зольника занимают узоры, нанесенные пальцами - защипы (63,90% фрагментов коллекции зольника), оттиски ногтя (12,68%), вдавления (1,95%). Данные элементы встречаются в виде горизонтальных или вертикальных цепочек и покрывают сплошным «ковром» значительную часть сосуда (от шейки до придонной части), что объясняет высокий процент орнаментированных тулов в саргаринско-алексеевской коллекции зольника. В украшении посуды из жилища преобладающим мотивом являются пояски (19,41%), состоящие из прямых или косых нарезок, оттисков гладкого и гребенчатого штампа, насечек, косых крестиков, выполненных нарезками. Доля елочки составляет 18,84%. Данный мотив нанесен оттисками штампа, нарезками.

Бегазы-дандыбаевская керамика локализуется в основном в зольнике (61,40%, в жилище обнаружено 8,00%, в межжилищном пространстве - 7,02%, в раскопе № 2 - 17,54%), небольшая серия станковой керамики обнаружена там же, за исключением единичных фрагментов. Основная масса шаровидных сосудов (третья группа) происходит из жилища - 37,93% от всех данных сосудов, из зольника - 24,14%, из межжилищного пространства - 6,90%.

Довольно значительные отличия между отдельными участками раскопа не дают возможности трактовать их как различия хронологического или культурного порядка. Стратиграфические и планиграфические наблюдения показали, что мы имеем дело с единым комплексом поселения, существовавшего здесь в эпоху поздней бронзы. Своеобразие материалов зольника Рублево VI отмечалось одним из авторов работы, было указано на особое значение данного объекта в ритуальной жизни древних обитателей посёлка (Папин, 2002). Что касается датировки памятника, то основные аналогии инвентарю укладываются в рамки XII-VIII вв. до н. э. (предпочтительнее X-VIII вв. до н. э.), что не противоречит полученной серии радиоуглеродных дат (Папин, Шамшин, 2001; 2002).

Керамический комплекс поселения Рублево VI указывает на сложные процессы этнокультурного взаимодействия, протекавшие на территории степной части Обь-Иртышского междуречья в эпоху поздней бронзы. Достаточно четко определяются связи с саргаринско-алексеевской культурой Казахстана, более дальние южные связи обусловлены наличием станковой керамики. Бегазы-дандыбаевский компонент и шаровидные сосуды третьей группы обнаруживают кроме западного направления значительные аналогии с памятниками карасукско-ирменского круга, что обусловлено общей основой сложения этих культур, а может быть, и явлениями надкультурного характера. Культурное своеобразие поселения Рублево VI во многом определяется пограничным характером региона, являющегося связующим звеном между степными пространствами Центральной Азии и лесной зоной Западной Сибири.

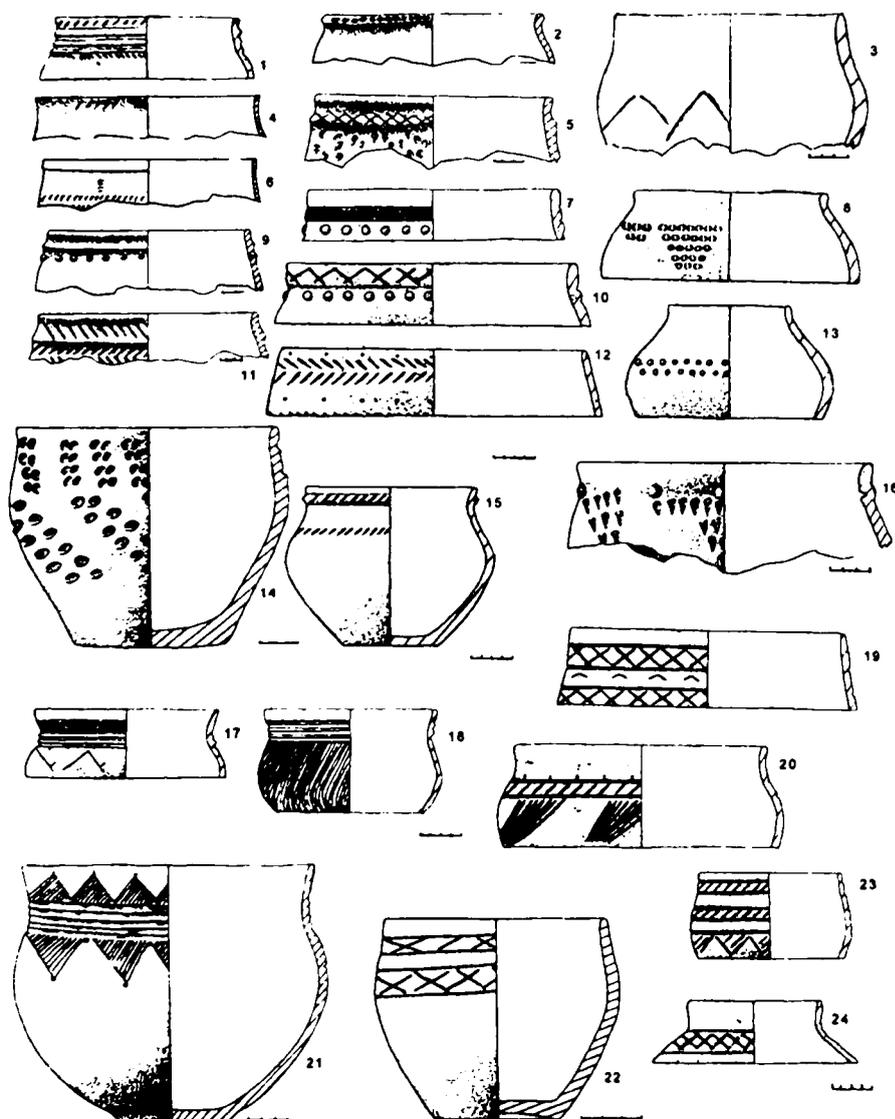

Рис. 1. Керамический комплекс поселения Рублево VI

М.П. РЫКУН

Россия, Томск

Томский государственный университет

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КАМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В последнее время появилось много публикаций археологов о месте и генезисе культур скифского времени на территории Верхнего Приобья (Троицкая, Бородавский, 1994, с. 3-6; Могильников, 1997а, с. 108-109; Могильников, 1999б, с. 134-138; Фролов, 1999, с. 211-219; Тур, Фролов, 2001, с. 69-81; Шульга, 2004, с. 236-246). Неоднозначный подход к решению проблемы соотношения культур скифо-сибирской общности (большереченской, каменной, староалейской, чулымско-ишимской или быстрианской, кижировской, кулайской) и их локальных вариантов диктует необходимость более детального анализа антропологических источников этого региона. В свою очередь, палеоантропологические материалы, появившиеся в результате археологических раскопок во второй половине XX в., также показали сложность расогенетических процессов, протекавших в эпоху раннего железа в этом регионе (Дебец, 1948, с. 136-151; Алексеев, 1954, с. 63-69; 1958, с. 45-49; Алексеев, Гохман, 1984, с. 63-71; Дремов, 1970, с. 99-101, 105).

Новые краниологические материалы по каменной культуре позволяют уточнить расогенетические связи, определить место и характер взаимоотношений с популяциями из сопредельных территорий. Соотношение между пятью каменскими локальными сериями (Барнаульско-Каменского района, Новосибирского Приобья, суммарная Новотроицкое 1 и 2, сборная, генеральная) и 34 мужскими выборками раннего железного века степного пояса Евразии определялось при помощи кластерного анализа на основе расстояний Эвклида.

В результате анализа выделено несколько уровней близости между ними. Исследуемые выборки сгруппировались в четыре кластера: *первый* - каменно-саргатский (с некоторыми сакскими и усуньскими группами), с которым объединяется *второй* - савромато-сарматский. На следующем уровне к ним примыкает *третий*, горно-алтайский кластер, в котором присутствует ряд сакских групп Киргизии, Юго-Восточного Приаралья (отдельные серии из могильников Уйгарак, Тагискен), сборная серия скифского времени Тувы и из могильника Кокель гуннского времени и сборная серия карабызской культуры. На последнем уровне присоединяется *четвертый* кластер тагаро-таштыкского направления, в который вошли: скифская серия из могильника Николаевка-Казацкое, поздние сарматы саратовской группы и сборная серия по пьяноборской культуре.

Как видно из рис. 1, каменные локальные серии занимают компактную позицию по отношению к другим скифским материалам. Каменная локальная серия из Новосибирского Приобья объединяется с усунями Киргизии, а серия из Барнаульско-Каменского района с серией ананьинской культуры (Тетюшкинский могильник). Эти 4 выборки на более высоком уровне объединяются с выборкой Новотроицкого 1, 2 (сборная серия) и генеральной каменной присоединяясь к сериям: саков Юго-Восточного Приаралья (поздние Чирик-Рабат, Ассар) и Восточного Казахстана, усуней Уге. Они компактны и объединяются с саргатской генеральной, сарматами Приуралья и ранними саками Юго-Восточного Приаралья (Тагискен и Уйгарак) и выстраиваются одинаково по отношению как к савромато-сарматскому, так и к горно-алтайскому кластерам. Сказанное свидетельствует о том, что в данных популяциях и каменных сериях присутствуют общие компоненты, позволяющие судить о генетической близости этого населения.

Напротив, кластер, образованный группами скифов (могильник Николаевка-Казацкое), населением тагаро-таштыкского переходного периода, носителями пьяноборской культуры, поздними сарматами, населением тагарской и таштыкской культур, занимает четкую позицию по отношению к каменно-саргатскому кластеру, отделяясь от него. Хорошо видно, что каменные

группы обособляются от популяции тагарской культуры Минусинской котловины, происхождение которой связано с населением афанасьевской культуры. В них присутствует мезо-долихокранный европеоидный компонент с лептоморфным строением лицевого скелета. Их обособление при кластеризации, видимо, объясняется различным участием основных компонентов в генезисе каждой из групп.

Результаты проведенного анализа говорят о существенном антропологическом сходстве между каменскими популяциями и группами, в которых присутствует монголоидный тип с эуриформным строением лицевого скелета, зафиксированный у населения лесостепи в эпоху раннего железного века (саргатская, ананьинская культуры), с группами, в которых фиксируется брахикранный низколицый монголоидный компонент (Кызыл-Джар 1-5, 8; Тыткескень 1, 6, сборная серия трех могильников Средней Катуни и сборная серия черепов из погребений кара-кобинского типа). Мужские каменские группы близки к популяциям, в которых наряду с основным европеоидным компонентом фиксируется примесь крупнолицего варианта центральноазиатского типа, это, прежде всего, усунь Киргизии, саки Юго-Восточного Приаралья. По морфологическим признакам каменское население можно охарактеризовать как европеоидное с монголоидной примесью, удельный вес которой варьирует в зависимости от географического положения могильников. Основным составляющим его компонентом является брахиморфный европеоидный тип, в генезисе восходящий к протоевропейскому типу андроновского (федоровского) населения эпохи бронзы. Монголоидная примесь неоднородна и представлена двумя комбинациями признаков, одна из них в своем происхождении связана с населением таежных районов Западной Сибири, другая - с популяциями Восточной Сибири (Рыкун, 2002, с. 147-148; 2003, с. 250-251). Данные кластеризации подтверждают сложность антропологического состава населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа и неоднозначность его генезиса.

Палеоантропологические данные также указывают на ряд сходных моментов в расообразовании каменной культуры Верхнего Приобья с саками (особенно Юго-Восточного Приаралья) и с саргатскими группами Западной Сибири. При этом следует учитывать то, что саргатцы, в свою очередь, генетически близки сакам (Багашев, 2000, с. 185-197). Также обнаруживаются связи с племенами Центральной и Восточной Тувы скифского времени, Горного Алтая и усуней-уге Восточного Казахстана.

По археологическим данным известно, что население каменной культуры вступало в межэтнические контакты с носителями западных культур (саргатской, савроматской, сарматской, сакской) и восточных (полукочевниками Саяно-Алтая, населением пазырыкской культуры Горного Алтая). В Новосибирское Приобье отмечено продвижение северного населения на юг в конце I тыс. до н. э. - начале I тыс. н. э., что, по-видимому, могло произойти при ослаблении племен ранних кочевников, вызванном экспансией гуннов и связанных с нею межплеменными столкновениями (Могильников, 1973, с. 182-185).

По мнению А.П. Уманского, культурные связи каменцев достигали Приуралья и Поволжья на западе, Приаралья на юго-западе и Хакасо-Минусинской котловины на востоке, он предполагает, что скотоводы алтайских степей в последние века до н. э. «были этнически родственны сакам и массагетам Средней Азии и Казахстана и составляли периферию огромного сако-массагетского этнического массива» (Уманский, 1981, с. 62-65).

Изменения в погребальной обрядности населения Барнаульского Приобья в VI-V вв. до н. э. Я.В. Фролов и А.Б. Шамшин также связывают с проникновением на эту территорию значительных групп населения - носителей культурных традиций азиатской части скифского мира из Центрального и Восточного Казахстана (1997, с. 123-125).

Таким образом, сложность антропологического состава населения каменной культуры по краниологическим данным может объясняться и теми миграционными процессами, которые фиксируются по археологическим материалам.

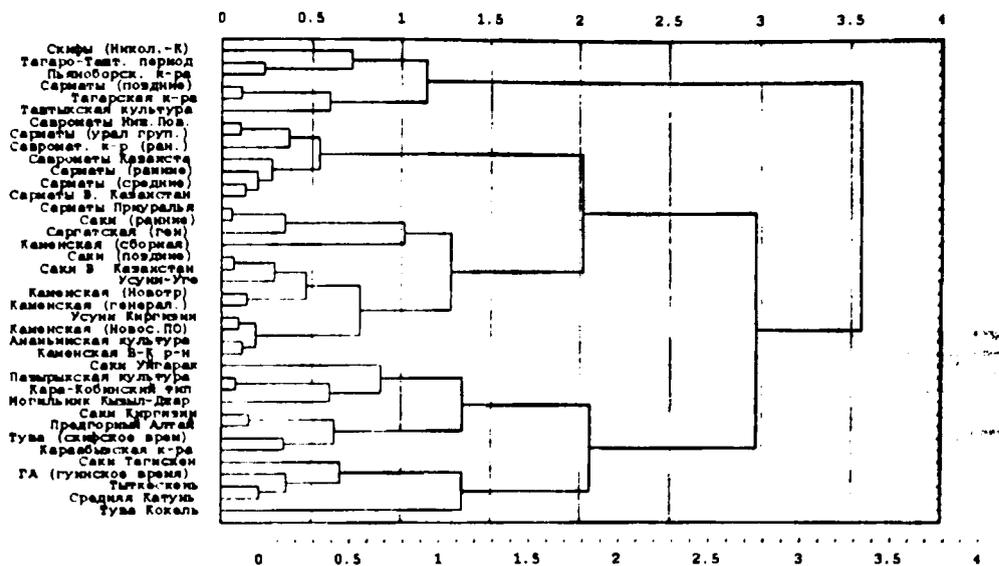

Рис. 1. Кластеризация мужских групп на основе расстояния Эвклида (локальные Каменские и синхронные им группы раннего железа)

А.Н. САВИН, Т.Н. ТРОИЦКАЯ

Россия, Новосибирск

Новосибирский государственный педагогический университет

БРОНЗОВЫЕ ПОЛЫЕ КОНУСОВИДНЫЕ ПОДВЕСКИ ВЕРХНЕОБСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Среди многочисленных украшений верхнеобской культуры Новосибирского Приобья встречаются бронзовые подвески в виде полого конуса - ворворки (рис. 1: 14-23). Все они опубликованы (Троицкая, Новиков, 1998, рис. 16: 55-64). Целью данного сообщения является их подробное описание и реконструкция техники изготовления.

У всех подвесок конус переходит в длинный или короткий полый стерженек. Характерной особенностью девяти подвесок, сужающей круг их распространения, являются отростки, отходящие от низа конуса. Чаще всего отростков три, и все они подтреугольные. У одной подвески было четыре трапециевидных отростка. Такие подвески входят в круг самодийских украшений, выделенных Т.Н. Троицкой (1993, с. 53-56) и распространенных на всей территории как верхнеобской, так и релкинской культуры. Они встречены в Тимирязевском могильнике (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 21: 2; и рис. 22: 4) и в Релке (Чиндина, 1977, рис. 5: 5 и рис. 7: 10). Генетически украшения восходят к подвескам кулайской культуры, которые представляют собой опрокинутый миниатюрный котел с ручками и длинным стержнем (Троицкая, 1979, рис. XII: 13, 14). Наиболее ранние из рассматриваемых подвесок (VI-VII вв. н. э.) очень близки кулайским. Это подвески с длинным стержнем из кургана 23 могильника Юрт-Акбалык-8 (рис. 1: 16-17) и подвески в виде перевернутого котла с двумя ручками из потчевашского могильника Окунево III (Финно-угры..., рис. 53: 51). Остальные подвески в основном датируются VIII-IX вв. н. э. Подвески без трех отростков, с ровным краем конуса (рис. 1: 23) имеют широкий территориальный и хронологический круг распространения.

Как правило, основным, а в цветной металлообработке верхнеобской культуры - единственным методом реконструкции комплекса литейных операций является анализ браков. На основании исследования браков, характерных для конусовидных подвесок (литейные швы, отпечатки структуры формовочных материалов), можно говорить о единой технологии всего комплекса предметов. В основе литейных операций лежит изготовление предметов по пластичным (восковым) моделям в неразъемных литейных формах с использованием стержней сердечников.

Так как все предметы изготовлены с использованием одних технологических приемов, будет уместно построить описание по единой схеме: 1) изготовление сердечника; 2) модельная формовка; 3) изготовление литейной формы; 4) отливка предмета; 5) выемка и вторичная доработка отливки.

1. *Изготовление стержней-сердечников.* Особенностью модельной формовки конусовидных подвесок является использование в качестве основы модели заранее изготовленного сердечника. Судя по сохранившимся отпечаткам на внутренней поверхности подвесок, основным компонентом стержневых смесей был крупнозернистый песок с величиной фракций до 1 мм (рис. 1: 5А, 13А). Использование крупнозернистых формовочных материалов позволяло легко изымать стержень, а также предотвращало разрушение отливки в процессе термической усадки. Негативные отпечатки на внутренней поверхности подвесок указывают на изготовление стержней-сердечников методом лепки.

2. *Формовка модели.* Сохранившиеся следы свидетельствуют об использовании пластичных (восковых?) моделей. Для изготовления модели сердечник (рис. 1: I) обволакивался (погружался) расплавленным модельным составом (воск), а затем охлаждался до застывания пластичного материала. Процесс мог повторяться несколько раз до получения необходимой толщины стенок модели (рис. 1: II). Такой способ изготовления обеспечивал равномерную толщину модели и соответственно точное совпадение внутреннего и внешнего контуров отливки. Тем не менее в некоторых случаях модель дорабатывалась подрезкой, что формировало тонкие участки отливки и послужило причиной появления недоливов (рис. 1: 3А-Б, 7А; Атлас литейных пороков, 1958, с. 179, порок № 5221).

Абрис модели и дополнительные отверстия формировались путем удаления (срезания) лишних фрагментов модельного материала острым орудием (ножом?). Зачастую глубокая подрезка модели повреждала сердечник формы, что приводило к образованию небольших заливов металла по контуру с внутренней стороны отливки (рис. 1: 13Б). Дефекты такого рода косвенно свидетельствуют об использовании во время процедуры модельной формовки необожженных стержней - сердечников. В некоторых случаях можно наблюдать «разрыв» (нарушение) элементов орнамента контуром предмета (рис. 1: 2А). Такой признак отражает другой порядок модельных операций, в этом случае нанесение орнамента предшествовало формированию абриса модели (рис. 1: III, IV).

В качестве основных орнаментальных элементов на подвесках широко представлены прочерченные либо вырезные желобчатые линии и ряды небольших жемчужин. Судя по перешедшим на отливку следам, одни и те же декоративные элементы могли изготавливаться как прочерчиванием орудием с округлым рабочим краем (палочкой?) (рис. 1: 2), так и с помощью вырезной техники орудием с острым режущим краем (ножом?) (рис. 1: 12А).

3. *Изготовление литейной формы.* После нанесения декоративных элементов модель и выступающие части сердечника покрывались сплошным слоем глиняной «рубашки». В отличие от стержневых формовочных смесей, керамическая «рубашка» (оболочка) изготавливалась из мелкодисперсных материалов, что значительно улучшало качество поверхности отливки. В процессе обжига пластичная модель выплавлялась, освобождая полость (рабочую камеру) формы, а сердечник оставался жестко зафиксированным в глиняной «рубашке» (рис. 1: V).

4. *Изготовление отливки.* К сожалению, из-за вторичной доработки и плохой сохранности объектов определить тип использованной литниковой системы можно лишь для нескольких предметов. В большинстве случаев расплавленный металл подавался непосредственно в полость литейной формы сверху, на что указывают образовавшиеся в этой области наросты металла (рис. 1: 11А). В единственном случае площадь, заполняемая металлом, была увеличена за счет прочерченной в сердечнике бороздки глубиной 2 мм (рис. 1: 8А, 9А). Такой способ расположения литейного канала позволяет увеличить площадь его сечения, не нарушая при этом декоративных качеств отливки.

В результате использования таких литниковых систем скорость заполнения формы значительно снижалась, что привело к преждевременному застыванию расплава - образованию

недоливов и спаев металла (рис. 1: 5Б, 6А, 6Б, 8Б; Атлас литейных пороков, 1958, с. 124-125, порок № 3211; с. 178, порок № 5221). Так как готовая отливка была замкнута в глиняной рубашке, в процессе ее выемки форма и сердечник разрушались полностью.

5. *Вторичная доработка.* Как таковой вторичной доработки предметов (комплекс технологических приемов, направленных на устранение литейных дефектов) не прослежено, а незначительная шлифовка поверхности, скорее всего, предназначалась для улучшения декоративных качеств отливки, придавая металлу зеркальный блеск.

Выводы. Неразъемные литейные формы позволяли избежать целого ряда браков (смещение, перекося створок либо сердечника, литейные швы и т. д.), тем не менее применение далеко не совершенной системы подачи металла привело к образованию таких дефектов, как недоливы. Несмотря на то, что каждый из предметов изготавливался в единственном экземпляре, устранение недоливов, по всей видимости, считалось экономически нецелесообразным.

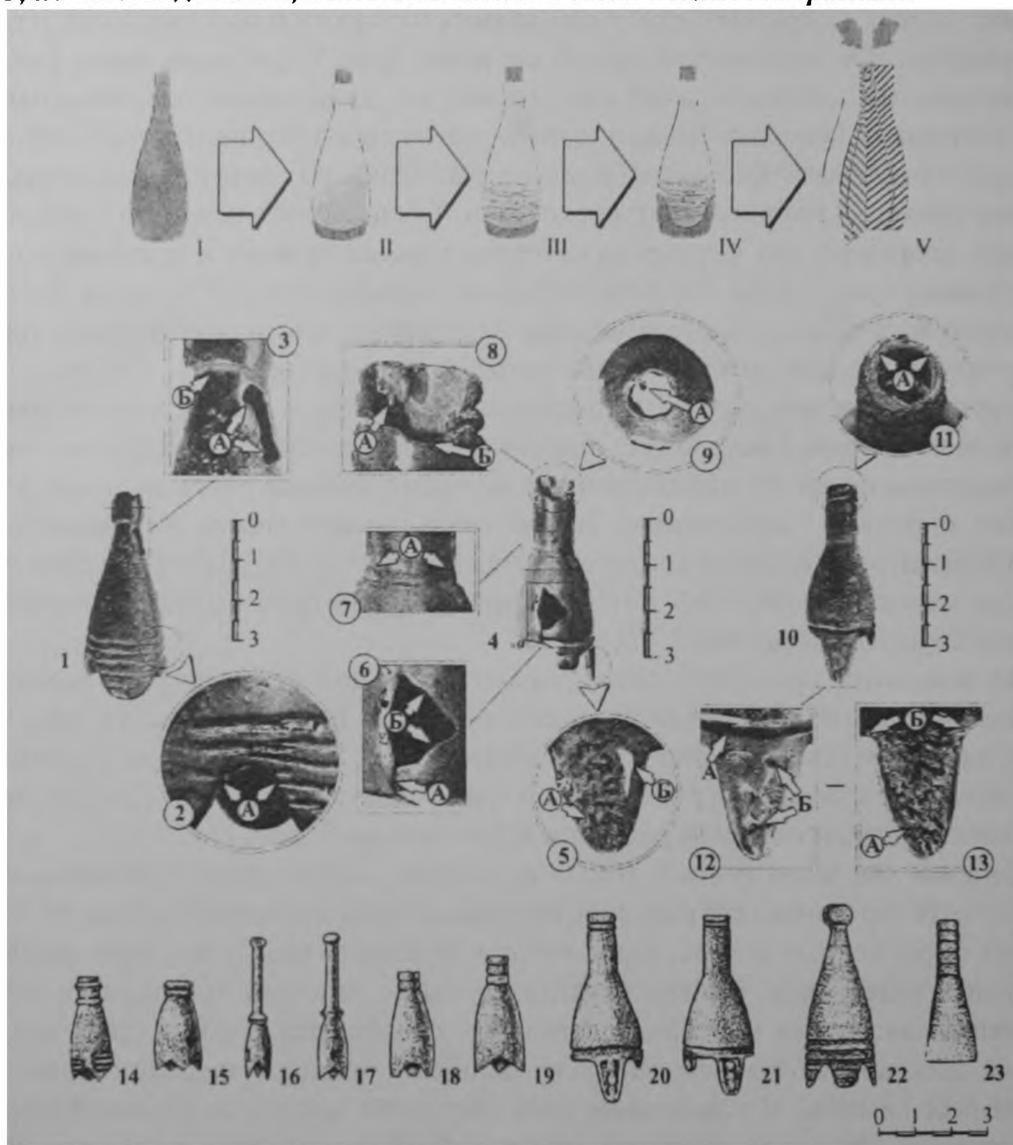

Рис. 1. Полые подвески верхнеобской культуры Новосибирского Приобья: I-V - этапы изготовления полых подвесок; 2А, 12Б - следы прочерчивания пластичной модели; 3А, 5Б, 6Б, 8Б - недолив металла; 3Б, 7А - следы подрезки модельного материала; 5А, 13А - отпечаток крупнозернистой поверхности сердечника; 6А - спай металла; 8А, 9А - фрагмент литниковой системы; 11А - область поверхностного натяжения металла, образовавшаяся при заливке; 12А - признаки модельной работы острым орудием (ножом?); 1, 22 - Умна-3 (курган 22); 4, 21 - Каменный Мыс (курган 8); 10, 20 - Каменный Мыс (курган 9); 14-17 - Юрт-Акбалык-8 (курган 23); 18 - Юрт-Акбалык-11 (курган 5); 19 - Красный Яр-1 (грунтовый могильник 3); 23 - Умна-3 (курган 17)

В.И. СЕМЕНОВА

Россия, Тюмень

Тюменский государственный институт искусств и культуры

К РЕКОНСТРУКЦИИ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОСТЮМА НАСЕЛЕНИЯ ЮГАНСКОГО ПРИОБЬЯ КОНЦА VIII - XI В. (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА УСТЬ-БАЛЫК)

Реконструкция костюма по археологическим источникам является сложной процедурой (Яценко, 2001, с. 7-8). Актуализация этой проблемы закономерна, так как костюм является важнейшим источником по многим аспектам культуры. Одежда - «это переходная ступень от «природы» к «культуре» (Леви-Строс, 2001, с. 236). У хантов все предметы, используемые человеком, становятся исан-хуран, то есть носителями части его души, облика (Молданова, 2001, с. 99). В определенных ситуациях одежда выступает двойником, заместителем человека. Если истыкать ножом одежду, то можно нанести вред ее владельцу. Медиативная функция одежды в контексте «социологической теории удвоения личности» (Леви-Строс, 2001, с. 271) важна при работе с погребальными памятниками. Даже немногие остатки костюма и его аксессуаров из могильников могут пролить свет на древние концепции природы, человека и общества.

В данной работе освещены результаты анализа погребальных костюмных комплексов конца VIII-XI в. из могильника Усть-Балык (Нефтеюганский район Тюменской области). Чаще всего «археологический костюм» в общих чертах реконструируется благодаря сохранности украшений. Для реконструкции были выбраны погребения с ненарушенным порядком расположения украшений, затем по созданным моделям проведена реконструкция остальных погребений (всего 67 захоронений). По местонахождению украшений на костяках было выделено 5 категорий украшений: А - головные (57%), Б - шейно-нагрудные (15%), В - наручные (32,8%), Г - поясные (38,8%), Д - застежки (1,5%). В процессе обработки уточнялось назначение украшений. На последнем этапе была произведена типология костюмных комплексов. К первому типу отнесены костюмные комплексы, содержащие одну категорию украшений, ко второму - две, к третьему - три. Анализ костюмных комплексов проведен с учетом половозрастных параметров для 50 захоронений, имеющих антропологические определения (мужские, женские, детские) (см. таблицу).

Для костюмного комплекса типа IА характерны головные уборы, височные украшения и наконечники. Головные уборы представлены: 1) шапочками с накладками и без, 2) повязками с бронзовыми накладками, подвесками, пронизьями; височные украшения: 1) дровыми кольцами, 2) калачевидными кольцами; наконечники: 1) трубчатыми пронизьями, 2) бусами-«флакончиками», 3) одиночными подвесками.

Особенностью мужского комплекса является присутствие височных колец, трубчатых наконечников, бус-«флакончиков». Наконечники составлены из единичных пронизей и подвесок, не отмечено ни одного набора, нанизанного на шнур, как это характерно для приуральского финно-угорского населения (Крыласова, 2001, с. 63). У женщин преобладают повязки с накладками, подвесками. В детских погребениях также распространены повязки и шапочки с накладками и подвесками. Встречаются усложненные ансамбли головных украшений, в первую очередь у женщин и детей. Чаще всего - это головной убор и височные украшения.

В костюмном комплексе типа IБ присутствуют шейные ожерелья, характерные для детских погребений. В погребении 22 к шнуру под нижней челюстью были привязаны височное кольцо и сломанная поясная пряжка обского типа. В погребении 33 ожерелье предположительно состояло из трех спиральных пронизей и двух бронзовых бус разного диаметра.

Тип IВ выделен по присутствию в костюмном комплексе браслетов. Для мужских погребений характерны дровые узкие браслеты. В женских погребениях встречены браслеты обского типа

с медвежьими головами. В детских погребениях - гладкие пластинчатые браслеты (в одном случае отмечен обломок браслета с изображением кошачьего хищника). В одном женском и одном детском погребениях в качестве браслетов использованы височные кольца. Для женских и детских погребений характерны браслеты из бус. В целом браслеты как категория украшений преобладают в детских погребениях.

В костюмном комплексе типа IГ отмечены ремни и набедренники. Ремни фиксируются по поясным пряжкам, накладкам. В трех случаях накладки сохранились на фрагментах ремней, ширина которых составляет 2-2,5 см. В детском погребении 9 найден фрагмент меховой одежды ворсом наружу, который сохранился благодаря остаткам ремня (длиной около 30 см), лежащим под тазовыми костями. На ремне были закреплены два типа бронзовых накладок: круглые с центральной чашевидной выемкой, которые чередовались с двумя прямоугольными с выемчатыми боковыми сторонами. Подобный пояс с чередующимися сердцевидными накладками реконструирован Н.Б. Крыласовой (2001, с. 169). Аналогичные накладки отмечены в релкинских материалах у Л.А. Чиндиной (1977, рис. 15: 15). Сочетание ременной пряжки с одной накладкой встречено только в одном детском погребении 225. Половозрастной дифференциации в поясных украшениях не наблюдается. Общепринято мнение, что поясные наборы складываются под влиянием степных народов. Отмечена тенденция, что, проникая на периферию, пояса становились заметным элементом женского костюма (Ковалевская, 2001, с. 188).

Тип IД представлен в одном мужском захоронении. На костяке по центру от нижней челюсти до щиколоток расчищены 5 прямоугольных гладких пластин. Возможно, они выполняли функцию застежек.

Костюмный комплекс украшений типа II представлен шестью сочетаниями АБ, АВ, АГ (самое распространенное сочетание), БВ, БГ, ВГ. Варианты мужского костюма представлены сочетаниями головного убора (повязки?), украшенного медной пластиной и дротовыми бронзовыми браслетами на обеих руках (АВ); ремней с парными височными кольцами или наконником (АГ). Достоверный женский костюмный комплекс украшений происходит из погребения 13 (АГ), он включал головную повязку с медной пластиной и украшенный бусами пояс. Видимо, с пояса попарно свисали бусы на шнурах, представляя вариант набедренного украшения.

Наиболее разнообразен по украшениям детский костюм. Он представлен сочетаниями головных украшений с нагрудником (АБ), браслетами (АВ), ремнями, набедренниками (АГ), шейных украшений с браслетом из бус (БВ), ремнем (БГ) и сочетанием браслета и набедренника (ВГ). В погребении 93 детский костюм включал сердцевидную подвеску, возможно, с головного убора, и ремень с пряжкой (АГ). В погребении 73 с остатками меховой наплечной одежды с орнаментом сохранилось ожерелье и браслет из бус на правой руке (БГ). В погребении 57 - ожерелье из 4 бубенчиков и остатки накладок от ременного набора (БГ). В погребении 134 - гладкий бронзовый пластинчатый браслет на правой руке и набедренники из низок бус-«флакончиков» (ВГ).

Костюмный комплекс украшений типа III представлен тремя сочетаниями АБГ, АВВ, АВГ. Выделены четыре женских и одно детское погребение, данные по мужскому комплексу отсутствуют. Женский костюм из погребения 38 включал парные височные кольца, ожерелье из бронзовых спиральных пронизей и бус, а также поясную плоскоконическую накладку. Женский костюм из погребения 42 имел парные височные кольца, пронизь в виде кричащей птицы в качестве нашейного украшения и браслет из четырех бус на правой руке. Женские костюмы из погребений 41 и 48 совпадают по сочетанию категорий украшений. Головные украшения в погребении 41 представлены одним височным кольцом. В погребении 48 отмечены остатки двух височных колец разного диаметра (одно с имитацией витья) и, скорее всего, головной повязки с пятью медными пластинами спереди. На правых руках женщин были браслеты, в первом случае - пластинчатый браслет обского типа, во втором - две бусины-«флакончика». На тазовых костях сохранились ременные пряжки.

Остальные значимые характеристики костюма (материал, крой, орнаменты и проч.) восстанавливаются по косвенным свидетельствам. Все рассмотренные детали костюма позволяют сделать заключение, что одежда изготовлялась из меха и состояла из наплечной одежды, головного убора. Наплечная одежда шилась мехом наружу, имела орнаменты из набрного меха. Есть свидетельства о наличии распашной одежды.

Заметно, что женская и детская одежда имеет много общих черт и выделяется большим разнообразием и количеством украшений. Это обстоятельство может быть связано с особым положением женщин и детей в традиционном обществе. Из этнографии обских и самодийских народов известно, что переходы из одной возрастной категории в другую сопровождались изменениями в костюме. Например, халаты девочек получали украшения из бисерных лент или нашивок после появления зубов (Лукина, 1985, с. 42), девушки на выданье носили ложные косы с металлическими украшениями (Попова, 2003, с. 145). Эта традиция достаточно глубокая, так как в облачения женских духов обязательно входят украшения (Соколова, 1982, с. 32).

Таблица

Типология костюмных комплексов конца VIII-XI вв.

Группа погребений	I тип					II тип						III тип			Кол-во
	А	Б	В	Г	Д	АБ	АВ	АГ	БВ	БГ	ВГ	АБГ	АБВ	АВГ	
Мужские	2	-	2	3	1	-	3	3	-	-	-	-	-	-	14
Женские	5	-	2	1	-	-	-	1	-	-	-	1	1	2	13
Детские	5	2	4	4	-	1	1	2	1	1	1	1	-	1	23
Итого:	12	2	8	8	1	1	4	6	1	1	1	1	1	3	50
В %	24	4	16	16	2	1	8	12	2	2	2	2	2	6	100

Л.А. СОКОЛОВА

Россия, Санкт-Петербург

Институт истории материальной культуры РАН

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ АССОЦИАЦИИ В ОКУНЕВСКОМ ИСКУССТВЕ

В масштабе Северной Евразии окуневский культурный комплекс является уникальным явлением. Огромные каменные изваяния с выразительным комплексом зоо-антропоморфных черт привлекали внимание исследователей с самого начала исследования сибирских древностей в середине XVIII в. До 60-х гг. XX в. их культурная принадлежность была предметом острых дискуссий. Только открытие в 1962-1963 гг. крупного могильника окуневской культуры Черновая VIII (Максименков, 1980), содержащего большой комплекс подобных изображений, наконец связало каменную скульптуру с ее культурным контекстом.

Именно изобразительная традиция впервые обозначила вопрос о связях окуневской культуры с поясом высоких цивилизаций (Формозов, 1969). В работах, посвященных окуневскому искусству, география аналогий приобретает планетарный характер. Это Египет (Липский, 1961), Ближний Восток (Формозов, 1969; Пяткин, 1992), Индия и Тибет (Мачинский, 1997), Китай (Киселев, 1933), Дальний Восток и Северная Америка (Липский, 1969; Окладников, 1966). Хронология этих ассоциаций также весьма разведена во времени: от неолитических личин Амура до этнографических тотемных столбов североамериканских индейцев.

Тем не менее Южная Сибирь и конкретно окуневская археологическая культура традиционно не упоминается в работах по индоевропейской проблематике. Хрестоматийная дата - II тыс. до н. э. практически выводит ее за грань проблемы происхождения индоевропейцев. Эта дата была определена в 1970-х гг. Г.А. Максименковым на основе анализа преимущественно поздних памятников (Черновая VIII). Однако противоречие изначально содержалось в его же утверждении о местном неолитическом происхождении культуры. На сегодняшний день исследовано несколько ранних памятников и зафиксирован высокий уровень развития раннего этапа окуневской культуры. Можно считать установленным, что в начале II тыс. до н. э. на севере Минусинской котловины появляются андроновские племена, которые ассимилируют окуневцев, уже переживающих к тому времени период стагнации.

Окуневский социум существовал поразительно долго и монолитно: возникнув на базе местного неолита примерно в V-IV тыс. до н. э., окунево доживает до андроновской культуры, т. е. до начала II тыс. до н. э. Причиной такой устойчивости, по всей видимости, является сложная социальная иерархия, продуцирующая интенсивную духовную жизнь общества. Развитие культовой сферы становится сверхзадачей, объединяющей и сплачивающей весь социум. В настоящее время известно более 700 окуневских каменных изваяний, отличающихся сложнейшей иконографией, индивидуальным мастерством исполнения, богатством отраженного внутреннего мира.

Окуневское мегалитическое искусство в близком временном диапазоне можно сопоставить лишь с монументальным искусством древневосточных цивилизаций, однако движущая сила древневосточного искусства заключалась в самой мощи государства. Окуневцы считаются в литературе таежными охотниками, «шаманистами», так как в их могилах найдены украшения из костей диких животных, а в изображениях можно, при желании, найти элементы шаманского костюма (Вадецкая, 1980а, с. 76).

Само существование окуневского креативного феномена, развитие его в течение длительного времени приводят нас к закономерному выводу. Потребность в таких колоссальных работах могла возникнуть только в обществе со сложной структурой. Верховная власть, видимо, обладала сильным влиянием внеэкономического характера (экономическое принуждение в условиях Евразийского степного пояса в древности было практически невозможно). Направленность общественного труда в культовую сферу позволяет предположить некоторую теократическую структуру типа жреческой с поправкой на эколого-климатические реалии Южной Сибири.

Если это предположение верно, тогда понятна и такая четкая, устойчивая разработка изобразительного кода. Здесь мы, похоже, имеем дело не с непосредственным эстетическим восприятием мифологического образа, а с профессионально разработанным идеологическим каноном, который, по всей видимости, сопровождался не менее профессионально разработанным вербальным текстом и обрядом.

Выделенные Э.Б. Вадецкой наиболее часто встречающиеся детали изображений позволяют нам сформировать иерархию признаков окуневского божества.

1. Первичный признак божества - поперечная полоса через середину личины (как вариант - крест).

2. Знак «третьего глаза» - посередине лба или у верхнего обреза личины.

3. Рога и уши зооморфа.

4. Биома - изображение с признаками растительных побегов, исходящее из «третьего глаза» или верхнего обреза личины.

5. «Соляные знаки», не имеющие постоянной локализации.

6. Признаки женской природы божества: грудь и живот беременной женщины.

7. Образ фантастического зверя или хтонического чудовища.

Признаки расположены по убыванию и комбинируются в различных сочетаниях: на самых ярких изваяниях присутствуют все признаки; более скромные обходятся сочетанием некоторых из них.

Анализ показывает, что перед нами культовый образ с признаками всеобщности, отражающими весь окружающий мир: биосферу, зоосферу, антропосферу и космос. То есть существо, исполняющее роль демиурга и всеобщего начала. Это, несомненно, вершина философии древних, поскольку в этом образе представлена идея единства и равенства всех жизненных сфер.

Пожалуй, нет ни одной работы по проблемам окуневского искусства, где бы не предлагалась своя трактовка семантики главного персонажа. Авторы часто обращаются к Ригведе как к древнейшему источнику соответствующих персонажей: Пуруша (Подольский, 1985), Шива (Кызласов, 1986). Собственная трактовка: «священные девы» (Мачинский, 1995), «Трибог».

В мировых мифологических системах подобный образ во всей полноте не встречается. Пожалуй, наиболее близок образ ригведийской Адити - «матери всех богов», но той присуща сугубая антропоморфность. В Ригведе есть смутные упоминания о другом более древнем женском персонаже. Это мать зверя-демона Вритры - Дану. Этот образ появляется в гимне Индре, в описании его космической победы над Вритрой (Елизаренкова, 1990, с. 12). Убив Вритру и Дану, Индра разрушает прежний миропорядок - это его главный подвиг. Дану выступает и в роли коровы, и в роли женщины, и в роли матери зверя - то есть в роли демиурга старого мира. Это наталкивает на мысль о возможном генетическом родстве с окуневским божеством - женщиной-коровой, рождающей космического зверя.

Объединяет эти два мирообразующих персонажа их женская природа - очень архаичный признак, уходящий корнями в глубокую древность, когда причинный механизм деторождения был неясен и главная роль в этом процессе отводилась сакральной связи женщины с оплодотворяющими силами природы. Позже, когда производительная роль мужчины стала очевидной, функции демиургов стали исполнять исключительно божества мужского рода.

Может возникнуть закономерный вопрос: уместно ли само сопоставление сибирских изображений с Ригведийскими текстами, ведь между ними не только пространственный, но и временной разрыв. К моменту создания гимнов окуневцы, возможно, уже растворились в последующих этносах.

Однако действительность превосходит самые смелые предположения. В 1987 г. К. Йетмар опубликовал петроглифы, нанесенные на скалы Каракорума в верховьях р. Инда (Jettmar, 1987). На петроглифах видны не только обычные для северных территорий личины с косым крестом (рис. 1: 17, 18, 19), но и полнофигурное изображение нового типа (рис. 1: 20). Последнее напоминает сидящего на троне «бога-буйвола» с печати из Мохенджо-Даро, который обладает всей суммой внешних признаков окуневского божества: рогатой тиарой с радиальными лучами, трансформированными в биому (рис. 1: 22). В отличие от окуневского матриарха - это мужское божество в итифаллическом состоянии. Каракорумские петроглифы демонстрируют процесс трансформации окуневского персонажа в харрапского «бога-буйвола», которого мы видим на храмовых печатях и в маскоиде из Мохенджо-Даро (рис. 1: 23).

Многочисленные аналоги Каракорумским изображениям имеются в окуневском комплексе (Минусинская котловина) (рис. 1: 1-3), в Мугур-Сарголе (Саянский каньон Енисея) (рис. 1: 8-11), в Караколе (Алтай). Нанеся эти пункты на карту, мы получим путь окуневцев к югу. Таким образом, есть все основания допустить возможность непосредственного контакта окуневской и харрапской культур. Гипотетически можно допустить, что фрагменты трансформированной окуневской мифологемы могли закрепиться в устном предании и были отражены в гимнах Ригведы.

Привлекает внимание сходство иконографии окуневских и индийских божеств. Самый яркий аргумент - это маскоид из Мохенджо-Даро (2700-2300 гг. до н. э.) (рис. 1: 23). На первый взгляд, это изображение лишено специфических окуневских черт - полос на лице. Этот маскоид более реалистичен, несмотря на бычьи рога и уши. У него подчеркнута «монголоидные» глаза и маленькая борода, изображенная насечками. Однако нет никакого сомнения, что его создатель

был знаком с мифологемой, как минимум, близкой окуневской. Фигура «жреца» совершенно реалистична. У него тоже узкие глаза с тяжелыми верхними веками. На лбу - лента-диадема с кружком посередине, напоминающая (или имитирующая) «лобный значок» (рис. 1: 24).

Э. Маккей, публикуя эти изображения, подчеркивал, что они совершенно не соответствуют местным традициям в мелкой пластике, и считал их импортами. Собственно хараппская терракота характеризуется четко разработанным каноном: это женские статуэтки с пышными локонами и круглыми глазами, выполненными кольцевидными валиками. Данные две фигурки на этом фоне привлекают внимание именно своей необычностью. «Эти статуэтки имеют явную монголоидную внешность и резко отличаются по типу лица от обычных образцов. Они были обнаружены в одном из самых нижних слоев города и свидетельствуют о том, что его население могло иметь примесь монголоидной крови, внесенную, возможно, пришельцами с северо-запада, быть может, с иранского нагорья, где при раскопках в Тепе Гиссаре в Дамгхане было обнаружено несколько очень ранних монголоидных черепов» (Маккей, 1951, с. 133). Но неслучайно именно они фигурируют во многих работах по индоевропеистике как символы арийской миграции в Индию. В то же время Э. Маккей подчеркивает: «божество в облике человека с рогами не встречается ни в современной индийской мифологии, ни на протяжении всего исторического периода; по-видимому, можно с уверенностью сказать, что оно было принесено людьми культуры Хараппы и исчезло вместе с ними» (Там же, с. 70).

К импортам Маккей отнес и специфическую керамику с розетками на дне, выполненными штампом по сырой глине, тогда как индийская керамика является исключительно расписной. Конечно, эта керамика изготовлена из местной глины и, скорее всего, местными гончарами. Но орнамент на днище демонстрирует проникновение инокультурных традиций. В этой связи вспоминается гимн Ригведы, описывающий изготовление ритуальной керамики с орнаментом, выполненным бамбуковой палочкой.

Появление божества в «рогатой тиаре» на знаменитой печати из Мохенджо - Даро, пожалуй, можно считать укреплением политических позиций мигрантов. На этой печати голова божества изображена в фас-профильном варианте. Этот оригинальный прием многократно встречается в окуневском искусстве.

Подводя итог вышесказанному, надо подчеркнуть, что автор имеет в виду возможное происхождение этнического импульса, который способствовал сложению индоевропейского сообщества.

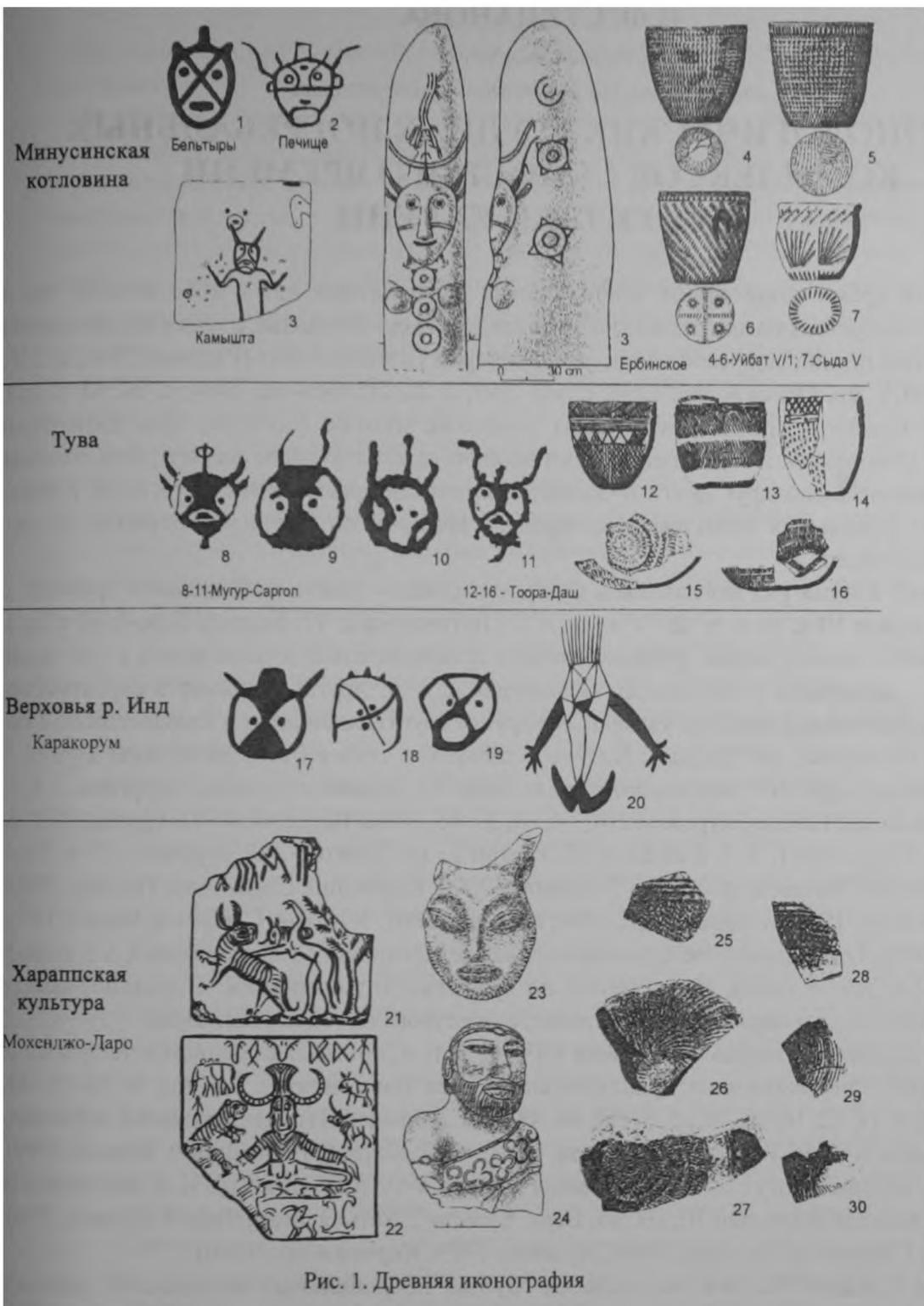

Рис. 1. Древняя иконография

Н.Ф. СТЕПАНОВА

Россия, Барнаул

Алтайский государственный университет

О ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ГРУППАХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА СРЕДНЕЙ КАТУНИ

В настоящее время существуют значительные расхождения как в абсолютной, так и относительной датировках памятников скифского времени Горного Алтая, а также в определении верхней и нижней границ скифской эпохи на территории Горного Алтая (Руденко, 1960, с. 336; Суразаков, 1989, с. 99; Марсадолов, 1996, с. 56; 1997, с. 20; Полосьмак, 1994, с. 66, 90; и др.). Для решения проблем хронологии имеют значение многие факторы. Для датировки погребальных комплексов на Средней Катуне особую важность представляет расположение памятников относительно друг друга и большое количество раскопанных курганов. Анализ материалов погребальных комплексов скифского времени со Средней Катуне позволил установить следующее:

1. На Средней Катуне ряд могильников функционировал в течение длительного времени: с середины или конца VI в. до н. э. до IV в. до н. э. (Тыткескень-I, VI, Кайнду, Бике-I, III и др.). Большинство могильников начали функционировать приблизительно в одно время, в том числе памятники, расположенные в нескольких километрах друг от друга, например в окрестностях с. Еланда расстояние между наиболее удаленными друг от друга кладбищами составляет около 7 км.

2. Одними из первых на Средней Катуне в скифское время были возведены курган 7 могильника Кайнду, курган 27 могильника Тыткескень-VI, несколько позднее - курганы 2, 6, 1, 40-42 на могильниках Кайнду, курганы 2, 4, 14, 18, 33, 43, 54 на Тыткескене-VI, курганы 4, 5, 6, 36, 37 на Бике-I, курганы 1, 3, 7, 8 на Бике-III, курган 23 на Ороктое-Эке, курганы 4, 7 на Кок-Эдигане, могильник Тыткескень-I и др. (Степанова, 2000; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003; Неверов, Степанова, 1990; Кубарев и др., 1990; Кубарев, 2001; Худяков, Скобелев, Мороз, 1990; Мамадаков, 2003). Одновременное функционирование могильников Тыткескень-I, VI, Бике-I, Бийке, Ороктой-Эке, Кайнду, Кара-Тенеш не представляет сомнений. Вероятно, между населением, оставившим первые три памятника, существовали тесные контакты.

3. Курганы, датировка которых определена V-IV вв. до н. э., составляют большинство в долине Средней Катуне. Они выявлены практически на всех памятниках: Кайнду, к. 12-18, 43, Тыткескень-VI, к. 11, 12, 16, 19, 24, 25, 31, 42, 44, 48 и др., Айрыдаш-I (поздняя группа), Айрыдаш-IV, Кызык-Телань-I, Чоба-VI и др. (Суразаков, 1989; 1990; Кочеев, 1996; Ларин, Кочеев, 1999).

4. Курганы, которые могут быть датированы концом V-IV и IV-III вв. до н. э., встречаются редко: на могильниках Айрыдаш-III, Дялян, Верх. Еланда-2, Усть-Эдиган, Чеба-V (Кочеев, 1990; Тетерин, 1992; Степанова, Неверов, 1994; Худяков, 1993; Киреев и др., 1990).

В целом на Средней Катуне выделяются группы погребальных комплексов, которые датируются: 1) серединой VI - началом V вв. до н. э.; 2) концом VI-началом V вв. до н. э.; 3) V в. до н. э.; 4) V-IV вв. до н. э.; 5) концом V-IV-III вв. до н. э. Однако большинство объектов не может быть датировано в узких пределах. Из-за немногочисленности захоронений, относящихся к той или иной группе, невозможно выявить какие-либо закономерности в изменении погребального обряда, поэтому необходимо объединить эти группы. В данном случае мы придерживаемся такой схемы разделения погребальных комплексов на хронологические группы: 1) середина VI-начало V вв. до н. э.; 2) V и V-IV вв. до н. э.; 3) конец V-IV-III вв. до н. э. Поскольку ряд курганов сложно отнести к конкретной группе, то для сравнения были взяты только те погребения, датировка которых определяется в указанных пределах.

Удалось вывить некоторые традиции в погребальном обряде, характерные для каждой группы памятников.

Для *первой хронологической группы* характерны почти все типы погребальных камер: рамы (преобладают), срубы, обкладки из камней и плит, каменные ящики (значительно реже); положение погребенных - вытянуто на спине или на правом боку с согнутыми в коленях ногами, известны отдельные случаи положения на левом боку с согнутыми в коленях ногами и на спине также с согнутыми в коленях ногами; ориентация на В, З, СЗ и др. В нескольких могилах отмечено захоронение коня. Нет коллективных захоронений и мало парных.

Для *второй хронологической группы* также отмечается разнообразие в устройстве погребальных камер, но количество рам в процентном отношении заметно уменьшается, меньше становится обкладок, но увеличивается число каменных ящиков. Стабильным становится положение погребенных - на правом боку с согнутыми в коленях ногами, остальные варианты встречаются в качестве исключения. Преобладает ориентация на В, однако значительный процент составляет ЮВ направление, остальные варианты редки.

В *третьей хронологической группы* сохраняется разнообразие в устройстве погребальных камер, характерно положение умерших на правом боку с согнутыми в коленях ногами; хотя в ориентации погребенных выявляются тенденции, для каждого памятника выделяются свои традиции. Парных и коллективных захоронений становится больше.

Таким образом, для всех хронологических групп характерно несколько вариантов устройства погребальных камер, различная ориентация умерших, редкие захоронения с конем. В ранней группе почти не известны каменные ящики (они появляются с V в. до н. э.), большинство погребений совершено вытянуто на спине. В двух более поздних группах нет ориентации на З и СЗ. Во всех хронологических группах зафиксировано несколько традиций в сооружении погребальных камер, что указывает на их устойчивость и свидетельствует об отсутствии резкой смены в погребальном обряде. По-видимому, процесс консолидации населения был постепенным, в погребальном обряде в первую очередь менялось положение умерших, а в зависимости от этого и ориентация. Наиболее консервативно устройство погребальных камер, хотя и здесь происходят изменения: количество захоронений в рамах сокращается.

Анализ погребального инвентаря показал, что между второй и третьей хронологическими группами существенных различий нет. Первая хронологическая группа отличается от остальных почти по всем категориям вещей, особенно по предметам конского снаряжения и вооружения. Некоторые предметы конского снаряжения первой группы, например распределители ремней, подпружные пряжки, пронизи, практически идентичны с раннескифскими. Предметы вооружения крупнее и отличаются тщательностью в изготовлении. Кинжалы имеют навершия в виде голов грифонов, перекрестия бабочковидные или в виде голов грифонов. Количество кинжалов и чеканов в погребениях первой группы невелико. В захоронениях второй и третьей групп кинжалы и чеканы встречаются чаще, они меньше по размерам, миниатюрны, навершия и перекрестия зачастую не проработаны, не убран лишний металл после отливки. Для первой хронологической группы более характерны крупные зеркала с центральной ручкой, для второй и третьей - с боковой. Существуют и другие отличия.

По-видимому, сходство инвентаря первой хронологической группы и раннескифских комплексов объясняется тем, что полной смены населения в скифское время не произошло или же вещи раннескифского времени могли использоваться позднее. В то время как в первой группе еще сильны традиции предшествующей эпохи, в памятниках второй-третьей групп проявилось влияние культуры, принесенной новым населением. Отсутствие заметных различий между второй и третьей группами указывает на сложение устойчивых традиций, которые не меняются и в IV в. до н. э. Нельзя не отметить факт отсутствия памятников, датированных III-II вв. до н. э., что может свидетельствовать о смене населения или культуры в III-II вв. до н. э. В этом отношении большой интерес представляют раскопки в долине р. Катунь (Худяков, Скобелев,

Мороз, 1990), материал которых, к сожалению, опубликован не полностью. По погребальному обряду раскопанные курганы имеют много общего с пазырыкскими, хотя значительно отличаются по инвентарю.

В результате исследования почти двухсот погребальных комплексов скифского времени на Средней Катуне удалось установить, что наиболее ранние из них датируются серединой VI в. до н. э., наиболее поздние - IV-III вв. до н. э. Нет объектов, которые можно было бы отнести ко II в. до н. э. Выделяются хронологические группы памятников, прослеживаются изменения в погребальном обряде и инвентаре, которые, по-видимому, свидетельствуют о консолидации населения в этот период.

С.Ф. ТАТАУРОВ

Россия, Омск

*Омский филиал Объединенного института истории,
филологии и философии СО РАН*

ТУНУС - ПОСЛЕДНИЙ ГОРОД СИБИРСКОГО ХАНСТВА

В 2003-2004 гг. археологический отряд комплексной западносибирской этнографо-археологической экспедиции Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН и Омского государственного университета проводил археологические работы на могильнике Надеждинка IV и городище Надеждинка VII, расположенных в нижнем течении р. Тары у дер. Надеждинка в Муромцевском районе Омской области. Работы финансировались Омским филиалом Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, Омским государственным университетом при поддержке Российского Гуманитарного научного фонда (проект № 03-01-00483а).

Городище было открыто автором в ходе разведки 2002 г. Помощь в поисках оказал местный краевед, житель рабоч. пос. Муромцево Н.В. Лиль. По нашей просьбе он обследовал все имеющиеся подходы к устью р. Нижняя Тунгуска и привел нас на это место. Городище располагается на небольшом останце коренной террасы левого берега р. Нижняя Тунгуска, примерно в 0,8 км от курганного могильника Надеждинка IV. Нижняя Тунгуска делает выше останца крутой поворот к западу, а ниже останца возвращается к востоку, поэтому городище достаточно хорошо защищено с трех сторон и доступ к нему сильно затруднен. По всей вероятности, это помешало обнаружить памятник раньше.

Внешний вид городища и первые полученные материалы позволили соотнести этот комплекс со временем существования Сибирского ханства.

С большой долей вероятности можно говорить, что это так называемый Тунусский городок (Тунус), известный из работ Г.Ф. Миллера как центр Тунусской волости или по имени главного мурзы Чангулы. На карте Сибири XVI-XVII вв. К.Н. Сербиной Тунус обозначен немного западнее и на правом берегу р. Нижняя Тунгуска, что сбивало исследователей в их поисках. Чангул присягнул на верность русскому государю, но затем, с приходом сюда Кучума, изменил России. 17 марта 1595 г. из города Тары на покорение татар по р. Таре выступил отряд под руководством письменного головы Доможирова численностью 483 человека при 5 скорострельных пушках. В городке укрылось 40 татарских семей, при подходе русских татары сделали вылазку, в результате которой 17 татар погибло, большинство выживших разбежалось, а Чангул был взят в плен. Городок был сожжен для того, чтобы не дать татарам впредь находить здесь убежище, после чего местные волости были отданы на разграбление (Миллер, 1998, с. 236-237).

Сделаем несколько комментариев к описанию Г.Ф. Миллером этих событий. На мой взгляд, с этим городком можно соотнести еще двоих исторических личностей Сибирского ханства -

хана Кучума и его Карачи. Начнем с Карачи - одного из самых близких к сибирскому хану Кучуму людей. Эта неординарная личность историкам практически не известна, несмотря на то, что о Караче упоминали в своих трудах П. Небольсин, Р.Г. Скрынников, С.В. Бахрушин и др. После разгрома Кучума и занятия казаками столицы Карача вышел из повиновения (что, как считают многие исследователи, стало одной из причин быстрого падения Сибирского ханства) и ушел со своими подданными в верхнее течение р. Иртыша, обосновавшись около р. Тары. Однако именно он взял на себя сопротивление Ермаку, уничтожил отряд в 40 человек во главе с Иваном Кольцо, а на следующий год взял в осаду самого Ермака, но был разбит после вылазки казаков. После этого его следы теряются. Карача, который был при хане Сейдяке и который вместе с ними был взят в плен, с Карачой Кучума не имеет ничего общего. К. Валитов пишет, что это Кадыргали Бек, который был пленен русскими и в 1588 г. отправлен в Москву, где служил Ураз Мухаммеду, и умер в 1601 г. в своем имении на Рязанщине, оставив солидные мемуары (не переведенные до настоящего времени).

Сам хан Кучум под давлением русских был вынужден также отойти на юг в Тарское Прииртышье, откуда управлял восточной частью Сибирского ханства до основания города Тары и походов русских в 1595-1596 гг.

Совсем не случайно, что местом пребывания этих исторических деятелей стали территории по р. Таре: здесь проживают аялыньские татары, которые составляли одну из основных частей войска Сибирского хана и одними из последних присягнули России, что, впрочем, не мешало им при любом удобном случае переходить на другую сторону. Тунус в определенные моменты времени мог быть ставкой этих исторических деятелей.

Городище занимает всю поверхность останца. Из-за крутых склонов единственное удобное место для поднятия на останец имеется в юго-восточной части, где, по-видимому, и был вход на городище, подтверждением чему служит устроенное здесь, у подошвы останца, укрепление. Оно представляет вытянутый вдоль склона вал, который ограничивает площадку длиной 40 и шириной 10 м. Высота вала со стороны поймы достигает 2-2,5 м, ширина - 2 м. Это своего рода предмостный редут, если исходить из фортификационной терминологии. Такое укрепление на территории Прииртышья зафиксировано впервые. На верхней площадке останца обнаружены ров и вал, которые разделяют ее почти пополам. Ров шириной от 3 до 8 м и глубиной от 0,5 до 0,7 м. Вал в восточной части останца имеет ширину до 17 м, в западной части он значительно уже - до 10 м, высота около 1 м.

Помимо линии укреплений на площадке останца зафиксировано семь овальных западин, которые, как выяснилось в ходе раскопок, были легкими каркасными жилищами (юртами), площадью около 40 кв. м. Стены, примыкавшие к краю городища, были дополнительно укреплены валом. Внутри располагались лежанки из тонких жердей и досок. В центре жилищ - небольшой очаг.

Материалы, полученные в 2003-2004 гг., в целом подтверждают описание Г.Ф. Миллера. Все жилища уничтожены пожаром, в очагах и рядом с ними - целые и разбитые сосуды. Самыми многочисленными находками стали железные и костяные наконечники стрел, последние сделаны второпях, без хорошей обработки, из различных костей животных. Следов восстановления жилищ нет. Отметим небольшой клад кузнечных инструментов из двух молотков и клещей, который был обнаружен в углублении внутри жилища № 1.

Небольшой культурный слой не дает возможности построить стратиграфическую колонку памятника. Судя по керамическому материалу, ситуация очень похожа на коллекции М.С. Знаменского из раскопок Искера. Хорошо выделяются комплексы фигурноштампованной и собственно татарской керамики. В центре жилища № 1 был зафиксирован очаг и в нем найдены развалы трех сосудов, два из которых орнаментированы продольными линиями и фигурным штампом, а один полностью покрыт рядами подтреугольных штампов.

Положительным моментом для изучения городка является наличие могильника Надеждинка IV, который, по нашим предположениям, составляет с ним один комплекс. Памятник насчитывает 28 насыпей округлой формы диаметром 7-13 м, высотой 0,3-0,8 м. На курганах 5, 6, 10, 28 отмечены грабительские ямы диаметром до 2 м, глубиной до 0,5 м. За период с 1990 по 2002 г. экспедициями ОмГУ и ОФ ОИИФФ СО РАН были проведены исследования на ряде могильников XVII-XVIII вв. (Бергамак-II, Алексеевка-XXVII), оставленных одной из групп сибирских татар (аялыньских). По взаиморасположению и по внешнему виду насыпей данный могильник стоит в одном ряду с ними и датируется вышеуказанным временем. Проведенные раскопки показали, что могильник имеет ряд отличий от раскопанных в Тарском Прииртышье погребальных комплексов. Зафиксировано два трупосожжения, причем по разным обрядам: трупосожжение на стороне и трупосожжение на месте. Обряды были совершены внутри деревянных срубов (кыртма). Следующей отличительной особенностью является наличие безинвентарных захоронений, костяки фиксируются в вытянутом положении, на спине, ориентированы головой на юго-запад, подобной ориентации на могильниках в Тарском Прииртышье мы не встречали.

Подводя итог сообщению, можно с уверенностью утверждать, что дальнейшее исследование этого комплекса откроет новые страницы истории последнего периода существования Сибирского ханства.

Т.Н. ТРОИЦКАЯ, А.И. БОБРОВА

Россия

Новосибирск, Томск

Новосибирский государственный педагогический университет

Томский областной краеведческий музей

СОЛЯРНЫЕ ПОДВЕСКИ С БОКОВЫМИ ОТРОСТКАМИ

Среди украшений средневекового населения Западной Сибири известны изделия, которые можно связывать с самодийцами. Впервые они были выявлены Т.Н. Троицкой в материалах верхнеобской культуры (1993, с. 53-56). Все украшения этой культуры из памятников Новосибирского Приобья, в том числе и изделия, предположительно связанные с самодийским кругом, опубликованы (Троицкая, Новиков, 1998, рис. 16). Целью данного исследования является выделение группы литых солярных (кольцевидных и овальных) подвесок, имеющих боковые отростки, и анализ их развития с VII в. н. э. вплоть до этнографического времени.

В памятниках верхнеобской культуры такие изделия получили распространение на территории Новосибирского и Томского Приобья, Кузнецкой котловины. Среди них различаются три типа. *Тип I* представлен 7 экз. Подвески имеют вид уплощенного кольца с отростками, число которых колеблется от четырех до восьми (рис. 1: 1-5, 10). Верхний отросток обычно завершается петлей для крепления. Отростки имеют вид конуса, ромба, полукольца, грибовидных фигур и т. д. Нижняя часть одной из них оканчивается уплощенной лопастью (рис. 1: 3). Лицевая и оборотная стороны подвесок гладкие. Четыре подвески найдены в могильнике Умна-3 (кург. 4, мог. 2, 10, 22) Новосибирского Приобья (Троицкая, Новиков, 1998, рис. 16: 39-42), одна - в могильнике Архиерейская Заимка (погр. 25) в Томском Приобье (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 79: 9), две - в могильниках Сапогово и Саратовка в Кузнецкой котловине (Илюшин и др., 1992, рис. 23: 4; Илюшин, 1999, рис. 50: 4).

К *типу II* относятся 5 экз. (рис. 1: 5, 7-9). Они представляют собой украшения в форме уплощенных изделий округлой или овальной формы. Имеют петли для крепления. Выступающие отростки могут быть простыми или фигурными. В художественном отношении они оформлены

различно и имеют вид конуса, трилистника, прямоугольника с двумя отверстиями, возможно, зооморфных фигур (рис. 1: 7) и т. д. Расположение их на предметах зеркально, хотя сами отростки не всегда абсолютно одинаковы (рис. 1: 7, 8). Верхний и нижний оформлены в виде лежащей восьмерки; верхний отросток всегда завершается специальной петлёй для крепления. Одна из таких подвесок найдена в Новосибирском Приобье (Троицкая, Новиков, 1998, рис. 16: 43), две - в Томском Приобье, в могильниках Тимирязевском I в кург. 10 и погр. 25 Архиерейской Заимки (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 21: 3 и 79: 10), две в Кузнецкой котловине, в могильниках Сапогово и Ваганово I (Илюшин и др., 1992, рис. 41: 11; Васютин, 1997, рис. 8: 2).

Тип III (8 экз.) повторяет форму овальных серег с кашлевидным окончанием, столь характерных для тюркского времени (рис. 1: 11-14). Отличает их наличие двух простых боковых отростков, расположенных друг напротив друга, и специальной петли для подвешивания. Кольцевидные подвески с боковыми выступами представлены в Томском и Новосибирском Приобье: в курганах Архиерейской Заимки, Томского могильника-1 (Беликова, Плетнева, 1983, рис. 22: 3; 34: 7; 78: 13; 79: 6, 16), Умна-3 и Каменный Мыс. Близкое украшение, продетое на височное кольцо (рис. 1: 15) опубликовано И.Р. Аспелиным и демонстрирует один из способов ношения кольцевидных подвесок (1877, с. 197). В памятниках Горного и Степного Алтая, Верхнего Прииртышья, Барабы, в синхронных погребениях кыргызов и других могильников Сибири подобные украшения отсутствуют.

Все перечисленные подвески найдены в погребениях с сожжением и относятся к VII-IX вв. н. э. (обряд погребения в могилах Архиерейской Заимки не определен). В последующее время в памятниках Верхнего Приобья подобные украшения пока не встречены, что дает основание ограничивать их бытование именно этим временем

В эпоху позднего Средневековья, а точнее в XVII в., соляные подвески с отростками по внешнему краю появляются вновь. В это время они локализуются преимущественно в таежной зоне Западной Сибири, охватывая, в основном, районы расселения нарымских селькупов, которые использовали их исключительно в качестве подвесок к поясу. Они представляют собой изделия кольцевидной или округлой формы с четырьмя или шестью отростками, симметрично расположенными по внешнему диаметру, и трапециевидной петлей сверху. Предметы отлиты из медесодержащих сплавов. К этому времени изменилась техника их изготовления: они стали совершенно плоскими, лицевую сторону начали украшать резными линиями, кантами из односторонне направленных насечек, насечками, расположенными в виде елочки, розетками. Петли и отростки оформляли подобным же образом. Следует отметить стандартность изделий. Внешний их диаметр обычно равен 37-38 мм, внутренний - 27-28 мм, ширина кольца составляет 5 мм. Всего их обнаружено 16 экз. По художественному оформлению отростков среди них различаются 2 варианта. Вариант 1 (13 экз. из 5 могильников): отростки имеют форму орнитоморфных существ (?) или же распустившегося бутона цветка на стебле. А.П. Дульзон называл их «оттяжками в виде цветка со стеблем» (1953, с. 280). Вариант 2 (3 экз. из 3 могильников): отростки в виде изображений голов зооморфного существа. Подвески первого варианта обнаружены в некрополях Нарымского Приобья: по одному экземпляру - на Остяцкой Горе (кург. 6 погр. 1) в окрестностях пос. Молчаново на р. Оби¹ (Дульзон, 1955, рис. XI, 2), в грабительски раскопанных курганах Молчановского могильника (Дульзон, 1953, рис. XXIII, 6), 5 экз. - погребении женщины 30-40 лет² в Карбинской группы II (кург. 2) на р. Кети. На

---

¹ Коллекционные материалы из фондов Томского областного краеведческого музея: курганная группа Остяцкая гора II, колл. № 1499, 136; Молчановский могильник (Остяцкая гора I), колл. № 2277: 156; Балагачевский курганный могильник, колл. № 2250: 382; Карбинская курганная группа II, колл. № 13656: 13-17; коллекционные материалы из фондов МАЭС ТГУ: грунтовый могильник Бедеревский Бор II, колл. № 7206: 172, 250, 255, 258, 259.

² Определения пола и возраста погребенных выполнены В.А. Дремовым // Архив кабинета антропологии ТГУ. Список 201. Инв. кн. 2 и 3 коллекционных поступлений в кабинет антропологии Томского университета. Краниологические коллекции кабинета антропологии Томского университета. Томск, 1979, с. 57.

р. Тым в грунтовом могильнике Бедеревский Бор II подвески варианта 1 найдены в погребениях: 2 экз. в погребении мужчины около 35 лет (мог. 37) (Боброва, 1990, рис. 109: 9) и 3 экз. в погребениях женщин возмужалого возраста (мог. 38, 39) (Там же, рис. 109: 10, 11). Аналогичная подвеска обнаружена в Прииртышье, в погребении Алымского могильника в Уватском районе Тюменской области (Ткачева, 2002, рис. 2: 1).

Найдено два экземпляра подвесок варианта 2. Одна в захоронении женщины 20 лет (мог. 19) некрополя Бедеревский Бор II; внешний край кольца изделия украшен шестью отростками-фигурами в виде голов зооморфного облика (Боброва, 1990, рис. 58: 6). Подобная ей ажурная подвеска округлой формы, без трапециевидной петли, с гладкой оборотной стороной и с насечками на лицевой, зафиксирована в области пояса погребенной женщины в Балагачевском могильнике (кург. 13 погр. 1) (Дульзон, 1953, табл. XIV, 11). Максимальная высота изделия - 63 мм, ширина - 43 мм, максимальные размеры кольца - 46×43 мм, его ширина составляет 5-3 мм. Широкая сторона предмета украшена двумя профильными головками зооморфного существа, обращенными в разные стороны. Они имеют длинные, круто изогнутые шеи и крупный, овальной формы глаз. А.П. Дульзоном они были названы «бородатыми змеями» (1953, с. 248). На противоположной стороне изделия находятся два небольших отростка в виде петель подпрямоугольной формы с отверстиями в центре. Фрагмент аналогичного изделия, представленный двумя отростками в виде разнонаправленных голов зооморфного существа и небольшого подтреугольного отверстия между ними, обнаружен в Томском Приобье, в погребении женщины 25 лет в Козюлинском могильнике (кург. 22) (Плетнева, 1990, с. 52, рис. 40: 4).

Таким образом, бронзовые подвески кольцевидной и округлой формы из некрополей XVII в. были оставлены не только нарымскими селькупам, но и представителями других западносибирских этносов - чулымскими и томскими тюрками, хантами Прииртышья. Поскольку изделия найдены преимущественно в погребениях женщин, то они, безусловно, имели отношение к праздничному или погребальному костюму, неотъемлемой деталью которого были пояса с подвесками подобного рода.

Ажурные и цельнолитые бляхи из медных сплавов в XIX в. широко представлены в инвентаре погребений аборигенов Обдорского Севера, которые использовали их не только в качестве украшений. Д.Т. Янович отмечал, что в захоронениях мужчин эти предметы располагались в области сердца и служили амулетами (Цит. по: Мурашко, Кренке, 2001, с. 55). По наблюдениям Б.О. Долгих, такое отношение к ним сохранялось и в середине XX в.; инганасаны дифференцированно интерпретировали сакральную сущность различных изображений на бляхах. В Новое и Новейшее время солярные бляхи с боковыми отростками претерпели серьезные изменения, а с такими выступами, как в XVII в., исчезли совершенно. На смену им пришли ажурные подвески в виде разнообразных геометрических и зооморфных фигур, вписанных в круг или ромб, и цельнолитые бляхи-зеркала с различной символикой (Мурашко, Кренке, 2001, рис. 125-137, 139-140). Подобные бляхи нашивали на шаманские костюмы, подвешивали их к головным уборам, крепили в качестве подвесок к поясам и одежде (Там же, рис. 33, 35, 40, 42-44 и т. д.). Насколько они были связаны с изделиями предшествующего времени, сказать трудно. Не исключено, что некоторые из упомянутых форм генетически близки и зарождение их относится к эпохе раннего Средневековья.

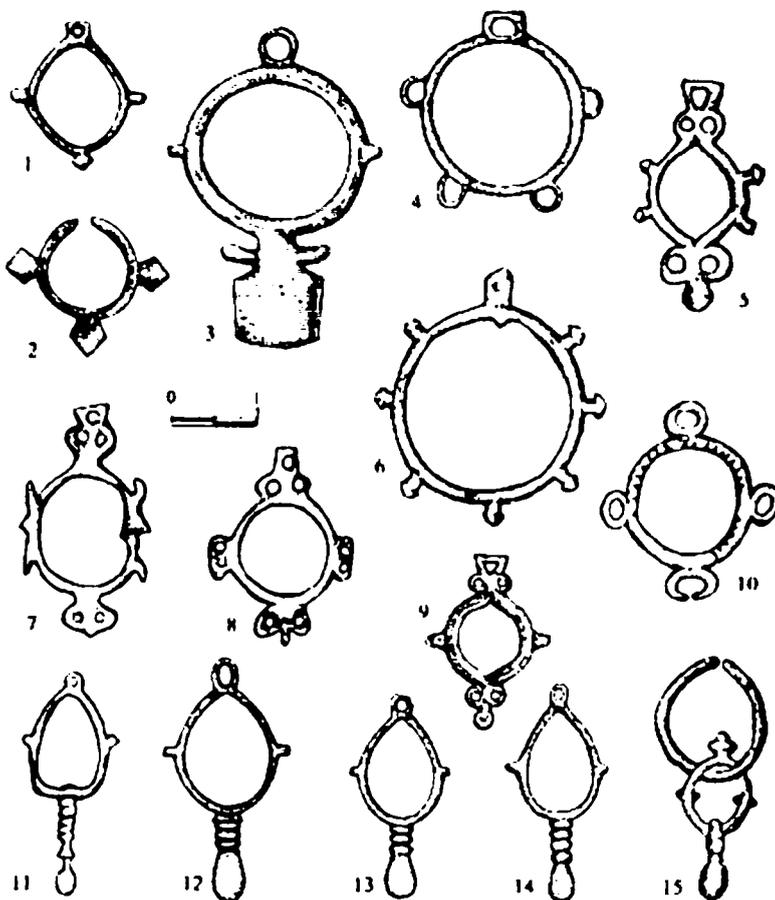

Рис. 1. Бронзовые украшения: тип I - 1-4, 6, 10; тип II - 5, 7-9; тип III - 11-14 (1-5, 12-14 - Умна-3; 6, 7 - Сапогово; 8, 10, 11 - Архиерейская Заимка; 9 - Тимирязевский могильник-1; 15 - способ ношения украшений (по Аспелину)

Н.П. ТУРОВА

Россия, Тобольск

Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ЛИЦЕВЫЕ ПОКРЫТИЯ МОГИЛЬНИКА ВАК-КУР

В 2004 г. Тобольский отряд Института археологии и этнографии СО РАН и Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник продолжили исследования на грунтовом могильнике Вак-Кур, датируемом в пределах X-XI вв. и относимого к юдинской культуре. Могильник расположен в Ярковоком районе Тюменской области на правом берегу р. Тобол близ с. Юртобор.

Наше внимание привлекли обнаруженные в потревоженных погребениях и межмогильном пространстве бронзовые пластины, являвшиеся не обломками каких-либо изделий, а самостоятельной категорией погребального инвентаря. Их расположение в районе головы в количестве двух-трех штук, парное залегание выброшенных из могилы пластин, их небольшие размеры, а также следы зеленой окиси на зубах некоторых погребенных позволяли только предполагать возможность их использования в качестве элементов лицевого покрытия.

Раскопки погребения № 124, в котором на лицевом отделе черепа, в глазных впадинах и на зубах были обнаружены бронзовые пластинки, позволили констатировать наличие данной черты погребальной обрядности в среде юдинского населения Прииртышья. О подобной черте погребального обряда на Пылаевском могильнике юдинской культуры писали Ю.М. Кутаков и А.В. Старков (1997, с. 138), но расположение пластин (согласно описанию и планам погребений) не позволяют достоверно отнести их к лицевому покрытию.

По имеющимся в нашем распоряжении данным, юдинское население использовало в похоронной обрядности лицевые покрытия, состоящие из бронзовых (в одном случае серебряных) наглазников и нагубников (и, возможно, наносников) и мягкого покрытия (мехового или войлочного). Наглазники и нагубники представляют собой пластинки подпрямоугольной или округлой формы толщиной от 0,3 до 1,2 мм и средними размерами 3,5×1,5 см. Погребальные лицевые пластины могли накладываться непосредственно на лицо умершего, а также накладываться поверх мягкого покрытия из меха, войлока и, возможно, кожи или ткани, либо нашиваться, поскольку на серебряных пластинах имеются отверстия для крепления.

Применение погребальных лицевых покрытий в похоронном ритуале с большой долей вероятности может быть отмечено для 17 погребений, как взрослых, так и детских. Таким образом, данная черта погребального обряда юдинского населения была применима лишь к части населения (9% от общего числа раскопанных захоронений), независимо от возраста.

Разнообразные лицевые покрытия встречаются практически на всей территории земного шара, но в разное время и в различных вариациях (Герман, 2003, с. 146). С эпохи Средневековья употребление лицевых пластин и масок было распространено в Евразии на следующих территориях:

1. В Среднем Поволжье, Верхнем Прикамье, Приуралье данная черта погребальной обрядности зафиксирована в разнокультурных могильниках:

- родановской культуры (вторая половина X-XI в.), где выявлены серебряные маски с прорезями для глаз и рта (глаза могли быть обозначены чернью), имевшие по краю отверстия для пришивания на мягкую основу, а также серебряные и золотые наглазники и наротники с прорезями (Крыласова и др., 1997, с. 123; Фодор, 1972, с. 172);

- ванвиздинской культуры (VI-X вв.), где зафиксированы серебряные наротники и наглазники с прорезями, а также золотые очкообразные наглазники с прорезями и наротник без прорези (Королев и др., 1997, с. 416, рис. 5-6);

- ломоватовской культуры (VII-IX вв.), где выявлены вырезанные из тонких серебряных пластин очкообразные наглазники с узкими прорезями (Голдина, 1985, табл. XXI: 33, 35);

- в могильниках Волжской Болгарии (IX-XI вв.) выявлены серебряные маски с прорезями для глаз и рта, нашивавшиеся на шелковую ткань, а также встречены серебряные и золотые наглазники и нагубники (Халикова, 1972, с. 153, 158; Казаков, 1992).

2. В Паннонии, в венгерских захоронениях IX-X вв. обнаружены погребальные маски, которые состояли из мягкого покрытия (кожа или ткань), поверх которого на месте глаз, рта (возможно, и носа) накладывались или нашивались серебряные пластины, бляхи или пуговицы (Фодор, 1972, с. 170).

3. В Нижнем Приобье в материалах хантыйско-ненецкого могильника XVIII-XIX в. Халас-Погор также имелись лицевые покрытия из ткани, меха, кожи с нашитыми на месте глаз, рта или носа пуговицами, бляшками или бусинами (Мурашко, Кренке, 2001, с. 94-99, 101, 103, 105, 107). До этнографического времени подобная черта погребальной обрядности сохранилась у многих народов Сибири, в том числе и у обских угров. Зафиксированное у угров на рубеже XIX-XX вв. лицевое покрытие выглядело так: лицо умершего накрывали платком либо целиком закутывали голову большим куском сукна или обработанной оленьей шкурой ворсом внутрь; на месте глаз, рта и носа прикрепляли серебряные, медные монеты или пуговицы (Карьялайнен, 1994, с. 76). Использование лицевых покрытий имеет у угров двойное значение: с одной стороны,

отгородить покойника от живых, чтобы последние его не боялись, а с другой - маска служит для покойника оберегом от злых сил и духов (Чернецов, 1959).

Материалы могильника Вак-Кур являются наиболее ранним в Зауралье проявлением такой черты погребальной обрядности, как посмертные маски, которая практически в неизменном виде сохранилась в похоронной обрядности обских угров. Интересно то, что этот обряд, не имея близких аналогий на сопредельных территориях в эпоху Средневековья, обнаруживает их в венгерских захоронениях IX-X вв.: пластины гладкие, без вырезов, нашиты или уложены на месте глаз, рта, носа поверх мягкого лицевого покрытия; разница наблюдается в материале, из которого изготовлены пластины: венгерские - из серебра, золота; юдинские - из бронзы и, в одном случае, из серебра.

Вероятно, правы ученые, считающие, что обряд использования погребальных лицевых покрытий был привнесен в Прикамье не ранее V в. н. э. из района Средней Азии, а уже оттуда распространен на запад - в Паннонию и Карпаты, и на восток - в Сибирь (Герман, 2003, с. 147).

С.М. ФОКИН

Россия, Красноярск

Красноярский краевой краеведческий музей.

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР РАННЕГО И РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В КРАСНОЯРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

В 1929 г. сотрудником Красноярского краеведческого музея В.Г. Карцовым на основе материалов раскопанных им городищ Ладейское и Ермолаевское, находившихся в окрестностях г. Красноярска, была выделена для рассматриваемой территории средневековая культура, получившая название Ладейская. Ее хронологические рамки ограничивались VII-X - XIII-XIV вв., а носителем являлось коренное население лесостепи (Карцов, 1929а, с. 563; 1929б, с. 48).

Термин «ладейская культура» продолжают использовать некоторые исследователи и по сей день (Савинов, 1994, с. 127; Мандрыка и др., 2003, с. 28). Однако имеющиеся материалы по Средневековью Красноярской лесостепи заставляют с осторожностью применять такое понятие. Каковы пути решения проблемы выделения культур раннего и развитого Средневековья на рассматриваемой территории?

На поселенческих памятниках окрестностей г. Красноярска (Базаиха, Перевозинское, Ладейское, Монастырское, пещеры Еленева и Роев ручей) встречается керамика, характеризующаяся слабопрофилированными сосудами с прямым или слегка скошенным краем венчика, имеющим карнизообразный отступ наружу, орнаментированная по граням венчика косыми ногтевыми вдавлениями и по внешнему борту аналогичным орнаментом, горизонтальными и вертикальными гладкими наклепными валиками либо горизонтальными рядами пальцевых защипов. Кроме того, имеется профилированная керамика с утолщенным наклепной лентой венчиком, орнаментированная по венчику косыми рядами гребенчатых оттисков, а по стенке сосуда рядами широких наклепных обмазочных валиков, оформленных пальцевыми защипами. Такая керамика фиксируется на поселении Монастырском.

В пещере Еленева рассмотренные материалы второго культурного слоя датируются первой половиной I тыс. н. э., а первого культурного слоя - Средневековьем до XII-XIII вв. (Макаров и др., 1992). На поселении Бобровка такая керамика выявлена в третьем культурном слое и датируется второй половиной I тыс. н. э. (Мандрыка и др., 2003, с. 163).

К раннему Средневековью относятся могильники Боровое и МСТИ близ г. Красноярск. Грунтовые погребения выполнены по обряду трупосожжения на стороне. Инвентарь представлен железными плоскими наконечниками стрел, ножами, теслами, бронзовыми и костяными украшениями, керамикой баночной формы на поддоне, орнаментированной аналогично вышерассмотренным образцам. Данные погребения авторы раскопок датируют второй половиной I тыс. н. э. (Мандрыка, Макаров, 1994).

Керамика с пальцевыми зашипами и гладкими налепными либо обмазочными валиками фиксируется и на сопредельных территориях. Близкая к рассматриваемым сосудам керамика присутствует на памятниках Нижней Ангары. В частности, выявлена на поселении Стрелковское и датируется I тыс. н. э. (Мандрыка, Фокин, 2003, с. 93). Сосуды с рядами пальцевых зашипов и с валиками распространяются в Кузнецкой котловине. Ю.В. Ширин считает, что такая керамика пришла в этот район с Енисея и датируется с конца I тыс. н. э. до XII в. (1997, с. 68, 69; 2004, с. 184, 185). Отдельные фрагменты керамики с утолщенным венчиком встречены на Змеинкинском курганном могильнике в Среднем Причулымье, датирующимся X-XIV вв. Однако отмеченные черепки были выявлены на площадке древней поверхности под насыпями курганов (Беликова, 1996, с. 30). Керамика с валиками фиксируется и в Томском Приобье в материалах релкинской культуры. Л.А. Чиндина относит ее к III типу варианту А и полагает, что валиковая керамика пришла в Приобье с востока, возможно, в гунно-сарматское время (1991, с. 49, 75-77).

Стоит отметить, что рассматриваемая керамика на сопредельных территориях имеет отличительные черты, как по форме, так и по орнаменту.

Таким образом, во второй половине I тыс. н. э. на территории Красноярской лесостепи выделяется вариант культурной общности «валиковой керамики».

На рубеже I-II тыс. н. э. происходит смена культурных традиций, что связано с усилением государства Енисейских кыргызов. В Красноярской лесостепи это проявляется в том, что здесь стали жить по соседству местное коренное население и пришлое кыргызское.

На поселенческих памятниках (Перевозинское, Ладейское) кроме кыргызских наконечников стрел встречены и фрагменты кыргызских сосудов. Но особенно четко присутствие здесь южных этносов прослеживается по погребальным памятникам (Ладейское, Торгашино, Кубеково, Часовенная гора), отражающих все этапы культуры енисейских кыргызов в X-XIV вв. (Фокин, 2004, с. 169). Отметим, что эти памятники Д.Г. Савиновым и И.Л. Кызласовым выделяются в Красноярско-Канский вариант культуры енисейских кыргызов, а могильник Часовенная гора является эталонным для завершающего этапа развития культуры кыргызов (Савинов, 1989; 1990, с. 123, 124; Кызласов, 1983, с. 65, 67, 71, 73, 75).

Другой культурный пласт представлен керамикой, характеризующейся сильнопрофилированными горшками, чаще со скошенным или наклонным наружу краем венчика, во многих случаях имеющий карнизообразный выступ наружу. Реже край венчика заовален, порой дополнен налепным валиком. В орнаменте преобладают ногтевые и пальцевые вдавления, пояса ямок и прочерченные горизонтальные и наклонные линии. Реже встречаются фигурные и фигурно-геометрические оттиски, гребенчатые штампы, вдавления, образующие мотив «горизонтальная елка».

Еще один тип керамики представлен горшками, орнаментированными горизонтальными рядами мелкогребенчатых оттисков. На некоторых сосудах орнамент размещается и на внутренней части венчика. Горшки в основном тонкостенные (3-4 мм).

Рассматриваемый материал присутствует почти на всех поселенческих памятниках Красноярской лесостепи. Наиболее выражено эти сосуды представлены на городище Ладейском, поселениях Улица Каратанова и Бобровка. На поселении Бобровка эта керамика приурочена к первому и второму культурным слоям и датируется концом I - первой половиной II тыс. н. э. (Мандрыка и др., 2003, с. 160-162).

Фрагмент венчика с «ёлочным» мотивом орнаментации присутствует в погребении Миндерла. Это погребение по железным боеголовковым долотовидным шипастым наконечникам стрел относится нами к местным этническим группам и датируется IX-XI вв. (Фокин, 2003; 2004, с. 165, 166).

Горшки с прочерченным орнаментом, поясами ямок и ногтевых вдавлений под венчиком находят сходство с материалами из Западной Сибири. Похожая керамика фиксируется в Новосибирском Приобье и датируется X-XII вв. (Адамов, 2000, с. 35, 36, 82, 83). Имеет схожие черты керамика Среднего Чулыма из могильников Змеинкинское и Калмакское. В жилище на поселении Улица Каратанова найдены сосуды, почти идентичные горшкам из Змеинкинского курганного могильника (Тарасов, Фокин, 2004). Датируются данные материалы X-XIV вв. (Беликова, 1996, с. 61-63, 99, 100, 127-129).

Керамика Красноярской лесостепи, несмотря на сходство с керамикой сопредельных территорий (за исключением отдельных сосудов), обладает отличительными чертами. Элементы и мотивы орнамента, схожие с орнаментацией средневековых сосудов Западной Сибири, по своему стилю все-таки отличаются. В керамике Среднего Чулыма ярко выделен венчик, в орнаменте часто присутствуют полулунные вдавления и пояса ямок, нередко орнаментация делится на сектора. В сосудах Приобья значительно используются ямочные вдавления и гребенчатый штамп.

Для горшков с гребенчатым штампом, выделяемых нами в отдельный тип, нижняя граница бытования определяется серединой I тыс. н. э., что фиксируется на материалах пещеры Еленева и поселении Ладейское-2 (Мандрыка, 1998, с. 68). Возможно, этот факт является косвенным доказательством постоянства коренного населения Красноярской лесостепи на протяжении раннего и развитого Средневековья.

Таким образом, проведенный обзор позволяет сделать вывод, что на территории Красноярской лесостепи разные культуры существовали в разные периоды Средневековья. Для раннего Средневековья характерна культура с валиковой керамикой. В IX-X - XIII-XIV вв. отмечается сосуществование двух культур: культуры енисейских кыргызов и культуры местного населения. Последняя определяется по керамике, орнаментированной ногтевыми и пальцевыми вдавлениями, а также поясом ямок.

М.К. ХАБДУЛИНА

Казахстан, Астана

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

ТОПОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА БУЗОК

Появление любого города обусловлено комплексом факторов, ведущими среди которых могут быть военно-стратегический, экологический, социально-экономический, торговый. Появление небольшой военной ставки тысячу лет назад у брода Караоткель в Верхнем Приишимье объясняется прежде всего пересечением в этом месте важных торговых караванных путей.

Городище Бузок (X-XI вв.) расположено в центре Сары-Арки, в месте, где сходятся истоки рек северного сибирского бассейна (Ишим, Селеты, Шидерты) и среднеазиатского (Нура, Сарысу). Двигаясь по самой р. Ишим, можно было добраться до таежной зоны Сибири, широтный отрезок р. Ишима является частью магистрали, соединяющей восточные регионы Евразии с западными. Многочисленные притоки, впадающие в Ишим как с юга, так и севера, создавали множество удобных разветвлений торговых караванных путей. Верхнее Приишимье через Нуру соединяется с районами, прилегающими к Приаралью, и дальше с земледельческими оазисами юга Казахстана и Средней Азии.

Городище расположено на самом коротком отрезке между двумя речными системами, в месте, где р. Нура, извиваясь, наиболее близко подходит к р. Ишиму. Здесь их разделяет пространство в 40 км. Все междуречье покрыто руслами мелких речек, направленных с юга на север, и

системой озерных западин. Это место уникально с точки зрения хозяйственного освоения, военно-стратегического плацдарма, контроля над караванными путями меридианального и широтного направлений.

Городище Бузок находится на восточном берегу оз. Бузукты, расположенного в аллювиальной пойменной долине левого берега р. Ишима, в 5 км юго-западнее места традиционной переправы через Ишим - Караоткель. Этот топоним упоминается в путевых записках И.П. Шангина (1816 г.) и сохранился по сей день. В настоящее время археологический памятник оказался в черте городской застройки г. Астаны.

Озеро Бузукты находится в срединной части замкнутого пространства, окруженного со всех сторон руслами речек и озерами. С севера - это извилистое русло Ишима с массой старичных рукавов, саев. Расстояние между северной кромкой оз. Бузукты и руслом р. Ишима равно примерно 5 км. В 6 км западнее и южнее озера протекает степная р. Козыкош, соединяющая бассейны рек Ишима и Нуры. В 6 км восточнее озера расположена система крупных озер Талдыколь.

По сведениям старожилов и характеристике гидрографических ресурсов окрестностей г. Акмолы, в половодье все пространство между р. Нурой и р. Ишимом заливалось водой. Сухими оставались только восточный останец оз. Бузукты, где расположено городище, и территории современных сел Ильинка и Соцказахстан. После спада вод эта территория превращалась в изобильное пастбище, насыщенное кормовыми угодьями, заливными лугами. К этому необходимо добавить богатство животного мира. Озера являлись гнездовьями водоплавающих птиц. В прибрежных кустарниках водились барсуки, лисы, волки, кабаны. Неудивительно, что это место было выбрано кипчаками для заселения.

Озеро Бузукты имеет четкую яйцевидную форму. Длина ее с севера на юг 1,3 км, ширина около 1 км. Развалы строений средневекового городища занимают останец восточного берега площадью 500х200 м. С востока и севера к развалам городища прилегает агроирригационная планировка, расширяющая границы обжитой территории. Размеры ее по линии север-юг не выходят за пределы озера. Обжитая территория по линии запад-восток имеет ширину около 1 км. На западе она упирается в береговую кромку оз. Бузукты, на востоке ограничена цепью мелких болот. С юга территория памятника ограничена искусственным каналом, прорытым от южной оконечности озера на восток в сторону ближайшей озерной западины. Длина канала 400 м, ширина около 12 м. (В настоящее время центральные участки его засыпаны щебнем и проложена полевая дорога). В целом система искусственных водотоков и естественных водоемов (болот) окружает территорию городища общей площадью 1,540,8 км.

В Средневековье в 2 км юго-восточнее городища Бузок проходила караванная дорога: Омск - Кызылжар (Петропавловск) - Кокшетау - Бурабай, далее - по правому притоку Ишима р. Кайракты до Караоткеля (Акмола), по р. Нура до Батагая, затем по рекам Нуре и Сарысу до Созака - Сыганак - Саурана в Туркестан. Вероятно, на отдельных отрезках дороги стояли караван-сарай, это было правилом для всех караванных трасс, включая и Степной шелковый путь. Один из таких караван-сараев, по данным аэрофотоснимков, находился в 2 км на юг от Бузока, размеры его приблизительно 120-150х60-70 м. К сожалению, он был полностью разрушен при прокладке автомобильной дороги Астана-Кургалжын.

В целом средневековое городище Бузок имеет необычную для Сары-Арки топографию. В данном случае в выборе места обитания предпочтение было отдано озерно-болотному ландшафту, хотя рядом со стратегически важным пунктом - переправой через Ишим - нет недостатка в сухих возвышенных площадках надпойменных террас р. Ишима. Однако основатели городища постарались запрятаться среди болот, в местности, имеющей надежные естественные преграды.

В расположении городища прослеживаются две линии защиты. Внешняя линия - это труднодоступность самого оз. Бузукты, окруженного системой естественных водоемов, болот. Внутренняя линия проходит непосредственно вокруг городища и состоит из цепи естественных и искусственных защитных мер.

Расположение памятника в низинной пойменной долине р. Ишим, среди болот вызвано, вероятно, не только оборонными стратегическими целями, но и хозяйственным фактором. Жители средневекового городища Бузок занимались земледелием, о чем свидетельствует продуманная система оросительных сооружений в виде каналов, арыков, валов и «грядок». Кроме этого на полу жилищ-землянок обнаружены фрагменты каменных жерновов. В связи с этим вспоминаются «болотные города» гузов, сконцентрированные на дельтовых островах Сыр-Дарьи среди густой сети ирригационных сооружений. С.П. Толстов, характеризуя хозяйство приаральских гузов, называет его комплексным скотоводческо-рыболовно-земледельческим (Толстов, 1947, с. 100). На полу жилищ городища Бузок зафиксированы чешуя и позвонки рыб, что свидетельствует о рыболовстве.

В то же время нельзя отрицать и военно-стратегический фактор. Расположение на довольно высокой точке открытого безлесного пространства поймы давало возможность контролировать приближение караванов и неприятельских войск.

Необычная топография городища Бузок дает основания для датировки памятника. Выбор места обитания обусловлен яркими этническими и культурными традициями, характерными для периода возвышения в степях Восточной Евразии огузо-кыпчакской конфедерации племен - X-XI вв. (Толстов, 1947). Эта дата подтверждается погребениями XIII-XIV вв., впущенными в развалы стен жилищ и оборонительных конструкций. Косвенным подтверждением такой датировки является семантика планиграфии центральной градообразующей части памятника. Трехчастная форма композиционного размещения квадратных кварталов находит объяснение в планировочной организации ставок-резиденций и военных лагерей тюркоязычных кочевников древности и Средневековья (Акишев, Хабдулина, 2004).

Ю.С. ХУДЯКОВ

Россия, Новосибирск

Институт археологии и этнографии СО РАН

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ СЯНЬБИ НА КУЛЬТУРОГЕНЕЗ НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЯ*

В этнокультурной истории кочевых народов Центральной Азии в первой половине I тыс. н. э. важную роль играли сяньбийцы.

Согласно китайской летописной и историографической традиции, принятой современными исследователями, сяньби относились к одной из двух групп племен, на которые распалось под ударами войск хуннов в конце III в. до н. э. объединение дунху (Бичурин, 1950, с. 149). Большая часть современных ученых считает дунху и их потомков сяньби и ухуаней древними монгольскими кочевыми племенами (Таскин, 1980, с. 64). Под давлением хуннов сяньби были оттеснены на север от мест обитания их предков дунху в восточные районы современной Монголии и западные земли Маньчжурии. До середины I в. н. э. сяньбийцы не проявляли большой политической и военной активности. Сяньбийские племена совершали набеги на северные пограничные районы Китая. Сяньбийские старейшины признавали свою вассальную зависимость от хуннских шаньюев, некоторые из них переходили на службу империи Хань (Воробьев, 1994, с. 216).

Начало усиления военной мощи сяньби связано с ослаблением и распадом державы Хунну на две орды и междоусобицами между северными и южными хуннами. В конце I в. н. э. после разгрома северных хуннов китайцами значительная часть побежденных кочевников «приняли

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ проект № 04-01-00535а.

народное название Сяньби» (Бичурин, 1950, с. 151). Во II в. все сяньбийские племена были объединены в могущественную военную державу выдающимся вождем Танышихуаем, власть которого признавали все старейшины. Танышихуай вел активную завоевательную политику, громил динлинов и усуней на западе и севере, фуюйцев на востоке, постоянно нападал на северные пограничные районы Китая. Под его властью оказались все кочевые племена Центральной Азии, входившие ранее в состав державы Хунну. Он разделил свою орду на три аймака, включавших от десяти до двадцати административных единиц (Кычанов, 1997, с. 56). Западные владения Сяньбийской державы в период правления Танышихуая включали земли до г. Дуньхуана и земель усуней на Тянь-Шане (Худяков, 2003, с. 78). Вероятно, именно в это время в орбиту влияния сяньби попали кочевые племена Саяно-Алтая. В памятниках улуг-хемской культуры в Туве и таштыкской культуры в Минусинской котловине найдены предметы поясной фурнитуры, характерные для поясного набора сяньбийских воинов (Худяков, Алкин, Юй Су-Хуа, 1999, с. 165). Китайцы считали, что у сяньбийцев «оружие острее и лошади быстрее, нежели у хуннов». Они оценивали численность сяньбийского войска в 100 000 воинов и считали, что сяньбийские воины отличаются «крепостью телесных сил» (Бичурин, 1950, с. 157). Не рассчитывая на успешное противостояние сяньбийским войскам на поле боя, Китайский императорский двор направил к Танышихуаю посольство с предложением заключить договор мира и родства, преподнести ему титул «вана» и вручить печать с кистью в качестве символа власти. Танышихуай не принял титула и печати и отказался заключить мирное соглашение. Вероятно, его отказ объяснялся неравноправными условиями договора. Осознавая свое военное превосходство, сяньбийский вождь не хотел связывать себя условиями мирного договора, рассчитывая на то, что военная добыча будет больше любых дипломатических даров (Худяков, 2003, с. 79). Внезапная смерть Танышихуая и последовавшие за ней междоусобицы ослабили сяньбийскую державу. В начале III в. н. э. сяньбийский вождь Кэбинэн вновь объединил все кочевые племена в единую мощную державу. Лишь с помощью покушения на вождя китайцам удалось устранить Кэбинэна и окончательно разрушить единое сяньбийское государство.

Однако его распад не привел к исчезновению сяньбийцев и их культуры. Сяньбийские племена муюнов и тоба завоевали северные районы Китая, где в III-VI вв. н. э. существовали государства, возглавляемые сяньбийскими династиями. В течение всей первой половины I тыс. н. э. сяньбийцы оказывали значительное влияние на развитие военного дела и военно-дружинной культуры в кочевом мире Центральной Азии, включая Саяно-Алтай.

Это проявилось в стремлении родовой знати кочевых племен данного района ориентироваться на престижные элементы сяньбийской культуры и заимствовать наиболее развитые формы вооружения, снаряжения воинов, конского убранства и украшений. Наиболее отчетливо следы такого заимствования проявились в предметном комплексе улуг-хемской культуры в Туве. В наборе оружия дистанционного боя присутствуют двухлопастные и плоские железные наконечники стрел, нетипичные для кочевников тувинской и саглынской культуры скифского времени, но весьма характерные для сяньбийцев (Худяков, 2005, с. 23, 30). Улуг-хемские луки по форме накладок имеют значительное сходство с хуннскими, но отличаются своеобразной традицией нанесения гравированных рисунков, композиций и знаков на поверхности срединных фронтальных накладок. Влияние сяньбийского комплекса вооружения на военное дело номадов улуг-хемской культуры можно усмотреть и в распространении ударных копий с линзовидным в сечении пером и длинной конусовидной втулкой. Такие копия были не характерны для номадов саглынской культуры. Они могли получить распространение у кочевников Тувы под влиянием контактов с сяньбийцами, у которых были подобные копия и они выполняли важную функцию в ходе конной атаки на противника. Наиболее характерным проявлением сяньбийского влияния можно считать распространение среди номадов улуг-хемской культуры воинских поясов с бронзовыми позолоченными парными бляхами, на которых изображены крылатые кони-единороги, а также бляшками с фигурами бегущих лошадей, стоящих косуль и переплетенных змей (Худяков, Алкин, Юй Су-Хуа, 1999, с. 165).

Значительно меньше следов влияния сяньбийского военно-дружинного комплекса на таштыкскую культуру. Оно практически не просматривается в составе оружия дистанционного и ближнего боя кочевников таштыкской культуры, у которых преобладали железные трехлопастные стрелы, двулезвийные мечи и однолезвийные палаши. В таштыкском вооружении можно отметить элементы сходства с хуннским набором оружия. С сяньбийским комплексом в какой-то мере сопоставимы доспехи таштыкских тяжеловооруженных пеших и конных воинов. В памятниках таштыкской культуры в единичном случае найдена сяньбийская бронзовая поясная бляха с орнаментом в виде переплетенных змей (Там же, 1999, с. 165).

Эти находки могут свидетельствовать о возможных контактах сяньбийцев с кочевыми племенами, жившими на Верхнем и Среднем Енисее.

Влияние военного дела сяньбийцев сказалось и на комплексе вооружения кочевников кокзельской культуры в Туве, в котором присутствует разнообразный набор ударных и метательных копий и палашей (Худяков, 2005, с. 34). Вероятно, под влиянием сяньбийцев кочевники Центральной Азии стали активнее атаковать противника в ближнем бою с использованием копий и палашей. Значительно меньше схожих элементов в составе вооружения сяньбийцев и кочевников буланкобинской и кок-пашской культур и комплексов айрыдашского типа в Горном Алтае. В буланкобинском наборе оружия заметны черты, унаследованные от пазырыкских кочевников и заимствованные у хуннов и сарматоидных кочевников. В кок-пашском и айрыдашском комплексах прослеживаются элементы, характерные для кокзельского оружия.

Судя по имеющимся материалам, сяньбийцы оказали непосредственное воздействие на развитие военно-дружинного комплекса улуг-хемской и таштыкской культур. В других культурах Саяно-Алтая сяньбийские элементы были ретранслированы носителями иных кочевнических культур, контактировавших с сяньбийцами или зависимыми от них племенами.

И.Ю. ЧИКУНОВА

Россия, Тюмень

Институт проблем освоения Севера СО РАН

К ВОПРОСУ ОБ АРЕАЛЕ КАШИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Активное изучение древностей раннего железного века Зауралья и Западной Сибири включило в круг актуальных проблем и исследование малоизученной кашинской культуры. В конце 60-х гг. XX в. В.Д. Викторовой на материалах раскопок Кашинского и Юдинского городищ и селищ были выделены памятники с керамикой кашинского и прыговского типов (1969). С того времени был существенно расширен круг источников, что дало возможность не только уточнить территориальные и хронологические границы ареала кашинских памятников, но и внести предложение о выделении кашинской культуры (Матвеева, 1994, с. 140).

Основным ядром кашинской культуры до сих пор считалось лесное Зауралье, среднее течение р. Туры и р. Исети. По данным разведок и раскопок ареал памятников с керамикой кашинского типа был до сих пор ограничен на западе восточными предгорьями Урала (поселения Павлиново, Юдинское, Кашинское, Прыговское на р. Ница и р. Исеть) (Викторова, Кернер, 1988, с. 129-141; Генинг, Позднякова, 1964, с. 34-63; Корякова, Дэйр, 2003, с. 124-129). Однако на поселении Половинное Озеро 1, расположенном западнее Екатеринбурга, обнаружена керамика со шнуровым узором и орнаментальной композицией, обнаруживающей явную близость керамике «прыговского» типа (Чаиркина и др., 1999, с. 86). Другими словами, возможно расширение ареала кашинской культуры на запад. Не исключено, что западная граница в недалеком будущем может быть проведена по Среднему Уралу, на востоке - в междуречье Иртыша и Оши (Богочановское городище) (Матвеева, 2000, с. 20). На севере граница ареала заходит в лесную зону и проходит

по р. Тавде (поселения Пелым, Тыня-1, Городокское селище, Карагаевское городище) (Викторова, 1969), что подтверждают обнаруженные автором в 2004 г. новые городища на правом берегу р. Тавды, в культурном слое которых встречены фрагменты керамики с кашинским орнаментом. Южная граница ареала проведена по могильнику Лисья Гора в верховьях р. Тобола. Всего на сегодняшний день выделено около 50 памятников с керамикой кашинской культуры (рис. 1).

Хронологические границы кашинских древностей определены в общих чертах: это IV-III вв. до н. э. - IV-VI вв. н. э. В основу датировки положены материалы многих памятников, в культурном слое которых содержалась кашинская (прыговская) керамика: это Гаевский и Абатский 3 могильники, Прыговское, Павлиновское, Рафайловское, Коловское, Юдинское, Кашинское, Янычково городища и др. (Викторова, Кернер, 1988; Генинг, Позднякова, 1964; Корякова, Дэйр, 2003; Матвеева, 1994; Матвеева и др., 2004; Морозов, Панина, 1997).

Соотнесение хронологической колонки и карты распространения памятников позволяет заметить, что памятники с керамическими комплексами, включающими гребенчатые, шнуровые и смешанные орнаментальные композиции, сосредоточены в верховьях р. Тобола (поселение Белый Яр XII (Потемкина, Чикунова, 2001, с. 150), могильник Лисья Гора) и на р. Исети (Рафайловский комплекс, Коловское и Павлиновское городища и т. д.), несколько старше (IV-III вв. до н. э.), чем памятники в предполагаемом центре формирования кашинских традиций - в междуречье Туры и Ницы. Это, в свою очередь, позволяет выдвинуть гипотезу о более раннем появлении кашинских памятников в междуречье Тобола и Исети и почти тысячелетнем их бытовании здесь: Рафайловский комплекс - IV в. до н. э. - IV в. н. э.; Павлиновское городище - IV-II вв. до н. э.; Коловское городище - III в. до н. э. - III в. н. э.; пос. Белый Яр XII - IV-III вв. до н. э. и т. д. Впоследствии группы кашинского населения, возможно, теснимые прибывающими саргатами (либо по другой причине), двинулись в северном и восточном направлении. Следами продвижения кашинцев в северном направлении можно считать поселение Юртоборский Мост 2 на р. Тап (Пошехонова, Зах, 2003, с. 20), поселения на оз. Ипкуль и Байрык (Корякова и др., 1988, с. 20). Так, кашинский слой на Юдинском и Кашинском городище и селищах на р. Туре датируется II-V вв. н. э. (Викторова, Кернер, 1988, с. 133); поселение Ипкуль XV - серединой I тыс. н. э.; городище Янычково на Тавде - V-VI вв. н. э. (Морозов, Панина, 1997, с. 77); кашинский материал с городища Старый Погост - II-V вв. н. э. (Могильников, 2001, с. 115); кашинские погребения в Абатском 3 могильнике - III-V вв. н. э. (Матвеева, 1994, с. 139).

В заключение отметим, что вследствие недостаточной источниковой базы многие вопросы кашинской культуры остаются мало- и совсем неизученными: установление генетической основы культуры, характера хозяйственной деятельности и внешних экономических связей, уточнение погребальной обрядности, этнокультурное взаимодействие населения кашинской культуры, динамика культуры и передача шнуровых традиций некоторым средневековым культурам.

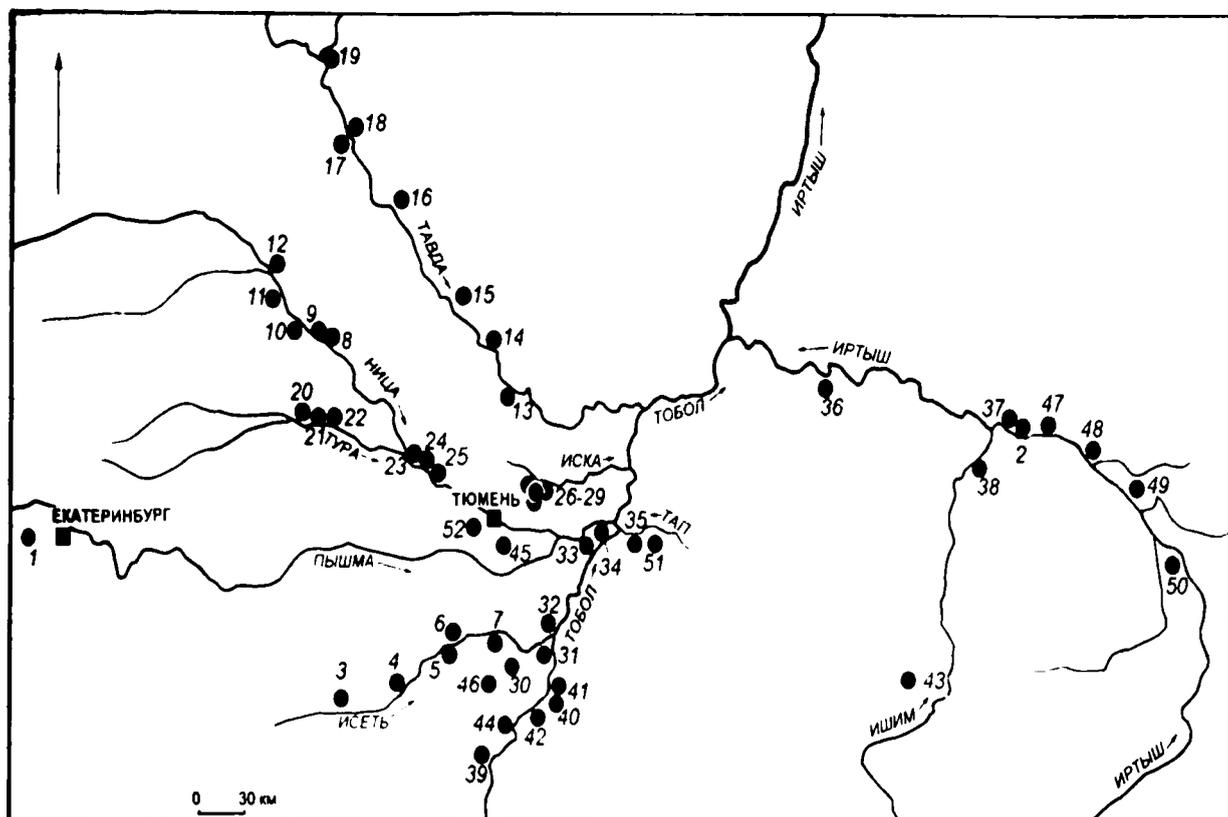

Рис. 1. Карта памятников с керамикой кашинской культуры в Зауралье:

- 1 - Половинное Озеро 1; 2 - городище Красноярка; 3 - Прыговское городище; 4 - Павлиновское городище; 5 - Рафайловское городище и селище; 6 - Гаевский могильник; 7 - Коловское городище; 8 - Давыдовское городище; 9 - Мишинское городище; 10 - Куртушовское городище; 11 - Батырское городище; 12 - Санкино; 13 - Шарьянка 1; 14 - Янычково городище; 15 - Городокское селище; 16 - Гришинская стоянка; 17 - Дворниковское городище; 18 - Карагаевское городище; 19 - Пельым; 20 - Большедубское; 21 - Юдинское городище и селище; 22 - Кашинское селище; 23 - Коняшинское селище; 24 - Решетниковское селище; 25 - Верхний Бор; 26-29 - Ипкуль 1, 13, 15, М. Байрык 4; 30 - Ингалинка; 31 - Ст. Лыбаevo; 32 - Памятное; 33 - Чечкино 1; 34 - Калачик; 35 - Юртобор 12; 36 - Ст. Погост; 37 - Новоникольское 1 городище; 38 - Михайловское городище; 39 - Лисья Гора; 40-41 - Поспелово 1, 2; 42 - Увал; 43 - могильник Абатский 1, 3; 44 - Белый Яр 12; 45 - Дуванское 2 селище; 46 - Липихинское селище; 47 - Верх. Аксенова; 48 - Ямсыса 7; 49 - Большая Пристань; 50 - Богочановское городище; 51 - Юртоборский мост 2; 52 - Мысовской могильник.

Ю.В. ШИРИН

Россия, Новокузнецк

Кузбасская государственная педагогическая академия

КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО ПРИТОМЬЯ В НАЧАЛЕ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

В ходе археологического обследования зоны, предполагаемой к затоплению водохранилищем Крапивинской ГЭС в Среднем Притомье было выявлено более двадцати многослойных поселений. Проведенные на некоторых из этих памятников раскопки дали многочисленный материал, хотя в хронологическом плане он представлен крайне неравномерно (Окунева, 1990). По этой причине, а также потому, что исследованные комплексы были опубликованы лишь фрагментарно, до сих пор нет ясных представлений об особенностях культурогенеза в данном

регионе. Ряд исследователей считают возможным переносить на Среднее Притомье результаты культурно-исторических реконструкций, сделанных по материалам, полученным в ходе раскопок памятников в степной части Кузнецкой котловины (Казаков, 1998, с. 183). Подобные обобщения искажают реальную картину. Рассмотрим это на примере памятников начала II тыс. н. э.

Необходимо отметить, что природно-климатические условия Среднего Притомья существенно отличаются от характеристик Кузнецкой котловины. Томь протекает вдоль ее восточной границы по холмисто-увалистым лесостепным предгорьям Кузнецкого Алатау. На берегах р. Томи часто встречаются лесные массивы, состоящие из сосен с примесью берез. При этом преобладающая часть правобережных участков Томи - отроги хребтов Кузнецкого Алатау, охваченные густой пихтово-осиновой высокотравной черневой тайгой.

В начале II тыс. н. э. в Притомье происходит очередная заметная смена культурной ситуации. В степной части Кузнецкой котловины памятники X-XII вв. представлены не только многочисленными погребальными комплексами, но также поселениями, но их исследовано меньше. Именно эти материалы легли в основу выделения кемеровского варианта сrostкинской культуры. Большинство исследователей полагают, что преобладание сrostкинского компонента в Кузнецкой котловине и в Притомье было вызвано объективными причинами политического господства степного населения, в котором они видят пришлые тюркоязычные группы, входившие в племенные объединения кыпчаков (Савинов, 1997, с. 88; Кузнецов, 2004, с. 67). Комплексы, связанные с этой культурной группой, выявлены и на большинстве многослойных поселений Среднего Притомья. Наиболее разносторонняя характеристика сrostкинских поселенческих комплексов Среднего Притомья сделана по материалам городища Городок X-XII вв. (Ширин, 2004, с. 78-102). Вместе с тем в Притомье есть памятники начала II тыс. н. э., которые существенно отличаются от сrostкинских. К ним можно отнести несколько поселений и курганную группу Порывайка.

Курганная группа Порывайка расположена на правом берегу среднего течения р. Томи в устье ее правого притока р. Порывайки, на кромке коренной террасы высотой 35 м (Васютин, Ширин, 2002). Исследованные захоронения однотипны по погребальному обряду и имеют стандартный набор инвентаря, который включал, как правило, миниатюрные предметы, сделанные специально для погребения. В набор входили железные тесло и сошник с несомкнутыми втулками, нож, кресало и кусочек агата, поножи (парные железные крючки, подвижно соединенные с кольцами), плоские черешковые наконечники стрел, кольцевые пряжки. На общем фоне выделяются находки в могиле из кургана № 8. На дне могилы, у ее восточной стенки, располагалось погребение в виде скопления мелких кусочков пережженных костей, а у западной стенки - череп и кости ног лошади. Взаиморасположение костей лошади позволяет предполагать, что в могилу они были уложены вместе со шкурой. Возле них лежали миниатюрные плоские железные черешковые наконечники стрел и железное тесло. На нижней челюсти черепа лошади зафиксированы остатки железных удил с крюковым соединением звеньев и фрагмент кольчатого псаля. Часть инвентаря, представленного набором миниатюрных изделий, найдена среди пережженных костей, а возле южной стенки могилы располагались железные кузнечные клещи и зубило натуральных размеров и со следами реального использования.

По имеющимся аналогиям погребального обряда и инвентаря курганная группа Порывайка предварительно может быть датирована XI-XII вв. Ближайшие аналогии мы находим в погребальных памятниках Среднего Чулыма (Беликова, 1996). Речь идет не только об аналогиях типам инвентаря (такой круг аналогий гораздо шире), а комплексам предметов, исполненных в миниатюре. В деталях совпадает и погребальный обряд.

К сожалению, со всей определенностью привязать погребения курганной группы Порывайка к соответствующим поселенческим комплексам Среднего Притомья достаточно сложно. Во всех исследованных курганах, кроме нескольких мелких неорнаментированных фрагментов стенок сосуда в насыпи кургана № 8, отсутствует керамика. Можно предполагать, что появление

погребальных памятников типа курганной группы Порывайка связано с распространением в Среднем Притомье нового типа поселенческих комплексов. Одним из них является поселение Казанково-14. Важно то, что ближайшие аналогии для материалов этого поселения отмечены в тех же комплексах, что и для погребений курганной группы Порывайка (Беликова, 1996, рис. 34: 6; рис. 40: 6; с. 99).

Многослойное поселение Казанково-14 содержит кроме средневекового комплекса подстилающий слой с материалами эпохи раннего железа. На этом памятнике, расположенном в приустьевой долине р. Уската (левый приток р. Томи), в раскопе площадью 96 кв. м были исследованы культурные остатки, связанные с легкой наземной постройкой начала II тыс. н. э. Контуры постройки или какие-либо части конструкции не прослежены. Отмечены только следы открытого очага в виде пятна прокаленного грунта с вкраплениями пережженных костей животных. Весь средневековый материал залегал вокруг очага в верхнем слое на уровне -20 см от современной поверхности. Здесь найдены многочисленные скопления керамики, несколько кусков железного шлака и точило из бруска песчаника. Керамика представлена фрагментами однотипных круглодонных сосудов различных размеров, вся поверхность которых украшена ногтевыми защипами и своеобразными горизонтальными налепными валиками в виде полос чешуек. У одного из сосудов шейка была украшена наклонными оттисками крупнозубой гребенки, сгруппированными по пять (рис. 1).

Керамика из погребальных комплексов Среднего Чулыма XI-XII вв. не просто типологически сходна с сосудами поселения Казанково-14, но до мелочей повторяет элементы, мотивы, композицию и технологию их орнаментации. Для Среднего Чулыма рассматриваемый тип керамики необычен и связывается О.Б. Беликовой с находками на Енисее, в районе Красноярска (1996, с. 132). Действительно, керамика, аналогичная материалам поселения Казанково-14, найдена на памятниках подтаежной зоны Среднего Енисея, включаемых П.В. Мандрыкой и Н.П. Макаровым в боровской культурный тип (1994, рис. 2, 20, 26). На керамике из Казанково-14 отмечены даже такие специфические признаки боровской керамики, как внешний налест на шейке (часто отслаивается) и своеобразный поддон (рис. 1: 7). Керамика с чешуйчатыми валиками была найдена в ходе раскопок в одной из пещер Среднего Енисея (Мандрыка, Макаров, Мартынович и др., 1999, рис. 10: 1, 4; с. 91), а также на поселении Бобровка, где отнесена ко второй половине I тыс. н. э. (Мандрыка, Ямских и др., 2003, рис. 39: 4; с. 163).

В Среднем Притомье самая ранняя керамика с «обмазочными» острорезерными валиками появляется в раннесредневековых поселенческих комплексах, которые было предложено выделить в качестве памятников лачиновской культуры (Окунева, 1997). Эта культурная традиция, будучи привнесенной, вероятнее всего, также из красноярской лесостепи, имеет свою линию развития в Притомье вплоть до конца I тыс. н. э. Миграционная волна, оставившая эти памятники, видимо, была весьма значительной. Носители раннесредневековых валиковых керамических комплексов осваивают не только Притомье, но и Горную Шорию, а также проникают в подтаежные районы Верхнего Приобья.

В орнаментации раннесредневековой керамики также используются ногтевые защипы, фигурный и рассеченный валики. Единичные находки керамики того типа, который представлен на поселении Казанково-14, долгое время не привлекали внимание. Один такой сосуд был встречен в Горной Шории на многослойном поселении Усть-Анзас-1. По формальному признаку (налепным валикам) он был включен в состав комплекса валиковой керамики конца I тыс. н. э., представленной на этом поселении серией сосудов (Ширин, 1997, рис. 2, 4). Керамический комплекс развитого Средневековья выявлен также на поселении Усть-Анзас-1. Отдельные фрагменты керамики с чешуйчатыми валиками и ногтевыми защипами были встречены в ходе разведочных работ на поселениях Бунгур-1 и Ивановка-1 на р. Абе (левый приток р. Томи в районе Новокузнецка). Но только обнаружение на поселении Казанково-14 чистого комплекса этой необычной керамики потребовало более пристального анализа его культурно-

хронологических особенностей. Стало очевидно, что типологически «валиковая» керамика поселения Казанково-14 существенно отличается от раннесредневековой керамики Притомья. Эти группы керамики имеют не только разный стиль орнаментации с различными композиционными сочетаниями элементов, но, что особенно важно, разные морфологические и технологические характеристики.

Мы полагаем, что на средневековых материалах поселений типа Казанково-14 зафиксирован приток нового населения из красноярской лесостепи. Эти комплексы Притомья можно синхронизировать со Среднечулымскими памятниками X-XII вв. Судя по особенностям выявляемых памятников, в отличие от первой миграционной волны, более поздние переселенцы были относительно немногочисленны. Тем не менее следы их проникновения отмечены в глубинных районах Горной Шории, а также на поселениях в степной части Кузнецкой котловины. В частности, керамика этого типа присутствует в материалах поселения Сапогово-3 (Илюшин, 2004, рис. 3: Г).

Несмотря на то что этнокультурные процессы, протекающие в эпоху Средневековья в степной части Кузнецкой котловины, оказывали существенное влияние на предгорные подтаежные районы, в том числе и на Среднее Притомье, там сохранялись гетерогенные процессы. Данный вывод актуален не только для начала II тыс. н. э., но и для предшествующей эпохи раннего Средневековья. Не случайно до сих пор нет убедительной концепции культурного соотношения известных в Кузнецкой котловине раннесредневековых погребальных памятников и раннесредневековых поселенческих памятников Среднего Притомья. Во многом определяющую роль в формировании культурного своеобразия Среднего Притомья играли традиционные контакты с населением восточных регионов.

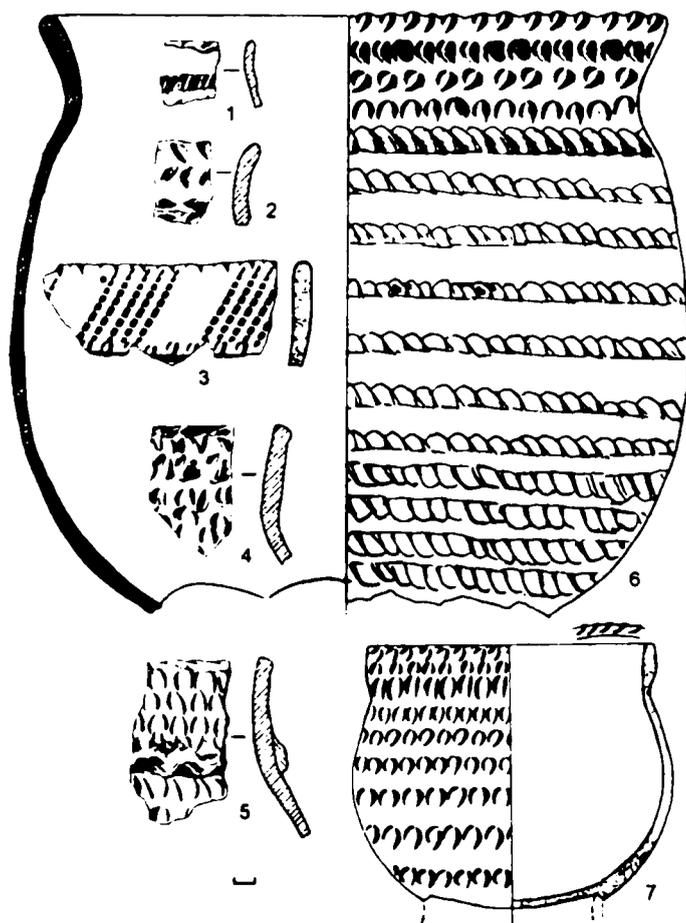

Рис. 1. Керамика поселения Казанково-14

А.В. ШЛЮШИНСКИЙ

Россия, Омск

Омский филиал института истории, филологии и философии СО РАН

КОСТЯНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ С ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ НАДЕЖДИНКА IV, VII, БЕРГАМАК II, III

Наконечники стрел - частые находки на памятниках Средневековья, особенно в составе погребального инвентаря и на городищах. Наибольший интерес вызывают металлические наконечники, которые позволяют судить об уровне металлообработки, о защищенности противника, являются хронологическим и этнокультурным маркером. Типологии и классификации разрабатывались по металлическим наконечникам, а затем проецировались на изделия из кости.

Сложность в типологизации костяных наконечников вызвана свойствами материала. При наличии большого количества утилизированной кости, подручного инструмента и отработанной веками технологии изготовление костяных наконечников стрел для охоты и военных действий было под силу любому воину, охотнику, подростку, овладевающему навыками будущей взрослой «производственной» жизни.

Форма пера и сечение костяного наконечника стрелы, независимо от назначения и типа, имели по большей части индивидуальные черты, что зависело от мастерства исполнителя и обстоятельств изготовления. При типологизации используются наиболее принципиальные конструктивные элементы рабочей части, определяющие особенности формы пера.

Форма сечения наконечников (ромбическая, треугольная, уплощенная) была не единственным фактором, определяющим их проникающую способность.

Не совсем верно мнение о том, что использование костяных наконечников, в отличие от металлических, было кратковременным, зачастую разовым. В присущем кочевникам динамичном дистанционном конном бою, когда выпускаются тучи стрел, используются ложные отступления, обходы и погони, возвращение металлических наконечников хозяину маловероятно. Отыскать стрелы, а затем вынуть, например, шипастый наконечник из поверженного противника нелегко. Поиск и очистка использованных наконечников занимает слишком много времени и не вписывается в ритм военных действий кочевого отряда, находящегося на враждебной территории. Пополнение запаса стрел в походе, скорее всего, осуществлялось из колчанов как убитых врагов, так и сородичей. Это может объяснить быстрое распространение новых форм проникателей и самих наконечников по всему степному и лесостепному поясу Евразии.

Костяные наконечники служили для поражения не защищенной доспехами цели в бою. При этом риск потерять наконечник на охоте, на наш взгляд, меньше, чем в бою. На охоте важно произвести один надежный смертельный выстрел, чтобы не спугнуть зверя или птицу, а не засыпать лесную чащу десятками стрел. Из убитого зверя извлечь стрелу в лесу или на стоянке гораздо проще, чем из поверженного врага на поле боя. Однако повторное использование костяного наконечника возможно не всегда, поскольку он нередко ломается при столкновении с костью человека или крупного животного.

Результаты работ С.Ф. Татаурова и С.С. Тихонова на этнографо-археологических комплексах позднесредневекового населения Тарского бассейна позволяют соотнести археологические материалы могильников и городищ. Сами комплексы также одновременны и сопоставимы. Исследование могильников Бергамак II, Надеждинка IV и городищ Бергамак III, Надеждинка VII позволило выявить некоторую закономерность в соотношении качества стрел. На городищах Бергамак III, Надеждинка VII преобладают костяные наконечники, асимметричные во всех

плоскостях, без дополнительной обработки или только напоминающие проникатели по форме. Среди нескольких десятков наконечников нет ни одного шлифованного и симметричного. В захоронениях находятся костяные наконечники гораздо лучшего качества: шлифованные, симметричные и острые. Особенно ярко это видно по материалам могильника Надежинка IV. Пятнадцать наконечников, обнаруженных в могилах и межмогильном пространстве, отшлифованы. На нескольких экземплярах плечики располагались несимметрично, что, скорее всего, было вызвано особыми функциями.

Обработанный материал двух этнографо-археологических комплексов позволяет выделить два основных критерия распределения наконечников: шлифованная поверхность и симметричная форма пера. Разница в облике наконечников, вероятнее всего, вызвана тем, что обнаруженные на городище наконечники производились в момент осады, между или перед штурмом. Нехватка наконечников приводила к тому, что в ход шли недостаточно обработанные асимметричные наконечники, которым наспех была придана необходимая форма.

Анализ погребений позднесредневекового населения Тарского Прииртышья дает основание для предположения о существовании обычая класть в качестве сопроводительного инвентаря только лучшие стрелы. Версия о том, что плохо обработанные наконечники применялись на охоте, а хорошие в бою, обязана была получить подтверждение в погребальном обряде. Охота - это почетное занятие и специализированные охотничьи наконечники, соответственно, должны присутствовать в колчанах погребенных.

Тот факт, что в некоторых могилах на памятниках Бергамак II и Надежинка IV присутствуют наборы исключительно железных стрел, в других - исключительно костяных, не говорит о принадлежности человека к воинам или охотникам. Эти понятия были в большой степени идентичны. Скорее всего, это социальный показатель, свидетельствующий о воинской доблести и экономической состоятельности.

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

И.В. АРТЮХОВА

Россия, Томск

Томский государственный краеведческий музей

ТОМСКИЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАРИНЫ ВИКТОРОВНЫ БОРОДКИНОЙ

18 марта 1922 г. в Томске открылся Краевой музей. Этнографический фонд в его собрании насчитывает сейчас около 11 209 предметов. Главным источником формирования этнографических фондов музея в 1930-е гг. было поступление экспонатов, приобретенных в экспедициях.

Своей главной задачей в эти годы сотрудники музея рассматривали создание отдела русской этнографии, где было бы представлено сибирское село в момент слома всего традиционного деревенского уклада.

Отдел этнографии в музее - самый поздний по времени возникновения, в связи с этим коллекции по некоторым народностям в 1930-е гг. находились в зачаточном состоянии. Русская этнография была представлена зарисовками крестьянской архитектуры Томского края и сборами М.В. Бородкиной летом 1925 г. в дер. Иткара. По существу этими и немногими другими предметами была представлена русская этнография в музее (Шатилов, 1927, с. 27).

На заседании совета Томского краевого музея 7 июля 1925 г. было заслушано сообщение Марины Викторовны Бородкиной о необходимости двухмесячной поездки в какой-либо сельский район для детального обследования населенного пункта в хозяйственном и бытовом отношении с учетом годового цикла, основанного на традиционной календарной системе. Предполагаемый план работы одобрили и отпустили на поездку 50 руб., что по тем временам было очень небольшой суммой. Например, на экспедицию М.Б. Шатилова по обследованию хантов р. Вах в 1926 г. было запрошено около 5000 руб. (Архив ТОКМ. Оп. 1. Д. 6. Л. 192).

Сбор материала, отражающего традиционные черты и исторические изменения в жизни крестьян Томской губернии, был проведен М.В. Бородкиной в дер. Иткара Поломошинского района (ныне - Яшкинский район Кемеровской области). Данные по «годовому кругообороту» хозяйственной жизни крестьян, материалы по фольклору и народной медицине были затем обобщены ею в работе «Деревня Иткара Томского края» (Труды ТКМ, 1927, с. 70-94).

В работе описывается небольшое селение Иткара, дан этнографический обзор его населения, собраны материалы по фольклору: приведены также небольшие фольклорные произведения (поговорки, выражения, приметы, некоторые обычаи и обряды, народная медицина, песни и частушки), словарь местных слов. Для этнографа в очерках особенно интересны подробные сведения о поселении и занятиях его жителей. М.В. Бородкина собрала и привезла образцы крестьянского тканья и орудия ткачества - 64 предмета, а также лекарственные травы (Шатилов, 1927, с. 17). Однако И.В. Октябрьской и Т.А. Асташкиной не указана фамилия М.В. Бородкиной в качестве собирателя коллекций (1995, с. 75-103).

Еще одним направлением деятельности исследовательницы стало привлечение общественности г. Томска к пополнению коллекций Томского краевого музея. С сентября 1925 г. М.В. Бородкина, которая в это время заведовала общественно-экономическим отделом музея, завязала переписку и провела переговоры с представителями некоторых предприятий о предоставлении образцов их изделий в отдел музея. Эти предприятия: Сибирский

маслодельный завод № 2, фабрика «Сибирь», пивоваренный завод № 1, гончарно-кирпичный завод, дрожже-винокуренный завод № 9, контора Воскосоюза и др. В отчете о работе общественно-экономического отдела Томского краевого музея с 1 сентября 1925 г. по 1 марта 1926 г. было сказано следующее: «в этой безуспешной работе прошло довольно значительное время, так как разные хозорганы весьма туго идут в этом отношении на встречу музею» (Архив ТОКМ. Оп. 1. Л. 86).

Однако вряд ли правомерно назвать эту работу «безуспешной». В ходе ее в музей поступили следующие материалы: коллекция, характеризующая производство льняного масла и олифы с Сибирского маслодельного завода в количестве 8 экспонатов; коллекция ячменя, отражающая процесс приготовления его для варки пива, от пивоваренного завода № 1 в количестве 6 экспонатов; образцы кирпичей из огнеупорной и обыкновенной глины, гончарные трубы от гончарно-кирпичного завода в количестве 39 предметов; исходный материал, употребляемый при конфетно-пряничном производстве от конфетной фабрики; коллекция каменного угля с Прокопьевского рудника в количестве 12 экспонатов, изделия пимокатного цеха Тохтамышевского завода - около 10 экспонатов; иллюстративный материал, характеризующий работу Первой сибирской механической фабрики обуви и дающий представление о процессе производства, сортах кожи, в количестве 37 экспонатов; 17 экспонатов, отражающих работу Яшкинского цементного завода. По губернии в рассматриваемый период насчитывалось до 50 кустарных артелей, работу которых также нужно было представить в музее, М.В. Бородкина понимала это и стремилась как можно полнее отобразить социально-экономическую жизнь Томского края (Архив ТОКМ. Оп. 1. Л. 86 об.).

К сожалению, сведений о жизни и деятельности М.В. Бородкиной сохранилось немного. Она родилась 1 июля 1895 г. в городе Нерчинске Забайкальской области. В 1918 г. поступила в Томский университет на медицинский факультет, в 1920 г. перевелась на историко-филологический. Принимала участие в работе Сибирского научного студенческого кружка, прослушала полуторамесячные курсы сибиреведения. Одновременно состояла научным сотрудником в библиографическом бюро при Институте исследования Сибири.

В 1921-1922 гг. М.В. Бородкина перевелась в Иркутский государственный университет на гуманитарное отделение и работала под руководством профессора Виноградова по этнографии русского населения Сибири. Принимала участие в работах по составлению библиографического словаря общественных и научных деятелей Сибири, работала в качестве статистика первого разряда, изучая русское и бурятское население устья р. Селенги. В 1924 г. была командирована Иркутским научным музеем народоведения для изучения хозяйства и быта русского населения Прибайкалья и сбора коллекций (Архив ТОКМ. Оп. 2. Д. 48. Л. 164).

Иркутский период деятельности М.В. Бородкиной связан с членством в Восточно-Сибирском отделе Русского географического общества, что свидетельствует об углублении интересов и росте профессионализма ее как исследователя. Об этом же свидетельствует и то, что в январе 1925 г. на первом Восточно-Сибирском краеведческом съезде ею был прочитан доклад о Баргузинском крае. Работа, представляющая собой описание хозяйственной и бытовой стороны жизни населения Читканско-Горячинского района, была признана интересной не только для краеведов-экономистов, но и в равной мере для краеведов-этнографов. По решению секции было предложено повторить это сообщение на объединенном заседании этнографической и туземной секций (Бюллетень..., 1925, с. 65).

В 1923 г. М.В. Бородкина вернулась в Томск и приняла участие в организации статистического дела в Нарымском крае Томской губернии, где собрала материал, характеризующий духовную и материальную культуру русского населения Обского района. Известно, что он был представлен на конференции в Иркутском государственном университете.

Секция краеведения Томского Дома просвещения (музей некоторое время был прикреплен к нему) 14 апреля 1923 г. постановила открыть свое отделение в с. Колпашеве. Для организации

отделения секции краеведения в Колпашево выехали заведующий Нарымским райстатбюро В.И. Иванов и М.В. Бородкина. Оттуда они вернулись ранее намеченного срока, потому что в Колпашеве не оказалось людей, которые могли бы взять на себя инициативу по организации краеведческой работы.

В августе 1925 г. М.В. Бородкина, член Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества, обратилась в дирекцию Томского краевого музея с просьбой принять ее в качестве специалиста по этнографии Сибири и изучению русского населения (Архив ТОКМ. Оп. 1. Л. 20 об.). Со 2 сентября 1925 г. М.В. Бородкина была зачислена в штат музея на должность заведующей общественно-экономическим отделом (Архив ТОКМ. Оп. 1. Д. 6. Л. 179).

Однако 4 мая 1926 г. на заседании Совета Томского краевого музея была заслушана просьба М.В. Бородкиной о предоставлении ей месячного отпуска до 1 июня и об освобождении ее от обязанностей заведующей общественно-экономическим отделом музея в связи с отъездом из Томска (Архив ТОКМ. Оп. 1. Л. 77), выяснить причины которого пока не удалось.

Отношение к М.В. Бородкиной как к умному и увлеченному своим делом человеку отражено в записке совета Томского краевого музея, составленной директором музея М.Б. Шатиловым. В ней отмечалось, что музей теряет ценного, любящего свое дело и преданного ему работника (Архив ТОКМ. Оп. 1. Л. 77). Дело в том, что М.В. Бородкина, работая в должности заведующей общественно-экономическим отделом, одновременно заведовала библиотекой (Архив ТОКМ. Оп. 1. Л. 67). В ее обязанности входила проверка наличного состава библиотеки музея и составление карточного каталога (Архив ТОКМ. Оп. 1. Л. 77). С 25 декабря 1925 г. была членом Общества изучения Томского края (Сенюкова, 1994, с. 108), работала секретарем в Комитете содействия Томскому краевому музею (Архив ТОКМ. Оп. 1. Л. 142).

Немногочисленные сведения, характеризующие томский период деятельности М.В. Бородкиной, рисуют ее как энергичного, увлеченного своим делом человека, разносторонняя научная и общественная работа которого не может не вызывать глубокого уважения. В личном плане исследовательницу выделяют, прежде всего, целеустремленность, принципиальность и чувство собственного достоинства.

М.В. Бородкина была одним из первых собирателей материалов по русской этнографии в Томском краевом музее, она же положила начало интенсивному привлечению общественности к сбору предметов, отражающих жизнь Томского края.

П.Е. БАРДИНА

*Россия, Северск
Музей г. Северска*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКИХ И МЕСТНЫХ ТРАДИЦИЙ В НИЗОВЬЯХ РЕКИ ТОМИ*

Нижнее Притомье является районом раннего русского освоения, где вскоре после основания г. Томска по р. Томи, ее притокам и в прилегающих к устью обских селениях русские поселились в непосредственном соседстве с местными сибирскими народами - томскими татарами-эуштинцами и обскими татарами. В конце XIX в. томские татары проживали в юртах Эуштинских, Тигильдеево, Горбуново, а обские татары - в юртах Тугулинских, Казырбак, Койбасово, Саргатских, Кульманских и др. Обских татар называли еще томскими карагасами или ясашными. Эта группа местного населения осталась малоисследованной, и к XX в., как

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 05-01-64102а/Т.

считается, уже обрусела и исчезла (Томилов, 1981, с. 217). Однако потомки их живут до сих пор в этом регионе и фактически влились в состав русских старожилов. Такой же была судьба жителей уже исчезнувшей дер. Горбуновой, потомки из которой, по собранным нами полевым материалам, живут в пос. Самусь, Орловке, Моряковке, г. Северске, давно уже пишутся русскими, а своих предков называют, как и обские татары, ясашными или карагасами. Официально они относились к Эуштинской волости, но были больше связаны (дер. Горбунова, Пушкарева и Козюлина располагались в 1-2 км друг от друга) с ближайшими соседями - русскими и обскими татарами. Как и обские татары, жители юрт Горбуновых были крещены и относились к церковному приходу в с. Нагорный Иштан. В других селениях, как в дер. Луговой, жили вместе русские и татары-мусульмане.

Всех жителей низовий Томи объединял один общий интерес - это рыболовство. Некоторые русские селения (например, Попадейкино, Пушкарево), как и селения местных народов (Горбуново, Салтанаково и др.) располагались на затопляемых местах, где пашенным земледелием не занимались и рыболовство было основным занятием, дополняемым огородничеством и скотоводством. В XVIII-XIX вв. нередкими были тяжбы и судебные дела за право владения рыболовными песками между томскими татарами и жителями русских селений. Право владения неоднократно подтверждалось за коренными жителями инородческих волостей. В XIX в. низовья Томи были официально разделены по верстам между крестьянами, татарами и городом (Зиновьев, 1994, с. 46-47). Рыболовство здесь было не только речное (на Томи, Оби, притоках и в протоках, особенно Лабазной и Чатской), но и озерное. Интересно, что почти все названия многочисленных пойменных и таежных озер русские - Глухое, Узкое, Большое, Медвежье, Дикое, Полой, Таракан, Линево, Карасево и др.

Нередко считается, что русские в Сибири всем приемам рыболовства и охоты учились у коренных народов. Попробуем в этом разобраться на конкретном материале из Нижнего Притомья. Впервые русские познакомились с особенностями миграции и сроками нереста рыб в данном регионе, несомненно, от коренных жителей. До 1930-х гг. здесь сохранялась традиция коллективного лова рыбы, существовавшая, по рассказам старожилов, с давних времен. Каждую весну, в начале мая, во время икромета ельца в устье Томи собирались на лодках жители всех окрестных селений на 2-3 дня для совместного лова и своеобразного праздника, что способствовало обмену традициями. Но, как известно, русские старожилы по происхождению были, в основном, с севера Европейской части России, где был издавна развит рыболовный промысел. В результате взаимодействия традиций в Нижнем Притомье практиковались такие основные способы и орудия рыбной ловли: 1. Загородки, запоры и котцы. 2. Ловушки, плетеные из прутьев. 3. Ловушки, плетеные из ниток (сети, невода, фитили и пр.). 4. Крючковые снасти и колющие орудия. Способы рыбной ловли и орудия менялись в зависимости от водоема, сезона и породы рыб.

Загородки, заколы, запоры, котцы в прошлом были широко известны и на Русском Севере, и у народов Сибири и считаются одним из древнейших способов рыбной ловли (Зеленин, 1991, с. 103-104; Кулемзин, Лукина, 1977, с. 20; Тюрки таежного Причулымья, 1991, с. 30-31; и др.). С помощью загородок в низовьях Томи ловили язей в июне. Известен был, например, лов на запорах Самусьской протоки, который принадлежал крестьянам дер. Чернильщиковой (Зиновьев, 1974, с. 48-49). В конце зимы по принципу загородок делали ледяные котцы на озерах с замором рыбы, выдалбливая яму-котец с ледяным днищем рядом с прорубью или вокруг нее и соединяя их канавкой. Название «котцы» в словаре В. Даля (1994, т. 2, с. 459-460) дается с пометкой «сиб.», однако оно имеет праславянское происхождение и сохранилось как наименование рыболовного сооружения в украинском языке (Панин, 1985, с. 111).

Ловушки, плетеные из прутьев, были двух видов: 1. Корчажки округлой формы, небольших размеров (до 1 м длиной). При плетении их насаживали на особый стержень - пест или веретешко, при ловле использовали приманку из ржаного теста. 2. Морды - с квадратным основанием,

больших размеров (до 2 м и более) плели без центрального стержня, более редким плетением не только из прутьев, но и из дранки, использовали без приманки для ловли крупных рыб. Название «морда» привнесено в Сибирь с русского Севера, а по происхождению является финно-угорским (Панин, 1985, с. 115).

Ловушки из ниток - это сети (плавежные и ставные, а по размерам ячеек - частушки, режевки, муксуньи и пр.), невода, фитили, бредни и пр. Нитки пряли из выращенных волокон льна и конопля, вязали сети с использованием иглички и мерки. В селениях коренных народов, где не выращивали лен, нитки нередко покупали в соседних русских селениях. Грузила для сетей - кибасы, кибасья вплоть до середины XX в. делали из камней, зашитых в бересту разными способами («пирогом» и в обруче), а также делали «якорь» из плоского камня, зажатого между двумя ветками с отростками в виде рогулек. Подобные грузила имеют широкое распространение и известны как народам Сибири (Сирелиус, 2001, с. 40, 268; Кулемзин, Лукина, 1977, с. 21), так и русским (Бернштам, 1972, с. 77-78). По-видимому, в исследуемом регионе при изготовлении грузил сочетались местные и русские традиции. Название «кибас» - грузило из камня в бересте или ободу в словаре В. Даля (1994, т. 2, с. 264) дается с пометкой «архан.» и «сиб.», а происходит оно из финно-угорских языков (Панин, 1985, с. 121). Известны в Притомье были также глиняные грузила, которые чаще всего приобретали в селениях, где занимались гончарным промыслом. Более поздние грузила отливали из свинца или гнули в виде колец из металлического прута. Поплавки для сетей - баклажки, наплавья были в основном из коры тополя - балберы или из свертка бересты. При ловле сетями нередко использовали «бот» - в виде воронки из дерева или жести на длинной рукояти. Им ударяли по воде - «ботали», выгоняя шумом рыбу из травы. Такое орудие также было известно русским в Европейской части России (Зеленин, 1991, с. 106). В целом, в использовании плетеных из ниток рыболовных ловушек преобладали русские традиции. Более того, эти орудия и названия их были заимствованы томскими татарами (Томилов, 1980, с. 25). Однако орудия для плетения - иглички имеют древнее происхождение и очень широкое распространение.

Крючковые снасти - это самоловы, переметы, закидушки, удочки и пр., колющие орудия - острога, гарпун, а также багор. Самоловы считаются специфической снастью, характерной для нашего Среднего Приобья (Малых, 1976, с. 98). Подобные снасти под разными названиями были известны русским и в Европейской части России (Зеленин, 1991, с. 102). По-видимому, в широком бытовании их в исследуемом регионе также проявилось сочетание местных и русских традиций. Багор или багрик для вытаскивания рыбы в лодку по устройству совершенно аналогичен семужьему крюку, известному в Печерском уезде (Бернштам, 1972, с. 80, рис. 5) и на Урале (Зеленин, 1991, с. 102).

В Нижнем Притомье наиболее распространены были долбленные лодки - обласки с высоко приподнятыми и заостренными носом и кормой, иногда с набоями по бортам. Этот тип лодок относится к западносибирскому варианту остроконечных долбленных лодок, характерному для коренных народов Западной Сибири (Антропова, 1961, с. 114). Считается, что у русских они появились под влиянием местных народов. По нашим материалам, способы изготовления долбленных лодок и приемы разведения бортов были одинаковыми у русских старожилов и местных ясаших. Однако долбленные из цельного ствола лодки были известны восточным славянам, хотя форма их несколько отличалась (Зеленин, 1991, с. 173-174). Подобные колодообразные долбленные лодки сохранялись у староверов на заимках. Название «облас» известно было на русском севере и считается производным от древнерусского слова круглый (Панин, 1985, с. 105). В уменьшительной форме название (обласок) характерно именно для томских говоров (Даль, 1994, с. 1521). Большие дощатые лодки - неводники, дощаники, животники - использовались для коллективной ловли и перевозки рыбы. Управлялись они с помощью гребей, закрепленных в уключинах. Для управления обласком использовали однолопастные и двухлопастные весла. Характерной особенностью весла было навершие - «муличка» или «мурличка» в виде небольшой поперечной перекладки округлой формы. Гребли

веслом обычно с одной стороны, поворачивая весло от заворотов как руль. По некоторым сведениям (устное сообщение Е.А. Васильева), коренные народы, например ханты, гребли веслом, проворачивая лопасть, что предотвращало завороты, а русские ставили лопасть прямо.

В одежде рыбака особое внимание уделялось обуви, из которой были характерны кожаные бродни с высокими голенищами и чулки - прикопотки, связанные из овечьей шерсти на одной игле. Таким же способом вязали для рыбаков рукавицы с добавлением конского волоса, который не держал влагу. Этот старинный способ вязания был принесен с русского Севера и устойчиво сохранялся у старожилов, например, в с. Иглаково.

Из многочисленных способов обработки рыбы и заготовки ее впрок заслуживают внимания в свете этнокультурных контактов такие способы, как сушено-зажаренная мелкая рыба - «урак» и суп из нее - «урашница». При этом русские и обрусевшие татары из дер. Горбуновой сушили рыбу в русской печи, хранили в мешках, не толкли, а затем варили суп - урашницу. Название «урак» происходит из тюркского языка и известно томским татарам, однако способ его приготовления был другим: рыбу сушили на солнце, затем толкли в ступе и использовали в качестве приправы для супа (Томилов, 1980, с. 184). К таким же совместным традициям можно отнести жареную на костре на палочках рыбу - тяпсу, или шашлык, употребление мороженой рыбы - строганины, заготовка впрок рыбьего жира и быстрый способ чистки большого количества мелкой рыбы.

С употреблением рыбы в пищу сохранялись некоторые древние поверья, причем нередко противоположные у русских и татар. Так у русских считалось, что щуку можно есть потому, что у нее в голове есть крестообразная косточка. А у местных татар - мусульман, наоборот, щука считалась нечистой, «свиной» рыбой из-за этой косточки (Томилов, 1980, с. 184).

Таким образом, исследование рыболовства в Нижнем Притомье дает интересные материалы о процессах взаимодействия русских и местных традиций. За четыре века здесь сформировались свои хозяйственно-культурные особенности рыболовного промысла. При этом произошло сближение, сосуществование и взаимодействие русских и местных традиций. Взаимодействие имело разные векторы направления, но чаще всего происходило не заимствование, а совместное творческое развитие навыков, распространение новых приемов и орудий рыболовства. Основу рыбного промысла в Нижнем Притомье составили северорусские традиции, занесенные первопоселенцами как в способах рыбной ловли, так и в изготовлении орудий и снастей, а также в их названиях. Коренные народы здесь рано обрусели, частично восприняли русские традиции, а местные традиции переплелись с русскими.

М.С. БАТАШЕВ

Россия, Красноярск

Красноярский краевой краеведческий музей

КОЛЛЕКЦИЯ СЕЛЬКУПСКИХ ПРЕДМЕТОВ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕВОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Селькупский этнос, расселенный на пограничье Западной Сибири и Приенисейского края, в силу различных исторических причин оказался разделенным на несколько этнотерриториальных групп. На территории Красноярского края к настоящему времени сохранились селькупы верховьев р. Кеть (одна из территориальных групп нарымских селькупов) и туруханские (баихинские). Обитание в различных географических и климатических условиях привело к формированию особых для каждой этнотерриториальной группы характеристик, связанных как с территорией проживания, так и с основным видом хозяйственной деятельности - рыболовством, охотой, оленеводством.

Для каждой из обеих групп свойственен особый набор предметов материальной и духовной культуры, соответствующих закономерностям их внутреннего развития и приспособления к условиям хозяйствования. Контакты с соседними народами также сказались на особенностях быта и культуры.

Вещеведческая составляющая является одной из основ при воссоздании повседневного быта, занятий, духовных потребностей любого человеческого коллектива. Поэтому введение в научный оборот информации об имеющихся в музеях коллекциях предметов селькупской культуры представляется чрезвычайно важным.

До сих пор селькупские коллекции музея остаются малоизвестными, а потому и почти не востребуемыми современной наукой. Представленные в этом сообщении материалы призваны хоть в какой-то мере преодолеть эту ситуацию и ознакомить заинтересованных исследователей с историей комплектования селькупских коллекций в фондах КККМ.

Наиболее ранним поступлением в селькупской коллекции следует считать небольшие по размеру (23,0×18,0 см) бухгалтерские счета, изготовленные из мамонтовой кости (колл. № 1526-1), переданные в музей священником К. Репьевым, как указано в инвентарной книге: «до 1892 г.». Происхождение экспоната неизвестно. Указано лишь, что поступил он из Туруханского края. В составе этой же коллекции числятся около двух десятков предметов, обозначенных в книге «Инвентарь коллекций Красноярского городского музея за 1889-1902 гг.» как «остяцкие». В позднейшей инвентарной книге, составленной в 1954 г., большая часть экспонатов коллекции № 1526 отнесена к кетам, несколько предметов - к селькупам, а остальные достоверно не атрибутированы и занесены в книгу в таком виде: «кеты?», «селькупы?». Селькупскими можно считать две деревянные орнаментированные коробки, поступившие также до 1892 г. от неизвестного лица (колл. № 1526-17, 20). Безусловно, селькупского происхождения блок-челяк (деталь оленьей упряжи), приобретенный податным инспектором Туруханского края П.Е. Островских в 1900 г. у байшенских остяков.

Петр Евгеньевич Островских, впоследствии довольно известный краевед и исследователь культуры народов Приенисейской Сибири, постоянно сотрудничал с музеем и позднее. В 1901 г. от него поступила еще одна коллекция предметов байшенских остяков (колл. № 1503), состоящая из восьми экспонатов. Среди них лук, колчан, стрелы, наручень и шнурок для закручивания рукава при стрельбе из лука. На следующий год он передал в музей семь предметов байшенских остяков и один тазовских - охотничьи ловушки, уменьшенные копии лодки, нарты, весла (колл. № 1505). В 1904 г., закончив пятилетнюю работу на туруханском Севере, Петр Евгеньевич возвращается в Красноярск и передает Городскому музею еще шесть селькупских предметов. Два из них, зыбка и идол Кандальдзюка, были приобретены у байшенских остяков. Этническая принадлежность других предметов указана просто «остяки», или «остяки окр. Туруханска» (колл. № 1511). Почти все предметы, переданные за эти годы П.Е. Островских музею губернского центра, имеют названия и на селькупском языке, что встречается довольно редко среди экспонатов музея.

Как правило, финансовые возможности бюджета музея не позволяли ему покупать экспонаты. Поэтому фонды пополнялись, в основном, за счет дарений, чаще всего от людей, лично знакомых с консерватором (директором музея), или от членов Русского географического общества. В некоторых случаях, достаточно редких, руководство музея изыскивало средства для приобретения особо интересных коллекций. Так, в 1905 г., новый директор Городского музея, А.Я. Тугаринов, только что заступивший на эту должность, купил у известного исследователя енисейского Севера К.М. Рычкова 41 предмет по традиционной культуре коренных народов северной части Енисейской губернии. Около тридцати предметов из этой коллекции были собраны Рычковым у селькупов р. Таз. Среди них одежда, обувь, стрелы, посуда, курительные трубки, орудия охоты и рыболовства и другие (колл. № 1519).

В 1906 г. от некоего Г. Иванова поступила «остяцкая кукла» инородцев Туруханского края (по старой инвентарной книге колл. № 29). В настоящее время этот экспонат в фондах не обнаружен. В 1907 г. от дарителя Мелентова поступило три предмета невыясненной этнической принадлежности с р. Таз. В позднейшей инвентарной книге два из них (наручень для стрельбы из лука и игла для вязания сетей) определяются как ненецкие или селькупские (колл. № 1529-2, 3).

С момента занятия А.Я. Тугариновым поста директора основная масса предметов этнографии стала поступать в фонды от экспедиций, организованных самим музеем. Следует упомянуть, что одним из условий назначения Аркадия Яковлевича на эту должность являлась организация им ежегодных полевых исследований на всей территории Приенисейского края. Из двадцати лет, отданных А.Я. Тугариновым музею, он всего лишь дважды, по объективным причинам, не выполнил этого условия. Однако огромная площадь Енисейской губернии и сопредельных районов не позволяла обследовать все удаленные уголки, и потому поступление селькупских коллекций за это время увеличилось ненамного. В экспедиции 1907 г., с 27 мая по 12 июня, А.Я. Тугаринов останавливался на станке Селиваниха. Здесь он приобрел девять «остяцких» предметов по охоте, рыболовству и оленеводству (колл. № 1527). Не совсем ясно, что это были за «остяки» - селькупы или кеты. Из числа коренных народов Севера в районе Селиванихи сейчас живут только кеты, хотя в инвентарной книге за 1954 г. все «остяцкие» предметы этой коллекции атрибутированы как селькупские.

В 1914 г. А.П. Ермолаев, работник музея и ближайший сотрудник А.Я. Тугаринова, совершил поездку в Енисейский округ, в район рек Кемь и Кеть. В результате этого путешествия музейное собрание пополнилось лыжами, паркой, обувью и рукавицами селькупов с р. Кеть (колл. № 1560-2, 3, 4, 6).

Уже в качестве особого комиссара Временного правительства по продовольствию 17 мая 1917 г. А.Я. Тугаринов выехал в Туруханский край. Обстоятельства вынудили его остаться в Туруханске на зиму. Помимо своих обязанностей, выполняя поручение Красноярского подотдела Русского географического общества, А.Я. Тугаринов занялся и сбором этнографического материала. Вернувшись в Красноярск в конце июня 1918 г., Аркадий Яковлевич сдал в фонды музея около 70 предметов традиционной культуры народов Севера. Из них 42 экспоната были приобретены у «остяко-самоедов» окрестностей с. Монастырское (Ново-Туруханск), а один у селькупов р. Таз (колл. № 1574). Вся коллекция неплохо аннотирована, даны селькупские названия предметов, а в некоторых случаях и их отдельных частей. Наиболее интересны описания колыбели, бубна, шаманского посоха, кисета, лука.

В 1919 г. в Туруханском крае по поручению Красноярского подотдела РГО проводил сборы этнографического материала И.И. Горбовец. В результате его работ произошло значительное увеличение селькупской коллекции музея. Судя по данным книги поступлений, И.И. Горбовец сдал в фонды в общей сложности около 200 экспонатов (колл. № 1577; 1584). Сложность в том, что вещи плохо атрибутированы этнически и даже непонятно, на какой территории проводились сборы. Так, в современной этим событиям инвентарной книге, коллекция № 1577 записана как собранная среди остяко-самоедов и тунгусов Туруханского края. А о коллекции № 1584 сказано, что ее сборы проводились И.И. Горбовцом на реках Таз и Вах. Но ниже карандашом в скобках есть приписка: «Сым, Дубчес, самоеды». Большинство предметов обеих коллекций имеют местные названия, но без соотнесения с конкретным этносом. В инвентарной книге, составленной в 1954 г., все предметы этих коллекций отнесены к звенкам или селькупам, но большей частью под знаком вопроса, т. е. у составителей инвентаря не было полной уверенности в том, верно ли была проведена атрибуция. Всего к селькупам (под знаком вопроса или без него) отнесено 40 инвентарных номеров этих коллекций с общим количеством в 69 предметов. Среди них кухонная утварь, детали оленьей упряжи, рыболовные снасти и охотничье снаряжение, шаманские бубны и подвески, а также карта рек Ваха и Таза, выполненная на 31 листе селькупскими и ненцами.

В этом же году музей приобрел у С.А. Малых «собрание туруханских вещей», сборы производились им в низовьях Енисея (колл. № 1580). В коллекции есть селькупский колчан, выдолбленный из дерева. От М.П. Плотникова в 1919-м или 1920 г. поступили детский бубен и колотушка, приобретенные им у баишенских селькупов (колл. № 1586-2). Тогда же в музей попали очки для предохранения глаз от слепящего снега, переданные А.Я. Тугариновым (колл. № 1620-3). Они также принадлежали баишенским селькупам.

Самое крупное за всю историю музея приобретение предметов традиционной культуры селькупов было сделано в 1920 г. В этом году коллегия музея поручила своему сотруднику А.А. Савельеву собрать этнографический материал в верховьях р. Кеть в среде местного селькупского, эвенкийского и русского населения. Ни до, ни после в фонды учреждения не поступало более представительной коллекции (колл. № 1591). За 35 дней своего путешествия по Кети А.А. Савельев приобрел более 400 предметов, характеризующих все стороны традиционной культуры селькупов данного региона. Охота, рыболовство, собирательство, домашние промыслы, культовая практика, традиционная одежда - практически все сферы традиционной культуры верхнекетских селькупов оказались охваченными вниманием исследователя. Большая часть из них прекрасно атрибутирована, указаны селькупские названия, место приобретения и у кого они приобретены. В некоторых случаях отмечено, кто изготовил предмет и когда. Особое внимание А.А. Савельев уделил детальному описанию берестяной посуды, накосных украшений, одежды, самострелов, луков, музыкальных инструментов, шаманских бубнов. Для каждой конструктивной детали приведены селькупские названия. Сделаны рисунки, а точнее, чертежи самострела, черкана, шаманского бубна.

Сопровождал А.А. Савельева в поездке художник А.Г. Варгин, чьи рисунки, переданные в музей в 1922 г. (колл. № 1686), являются прекрасным дополнением к предметной коллекции. Всего от А.Г. Варгина поступило 110 листов с рисунками, исполненными большей частью акварелью, но также есть рисунки, выполненные карандашом или тушью. В основном они иллюстрируют этнографический материал, собранный А.А. Савельевым, но есть и сюжетные зарисовки быта селькупов, такие как «Остячка за выделкой кожи», «Остяки, делающие лук», «Летняя стоянка на песке» и другие.

В последующие годы состав селькупской коллекции КККМ мало изменился. Известно лишь несколько поступлений. Р.В. Николаев, руководитель археолого-этнографической экспедиции Красноярского музея, в 1958 г. передал в фонды селькупские лучковое сверло и унты, приобретенные среди кетов р. Курейки (колл. № 3342-8, 9); в 1959 г. - сухожильные нитки из с. Маковского с Верхней Кети (колл. № 3557-1а); в 1974 г. - ножны из с. Келлог (колл. № 6528-10). Последний предмет - кетский, сделанный, однако, под заметным влиянием селькупских традиций. В 1960 г. от руководителя Туруханского отряда Северной экспедиции Института этнографии АН СССР Е.А. Алексеенко, работавшей в с. Келлог, поступила женская парка селькупской работы (колл. № 3699-10).

Изучение хранящихся в фондах музея материалов, безусловно, позволяет расширить наши представления о традиционной культуре селькупов Красноярского края.

Е.А. ВОЛЖАНИНА

Россия, Тюмень

Институт проблем освоения Севера СО РАН

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОСТИ ДЕТЕЙ В НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННЫХ СЕМЬЯХ НЕНЦЕВ*

Национально-смешанные семьи являются одним из важных показателей этнических процессов. Если прежде традиционные хозяйственные занятия коренных народов Севера служили препятствием к появлению таких семей, то переход на оседлый образ жизни, система интернатского воспитания, повышение образовательного уровня, миграционные процессы, приток русских и представителей других национальностей на территории традиционного проживания коренных народностей способствовали увеличению числа межнациональных супружеских пар. В таких брачных союзах всегда встает вопрос об этнической идентификации детей. Целью настоящего исследования является выявление современной тенденции определения национальности детей в национально-смешанных семьях ненцев, проживающих на территории ЯНАО.

По Всероссийской переписи 2002 г. на территории ЯНАО проживает 26 435 ненцев, значительную долю которых составляет сельское население - 22 819 человек (86,3%). Основным источником нашего исследования послужили материалы похозяйственного учета - лицевые счета, открытые на каждое семейное хозяйство и характеризующие среди прочих данных национальный состав семей. В материалах текущего учета в однонациональных семьях национальность детей записывается по национальности родителей, а в смешанных - по выбору одного из родителей, или остается не указанной.

Были обобщены материалы, полученные в ходе экспедиционных исследований в Надымском (2002 г.), Приуральском (2003 г.) и Пуровском (2004 г.) районах ЯНАО. Два из них являются районами интенсивного нефтегазового освоения с конца 1960-х гг. Приуральский район, включающий территорию низовьев р. Оби, представляет собою историческую зону активного взаимодействия ненцев, хантов, коми-зырян и русских, характеризуется высоким процентом смешанных браков, многоязычием, неустойчивым самосознанием коренного населения, заимствованиями в традиционной культуре.

На территории проживания ненцев была создана сеть населенных пунктов, являющихся одновременно административно-территориальными, культурными и хозяйственными центрами, где желающим перейти на оседлость предоставлялось жилье. В настоящее время значительная доля ненцев проживает в поселках оседло. Нами проанализированы данные похозяйственных книг в Ныдинской (с. Ныда), Норинской (пос. Нори), Кутопьюганской (пос. Кутопьюган, с. Ярцанги, с. Ватанги, ф. Хоровая) сельских администраций Надымского района, Самбургской (с. Самбург), сельских администраций Пуровского района, Аксарковской (пос. Аксарка, дер. Товопогол, Ямбура, Чапаевск) и Белоярской (пос. Белоярск) сельских администраций Приуральского района. Среди населенных пунктов есть очень крупные, являющиеся районными центрами (пос. Аксарка, с. Ныда до 1972 г.), средние - от 100 до 500 человек и мелкие - от 51 до 100 человек. Для первых характерен многонациональный состав, остальные в большей степени этнически однородны. Исследованием было охвачено практически все ненецкое население, проживающее в сельской местности в Надымском районе, около 49% ненцев - в Приуральском районе и около 56% - в Пуровском районе.

---

* Работа выполнена при поддержке гранта губернатора Тюменской области - 2004 г.

К числу национально-смешанных семей были отнесены полные семьи, включающие обоих супругов с детьми, и неполные семьи, состоящие из одного родителя (матери или отца) с детьми иной национальности. В материалах похозяйственного учета отражены сведения о семьях, где супруги состоят в официально зарегистрированных браках, и семьи супругов, живущих в гражданском браке (сожители). Национально-смешанные семьи были разделены на семьи, включающие ненцев и представителей коренных народов Севера (хантов, коми, манси), и межнациональные семьи ненцев с русскими и представителями других некоренных национальностей. Для подсчета выделены полные семьи, в которых на момент проведения исследования были дети обоих супругов, и все неполные национально-смешанные семьи. Из анализа исключены национально-смешанные семьи, состоящие из бездетной супружеской пары, супружеской пары с детьми только одного из супругов или опекаемых, разные типы неполных семей (тетя с племянниками, бабушка с внуками и т. д.). Общая выборка составила 484 семьи, в которых 980 детей.

При обработке материалов была выявлена обратная зависимость количества национально-смешанных семей ненцев от их доли в общей численности населения, зарегистрированного на данной территории. Чем меньше доля ненцев, тем больше национально-смешанных семей с их участием и больше доля ненцев, проживающих в них. Это касается, прежде всего, Аксарковской сельской администрации, где проживает 14,0% ненцев от всего населения (414 чел.), почти половина из них - 43,7% - в межнациональных семьях. Во всех остальных сельских администрациях доля ненцев составляет от 45,2% (Белоярская сельская администрация) до 83,2% (Кутопьюганская сельская администрация) и мало изменилась с 1970-х гг. Доля национально-смешанных семей в них колеблется от 8,8 до 48,4% (рис. 1).

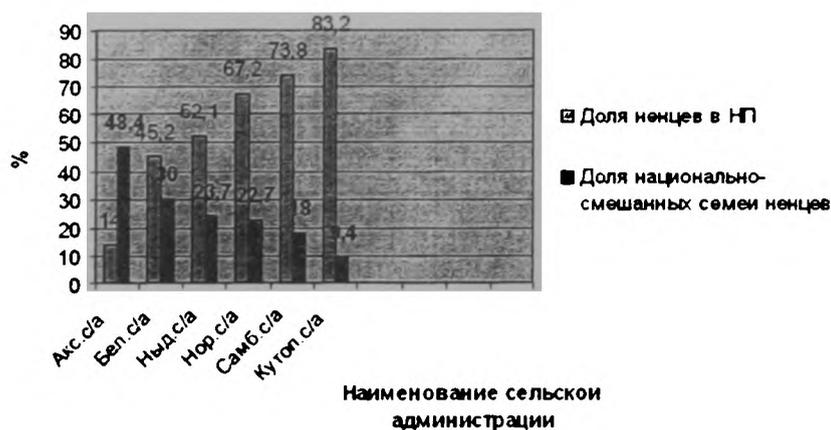

Рис. 1. Доля ненцев и национально-смешанных семей ненцев по с/а, 2002-2004 гг.

Анализ национальности детей в таких семьях показал, что в браках ненцев с коми и хантами в большинстве случаев национальность детей записана по отцу. Так, в коми-ненецких семьях большинство детей записаны по отцу коми, в ненецко-коми семьях - по отцу ненцу. В ненецко-хантыйских семьях от 69 до 100% детей - ненцы, тогда как в хантыйско-ненецких национальность детей по отцу или матери может определяться по-разному. В хантыйско-ненецких семьях пос. Белоярск и Кутопьюган соотношение детей, у которых национальность записана по отцу ханты, составляет примерно 2:1, в пос. Аксарка, наоборот, - 1:2, в с. Ныда и Самбург, национальность детей записана исключительно по матери ненке. Мужчины ненцы предпочитают заключать браки с женщинами коренных народностей Севера. Женщины ненки одинаково часто вступают в браки с мужчинами из числа коренных народностей Севера и с русскими.

В случае если количество семей с участием ненецких женщин и русских мужчин превышает 40% от общего числа межнациональных семей ненцев, что выявлено в пос. Аксарка и с. Самбург,

отмечается тенденция определять национальность детей по матери (рис. 2). Выбор ненецкой национальности детей в смешанных русско-ненецких семьях обусловлен отчасти системой социальных льгот, предоставляемых представителям коренного населения. Определение национальности детей в национально-смешанных семьях ненцев в большей степени зависит от того, кто из представителей коренного населения вступает в брак: мужчина или женщина. Выбор может быть связан с такими факторами, как численность ненцев и русских на данной территории, численность соотношения мужчин и женщин, уровень образования и профессиональная занятость супругов. Мужчины ненцы чаще всего ориентированы на традиционные занятия. Сравнительные социально-демографические характеристики родителей в межнациональных полных семьях ненцев, в которых один из родителей относится к представителям коренного населения, и в семьях ненцев с русскими и другими некоренными национальностями, показали, что среди вторых больше доля людей с высшим и средним специальным образованием, занятых в нетрадиционных видах хозяйства. Низкая продолжительность жизни мужчин ненцев, приводит к тому, что женщина ненка при повторном замужестве вынуждена искать брачного партнера одной с ней возрастной категории среди представителей другой национальности.

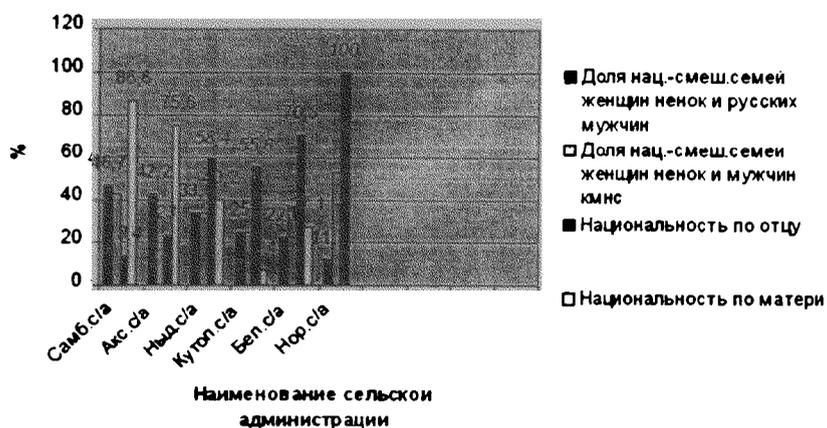

Рис. 2. Национально-смешанные семьи с участием женщин ненок и определение национальности детей в них

В целом, в национально-смешанных семьях ненцев были выявлены тенденции определения национальности детей как по отцу, так и по материнской линии. В населенных пунктах с многонациональным населением, в которых высока доля русско-ненецких семей, как правило, национальность детей в большинстве случаев определяется по матери. Напротив, в населенных пунктах, где большинство населения составляют ненцы, при высоком проценте национально-смешанных семей ненцев с коренными народностями Севера очевидна тенденция определять национальность детей по отцовской линии.

Т.А. ГОНЧАРОВА

Россия, Томск

Томский государственный педагогический университет

ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ (НА МАТЕРИАЛАХ НИЖНЕГО ПРИТОМЬЯ)

В современной социокультурной ситуации явно прослеживаются две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, общее движение в направлении унификации культуры, с другой - очевидное возобновление и рост интереса к ее традиционным формам. В этой связи вопрос о характере и степени сохранения этнических традиций в современных условиях приобретает особую актуальность. Одним из источников, создающих представление о современном срезе действительности в плане репрезентативности сохраняющихся и реально бытующих элементов традиционной культуры, являются материалы анкетирования.

В центре внимания данной статьи находится один из районов Томской области - Томский, географически вписанный в границы Нижнего Притомья. Анкетное обследование проводилось в течение 2000-2004 гг. и затронуло 13 населенных пунктов: Светлый, Малиновку, Молодежный, Корнилово, Турунтаево, Лязгино, Барабинку, Александровское, Батурино, Богашево, Ярское, Спасо-Яйское, Нелюбино. Анкетированием было охвачено 184 чел. Более трети опрошенных (36%) составили уроженцы Томского района. Удельный вес прибывших из других районов Томской области равняется 37%. Выходцы из других российских регионов и стран СНГ (Украины, Белоруссии, Казахстана) составили 23% респондентов. Возраст респондентов варьировал в интервале от 15 лет до 91 года. Подавляющее большинство респондентов составили русские - 150 чел., что в относительных показателях равняется 82%. Представительность других национальностей была следующей: татары - 9 чел., украинцы - 6 чел., чувашаи - 6 чел., немцы - 5 чел., поляки - 3 чел., белорусы - 2 чел., латыши - 1 чел., удмурты - 1 чел. Следует отметить относительность указанных статистических данных, обусловленную сложностями этнической самоидентификации прежде всего выходцев из национально-смешанных семей. В одной из анкет респондент из русско-немецкой семьи, определив себя русским, отметил, что языком своей национальности он владеет «отчасти». Однако при ответе на вопрос о том, какими чертами обладает Ваша национальность, назвал «немецкую пунктуальность», а среди национальных блюд отметил как русские, так и немецкие.

Материалы анкетирования показали, что сегодня в качестве основного этнического маркера выступают праздники: 93% опрошенных отнесли их к функциональной сфере повседневной культуры, указав, что отмечают национальные праздники. При этом 74% определили именно конфессиональные праздники в качестве национальных. К числу наиболее часто называемых можно отнести Рождество, Пасху, Крещение, Троицу. Немцы и поляки при этом подчеркивали, что отмечают католические праздники. Татарское население рассматривает в качестве национальных Ураза-байрам, Курбан-байрам. Вместе с тем в круг национальных праздников наряду с религиозными вписались светские, например 8 Марта, 23 февраля, День старшего поколения. Однако наиболее распространенным среди них, безусловно, является Новый год, который указали 25% опрошенных. Немногочисленной оказалась группа людей, поместивших в число национальных праздников День Победы, 1 мая и так называемые «революционные». Лишь 3 человека (1,6%) указали в своих анкетах День независимости России.

Представители смешанных семей в число национальных включали праздники, идентифицирующиеся с культурными традициями каждого из супругов, например русские и чувашские, русские и украинские. Например, один из респондентов указал и русское Рождество, и немецкий *Weinacht*. Вместе с тем в таких семьях фиксируется и ситуация, при которой

приоритет отдается национальным праздникам одного из супругов. Так, на вопрос: «Какие национальные праздники Вы отмечаете?» был получен ответ следующего содержания: «В основном, христианские (по мужу)».

Таким образом, многообразие указанных праздников демонстрирует ситуацию культурного плюрализма, при которой наблюдается контаминация разновременных традиций, однако среди последних конфессиональные заняли определяющую позицию.

При фиксации степени сохранности традиционных элементов в материальной культуре акцент был сделан на пищу, жилище и одежду. Результаты проведенного автором анкетирования показали, что традиции питания являются наиболее хорошо сохранившимся элементом материальной культуры. Подавляющее большинство опрошенных (87%) смогли назвать блюда национальной кухни, которые готовят в их семьях. При этом следует отметить, что сама «традиционность» национальной кухни в осознании ее представителями этноса динамична во времени. Так, в пищевом рационе русских в качестве «традиционных» блюд сегодня присутствуют пельмени, блины, щи, борщ, окрошка, картофель, чаще жареный, квас. Явное первенство среди названных блюд принадлежит пельменям. Их назвали 63% опрошенных. Занимающие вторую позицию блины были отмечены только у 27% респондентов. Таким образом, среди традиционных блюд, представленных в современном рационе питания, доминируют мучные, что отражает многовековую специфику русской кухни (Воронина, 2001, с. 373-377; Липинская, 2003, с. 362-366). Представители татарского этноса чаще всего указывают чак-чак, беляш, баурсак. В немецких семьях из национальных блюд готовят штрудели, гуся в капусте, суп с клецками, в чувашских - чувашский пирог.

Более трети респондентов (37%) считают, что в их жилище присутствуют традиционные черты. Чаще всего в качестве таковых назывались печи, иконы, вышитые изделия, подзоры. Таким образом, в ответах респондентов отражена структурообразующая диагональ русского дома: печь - передний угол (Афанасьев, 1986, с. 63-75; Чижилова, 1987, с. 238-241; Бардина, 1995, с. 67-76). Около четверти опрошенных (21%) смогли назвать традиционные элементы одежды, сохраняющиеся и по сей день. Среди них наиболее часто используются платок, шаль, фартук, валенки. Также респондентами был указан такой элемент татарского национального костюма, как тюбетейка.

Таким образом, современные материалы по Нижнему Притомью подтверждают вывод о том, что этнографическая специфика в пище сохраняется несравненно более стойко и долго, нежели в других сферах материальной культуры, например, в одежде и жилище (Арутюнов, 2001, с. 13). Развитие массового производства, постоянное обновление промышленных технологий, механизм моды способствуют утрате традиционных черт в одежде, домашнем интерьере.

Результаты анкетирования позволяют судить о степени включенности этнических традиций в обрядовую сферу. По мнению 61% опрошенных, обрядовые действия, сопровождающие рождение ребенка, свадьбу, похороны, сохраняют традиционные черты. Характер ответов позволяет заключить, что некоторые респонденты воспринимают традиционность обрядовой сферы как незыблемую. Так, формулируя ответ на вопрос о том, какие традиционные черты сохранились в свадебной, поминальной, родильной обрядности, они подчеркивали: «Все те, которые и были раньше». В качестве фактора сохранности традиций была выделена межпоколенная коммуникация: «Они передаются от пожилых людей».

Согласно материалам обследования, наиболее сохранившимися являются поминальная и свадебная обрядности. Среди элементов поминальной обрядности в качестве традиционных представителями разных национальностей были отмечены отпевание, дни поминовения, дни посещения кладбища, поминальные блюда. Среди традиционных элементов поминальной обрядности татар называли *кэркан*. Опрос показал, что в современных условиях в свадебной обрядности в качестве традиционных оцениваются сватовство, выкуп невесты, венчание,

продажа свадебного пирога. Сегодня традиционным считается и белое платье невесты. Татары сохраняют традицию *никаха* - религиозного обряда бракосочетания. Сведения по родильной обрядности, как правило, ограничивались крещением. Единичным являлось упоминание о выборе имени ребенка, подарке «на зубок». На вопрос о знании поверий и примет 35% опрошенных ответили утвердительно.

В анкетах содержался вопрос о том, какие признаки полнее раскрывают национальные черты. Среди предложенных вариантов ответов были язык, внешний облик, черты характера, традиции, религия. У 21% опрошенных этот вопрос вызвал затруднение. Самыми значимыми признаками, по мнению информаторов, являются язык и традиции. Их в своих анкетах указали 42 и 39% респондентов соответственно. Такие признаки, как черты характера и внешний облик, были отражены в 32 и 28% анкет соответственно. На последнем месте среди выделенных признаков оказалась религия. Ее назвали лишь 20% опрошенных. Явное расхождение данного показателя с вышеизложенным выводом о религиозных праздниках как наиболее представительной сфере этнической культуры, очевидно, снимается отношением к ним с позиций традиционной обрядности этнической культуры. Религия в плане догматики, основ вероучения, мировидения, согласно данным проведенного исследования, не занимает ведущего места в представлениях о традиционной культуре и ее месте в современности.

Таким образом, элементы традиционных культур разных народов вписываются в современное культурное пространство российского общества. Основой существующих этнических идентичностей служит конфессиональная матрица, включающая в себя прежде всего обрядовую составляющую религии.

Т.Н. ДМИТРИЕВА

Россия, Екатеринбург

Уральский государственный университет

ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ПРОМЫСЛОВЫХ ЗАНЯТИЙ ХАНТЫ В ТОПОНИМИИ БАСЕЙНА РЕКИ КАЗЫМ (РЫБОЛОВСТВО)

Традиционные формы хозяйства и природопользования, сложившиеся у ханты, ненцев и других народов Севера в течение тысячелетий, могут считаться образцом оптимального взаимодействия общества и среды. Но при быстрых темпах современного индустриального освоения северо-западной Сибири и в связи с нарастающим процессом деградации природы в результате массовой добычи нефти и газа, строительства гигантских нефте- и газопроводов они составляют все меньшую долю в общей структуре хозяйственных занятий местного населения.

Топонимия бассейна р. Казым содержит ценные сведения о традиционной культуре, о хозяйстве и промыслах коренного населения края - казымских хантов, которых А.А. Дунин-Горкавич в начале прошлого века называл «зверолово-рыболово-оленоводы» (Дунин-Горкавич 1904, с. 11). Как свидетельствуют полевые и картографические материалы, в хантыйской топонимии Казыма хорошо представлена лексика, отражающая эти основные как в наши дни, так и в прошлом, занятия жителей. При этом в некоторых лексемах отражены реалии, хотя и известные местному населению, но ныне малоупотребительные или уже вышедшие из употребления.

Обратимся к хантыйским топонимам, в составе которых упоминаются реалии материальной культуры, имеющие отношение к рыболовству.

Названия рыболовных заборов

war 'запор сплошного заграждения'

По словам информанта, «Много морд ставят туда, *war* - через речку запор» (Захаров Д.П., 1992, Казым). По лексикографическим данным - хант. казым. *war* 'рыболовный запор из сосновых реек (на маленьких речках)' (DEWOS, ст. 1613). В литературе имеются подробные описания устройства и использования вара (Sirelius, 1906, с. 46-51; Дунин-Горкавич, 1904, с. 201-202; конкретно о Казыме см.: Касум-Ёх, 1993, с. 36).

В топонимии Казыма выявлено 30 названий мест, содержащих эту лексему. Например: *aj war лэр і* «Малое запорное озеро» и *wɔn war лэр* «Большое запорное озеро» (*ú war лэр* «Запорное озеро») - на левом берегу р. Казым, в нижнем течении, выше устья р. Атум юхан; *aj war лэр і* - там же, ниже устья р. Атум юхан; *aj war лӧх* «Маленький запорный залив» - в низовье Казыма, на правом берегу протоки Линта мухат, близ устья; *aj war рӧс л* «Маленькая запорная протока» - в районе д. Хуллор, между оз. Тов корт лор и протоки Хул лор пусл; *war śɔ лəŋ sɔjəm* «Ручей с прутьями рыболовного запора» - в бассейне р. Помут («*war śɔ л* - прутья для загородки рыбной») (Рандымов, 1999, Казым); *warəŋ kɔrt* «Имба с рыболовным забором» - на правом берегу р. Казым, выше устья р. Лыхма; *warəŋ sãŋxəm* «Яр с рыболовным забором», «Запорный яр» - по левому берегу р. Амня, ниже устья р. Нёрум юхан («Перекрывают сплошь место. Там камни, пережат»). Тарлин К.С. 1989, Казым); *warəŋ wɔri* «Старица с рыболовным забором» - по левому берегу р. Казым, выше устья р. Сюнь юхан. Здесь «Раньше запоры стояли» (Вагатов Е.Н. 1992, Юильск).

рӧл 'запор частичного заграждения'

Этот запор - небольших размеров (на 1-2 морды). По словам информанта, «*war* - это тот же *рӧл*, только ручей полностью огораживают, а *рӧл* - отдельно, одну мордушку поставишь» (Спиридонов И.А. 1992, Казым). По словарным данным - хант. казым. *рӧл* 'запор, запруда: из ивовых прутьев, которые воткнуты в землю или связаны, на Оби и маленьких реках' (DEWOS, ст. 1137); пул 'заграждение (для рыбного лова)' (ХРС, с. 77). Такой запор ханты называют также *рӧл ра релэк*. Ср. отмеченное Сирелиусом казымское название весеннего берегового запора *pül-pälek* (букв. 'запор-сторона') (Sirelius, 1906, с. 38, 39, 106).

В этнографической литературе имеются сведения о том, что казымские и березовские оленеводы осенью ставили малые запоры пол по небольшим речкам (Мартынова, 1998, с. 108).

В топонимии этот запор упоминается в производных названиях 8 объектов. Ср.: *рӧл jӧха* «Река рыболовного запора» - правый приток р. Казым, в верховье; *рӧлəŋ хӱли* «Старица (протока, русло) с рыболовным забором» - на правом берегу р. Казым в среднем течении, ниже устья р. Вон Вонт юхан; *рӧлəŋ лэр* «Озеро с рыболовным забором» - на левом берегу р. Казым, в черте города Белоярский; *рӧлəŋ sɔjəm* «Ручей с рыболовным забором» - 1, 2. в бассейне р. Йингк вой юхан (левый приток р. Амня), 3. в бассейне р. Лыхма, в верхнем течении (= картогр. Пудынг-Соим); *рӧлəŋ wɔri* «Старица с рыболовным забором» - на левом берегу р. Сорум, у устья. «Рыбный запор, узкое место там. Запор там всю жизнь стоял» (Захаров Д.П., 1992, Казым). В этом же месте есть старица, называемая *ĩmi рӧл лӧх эw* «Устье залива с рыболовным забором женщины». По словам информанта, «Бабушка жила, запор у неё стоял там, Захарова» (Захаров Д.П. 1993, Казым).

raw 'земляной запор'

Еще один вид запора. По DEWOS - хант. казым. *raw* 'запруда из земли, загораживающая маленькую реку' (DEWOS, ст. 1117).

По словам информантов, «*raw* - крепкий, твердо загорожено, вода не проходит; намертво закрывают палками, ветками, морды в него ставили» (Юхлымов П.И. 1990, Полноват). «Реку запирают забором в этом месте, запор - как *raw*, зубец орнамента» (Юхлымов Т.А. 1988, Полноват); «*raw* - зубчик; это рыбу задерживают, живун покрывают землёй, доской закрывают, удерживают течение» (Курикова М.С. 1993, Ванзеват).

В значении 'рыболовный (земляной) запор', воспринимающемся как метафора от *raw* 'зубец орнамента', слово встречается в названиях двух притоков р. Тапры юхан в нижнем течении (правого притока р. Казым): *aj raw jor* «Маленький ручей (русло) рыболовного запора» и *wor raw jor* «Большой ручей (русло) рыболовного запора» (Существуют и другие варианты перевода.) (Дмитриева, 2003).

Названия орудий лова

В качестве орудий лова рыбы ханты используют невода, сети, различные ловушки. Не все их названия отражены в топонимии. Например, ни разу не упоминаются сеть (*хэлар*) и самая распространенная по настоящее время ловушка - «морда» (*ррп*). По имеющимся материалам, в составе топонимов Казыма представлены в единичных фиксациях следующие наименования рыболовных снастей:

tõxäl 'невод'

В разных источниках слово толкуется по-разному: хант. казым. тохыл' 1) 'невод', 2) 'крыло' (Русская, 1961, с. 234); тухал I 'крыло' и тухал II 'невод' (даны как омонимы в ХРС, с. 97). В DEWOS слова *tõxäl* 'крыло' и *tõxäl* 'невод' рассматриваются в разных словарных статьях, первое из них определяется как уральское, второе - как финно-угорское (DEWOS, ст. 1412, 1413).

В топонимии - *tõxäljälär* «Неводное озеро» (= *aj wõš jõxäljälär* «Озеро Малой Реки городка») - проточное оз. по р. Ай Вош юхан (правый приток р. Вон Вош юхан), 10 км к Ю от д. Юильск; *tõxäljäljõri* «Неводная старица» - на правом берегу р. Казым, выше устья р. Ёрла юхан.

рэс 'рукав'

Это длинная плетеная ловушка: «Щук ловить, длинная, метра три там, она узкая, её ставят - рыба заходит, обратно не выходит. Раньше ставили» (Тасьманов А.Я. 2000, Казым). В DEWOS фактически то же значение ('рукав, узкая трубообразная плетенка для ловли рыбы') приведено для соответствующих форм в других хантыйских диалектах, казымское же *рэс* переводится как 'широкое) входное отверстие, горло трубообразной верши' (DEWOS, ст. 1223).

В топониме рдш\ w#s ?дг «Озеро протоки с ловушкой» - на левом берегу р. Мевлис (левый приток р. Казым в среднем течении).

Но *рэс* - также 'рукавица' и 'метка'. Например, казым. *4рэс* - 'знак, помета; знак собственности, метка собственности (например, на ухе оленя); прицел ружья'; *jõj-рэс* 'метка, стоящая в воде' (DEWOS, ст. 1223). В этой связи ср. название *рэс сэжэт*: букв. «Ручей метки» (по словам информантов - «Меченый») - левый приток р. Карупсанг юхан (правый приток р. Иш юхан, бассейн р. Амня).

пáš 'удочка'

Ср.: хант. казым. *пáš*, казым. лит. няши 'крючок', 'удочка', 'багор'; кроме того, в «медвежьем языке» - 'коготь медведя' (DEWOS, ст. 1026); няш 'удочка' (ХРС, 1988, с. 68).

Редко употребляемая рыболовная снасть. По мнению одного из наших информантов, удочкой ханты вообще никогда не ловили.

Тем не менее есть топоним *пášjäljälär* - озеро (группа озер, другое их название - *хрэлэт лэр* «Три озера») - на левом берегу р. Казым, к ЮВ от города Белоярский, = картогр. озера Непшинглор. «Озеро с удочкой (с рыболовным крючком)». «На удочку, на крючок рыбачили» (Спиридонов И.А. 1998, Казым). Возможно, что в топониме упоминается не удочка в нашем современном понимании, а то, что описывал И.Н. Шухов, - употребляемые для ловли щук «уды», состоящие из веревки с насаженными на нее крючками. Крючки, как отмечает Шухов, «бывают двоякого рода: деревянные, сделанные из сучьев лиственницы, и деревянные с бородкой из кости оленя. Бородка бывает прикреплена к деревянной части кедровым корнем. Наживую на такие крючки служит небольшого размера чебак» (Шухов, 1915, с. 42).

---

¹ В DEWOS даны как омонимы: *1рэс* 'рукавица', *2рэс* 'рукав...' [ловушка], *3рэс* 'оса', *4рэс* 'знак, помета' (Мы приводим только казымскую форму. По происхождению это разные слова. См.: DEWOS, ст. 1222-1223); ср. также: пос I. 'рукавица, варежка'; пос II. 'знак' и др. (ХРС, с. 76).

sat 'садок для сохранения живой рыбы'

«Когда рыбу ловят, опускают [в] *sat*, чтобы рыба живая оставалась» (Тарлин В.Д. 1999, Казым); «В *sat* рыбу опускают на зиму, в сентябре или октябре. Как лёд станет замерзать, её достают, в ноябре» (Аликов П.Д. 1999, Казым). По данным словаря - хант. казым. *sat* 'сад, пруд приготовленный для содержания рыбы' < русск. сад (DEWOS, ст. 1382).

Термин представлен в топониме *satəŋ lər* «Озеро с садком» и производном от него *satəŋ lər jöχan* «Река Озера с садком» - правый приток р. Сорум Касум (левый приток р. Казым в верховье). Озеро является истоком этой реки.

Местные названия служат источником ценной информации о реалиях одного из важнейших занятий ханты - рыболовства, о связанных с ним предметах материальной культуры, используемых в настоящее время, а также уходящих или уже ушедших в прошлое. Особенно интересны сведения о старинных способах и орудиях рыболовства и их названиях. Например, благодаря топонимии удалось подтвердить значение 'рукав' (рыболовная ловушка) у казымского слова *pəs*, известного в других значениях.

По частотности отражения терминов рыболовства в топонимических фиксациях на территории региона можно сделать вывод о повсеместном использовании запора сплошного ограждения - *war*.

З.А. ИГНАТЕНКО

Россия, Томск

Томский областной краеведческий музей

КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННЫХ СЕЛЬКУПОВ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

С конца 1980-х гг. в России активно развивается движение возрождения национальных культур. Одной из первых организаций, возникших на территории Томской области, является ассоциация коренных малочисленных народов Севера Томской области «Колта куп». Ассоциация имеет территориальные отделения во всех районах области, где проживают представители этих народов: Каргасокском, Колпашевском, Верхнекетском, Тегульдетском и Парабельском. Одной из заявленных целей Ассоциации стало содействие членам национальных сообществ в сохранении и развитии культуры.

Томским областным краеведческим музеем в 2004 г. были предприняты поездки в с. Парабель для изучения деятельности местного этнокультурного центра, который был создан 15 сентября 2003 г. на базе Дома детского творчества. Специалисты Центра разработали проект целевой программы на 2004-2010 гг. «Культура селькупов северных районов Томской области». Эта программа предполагает несколько основных направлений работы: языковое, музыкальное, хореографическое, эколого-краеведческое. В Центре постоянно работают три специалиста; еще несколько сотрудников Дома культуры привлечены в качестве добровольных помощников. Во всех национальных центрах подобного рода деятельностью занимаются люди определенного склада. Преимущественно это люди старшего и среднего возраста, имеющие педагогическое, музыкальное и хореографическое образование. Руководитель Центра - В.П. Тузакова - музыкант, закончившая Томское музыкальное училище по классу хорового дирижирования. Методист Центра - И.А. Коробейникова - педагог дополнительного образования (ТГПУ). Третий штатный сотрудник этнокультурного центра - З.М. Барышникова - профессиональный хореограф, руководитель известного в области танцевального коллектива. Налажено сотрудничество с музыкантом районного дома культуры Е.А. Зубаревым; именно он осваивает селькупские музыкальные инструменты.

В Доме детского творчества существуют два вокальных ансамбля, созданных В.П. Тузаковой: детский - «Кыба лэрика» («маленькая песенка») и взрослый - «Кведжидыл купла» («красивые люди»). Для ансамбля заказаны и уже изготовлены селькупские инструменты: шаманские бубны, варган, дупляной барабан, кагабылька, чинг.

И.А. Коробейникова - одна из немногих селькупов, свободно владеющих родным языком. Ею разработана авторская программа преподавания селькупского языка, занявшая первое место на областном конкурсе авторских программ педагогов дополнительного образования. Языковые занятия посещают дети, принадлежащие к объединению, существующему в Доме детского творчества с 1990 г.

Районное Парабельское отделение ассоциации «Колта куп» с начала 1990-х гг. проводит селькупские праздники; одним из первых был организован праздник народов Севера, проведенный совместно с районным Домом культуры в 1991 г. С 1998 г. подобные мероприятия стали регулярными и приобрели значительный размах. Праздниками были отмечены как события собственно «национально-культурного» ряда, например праздник Солнца, посвященный 10-летию общества «Колта куп», так и большие районные мероприятия, например «Парабель-400» или регулярные осенние ярмарки «Праздник села». В 2003 г. (15 июля) в с. Парабель был проведен первый в области межрайонный фестиваль коренных народов Севера «Все юрты в гости к нам». Статус детского имеет проводившийся в марте 2003 г. праздник Пестрой стрелы, который предполагается сделать ежегодным.

Вопрос о сохранности и характере воспроизводства культуры далеко не простой, даже если под термином «культура» понимается только народное творчество в его видимых проявлениях - песня, музыка, танец, фольклор, ремесла. Работники этнокультурного центра так или иначе сталкиваются с проблемой малой сохранности культурного наследия. Многие селькупы, в особенности молодежь, не знают родного языка, и должны изучать его на специальных занятиях. Потенциальная сфера применения его чрезвычайно узка и вряд ли расширится в ближайшем будущем, ограничившись преподаванием его нынешними учениками.

Почти ушел в прошлое традиционный уклад жизни, в котором мало осталось места для песен-импровизаций и т. п. Культурная и языковая ассимиляция селькупов шла довольно интенсивно, и к середине XX в. очень многие жанры и виды народного творчества исчезли. Народное искусство танца в сущности не сохранилось. Уже во времена детства нынешних селькупских старейшин, местная молодежь, как селькупы, так и русские, веселились вместе на вечёрках, где исполнялись современные танцы. Никто из представителей старшего поколения не помнит, как играли на музыкальных инструментах, хотя об их существовании сообщают некоторые исследователи конца XIX - начала XX вв. У русских селькупы заимствовали жанр частушек, распространившихся довольно широко и воспринимающихся современными селькупами как собственная национальная традиция. И.А. Коробейникова и В.П. Тузакова собирают местные частушки, часть которых исполняется информаторами на селькупском языке. Большая же часть частушек, пословиц, поговорок известны только в русском варианте; И.А. Коробейникова переводит их на селькупский, и они занимают значительное место в репертуаре вокального ансамбля «Кведжидыл купла». Кроме частушек, участники ансамбля исполняют песни, тексты к которым вообще не являются элементом фольклорного наследия. Русские песни переводятся на селькупский язык. Ансамбль «Кведжидыл купла» обычно исполняет на концерте обе версии - русскую и селькупскую.

В репертуаре хореографического ансамбля ДК есть «северные танцы», как их называет руководитель ансамбля З.М. Барышникова. Создавая свои композиции, она ориентируется на творчество эскимосского ансамбля «Эргырон», и арктические мотивы в танцах, действительно, очень заметны. Классическая балетная подготовка танцоров - «у станка» - порождает определенную пластику движений, при которой танцы любых народов мира становятся ощутимо

похожими друг на друга. «Северные танцы» изначально возникли как искусственно (хотя и искусно) сконструированные произведения народного творчества.

К проводимым национальным праздникам пишутся методически грамотные сценарии. Здесь могут быть разыграны сценки с участием различных персонажей. Ими могут быть герои селькупского фольклора: Итте-охотник, семейство Пенэги, лесной дух Кондальдук, некоторые животные либо персонажи, созданные воображением или заимствованные из литературных источников. На детском празднике Пестрой стрелы такими персонажами были Бабушка Мадо и ее внучка Синильга. Образ Бабушки Мадо своим возникновением обязан воспоминаниям В.П. Тузаковой. В пос. Ласкино, где она родилась и выросла, была у нее такая соседка-остячка. Этот персонаж переходит из праздника в праздник и уже стал восприниматься местным населением как «вполне фольклорный». Справедливо замечание А.М. Сагалаева, что национальная интеллигенция, осознавая свою ответственность перед народом в деле сохранения культуры, «волью или неволью считает возможным давать свою собственную интерпретацию исторического прошлого, мифологического материала» (1998, с. 416). По отношению к фольклору речь идет даже не об интерпретации, а о создании новых образцов, особенно в том случае, когда многие виды и жанры народного творчества оказались утраченными. Мы не случайно подробно остановились на характеристике профессионализма сотрудников этнокультурного центра. Качество этой подготовки, многолетний опыт работы сформировали и видение проблемы, которую призван решать Центр, и эстетические критерии, которым должен удовлетворять получаемый культурный продукт.

В той ситуации, которую мы наблюдали в Парабели, уже нет возможности говорить о сохранении селькупской культуры как традиционной. Традиционная культура тем и отличается, что передача опыта поколений происходит в первичных общностях семьи или общины, минуя отчужденные формы школы или ВУЗа. Сейчас представителям коренной национальности приходится «учиться быть селькупом» в специальных учреждениях у специально обученных людей. Культура южной группы селькупов явно переходит в иное качество, при котором сосуществуют пласт неявных установок сознания, т. е. того, что принято обозначать термином «менталитет», и пласт «высокой», профессиональной культуры, причем эти направления существуют относительно автономно. «Селькупское искусство», каким его сейчас воссоздают, удовлетворяет эстетическим критериям, выработанным в лоне совсем другой культурной традиции. Впрочем, подобная картина «профессионализации этничности» характерна практически для всех современных народов, живущих в стремительно глобализирующемся мире.

А.М. ИЛЮШИН

Россия, Кемерово

Кузбасский государственный технический университет

ПРОБЛЕМА ЛОКАЛИЗАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ГРУПП НА ТЕРРИТОРИИ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ

Картографирование археологических памятников раннего и развитого средневековья (конец V - XIV в.) на территории Кузнецкой котловины отражает факт локализации древностей в виде скоплений в трех местностях. Наиболее многочисленное скопление памятников располагается в западной и северо-западной частях Кузнецкой котловины, в долинах р. Ини и ее левых притоков - Бачаты, Ура, Касьмы, Тарсьмы, которые берут истоки в таежных массивах Салаирского кряжа. Два других скопления располагаются в северо-восточной части Кузнецкой котловины, в районе

Среднего Притомья на границе с лесостепными просторами Западно-Сибирской равнины и в южной части Кузнецкой котловины в бассейне верхнего течения р. Томи, в отрогах Кузнецкого Алатау и Горной Шории (Илюшин, 2003, с. 9).

При исследовании этнической ситуации на территории Кузнецкой котловины в конце V-XIV в. методом моделирования археолого-этнографических комплексов (АЭК) было выявлено:

1) в конце V - XIV вв. на всей территории Кузнецкой котловины функционировала этническая общность, представленная АЭК погребенных по обряду кремации на стороне;

2) в VII в. на территории Кузнецкой котловины фиксируется АЭК погребенных по обряду ингумации, представленный тремя «впускными» захоронениями в кургане № 11 на могильнике Сапогово-1, интерпретируемый как этническая группа мигрантов;

3) в XI-XIV вв. в северо-западной и западной частях Кузнецкой котловины появляется и эволюционирует, вместе с первой, другая этническая общность, представленная новым АЭК погребенных по обряду ингумации с тушей или шкурой коня;

4) в конце развитого Средневековья (XIII-XIV вв.) в северо-западной и западной частях Кузнецкой котловины появляется новый небольшой АЭК погребенных по обряду трупобожения на месте захоронения с тушей или шкурой коня, который сосуществует с двумя вышеназванными АЭК;

5) каждый АЭК, представляющий многокомпонентный социокультурный комплекс, в конце V - XIV вв. эволюционировал на территории Кузнецкой котловины, о чем свидетельствуют описание и характеристика элементов их традиционно-бытовой культуры (Илюшин, 2003, с. 13-17).

Этническая ситуация на территории Кузнецкой котловины в эпохи развитого, позднего Средневековья, а также Нового времени очень близка. В частности, факт сосуществования двух этносов, отличающихся своей культурой, в северо-западном и западном регионах Кузнецкой котловины имеет историко-этнографическую параллель с ач-кыштымами и телеутами. Известно, что до окончательного образования единой телеутско-бачатской этнотерриториальной общности во второй половине XIX в. эти этносы проживали по соседству в пределах этой же территории и имели весьма ощутимые различия в родовом составе и в традиционно-бытовой культуре (Батянова, 1992, с. 141-156; 1994, с. 14-15; Радлов, 1989, с. 96; Функ, 1993). Другой зафиксированный нами факт, свидетельствующий об обособлении этнических групп аборигенного населения в пределах трех локальных территорий - северо-западной и западной, восточной и южной частях Кузнецкой котловины, также имеет аналогию в историко-этнографических материалах. Территории этих трех локальных групп практически полностью совпадают с территориями проживания трех позднесредневековых племён - аз-кыштымов, тюлеберов и аба (Батянова, 1994, с. 14; Георги, 1799, с. 161; Долгих, 1960, с. 100; Кимеев, 1986, с. 44-53; 1989, с. 43-74, табл. I и II; Потапов, 1969, с. 34-35, 131; Функ, 1993, с. 48-75; и др.). Эти параллели позволяют связывать изучаемые социокультурные комплексы, лежащие в основе АЭК, с этногенезом и этнической историей сформировавшихся на этой же территории в XX в. двух коренных малочисленных этносов - шорцев и телеутов.

Встает вопрос о времени появления и локализации отдельных этнографических групп и общностей в двух самых больших АЭК: погребенных по обряду кремации на стороне и погребенных по обряду ингумации с тушей или шкурой коня, интерпретируемых как протообщности шорцев и телеутов (Илюшин, 2003, с. 23). Это объясняется тем, что в родовом составе шорцев в конце XIX - начале XX в. насчитывалось семнадцать сеоков: кара-шор, сары-шор, чорал, ак-шор, таеш, кечин, кызай, кобый, кый (кой), карга, челей, аба, кереш, тарткын, себи, чедвер и калар (Кимеев, 1986, с. 44-53; 1989, с. 43-74, табл. I и II), а у телеутов было пять различных этнических образований: «телеуты», «чедыберы», «тогулы», «ач-кыштымы» и «тюльберы», которые насчитывали двадцать сеоков - меркит, мундус, толос, чалма (лу), тодош, торо, очу, найман, мерет, чорос, тумат, пурут, сарт, кыпчак, тѣптѣр (йетыпер), тогул, юты, чынзан,

торгас, керген и более ста тѣли (Функ, 1993, с. 48-75). Большое разнообразие этнонимов, известных по различным письменным источникам в древности и Средневековье у шорцев и телеутов, лишь подтверждает интерпретацию двух самых крупных средневековых АЭК Кузнецкой котловины как многокомпонентных социокультурных комплексов, состоящих из этнических общностей и групп (Илюшин, 2003, с. 29). Аналогичная структура зафиксирована и у «бачатских телеутов», у которых каждое из пяти этнических образований имело свои сеоки и лишь два этнических образования - «телеуты» и «тюльберы» - имели один одинаковый сеок - меркит (Функ, 1993, с. 48-75).

Для выявления культурных ареалов этнографических групп в составе более крупных общностей можно и в дальнейшем использовать метод моделирования АЭК второго и последующих уровней. Суть методики заключается в том, что первоначальный АЭК фиксирует группы однотипных захоронений из различных погребальных памятников, расположенных на относительно большой территории, по наиболее массовым элементам в способе погребения, которые оцениваются как консервативный этнокультурный индикатор большой общности. АЭК второго и последующего уровней можно моделировать по доминирующим элементам погребального обряда, которые выступают как специфический этнокультурный маркер этнической группы, проживавшей в пределах конкретного ареала. АЭК второго уровня можно назвать, как это предлагал В.Ф. Генинг, археолого-этническим типом (или археолого-этнографическим типом. - *А.И.*), понимая под этим термином совокупность сходных между собой археологических памятников (Генинг, 1972, с. 247; 1976, с. 20; 1985, с. 62; 1988, с. 10-23; Генинг, Бунятян и др., 1990, с. 150-157). Однако в это понятие необходимо внести корректировку, заключающуюся в том, что сходство доминирующих элементов погребального обряда по своим количественным характеристикам должно проследиваться лишь на единичных памятниках, имеющих четкие границы локального распространения в пределах более крупных этнокультурных общностей.

На территории Кузнецкой котловины раскопаны многочисленные погребальные памятники, относящиеся к АЭК погребенных по обряду ингумации с тушей или шкурой коня (XI-XIV вв.), их связывают с шандинской археологической культурой, интерпретируемой как протелеутская (Илюшин, 2003, с. 15-23). В число погребальных памятников, соотносимых с шандинским кругом древностей, входят одиночные курганы, курганные группы и могильники - Усть-Канда-1, Ур-Бедари-1, Тарасово-1, Титово-1, Сапогово-1, Мусохраново-3, Торопово-1, Шабаново-3, -8, -9, Шанда, Беково, Промышленная-1, Калтышино-1, Камысла, Новокамышенка, Шестаки-1 и Конево. Они расположены преимущественно в предгорьях Салаирского кряжа в западной и северо-западной частях Кузнецкой котловины. На двадцати памятниках исследовано более 250 могил, но, несмотря на сходство, каждый памятник обладает набором специфических признаков, которые отражают этнографические особенности населения. Сложение этноса «бачатские телеуты» - результат разнообразных этнических процессов, имевших место на территории Кузнецкой котловины в эпоху Средневековья, Новое и новейшее время.

В число общих признаков погребального обряда этого АЭК входят следующие:

1) погребения людей с лошадей или ее шкурой совершались под земляными курганными насыпями, преимущественно в грунтовых ямах, почти всегда ориентированы в противоположные стороны света: человек на В-СВ, а конь на З-ЮЗ;

2) погребальный инвентарь в могилах представлен предметами вооружения, конской упряжи, быта и украшениями, практически отсутствует керамическая посуда, как правило, кроме сопроводительного погребального инвентаря укладывали ритуальные куски мяса (курдючные кости барана или последние позвонки лошади);

3) над могилами сооружали земляные курганные насыпи округлой и овальной формы, многие из которых были окопаны рвами округлой, овальной и подчетырехугольной формы; рвы длиной

осью ориентированы по линии ЮЗ-СВ и З-В, имели вход в В и СВ частях и выполняли функцию ограничения сакрального пространства, в единичных случаях во рвах встречались кости животных и захоронения людей.

К числу предварительных этнографических признаков, лежащих в основе выделения археолого-этнографических типов на уровне элементов погребального обряда, относятся: форма и размеры насыпей и рвов, способ захоронения человека с конем или его шкурой и их взаиморасположение (в соседних грунтовых ямах, в одной грунтовой яме рядом на приступке или над человеком, в подбое, в срубе, в катакомбе и др.).

В качестве примеров можно привести следующее:

1) сходство в способе захоронения лошади в грунтовой яме рядом с покойным, имевшем место в недалеком прошлом у телеутов (Кацуба, 1993, с. 78) и зафиксированном на погребальных памятниках Шанда и Беково (Илюшин, 1993; Илюшин, Сулейменов, 1991, с. 49-51; 1992, с. 73-74);

2) преобладание в курганной группе Конево захоронений со шкурой лошади (чучелом - *А.И.*), кости ног которой огчленены в коленном суставе (сохраняются три кости и копыто - *А.И.*), что является традиционным этнографическим признаком для кыпчакских захоронений XI-XIV вв. (Атавин, 1984, с. 134-143).

А.А. КИМ

Россия, Томск

Томский государственный педагогический университет

О НЕКОТОРЫХ МОМЕНТАХ ОБЩНОСТИ КАЛИФОРНИЙСКИХ ИНДЕЙЦЕВ ПЕНУТИ И ОБСКИХ УГРОВ

Калифорния населена многочисленными племенами, в основном относящимися к языковой семье пенути. Ее границы определяются разными исследователями по-разному, но не подлежит сомнению родство языков так называемых калифорнийских пенути - небольших народов майду, йокутс, мивок, винтун, патвин, костаньо и некоторых других, населявших Центральную Калифорнию. Калифорнийские пенути создали очень своеобразную культуру, экономической базой которой было собирательство желудей и семян. Некоторыми исследователями в семью пенути включаются также языки живущих в Северной Калифорнии, Орегоне и Вашингтоне сахаптинов, модоков, кламатов, чинук, цимшиан, а также языки создателей величайшей цивилизации Америки - майя-киче, живущих на юге Мексики, в Гватемале, Белизе и Гондурасе. Однако существование столь обширного языкового единства, в отличие от единства языков калифорнийских пенути, не доказано. Именно языки, относимые к семье пенути, привлекают в последнее время внимание лингвистов, ищущих следы родства языков Америки и Старого Света: языки калифорнийских пенути сравнивают при этом с уральскими, а языки майя-киче - с алтайскими (Напольских, 1993, с. 65).

Как известно, народы, говорящие на уральских языках, населяют огромную территорию в основном в пределах лесной и субарктической зон Евразии от Енисея на востоке до Скандинавии на западе. Общая численность народов уральской языковой семьи превышает 25 млн. человек.

Традиционно уральские языки принято делить на следующие группы: финно-угорские языки, к которым относятся: прибалтийско-финские (финский, эстонский, карельский и др.) языки, саамский язык, волжско-финские (мордовский и марийский), пермские языки (удмуртский и коми), а также угорские (венгерский, хантыйский и мансийский). Второй большой группой в составе уральской языковой семьи является самодийская, в которую входят северно-самодийские языки (ненецкий, энецкий и нганасанский), селькупский и ныне мертвые камасинский и маторский языки (Напольских, 1993, с. 13-14).

Откуда же взялись индейцы? Для выяснения прародины индейцев и возможных путей проникновения их предков в Америку используются данные языкознания, археологии, антропологии, этнографии и геологии.

Все предпринятые до сих пор попытки лингвистов обнаружить родство индейских языков с какими-нибудь языками Старого Света остаются пока безуспешными, хотя имеется ряд интересных работ, в которых приводятся довольно обширные списки слов, общих для языков некоторых народов Евразии и отдельных групп индейских языков (чаще всего сравнивают языки народов Северной и Центральной Америки с урало-алтайскими языками) (Напольских, 1993, с. 57-58).

Так, Отто Садовский, занимающийся исследованием калифорнийских пенути, выдвинул гипотезу о языковом и культурном родстве финно-угорских народов и калифорнийских пенути. Садовский обнаружил, что центрально-калифорнийская группа тесно связана с объ-угорской ветвью уральской языковой семьи, а также обнаруживает некоторые черты, которые могут быть объяснены только сильным самодийским, енисейским или юкагирским влиянием.

Лингвистическое изучение калифорнийских языков показало, что было несколько миграций, поэтому невозможно установить протопенутский язык. Археологические данные совершенно очевидно подтверждают относительно поздний приход этих людей в Калифорнию. Очевидно, что предки калифорнийских племен покинули свою евроазиатскую прародину после начала деления угорских языков на диалектные группы.

Поскольку калифорнийские языки, по мнению Садовского, могут быть включены в финно-угорскую языковую семью, а также имея в виду их близость к объ-угорской ветви, он предлагает использовать термин «кал-угорские языки». Содержание термина указывает на то, что лингвистические формы калифорнийских пенути ведут свое происхождение от протофинно-угорских или от протоуральских реконструированных форм. Те же правила, которые присущи угорским и объ-угорским языкам, свойственны, по большому счету, и языкам калифорнийских пенути, что объясняет близость их лингвистических форм (Sadovszky, 1996, p. 9-10).

Садовский приводит списки слов, общих для калифорнийских пенути и обских угров.

Мы приведем пример с названиями птиц (Sadovszky, 1996, p. 32, 34):

Cickc - птица (южные ханты)	Cicka - птица (центральные сьерра мивок)
Lak - гусь (манси)	Lak - гусь (протопенутский)
Was - утка (манси)	Wat-wat - утка (южные сьерра мивок)
Paj - утка (восточные ханты)	Poje - утка (майду, низены)
Luli - прыгун в воду, водолаз (ханты)	-luli - голубь (йокутс)
Mansi-n - куропатка (ханты)	Муссу-масы - куропатка (центральные сьерра мивок)

Несмотря на поразительное сходство слов, все они могут рассматриваться лишь как дополнительные доказательства в пользу той или иной гипотезы о происхождении индейцев, построенной на основе более строгих доказательств, добытых другими науками.

Достаточно давно этнографы делали попытки сравнить элементы материальной и духовной культуры индейцев и жителей Старого Света. Обнаружено много общего в традиционном жилище, одежде, мифологии, искусстве отдельных индейских групп, больших и малых, и народов Евразии. Чаще всего общность обнаруживается между индейцами Северной Америки и народами Сибири, в том числе - урало-алтайскими. Однако общие черты в традиционной одежде и жилище могли сложиться конвергентно в Америке и в Азии - вследствие сходного природного окружения и близкого типа хозяйства. Поэтому большой интерес вызывают параллели в мифологии. Еще в начале XX в. в трудах русского исследователя северо-востока Сибири В.И. Иохельсона и знаменитого американского этнолога Ф. Боаса была отмечена близость мифологии индейцев северо-западного побережья Северной Америки и Аляски, с одной

стороны, и чукчей, коряков и ительменов, жителей крайнего северо-востока Азии - с другой. Позже в трудах Е.М. Мелетинского, Г.И. Дзенискевич, Ч. Чарда и других советских и американских ученых была доказана общность цикла мифов о Вороне - устроителе мира и культурном герое-трикстере у этих народов. Скандинавские исследователи Г. Хатт и А.-Б. Рут обратили внимание на общность ряда других мифов у североамериканских индейцев и народов Северной Азии, в частности - мифа о нырянии за землей (Напольских, 1993, с. 58).

В своей работе «Как Вукузё стал создателем суши» В.В. Напольских сделал попытку определить истоки происхождения мифа о нырянии за землей. Он установил общность цикла мифов о нырянии за землей у обских угров и калифорнийских пенути. У хантов, например, есть миф о поднятии земли из воды птицей лули (это название информатор перевел как «кулик»). В другом хантыйском мифе первой за землей ныряет гагара, но ей не удается принести земли, вторым ныряет лули и приносит землю. В мифе калифорнийских пенути за землей посылают всех зверей и птиц, плававших в воде, но только самая маленькая уточка по имени К'уик'уи, достигает дна и достает землю.

Этот миф принадлежит племени гашову - одному из подразделений крупного пенутиязычного этноса йокутс. У йокутс на редкость развитые и своеобразные космогонические мифы, причем у разных групп этого народа - очень близкие друг к другу. Именно мифы йокутс некоторые исследователи называли самыми близкими сибирским космогоническим мифам (Напольских, 1993, с. 83).

О. Садовский приводит и некоторые параллели в культовой лексике обских угров и калифорнийских индейцев. В племени майду шаманов называли словом 'yomi', Садовский сравнивает его с мансийским 'jomas', которое означает «лечить, чинить», также это слово встречается в мансийском словосочетании 'james khum', которое переводится как доктор, т. е. шаман (Sadovszky, 1996, р. 239-240). К этому можно добавить и другую параллель: 'Jom' у мивок - параллель с восточно-хантыйским 'jol' - шаман.

В Калифорнии шаман устанавливает связь с духами при помощи пения, танцев и игры на музыкальных инструментах. Слово 'koja-re' означает «певец», а также «шаман».

У бodega мивок (Bodega Miwok) 'koja' значит «петь», а у лейк мивок (Lake Miwok) производное от этого слова 'kojanni' переводится как «музыка, или любой музыкальный инструмент». Это же слово 'kaj' у манси имеет значение «петь магическую песню», а у хантов 'koj' - это «исполнять магический обряд при помощи пения» (Sadovszky, 1996, р. 241). К этому можно добавить, что *кайеояна* является зачином медвежьих песен в хантыйском фольклоре (Кань кунш олан, 2004, с. 191). По данным В. Мункаси, шаманы остяков и вогулов 'kajne - hum' «кричащий (зовущий) человек» обращались возгласом 'kaj!' не только к медведю, но и к божеству (Szomjas-Schiffert, 1963, р. 369). В венгерском шаманизме также присутствует рефрен 'haj'. Этот постоянно повторяемый возглас в древних шаманских песнях можно было услышать в конце некоторых старинных традиционных напевов в сочетании с древним ритуалом : *Гей, рего райтем*, что означает «я очаровываю и заклинаю» (Dienes, 1972, р. 56).

Все сказанное дает основание заключить, что поставленная О. Садовским проблема сходства обских угров и калифорнийских индейцев заслуживает внимания и дальнейшей разработки.

Е.Ю. КОШЕЛЕВА

Россия, Томск

Томский государственный педагогический университет

РОЛЬ НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В ПЕРЕДАЧЕ ТРАДИЦИЙ: ДЕТСКИЕ ЭТНИЧЕСКИЕ СТОЙБИЩА

В связи с промышленным освоением северных районов Западной Сибири возможности сохранения этнической среды и, соответственно, традиционной культуры коренных народов Севера с каждым годом уменьшаются. Процесс социализации детей, осуществляемый через государственные общественные институты, приводит к размыванию этнической самобытности. В этих условиях в Ханты-Мансийском автономном округе были найдены нестандартные формы передачи культурного наследия. В настоящее время в Ханты-Мансийском округе создана сеть Детских этно-оздоровительных центров (стойбищ), в которых ведется работа по укоренению детей из числа коренных малочисленных народов Севера в родной культуре. Сегодня действуют 14 таких центров: в Березовском и Сургутском районах - по 3; в Белоярском и Кондинском - 2; в Нефтеюганском, Нижневартовском, Октябрьском, Ханты-Мансийском районах - по одному.

Идея создания детских этноцентров как формы летнего отдыха детей и подростков из числа коренных малочисленных народов Севера возникла у руководства ассоциации «Спасение Югры» в начале 1990-х гг. Т.С. Гоголева - президент ассоциации и Т.А. Молданова - вице-президент ассоциации по делам культуры организовали первое стойбище с детьми-сиротами ханты в пос. Русскинские Сургутского района в 1993 г. На это стойбище были приглашены носители традиционной культуры, в основном старшего поколения, которые обучали детей традиционным способам рыбной ловли и охоты. Это детское стойбище существовало полуофициально, на общественных началах. Затем в 1994 г. в деревне Ясунт Саранпаульской территории Березовского района было организовано стойбище, получившее название «Мань Ускве» (в пер. с мансийского «маленький городок»).

Этот опыт был принят за основу при разработке окружной программы «Дети Севера», которая действует в округе с середины 1990-х гг. и посвящена задачам сохранения самобытной культуры коренных малочисленных народов Севера, совершенствования системы изучения родного языка и повышения духовно-нравственного, интеллектуального и творческого потенциала детей. Путевки в эти этноцентры бесплатны. Среди детей - ханты, манси, ненцы, коми-зыряне и русские. Как правило, основная масса детей - либо дети-сироты, либо из неблагополучных семей. Основными кадрами для работы в подобных центрах стали учителя школ. Курирует работу детских этноцентров Департамент по вопросам малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа.

Детские стойбища работают по индивидуальным программам этнокультурного направления. Основными задачами центров являются:

- воспитание этнической толерантности;
- выявление одаренных детей;
- изучение традиционного образа жизни народов, населяющих округ;
- приобретение профессиональных умений и навыков;
- формирование чувства патриотизма и бережного отношения к природе;
- передача исторического наследия через преемственность поколений (старшее - младшему);
- содействие развитию детского самостоятельного художественного и фольклорного творчества;
- развитие национальных видов спорта, формирование у детей и подростков навыков здорового образа жизни.

Одним из наиболее успешных и жизнеспособных детских стойбищ является «Мань Ускве». В 2004 г. оно отметило свое 10-летие. Все эти годы его бессменный руководитель - Любовь Павловна Стаканова. Первоначально дети и педагоги жили в палатках. Сейчас жилой комплекс центра включает традиционный мансийский дом, 3 чума: мужской, женский и так называемый «Красный чум», в котором проходят все коллективные мероприятия, 2 амбара (*сумьяха*) для хранения продуктов и традиционную мансийскую печь для выпечки хлеба. Строительство этого комплекса построек происходило при участии юных «маньусквинцев».

Основная воспитательная задача летнего стойбища «Мань Ускве» - приобщение детей к родной культуре и знакомство с культурой других родственных финно-угорских народов. Отдых детей совмещен с содержательной познавательной деятельностью. Каждое лето проходят смены «Искусство», «Мастерская», «Горная», «Кочующая». Так, например, «Горная» смена проходит на Приполярном Урале. Ребята и взрослые покоряют вершины гор Рума, Манарага, Народная, на плотах и катамаранах сплавляются по рекам Хулга и Манья. Маршруты горных смен проходят по оленеводческим тропам мансийских и коми-зырянских оленеводов.

Занятия в стойбище проводят квалифицированные специалисты: искусствоведы, этнографы, фольклористы, лингвисты, мастера традиционных народных промыслов. Ребята вместе с учеными включаются в проведение исследований, занимаются сбором и обработкой фольклорного материала, осваивают методы визуальной антропологии. Много времени уделяется изучению языков обско-угорских народов. Программа по традиционным ремеслам включает в себя работу по дереву, бересте, бисеру, ткани. Много внимания на стойбище уделяется песенно-танцевальному искусству обско-угорских народов. Дети с удовольствием слушают древние мифы, исполняют священные танцы, разыгрывают сценки из «Медвежьих игрищ» (*тулынлапы*), участвуют в проведении традиционных обрядов. Важно отметить, что во многом благодаря деятельности детского стойбища «Мань Ускве» возродилось искусство игры на традиционном мансийском струнном инструменте санквылтап. Во время летних смен идет обучение мальчиков игре на этом инструменте, так как в традиционной культуре этот инструмент считается мужским.

Наряду с традиционными формами педагогической работы внедряются новые образовательные технологии, в частности информационно-деятельностные игры. Дети учатся проектировать будущее, составляют собственные образовательные программы. Программы остальных детских этно-оздоровительных центров в основном подобны программе стойбища «Мань Ускве», однако там отсутствуют такие смены, как «Горная» и «Кочующая».

Педагоги, работающие на стойбищах, осуществляют систему патроната детей из неблагополучных семей и по окончании летнего сезона, однако не всегда удается уберечь ребенка от «соблазнов» той жизни, которую навязывает ему семья или друзья. Справиться с девиантным поведением подростков только педагогическими усилиями невозможно, нужно в целом менять социально-экономические условия жизни людей. И все же многие дети - воспитанники стойбищ благодаря персональному патронату становятся студентами высших учебных заведений Тюменской области и старшекурсниками возвращаются на стойбища уже в качестве педагогов. Многие из них стали членами профессиональных фольклорных коллективов (например, театра Обско-Угорских народов и некоторых других).

Деятельность таких детских этно-оздоровительных центров восполняет межпоколенный разрыв в передаче родной культуры коренных малочисленных народов Севера. Родители детей, проводящих летние каникулы в этноцентрах, - то поколение, которое наиболее пострадало от унифицированной советской системы воспитания. Парадоксальным образом дети, которые провели лето в стойбищах, начинают передавать вновь обретенные знания и традиции своей культуры родителям и другим родственникам. Подростки из национально-смешанных семей (а таких на стойбищах большинство), попадая на отдых в детские этноцентры, склоняются при определении своей этничности в сторону того из родителей, который принадлежит к представителям коренных малочисленных народов Севера.

Форма организации детского отдыха по типу детских этнических центров не единственная в Ханты-Мансийском округе. Несколько оленеводческих семей (в частности, в поселке Кышик Ханты-Мансийского района) принимают на лето детей-сирот или детей из неблагополучных семей из числа коренных малочисленных народов Севера. И эта форма организации детского досуга также достаточно широко распространена в округе.

Опыт организации детских центров-стойбищ в Ханты-Мансийском округе уникален и может служить образцом для подражания. В последнее время предпринимаются попытки его передачи и в другие районы проживания коренных народов Сибири и Севера. Так, в Эвенкии уже 2 года функционирует летний детский центр, организованный по образцу действующих в Ханты-Мансийском округе. Хочется надеяться, что ценный опыт, накопленный педагогами-подвижниками, работающими в стойбищах, найдет отражение в массовой печати, в научных публикациях и будет введен в воспитательную и образовательную практику организации детского летнего отдыха.

Е.А. КРЮКОВА

Россия, Томск

Томский государственный педагогический университет

СОВРЕМЕННАЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ У КЕТОВ ПОСЕЛКА МАДУЙКА

Важность изучения личных имен не вызывает сомнения, особенно если речь идет о народе, язык которого стоит на грани полного исчезновения. Одним из таких языков является кетский, входящий в некогда большую семью енисейских языков. Коренное население пос. Мадуйка состоит в основном из кетов и эвенков. Представители кетского этноса поселка являются носителями северного диалекта кетского языка, менее изученного среди других диалектов.

В последнее время усилиями сотрудников кафедры Языков народов Сибири ТГПУ при поддержке Института эволюционной антропологии Макса Планка (г. Лейпциг, Германия) проводится сбор лингвистического и этнографического материала по северному диалекту кетского языка (Гришина, 2003, с. 184-191; Глазунов, Нефедов, 2004, с. 161-173). Современная этнографическая ситуация у кетов, в том числе и северных, подробно описана в монографиях В.П. Кривоногова (1998, с. 10; 2003, с. 13-14). Что касается кетской антропонимики, то по данной проблематике существуют лишь отдельные публикации, а также список личных имен в «Сравнительном словаре енисейских языков» Г.К. Вернера (Вернер, 1976, с. 65-68; Скорик, 1970, с. 46; Werner, 2002, р. 3-23).

В статье представлены антропонимы коренного населения: кетов, проживающих либо проживавших до недавнего времени в пос. Мадуйка. Автор статьи получила информацию о наличии и значении имен-прозвищ у информантов Пелагеи Петровны Пешкиной (о ней см. табл.) и Ильи Ивановича Серкова (о нем см.: Глазунов, Нефедов, 2004, с. 169).

Первые антропонимические данные по аборигенным народам можно найти в записях служилых людей, собиравших ясак с коренного населения. Для антропонимики малых народностей Севера в целом более характерна двухкомпонентная антропонимическая система, когда личное имя состоит из сочетания личных имен-прозвищ с родовыми названиями (Скорик, 1970, с. 42). Можно предположить, что и для кетов была типична именно эта антропонимическая система. Так, в ясачных книгах Сургутского уезда Сымской волости XVII в. указан князец Дылм Кайволдин, записанный в последующих книгах Дылдымом (> кет. *dil'din* 'маленькая ель'). Первый компонент антропонима представляет собой личное имя-прозвище, в то время как второй указывает на родовое название (Долгих, 1960, с. 149).

Со времени христианизации кеты усвоили русскую антропонимическую систему, обычно им давались фамилии, имена и отчества казаков, купцов и местных поселенцев (Скорик, 1970, с. 46). Коренное кетское население пос. Мадуйка и сейчас носит фамилии, сохранившиеся с тех времен: Серков(а), Тетерин(а), Пешкин(а) (см. табл.).

Несмотря на действующую русскую антропонимическую систему, у представителей старшего поколения бытуют местные имена-прозвища. Так, у Григория Ильича Серкова (1974 г. р.) есть кетское имя *Sej bun* «место», происходящее от двух основ *sej* 'место' + *ban* 'место'.

Как и у других малых народностей, населяющих территорию России, имена-прозвища у кетов восходят к именам нарицательным (Молчанова, 1970, с. 190-191; Смоляк, 1970, с. 167-168; Беккер, 1976, с. 94). Это имена, связанные с духовной и материальной жизнью человека: предметы быта и предметы хозяйственной деятельности: *U'yi n* 'люлька', *Hi'gam* 'веретено', *Le'peška* 'лепешка'; культовые вещи: *L'an'git* название шаманской куклы; наименования обуви: *Danji* трава для стелек, *Təji'yei* 'шитая летняя обувь'; имена, связанные с растительным и животным миром: *əjə* 'осенний лист', *Kənet* 'лисица', *Kə dum* 'зимняя птица', *Bi:l* 'стриж', *Doja* 'птица', *Ti'lim* 'личинки паутов', *Diri'yi t* 'молодой орел', *Hoja* 'связь (утка)', *S'i'n'git* 'молодой дятел', *ə* 'лягушка', *Ni'dis* 'глухарь', *Diva m* 'орлица', *Kəja* 'крыло', *SaRaj* 'беличье гнездо', *Ti'yi t* 'молодой лебедь', *Tamgit* 'молодой гусь', *Assel'git* 'молодой зверь'. В п. Мадуйка зафиксировано только одно имя-прозвище, отражающее личные качества человека: *Dayu* 'смеющийся'; и два имени, восходящие, возможно, к географическим названиям: *T'itka*, *Hanikan'* (> *Han'a* - название местности).

Для кетов п. Мадуйка самыми распространенными именами-прозвищами являются те, что восходят к наименованиям животных, некоторые из которых оформлены полуаффиксом *-git*, *-yi t*. Этот полуаффикс присоединяется к названиям животных и растений, вследствие чего слово получает обозначение молодой особи, например: *Diri'yi t* 'молодой орел' > *di'* 'орел' + *-yi t*, *S'i'n'git* 'молодой дятел' > *s'i'n'* 'дятел' + *-git*, *Ti'yi t* 'молодой лебедь' > *ti'y* 'лебедь' + *-yi t*, *Tamgit* 'молодой гусь' > *təm* 'гусь' + *-git*, *Assel'git* 'молодой зверь' > *assel'* 'зверь' + *-git* 'молодой'.

К сожалению, не удалось выяснить у информантов мотивацию, следуя которой детям давались национальные имена, однако для некоторых имен ее можно приблизительно установить, исходя из нарицательного значения слова.

Таблица

№	Кетское имя	Значение	Фамилия, имя, отчество	Дополнительная информация
1	2	3	4	5
0	<i>Ikkavul'</i>	-	Серков Илья Иванович	Информант, проживает в п. Мадуйка
1	<i>Kənet</i>	'Лисица'	Никифорова (Серкова) Татьяна Никифоровна	Дочь Серкова Ильи Ивановича
2	<i>Ugdil'kanasam</i>	-	Семенова Светлана Ильинична	Дочь Серкова Ильи Ивановича
3	<i>Sej bun</i>	<i>Место'</i>	Серков Григорий Ильич	Сын Серкова Ильи Ивановича
4	<i>Hanikan'</i>	> <i>Han'a</i> - название местности	Серков Григорий Алексеевич	Дядя Серкова Ильи Ивановича по линии отца (старший среди братьев)
5	<i>U'yi n</i>	'Люлька'	Серков Александр Алексеевич	Дядя Серкова Ильи Ивановича по линии отца (младший среди братьев)
6	<i>Təji'yei</i>	'Летняя обувь'	Серков Владимир Иванович	Двоюродный дед Серкова Ильи Ивановича
7	<i>Kə dum</i>	'Зимняя птица'	Серкова Галина Алексеевна	Тетья Серкова Ильи Ивановича

1	2	3	4	5
8	<i>Ilavul</i>	-	Серков Александр Павлович	Муж Серковой Галины Алексеевны
9	<i>Mopa</i>	-	Серков Павел Иванович	Отец Серкова Александра Павловича
10	<i>Bi:l'</i>	'Стриж'	Серков Михаил Иванович	Старший брат Павла Ивановича
11	<i>As'un'</i>	-	Серков Альберт Николаевич	Родственник Серкова Ильи Ивановича
12	<i>Toyin</i>	-	Серков Геннадий Николаевич	Родственник Серкова Ильи Ивановича
13	<i>Doya</i>	'Птица'	Серков Владимир Платонович	Дальний родственник Серкова Ильи Ивановича
14	<i>Ti'lim</i>	'Личинки паутов'	Серкова Галина Платоновна	Старшая сестра Серкова Владимира Платоновича
15	<i>Diriyit</i>	'Орел'	Пешкин Иван Петрович	Отец жены сына Ильи Ивановича
16	<i>Hoja</i>	'Связь'	Серков Елизар Филиппович	Прадед отца Серкова Ильи Ивановича
17	<i>əjəs'</i>	'Осенний лист'	Серкова (Тетерина) Пелагея Петровна	Информант, 1926 г.р., родилась в п. Денежкино, отец - кет, мать - селькупка
18	<i>S'ʔn'git</i>	'Молодой дятел'	Серков Дмитрий Гаврилович	Муж Серковой Пелагеи Петровны
19	<i>ə'</i>	'Лягушка'	Тетерина Ефросинья Петровна	Сестра Серковой Пелагеи Петровны
20	<i>Hñ'gam</i>	'Веретено'	Серкова Клавдия Лукьяновна	Дальняя родственница Серковой Пелагеи Петровны по деду
21	<i>Ni'dis'</i>	'Глухарь'	Серков Николай Лукьянович	Младший брат Серковой Клавдии Лукьяновны
22	<i>Diʋat</i>	'Орлица'	Серкова Варвара Гавриловна	Сестра Серкова Дмитрия Гавриловича
23	<i>Kəja</i>	'Крыло'	Пешкина Майя Алексеевна	Информант, проживала в п. Мадуйка (умерла 04.04.2004)
24	<i>L'an'git</i>	Название шаманской куклы	Кильмагир Григорий Федорович	Мать Григория Федоровича - кетка, отец - звенк
25	<i>SaRaj</i>	'Беличье гнездо'	Кильмагир (Серкова) Зоя Алексеевна	Мать Кильмагира Григория Федоровича
26	<i>Daʋo</i>	'Смеющийся'	Кильмагир Александр Федорович	Младший брат Кильмагира Григория Федоровича
27	<i>T'iika</i>	Возможно, произошло от названия местности	Корзухина (Серкова) Нина Федоровна	Дочь последнего кетского шамана

1	2	3	4	5
28	<i>Le'peška</i>	'Лепешка'	Серков Федор Агафонович	Отец Корзухиной Нины Федоровны
29	<i>Doyan</i>	-	Серков Герман Федорович	Старший брат Нины Федоровны
30	<i>Assel'git</i>	'Молодой зверь'	Пехачев Иван Иванович	Раньше жил в п. Мадуйка
31	<i>Tiyit</i>	'Молодой лебедь'	Пехачев - Иванович	Средний брат Пехачева Ивана Ивановича
32	<i>Danŋ</i>	Трава для стелек	Пехачев Константин Иванович	Младший брат Пехачева Ивана Ивановича
33	<i>Tamgit</i>	'Молодой гусь'	Ламбин Арсентий Иванович	Жил в п. Серково

А.Н. КУЧЕР, Н.В. ТОРОЩИНА, И.В. ЧЕРНОВА

Россия, Томск

*Государственное учреждение Научно-исследовательский институт
медицинской генетики*

Томского научного центра СО РАМН

Томский государственный университет

О БРАЧНЫХ СВЯЗЯХ ЯСАЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ТЫМСКОГО ПРИХОДА (ПО ДАННЫМ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ)*

Для изучения культурно-исторических процессов информативным является привлечение различных архивных материалов. Среди них особую значимость имеют документы церковного делопроизводства, в которых отражены метрические сведения за продолжительный период времени. Такие источники были использованы для характеристики брачных отношений ясачного населения Тымского прихода (территории расселения диалектно-локальной группы чумылькуп). Метрические книги по Тымскому приходу¹, по сведениям клировых ведомостей, велись с 1802 г. Авторами выявлены метрические книги за 1861 г.² Метрические книги содержат сведения о рождении, смерти и бракосочетании населения прихода. В ряде случаев записи неразборчивы или сделаны не полностью. Часть данных утрачена при последующем хранении метрических книг. Поэтому из 417 зафиксированных в книгах браков анализ был возможен (хотя и не по всем показателям) для 414.

Согласно данным метрических книг, абсолютное число браков между ясачным населением (в таблице они обозначены как селькупы), а также их доля от общего числа заключенных браков с 1841 по 1919 г. уменьшаются (см. таблицу). Несмотря на изменение этнического состава,

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 04-01-650007а/Т.

¹ Центром Тымского прихода была Троицкая церковь с. Тымского.

² В фондах Государственного архива Томской области и Муниципального архива Администрации Каргасокского района сохранились метрические книги Тымской Троицкой церкви за 1841 - 1845, 1847, 1851, 1853, 1854, 1867, 1870 - 1920 гг.

количество смешанных браков (между пришлыми и селькупам) стабильно невелико и составляет только 2,65 % от общего числа браков. Первый такой брак был зафиксирован в сохранившихся книгах только в 1894 г. Число браков между пришлым (неясчным) населением (в таблице - «пришлые») нарастает, что было связано с притоком переселенцев из европейских губерний.

Среди ясачных браков регистрировались браки как между жителями Тымского прихода, так и ясачным населением других приходов. В этом исследовании браки, в которые вступал жених, проживающий за пределами Тымского прихода, авторами не учитывались, так как большинство браков регистрировалось по месту жительства жениха. За весь период выявлено 23 брака, в которых ясачной из другого прихода была невеста, что составило всего 5,55 % от общего числа. Показательно, что браки с ясачными невестами других приходов заключали в основном жители юрт, расположенных на побережьях р. Оби и в низовьях р. Тыма. Так, наибольшее число невест из других приходов взяли замуж жители Казацких юрт (10 браков). В других юртах такие браки были единичны (юрты Кулеевы - 4 брака, Ачангины - 3, Пыловские - 2, по 1 браку - жителями юрт Чилиных, Комбысовых, Калгуякских, Варгананжиных). Невесты происходили из юрт, расположенных по рекам Васюгану, Чижапке и Парабели. В единичных случаях женихи вступали в брак с невестами соседних губерний: 3 брака заключено с жительницами Пырчиных, Мурасовых и Кульеганских юрт Тобольской губернии. Приведенные данные свидетельствуют, что в анализируемый период времени ясачное население Тымского прихода сохраняло этническое ядро. Но использованные в работе источники не позволяют оценить степень оттока населения в другие приходы (прежде всего женщин, вступивших в браки с мужчинами других приходов, где они и регистрировались).

Таблица

Структура браков населения Тымского прихода в отношении национального состава³

Годы	Моно этнические						Межэтнические						Прочие ⁴		Всего браков	
	Общее число		СхС		ПхП		СхП ЖхН		СхП НхЖ		Общее число					
	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%		
1841-1867	58	95,08	57	93,45	1	1,63	0	0	0	0	0	0	3	4,92	61	100
1870-е	55	93,22	51	86,45	4	6,77	0	0	0	0	0	0	4	6,78	59	100
1880-е	32	94,11	26	76,47	6	17,64	0	0	0	0	0	0	2	5,89	34	100
1890-е	58	89,23	38	58,46	20	30,77	3	4,61	1	1,55	4	6,16	3	4,61	65	100
1900-е	64	81,12	32	40,51	32	40,51	3	3,78	0	0	3	3,79	12	15,19	79	100
1910-е	86	87,76	22	22,45	64	65,31	1	1,02	1	1,02	2	2,04	10	10,20	98	100
Суммарно	353	89,82	226	57,50	127	32,31	7	1,79	2	0,50	9	2,29	31	7,89	393 ⁵	100

Примечание. N- абсолютное число браков; Ж - жених; Н - невеста; П - пришлые; С - селькупы

³ Государственный архив Томской области. Ф. 70. Оп. 9. Д. 95, 120, 161, 182, 334, 522, 531, 933; Оп. 10 Д. 30, 66; Ф. 257. Оп. 1. Д. 389, 489, 529, 537, 529, 549, 580, 586, 589. Муниципальный архив администрации Каргасокского р-на. Ф. 204. Оп. 1. Д. 3, 4, 6, 7, 8, 10, 11, 14, 17, 19, 21, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 32, 35, 37. Подсчеты.

⁴ К указанной группе браков отнесены браки, метрические записи о которых частично утрачены, а также браки ссыльных и ясачных из других регионов.

⁵ В таблице обобщены сведения за десятилетия, поэтому не учитывались данные за 1920 г., в котором было заключен 21 брак. Большинство браков были заключены между пришлым населением. Только 1 селькупка, жительница ю. Казацких В.М. Каялова вышла замуж за крестьянина с. Кетского Г.Н. Панова.

Значительное количество браков (203 из 414, или 49,03%) было заключено между ясачными Тымского прихода, 199⁶ из них были проанализированы на предмет соответствия схеме кольцевой связи, выделенной Г.И. Пелих (1962). Такой анализ важен для определения степени христианизации селькупов, отразившейся и на их брачных связях.

Г.И. Пелих на основании метрических записей и опроса местного населения выделено две брачных группы, состоящие из 3 брачных классов (А, Б и В), к каждому из которых отнесено от 1 до 4 фамилий. В пределах каждой группы брачные классы связаны между собой кольцевой связью. Из 199 браков Тымского прихода этой схеме соответствует 34 брака (17,08%). Выявлено несколько вариантов отклонений от схемы кольцевой связи, предложенной Г.И. Пелих. Например, по схеме мужчины из брачного класса А должны были жениться на женщинах брачного класса Б. В действительности мужчины из брачного класса Б вступали в брак с женщинами из брачного класса А. Таких отступлений от принципа кольцевой связи выявлено 27, что составило 13,56% от общего числа ясачных браков. Не укладывается в схему кольцевой связи ситуация, когда браки заключались с представителями соответствующих брачных классов, но входящих в другую группу. Таких браков выявлено 17 (8,54%). Значительное число браков (36 или 18,09%) было заключено внутри брачного класса, или же браки заключались между представителями одноименных брачных классов. 25 фамилий, встречающихся в записях о браках, не были отнесены Г.И. Пелих к какому-либо брачному классу, поэтому 77 браков (или 38,69%) не могут быть проанализированы на соответствие их схеме кольцевой связи.

Материалы метрических книг убедительно свидетельствуют о том, что на протяжении второй половины XIX - начала XX в. ясачное население Тымского прихода оставалось этнически однородным. Число браков с представителями других этносов в среднем не превышало 3%.

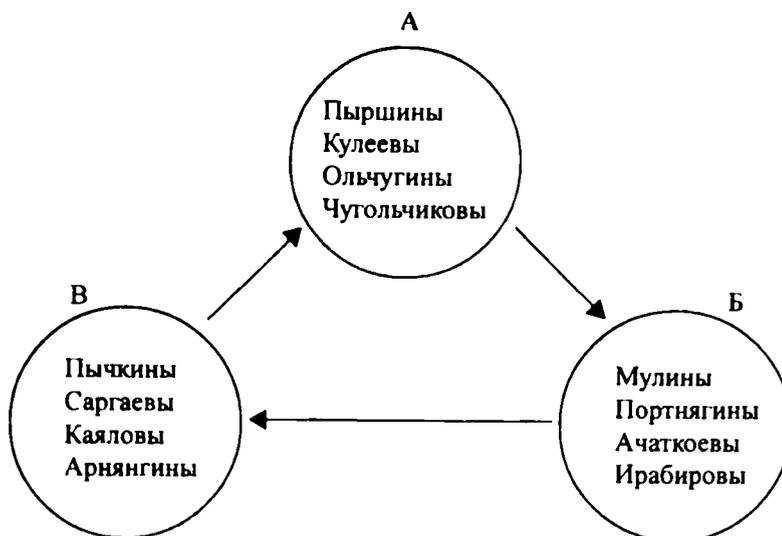
Брачные связи ясачных Тымского прихода не укладываются полностью в схему кольцевой связи, предложенную Г.И. Пелих. Причины этого представляются нам следующими. Во-первых, ряд фамилий, выявленных авторами, не отражен в структуре брачных классов, предложенной Г.И. Пелих. Сопоставимое число браков, заключенных как в «прямом» (34 брака), так и в «противоположном» (27 браков) направлениях схемы кольцевой связи, позволяет предположить, что последовательно запрещались только браки внутри одного брачного класса, тогда как два других могли быть потенциальными «рынками» как женихов, так и невест.

На фоне прироста ясачного населения в Тымском приходе число браков между селькупамн уменьшается, что можно объяснить тем, что некоторые браки регистрировались в других приходах или оставались незарегистрированными, а возможно, и диспропорцией в соотношении мужчин и женщин брачного возраста. Самым неожиданным результатом оказалось абсолютное и процентное увеличение числа браков, заключенных по схеме кольцевой связи к концу XIX в., что не согласуется с мнением Г.И. Пелих, объяснявшей нарушение схемы кольцевой связи постепенным разложением брачных традиций. Так, в Тымском приходе в 1841-1867 гг. заключено 3 брака по системе кольцевой связи (5,26%), в 1870-х - 7 (13,72%), в 1880-х - 3 (11,56%), в 1890-х - 10 (26,31%), в 1900-х - 6 (18,75%), в 1910-х - 6 (27,27%). Возможно, мы имеем дело с частным случаем сохранения кольцевой связи в верховьях и среднем течении р. Тым, что объясняется относительной изолированностью этого района. Возможно, процесс складывания новых брачных рынков происходил гораздо интенсивнее среди ясачного населения Оби и низовьев Тыма. Во всяком случае очевидно, что материалы метрических книг могут быть продуктивно использованы для дальнейшего изучения популяционных и историко-культурных характеристик селькупского этноса.

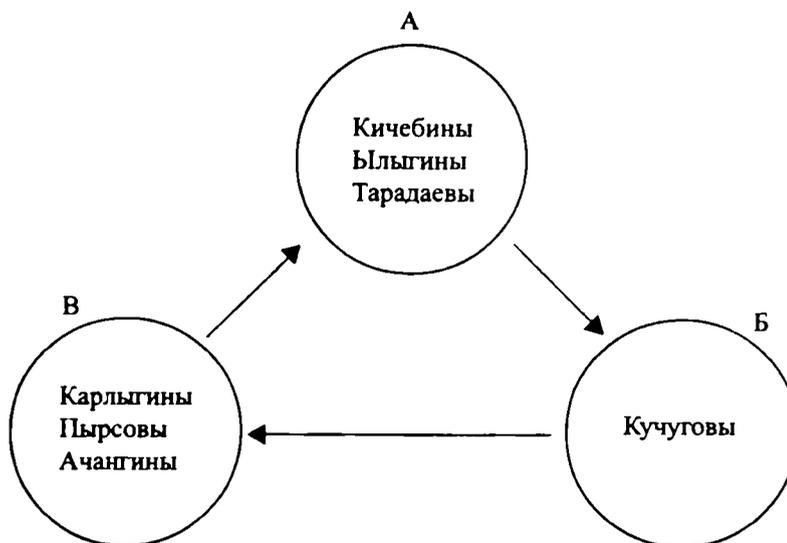
---

⁶ Для 4 браков информация была частично утрачена.

1-я брачная группа

2-я брачная группа

А.М. МАЛОЛЕТКО

Россия, Томск

Томский государственный университет

ИНОЯЗЫЧНЫЕ РЕЛИКТЫ В ЛЕКСИКЕ ФИННО-УГРОВ

Проблема ранней истории угров, как и любого другого народа, должна рассматриваться с двух позиций - происхождение популяции и происхождение языка. Нами предполагается, что угры - это древнейшее, изначальное население Сибири, расселявшееся в прошлом на восток, по крайней мере до Алтая. Это расселение началось 30-(40?) тыс. лет назад (24 тыс. - Костёнки и Сунгирь, 25,5 тыс. лет - Бызовая). Угры достигли Красноярска (Афонтова Гора) 21 тыс. лет назад, Предбайкалья (Мальта, Буреть) - 18-22 тыс. лет назад. В Восточной Европе это были люди палеоевропейской (кроманьоноподобной) расы, в Сибири (Афонтова Гора, Буреть и Мальта) уже была заметна монголоидная примесь. Эта примесь не связана с метисацией, а является

следствием расовой эволюции монголоидных признаков в ходе миграции населения из Европы в более суровые условия Сибири. Появление монголоидных признаков вызвано двумя причинами: адаптационными (приспособление человека к новым природно-климатическим условиям) и генетико-автоматическими (дрейф генов). Западное происхождение сибирских монголоидов подтверждено палеоантропологическими исследованиями (Тернер, 1990). Зубы старшего мальчика из Мальты оказались не только близки зубам современных и доисторических европейцев, но также очень напоминают дентальные особенности древних жителей Сунгирия и Костёнок. Ребенок из Мальты был представителем кроманьонского населения. Это заключение подтверждается и археологическими материалами: сибирские и забайкальские, каменные изделия верхнего палеолита несопоставимы с дальневосточными.

В языковом отношении ареал бореальной популяции был неоднороден. В западной его части люди говорили на диалектах палеоевропейского языка. Возможно, 30% лексики саамского языка, не этимологизируемой из языков финно-угорских и иных, является реликтом древнего языкового состояния населения Западной Европы. Установлено, что в германских языках имеются элементы языка уральского типа. С.П. Толстов (1946) объяснял это поздним переходом протогерманских племён на индоевропейский язык. Второе возможное объяснение: у носителей германских и финно-угорских языков был общий палеоевропейский субстрат.

Следы населения восточного фланга древнейшей финно-угорской популяции имеются на Камчатке. В эпоху бронзы (на всём протяжении II тыс. до н. э.) на Средней Лене, по Алдану формировалась автохтонная культура бродячих таёжных охотников, носителей ымыяхтахской культуры, которые веерообразно мигрировали на север Сибири. Ушедшие на северо-восток сформировали устьбельскую культуру в среднем течении Анадыря, «заглянули» и на Камчатку. С.И. Руденко (1948, с. 158) писал, что «...археологический комплекс, характерный для ительменов, не обнаруживает сходства ни с неолитическими культурами южного островного мира, ни с древними культурами Берингова моря и генетически связан с континентальной Сибирью, предположительно с неолитом Лены и Прибайкалья». Жилища ительменов (XVIII в.) представляли собой землянки в виде усечённой пирамиды с входом сверху. На севере Западной Сибири такие жилища в XVII в. описал Избрант Идес (Идес, Бранд, 1967). Летние ительменские балаганы похожи на «солнечные дома» *санге-кат* хантов. На Камчатке только ительмены использовали запорный лов рыбы, как и таёжные народы Сибири.

Лингвистические сходства с языком угров немногочисленны и не всегда безупречны:

<i>Ительмены</i>	<i>Угры</i>
Мать <i>ангуен</i>	манси <i>ангу</i> , ханты <i>анга</i>
Болото <i>кельк</i>	манси <i>кельыг</i> , ханты <i>кал</i>
Камень <i>ков</i>	финно-угры <i>кеви</i> ~ <i>киви</i>
Берестяной сосуд <i>акынсх</i>	хант. <i>кын</i>

В финно-угорских языках выявлены некоторые переднеазиатские элементы, не столь многочисленные, но надежные, так как входят в базовую лексику. Впервые на переднеазиатские элементы в уральских языках обратил внимание Б.А. Долгопольский (1973). Он сопоставил общекушитское *sAnk ‘затылок, спина, плечо’ с уральским *sänkä ‘плечо, верхняя часть руки’. До невероятности показательно сходство саам. *чадз/чацц* ‘вода’ и чад. *чад/tsade* ‘вода’ и гидроним оз. Чад.

Из других кушитских (и чадских) сходств можно отметить следующие:

<i>Финно-угорские языки</i>	<i>Кушитские языки</i>
Рыба эст., суоми, карел. <i>кала</i>	байсо <i>kullumi</i>
манси, хант. <i>кул</i>	иса, сомали <i>kalluum</i>
саам. <i>куеле</i> , <i>кылле</i>	аффар <i>kullum</i>
Собака суоми <i>koiga</i>	сахо <i>kare</i>

эст. коер
Кровь суоми *veri*
манс. *вюр*
хант. *вэр*
морд. *вярь, верь*
перм. *вир*
саам. *вээр, varaa*

арборе *kere, kair*
дамот *berí*
билин, хамир *bir*
Чадские языки
хинна *var*
карбо *baagi*
сара *vara*

Понятие 'вода' в финно-угорских (морд. *вядь*, эрзя *vedi* <*veti*, мар. *вуд*, удм. *ву*, суоми *wesi*, манс. *wit*) также выходит за рамки предполагаемых индоевропейских заимствований (праформа *wed, гот. *vato*, др.-сакс. *watar*, нем. *Wasser*, швед. *vatten*, ст.-слав. *вода*), так как в кушитских (язык дараса) имеется слово *wode* 'вода'.

О возможном родстве финно-угорских и дравидских языков написано немало. Помимо общих черт в фонетике, морфологии и словообразовании имеются и лексические схождения. О. Шрадер (1913) привёл 72 сходных корнеслова, из которых очень показателен один пример:

драв. *nâl* - манс. *нила*, хант. *нелле*, коми *нёл*, удм. *нъиль*, морд. *ниле*, саамы *ниели*, карелы *nella*, суоми *neljä*, эсты *neli* 'четыре'.

Дальнейшее развитие популяции древних финно-угров шло под знаком вмешательства разноязычных мигрантов. Примерно 4-4,5 тыс. лет назад охотничье-рыболовецкие племена лесной полосы Восточной Европы (культура ямочно-гребенчатой керамики) вошли в контакт с арийскими племенами, носителями среднеднепровской культуры. Контакт финно-угров с арийцами был длительным и тесным, о чём свидетельствуют многочисленные арийские заимствования в финских языках (*шерсть, вымя, сто, жеребец, кнут, верёвка* и др.). Несколько неожиданным было выявление в саамском арийского заимствования *абр/abr* 'туча, облако, дождь' при др.-инд. *abhra*, авест. *awra*, кл. перс., ср.-перс., тадж., дари *abr* 'облако, туча', ягноб. *abre* 'дождь'. Этот иранизм в других финских языках не встречается.

Язык угров содержит арийских заимствований гораздо меньше, нежели финские. Объясняется это тем, что угры заимствовали эти слова от финнов, в основном от пермяков. Отметим несколько древнеиранских форм:

'свободный, вольный': хант. азат - кирг. (из ир.) *азат*, ср.-перс. *azat*, перс. *azad* из др.-инд. *a-zata* 'знатный, благородный';

'золото': хант. *сапа*, манси *soŋi, saŋeŋ*, перм. *зарни*, морд. *сырне* - авест., скиф. *zaranya*.

Древнеиранское слово 'хлеб' (хант., манси *пай/нень*, коми-зыр., удм. *пай/нянь*) в языке прибалтийских финнов отсутствует, но бытует в языке тарских татар *нан* 'хлеб из пшеничной муки' и в диалектах кетского языка (нень, нан, нань). Древнеиранское слово, обозначающее хлеб, восходит к понятию *pi-kaŋ* 'закапывать (зарывать) в золу', которое отражает технологию выпечки хлеба в давние времена.

Индоиранские (и иранские) контакты с уграми этим не ограничиваются. Глубокий след оставили иранцы в религиозных представлениях угров. В первую очередь, это относится к культу Мир-сусне-хума 'мир озирающий человек'. Другим персонажем фольклора обских угров является гигантская птица Карс, прообразом которой была гигантская птица Гаруда индоиранских мифов. Прямые контакты угров с иранцами могли быть лишь в эпоху раннего железа и в гунно-сарматское время, когда в степях Западной Сибири появились сибирские скифы (саки), массагеты, аланы и другие группы ираноязычных племен и когда стали регулярными торговые связи с сасанидским Ираном. В.Н. Чернецов (1987) в 1925 г. зафиксировал мансийский род Бахтиаровых (бассейн р. Лозьва), пришедший, согласно преданиям, с западной стороны Урала. Имя Бахтияр 'счастливый' широко распространено в иранском мире; в Афганистане известно племя бахтиары.

Но еще раньше, в эпоху бронзы, обские угры испытали сильное и прямое влияние скотоводческих племен, которые пришли с Кавказа после некоторого стационарирования на Южном Урале. Это были носители андроновской (федоровской) культуры. В составе хантыйской лексики было обнаружено немало слов, которые выпадают из финно-угорской лексики, но выводятся из горско-дагестанских:

хант. *инк* 'вода' - венг. *víz*, манси *вит*, коми *ва*, удм. *ву*, марю *вуд*, морд. *вядь*, карел. *vezí*, фин., эст. *wesi*, саам. *чадз*, но ахв. *инхе*, гунз. *энху*;

хант., манс. *амп* 'собака' - венг. *kutya*, удм. *пуны*, морд. *киска*, фин. *koira*, эст. *коер*, *репи*, саам. *пъенне*, но лезг. *ампа*;

хант. *юх* 'дерево' - венг. *fa*, манс. *йив*, коми *пу*, удм. *писту*, мар. *пуинге*, морд. *чувто*, карел. *ри*, *рив*, фин. *риц*, эст. *ри*, саам. *мырр*, но рут. *йух* 'берёза', гунз. *рыху* 'тополь' анд. *беху* 'берёза', авар. *рох* 'роща' (начальный согласный является классным показателем).

В бассейне Васюгана известно более 75 речек, в названиях которых присутствует географический термин игай (Нан-игаи, Халка-игаи, Кому-игаи и др.). В горско-дагестанских языках известны аналоги: цез. *игъу*, хварш. *еху*, гунз. *эху*, гинух. *иху*, *ехе* 'река'. По записям 1735 г. в аринском языке отмечен географический термин *икаи* 'река'. Мы этот термин сопоставляем с хант. *игаи*. Это позволяет восстановить этническую принадлежность федоровцев: они были носителями дагестанских языков и предками кетов-арин.

Федоровские элементы сохранились в фольклоре, культуре угров. Любопытна параллель: ахв. *эква*, тинд., чамал., багул., анд. *гьеква*, цез. *жеку*, гинух. *рекве* при общедагестанской основе *гекв 'человек' с угорским фольклорным персонажем Эква-Пыриш. Орнамент угров уходит корнями в андроновскую культуру. По данным антропологов, среди манси, особенно ивдельских, отмечаются черты, сближающие их со степняками.

В качестве заключения отметим:

1) популяция финно-угров формировалась за счёт слабо дифференцированных в расовом отношении палеоевропейцев («кроманьонцев»), ушедших из Околосредиземноморья в северные районы Европы вслед за отступающим ледником;

2) финно-угры являются древнейшим аборигенным населением Приуралья и Сибири;

3) эволюция их расового типа выразилась в усилении монголоидных признаков по мере продвижения на восток;

4) язык финно-угров сформировался на базе диалектов (языков) восточной части околосредиземноморской общности до появления индоевропейской мегасемьи.

5) в финно-угорских языках явственны иноязычные реликты, свидетельствующие о сложном формировании финно-угров и тесных контактах с пришлыми племенами.

З.А. МАХМУТОВ

Россия, Казань

Казанский государственный университет

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТАТАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Источником для настоящего доклада является медико-статистический санитарный очерк города Петропавловска Акмолинской области, составленный городским врачом Ц.А. Белиловским в 1886 г. (1887). Это уникальный для того периода источник по жизнеописанию татарского населения Северного Казахстана и малодоступный сегодня

библиотечный раритет. Поэтому ниже предлагается тезисная выборка основных характеристик быта и поведения татар Приишимья, подмеченных Ц.А. Белиловским.

Татары издавна населяли территорию Приишимья. Активное заселение из Центральной Азии приходится на конец XVIII - начало XIX в. Наиболее крупными этнотерриториальными группами являются Сибирские, Казанские, Касимовские татары.

По мнению Ц.А. Белиловского, татары утратили многие черты, присущие монголоидной расе, и схожи с кавказцами. Он отмечает бросающуюся в глаза красоту касимовских татарок. Татарам Северного Казахстана присущи вежливость, гостеприимство, совестливость, опрятность.

Улицы, дома и дворы татар отличаются чистотой. Своеобразна постройка дома и декор крыльца. Обычный интерьер дома составляют персидские и ташкентские ковры, приземистый стол, кровать, сундук, стеклянная этажерка с золотыми вещами, посудой, ювелирными изделиями. Стены украшены видами Иерусалима и Константинополя и молитвами из Корана. Живут татары довольно состоятельно. Лучшие дома города принадлежат татарским купцам.

Татары поражают всех своеобразием и богатством нарядов. Мужчины носят короткие панталоны, рубахи с широким рукавом, бешметом, аракино, вышитый золотыми и серебряными нитями, ичиги. Татарки надевают бархатные или шелковые колпаки, украшенные золотыми монетами, серебряным бисером, жемчугом, широкие шелковые платья, камзол с золотыми и серебряными застежками. Зимой носят беличьи и лисьи шубы. На всех пальцах, как правило, несколько золотых колец.

Кухня татар богата сладостями: чикчаг, хворост, мармелад, миндаль, монпансье, конфеты, варенье. Запивают кумысом. Употребляют его много - до одного ведра в день. Едят, как правило, пельмени, плов, манты, казы, вареную и жареную баранину и птицу. Употребляют домашнее пиво-бал (мед с хмелем), корчму из изюма (женский напиток). Немало татар, тайно употребляющих фиум (опиум).

Татары (мужчины) много времени проводят на улице, отличаясь подвижным образом жизни. Татарки же, за исключением касимовских, ведут замкнутый образ жизни. В этом Ц.А. Белиловский видит причину частых случаев заболеваний дыхательных путей у них.

Почти каждый татарин грамотен, пишет по-арабски, по-татарски, по-русски. Касимовцы свободно владеют русским, держат в доме исключительно русских горничных и нянек. Татары любят музыку (игру на гармонии), представления фокусников. Любят баню.

Среди татар большое количество купцов. Менее зажиточные промышляли черновой работой, например, занимались мойкой шерсти.

Татары рано вступали в брак: женщины в 16-18 лет, мужчины в 20-25. Семьи в массе своей патриархальны, благопристойны. Многоженство не распространено. Татары ценят родство между собой. По мнению Ц.А. Белиловского, касимовцы вообще выглядят одной большой семьей.

Таким образом, врач Ц.А. Белиловский в своем ежегодном отчете позитивно оценивает татарское население Северного Казахстана.

С.Г. ПЯТКОВА

Россия, Сургут

Сургутский государственный педагогический институт

ГЕОГРАФИЯ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛЬСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ В ИШИМСКОМ ОКРУГЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Проблемой польской политической ссылки в Сибирь занимались многие исследователи, в том числе С.Ф. Коваль, М.Ю. Тимофеева, В.В. Латыпова. Однако многие вопросы, касающиеся

пребывания поляков в регионе, остались вне поля их зрения. В этой статье предполагается представить картину расселения польских политических ссыльных в Ишимском округе во второй половине XIX в. 60-е гг. XIX в. стали для России и Царства Польского рубежом двух эпох. Революционное брожение в Царстве Польском, способствуя углублению общероссийской революционной ситуации, явилось в эти годы ее органической частью. Весной 1864 г. польское освободительное движение было подавлено и начались массовые репрессии. Масштабы польской политической ссылки 1860-х гг. были велики. Согласно официальным данным Министерства внутренних дел «общее число всех высланных и выбывших из Царства Польского и Западного края вследствие польского мятежа 1863/4 г.» «простиралось до 36 459 человек» и, кроме Сибири, затрагивало 39 губерний Европейской России (ГАРФ. Ф. 102, 3-е делопроизводство, 1892 г., д. 897, л. 3).

Основная масса поляков была направлена в Сибирь (ГАОО. Ф. 3, оп. 4, д. 6221, л. 174). В марте 1865 г. по спискам Тобольской распределительной комиссии всех переселенцев из Царства Польского и Западных губерний в Тобольской губернии значилось 1696 человек (ГАОО. Ф. 3, оп. 4, д. 6627, т. 2, л. 217), а в 1867 г. - 4861 (ГАОО. Ф. 3, оп. 4, д. 7544, л. 7-11). Высочайше утвержденным 20 мая 1866 г. положением Комитета министров «для жительства политических ссыльных», в том числе и польских, назначены были следующие города: «Тобольск, Ишим, Курган, Омск, Петропавловск, Тара» (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152, оп. 3, д. 20, л. 17).

К моменту прибытия мятежников 1863 г. в Ишимский округ здесь уже находились 60 человек поляков: 36 - мужчин и 24 - женщины (ГАОО. Ф. 3, оп. 3, д. 4144, т. 2, л. 359). Это были последние из политических ссыльных - участников восстания 1830-х гг. В документах нередко польских ссыльных называют переселенцами. Во второй половине XIX в. под этим обозначением подразумевались: во-первых, лица сельского состояния и мещане, которые, получив разрешение, селились в Европейской и Азиатской России на отведенных им казенных и кабинетских землях, и, во-вторых, те, кто, не получив надлежащего разрешения, приходили на новые места с целью поселиться или определить место для будущего поселения своих односельчан; эти переселенцы обычно назывались «ходаками» (Медведев, 1891, с. 3). Польским ссыльным больше соответствует первое определение. Следует оговориться, что это переселение было насильственным.

В 1865 г. в Ишимский округ было сослано 389 поляков (ГАОО. Ф. 3, оп. 4, д. 6627, т. 2, л. 217). Все они были разделены на три категории: переселенцы, которые оказались способными к сельским занятиям и которым по их желанию были выданы от казны пособия на домообзаводство по 55 руб. для каждого, обязанного завести отдельное хозяйство, таких по округу на 1 марта 1865 г. было 60 чел.; переселенцы, которые по увечью, болезни, дряхлости или малолетству были признаны Комиссией неспособными к сельским и другим работам и отданы на призрение к старожилам с выдачей пособия от казны по 10 руб. в год для каждого взрослого и по 5 руб. в год для малолетнего, таких по округу - 169 чел.; переселенцы, которые хотя и признаны неспособными к сельским работам, но не изъявили желания получить пособие от казны для заведения отдельного хозяйства - 160 чел.

К 1867 г. в Ишимском округе значилось 906 поляков, а в 1871 г. - 923 (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152, оп. 6, д. 599, л. 39-74). Очевидно, поляков в Сибирь направляли постепенно и определенными партиями (примерно по 200-300 чел., а иногда и по 700-800 чел.). После 1868 г. водворение польских ссыльных в Тобольскую губернию заметно сократилось. В 1871 г. польские ссыльные в Ишимском округе были распределены в 17 волостях (см. табл.). Однако больше всего их находилось в Устьламенской (390 чел.), Малышенской (182 чел.) и Уктузской (130 чел.) волостях. Российское правительство стремилось во избежание сговора со стороны ссыльных расселить их как можно дальше от главного сибирского тракта (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152, оп. 3, д. 20, л. 1). Вследствие распределительной политики правительства в Сибири складывались компактные колонии польских политических ссыльных, что облегчало надзор за ними. Изучение списков

поляков, распределенных в Ишимском округе, позволяет сделать вывод, что больше всего было высланных из главных центров восстания 1861 г.: Варшавской (113 чел.), Гродненской (158 чел.) и Ковенской (185 чел.) губерний. Преобладали высланные из Западных губерний - 569 чел.

С конца 1860-х гг. основная масса репрессированных и направленных в Западную Сибирь повстанцев водворялась в сельскую местность, так как, по мнению власти, они могли заниматься крестьянскими работами. Так, в Ишимском округе к 1871 г. из 923 поляков пособие для домашнего обзаведения получили уже 701 чел. Основным их занятием было земледелие. Местная власть это всячески поощряла. Российское правительство наделяло переселенцев поляков, изъявивших желание обзавестись хозяйством, земельными угодьями наравне со старожилами. В Отчетах по управлению Западной Сибири в разделе «Межевые действия» начальник межевания полковник Будберг сообщал о распределении земель в Тобольской и Томской губерниях: 1) для крестьян старожилов и переселенцев - 2843953 десятины; 2) для неимущих дворян - 41 272 десятины; 3) для поселения ссыльных из преступников - 127 десятин (ГАОО. Ф. 3, оп. 4, д. 6627, т. 2, л. 219). Поэтому по социальному составу в Ишимском округе в конце XIX в. среди поляков преобладали крестьяне (851 чел.), но также были и мещане (51 чел.), и дворяне (20 чел.).

К концу XIX в. число поляков в Ишимском округе сильно изменилось (ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417, оп. 1, д. 584, л. 36 об, 37): по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. в Ишимском округе значилось 1270 поляков (Первая всеобщая перепись населения 1897 г., 1905, л. 62-64). Поляков постоянно перераспределяли, и в течение 70-80-х гг. XIX в. здесь еще наблюдался приток польских ссыльных. Хотя по государеву «Всемиловейшему повелению» в 1866 и 1880 гг. часть поляков уехала на родину, численность оставшихся поляков продолжала увеличиваться за счет рождения детей. Так, из 1270 человек в 1897 г. основную массу поляков (645 чел.) составляли следующие возрастные группы: 40-49 лет - 165 чел., 50-59 лет - 218, 60 лет и выше - 262 чел.

Среди основных особенностей распределения поляков в Ишимском округе во второй половине XIX в. назовем следующие: первые партии польских мятежников 1863 г. концентрировались в основном в г. Ишиме; в конце 1860-х - начале 1870-х гг. происходит неравномерное распределение поляков в 17 волостях округа; ссыльных, выходцев из одной губернии, российское правительство распределяло в разные волости округа. Среди переселенцев польского происхождения в Ишимском округе преобладали крестьяне; Социокультурная адаптация поляков происходила более быстрыми темпами за счет прочного оседания переселенцев на земле и ведения собственного хозяйства.

Польские переселенцы, водворенные в Ишимском округе в 1865-1871 гг.*

Из какой губернии	В какую волость															Всего	
	Жинкиновскую	Аваскую	Боровскую	Тоболовскую	Лариненскую	Арамашевскую	Уктускую	Казанскую	Красноярскую	Мальшненскую	Медведевскую	Чустишанскую	Устьямненскую	Армизонскую	Соколовскую		Бердюжскую
Из Царства Польского:																	
Августовская	1		1	2			7		3				13				30
Варшавская	6	1		24		1	5		1	11		1	60		3		113
Люблинская	3		2	23	1	6	6			11			40		1		93
Плоцкая	6			7			3		2	12			34		1	1	66
Радомская	1	2		9			6			4			30				52
Всего из Царства Польского	17	3	3	65	1	7	27	0	6	41	0	1	177	0	5	0	354
Из западных губерний:																	
Витебская							1			5			6				12
Минская				2			2			5			9				18
Могилевская				2			1	1		2			8				14
Виленская	3			6			9	1	5	17			24			3	65
Гродненская	4		2	10			51		5	34		5	45	1	4	4	158
Ковенская	10		1	20			30		3	55	1		65		10	10	185
К-Подольская	9									1			8		9	9	18
Житомирская				1									2				3
Киевская				5			3			6			8				22
Волынская	1			12			6			15			38		1	1	73
Херсонская										1							1
Всего из западных губ.	27	0	3	58	0	0	103	2	13	141	1	5	213	1	1	27	569
Итого	44	3	6	123	1	7	130	2	19	182	1	6	390	1	6	44	923

* ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152, оп. 6, д. 599, л. 39-74.

С.Б. СЛОБОДИН

Россия, Магадан

Северо-Восточный комплексный НИИ ДВО РАН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ АЗИИ

Этническая история народов северо-востока Азии заинтересовала исследователей с XVIII в., едва состоялось знакомство с ними. Но до сих пор в этом вопросе остается больше вопросов, чем ответов. Считается, что с северо-востока Азии шла первая волна переселенцев в Северную Америку, получивших там название палеоиндейцев (Зубов, 2002). Выдвинутая гипотеза о том, что это были дюктайцы (Мочанов, 1977), не подтвердилась. Н.Н. Диков (1979) предполагал, что палеоиндейское население Америки представлено культурой VII слоя стоянки Ушки на Камчатке. В настоящее время эта идея обсуждается, получены более молодые датировки VII слоя (Goebel et al., 2003). На сегодняшний день о миграции палеоиндейского этноса из Азии в Америку свидетельствуют косвенные данные.

Миграция археологической культуры (традиции) может означать и миграцию этноса. Но идентификация этнической принадлежности носителей той или иной археологической культуры периода палеолита - раннего неолита остается сложной и пока неоднозначно решаемой проблемой. Обсуждается «археологическое прошлое» эскимосов, коряков, кереков, чукчей, ительменов, юкагиров и эвенов.

Происхождение эскимосов и алеутов связывают с сумнагинской культурой (Федосеева, 1999). Н.Н. Диков пересмотрел свое первоначальное предположение о происхождении протоэскимосов-алеутов от палеолитической ушковской культуры (VI слой) и стал связывать их возникновение с материалами стоянки Путурак на Чукотке, сходной с сумнагином (1979; 1993). Материалы VI слоя Ушков он отнес к предками атапасков (На Дене).

Внести определенность в решение этой проблемы могла бы уникальная находка зубов в детских захоронениях в палеолитических жилищах VI слоя Ушков. По личному сообщению Н.Н. Дикова (1992), он собирался передать коллекцию зубов на исследование А.А. Зубову, и К. Тернеру и написал об «уже начавшемся специальном (с позиции палеоодонтологии) исследовании человеческих зубов» (Диков, 1993). Однако А.А. Зубов в личной беседе с автором сообщил, что Н.Н. Диков лишь показывал некоторые образцы этих зубов, но для анализа их не оставлял.

В первой половине XX в. прошла дискуссия с участием В.И. Иохельсона, В.Г. Богораза, И.М. Золотарева, С.И. Руденко о происхождении эскимосов с позиции эскимосского клина. Эта проблема, как известно, осталась нерешенной. Открытая Н.Н. Диковым (1979) палеоэскимосская культура конца I тыс. до н. э. представлена пока одной стоянкой Чертов овраг с гарпуном вполне развитого типа и кардинально проблемы не решает, тем более что аналогии ей находят на Аляске (Askerman, 1988). О более тесных связях эскимосов, алеутов и американских индейцев свидетельствуют и генетики (Сукерник и др., 1988). Обсуждение происхождения эскимосской культуры продолжается, предлагается как их азиатское, так и северо-американское происхождение.

Значительный прогресс наблюдается сейчас в исследовании корякского этноса. На материалах токаревской культуры прослежено происхождение коряков на северном побережье Охотского моря, начиная с конца I тыс. до н. э. (Лебединцев, 1990). В то время это была уже полностью сложившаяся зверобойная культура. Ранее высказанные гипотезы о том, что предки коряков связаны с ымыяхтахцами, продолжают использоваться (Федосеева, 1999), хотя в свете новых материалов с Охотского побережья они уже неактуальны (Лебединцев, 1990). Происхождение токаревской культуры следует связывать не только с местными континентальными культурами,

но и с сильным влиянием с юга Охотского моря. Поиск составляющих, способных послужить элементами формирования токаревской культуры, позволит выявить более глубокие истоки происхождения корякского народа. Токаревская культура имеет много общих элементов с древнекорякской культурой (Васильевский, 1971), которая контактировала с уже исторически зафиксированными коряками. Кереки, как считал В.В. Леонтьев, были этносом, близкородственным с чукчами и коряками.

Меньше всего ясности в вопросе происхождения чукотского этноса. Одни связывают его с ымыяхтахской культурой (Федосеева, 1999). Другие используют идею М.Г. Левина (1958) о том, что формирование чукотского этноса (как части палеоазиатов) происходило в северной части Охотского побережья, а континентальные районы Чукотского полуострова были издавна заселены юкагирами и не входили в пределы этнической территории чукчей (Кирьяк, 1993). Археологические исследования показали, что на севере Охотского побережья уже в I тыс. до н. э. сформировалась приморская культура предков коряков, а не чукчей (Лебединцев, 1990). На Чукотке установлено, что во II-I тыс. до н. э. носители усть-бельской и северчукотской культур были предками «чукчей, а может быть эскимосов, но не юкагиров» (Диков, 1989).

Этнографы считают, что история материального производства, материальной и духовной культуры чукчей с учетом лингвистики и антропологии дает основания полагать, что чукчи являются древнейшим населением Чукотки, со ссылкой на археологические данные определяют, что их предки обосновались здесь, вероятно, на рубеже III-IV тыс. до н. э. (История и культура чукчей, 1987). Исторические предания сообщают, что к приходу юкагиров на Колыму там жили чукчи (Там же). Лингвистические исследования показали, что юкагиры не являются аборигенами Крайнего Северо-Востока Азии (Крейнович, 1958).

Предполагается, что ымыяхтахцы, являвшиеся предками юкагиров, уже в первой половине II тыс. до н. э. достигают колымского рубежа, потеснив аборигенную палеоазиатскую (чукотско-корякско-ительменскую) общность к окраинам Азиатского материка и на Камчатку (Кирьяк, 1993). Таким образом, предками чукчей-коряков-ительменов должны быть белькачинцы, предшествовавшие ымыяхтахцам в Якутии. Но существование белькачинской культуры, как определено исследованиями в Якутии (Федосеева, 1999) и на Западной Чукотке (Кирьяк, 1993), ограничено временем IV-II тыс. до н. э. На наш взгляд, на Чукотке должен существовать прямой «выход» на археологическое прошлое чукчей, который имеется в материалах северо-чукотской культуры (Диков, 1979). Сходство этой культуры с недавно полученными на Верхней Колыме материалами указывает на то, что территория формирования чукотского этноса охватывала районы Чукотки и простиралась до Верхней Колымы (Слободин, 2001).

Происхождение юкагирского этноса связывают с ымыяхтахской (4,1-3 тыс. л. н.) (Кирьяк, 1993) или усть-мильской (3,3-2,4 тыс. л. н.) (Федосеева, 1999) культурами. Популяционные генетики, устанавливая филогенетические связи различных народов, предположили, что наиболее вероятными предками юкагиров и сформировавшихся на их основе нганасан являются носители сылахской культуры (6,5-5,2 тыс. л. н.) (Сукерник и др., 1988). Однако возможно, что за этой распространенной на большой территории Якутии, Чукотки и Колымы и в целом однородной материальному комплексу культурой (или, скорее, традицией), стоит не один, а несколько этносов. Существующие различия следует уточнять, а в дальнейшем, с учетом других факторов, использовать как элементы этнической идентификации археологических культур и комплексов.

Древнее прошлое эвенов и эвенков на северо-востоке Азии видят в усть-мильской культуре (Федосеева, 1999). Время их появления на Охотском побережье пока неизвестно. Предполагается, что произошло это еще в неолите (Кирьяк, 2000) или, по другим данным, позже (Лебединцев, 2002).

Происхождение ительменов на Камчатке ведут от тарьинской неолитической культуры (Дикова, 1983; Пономаренко, 2000) и даже ранее (Диков, 1979). Вероятно, тарьинская культура

с лабретками имеет отношение к этногенезу эскимосов и алеутов, их использовавших, и лишь отчасти - ительменов, в культуре которых лабреток нет.

Недостаток и слабая изученность антропологического материала осложняет решение проблемы этнокультурных взаимодействий на северо-востоке Азии.

С.В. СУСЛОВА

Россия, Казань

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

ТРАДИЦИОННЫЕ АРЕАЛООБРАЗУЮЩИЕ КОСТЮМНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ПРИУРАЛЬСКИХ ТАТАР И ВОПРОСЫ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ

Этнокультурное районирование татар Поволжья и Урала по данным народного костюма позволило выделить в Уральском регионе ряд своеобразных ареалообразующих костюмных комплексов (далее КК), в генезисе которых заметна роль различных по происхождению и времени проникновения финно-угорских компонентов.

Диахронный анализ этноспецифических элементов уральских КК показал, что в их структуре финно-угорские, в том числе и сибирско-угорские включения являются одними из наиболее древних. У различных групп татар эти черты проявлялись в различной степени, что связано с особенностями их этнической истории и этногенеза.

Пермский КК включает уезды бывшей Пермской губернии (граница проходит по Красноуфимскому уезду) и северные уезды Уфимской губернии (Бирский и часть Златоустовского). Финно-угорские, в том числе и обско-угорские компоненты, ярко прослеживаются в архаических типах верхней одежды, головных уборов, обуви, в способах их декоративного оформления. К примеру, под названием *букавтан* у пермских татар бытовала прямоспинная туникообразная с боковыми клиньями верхняя одежда, характерная для угорских народов Западной Сибири (*вюкавтан*), идентичные способы ношения больших головных покрывал, сибирско-угорские типы обуви и т. д. У пермских татар бытовало оригинальное нагрудное украшение, напоминающее собой финскую фибулу, непременный атрибут древнего и средневекового костюма финно-угорских этносов Поволжья и Урала. В формировании этой группы волго-уральских татар наряду с преобладающим поволжско-татарским (особенно крещено-татарским) и башкирским компонентами определенная роль отводится сибирско-татарскому и угорскому. При интерпретации материалов существенное значение имеет присутствие в бассейне р. Сылва «остяцкой» (сылвенской) культуры.

Зауральский КК территориально был распространен в восточной части Красноуфимского уезда и Шадринском уезде Пермской губернии, в Златоустовском, Уфимском уездах Уфимской губернии, Челябинском, Троицком, Верхнеуральском уездах Оренбургской губернии. Зауральский КК приуральских татар, относительно поздних переселенцев из Поволжья, аналогичен зауральскому КК башкир. Он слабо вписывается в структуру народной одежды волго-уральских татар. Опосредованные в значительной степени через башкир финно-угорские, в том числе обско-угорские (южно-хантыйские) влияния, проявляются в прямоспинном покрое и декоре (ленточная аппликация) верхней одежды, в практике комбинирования (из холста, сукна и кожи) обуви (*сарык*) и оформлении ее полихромной тканевой аппликацией арочного типа, в применении в декоре этого комплекса бисера, кораллов, особых «зауральских» «коралловых» типов женских украшений и т. д. В целом формирование зауральского КК связано с генезисом КК автохтонных зауральских башкир, одной из важнейших генетических линий которого

являются сибирские, собственно самодийско-угорские напластования (см. работы С.Н. Шитовой). В отечественной науке прочно утвердился взгляд, согласно которому башкиры - суть тюркизированные угры.

Нагайбакский КК был распространен у крещеных татар-нагайбаков в Верхнеуральском и Троицком уездах Оренбургской губернии. Наиболее тесная (генетическая) связь структурных элементов этого комплекса прослеживается с элементами КК заказанско-западнозакамских кряшен (основной этнической территории их расселения). Такая близость наблюдается в идентичности сложных и многочастных комплексов женских и девичьих головных уборов. Так, комплекс женского головного убора нагайбачки включал в себя те же составные элементы: *мэлэнчек* - специальный чепец, скрывающий волосы, височное монетное украшение *жилкзлек*, покрывало *сурэкэ* (или *чукал*), налобная и височная часть которого украшалась аналогичной золотной вышивкой или позументом. То же можно сказать о комплексе девичьего головного убора нагайбачки *ак калфак*, включающего кроме шапочки - калфака - налобное украшение *ука чачак* и накосное монетное украшение *чэч бау*, о покроях и конструктивных деталях нижней и верхней мужской и женской одежды, обуви, о чрезвычайной близости приемов их декоративно-художественного оформления. Речь идет не об отдельных параллелях и аналогах, а о единстве наиболее важных этноопределяющих параметров костюма. Формирование нагайбакского КК шло в Поволжье, в среде крещеных татар, которые в большей степени, по сравнению с мусульманами, испытали влияние культуры финно-угорских этносов Поволжья. Так, свадебное головное покрывало заказанских кряшен и нагайбаков *тугэрэк яулык* ничем не отличается от удмуртского покрывала *сюлык*. Общность с поволжскими финно-уграми прослеживается в головных уборах, в монетных комплексах женских украшений, в типах обуви и др. К примеру, волосники заказанских кряшен и нагайбаков (*меленчэк*) с выступающим вперед твердым налобником, как и казанско-татарские сельские калфачки, очевидно, формировались под влиянием финно-угорских «рогообразных» уборов.

В целом рассмотренные сюжеты свидетельствует не только о значительных (порою и опосредованных) этнокультурных контактах приуральских татар и финно-угорских этносов в пределах Волго-Уральской историко-этнографической области, но, вероятно, и о некоторых общих этнических компонентах, обусловленных фактом неоднократного переселения западно-сибирского угорского населения на запад, начиная с эпохи переселения народов вплоть до XIV в. При интерпретации этих влияний определенную сложность представляет собой идентификация местных реалий, обусловленных этнокультурными контактами с финно-пермским населением края, реалий, основанных на взаимодействии тюрков и финно-угров в Урало-Поволжье и обско-угорских (особенно южно-хантыйских), сформировавшихся в более ранний период в результате взаимодействия населения предуральской и западносибирской зон.

А.Г. ТУЧКОВ

Россия, Томск

Томский государственный педагогический университет

ПЕРВАЯ ШКОЛА-ИНТЕРНАТ ДЛЯ ОСТЯЦКИХ ДЕТЕЙ В ЮРТАХ ШИРОКОВЫХ НА КЕТИ

Формирование в 1920-1930-е гг. сети школ-интернатов для детей народов Севера входило в общую систему задач построения социалистического общества, воспитания «нового» человека. Просветительская политика советского государства среди этнических меньшинств Сибири отвечала идеологическим задачам по перевоспитанию коренного населения на основах

социалистического общежития. Школы-интернаты для детей народов Севера, таким образом, являлись в общей системе идеологической пропаганды одним из основных инструментов приобщения коренного населения к новой системе ценностей.

Вместе с тем школы-интернаты на определенном историческом отрезке времени рассматривались государственными чиновниками как наиболее приемлемые в условиях проживания коренных этносов Сибири национальные учебные заведения. Они создавались повсеместно в местах компактного проживания сибирских народов и являлись зачастую единственными образовательными центрами в малодоступных районах Сибири. Актуальной в настоящее время является проблема о степени влияния новой формы обучения и воспитания детей аборигенов (в школах-интернатах) на изменения в национальной культуре, которые стали заметны с 1930-х гг. и привели со временем к почти полной утрате ее традиционных черт.

Школы-интернаты рассматривались административными учреждениями и обществом как учебные заведения, наиболее соответствующие условиям жизни аборигенного населения Сибири. Они создавались в местах компактного проживания коренного населения и являлись практически единственной возможностью получения его представителями начального и среднего образования. Вопрос о том, как повлияла такая форма воспитания и образования на состояние национальной культуры, обрел сейчас особую остроту. Проблема эта в последнее время все чаще звучит на страницах научных работ, затрагивающих в той или иной степени вопросы национального образования народов Сибири (Алпатов, 1997, с. 109; Хелимский, 2000, с. 33; Гриценко, 2001, с. 107-108).

История становления и развития национального образования в 1920-1930-х гг. у народов Сибири мало освещена в научной литературе. Почти отсутствуют материалы о становлении школ-интернатов для детей южных селькупов. Между тем их введение в научный оборот позволяет оценить степень и характер влияния этих образовательных учреждений на процессы изменения основ традиционных занятий и культуры этой группы селькупского населения.

Начало работы по организации национального образования среди селькупов и хантов Томской области относится к 1922 г., когда решением Губернского отдела по делам национальностей (ГУБНАЦ) стала осуществляться политика по созданию сети национальных школ и школ-интернатов для детей остяков (см. прил. 1). Особое внимание при этом было обращено на создание на территории Нарымского края специализированных школ-интернатов, которые бы смогли охватить наибольшее количество детей школьного возраста (Протоколы заседания..., 1925-1926. л. 14-15). Первым из подобного рода учебных заведений стала организованная в 1924 г. школа-интернат для остяцких детей в д. Курья на р. Кети, переведенная в 1927 г. в юрты Широковы и далее известная как Широковский интернат им. Я.М. Свердлова. Выбор места под организацию интерната был не случаен: в д. Курья еще до революции находилась школа, в которой обучалось 22 ученика (Дмитриенко, 1997, с. 386). Организатором и первым директором интерната стал П.А. Афанасьев. (О биографии П.А. Афанасьева и о его деятельности в качестве директора Широковского интерната см.: Дмитриенко, 1997).

Широковская школа-интернат создавалась как специализированное учебное заведение только для детей остяков. Первоначально в ней обучалось 35 человек. Следует отметить, что первые три года она находилась на территории проживания русского населения - д. Курья, что создавало определенные трудности межэтнического общения. Русское население неодобрительно относилось к деятельности этой школы, считая, что учиться должны не только дети селькупов, но и дети из русских семей. Нередки были случаи, когда остяцкие дети подвергались избиениям со стороны русского населения (Дмитриенко, 1997, с. 388). Эти обстоятельства, а также отдаленность интерната от районов компактного проживания селькупов р. Кети, послужили причинами перевода школы-интерната из д. Курья в юрты Широковы (Переписка с окружными..., 1925-1926, л. 46; Дмитриенко, 1997, с. 388). До окончательного решения вопроса о переводе интерната в юрты Широковы, для предотвращения конфликтов между русским и

селькупским населением, Колпашевским РИК директору интерната П.А. Афанасьеву рекомендовалось принять на полное государственное содержание в школу-интернат русских детей в количестве десяти человек из среды «самых беднейших граждан». Под строительство школы-интерната в юртах Широковых планировали перевезти из с. Максимкин Яр бывший дом священника (Переписка с окружными..., 1925-1926, л. 46).

Финансирование Широковской школы-интерната осуществлялось из госбюджета. Дети находились на полном обеспечении государства. Им выдавалась одежда, учебные принадлежности, учебная форма. Учителя получали ежемесячную зарплату. Так, например, на 1927 г. общая сумма финансирования интерната составила 9000 руб. 64 коп. (Докладные записки..., 1927-1928, л. 73). Между тем в первое время своего существования Широковская школа-интернат недополучала бюджетных денег и вынуждена была просить кредиты на содержание интерната и на зарплату учителям (Докладные записки..., 1927-1928, л. 224; Переписка с Сибкрайоно..., 1925-1926, л. 17).

Как первый опыт создания школ-интернатов для детей остяков, Широковская школа-интернат испытывала значительные трудности (см. прил. 2). Одна из главных - отсутствие разработанной для местной специфики программы обучения детей. Преподавание велось в основном на русском языке, что затрудняло усвоение детьми учебного материала: учителей, знающих селькупский язык, не было. Однако есть сведения, что сам директор интерната П.А. Афанасьев знал язык селькупов Кети и пытался ввести преподавание на их языке. Он же (совместно с учителем интерната П.В. Надеждинским) составил рукописный букварь кетского наречия селькупского языка и хрестоматию, по которым и велось преподавание в интернате (Дмитриенко, 1997, с. 387).

Инспекторская проверка школы-интерната, проведенная в январе 1928 г., отметила «слабое внедрение» в учебный процесс практических занятий по освоению воспитанниками навыков охоты и рыбной ловли, обработки добытых зверей и рыбы. По мнению организаторов интернатного обучения, на начальном этапе функционирования школ-интернатов «промысловый уклон» должен был являться одним из основных направлений обучения и воспитания детей (Докладные записки..., 1927-1928, л. 74).

Особой проблемой интерната была санитарно-эпидемиологическая обстановка в крае. Часты были случаи заболевания детей. В марте 1926 г., например, медицинское обследование выявило 4 случая конъюнктивита, 8 - ангины; также были выявлены заболевания скарлатиной, скрытой малярией, полипами, аппендицитом. Обнаружение скарлатины привело к объявлению в интернате карантина и временному прекращению занятий. Больного ребенка отправили домой к родителям; уход за остальными детьми осуществлялся учителями школы (Переписка с Окрисполкомом ..., 1925-1926, л. 65).

Несмотря на все трудности и недостатки в работе, Широковская школа-интернат являла собой пример первого учебного заведения для детей аборигенов, которое стремилось в силу своих возможностей внедрить в культурную среду аборигенов Кети учебно-образовательный процесс европейского типа. Она охватывала своим влиянием большую территорию по Кети. В сферу ее деятельности входило не только непосредственное обучение и воспитание селькупских детей, но и широкая пропагандистская работа среди остяцкого населения. По роду своей деятельности директор интерната П.А. Афанасьев встречался с местными жителями-остяками, разъясняя им необходимость образования. Большую разъяснительную работу он также проводил и среди кочующих по Кети эвенков. Привлечь детей эвенков к учебе было гораздо труднее, чем детей селькупов, в силу специфики их кочевого образа жизни. Эвенки не раз приезжали на территорию интерната, интересовались его деятельностью, но постоянно уезжали, обдумывая слова П.А. Афанасьева о пользе образования для их детей.

В связи с непростой судьбой П.А. Афанасьева, который был расстрелян в 1937 г., и отъездом из юрт Широковых нескольких учителей (Дмитриенко, 1997, с. 385, 392), Широковская школа-интернат оказалась на грани закрытия. Однако этого не произошло, и в середине 1930-х гг. она была переведена в Максимкин Яр на Кети, где просуществовала еще несколько десятилетий.

[Решение коллегии ГУБНАЦА о создании национальных остяцких школ]

...По р. Васюгану открыть школы в с. Васюганском, ю. Наунак и Айполово. Передать Айполовскую школу под шефство Северной экспедиции. Васюганскую школу в будущем развернуть в школу 2-ой ступени.

Для Кетского района открыть школу в с. Курья и для Тымского района в с. Тымском с интернатом для детей туземцев. Обе эти школы оставить за счёт Губнаробраза.

Открыть школу в ю. Иванкиных на местные средства.

ГАТО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 1246. Л. 27. Протоколы и выписки заседания коллегии Губнаца. Протокол № 16 от 4.09.1922 г. Подлинник. Машинопись.

[Письмо Афанасьева председателю комитета содействия малым народам Севера Путренко]

Не откажитесь удосужиться сообщить мне, если Вам это известно, как представителю заинтересованного учреждения, почему интернат до сих пор почти не имеет никакой связи с Окроно? Как будто остяцкая школа пустое место. Мне до сего дня не известна даже смета на текущий учебный год. В то же время отпустили средства до 1500 руб., из коих 500 руб. на зарплату на октябрь, ноябрь месяцы, а я не знаю ставок. Писал, запрашивал, все сроки нарымских непредвиденностей прошли, а Окроно молчит как рыба. Остяцкое население делало собрание по вопросу постройки школы в их районе, вызывало меня. Мне не с чем было ехать к ним, чтобы хоть отчасти посвятить их в эти вопросы, т.к. у меня на руках только один лаконический протокол Комсода. Таким образом, почти наверное можно сказать, что упущен случай вовлечения остяков в постройку школы. От неопределенности вопроса по зарплате техслужащие меняются как в калейдоскопе... Интернат в этом году как заяц на острове: РИК отмахивается, даже почти для Окроно не принимает от интерната. Инспектора нет. Совнацмен вовсе никакой связи не имеет.

10.12.1925 г.

Афанасьев

ГАТО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 81. Л. 35-36. Переписка с Окрисполкомом, остяцкими и татарскими школами о просвещении нацмен. Программы национальных вечеров и праздников. 6.10.1925 - 3.09.1926 гг. Подлинник. Рукопись.

Н.А. ТУЧКОВА, А.В. БАЙДАК, Н.П. МАКСИМОВА

Россия, Томск

Томский государственный педагогический университет

ЮЖНОСЕЛЬКУПСКАЯ ЭТНОНИМИКА

Южноселькупский ареал характеризуется значительным разнообразием этнонимов-самоназваний, обозначающих отдельные диалектно-локальные группы селькупов¹. Наиболее точно и полно они были зафиксированы М.А. Кастреном в 1845 г., который отметил следующие самоназвания среди Томских самоедов: ниже Нарыма - *Tschûmel-gor*, выше Нарыма - *Schöschkom*, по Кети - *Sysse-gom*, по Чулыму - *Tjûje-gom*, т. е. *человек страны* (от *tschu*, *tju*, *syе* - глина, земля, страна) (Кастрен, 1860, с. 268).

Чумылькупы - самоназвание селькупов, проживающих на обских притоках: Тым, Васюган (до устья р. Чижапки и на самой Чижапке - правом притоке Васюгана), Парабель (с ее истоками Чузиком и Кёнгой) и на Оби в промежутке между устьем Тыма и средним устьем Кети: Тым

¹ Вопрос диалектного членения селькупского языка неоднократно привлекал внимание исследователей (Castren, 1856, с. 127, 167-168; Donner, 1920, с. 12-14; Прокофьев, 1935, с. 5-7; Hajdu, 1963, с. 74; Прокофьева, 1966, с. 397; Dulson, 1971, с. 35; Janurik, 1978, с. 77-104; Хелимский 1993, с. 371-372). В данной статье, базирующейся на рукописных фондах лаборатории (ныне кафедры) языков народов Сибири (далее ЛЯНС) ТГПУ, принята классификация А.П. Дульзона (Dulson, 1971, с. 35).

(Нап.) *mat čūmalyuwek* «я чумылькуп»; Чиж. *čūmālqut tūm nadīradīt* «чумылькупы огонь любят»; Парабель (Нельм.) *mat - čūmālgumok*; Кёнга *čūmīl' ʔup*; Обь (Ласк.) *ažam manan čūmālqur* «отец у меня чумылькуп»; Ласк. *čūmāl qut qibilžigaŋ ejādət* «чумылькупы - малорослые».

Шёшкупы проживали на Оби между средним (копыловским) устьем Кети и верхним устьем Чаи - в н. п. Иванкино, Киярово; в настоящее время - в пос. Иванкино и г. Колпашево: Ив. *mat šōšqur* «я - шёшкуп»; *šōšqur warīt qoneborg* «шёшкуп носит шубу».

Сюссыкумы - самоназвание селькупов, проживавших на Кети, Чае и на Оби в н. п. Старосондрово, Новосондрово: Кеть (МЯ) *man sūsūyut* «я - сюсюкум»; *sūsūyūla - qētqij qūla*, букв.: кетские люди (Алатало, 1998, с. 2, 132); Обь (СС) *sūsūyulafto* - «мы - сюсюкумы»; Чая/Обь между устьями Чаи: «азбука сюсогой гулани» (Григоровский, 1879); *сюсогом* - «остяк», *сюсогой* - «остяцкий» (Helimski, 1983, с. 180).

Тюйкумы - самоназвание селькупов, проживавших в низовьях Чулыма, согласно данным М.А. Кастрена и А.П. Дульзона. Однако отдельные примеры с употреблением такого самоназвания обнаруживаются у информантов верховий Кети (возможно, приехавших туда с Чулыма в середине XX в.): Лос. *tūjqulla qənakse pal'duβat qannə* «тюйкулы на собаках зимой ездят»; *tūjqulla ma'ton mekβadat 'oj madjla* «тюйкулы строят в тайге берестяные чумы».

Выше устья Чулыма по Оби этнонимы на селькупском языке не зафиксированы².

Называя представителей иных диалектно-локальных групп селькупов (другие остяки), информанты используют несколько этнонимических конструкций:

1. Для создания этнонима они употребляют свои собственные самоназвания в сочетании с названием реки или обозначением направления по течению Оби. Например, чумылькупы называют кетских остяков *qetqil čūmālqur* (букв.: кетский чумылькуп) или *tamāl čūmālqur* (букв.: верховский чумылькуп); остяков, проживающих на р. Кёнга *qōngeyəl čūmālqur*. Шёшкупы называют кетских остяков *qōtki šōšqum*. Обские сюссыкумы называют кетских остяков *qātkə sūsūgum*, тымских остяков *tīmogə sūsūgum*, нарымских остяков *taŋgi sūsūgum* (букв.: низовские сюссыкумы).

2. В ряде случаев этнонимы конструируются из названий рек в сочетании со словом «люди; человек». Например, чаинские сюссыкумы самих себя могли назвать кыгегом - «чаинский человек» (<Кыге - р. Чая), а жителя Чулыма: чулыкum, чулуком «чулымский человек» (Григоровский, 1879, с. 33; Helimski, 1983, с. 104, 214).

3. Крайне редко этнонимы формировались с использованием термина, акцентирующего какой-либо характерный признак называемой группы (особенность речи или внешнего вида). Такие примеры единичны: кетские сюссыкумы называли чумылькупов р. Парабель *hāyildīndi qūla* (букв.: «хакающие» люди); чумылькупы называли цыган, появившихся в Нарымском крае в общем потоке ссыльнопоселенцев, *hāgamžalat, āyəmža* (< *hāg, āy* - черный).

Кроме этнонимических названий у селькупов бытовали близкие к этнонимическим, но созданные по иному принципу номинации групп селькупского населения. Особенно отчетливо это зафиксировано у чумылькупов. Живущих по Оби нарымских чумылькупов и иванкинских шёшкупов чумылькупы могли назвать *qolta qūla* «обские люди», *qoldəqur* «обской человек», а живущих на притоках (вне диалектно-локальной принадлежности) называли *mažil' qūla* «лесные люди»; при этом нарымские чумылькупы своих родственников, живших непосредственно в пойме Оби, называли *nūrīm qūr* «пойменные люди», а живших на оз. Исан-то в пос. Тюхтерево (всего в 14 км от обского берега) - *čworīl qūr* «чворные, озерные люди».

---

² Лингвистические материалы ЛЯНС не документируют этнонимы, упоминаемые Г.И. Пелих (1981): соргула, пайгула, тегула, кайбангула (кайволдынцы).

У всех групп селькупов южного ареала четко отмечено деление на «своих» и «чужих» без обозначения самоназвания: Ласк. *ār̄k qūla* «иные люди»; СС *ar̄jn qum* «чужой, другой человек»; *ār̄jn čoč̄i qum* «человек из других мест» (в тексте для обозначения эвенка); Нельм. *nač̄aγ̄əl qūlat* «тамошние (нездешние) люди»; Ив. *ār̄ qūla menani qur qbatpat* «чужие люди нашего человека убили»; Тюхт. *ār̄k qut āran šernatət* «чужие люди к старику в дом вошли»; Чиж. *iral qut kad̄ikumbad̄it t̄imoγ̄it ara qun barḡimbad̄it* «старики рассказывают: на реке Тым другие люди жили». Кроме того, продуктивным было определение представителя иной группы через соотнесение с течением реки (Оби), т. е. деление на «верховских» и «низовских» людей без соотнесения с этнолокальным подразделением: например, обские шёшкупы о тымском остяке могли сказать *taq̄il qur* (букв.: низовский человек); в сказках южных селькупов в качестве противников нередко выступают «низовские богатыри» *taq̄il madurla* без уточнения их этничности и т. д.

Для представителей иных народов в каждом диалектном ареале существовал свой набор этнонимов. Тунгусов (эвенков) чумылькупы и шёшкупы называли *tungusla, tunḡis̄it*: Чиж. *tunḡis̄it āra pajagap qbatpad̄it* «тунгусы старика со старухой убили»; Ив. *tab̄it t̄em̄nat qbatpat tunguslap* «его брат убил всех тунгусов». Кетские сюссыкумы называют тунгусов (эвенков) *q̄beluŋ* (ед.ч.), *q̄belula* (мн.ч.): УО *q̄belula s̄ut̄k̄batt̄i k̄innam aden č̄inaj seḡaze, m̄ikkaže* «эвенки шьют шубу оленьей жильной ниткой, иглой»; *tep q̄b̄aluŋ paja imbind̄it* «он взял эвенкийскую жену»; МЯ *q̄b̄alula tam̄de kon̄n̄in tatpat̄i βeđem* «эвенки сегодня много принесли оленьего мяса». (Об этимологии этнонима *q̄beluŋ* см.: Хелимский, 2000, с. 280).

Татар в чумылькупском ареале именовали: Ласк. *t̄il̄qur, t̄ī, tadar*; обские сюссыкумы называли их: СС *t̄ī, t̄īγum, parḡəl t̄ī*; кетские сюссыкумы, по данным словаря Я. Алатало, татар называли *t̄īj qum* (с. 142). У кетских сюссыкумов отмечено название для жителей Чулыма: Зуб. *č̄ulaqum, t̄ul̄iqqum*. Есть примеры, когда эвенков и татар путали: Ласк. *č̄im̄nad wes t̄il̄qulap qbatq̄albad* «его брат убил всех тунгусов» (при этом информант употребляет *t̄il̄qula*, что означает «татары»).

С хантами наиболее близко были знакомы только чумылькупы, видимо, из-за очень близкого соседства, называли их *qetqut* «ханты». Причем на Чижапке различали ваховских и васюганских хантов: Чиж. *βaȳit qut* «ваховские остяки», *βaȳil̄ k̄iγ̄it warḡilembad̄it βaȳit qut* «на реке Вах живут ваховские остяки»; *βarḡ k̄iγ̄it qetqut warḡiyad̄it* «на Васюгане ханты жили»; *qetqun β̄ir̄in ejad̄it, č̄um̄əlqut aγa β̄ir̄in ejad̄it* «ханты вредные, чумылькупы не вредные». В Словаре нарымского диалекта для названия хантов приводится слово *č̄oγa* (Купер, Пустаи, 1993. с. 64), обнаруженное нами также в записях, сделанных в Нельмаче: *č̄oqa, č̄oγa*. Рукописные материалы ЛЯНС не отмечают это название для хантов в других южноселькупских диалектах.

Различные этнонимы в зависимости от диалектного подразделения используются селькупами и для номинации русских. Кетские и обские сюссыкумы называют русских *qassaγ* (СС *map qazakon* «я - русский»). Шёшкупы и чумылькупы называют русских с использованием следующих словосочетаний: Ив. *ruže qūla*; Нельм. *ružel qut* (букв.: русские люди), а также отдельных лексических единиц: Нельм. *ruž*, Нап. *ružəwek*. Примеры: Ив. *ruže qūla šöšqunan qoblap t̄iβeš̄p̄izat* «русские у шёшкупов пушнину покупали»; Чиж. *ružel qut č̄enčad̄it tabd̄in k̄ibatard̄in iḡi k̄βadeš̄pad, tabd̄in oγolal̄žeš̄p̄ugu nad̄ə* «русские говорили им (в тексте: родителям): детей не бейте, их учить надо»; Нельм. *na š̄ed̄ə ruš̄ n̄ajm mejd̄i tab̄in* «эти двое русских хлеб дали ей». Среди русских (точнее, среди не остяцкого/не коренного населения) в районе Нарыма особо выделяли ссыльных *ūd̄ib̄il qur* (<*ūd̄igu* - отпустить, послать). Только у чумылькупов зафиксировано название для цыган: Нельм. *h̄agamžalat*, Ласк. *āγəmž̄a* (<*h̄ag, āγ* - чёрный).

В рукописном фонде кафедры языков народов Сибири ТГПУ по южным диалектам селькупского языка нет названий для кетов, северных селькупов, ненцев (юраков), коми (зырян). Североселькупская этнонимика значительно отличается от южноселькупской как

самоназваниями, так и набором этнонимов для номинации иноэтничных групп. У северных селькупов появляются названия для кетов *qońek*, ненцев *qälək, qwälək, qajalen*, используется особый термин для номинации тунгусов (звенков) *rombak* (о североселькупских этнонимах см.: Казакевич, 2004, с. 38).

Подводя итоги, можно сделать заключение, что единого самоназвания, объединяющего все локальные подразделения южных селькупов не существовало. У южных селькупов, вероятно, в связи с отсутствием прямых контактов, не возникло устойчивой номинации для названия североселькупских групп. Из иноэтничных групп наиболее известными для южных селькупов были татары, тунгусы и русские; чумылькупы знали хантов, различая васюганских и ваховских хантов, а у кетских сюссыкумов существовало особое название для жителей Чулыма.

У южных селькупов существовало несколько моделей для конструирования локальных этнонимов своего этноса: 1) с использованием собственного этнонима и названия реки; 2) с указанием названия реки и слова *qum/qūla* - «человек/люди»; 3) с выделением характерного признака номинанта. Также для обозначения представителей иных ареалов обитания активно использовалась конструкция «чужой человек» или указание на их обитание относительно течения Оби - «верховские/низовские».

Список сокращений: Зуб. - Зубреково, Ласк. - Ласкино, Лос. - Лосиноборское, МЯ - Максимкин яр, Нап. - Напас, Нельм. - Нельмач, СС - Старосондорово, Чиж. - Чижапка.

Е.Г. ФЕДОРОВА

Россия, Санкт-Петербург

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

ДВЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ГРУППЫ МАНСИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Из четырех этнографических групп манси, которые принято выделять в научной литературе, по лингвистическим данным (Соколова, 1975, с. 210 и др.), только две - северная и восточная - во второй половине XX в. сохраняли этническую специфику. Северные манси занимают бассейн Северной Сосьвы с ее левым притоком р. Ляпин, верховья Лозьвы и Пелыма, живут непосредственно по берегам Оби. Восточные манси (в научной литературе до начала второй половины XX в. их иногда называли южными) расселены в бассейне средней и верхней Конды - левого притока Иртыша. В конце 1980-х - начале 1990-х гг. численность северных манси составляла около 2500 человек, восточных - немногим более 1200 человек (Федорова, 1993, с. 173-175, 2000б, с. 303-304; Пивнева, 1999, с. 66, Прил. II). Полевые материалы последней четверти XX в. свидетельствуют о том, что северные и восточные манси имели некоторое представление о существовании других групп своего народа. Наиболее распространенный вариант ответа на заданный в связи с этим вопрос у северных манси: «Слышал / слышала, что есть манси на Конде, но там не был / не была, не знаю». Более конкретно высказывались жители тех населенных пунктов, где есть манси-выходцы с Конды. Отзывы восточных манси о северных имели некоторый негативный оттенок, так как уровень развития своей культуры они считали более высоким. Некоторые информанты по отношению к северным манси использовали этноним «ханты».

Различия в языке (особенно в лексике) между этими группами столь заметны, что лингвистами было высказано мнение, согласно которому речь может идти в данном случае об отдельных языках (см., например: Баландин, Вахрушева, 1957, с. 6). Сложнее говорить о различиях в культуре, поскольку у северных и восточных манси она изучена неодинаково. Кроме того, степень

утраты национальной культуры у восточных манси значительно выше, чем у северных, и начался этот процесс в бассейне Конды раньше, чем в бассейне Северной Сосьвы. В связи с этим нельзя не отметить одно важное обстоятельство: крайне сложно установить, были ли некоторые элементы культуры, считающиеся заимствованными кондинскими манси от русских, действительно от них заимствованы. В ряде случаев, как представляется, культурное сходство может объясняться другими причинами, как, например, общим и, возможно, для угорского населения более ранним, нежели для славянского, источником.

Все же выделяются две сферы культуры, причем знаковые, где специфика восточных и северных манси хорошо заметна. Это одежда и орнамент. Различия здесь настолько велики, что при сопоставлении одежды и орнамента кондинских и сосьвинско-ляпинских манси создается впечатление о принадлежности их разным народам.

Возникновение особенностей культурного облика восточных и северных манси принято считать результатом территориальной разобщенности, длительного раздельного проживания, влиянием разноэтнического окружения. В различных сферах культуры и у разных групп манси роль этих факторов не была одинаковой. Время воздействия на них соседних народов также не совпадает. Например, характерные признаки оленеводческой культуры часть сосьвинско-ляпинских манси, с чем трудно не согласиться, приобрела достаточно поздно под влиянием ненцев, в то время как предполагаемые археологами контакты самодийцев с предками южных групп обских угров (см., например: Могильников, 1999, с. 63) происходили так давно (железный век), что выявить в культуре кондинских манси самодийский след крайне сложно. К числу тех элементов культуры манси, относительно которых можно предполагать самодийское происхождение, принадлежит берестяная лодка (подробнее см.: Федорова, 1994, с. 50-52), бытовавшая, судя по имеющимся материалам, у всех групп, кроме северных.

В территориальном отношении наиболее отдалены друг от друга манси Средней Конды и Нижней Сосьвы и Оби. Однако если обратиться к изучению одежды, можно обнаружить, что существует прямая связь между этими группами, как в особенностях покроя, так и в характере орнаментированности одежды, в частности использовании бисера. Нельзя не заметить, что у северных манси по ряду культурных признаков выделяются две группы. Одна из них тяготеет к обским хантам, другая, более западная, заметно от них отличается. Очевидно, что формирование культурного облика этих групп, зафиксированного этнографическими источниками конца XIX-XX в., происходило по-разному. И дело здесь не только в том, что на первой из них больше сказалось влияние хантов. Ведь, по распространенному в угроведении мнению, северные манси сложились в результате контактов с обитавшими на Северной Сосьве хантами. Продвигаясь вниз по течению, манси вытеснили последних с этой реки на Обь (подробнее см.: Соколова, 1982а, с. 29-33).

Приведенные здесь примеры различия между восточными и северными манси не единичны. Вместе с тем это группы одного этноса и при детальном изучении в их культуре обнаруживается достаточно много общих черт, сформировавшихся в тот период, когда предки современных манси еще были единой общностью (подробнее см.: Федорова, 1994). Вопрос заключается в том, принимали ли участие в формировании северных манси только выходцы из другой, общей части мансийского ареала. По имеющимся на сегодня материалам можно предположить, что в сложении северных манси немаловажную роль сыграли, скорее, группы угорского этноса, тяготеющие к Уралу и заметно отличавшиеся по культурному облику от основного мансийского массива. Видимо, на ту часть мансийского населения, которую в научной литературе принято относить к восточной группе, они не наложили заметного отпечатка.

Расселение манси по ареалам восточной и северной групп, зафиксированным на начало XX в., как считается, происходило во II тыс. н. э. Предполагается, что на Конде они появились в XIII-XV вв., а на Северной Сосьве - с начала XVI в. (Могильников, 1999, с. 65-66). Завершение процесса формирования северных манси относят к XIX в. (Соколова, 1990, с. 91; и др.).

Присутствие в составе верхнесосьвинских манси верхнекондинского компонента фиксируется по различным источникам (см., например: Соколова, 1982а, с. 29-30). Даже в настоящее время можно обнаружить отголоски этого присутствия, например, вышитые платки среди культовых атрибутов (Гемуев, Бауло, 1999, с. 89-90). Все же более заметным, как представляется, оно было у других территориальных групп северных манси - обских и нижнесосьвинских, что свидетельствует о продвижении угорского населения с Конды по Иртышу в низовья Оби или же через верховья левых притоков Конды прямо на Обь.

Вопрос о соотношении общего и особенного в культурах столь различающихся между собой восточных и северных манси нельзя считать окончательно решенным. Его разработка может содействовать выяснению целого ряда других вопросов, связанных с формированием различных этнографических и территориальных групп манси, характером этнических процессов, происходивших на территории от восточных склонов Урала до Иртыша и Оби на протяжении по меньшей мере двух тысячелетий.

М.В. ФИЛИМОНОВ

Россия, Томск

Томский государственный педагогический университет

**ЕНИСЕЙСКИЙ И КЕТО-ШУМЕРСКИЙ
АНАУ-БАКТРИЙСКИЙ ИНГРЕДИЕНТЫ
В ПРАУРАЛЬСКОМ И ПРОБЛЕМА
ПРАУРАЛЬСКОЙ ПРАРОДИНЫ
(В ЗАЩИТУ КЕЛЬТЕМИНАРСКОЙ ГИПОТЕЗЫ
В.Н. ЧЕРНЕЦОВА)**

Минула почти треть века с тех пор как В.Н. Чернецов завершил свой жизненный путь. Его гипотеза о роли кельтеминарской культуры в происхождении финно-угорских (шире - уральских) народов по-прежнему остается одной из главных в истории уралистики и привлекает внимание всех специалистов: археологов, этнографов, лингвистов, антропологов. В данной работе автор опирается на труд А.А. Формозова (Формозов, 1977, с. 113-129), тщательно рассмотревшего кельтеминарскую (шире - козловско-кельтеминарскую) гипотезу В.Н. Чернецова. Нами принимаются следующие положения археологического аспекта проблемы:

- на кельтеминарскую культуру сильно повлияли земледельческо-скотоводческие культуры юга Туркменистана и Ирана;
- кельтеминарская культура воздействовала на культуры Южного Урала и Зауралья;
- существование кельтеминарской культуры датируется IV-III тыс. до н. э.;
- в кельтеминарское время было распространено разведение крупного и мелкого рогатых скота (Саксаульская II в Северном Приаралье);
- кельтеминарская культура имеет южное происхождение (Формозов, 1977; Смирнов, А.В. Виноградов);
- развитие северного лесного неолита, особенно культур с ямочно-гребенчатой керамикой шло на основе местного мезолита и раннего неолита при заметном южном влиянии.

Что касается лингвистического аспекта проблемы, то следует оговорить следующее. Автором выявлено свыше 300 лексических изоглосс уральского (У), финно-угорского (ФУ), финно-пермского (ФП) и финно-волжского (ФВ) времени (не считая праугорского и прасамодийского, у которых были свои локальные контакты с енисейцами). Поскольку объемы публикации очень

ограничены, рассматриваются изоглоссы только хозяйственной, ландшафтно-природной, календарно-сезонной, эзотерико-сакральной лексических подсистем. Не привлекается звукоизобразительная лексика всех типов. Не рассматриваются потенциально общие енисейско-ностратические (шире, синокавказско-ностратические) лексические и грамматические морфемы. Уральский материал приведен по словарю К. Редей (Redei, 1986-1988). Автор приводит, в основном, собственные енисейские реконструкции, привлекая также материалы этимологических словарей С.А. Старостина (Старостин, 1995) и Г.К. Вернера (Werner, 2002; с. 7)¹.

Земледелие, скотоводство, жилище, очаг. 1. ФУ *āŋz* «огонь, гореть» - Е *aŋ* «домашнее хозяйство». 2. У *jokse* бежать, бегущий; быть в течке, спариваться» - Е *!uk-se* бык, хорь, олень» (отражение номадной практики случки). 3. У *jotka* - «середина, промежутки» Е *!ot/?ot* - «очаг, осв-ое пр-во», Ш *udun* - «очаг»+ *ka* - «осв-ое пр-во». 4. У *paδ'we / patwe* - «трут» Е *b!t, bolba* - «гриб». 5. У *rājā, rājwā* - «огонь» Е *b!j* - «семья, род («очаг» ?), свояк, собрат». 6. ФУ *peŋe* - «ложка» Е-*py?n/p!n* - «поварешка, черпак». 7. ФУ *pitz* - «завязывать, стягивать» Е *pit/pi?t* - «клей». 8. У *roka* - «пояс, ремень» Е *puG / ро?q* - «кожа, шкура, мех, пух». 9. ФУ *rekz* - «каша, крупа», *rokka* - «каша, суп» Е *q!j/qoj/qoqaj* - «мука, пшеница, рожь, хлеб, еда». 10. ФУ *śuka* - «кора, кожа, шкура» Е *suG* - «волосы» (/ «шкура, шерсть») в Е *suG-aj/ad* - «коса». 11. ФУ *śuŋe* - «трут» Е *seŋ-an /saŋ-an* - «искра». 12. У *talja* - «кожа, шкура» Е *dollan* - «подклад». 13. У *tana* - «береста» Е *d!n'i* - «лыко» (*d!n* - «стебель, ствол» + *i?* - «кожа, шкура, оболочка, волосы, пленка»). 14. ФУ *taɣ / toɣ* - «окрестность, домашние» Е *tora/tura* - «комната, село», «нечто огороженное / ограждающее («котец, дверь»)), Ш *tura* - «загон для скота», Ш *dur* - «сидеть» (переходное значение «жилище, поселение; родня»). 15. ФУ *tene* - «цена, стоимость», («уплата») Е *tu?-ŋ/to?-ŋ* - «бок, конечность, пальцы, 10» (переходное значение «считать»).

16. У *wačz* - «охотиться, гнать, преследовать (зверя)» Е *bes/bas* - «идти, двигаться, тащить, нести, везти». 17. ФВ *čilz-mz* - «клык» Е *čel* - «мамонт» (переходное значение «бивень» - ценный объект товарообмена в древности). 18. ФП *iɣzɣz / ūɣzɣz* - «медь» Е *iɣ/er* - «вода, жидкость, осадки», Е *xuɣ /?uɣ* - «вода, жидкость, влажный» + (ср. *b!k/b!k?* - «огонь, жарить, печь, кушать» + *?uɣ* - «вода, влага» = Е *baɣ!ɣ* - «медь») *q!n* - «гореть, огненный, красный». Редей отрицает прочие этимологии по фонетическим причинам. 19. ФП *jewä* (ФВ *jüwä*) - «злаки на корню» (/ «зерно, семя») Е *je?-j/ŋ* - «яйцо» (/ «семя, зерно, сперма, икра и т.д.» - обычное соотношение в енис. языках) + Е *ba/wa* - суф. мн. ч./деминутивности. 20. ФП *kätke* - «колыбель» Е *k!t/g!t* - «дети, молодой» + Е *ka/ga* - суф. осв-го пр-ва» 21. ФВ *kürsä* - «хлеб» - Е *k!ɣ/q!ɣ* - «хлеб», Ш *kuɣ* - «кормить». 22. ФП *küntz* - «хлеб на корню, семя» - Е *kan/k!n* - «зерно, пшеница, икра, корень, семя, сперма» + *ta* суф. мн.ч. 23. ФП *oɣja* - «раб» (считается иранизмом) - Е *h!ɣ* - «раб», ср. Ш *ere(d)/ara(d)* - «раб», ит. *haɣ* - «слуга» (скорее всего, бродячее слово. 24. ФП *noɣz* - «хлеб на корню» Е *d!ɣ* - «порса» (/ «мука, еда, хлеб»). 25. ФП *neɣe* - «стержень, рукоятка, черенок (топора, ножа и т.д.)» - Е -*n* - лок.-ген. падеж + Е *!?* - «жердь, палка» + *t!ɣ* суф. - сущ. 26. ФП *rānz* - «овес» - Е в кот. *ha-ɣuɣ* - «каша, крупа» (ср. ? чук.-кор. *?!ɣ!n* «еда»). 27. ФП *ročz* - «сито, просеивать» - Е *r!s* - «сеять». 28. ФП *säljä* - «нить, нитки, волокно», ФП, ? У *seŋe* - «чесать» - Е *č!ɣ* - «волосы, шерсть». 29. ФП *simz* - «ржавчина, ржавый, ржаветь» - Ш *sim* «сурьма», Е *s!m* - «красный» (> «лиса, рысь, ольха»). 30. ФП *sukz* - «щетина» - Е *suG* «волосы».

31. ФВ *šäke* - «трут» - Е *dž!q* - «жечь, печь, гореть». 32. ФП *šoppz-sz* - «мешок» - Е *dž!ɣ-kan* - «сукно, полотно», ит. *saɣ* «оленья шкура». 33. ФП *šutz* - «род жидкой пищи, суп» - Ш *šuk* - «род хлеба», Ш *še?* - «готовить (пищу)». 34. ФП *šūwz* - «киснуть, гнить» - Е *č!?* - «соль» (ар. *so-ɣa* - «горько, солоно, кисло»).+Е *b!w!ɣ* - «делаться». 35. ФП *tašz* - «обух» (ножа, топора) - Е *ta:s* - «основа, опора, вместилище» + Е *ka/ga* - «осв-ое пр-во». 36. ФП *teje* - «путь» - Е *t!?* - «верхний» + *je* - «идти, двигаться, становиться» (отражение верховой езды). 37. ФП *toŋe* -

¹ По техническим причинам используется знак «у» вместо знака «вилка» в уральском материале.

«чинить, улучшать» - E tu? - «кожа». 38. ФП ukse - «дверь» - E Лk/uk - «шерсть, шкура, дейксис близости» + E se?-j - «место» (j - суф. ед.ч.). 39. ФП uska la - «корова» (/ «телка»). - Ш uz - «коза», E us - «коза, рогатое животное» + E ke/ki - ласкат.-деминут. суф. + E l - редкий суф. мн.ч.

Ландшафт. Природа. 40. ФУ jakkz - «сосновый/еловый лес» - E !Лqe - «ветвь», - E ?a?q - «лес, дрова, палка, дровина», Ш ?ag - «колышек». 41. ФУ kaŋka - «сухое песчаное место» - E qe?-s - «песок, отмель» (s - суф. ед.ч.) + E ŋ - суф. мн.ч. + E ka/ga - суф. осв-го пр-ва. 42. У ? kŋmz (kämz) - «речка, поток» - E qΛm/qom «маленький, низина, водный источник». 43. ФУ pezз /pečз - «ива, верба» (/ «прут») - E pΛs - «верхушка, макушка, холмик, кочка». 44. У ројз - «осина» - E рој «пихта» (оба дерева влаголюбивы).

45. ФУ гајз - «река» - E ka:ŋΛ - «путь, дорога, тропа». 46. ФУ (саам. - ?? хант.) śäčä - «вода, наводнение» - E ses - «речка», Ш že-že - «лить», E es, Ш eš - «вода». 47. ФУ žāgz - «негустой, открытый, свободный (от чего-л.), необлесенный» - E sΛr/sΛsΛr - «сено, солома, трава» (/ «степь, открытое место»). 48. ФУ (саам? венг?) tajwe - «область» - E taj - «верхний, высокий, исток, родник» + E bΛ/wΛ - суф. осв-го пр-ва. Ср.: Ш kigu - «гора, страна». 49. ФУ tarkз ? - «хвойное дерево», «прут» - Ш ter - «лес», E dΛ:ŋΛ - «ива». Переходное значение «лес - хвойный стланик». 50. У tewä - «лось, олень» - E teb/tab - «верблюды» (переход от верблюдоводства к коневодству). 51. ФУ tŋtkkz - «род сосны» - Ш ter - «лес» + E ka - суф. мн.ч. 52. ФУ uče - «овца» - Ш uz - «коза», E us - «коза, рогатое животное». 53. ФП antz (ontz) - «молодая трава, поросль, ветки, дерн, трава» - E o?n/u?n «луга, заливные места» (Ш u «трава») + E ta - суф. мн.ч. 54. ФП соіз - «какое-то животное (молодое, муж. класса) (жеребец, бычок и т.д.)» - Ш sup - «дикая корова». 55. ФП jakä-lä - «лишайник, ягель, мох» - E !aq - «лес, заросли» + l - суф. мн.ч. 56. ФВ, ? ФП jure - «корень (конец)» - Ш ug - «балка, ствол», E ul - «ствол, тело, прут, сук», 57. ФП känz - «конопля, пенька» - Ш kupibu - «конопля» (сближение К. Редери, считающего это слово бродячим). 58. ФВ läkä - «долина (реки), углубление, ямка, ложбина», ФВ lakce - «долина, низина» - E lΛq - «грязь» + se?-j - «место» 59. ФП oŋkз - «низина, углубление, долина, русло реки» - E ?uŋ - «вода» + ki? - «место», ka - суф. осв-го пр-ва. 60. ФП, ? У ora - «белка» - E ?Λ?r/?o?r - «существо нижнего мира (жаба, лягушка, пиявка, мышь)».

61. ФВ ontz - «корень» - E un - «вода, лить, сырой, мара́ться» + do/dΛ - «пить, есть». 62. ФВ olke - «солома, стебель» - E ul - «прут, сук» + ka - суф. осв-го пр-ва/мн.ч. 63. ФВ, ? ФП oksa - «ветвь, сук» - E okse - «дерево» (осмысливается как «верх-суть» или как «пить-существо»). 64. ФП nime/nome - «маленькая муха/мошка» - Ш nim «муха», E dzΛp/dzop - «насекомое, личинка, глист». 65. ФП pečä/penčä - «сосна, сосна обыкновенная» - E rä-j - «кедр, хвойное дерево» (j - суф. ед.ч.) + n - суф. мн.ч. + se?-j - «место». 66. ФВ ģine - «иней, снег на деревьях», - E ģΛ? «иней на деревьях» + n - суф. мн.ч. 67. ФП tāwe - «холм, остров» - E tΛ? - «верхний, высокий» + wΛ/bΛ - «осв-ое пр-во».

Календарно-астрономические понятия. 68. У дге «год» (/ «осень») - E Λ?Λr - «близнецы» (по Гурштейну, созвездие Близнецов символизировало весеннее равноденствие в квартете Близнецов в VI-IV тыс. до н. э.). 69. ФУ eje/üje «ночь» - E u - «низ», E e - дейксис близости (/ «близкий, маленький, нижний») + je - «идти, приходиться, становиться». 70. ФУ ilma - «небо, погода, бог» - Ш il - «поднимать» (/ «верх») + E -ma - лок. суф. 71. ФУ jikä/ikä - «возраст, год» - E !y?k - «бык, хор, олень, самец» (/ «Телец»). Телец символизировал весеннее равноденствие - начало нового года в квартете Тельца в IV-II тыс. до н. э. по Гурштейну). 72. ФУ ode (δде) - «год» - E ?y:dže - «весна» (время нового года в архаических календарях). 73. У pil'mz - «темный, темнеть» - E ру?yŋ - «внизу» + ma - лок. суф. (/ «локализоваться?»). 74. Уг., ? У геje/geke - «теплый, тепло, жара», ФУ геjкз - «теплый, жаркий» - E qo:- ŋ - «днем» + ka/ga - пред. суф. (время когда тепло/жарко в Центральной Азии и на Среднем Востоке)). 75. ФУ ser-ä - «старый, пожилой» - E si:rle - «лето» + a - лок. пад. (ср. русск «в годах» = «пожилой»).

76. У sije/süje - «годовое кольцо деревьев, волокно» - E sije/sige - «рождаться», E syk? - «год» + je - «идти, проходить». 77. У su?e - «лето, теплое время года, оттепель, таять» - E su -

«теплый, тепло» + η - лок. пад. 78. ФУ *tälwä* - «зима» - Е *tΛ?Λr1* - «холод, замерзать, зябнуть» + *bΛ/wΛ* - осв-ое пр-во. 79. ФУ *towkz* - «весна, затоплять, подниматься (о воде)» - Е *tΛ?* - «верхний», *ty* - «верх» + *ke/ge* - «идти». 80. ФВ. *keļä* - «мягкое время года (весна, лето)» - Е *qe:- η* - «лоси, лосиный» (лось и олень могут замещать Тельца). 81. ФП *onta/ynṭa* - «тепло, жара» - Е *un* - «верх» + *ta* - «идти» (переходное значение «день», когда солнце вверху и тепло).

Сакральная лексика. 82. У *eskz* - «верить, думать» - Е *es* - «бог» + *ke* - «идти». 83. У *numz* - «верх, небо, бог» - Ш *num* - «верх, Элам». 84. ФУ *raša* - «душа (об умерших)» - Е *bes* - «дух, знак, черт». 85. ФУ *kiše* - «болезнь» - Е *kysn* - «род духов», - Ш *giššu* - «тень».

Завершая статью, можно сделать выводы.

Рассмотренная календарно-астрономическая лексика сибирских народов указывает на сильное влияние календаря зодиакально-астрономической системы месопотамского типа на уральцев (зодиакальный квартет Тельца, по Гурштейну). В анаусской культуре существовал календарь.

Ландшафтные семантические соотношения типа «лес, трава, лишайник», «лес, ветвь, сук», очевидно, могут восходить к степному и пустынному ландшафтам, бедным древесной растительностью, а также к горным массивам со стлаником. Подобное характерно для регионов Центральной Азии, Среднего Востока и Южного Урала. В уральском, финно-угорском, финно-пермском, финно-волжском языках выделяется значительный массив земледельческой и скотоводческой лексики. В соответствии со всем сказанным, прародину уральцев следует локализовать в районе кельтеминарской культуры. Очевидно, продвинувшись на север, кельтеминарцы ассимилировали население Урала и Зауралья.

ИСКУССТВО, ВЕРОВАНИЯ, ОБРЯДЫ, РИТУАЛЫ

Е.В. БАРСУКОВ

Россия, Томск

Томский государственный университет

ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКЦИЙ С КУЛЬТОВЫХ МЕСТ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX В.

Клады раннего железного века, раннего Средневековья, часто называемые в археологии Западной Сибири культовыми местами, хорошо известны специалистам. Формирование базы источников началось в конце XIX в. и было довольно специфичным.

«Клады» обнаруживали случайно, в большинстве случаев крестьяне. Обстоятельства всегда сходны: их находили при проведении хозяйственных работ или в обваливающемся берегу реки. Как, если не «клад», обыватель рубежа XIX-XX вв. назовет явление, когда при вспашке или из подмываемого берега реки появлялись десятки металлических вещей: изображения людей и животных, оружие, украшения. На поверхности объекты не фиксировались, находки концентрировались на небольшой площади, часть вещей могла быть уложена в «емкости». В конце XIX-XX в. подобных находок особенно много. Связано это прежде всего с хозяйственным освоением новых площадей. Ф.А. Теплоухов замечает, что их количество уменьшается по мере сокращения территории расчисток «новин» из-под леса, где обнаруживались самые интересные находки (1897, с. 2).

Крестьяне не проявляли инициативы по передаче вещей в музеи или органам власти. Большая часть продавалась. Если по каким-либо причинам сделать это не удавалось, вещи расходились по всей деревне, частью терялись, прятались, приносились в дар церкви и даже использовались в качестве предметов религиозного почитания. Крестьянин, обнаруживший Истяцкий клад, передал серебряный барельеф с изображением Дианы - «ангела» только после заверений священника, что эта вещь не «святая» (Чернецов, 1953, с. 162). Древности, пригодные в быту, применялись в хозяйственных целях. Например, мечи Ишимской коллекции были переделаны на «поддоски» - подкладки из железной полосы на деревянную ось телеги (Ермолаев, 1914, с. 1); медные вещи переплавлялись (Мягков, 1929, с. 55) или продавались меднику. Когда в район находки клада выезжал работник музея, условия и место находки фиксировались достаточно хорошо. Однако даже в этом случае не удавалось установить точное количество извлеченных из земли вещей.

Ф.А. Теплоухов в конце XIX в. писал: «...нами не может быть собрана и 1/100 доля археологического материала. В силу неустрашимых обстоятельств находимые на известной местности предметы попадают по частям в весьма различные музеи, отстоящие друг от друга на сотни и даже 1000 верст» (1897, с. 1-2). Под «неустрашимыми обстоятельствами» понимался спрос на предметы древности, который в конце XIX в. значительно вырос. Особой популярностью пользовались предметы из металла, вещи, которые обычно входят в состав «кладов», находятся на жертвенных местах: украшения, оружие, изображения животных, людей, птиц или, как называли их крестьяне, «литые идолы», «голубки», «чудские образки». «Еще недалеко то время, когда большинство публики смотрело на предметы доисторической культуры исключительно как на курьезные вещи, если они не представляли ценности по своему материалу, то не придавали им никакого значения... я знал одного господина, рассказывающего не раз с самым довольным видом, что в 50-ых годах им была куплена целая корчага бронзовых предметов, которые он употребил на украшение сбруи блестящими бляхами... время это прошло безвозвратно... крестьянин уже не отдает их детям в качестве игрушки, а приобретающие подобные вещи лица из более интеллигентных классов, если не собирают коллекции для себя, то все чаще дарят их в один из местных музеев» (Теплоухов, 1897, с. 1-2).

В роли покупателей - «лиц более интеллигентных классов» - выступали люди разных слоев. Крестьяне перекупали такие предметы друг у друга. Самые оборотистые если не занимались поиском самостоятельно, то как минимум скупали древности у односельчан, иногда у всей округи. Находки из Тарского округа приобретены Археологической комиссией с 1900 по 1912 г. в большинстве случаев у крестьянина Усова. Часто он не мог указать даже приблизительное местонахождение вещей (Талицкая, 1953, с. 275).

Купцы приобретали находки как в собственные коллекции (к примеру, Сидоров, Малахов), так и для перепродажи, в том числе за границу. Берлинский коллекционер Хардт, владел коллекцией «шаманских вещей» из Западной Сибири, которая попала в Западную Европу при участии купцов (Фодор, 1995, с. 93). Иностранные археологи приобретали предметы древностей во время путешествий по Сибири: в 1895-1896 гг. И.А. де Бай, в 1915 г. А. Тальгрэн (Берс, 1951, с. 185); получали их в дар. В.И. Нагнибеда передал две коллекции вещей, «предметов культа, собранных участниками экспедиции 1910-1911 гг., К.О. Доннеру (профессору Гельсингфордского университета), исследовавшему Нарымский край в 1912-1913 г., для определения эпохи» (Нагнибеда, 1927, с.6). В 1913 г. ему была передана коллекция с р. Ягыл-яг (Дульзон, 1956, с. 210), а в 1914 г. - коллекция с р. Чижапки (Фодор, 1995, 95). Первую В.И. Нагнибеда без комментариев опубликовал в своем статистическом исследовании (1927).

Часть находок попадала к представителям интеллигенции, которые в результате покупок собирали довольно значительные коллекции. Медицинский работник с. Подгорного Л.Н. Зинченко скупил у местного населения огромное количество культового литья, география местонахождений которого охватывает весь Нарымский край: реки Чая, Бундюр, Нюрса, Васюган, Чижапка, Парабель. В 1927 г. эти вещи, за исключением котлов, были переданы в Томский краевой музей и опубликованы И.М. Мягковым (1929). Горный инженер И.А. Лопатин владел огромной коллекцией, которая была положена в основу «Атласа» В.В. Радлова. Только для первой части «Атласа» в Археологическую Комиссию было передано 350 металлических предметов (Сибирские древности, 1888, с. 2-3).

Скупали предметы старины и сами археологи. В 1898 г. А.А. Спицын, будучи в разведке, в течение нескольких дней выкупал у местного населения находки. Крестьяне доставляли вещи из деревень, отстоящих за десятки километров. Фиксированной цены не было. В 1867 г. крестьяне дер. Палкино (60 км от Екатеринбурга) сдавали собранные на городище медные вещи по 5 коп. за фунт (Берс, 1951, с. 183). В Кузнецком округе священник отец Гурьев, купил у крестьянина коллекцию из двенадцати медных идолов и пяти дисков за 2 руб. (Флоринский, 1896, с. 274). Видимо, музеем Томского университета, куда эта коллекция попала впоследствии, находки выкуплены еще дороже. Цена зависела от «необычности» вещи, осведомленности и оборотливости ее владельца.

Предметы старины находили не только случайно, существовал целенаправленный поиск. Если раньше крестьяне, ссыльные, отставные казаки объединялись в артели с целью поиска могильного золота, то уже в конце XIX в. искали предметы не только из драгоценного металла. На Урале возникали группы людей, которые проводили хищнические раскопки для добычи на продажу предметов старины «Брались только те вещи, которые имели ходовую цену. Эти предметы назывались отборные остатки» (Берс, 1951, с. 185). Айдашинская пещера в конце XIX в. неоднократно подвергалась грабительским раскопкам (Молодин и др., 1980, с. 10-11). На месте обнаружения Ишимского клада в результате поиска крестьянами новых находок образовалась огромная яма. Хищнические раскопки редко фиксируются в источниках и оценить их истинные масштабы довольно сложно. Из архивных данных известно, что только на одном из островов в верховьях р. Исеть было найдено «до 12 пудов отборных остатков» и среди них 7 медных идолов, аналогичные предметы были извлечены при раскопках на мысу оз. Глухого,

оз. М. Шарташ, на острове палеозера Карасьего (Викторова, 2002, с. 40). Из пуда металлических вещей, найденных в виде клада недалеко от устья р. Уньвы, в музей доставлено только 20. Куда исчезли остальные - неизвестно (Флоринский, 1896, с. 292).

«Энтузиасты», приобретая древности для частных коллекций или фондов музеев, сохранили для науки огромное количество бесценных вещей. Однако возросший в связи с этим спрос на предметы старины стимулировал желание крестьянина в случае обнаружения памятника обследовать место самостоятельно. Продавая археологам «древности», они часто «забывали» место их обнаружения. Объяснялось это надеждой найти там новые находки и получить за эту информацию материальное вознаграждение. На Урале за указание местоположения памятника купцы и продавцы древностей г. Екатеринбурга платили крестьянам от 5 до 10 руб. (Берс, 1951, с. 185). От грабительских раскопок особенно пострадали жертвенные места, где плотность находок была крайне высокой, а вещи наиболее яркими. Частично раскопанное А.Е. Теплоуховым Гаревайское костыще в тот же год докопал крестьянин, владелец земли. Два воза костей было сдано на фосфорную фабрику (Теплоухов, 1880, с. 4).

Истинное количество уничтоженных памятников, масштабы товарооборота предметов старины восстановить вряд ли возможно. В Западной Сибири, на Урале, в Прикамье в этот период собрано огромное количество предметов, происходящих предположительно из кладов, жертвенных мест, костыщ; некоторые памятники по количеству находок не имеют аналогов. Однако только единицы были обследованы археологами. Местонахождение и условия обнаружения большей части коллекций известны со слов крестьян, которые определяли памятник как «клад». Отсутствие контекста затрудняет функциональную идентификацию подобного памятника. Определить его назначение можно, только исходя из анализа состава коллекций. Не находит однозначного решения и проблема «единичных находок культового литья», которых в этот период известно достаточно много. Некоторые из них могут происходить из «кладов», материалы которых разошлись по рукам. Некоторые - из культурного слоя городищ, поселений. Однако имеющиеся данные указывают на то, что значительная часть таких находок обнаружена вне культурного слоя, в редких случаях это зафиксировано археологически (Шмидт, 1927, с. 157). Мелкие предметы, которые можно использовать в качестве подвесок, оберегов, амулетов, принадлежностей костюма, возможно, были утеряны. Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что культовое литье вряд ли использовалось в качестве принадлежностей туалета. К тому же значительная их часть - антропоморфные изображения довольно внушительных размеров. А в некоторых случаях это 2-3 находки, что делает маловероятной случайную потерю. Закапывались они, выбрасывались или оставлялись в определенных местах, установить практически невозможно.

Несмотря на значительное накопление информации о «кладах», вопрос, связанный с функциональной идентификацией этого типа памятников, окончательно не решен. Исследователи расходятся во мнениях о принадлежности их кладам, остаткам погребенного инвентаря, погребениям изображений человека, культовым местам, подобных этнографическим.

Д.Л. БРОДЯНСКИЙ

Россия, Владивосток

Дальневосточный государственный университет

ЛИСТЬЯ ДУБА, ВЕТКИ СОСНЫ - РИТУАЛЬНЫЕ РИСУНКИ НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ КЕРАМИКЕ

В.Н. Чернецов занимался древним искусством, вопросами его интеграции. Именно в таком тематическом ключе возможен для археолога, работающего на Дальнем Востоке, отклик на приглашение участвовать в конференции, посвященной памяти В.Н. Чернецова.

За полвека работы Дальневосточной археологической экспедиции накоплен фонд источников - коллекция сосудов и их фрагментов с рисунками или отпечатками листьев дуба (всегда на днищах), веток сосны или кедра (корейской сосны) (на стенках, под венчиком). А.В. Гребенщиков и Е.И. Деревянко (2001) дендритовые отпечатки на днищах сосудов из Кочковатки (Средний Амур, уральская культура) трактуют как технологическую подкладку. В Приморье кроме отпечатков листа есть резные рисунки жилок листа (Олений А, слой IV - зайсановская культура). На стенках, под венчиком зайсановских сосудов (Синий Гай А, Валентин-Перешеек) и сосудов культур гунсан-амсадон в Корее (Осанни, верхний слой, Амсадон) есть прочерченные рисунки веток сосны: вертикальные (иглами вниз, иглами вверх) и горизонтальные. Ранее их иногда трактовали как изображения деревьев - со стволом и без него. Автор учел более двадцати рисунков и отпечатков листа дуба на днищах сосудов из Приморья, Приамурья, Кореи, Японии: в неолитических культурах (общностях) - зайсановской, гунсан-амсадон, дзёмон; и культурах палеометалла - янковской, лидовской, уральской, яёй, кофун, верхний слой Осанни. На дне одного из яёйских сосудов отпечатался лист дуба, на который были насыпаны зерна риса. В Осанни есть отпечаток листа на внутренней стороне донца. В Оленьем А, слой IV, есть сосуд, на дне которого - рисунок трех листьев.

Ветки сосны и кедра встречаются на стенках зайсановских сосудов и сосудах культур гунсан-амсадон в Корее. В Амсадоне (Сеул, Корея) такие ветки, с направленными вниз иглами, спускаются ниже орнаментальных поясов под венчиком, в ряде случаев под таким поясом располагаются концентрические полуокружности, а ниже их - ветки сосны. Есть в Амсадоне и сосуды с круглым дном, украшенным солярным рисунком, в этих случаях ветки изображены иглами вверх, т. е. они спускаются от круглого дна к венчику, когда сосуд перевернут.

Впервые попытку трактовки листьев дуба и веток сосны как ритуальных символов я встретил у исследовательницы древнекорейской мифологии М.И. Никитиной, заметившей, что листья дуба и ветки сосны использовались во время ритуальной трапезы японского императора и богини солнца Аматаэрасу (2001). Л.М. Ермакова (1995) привела сведения о ритуале Дайдзёсай, длившемся несколько дней: вкушении японским императором риса нового урожая. Можно предположить, что рис подавался на листьях дуба. Ритуал был секретным, для его свершения строился специальный зал, который потом сжигали. После церемонии Дайдзёсай проводился обряд усмирения души императора, в нем использовали вечнозеленые ветки.

Символика сосудов из Амсадона позволяет допустить, что ветки сосны ассоциировались с лучами солнца, горизонтально расположенные ветки пока не поддаются трактовке, может быть, это символ «спящего солнца»? Оба символа - листья дуба и ветки сосны украшают сосуды культур, в которых есть свидетельства земледелия, в бойсманской культуре морских зверобоев и в кондонской культуре рыболовов таких символов нет.

В целом правомерна гипотеза, что рисунки листьев дуба и веток сосны на сосудах дальневосточных культур являются ритуальными символами, вероятными свидетельствами обрядов плодородия и солярного культа.

П.Ю. ГЛАЗУНОВ, А.В. НЕФЕДОВ

Россия, Томск

Томский государственный педагогический университет

КУЛЬТОВЫЕ ВЕЩИ ПОСЛЕДНЕГО КЕТСКОГО ШАМАНА

Кеты - небольшая народность, проживающая в среднем и нижнем течении Енисея. Они говорят на изолированном языке, который является одной из самых сложных лингвистических загадок в современном языкознании. При определенной стабильности численности этнических кетов (1991 г. - 873 чел., 2001 г. - 885 чел.), процент свободно говорящих на родном языке

постоянно снижается - с 21,9% в 1991 г. до 12,8% в 2001 г. (Кривоногов, 2003, с. 7, 76). Сложнее всего дело обстоит с носителями северного диалекта кетского языка¹, которых осталось всего лишь три человека, проживающих в пос. Мадуйка Туруханского района Красноярского края.

В течение последних трех лет сотрудниками кафедры-лаборатории языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета осуществлено несколько лингвистических экспедиций в поселок Мадуйка². Во время одной из них, проходившей в августе 2003 г., авторам этого сообщения удалось поработать с Ниной Федоровной Корзухиной. Ее отец Федор Агафонович Серков был одним из последних кетских шаманов. Н.Ф. Корзухина сохранила много культовых вещей, принадлежавших отцу. Все эти вещи хранятся в лабазе на родовом месте семьи Серковых - Травяном мысу на Мундуйском озере. Уникальность сохранившихся вещей была подтверждена специалистами Томского областного краеведческого музея.

Приводим описание части культовых предметов, хранящихся в лабазе.

Бубен (кет. хась). Был сделан самим Ф.А. Серковым. Имеет круглую форму, около 80 см в диаметре (рис. 1). Обечайка бубна шириной около 16 см. На внешней стороне обечайки укреплены семь³ конусообразных резонаторов, изолированных от полости бубна. Обечайка обтянута выделанной кожей оленя - ровдугой. Рукоятка бубна сделана в виде узкой плоской деревянной пластины с продольными прорезями (рис. 2). По всей своей длине рукоять украшена геометрическим резным орнаментом. К внутренней стороне обечайки прикреплено пять металлических поперечных стержней. На стержнях находится большое количество металлических подвесок, что характерно для кетских бубнов (Прокофьева, 1961, с. 439). Эти подвески предназначались для создания шума во время процесса камлания. Между третьим (сверху) и четвертым стержнями (там, где на рукоятке находится место, за которое брался шаман) расположено металлическое кольцо. От кольца к обечайке бубна отходят два коротких металлических прута. По краям бубна, перпендикулярно металлическим стержням, прикреплены две длинные медные трубки, украшенные полосками кожи. Кроме металлических подвесок на внутренней стороне бубна прикреплены четыре орнитоморфные фигурки (предположительно изображения лебедей⁴). Две фигурки закреплены на рукоятке (одна сверху, другая снизу) и две другие расположены по разные от рукоятки стороны. На верхней части рукоятки бубна, над фигуркой птицы, прикреплено изображение рогов оленя из металла. Помимо подвесок и фигурок к стержням также привязаны полоски ткани.

На внешней стороне обечайки (мембране бубна) нанесен рисунок (рис. 1). Он несколько отличается от рисунков на кетских бубнах, описанных ранее: на нем нет изображения самого шамана, нет изображения небесных светил, нет и полукругов, изображавших моря. На мембране данного бубна нарисованы три круга, один в другом. Два внешних круга «заштрихованы» короткими поперечными линиями. Центральный круг разделен на четыре равные части пересекающимися линиями. В каждой из частей изображено по оленю. Так как основным мотивом изображений на кетских бубнах было отображение Вселенной (Алексеев, 1967, с. 186), то мы предполагаем, что эти три круга отображают трехчленную структуру Вселенной кетов: мир людей (центральный круг?), небесный мир и мир подземный (Иванов, Топоров, 1965, с. 142).

Колотушка (кет. хатбуль). Ф.А. Серков имел две колотушки. Одна, по всей видимости, предназначалась для гадания, а другая непосредственно для камлания. По форме они представляют собой трапециевидные, немного выгнутые пластины из дерева, обтянутые с наружной стороны шкурой с оленьего лба. На лицевой стороне колотушки для гадания

---

¹ Диалектально кетский язык делится на три группы: южную, среднюю и северную.

² Экспедиции проводятся в рамках Кетского проекта. Финансовую поддержку Кетскому проекту оказывает Институт эволюционной антропологии им. Макса Планка (Лейпциг, Германия).

³ Число семь считалось сакральным числом, что находило последовательное отражение во многих аспектах жизни кетов (подробнее см.: Иванов, Топоров, 1965, с. 142)

⁴ У кетов лебедь, наряду с орлом и гагарой, считался священной птицей. Многие легендарные шаманы выступали в образе лебедя (Алексеев, 1967, с. 189).

прикреплена фигура, вырезанная из медной пластины (рис. 3). Мы предполагаем, что она представляет собой изображение легендарного мирового дерева. Само дерево у кетов, по всей вероятности, как и у многих других народов, представляло структуру Вселенной: корни символизировали подземный мир, крона - небесный, а посередине располагался мир людей (Топоров, 1991, с. 399). На поверхности медной фигуры нанесен схематичный рисунок. В той части, которая расположена ближе к рукоятке (предположительная крона дерева), находится антропоморфное изображение.

На лицевой стороне колотушки для камлания прикреплена широкая медная пластина, по краям которой нанесен точечный орнамент (рис. 4). В центре пластины прикреплена орнитоморфная фигурка из металла. По словам дочери шамана, это изображение гагары. Как и в случае с гадальной колотушкой, тут тоже имеется антропоморфный рисунок, расположенный рядом с рукояткой⁵.

Нагрудник (кет. *кутн*). Представляет собой полотнище из шкуры животного в виде фартука, расширяющееся книзу (рис. 5). Края полотнища подбиты мехом. Нижний край прямой, по нему идет длинная бахрома из ровдужных полосок. Основная часть полотнища делится параллельными меховыми полосами на три части, что, возможно, символизирует три мира, характерных для мифологии кетов. На передней части нагрудника прикреплены железные подвески - фигурки птиц. Горловина нагрудника украшена бисером. К верхнему краю полотнища нагрудника прикреплена металлическая пластина-подвеска, в центре которой находится орнитоморфная фигурка (рис. 6). Концам пластины придана форма оленьих рогов⁶, а к левому краю привязана антропоморфная металлическая фигурка⁷. К плечевым частям нагрудника также прикреплены подвески - вогнутые металлические полосы с зубчатыми краями. Приблизительно по центру этих полос крепятся небольшие орнитоморфные фигурки. От плеч отходят две широкие полосы из меха пушного зверя, украшенные бисером и вышивкой по всей длине.

Головной убор - корона (кет. *сенанда ды*). Представляет собой металлический обруч, обернутый широкой полосой кожи, которая украшена бисером (рис. 7). Обруч скреплен двумя поперечными дугами из металла. На перекрещении дуг прикреплено небольшое изображение оленьих рогов⁸. С боков и сзади к ободку привязаны узкие полоски кожи, часть из которых свита в символические косы. Среди кожаных полос, прикрепленных к задней и левой (боковой) части шаманского головного убора, находятся настоящие косы, свитые из волос Ф.А. Серкова.

Домашние покровители - алалы (кет. *алал*). Алалы - один из видов домашних святынь у кетов. Обычно алал изображался в виде антропоморфной женской фигуры из дерева. Фигура обклеивалась мехом, на нее надевали специально сшитую одежду, украшали бисером (Алексеев, 1967, с. 180). У семьи Нины Федоровны было три домашних покровителя: алал-отец, алал-мать и алал-бабушка (рис. 8). Это деревянные антропоморфные куклы, высотой 20-25 см. У кукол вырезано лицо. По словам владелицы, алал-отец и алал-мать - это изображения самого шамана и его жены Евдокии, которые были изготовлены самим Серковым⁹. Это подтверждается тем, что под головными уборами кукол находятся локоны волос, принадлежавшие шаману (у куклы-отца) и его жене (у куклы-матери). Все куклы одеты в одежду, сшитую по образцу настоящей. У алала-отца на ногах национальная зимняя обувь, выполненная

---

⁵ По форме и оформлению колотушки Ф.А. Серкова отличаются от колотушки, описанной в работе В.И. Анучина «Очерк шаманства у енисейских остяков» (см.: Анучин, 1914, с. 34).

⁶ У В.И. Анучина есть схожее описание подвески, которая «отвечала» за быстроту передвижения шамана (см.: Анучин, 1914, с. 75).

⁷ Предполагаем, что это *ульвей* - одна из семи душ шамана (ср.: Анучин, 1914, с. 79).

⁸ Интересно, что на короне Ф.А. Серкова отсутствует т. н. «нож» - продолжение дуги, идущей вдоль головы, на лобовой части короны. Этот конец дуги выгибался обратно, и ему придавалась форма лезвия ножа. Согласно В.И. Анучину, «нож» являлся неотъемлемой частью шаманских корон у енисейцев (Анучин, 1914, с. 81).

⁹ Об алале-бабушке такой информации не имеется. Возможно, она перешла шаману, по наследству.

с большой тщательностью и расшитая бисером. Кеты верят, что алалы работают ночью и доказательством считают стертость подошв на обуви фигурок (Алексеевко, 1967, с. 180). Интересно, что у куклы Серкова подошва обуви также стерта, на пяточной части даже видно дерево. На головах женских фигурок повязан платок, у мужского алала головной убор, расшитый бисером вокруг лица. Сверху одежды куклы обмотаны лоскутками ткани и подпоясаны. Сбоку у алала-отца и алала-матери прикреплено по миниатюрному ножу в деревянных ножнах. У алала-бабушки сбоку прикреплен деревянный колышек. По словам Нины Федоровны, кукла-отец помогала в мужских работах, т. е. на охоте, рыбалке и т. п., кукла-мать помогала вести хозяйство, а кукла-бабушка - при родах и, возможно, при болезнях. По другому источнику, все эти действия закреплялись за одной куклой-алалом (Там же).

У Н.Ф. Корзухиной сохранилось также несколько амулетов, принадлежащих ее отцу. К сожалению, их точное назначение она определяет с трудом¹⁰. Помимо культовых предметов у нее много вещей обыденных (предметы одежды, упряжи и пр.), которые также представляют несомненную этнографическую ценность. Условия хранения этих материалов оставляют желать лучшего, и не исключено, что в ближайшем будущем часть из них может быть безвозвратно утрачена.

Рис. 1. Шаманский бубен
(вид спереди)

Рис. 2. Шаманский бубен
(вид сзади)

Рис. 3. Колотушка
для гадания

Рис. 4. Колотушка
для камлания

¹⁰ По ее словам, некоторые из амулетов использовались для лечения.

Рис. 5. Нагрудник
(вид спереди)

Рис. 6. Нагрудник
(вид сзади)

Рис. 7. Шаманская корона

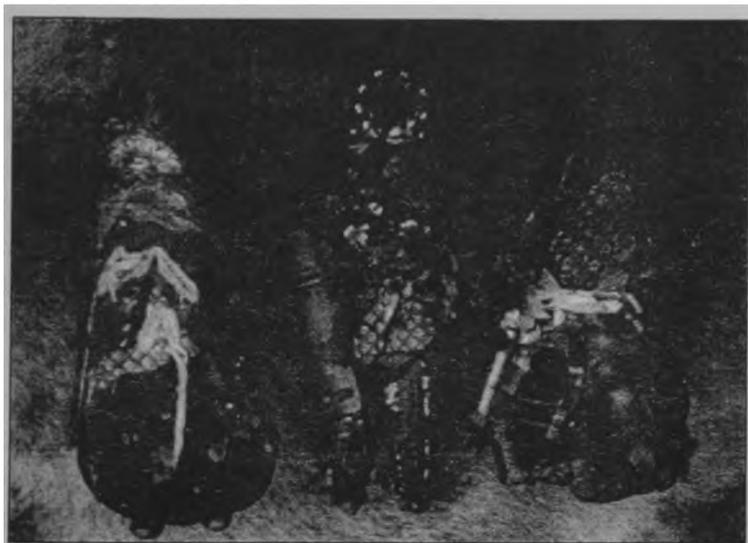

Рис. 8. Алалы (мать, отец, бабушка)

Т.Н. ГЛУШКОВА

Россия, Сургут

Сургутский государственный педагогический институт

ГЕНЕЗИС ЖЕРТВЕННЫХ СУКОННЫХ ПОКРЫВАЛ У ОБСКИХ УГРОВ И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА

Жертвенные покрывала обских угров - культурный феномен, давно привлекающий внимание исследователей. Ими поднимались и решались вопросы, связанные с поиском, описанием и атрибуцией, рассматривались сюжеты, связанные с изучением семантики изображений на покрывалах, проводился историко-культурный анализ.

Существуют разные точки зрения относительно генезиса и последующей эволюции жертвенных покрывал в угорской культуре. Так, Н.В. Лукина истоки их происхождения возводит

к хантыйским оленьим поясам (Лукина, 1985). Новосибирские этнографы И.Н. Гемуев и А.В. Бауло считают, что традиция возложения на спину жертвенных животных покрывала с изображением скачущего всадника могла возникнуть в таежных районах Западной Сибири, в Среднем Приобье и Прииртышье (Гемуев, Бауло, 2001). Они присоединились к зафиксированной у представителей этноса А. Каннисто интерпретации предмета как «седла Человека, осматривающего мир». Это дало возможность авторам сравнить покрывала с войлочными покрытиями седел, украшенными изображениями парных фантастических «крылатых» хищников из пазырыкских курганов высокогорного Алтая (Полосьмак, 2000). Особое внимание И.Н. Гемуев и А.В. Бауло уделили влиянию южных степных культур, прежде всего скифо-сибирского мира, насыщенного, как отмечал еще В.Н. Чернецов, иранскими элементами, на сибирские, начиная с ранних этапов культурогенеза (Гемуев, Бауло, 2001, с. 23).

Выясняя генезис жертвенных покрывал, исследователи совершенно правомерно связывают их появление с обычаем жертвоприношения, существующим с древности и навеянным идеей взаимосвязи и взаимоперехода жизни и смерти. Верно указаны иранские корни иконографии всадников, шахматной композиции сюжетных изображений, прослежена на материале мифологии местного угорского населения эволюция изобразительного сюжета. Определенные сомнения вызывает, однако, предположение, согласно которому «первыми жертвенными покрывалами, очевидно, были шелковый платок и лисья шкура. На протяжении дальнейших лет они дополняли друг друга, что привело в итоге к образованию суконного полотнища прямоугольной формы с меховой опушкой» (Гемуев, Бауло, 2001, с. 24). На наш взгляд, гипотеза выглядит схематичной и малодоказуемой. Трудно представить, каким образом комбинация шелкового платка с лисьей шкурой могла трансформироваться в суконное полотнище с меховой опушкой. Между тем современные представления о развитии ткачества на территории Западной Сибири, основанные на историко-сравнительном анализе археологического текстиля с учетом его технологических характеристик, позволяют по-иному взглянуть на проблему происхождения жертвенных покрывал у обских угров.

Войлоки изначально появились в кочевом мире юга и использовались здесь в том числе и как покрытие для лошадей. Утверждение о связи западносибирских культур, которые лежат в основе генезиса угров, с югом и его культурными традициями подтверждено многими исследователями при анализе различных источников: орнамента, металлических изделий, костюма, мифологии, языка и т. д. Е.Г. Федорова убедительно показала роль южного компонента в сложении культуры обских угров на основе этнографических источников (1999; 2000а).

Представляется очевидным, что в культуре, издревле связанной с южным степным скотоводческим миром и сохранившей значительное количество свидетельств об этом, появление жертвенных суконных покрывал правомерно связывать с покрытием спины лошади седлом, попоной и т. п. В этом смысле сразу становится сомнительной версия о «комбинации шелкового платка и лисьей шкуры». Распространение войлочных покрытий в среде таежных культур, однако, сложно доказать с помощью археологических источников: органические материалы в земле не сохраняются, а «оледенелые» захоронения, в которых консервируется органика, отсутствуют на территории Западной Сибири. Видимо, войлочные покрытия как элемент материальной культуры оказались утраченными в новой среде, однако сохранилась память о них, которая позволила возродиться традиции, когда появился подходящий материал. На северных территориях Западной Сибири, где позже расселились ханты и манси, изменился и хозяйственно-культурный тип населения, но, как показала Е.Г. Федорова, новации были не настолько значительны, чтобы кардинально трансформировалась сама культура, скорее она адаптировалась к новым условиям. В результате произошедших изменений сакральные функции лошади были возложены на оленя, сформировался декоративный канон атрибутики: покрывал, шлемов, колчанов и других предметов, как об этом пишут И.Н. Гемуев и А.В. Бауло (2001).

Конечно, изменился материал покрытий - на северных территориях шерстяное сырье встречается в очень незначительном количестве. Возможно, на этом этапе использовались платки, которые всегда осмысливались как ценность, культурный атрибут, так же как и пушнина. Это тем более правдоподобно, что платки у обских угров традиционно изготавливались из куска ткани, обшитой по периметру каймой. Возможно, именно по этой причине платок казался соотносимым с суконным покрывалом - им обшивались или подшивались эти изделия (Гемуев, Бауло, 2001, с. 4).

Сукно в Западной Сибири, судя по археологическим источникам, известно с XIII-XIV вв., сначала на северо-западных территориях - Юганском и Сургутском Приобье, затем в Нижнем Приобье, в Томско-Нарымском Приобье, Прииртышье (Глушкова, 2002). В XV-XVI, а затем и в XVII в. сукно широко распространилось в Западной Сибири и по археологическим данным стало повсеместно применяться как материал для изготовления одежды, ее декоративных частей. По всей видимости, это связано с особыми потребительскими качествами материала - плотное, эластичное полотно в условиях севера прекрасно сохраняло тепло. Однако этот материал, судя по этнографическим данным, использовался также в ритуальной практике - как атрибут погребального обряда (одежда, покрывала), для жертвоприношений - как часть приклада, для изготовления ритуальных предметов - покрывал, рукавиц, оленьих поясов и т. д. Что касается жертвенных покрывал, можно предположить, что в данном случае произошло совпадение двух традиций - с одной стороны, традиция изготовления седла (попоны) из шерсти с валяной поверхностью, известная с древности, с другой - появление шерстяной ткани (текстиля) с валяной поверхностью, пришедшей в Сибирь из Европы. Внешнее сходство войлока и сукна сыграло решающую роль, несмотря на абсолютно различные технологии их выработки. Сукно было воспринято как сырье для изготовления жертвенных покрывал и далее происходили процессы становления образов, украшающих ритуальные предметы, как это описано в работах И.Н. Гемуева и А.В. Бауло.

Как отмечали исследователи, фигуры на покрывалах выполнялись в технике аппликации - традиционным для обских угров способом декорирования текстильных и меховых изделий. Суконные покрывала, так же как и шлем, и шелковый платок стали восприниматься как атрибут, символ Мир-сусне-хума (Гемуев, Бауло, 2001, с. 18). Этот комплекс предметов вполне соотносим с атрибутами богатырей - героев мифов, - суконным кафтаном и шелковым платком (Патканов, 1999). Здесь также необходимо вспомнить имсущиеся в Томско-Нарымском Приобье захоронения XIV-XV вв. «косатых богатырей» - кукол, завернутых в бересту, одеждой которых были суконный кафтан и суконная шапка (Боброва, 2001). Все это свидетельствует о традиционности символики, воспринятой обско-угорской культурой. В то же время обские угры никогда сами не производили сукно - им не была знакома технология получения валяного настила. Более того, традиционным видом ткани для хантов и манси обычно считается крапивное или конопляное полотно (Новицкий, 1990; Сирелиус, 1905-1906 и др.). Однако технология изготовления полотна для сукна весьма своеобразно преломилась в ткачестве обских угров - был воспринят усовершенствованный горизонтальный станок с педалями и способ разнонаправленного скручивания нитей основы и утка (как это делалось для суконных тканей). Новая ткацкая технология была воспринята в том объеме, который был доступен культуре. Сукно было как бы «окультурено» обскими уграми и получило статус этнического маркера - одних потребительских качеств для его использования в ритуальной практике было явно недостаточно. Произошедшая аккультурация, осуществившаяся под воздействием глубинной культурной памяти, своеобразно трансформировала внешний вид жертвенных покрывал.

Сукно для северных территорий Западной Сибири всегда оставалось импортом - сначала из Новгорода (местное новгородское и импортное тонкое цветное сукно), возможно, из Приуралья, затем с появлением местного русского населения - местного сибирского русского сукна

домашнего изготовления и импорта с европейской территории России. Таким образом, в генезисе жертвенных покрывал проявились различные культурные влияния - сначала южное, затем западное (русское). Однако их эволюция, безусловно, связывается с адаптацией к местным условиям, созданием иконографии образа всадника, развитием традиций аппликативного декора на тканых изделиях и т. д. Сибирские культуры, а позже и этносы были открыты для культурных влияний, в том числе и технологических.

Е.Г. ДЭВЛЕТ, М.А. ДЭВЛЕТ

Россия, Москва

Институт археологии РАН

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СИБИРСКИХ АБОРИГЕНОВ О ДУШЕ (В ИСКУССТВЕ ПЕТРОГЛИФОВ)*

Представлениям о душе у обских угров В.Н. Чернецов посвятил специальную статью, которая вошла в золотой фонд отечественной науки. Сибирские аборигены верили в существование у человека нескольких душ: у женщин число душ по большей части четное, у мужчин на одну больше, то есть нечетное. Согласно народным представлениям, некоторые души могут покидать тело человека еще при его жизни, хотя и ненадолго. Душа обычно невидима глазу. Увидеть ее - плохое предзнаменование, предвестие приближающейся кончины.

Представления коренного населения о душе наиболее полно отражены в погребальной обрядности. В наскальном искусстве, напротив, - крайне скудно, отрывочно, что вполне естественно, ибо душа человека - бестелесная, призрачная, неосязаемая субстанция, которую изобразить на поверхности камня иногда непозволительно, зачастую невозможно. Возможности творцов петроглифов в этом отношении были тем более ограничены, что и нижний мир, и темную душу (душу-тень, душу-призрак) было не принято передавать графически. М.Ф. Косарев подчеркивает, что «в прошлом рисовать то, что не открыто взору живых, считалось нежелательным и даже греховным. Да и как можно было изобразить тьму, являвшуюся олицетворением нижнего мира? Поэтому на сибирских шаманских бубнах он обычно или вообще не фигурирует, или обозначается каким-либо знаком. Так, у алтайцев символом Преисподней был рисунок ужа на внутренней стороне бубна. На кетском бубне изображался лишь вход в нижний мир в виде незамкнутой окружности, ограничивающей земную сферу» (Косарев, 2003, с. 160).

Также не изображалась и душа, уходящая после смерти человека в нижний мир, в страну мертвых. Светлая душа (душа-птица, душа-имя) могла быть представлена графически, но это, судя по всему, случалось нечасто. Наскальные рисунки, в которых есть некоторые основания более или менее аргументированно усматривать подобный сюжет, единичны. Многие сибирские народы верили в родовое дерево душ, куда, приняв облик птиц, улетают души умерших людей (Косарев, 1994, с. 83). Такие наскальные рисунки, как фигурка птицы на вершине дерева, которую изобразили древние карельские художники в Залавруге (Савватеев, 1970, рис. 86), явление крайне редкое, можно сказать, уникальное. Бронзовые сибирские культовые фигурки, означающие, по мнению ряда исследователей, душу-птицу, находят редчайшую аналогию среди петроглифов Алды-Мозага. Угро-самодийская общность существовала в раннем железном веке. В этой этнокультурной среде сложилось и получило развитие урало-сибирское культовое литье. «Бронзовые изображения кулайцев - это не просто иллюстрации к дошедшим до нас мифам, - пишут Н.В. Полосьмак и Е.В. Шумакова, - это сам «застывший» миф» (1991, с. 112).

---

* Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН «Этнокультурные взаимодействия в Евразии».

Произведения мелкой металлической пластики с антропо- и зооморфными изображениями, так называемые «чудские образки», или предметы урало-сибирского культового литья, вызывают неизменный интерес исследователей, уже давно изучающих их в различных аспектах (Смирнов А.П., 1952; Грибова, 1975; Могильников, 1987; Оборин, Чагин, 1988; Полосьмак, Шумакова, 1991; Зыков, Кокшаров и др., 1994; Балакин, 1998; Зыков, Федорова, 2001; и др.). Своеобразное искусство металлической пластики представляет интерес в плане сопоставления произведений древних мастеров Приуралья, Зауралья и Западной Сибири с наскальными изображениями, происходящими из тех регионов, где изделия культового литья не были обнаружены. Саянский каньон Енисея расположен за пределами ареала, где получили распространение подобные металлические изделия. Однако на святилище Алды-Мозага, камень 105, обнаружено изображение, которое находит соответствие среди металлических урало-сибирских литых бляшек в виде птицы с антропоморфной личиной на груди. Наскальный рисунок из Алды-Мозага представляет собою две расположенные одна над другой личины с подобием крыльев по бокам, составляющие вместе одно сложное изображение, сопоставимое с образцами культового литья. Ответить на вопрос о причинах сходства этого наскального рисунка и бронзовых шаманских бляшек с изображением птицы с человеческой личиной на груди в настоящее время не представляется возможным. Не исключено, что древний художник, выбивший петроглифы на скалах в Саянском каньоне Енисея, был знаком с произведениями урало-сибирского культового литья, а быть может, образцом для металлических изделий послужили наскальные рисунки. Возможно также, что причины сходства произведений искусства, выполненных в разных материалах, следует искать в единстве духовной культуры, нашедшем воплощение в иконографически сходных образах.

С представлениями о душе, надо полагать, связано изображение насекомого, выбитого на камне 263 Мугур-Саргола в окружении символов звездного неба. Из этнографии ряда сибирских народов известно, что, согласно народным поверьям, первая душа - могильная, душа-тень - обычно не покидает тело, а после смерти следует за покойником в могилу, по истлении тела она превращается в насекомое вроде жука (Прокофьева, 1977, с. 75; Лукина, 1990, с. 27). Как и люди, она не бессмертна, а существует до тех пор, пока что-то сохраняется от тела. По исчезновении мяса и костей душа-тень, или могильная душа становится жучком. Исследователи называют разных насекомых, в которых превращается душа. В.Н. Чернецов писал, что, по его наблюдениям, едва ли можно связывать подобное могильное насекомое с каким-то определенным видом. Исследователю не раз приходилось слышать от коренных жителей разноречивые мнения по этому поводу. Они указывали то на сушу, то на воду как на место обитания для этого насекомого. В.Н. Чернецов полагал, что, скорее всего, название «жук» распространяется на жесткокрылых вообще, и лишь в локальных вариантах представление о превратившейся душе связывается то с водным жуком-главунцом, то со златкой - видом зеленоватых божьих коровок, то с жужелицей - водным насекомым черного цвета из рода водолюбов, которое живет в небольших озерах и стоячих болотных водах (Чернецов, 1959, с. 125). У обских угров в некоторых районах существовало представление, что в загробном мире человек живет то же число лет, что и на земле, становясь все моложе, постепенно уменьшается до крошечных размеров и в конце концов умирает, исчезает в пустоте. «Однако иногда, - пишет К.Ф. Карьялайнен, - такой «исчезнувший в пустоте покойник превращается в «золотого жука» - разновидность зеленой божьей коровки, в облике которой он может появиться к близким родственникам; но подобное превращение происходит только с некоторыми покойниками» (1994, с. 146, 147). По другим сообщениям, душа-тень умершего с течением времени становится все меньше, съезживается до размеров водного жука, и затем превращается в этого жука (Карьялайнен, 1994, с. 147). В.Н. Чернецов полагал, что возникновение у обских угров представления о превращении могильной души в жука связано с появлением около могилы различных жуков типа могильщиков, как это известно и у других народов. Но и после превращения души в жука она еще не исчезала

окончательно, что видно из отношения коренного населения к жукам: считалось грехом их убивать. Существование души в образе жука отнюдь не длительно. Это последний этап в превращениях могильной души. Со смертью насекомого она исчезает бесследно. Среди угорских орнаментов часто можно встретить изображение жука (Чернецов, 1959, с. 126).

Согласно представлениям обских угров, вторая душа, «душа-призрак» проводит в загробном мире столько же времени, сколько человек жил на земле, только с каждым днем становится моложе, уменьшается в размерах и в конце концов превращается в насекомое. Дальнейшая судьба ее неясна (Там же, 1959, с. 134). Л.В. Хомич пишет, что «у ненцев *сидянг*, или «двойники» умерших, как живые, ездят на мертвых оленях, причем садятся на нарты с правой стороны. Последнее объясняется тем, что в потусторонней жизни все наоборот. В мире мертвых наш день является ночью, а ночь - днем, поэтому *сидянг* никто не видит, хотя и боятся, так как они могут утащить к себе живых. Двойник умершего человека живет в мире мертвых столько же лет, сколько жил человек в настоящей жизни (в некоторых источниках указываются другие сроки - 3 года, 7 лет и т. д.), а потом «вторично» умирает и превращается в жука. После второй смерти покойный уже не страшен, он никакого влияния на живых не оказывает. Старые люди при появлении в чуме этого жука бросают его в огонь костра, приговаривая: «Старина, согрей спину, это [костер] наше солнце»» (1976, с. 24). Душу человека, похищенную злыми духами, шаман возвращал и внедрял в тело больного в виде жука или какого-то другого насекомого (Косарев, 2003, с. 282). Согласно воззрениям селькупов, после смерти человека его душа уходит в нижний мир, где умерший со временем уменьшается в размерах и становится ребенком. После новой смерти в нижнем мире душа человека вселяется в жука. Такие жуки поднимаются на небо и там превращаются в «верхних людей», у которых вместо рук вырастают крылья. После смерти «верхних людей» их души берет солнце и посылает на кончике луча на землю, где душа вновь вселяется в тело новорожденного ребенка. Таким образом, круговорот жизни и смерти продолжается (Селькупская мифология, 1998, с. 74). «Возможность постоянных наблюдений за циклами превращения насекомых, которые в процессе своего метаморфоза проходят стадии превращения от одной формы к другой с полным уничтожением предшествующей, - пишет С.В. Алкин, - могли в дальнейшем отразиться на собственных представлениях древнего человека о мире, рождении и смерти с последующим за ней возрождением в новом качестве... У многих народов есть представления о том, что душа (не только человека, но и животных) может иметь форму или быть воплощена в насекомое. Отмечены случаи, когда именно так ее видят шаманы во время своих камланий» (1996, с. 148). Очевидно, нужны были веские причины для того, чтобы древний художник изобразил насекомое на плоскости, символизирующей верхний мир с его обитателями - духами-предками, воплощенными в личинах-масках, в окружении соответствующих символов-знаков, как он это сделал на святилище Мугур-Саргол (камень 263).

О.А. КАЗАКЕВИЧ

Россия, Москва

Научно-исследовательский вычислительный центр

Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

НАРОДНЫЕ ПОВЕРЬЯ И ШАМАНИЗМ У СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ И ИХ СОСЕДЕЙ В НАЧАЛЕ XXI В.: ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

Материалы, используемые в статье, собраны автором в основном во время серии экспедиций к тазовским, верхнетолькинским и туруханским селькупам и кетам, проводившихся в 2000-2004 гг.¹

Сегодня у селькупов и их ближайших соседей кетов народные поверья и шаманская традиция существуют в четырех основных формах: язык, фольклор, воспоминания и, наконец, повседневная практика.

Язык является хранилищем культурного наследия народа. Пока язык жив и функционирует, живы и отраженные в нем народные поверья и шаманская традиция. Для селькупского языка сегодня лексика, связанная с шаманской практикой, хорошо знакома только представителям старшего поколения. В среднем поколении и особенно среди молодежи (в тех группах, где молодежь еще говорит по-селькупски) знание этой лексики постепенно вымывается. Стабильно сохраняется разве что само слово *tʃ#туру* 'шаман'.

Более стойко языковая практика хранит табуированность названий некоторых животных и действий, связанных с охотой. На первом месте здесь стоит название медведя. Хотя изолированно селькупы вполне могут произнести слово *qoŋq* в качестве переводного эквивалента русского слова 'медведь', это слово абсолютно не мыслимо ни в селькупском фольклорном тексте, ни в современном охотничьем рассказе. Вместо него употребляются эвфемизмы *sɨŋur* 'зверь', *iʃsa* 'дедушка', *lɔsu* 'черт', а у верхнетолькинском говоре еще и *ru#pa* 'бука'. У туруханских селькупов при описании охоты на медведя никогда не употребляется глагол *cattuqo* 'выстрелить', вместо него используют глагол *qɔstyo*, буквально означающий 'принести жертву, пожертвовать'.

У носителей селькупского языка сохраняется ощущение опасности от произнесения слова *ku#sy* 'дьявол, хозяин нижнего мира', причем у раттовских селькупов, среди которых сохраняется естественная передача языка внутри семьи, об опасности этого слова знают и молодые.

Фольклор - богатейшее хранилище народных поверий и шаманской традиции. Сегодня у селькупов и кетов редко удается записать тексты, непосредственно посвященные подвигам шаманов². Однако большинство героев селькупского и кетского фольклора обладают шаманским даром. В сказках встречаются эпизоды камлания, предсказания будущего и т. д. Что до народных поверий, то, пожалуй, дидактические сказки, поясняющие, как следует и как не следует себя вести в тех или иных жизненных обстоятельствах, составляют наиболее устойчивый фольклорный пласт. Поучительная сказка о том, как мать превращается в кукушку и покидает своих нерадивых, не пожелавших позаботиться о ней детей, является едва ли не самой известной как среди селькупов, так и среди кетов: если селькуп или кет говорит, что может рассказать на

---

¹ Экспедиции финансировались РГНФ и РФФИ и проводились в рамках проектов «Говоры северных селькупов: современное состояние и база данных звуковых файлов», грант РФФИ № 01-04-80363, «Изменение языка северных селькупов на протяжении XX века», грант РГНФ № 01-04-16225а, «Мультимедийная база данных кетского языка», грант РГНФ № 04-04-12028в; в рамках последнего проекта подготовлена и настоящая статья.

² Замечательная коллекция селькупских шаманских текстов собрана Г.Н. Прокофьевым в 1920-е гг., когда шаманская практика была ежедневной (см., например: Прокофьев, 1931).

своем этническом языке только одну сказку, то в 80% случаев это именно «Сказка о кукушке». Повсеместно воспроизводятся также сюжеты о наказании матери и ее детей за неподобающее поведение после наступления темноты и жены за негостеприимство. У раттовских селькупов популярен рассказ об опасностях, которые таят в себе старые лабазы (в них живут духи умерших хозяев, поэтому охотнику ни в коем случае не следует располагаться в такой лабазе на ночлег).

Людские воспоминания - еще одна форма жизни народных обычаев и шаманской практики. Целенаправленное разрушение традиционной культуры жителей бассейна Таза и Среднего Енисея началось в 1930-е гг. параллельно с коллективизацией и строительством поселков. Однако еще в 1970-е гг. у тазовских селькупов оставались практикующие шаманы. Большие шаманские камлания и у селькупов, и у кетов помнят только представители старшего поколения, те, кому далеко за 70, таких людей сегодня и среди селькупов, и среди кетов единицы. Более молодые иногда вспоминают тайные камлания, проводившиеся уже в пору преследования шаманов. Воспоминание об одном таком камлании и его мрачных последствиях хранят жители небольшого селькупского поселка Толька Пуровская: десяток мужчин, принимавших участие в том камлании, были вскоре арестованы по чьему-то доносу, и их дети остались сиротами.

Ни у селькупов, ни у кетов, насколько нам известно, сегодня нет практикующих шаманов. Но среди тех, кто присутствовал когда-то на камланиях, есть люди, помнящие шаманские песнопения и способные их воспроизвести (правда, таких людей единицы). Так, в середине 1990-х гг. нам удалось записать два фрагмента камланий селькупского шамана от тридцатилетней внучки этого шамана³. Кетские шаманские песнопения мы записывали в 1999 и 2004 гг., правда, только от людей весьма преклонного возраста.

Как правило, старинные обычаи фигурируют в воспоминаниях детства. Такие воспоминания чаще связаны не с родителями, а с дедушками и бабушками. Среди молодых людей такие воспоминания есть лишь у тех, кто до школы жил с бабушкой или дедушкой в лесу. Так, в 2003 г. от 28-летней селькупской женщины был записан подробный рассказ о том, как бабушка водила ее на священное место, где под елью сидели «куколки», которых бабушка приходила «кормить».

Повседневная жизнь селькупских и кетских поселков также еще до некоторой степени сохраняет шаманскую традицию и народные поверья. Возраст тех, кто знает, может быть самый разный, многое зависит от личной биографии человека (у тех, кто застал своих бабушек и дедушек, больше шансов знать) и от проявляемого самим человеком интереса к прошлому своего народа и жизни своих предков.

По сей день в селькупских поселках вам могут указать на человека с шаманской болезнью (сейчас ее в основном заливают вином), до сих пор по тайге возят священные нарты с шаманскими вещами, а решившись отдать что-либо из шаманских вещей в музей, не забывают перевести через них собаку, чтобы сакральное стало профанным и лишь в таком качестве попало в неподобающее место. Люди помнят места шаманских захоронений и при случае испытывают силу умерших шаманов (молодая женщина рассказывала, как, произнеся особый заговор у шаманского захоронения, она избавилась от бородавок). По всему селькупскому Тазу рассказывают историю о том, как человек, чьей обязанностью было хранить шаманскую нарту покойного дяди-шамана, отдал часть вещей в музей и вскоре после этого умер. После его смерти родственники забрали вещи из музея и закопали их где-то в тайге, чтобы успокоить духов.

Самыми стойкими остаются обычаи, связанные с охотничьим и рыбным промыслом. Знание этих обычаев не только живет внутри этнической группы, но выходит за ее пределы, распространяясь среди пришлого населения. Обязательным до сих пор является кормление лесных и водных духов. Проплывая мимо священных мест, рыбаки и охотники бросают в воду сигареты, порох, льют водку.

---

³ Текст опубликован в (Kazakevitch, 2001).

Похоронный обряд, как правило, дольше других обрядов жизненного цикла сохраняет традиционные, часто архаичные черты. У северных селькупов практически все, кто постарше, знают, что одежду на мертвом следует разрезать, вещи, кладущиеся в могилу или рядом с могилой, приводить в негодность, а приходя на могилу, приносить покойникам (или их душам) курево.

Часто жизнь старинных обычаев продолжается не столько в том, что люди им следуют, сколько в том, что, нарушая их, люди отдают себе отчет в этом нарушении. Во избежание неприятностей, могущих возникнуть вследствие подобных действий, вырабатывается система всякого рода обходных путей. Очевидно, что такие обходные пути появились уже достаточно давно. Вот только один пример. Практически всем селькупским охотникам известно, что при разделке добытого медведя кости следует расчленять по суставам, но ни в коем случае не разрубать⁴. Однако следование этому правилу замедляет процесс разделки туши, и нередко охотники сегодня пренебрегают запретом. В качестве оберега на этот случай существует следующий текст: *Oho, qorqy il'Džal tün amByj tättāqyn qälDyra, paktyra: kəš! aj pōn monDy qorqyt nūDamDy čel'Džyty, paktyra* - 'Ого, дедушка-медведь по лесу-горельнику ходит, скачет: хрясь! и по сучьям медвежий кал топчет, скачет'. Произнося этот текст, на слове *kəš!* 'хрясь!' можно смело ударять топором по кости: хруст разрубаемой кости будет восприниматься духами как хруст сучьев под ногами медведя.

Чаще, однако, традиционные установления нарушаются без использования подобных оберегов. При этом, однако, у наблюдающих нарушения со стороны остается ощущение, что все это 'не к добру' (*kōtyrapōqu*). Селькупское слово *kōtyrapōqu* как бы фиксирует нарушение, закрепляя тем самым представление о существовании нормы, обычая, который был нарушен. По мере сужения сферы употребления языка сужается и сфера существования обычая. У северных селькупов наблюдается четкая корреляция между степенью сохранности языка и степенью сохранности традиционных представлений, обычаев и поверий в локальной группе. Так, у раттовских и верхнетолькинских селькупов, лучше других сохранивших язык, знание традиций распространено не только в старшей возрастной группе, но и среди молодежи, в то время как у туруханских селькупов, у которых язык вот уже два десятилетия не передается от родителей к детям, мало кто из молодых знает о старинных обычаях и хоть в какой-то степени учитывает их в повседневной практике

У кетов процесс языкового сдвига зашел гораздо дальше, чем у северных селькупов. Соответственно, только в старшем поколении можно встретить знатоков и хранителей старинных традиций. К сожалению, приходится констатировать, что кетская традиционная культура во всей ее полноте остается живой (а не книжной - в описании этнографов) реальностью только пока живы эти люди.

---

⁴ При общеизвестности этого правила далеко не все вникают в его смысл: кости должны быть сохранены, чтобы впоследствии медведь смог воскреснуть и снова явиться охотнику в качестве добычи.

С.А. КОВАЛЕВСКИЙ

Россия, Кемерово

Кузбасский государственный технический университет

ОГНЕННЫЕ РИТУАЛЫ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ У НАСЕЛЕНИЯ ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В ирменских могильниках начала I тыс. до н. э., исследованных на территории Кузнецкой котловины, периодически отмечаются следы древних огненных ритуалов. К ним относятся кострища под насыпями курганов, а также погребенные по обрядам трупобожжения на месте погребения и кремации на стороне.

Кострища зафиксированы под насыпями 14 курганов (могильники Сапогово-1, Журавлево-4, Танай-7 и Шабаново-4). Чаще всего огонь разводили в могильнике Шабаново-4 (5 курганов из 11). В других могильниках следы кострищ встречены реже. Следует отметить различия в их расположении на площади кургана. В могильнике Шабаново-4 кострища во всех случаях располагались на периферии курганного пространства. В могильниках Сапогово-1 и Журавлево-4 они находились рядом с могилами, вписываясь в их ряды, а иногда и перекрывали их. Зафиксирован и случай обжигания почвы под погребенным (Шабаново-4, курган № 2, могила 2).

На сопредельных территориях кострища под насыпями курганов наиболее часто разводили ирменцы Барабинской лесостепи. По данным В.И. Молодина, больше половины всех раскопанных в данном регионе ирменских курганов имели следы кострищ (1985, с. 133). По нашим подсчетам, из 69 ирменских курганов могильника Преображенка-3 кострища были зафиксированы в 51 кургане (73,91%). Из них в 10 курганах насчитывалось от 2 до 5 кострищ. Можно предполагать и ритуально-охранительную функцию кострищ. Так, в кургане № 79 было обнаружено пять прокалов, которые полукольцом охватывали могилу с запада (Молодин, Чикишева, 1988, с. 146). В большинстве случаев костры разводились на периферии курганного пространства, что сближает ирменцев Барабы и ирменцев, оставивших могильник Шабаново-4. На территории лесостепного Приобья следы кострищ в ирменских курганах отмечаются реже (Милованово-1, Еловский-2, Камень-1, Ближние Елбаны-9, Телеутский Взвоз-1).

Обряд трупобожжения в могиле практиковался ирменцами Кузнецкой котловины сравнительно редко (2,56% от всех погребенных). Чаще всего данный обряд применялся в ирменских погребениях могильника Сапогово-1 (9,23%) и Заречное-1 (8%). Планиграфический анализ не выявил закономерностей в их расположении в пределах подкурганного пространства. Однако имеющиеся немногочисленные половозрастные определения, а также наличие во многих могилах с трупобожжением керамических сосудов и бронзовых женских украшений свидетельствуют о том, что этот обряд применялся по отношению к женщинам. Наиболее богатые, снабженные инвентарем женские погребения имеют следы трупобожжения (могильник Сапогово-1, курган № 7, могилы 9, 10; курган № 19, могила 12). Последнее из них можно интерпретировать как погребение женщины, связанной с бронзолитейным производством, так как в могиле наряду с керамическим сосудом и бронзовыми изделиями находился фрагмент литейной формы.

На других территориях распространения ирменской культуры ситуация в целом сходна. В могильнике Преображенка-3 (Барабинская лесостепь) зафиксировано 11 погребенных со следами трупобожжения. Из них семь погребенных были снабжены сосудами, а в двух могилах находились женские украшения (гвоздевидные подвески, пронизки), что указывает на то, что это были женщины или дети. В одном случае кремированные кости женщины или ребенка находились в одной могиле с мужским костяком. Единственное коллективное погребение в могильнике Калачевка-2 (Омское Прииртышье) состояло из костяков 2 мужчин, женщины и

ребенка, подвергшихся воздействию огня. Менее однозначная ситуация в Томском Приобье. Среди 13 обожженных костяков Еловского курганного могильника-2 только в пяти случаях были зафиксированы сосуды.

Авторы исследования могильника Журавлево-4 произвели возможную реконструкцию процесса трупобожжения. По словам исследователей, ирменцы разводили костер около могилы, а впоследствии угли и золу сдвигали на могильное сооружение. Зафиксированы остатки и другого обрядового действия с использованием огня, связанного с разведением костра на перекрытии могилы (Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993, с. 82). Подобные обрядовые действия отмечаются и для ирменцев Барнаульско-Бийского Приобья (Уманский, 1972, с. 24; Шамшин, 1988, с. 10).

Такой обряд, итогом которого была сильная степень обугленности погребенных, получил распространение в ирменских погребениях могильников Преображенка-3 (Бараба), Еловский курганный могильник-2 (Томское Приобье), Телеутский Взвоз-1 (Алтайское Приобье) и Сапогово-1 (Кузнецкая котловина) (Молодин, 1985 с. 135; Матющенко, 1974, с. 123; Папин, Грушин, 2004, с. 100; Илюшин, Ковалевский Сулейменов, 1996, с. 79).

Обряд кремации на стороне применялся ирменцами Кузнецкой котловины по отношению к соплеменникам очень редко (4,11% от всех погребенных). Подобные погребения в большинстве исследуемых могильников замыкали ряд могил или располагались вне ряда. Есть и случай одиночного погребения с кремацией в кургане № 9 могильника Шабаново-4 (Илюшин, Ковалевский, 1998, с. 22-23).

В ирменской культуре традиция кремирования умерших восходит к андроновской культуре. По мнению В.В. Боброва и Ю.И. Михайлова, сравнивших погребения кремированных субъектов с размерами деревянных рам, в которых те были погребены, этот обряд применялся преимущественно по отношению к детям (Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993, с. 81). Соглашаясь с этими наблюдениями применительно к могильникам Журавлево-4 и Танай-7, стоит добавить, что обряд кремации, вероятно, применялся и по отношению к женщинам. Так, в кургане № 9 могильника Шабаново-4 ирменское погребение с кремацией содержало бронзовый наконечник - типично женское украшение. Наконечник, бляшка-пуговица и 33 бусины-пронизки были зафиксированы в погребении 5, кургана № 5 могильника Танай-7 (Бобров, Мельникова, Мельников, 2004, с. 7).

На сопредельных территориях почти все немногочисленные погребения с кремацией (8 из 9) из ирменских могильников Преображенка-3 (курган № 51, могила 1), Милованово-1 (курган № 2, могила 2), ЕК-2 (курган № 6, могила 3; курган № 12, могила 2; курган № 21, могила 1), Камень-1 (курган № 2, могила 1), Мельничихин Лог-1 (могила 1), Иштан (курган № 11, могила 2) сопровождалось керамическими сосудами, являвшимися в ирменскую эпоху атрибутами женских и детских погребений. В двух случаях в могилах с кремацией были найдены и женские украшения. Наблюдения, сделанные нами на материалах могильника Сапогово-1, позволяют предположить, что в основе обрядов кремации на стороне и трупобожжения в могиле были общие представления, так как погребения, выполненные по обряду кремации на стороне (курган № 7, могила 12; курган № 19, могила 14), располагались рядом с погребениями, выполненными по обряду трупобожжения в могиле, составляя с ними отдельные группы.

Приведенные данные позволяют считать, что огненные ритуалы в эпоху поздней бронзы применялись, главным образом, по отношению к женщинам и детям. Если древний, автохтонный для Сибири, обряд трупобожжения в могиле применялся только для взрослой части ирменского общества (преимущественно женщин), то обряд кремации на стороне использовался для погребения детей и женщин. В этом нет противоречия, так как дети до определенного возраста воспитывались в женской части ирменского коллектива и находились под покровительством именно женских божеств. Это согласуется с верованиями сибирских аборигенов, считавших солнце и огонь женскими существами. М.Ф. Косарев, опираясь на наблюдения специалистов, приводит по данному вопросу интересную подборку. «По верованиям остяков (хантов), Солнце и Огонь - две дочери верховного бога, который поручил им освещать и согревать жителей Земли. Вогулы (манси) называли огонь «Най» («Великая Женщина»); представление было столь реальным, что

мужчины стеснялись раздеваться в присутствии огня. Энецкие и нганасанские мужчины не могли прикасаться к огню домашнего очага; трубку для них раскуривала жена или хозяйка чума. Ассоциация огня, как и солнца, с женским началом отмечена и у ряда других сибирских народов, в частности у ненцев, кетов, эвенков, нивхов, нанайцев, юкагиров. Представление сибирских аборигенов об Огне-Матери является составной частью культа Матерей Природы, который, по мнению специалистов, характеризует древнейший пласт первобытных верований сибирского населения; в этнографической современности он более выражен у нганасан, но прослеживается в той или иной мере у всех сибирских народов, например у селькупов, почитавших три главных природных стихии: Огонь-Мать, Землю-Мать, Воду-Мать» (Косарев, 2003, с. 163).

В мифах различных народов, где фигурируют человеческие существа, первоначальное обладание огнем приписано женщинам, мужчины получили его позже. В этих вариантах мифов об огне нашли отражение некоторые черты реальной действительности (у всех древних народов хранительница домашнего очага обычно женщина). В некоторых мифах есть намеки на связь огня с половой функцией женщины. Очень характерно олицетворение огня у народов Севера: в виде женского образа «матери Огня», «хозяйки очага». Есть мнение, что именно такую «хозяйку очага» представляли собой известные женские фигурки эпохи верхнего палеолита и более позднего времени, нередко находимые в древних жилищах вблизи очага. Римская мифология олицетворяла неугасимый культовый огонь и огонь домашнего очага как богиню *Vesta*, греческая - как *Гестию* (Мифы народов..., 1992, с. 239-240).

Данные наблюдения демонстрируют причастность женской части древних коллективов, в том числе и ирменских, к культу огня. Это нашло отражение в сфере материального производства (участие женщин в керамическом и бронзолитейном производстве), домашних и родовых культах, связанных с образом «хозяйки очага», в брачной жизни (воспроизводство потомства) и в погребально-поминальном обряде.

И.А. КУКУШКИН

Казахстан, Караганда

Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова

БЛИЗНЕЧНЫЙ РИТУАЛ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ АНДРОНОВСКИХ ПЛЕМЕН

Во многих религиозных и политеистических системах древности заметную роль играли близнечные божества. Более всего культ близнечных божеств известен в мифологической традиции индоевропейских народов. Характерны также и представления о двух мифических царях-родоначальниках всего племени, что отмечается в обычаях целого ряда племен, прославляющих одновременно двух царей, двух предводителей племени или рода (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 776).

Для древних близнецество представляло собой парадоксальное явление, где «физически двойственное - структурно едино, а магически единое - эмпирически двойственно» (Тэрнер, 1983, с. 131). Вследствие того, что близнецы рождались повсеместно, сакрализация их носила универсальный характер (Штернберг, 1936, с. 177, 178), перерастая в ряде случаев на более поздних этапах развития общества в общегосударственные культы.

Определенные сведения о ритуалах по близнечной погребальной обрядности, известные по этнографическим данным, впервые были удачно экстраполированы на археологические материалы М.А. Итиной. Она обратила внимание на сосуды, поставленные вверх дном, которые эпизодически встречаются в погребениях эпохи бронзы, причем в разных регионах. Благодаря широкому поиску аналогий ей удалось выяснить, что именно таким образом маркировались

захоронения близнецов. Был сделан обоснованный вывод о возможности проявления признаков в подобной близнецной обрядности и в археологических погребальных комплексах эпохи бронзы (Итина, 1979, с. 16-18).

Сосуды, поставленные вверх дном, зафиксированы как в алакульских, так и в федоровских памятниках, независимо от пола и возраста погребенных (Михайлов, 1990, с. 12), что предполагает их особый статус уже с момента рождения. Горшки, установленные таким образом, найдены на дне погребальной камеры, на краю могильной ямы и над ней. Последние, в результате сплошной ограбленности, встречаются крайне редко, поэтому значительный интерес представляют относительно хорошо сохранившиеся погребения, где ритуал с установлением сосудов вверх дном над захоронениями удастся проследить в наиболее целостном виде.

При исследовании Лисаковского могильника в Северном Казахстане, смешанные материалы которого, по мнению автора, в основном можно отнести к периоду андроновского культурного единства¹, предшествующего распаду общности на собственно алакульскую и федоровскую культуры (Кукушкин, 2004, с. 81), были получены довольно убедительные свидетельства о наличии близнецной погребальной обрядности в андроновской среде. Ограда I, исследованная в юго-западной части могильника (раскоп XI), дает веские основания для такого предположения и заслуживает детального описания (Усманова, 2005). Ограда (7Ч6 м) имеет овальную в плане форму, вытянутую по линии С-Ю. Сооружена из колотых плит, уложенных плашмя и частично установленных на ребро. После зачистки в центре зафиксировано пятно (4×3 м) серого цвета с высоким содержанием золы. Выявлены две могильные ямы (рис. 1: 3).

Могильная яма 1. Подпрямоугольной в плане формы, размерами 2,5×1,2 м, глубиной - 1 м (от уровня материка), ориентирована по линии ЮЗ-СВ. В восточном углу на глубине 10 см обнаружен сосуд, установленный вверх дном. В заполнении встречаются челюсти и нижние конечности крупного рогатого скота. По периметру dna погребальной камеры сохранились фрагменты деревянной рамы. Ближе к юго-западной стенке зафиксированы два сосуда и череп человека. В центральной части камеры найден нож срубно-андроновского типа. По сохранившимся нижним конечностям установлено, что умерший лежал скорченно, на левом боку, головой на юго-запад².

Могильная яма 2. Подпрямоугольной в плане формы, размерами 2,75×1,40 м, глубиной - 0,9 м, ориентирована по линии ЮЗ-СВ. На глубине 20 см в западном углу зафиксирован сосуд, установленный вверх дном. В заполнении присутствует интенсивная золистая примесь. У юго-западной стенки камеры найдены конечности мелкого рогатого скота и два сосуда. На дне могильной ямы отмечен костяк погребенного в скорченном положении на левом боку, головой на юго-запад.

Полученные материалы позволяют выделить несколько информативных блоков, реконструирующих семантическую нагрузку этого погребального обряда.

Во-первых, антропологические определения показали, что оба костяка принадлежали мужчинам. Возраст первого умершего 20-25 лет (могила 1), второго - 30-35 лет (могила 2)³. Стратиграфические наблюдения выявили временной разрыв между погребениями. Серая супесь с высоким содержанием золы, являющаяся заполнением могильной ямы 2, четко перекрывала могильную яму 1 в верхней части, основное заполнение которой составляла супесь коричневого цвета. Существование у андроновцев практики разновременных захоронений в одной ограде, и даже в одной погребальной камере, было широко распространенным явлением (Сорокин, 1962, с. 103).

---

¹ Показательно, что радиоуглеродное датирование по С14, проведенное в лаборатории Оксфорда, подтверждает более раннюю хронологическую позицию так называемых «синкретических» памятников, к которым отнесены алакульско-федоровские комплексы, по крайней мере, для периодизационной схемы Южного Урала (Епимахов, 2004, с. 206, 207, график 27).

² Нарушение костяка вызвано деятельностью норных животных.

³ Антропологические определения были проведены зав. кабинетом антропологии Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ, канд. ист. наук В.А. Дремовым. (Список 184, № 14, 15).

Двойное погребение умерших одного пола в двух специально спланированных погребальных камерах, где обычно находятся разнополюе костяки, исключает их брачные отношения и заставляет видеть в рассматриваемой ограде близнецное захоронение, так как символическое единство близнецов особенно ярко выражается в ритуалах, связанных со смертью (Тернер, 1983, с. 138). Видимо, двойственное единство близнецов при рождении требовало такого же единства и после смерти, что и нашло свое отражение в двойных однополюх захоронениях.

Вторым информативным блоком являются сосуды, установленные вверх дном, играющие ключевую роль в рассматриваемом погребальном обряде. По мнению М.А. Итиной, поставленные таким образом горшки символизируют стремление задержать души умерших, которые представляются носителями злых сил и могут принести вред живущим (1979, с. 17). Однако в данном случае сосуды, поставленные горлом вниз, очевидно, выполняли совершенно иную ритуальную функцию. На мой взгляд, перевернутые вверх дном сосуды символизируют выливание жидкости, воды. Возлияние - один из распространенных и естественных по законам симпатической магии способов вызывания дождя, падающего сверху из сосудов или каких-либо вместилищ, которые, по бытовавшим представлениям, находились на небе (Антонова, 1990, с. 237). Такая интерпретация хорошо стыкуется с широко распространенными представлениями, согласно которым магической властью над природой, особенно над дождем и вообще над погодой, обладают близнецы. Известно также, что в случае засухи могилы близнецов, наделенных могучей способностью влиять на погоду, поливались водой (Фрэзер, 1980, с. 80; Штернберг, 1936, с. 155-157). Показательно, что золистая супесь, образующая площадку над погребениями и составляющая заполнение могильной ямы 2, имеет очень плотную структуру, свидетельствующую о большом содержании воды, используемой, видимо, во время проведения обряда захоронения.

Связь сосудов с близнецами и водой подчеркивается содержанием орнамента, размерами и формой горшков. Оба сосуда имеют практически одинаковые параметры, уступчик при переходе шейки в тулово. Орнаментальные мотивы идентичны: шейка и тулово горшков украшены многорядным горизонтальным зигзагом. Правда, рисунок на сосуде, помещенном над могильной ямой 1, выполнен гладким штампом, кроме того, в нижней части шейки имеется поясok каплевидных вдавлений (рис. 1: 1). А на горшке над могилой 2 рисунок нанесен гребенчатым штампом (рис. 1: 2).

С учетом вышесказанного, можно отождествить зигзагообразный рисунок на горшках с изображением водной стихии и предположить, что сосуды с таким орнаментом использовались по прямому назначению как сосуды для воды. На семантику зигзагообразного, волнообразного орнамента именно в таком его значении неоднократно указывалось в научной литературе. Зигзагообразный рисунок преобладает и на большинстве орнаментированных горшков, установленных вверх дном.

Третьим информативным блоком является социальное превосходство одного умершего (могила 1) над другим (могила 2), в погребальный инвентарь которого был положен бронзовый нож. Видимо, это связано с тем, что один из близнецов, скорее всего старший (родившийся первым), имел более высокий социальный статус по сравнению с младшим. Неравенство при рождении сохранялось и после смерти, что и было зафиксировано в погребальном обряде: в могильной яме 2 умерший уложен за спиной погребенного в могильной яме 1. На данный аспект указывают и кости жертвенных животных: если с первым умершим были найдены кости крупного рогатого скота (быка), то со вторым - мелкого рогатого скота (барана), составляющих семантическое противопоставление: старший - младший. Подобные ассоциативные представления имели довольно широкое распространение в древности⁴ (Антонова, 1984, с. 218).

---

⁴Примечательно, что по одной из легенд коми-зырян их предки произошли от двух братьев: быка и барана (Савельева, 1971, с. 129).

Исходя из того, что погребальный обряд является совокупностью строго регламентированных действий, показателен принцип размещения сосудов, поставленных вверх дном, относительно сторон света. В погребении 1 сосуд установлен над восточным углом могилы, в погребении 2 - над западным. Очевидно, установленные таким образом горшки являлись и своего рода маркерами самих близнецов, символически связывающих старшего с востоком, младшего - с западом, а также соответствующих им жертвенных животных.

Обращает на себя внимание обрядовая золистая засыпка могильной ямы 2, связанная с интенсивными огненными ритуалами, которые, однако, проводились где-то на стороне, так как прокаленного грунта при исследовании ограды не зафиксировано. Можно предположить, что духовный статус умершего определенным образом связан с божеством, олицетворяющим огненную стихию.

Некоторые параллели описанному погребальному обряду можно провести с так называемыми биритуальными погребениями, сочетающими кремацию и ингумацию (Хлобыстина, 1976, с. 8), рассматривая их как дальнейшее развитие данного обряда. Не исключено, что поиски именно в этом направлении дадут положительные результаты при решении вопросов о причинах возникновения обряда кремации, широко распространенного в среде андроновских племен.⁵

Таким образом, у андроновского населения, как и у многих других индоевропейских и индоиранских племен, существовали религиозно-мифологические представления, связанные с божественными близнецами, что в данном случае удалось зафиксировать в погребальной обрядово-ритуальной практике, демонстрирующей, как правило, основные мировоззренческие аспекты, господствующие в обществе в наиболее концентрированном виде.

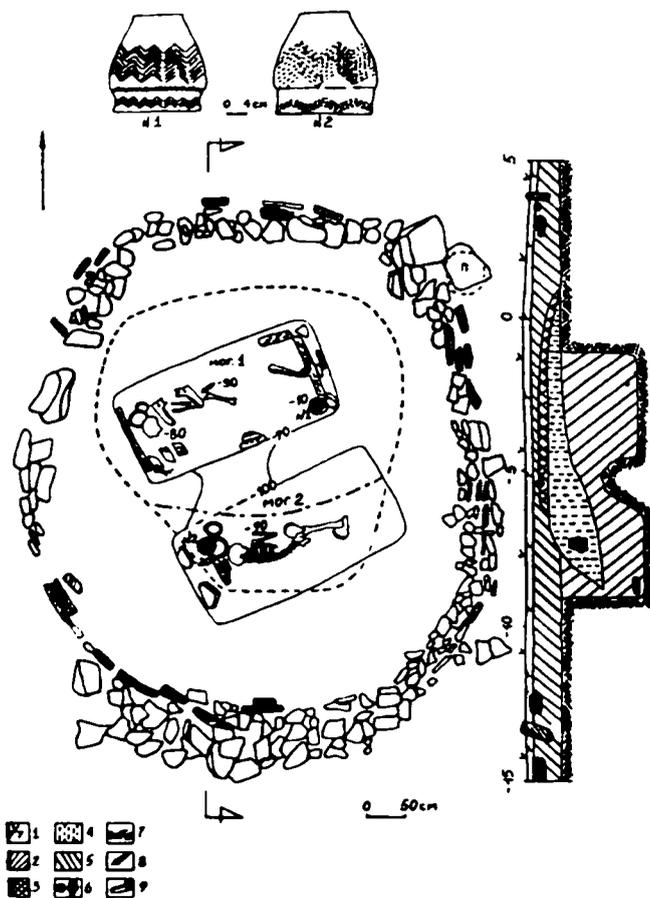

Рис. 1. Могильник Лисаковский. Раскоп XI, ограда 1

⁵ Например, у нивхов близнецов после смерти традиционно сжигают. На месте сожжения сооружают домик, в который помещают две деревянные спаренные фигурки - изображения близнецов (Штернберг, 1933, с. 307).

В.Е. ЛАРИЧЕВ, В.С. ЕЛАГИН, А.В. НОВИКОВ

Россия, Новосибирск

Институт археологии и этнографии СО РАН

Новосибирский государственный педагогический университет

ПОТЧЕВАШСКОЕ ВРЕМЯ: КАЛЕНДАРИ И КОСМОЛОГИЯ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ «ПРОЧТЕНИЯ» ЗНАКОВЫХ ЗАПИСЕЙ НА СОСУДЕ ИЗ ТУРУНОВКИ)*

В.Н. Чернецов является одним из выдающихся исследователей западносибирских древностей и принадлежит к числу основоположников сибирской археологии XX в. Его научный кругозор был значительно шире собственно археологии, а также истории древнего искусства. Он затрагивал в исследованиях этнографию, фольклористику и негуманитарные области знания. Одна из самых ярких черт В.Н. Чернецова - его способность к обобщениям на основании сравнительно малого объема материалов, повышенное внимание к деталям при реконструкциях историко-культурных процессов, обозначенных широкими мазками (Матющенко, 2001, с. 157-159). Вниманию участников мемориальной конференции предлагается сюжет, соответствующий стилю и духу научного творчества В.Н. Чернецова.

Вводные замечания. Уровень развития древней культуры определяют два компонента:

1. Характер экономики (моно- или многоотраслевая); совершенство технологий изготовления орудий труда и предметов быта; специфика социальной структуры общества; контакты и глубина взаимодействия с родственными и чуждыми этнокультурными регионами. Археология предоставляет по этим аспектам культуры обильные материалы из разного вида памятников.

2. Достижения элиты архаического общества (жречества) в интеллектуальном (религиозно-мифологическом и протонаучном) осмыслении природы (окружающей среды с ее земными и небесными составляющими), а также человека, что позволяет судить о мировоззренческих постулатах и о духовно-нравственных установках, которыми руководствовались в повседневном бытии создатели культуры. Трудности в поиске ответов на столь сложные вопросы предопределены, с одной стороны, отсутствием письменных источников, оптимальных для изучения интеллекта и духовности в первобытных обществах, а с другой - ограниченностью археологических источников, в силу их «безгласности», и относительной редкостью объектов, являющихся плодами художественного творчества.

Постановка проблемы. Превосходным и неисчерпаемым источниковым резервом для изучения мировоззрения первобытных обществ является керамика, «украшенная узорами». Ее информационный (семантический) потенциал, с нашей точки зрения, должным образом не используется. Причина заключается в увлечении археологов классификациями «орнамента» и форм посуды и в нацеленности их прежде всего на хронологические и этнокультурные построения.

Все это - достойные традиционной археологии сюжеты. Керамика становится важным источником раскрытия интеллектуальной составляющей культуры, если воспринимать «узоры» на сосудах не как «эстетический декор», а как знаково-образный текст, насыщенный неординарной информацией. «Орнамент» есть не улаживающая взор игра линий и прочих элементов «узорчатых композиций», а подобие клинописных таблиц шумеров, вавилонян и ассирийцев, доступных для прочтения при отработанной методике считывания информации.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований. Проект 02-06-80094.

Методические установки и программа поиска. Для начала необходим удачный выбор объекта исследования, информационный контекст которого позволял бы надеяться на успех в расшифровке. Наиболее подходящи для этого «числовые поля», т. е. такие варианты керамических «узоров», составные элементы которых *поддаются подсчету*. В самом начале работы требуется скрупулезный анализ всех без исключения деталей «узора», а затем воспроизведение предельно точной копии орнаментальных композиций сосуда - *полномасштабной разверстки*. Числовые блоки «орнамента» следует подвергнуть тестированию на предмет определения их характера. Получив результат, перейти к «прочтению» знаковых записей, взяв на вооружение великий методический постулат Пифагора: «Все возникает из числа и объясняется посредством числа», а также методические подходы изучения источников, разработанные астроархеологией, новой в России отрасли науки о древностях.

В интерпретационных реконструкциях гуманитариев *лишь число может придать безукоризненную доказательность их заключениям*. Подтвердим этот постулат на практике, проанализировав в заявленном методическом ключе «числовые поля» уникального сосуда из Туруновки.

Культурная идентификация и датировка источника. Небольшой керамический сосуд (рис. 1)¹ был обнаружен в ходе раскопок на поселении Туруновка-III (Центральная Бараба, Венгеровский район Новосибирской области). Перевернутый вверх дном сосуд находился вне жилищ, на поверхности древней погребенной почвы. Основная часть материалов поселения опубликована (Елагин, Молодин, 1991), но рассматриваемого нами источника в издании нет. Однако неординарная находка заслуживает особого внимания. Исключительный интерес вызывает знаково-образный текст, размещенный на верхнем срезе венчика, на стенках и дне изделия. Контекст обнаружения сосуда позволяет отнести его к потчевашской культуре и датировать III-V вв. н. э.

Презентация числовых знаковых записей сосуда. Определение характера чисел (рис. 1, 2). Знаки разных очертаний, напоминающие порой клинопись, образуют три пояса записей: верх венчика (79); узкая верхняя зона стенки, прилегающая к венчику (59); широкая полоса определенным образом сгруппированных знаков, которая занимает остальную часть поверхности сосуда (227). Нижняя полоса четко подразделяется на 8 блоков, два из них - свастики (размещаются рядом друг с другом). Если одну из них принять за начальный блок (рис. 2: 3), а вторую - за финальный (рис. 2: 9), то группы знаков составят следующую числовую последовательность:

$$[1 + 28] \rightarrow 21 \rightarrow 9 \rightarrow 15 \rightarrow 64 \rightarrow 14 \rightarrow 45 \rightarrow 30 = 227.$$

Проведем тестирование выявленных чисел, полагая по опыту работы с такого вида записями, что они представляют собой (с наибольшей вероятностью) календарно-астрономические записи:

a - венчик; число 79 кратно синодическому (т. е. относительно *Солнца*) обороту Луны - 79 сут. : 29,5306 сут. = 2,6751 $\approx$ 2 $\frac{2}{3}$ син. лун. мес.; *b* - верхняя зона стенки; число 59 кратно синодическому обороту Луны - 59 сут. : 29,5306 = 1,9979 $\approx$ 2 син. лун. мес.; *в* - широкая «орнаментальная» полоса; число 227 кратно синодическому обороту Луны - 227 сут. : 29,5306 сут. = 7 $\frac{2}{3}$ син. лун. мес.

Чтобы окончательно убедиться, что широкая «орнаментальная» полоса есть календарно-астрономический текст, протестируем составляющие его числовые блоки:

z - число [1 + 28] (свастика) близко длительности синодического оборота Луны - 29 сут. $\approx$ 29,5306 сут.; число 28 (т.е. без учета в блоке 1) близко длительности сидерического (относительно *звезд*) оборота Луны - 28 сут. $\approx$ 27,32 сут.; *d* - число 21 кратно сидерическому обороту Луны -

¹ Рисунки выполнены художником Н.В. Ермаковой. Авторы выражают ей глубокую признательность за исключительно точно выполненную работу.

21 сут. : 27,32 сут. = 0,7686 $\approx$ s сид. лун. мес.; число 21 близко также эпохе лунного затмения, циклу, позволяющему рассчитывать время наступления этого явления ($\approx$ 22 сут.); e - число 9 кратно сидерическому обороту Луны - 9 сут. : 27,32 сут. = 0,3294 $\approx$ $\frac{1}{3}$ сид. лун. мес.; ж - число 15 кратно синодическому обороту Луны - 15 сут. : 29,5306 сут. = 0,5079 $\approx$ S син. лун. мес.; з - число 64 кратно сидерическому обороту Луны - 64 сут. : 27,32 сут. = 2,3426 $\approx$ 2 $\frac{1}{3}$ сид. лун. мес.; и - число 14 кратно сидерическому обороту Луны - 14 сут. : 27,32 сут. = 0,5124 $\approx$ S сид. лун. мес.; к - число 45 кратно синодическому обороту Луны - 45 сут. : 29,5306 сут. = 1,5238 $\approx$ 1 S син. лун. мес.; оно также близко кратности сидерического оборота Луна - 45 сут. : 27,32 сут. = 1,6471 $\approx$ 1 $\frac{2}{3}$ сид. лун. мес.; л - число 30 (свастика) кратно синодическому обороту Луны - 30 сут. $\approx$ 29,5306 сут.

Изложенное позволяет сделать однозначный вывод - на сосуде из Туруновки зафиксирован календарно-астрономический текст. Общее число составляющих его знаков близко длительности солнечного года:

$$79 + 59 + [1 + 28] \text{ сут.} + 21 + 9 + 15 + 64 + 14 + 45 + 30 \text{ сут.} = 365 \approx 365, 242 \text{ сут.}!$$

Порядок считывания орнаментальных блоков. Объяснение его рациональности. Вышеприведенная последовательность и есть искомый порядок. Именно такой вариант считывания позволяет вывести на заметные позиции следующие периоды: в блоке 21 - рубежи половины драконического, лунного и солнечного годов. Столь же четко фиксируется в записи окончания драконического и лунных годов, цикла беременности женщины и периоды выравнивания лунного трехлетия с трехлетием солнечным (34 сут.).

Итог календарно-астрономических реконструкций. Знаковые записи на сосуде из Туруновки представляют собой текст энциклопедического характера, раскрывающий высокий уровень астрономических знаний потчевашского жречества и совершенство (комбинаторный характер) систем счисления разного вида времени, в том числе весьма «экзотического» - драконического, позволяющего вести расчет времени наступления лунных и солнечных затмений. Особое впечатление производит в этой связи постоянное «переключение» счисления времени от синодического варианта к сидерическому и обратно. Система счисления солнечного года поражает тем, что составляющие его блоки - лунные, это свидетельствует о том, что солнечное время отслеживалось с непрерывным его сопоставлением с временем лунным.

Сосуд из Туруновки как модель Мировой горы и Земли. На внешней поверхности дна сосуда прослеживаются каверны и разного вида черточки, возможно, образующие некую систему. Плохая сохранность и нечеткость этих знаков не позволяет уверенно судить о их назначении. Можно лишь высказать гипотезу, что они в совокупности представляют картину звездного Неба. Если так, то сосуд может быть воспринят моделью Мировой горы (а значит, и Земли), вокруг которой вращаются Луна и Солнце (записи циклов их обращений как раз и представляет «орнамент»). Эта модель напоминает в определенной мере вариант модели Земли Анаксимандра Милетского (около 610-547 гг. до н. э.), ученика Фалеса, великого космолога, астронома и календариста Греции (Ларичев, 1993). Он описывал Землю округлой, «подобной барабану каменной колонны, вокруг которой Луна и Солнце движутся по кругам, подобным колесу, имеющему полый обод».

Так миниатюрный, богато украшенный «узорами» сосуд превратился в знаково-символический объект космологической значимости. Преображение это произвели астроархеология и палеокалендаристика.

Л.Ф. ЛИПАТОВА

Россия, Салехард

Государственное учреждение

«Музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского»

СВАДЬБА В ГОРАХ ПОЛЯРНОГО УРАЛА

Попасть на ненецкую свадьбу в стойбище не очень просто, хотя посмотреть, как это событие происходит, хотелось очень давно. Ненецкий свадебный обряд описан у многих путешественников и исследователей Севера, но наиболее подробно это сделано в монографии «Ненцы» Л.В. Хомич. Увидеть собственными глазами, сравнить с тем, как свадьба проходила прежде и как совершается сейчас, мне еще не доводилось. Правда, лет десять назад на одном из праздников в пос. Питляр Шурышкарского района ненцы показывали весь процесс свадьбы, начиная от сватовства, но все-таки это была не настоящая свадьба, а ее имитация.

Я получила приглашение от Анны Неркаги на свадьбу, которая должна была состояться в горах Полярного Урала 20 марта 2003 г. Анна Неркаги - известная ненецкая писательница, она постоянно живет в пос. Лаборовая Приуральского района, а до этого вела кочевой образ жизни. Мы знакомы с ней уже много лет. Невесте, Вере Валеевой, Анна приходится близкой родственницей.

До фактории Лаборовая доехали на машине, а оттуда добирались на вездеходе. Хотя был конец марта, но мороз стоял около 30 °С. Благо, день стал намного длиннее, чем в декабре-январе, да и солнышко днем пригревало. Естественно, что мы взяли с собой продукты и подарки. Вездеход украсили разноцветными шариками - как-то же нужно отметить, что мы едем не просто в гости, а на свадьбу.

До стойбища добрались без приключений. Байдарацкая тундра (местность к югу от Байдарацкой губы, в которую входит также восточный склон Полярного Урала) отличается от других тундр Ямало-Ненецкого автономного округа. Имеется в виду не географическое положение, а традиции и обычаи кочующих там ненцев. В этой местности сложилась своеобразная культура, поскольку здесь вместе кочуют ненцы, ханты, коми-зыряне. Эти три народа родственны друг другу, все относятся к уральской языковой группе, и хотя родство это отдаленное, взаимовлияние культур сказывается. Можно провести параллель с надымскими ненцами, в формировании которых тоже приняли участие группы хантыйского происхождения. Причем процесс оненечивания хантов начался в конце XIX в., а завершился сравнительно недавно, в 30-е гг. XX в. Зыряне появляются в этих местах в XIX столетии, но особенно большим их приток стал с началом коллективизации. В то время из европейской части за Урал переселилось и много ненцев, которые также внесли вклад в создание современных культурных традиций. Научных трудов, посвященных культуре ненцев Байдарацкой тундры, мне не доводилось читать. Изменения в их культуре происходят и сейчас, и мне кажется, что это неизбежный процесс. Поэтому и можно увидеть на ненке зырянский наряд, ложные косы напоминают хантыйские и т. д. Идет взаимопроникновение культур, и в особенности это характерно для кочевников Байдарацкой тундры.

Итак, мы в стойбище родителей невесты. Здесь все готово к приёму жениха, его родителей и родственников. Съезжаются гости и со стороны невесты. Все люди в нарядных одеждах, женские нарты празднично украшены. Вот подростки, которые укрепляют хорей (шест, которым погоняют оленей) в вертикальном положении, чтобы с определенного расстояния набрасывать на него тынзян (местное название аркана). Это традиционная игра у северян. Некоторые ребятишки играют в городки. Эту типично русскую игру мне не раз доводилось видеть в стойбищах. В программе предполагаются и другие игры, например перетягивание палки. Суть ее заключается в том, что два игрока берутся за концы палки, упираются подошвами обуви друг в друга и начинают перетягивать палку от одного к другому.

Гости приезжают семьями вместе с детьми различного возраста. Вот одного из маленьких мальчишек сняли с нарты, и он сразу же побежал сначала к вездеходу, обследовал его со всех сторон, потом перебрался к «Бурану» и потребовал, чтобы его посадили на сиденье. Как сказала его мать, он очень любит всякую технику.

Рядом с чумом стоят две упакованные нарты с приданым. Там уложены и постельные принадлежности, и нюки - покрышки для чума, и ягушка - зимняя одежда, сшитая из оленьих шкур, кисы (обувь), шесты для чума и многое другое. Сверху положены циновки из прутьев. С большим интересом все гости рассматривают старинные бронзовые украшения для упряжи, которые очень ценятся у кочевников. К одной из нарт прислонен хорей, выкрашенный в красный цвет. К нему привяжут связанные вместе мужской пояс жениха и головной платок невесты и прислонят к чуму, когда начнется свадьба.

Заглядываю в чум. Там находятся Вера, ее мать Любовь Афанасьевна Валеева и шестнадцатилетняя девушка Майя Неркаги, все в новых праздничных платьях. Заходят и женщины-гости с детьми. Пока есть время, разговариваю с хозяйкой. Это ее родные места, здесь она кочевала с родителями, потом вышла замуж и стала жить в пос. Белоярск Приуральского района. Несколько лет назад она вернулась в тундру, вместе с ней и дочь Вера. У старших детей свои семьи. Они живут в Белоярске. Любовь Афанасьевна говорит, что она уже никогда не вернется в поселок. Я вспомнила, как три года назад увидела впервые Веру в стойбище. Она приехала туда в гости. Тогда ей был совершенно незнаком кочевой образ жизни, и она не знала, чем ей заняться. Так что, пока дочь хозяйки Майя крутилась по хозяйству (ведь девочки с самого детства помогают матери и годам к двенадцати вполне могут оставаться за хозяйку чума), Вера сидела, как неприкаянная. Теперь она умеет делать почти все. Как утверждает мать, Вера за это время всему научилась. Сама может и выделывать оленьи шкуры, и шить, и каслать, короче говоря, «держат в порядке целый чум». Сейчас ей 18 лет, ее будущему мужу Игорю Лаптандеру 21 год. Родители его Мария Папулевна и Семен Васильевич Лаптандер - потомственные оленеводы, хозяйствуют самостоятельно. По древней традиции у ненцев не принято вести точный счет оленей. Никто не скажет, сколько голов в принадлежащем кочевнику стаде.

Как и положено в тундре, Веру просватали. Приехали сваты - Иван Неркаги и Егор Лаптандер и спросили, отдадут ли хозяйка свою дочь за Игоря. Родители согласились, да и молодые люди понравились друг другу. Это раньше у невесты не спрашивали согласия, а теперь времена все-таки изменились. Договорились о калыме, и поскольку родители жениха - люди среднего достатка, сговорились на десяти оленях. Вполне приемлемо по нынешним временам. Назначили дату свадьбы. Приданое готовили как родители, так и двоюродные сестры Любви Афанасьевны - Анна Павловна и Зоя Павловна Неркаги.

Вот вдаль появились упряжки - это жених и его родственники. Остановились метрах в ста от стойбища. К ним подошли родственники невесты, чтобы обговорить некоторые детали свадьбы, кое-что уточнить. Наконец, начался и сам обряд. Как и положено, упряжки с гостями три раза объехали вокруг стойбища и остановились. Тут действия стали происходить и со стороны входа в чум, и с другой стороны. Мужчины, согласно древнему обычаю, принесли в жертву двух оленей. Одного оленя - со стороны невесты, другого - со стороны жениха. Их принесли в жертву (удушением) одновременно. Мужчины быстро и сноровисто разделали туши, женщины начали соревноваться, кто быстрее снимет «лапы» (так называется шкура с ног оленей) и обдерет шкуру с оленьих голов.

В это же время женщины со стороны жениха атаковали вход в чум. Они стремились попасть к невесте, а женщины, находящиеся внутри чума, не пускали их. Борьба разгорелась нешуточная. По окончании баталий наиболее воинственным женщинам со стороны невесты - Светлане Тайбери и Марине Лаптандер, были вручены подарки - головной платок и шкурка белого песка. Любовь Афанасьевна поделилась, посмеиваясь, своим впечатлением: «Если бы они не порвали нюк, то мы бы их ни за что не пустили в чум».

Потом все расселись кружком, чтобы угоститься кровью и мясом жертвенных оленей. Мы тоже присоединились к ним. Даже если человек не может есть сырое мясо и пить свежую кровь, хозяев, а вместе с ними и духов, обижать нельзя. Кстати, это очень полезная для организма пища.

Чум у хозяев небольшой, поэтому свадьбу продолжили в соседнем стойбище, где чумов несколько и есть где ночевать. Это место расположено километрах в четырех от оз. Харандо, где мы находились. Посидев некоторое время, стали собираться. Невесту укутали в покрывало с ног до головы. Так она поедет до соседнего стойбища. Все расселись по своим упряжкам и отправились в недолгий путь. Торжество продолжалось уже непосредственно в чуме, где были накрыты столы с угощением. Наутро гости разъехались по своим стойбищам. Часть из них поехала в стойбище к родителям жениха, где свадьба будет продолжена. Приглашали и нас, но это было достаточно далеко, да и время, как всегда, поджимало. Пришлось возвращаться в Салехард. Пожелаем же мира и любви молодой семье. Счастья, достатка и много детей Вам, молодожены!

Е.П. МАРТЫНОВА

Россия, Тула

Тульский государственный педагогический университет

КУЛЬТ УМЕРШИХ У НИЖНЕОБСКИХ ХАНТОВ

В этнографической литературе культ умерших принято объяснять заботой о покойных в течение определенного времени. У обских угров существуют две основные формы почитания умерших - поминки и изготовление кукол-заместителей покойного. Данные о них многочисленны, а по вопросам, касающимся кукол мертвых, - противоречивы. В основу работы положены полевые материалы, собранные автором в 1988-1992 гг. и в 2002 г. в Шурышкарском и Березовском районах ЯНАО.

Изготовление кукол мертвых связано с хантыйскими представлениями о душах. Согласно традиционному мировоззрению, у женщин имеется четыре души, а у мужчины - пять. Информанты не интерпретируют сведения о душах более подробно. Впервые характеристики и функции каждой из душ дал В.Н. Чернецов (1959, с. 114-156). Современные исследователи мировоззрения хантов предпочитают говорить не о душах, а о жизненных силах, представления о которых существенно различаются у разных групп (Мифология хантов, с. 65-71).

Поминки у нижнеобских хантов проводятся на кладбище *халась* в определенные сроки: на четвертый / пятый день после смерти, на сороковой / пятидесятый, через четыре / пять месяцев, через год и четыре / пять лет. На них приходят родственники и знакомые. Продукты приносят из дома, стол и посуда хранятся на кладбище возле могилы. Пришедшие «здороваются» с покойным, постукивая по крышке надмогильного «домика», открывают в нем «окно». Затем «окна» открывают на надмогильных сооружениях других родственников, таким способом их призывают повидаться с пришедшими на поминки. Пришедшие разводят костер, готовят пищу и накрывают на стол. Приготовленную еду сначала ставят к костру, потом к могиле - угощают умерших. После этого начинается общая трапеза, во время которой ведутся беседы на различные темы. По окончании убирают стол, гасят костер, прощаются и покидают кладбище.

В подарок умершим приносят отрезки ткани. Сначала ткань кладут на надмогильное сооружение, перед завершением поминок ее четыре / пять раз «очищают» четырьмя / пятью ветками березы и кладут в «домик» через окно. Считается, что из этой ткани умершие шьют одежду. При последующих посещениях ее можно использовать в качестве полотенец. Куски материи можно привязывать к дереву, в таком случае их перед уходом четыре / пять раз обметают ветками березы.

Забота об умерших проявляется в традиции привязывания в дни поминок женских платков *пезы ем окшам* («траурный хороший платок») к деревьям. Все платки завязываются вокруг одного и того же дерева. Считается, что платки помогают душе покойника перебираться через огненные реки и карабкаться по горам в стране мертвых.

Изображения умерших у обских угров в литературе обозначаются термином *иттарма*, считающимся заимствованным из ненецкого языка. Наряду с ним употребляются названия *шонгыт* (хант. «череп»). Обдорско-куноватские ханты называют куклу *аппа*, *аппаин* (информанты не могли перевести это слово на русский язык). Об обско-угорском обычае изготовления кукол мертвых упоминали многие авторы, которые по-разному описывали типы изображений, способы их изготовления, сроки хранения и действия после истечения этого срока. Так, есть сведения о том, что *иттарма* делают из тряпок и волос, из дерева, из металла; данные о сроках хранения варьируют от года до многих лет (передается потомкам); есть упоминания о сжигании куклы, о ее захоронении. Полученные автором сведения позволяют уточнить имеющуюся информацию. Так, выяснилось, что в нижнеобском ареале сохраняются две традиции в изготовлении кукол умерших: обдорско-куноватские ханты делают *иттарма*, а казымско-березовские - *упыт акань*. Последние термином *иттарма* / *шонгот* называют мешок или берестяную коробку с одеждой покойника.

У обдорско-куноватских хантов принято изготавливать *иттарма* на четвертый (для женщин) или пятый (для мужчин) день после смерти. Она представляет собой маленькую антропоморфную фигурку высотой 10-20 см из дерева (для умерших «своей смертью») или из металла (для умерших неестественной смертью). Обычно используется щепка от священного угла (*муль таха*) дома, где жил покойник, фигурку вырезает мужчина-родственник. В специальное углубление в туловище куклы помещают монету, которая символизирует душу. Женщина-родственница (но не жена) шьет комплект одежды в соответствии с полом покойника: четыре платья, четыре платка и халат *сах* на «женщин», пять рубах и малицу на «мужчин», на голову надевают платок или капюшон от малицы. Куклу помещают в берестяную коробку с «постелью». С *иттарма* обращаются как с живым человеком: хранят на любимом месте, «кормят», «укладывают спать», берут с собой при поездках в гости. Ханты говорят, что в *иттарма* живет душа покойника. Считается, что пока кукла находится дома, вдова или вдовец не имеют права вступить в новый брак.

По истечении четырех / пяти «хантыйских» лет (у обских угров зима и лето считаются за отдельные годы) *иттарма* «укладывают» - либо уносят в лес, либо помещают к домашним духам. Информанты дают разные объяснения об «укладывании» куклы. Одни говорят, что ее оставляют дома, «если сильно жалко». По словам других, это зависит от воли духов, которую узнает шаман. Если душа покойника ушла на небо, *иттарма* помещают к домашним духам, если же душа ушла в землю, то относят в лес.

Казымско-березовские ханты делают *иттарма* на сороковой / пятидесятый день со дня смерти. Они складывают одежду покойника в мешок или берестяной кузовок, который хранят на протяжении четырех / пяти лет, а потом уносят в лес.

Кукла умершего у казымско-березовских хантов изготавливается из волос и называется *упыт акань* («волосая кукла»). Близкие родственники («люди одного дома») выстригают / выжигают пучок волос на затылке (если умерла женщина) или надо лбом (если умер мужчина). Эти волосы собираются вместе с волосами покойника, завязываются в четыре / пять пучков и кладутся на тело. Перед выносом гроба волосы убирают в специальное место. После похорон из волос делают куклу с пуговицей или монетой на месте головы, надевают три рубахи (на «мужчину») или два платья (на «женщину»), зимнюю шубу, шапку / платок (в соответствии с полом). Затем *упыт акань* кладут на заячью подстилку, укрывают заячьей шкуркой, помещают в берестяную коробку и хранят на спальном месте покойника в течение сорока / пятидесяти дней. После смены времени года кукла сжигается. Ритуал совершается женщинами-родственницами либо осенью (перед

отлетом уток), либо весной (после прилета уток) обязательно при южном ветре. На краю селения сооружают модель чума, в него кладут шкурку, лапы, голову утки-чирка, *уыт-акань*, и деревянную бирку, по которой считают дни траура. Все это поливается утиным жиром и поджигается. Затем женщины садятся вокруг ритуального костра и, накрывшись платками, плачут. После окончания плача, умываются и расчесывают волосы. Мясо утки варится и съедается. Ханты считают, что этот ритуал проводится для того, чтобы душа умершего ушла в страну мертвых. Говорят, что утки переносят души покойников на север к озеру мертвых *халась ту*, а волосы помогают пересбираться через встречающиеся на пути огненные реки и горы (покойники связывают из волос веревки).

Обдорско-куноватские ханты волосяную куклу не делают. Они собирают волосы родственников умершего в четыре-пять пучков (*уыт шопыт*), кладут на тело покойника, перед выносом гроба убирают. Ритуал сожжения аналогичен казымско-березовскому по срокам и форме проведения.

По представлениям обских угров, существует особая категория покойников - *атым сорм* («плохая смерть»), к которой относятся люди, умершие неестественной (преждевременной) смертью - самоубийцы, утонувшие, погибшие от несчастного случая; особо среди них выделяются те, чьи тела не найдены. Для них у обдорско-куноватских хантов существуют особые места для поминаения - *ура*. Этим термином обозначаются и изображения «плохих умерших». Этимология слова не ясна, информанты затруднились перевести его на русский язык. Если тело не нашли, то делается *ура* в виде деревянной куклы высотой около 40 см, на которую надевается зимняя хантыйская одежда (на «мужчин» не полагается надевать штаны). При наличии тела *ура* представляет собой миниатюрный комплект одежды. *Ура* помещают в специальный домик *ура-хот*, по конструкции напоминающий надмогильное сооружение, установленный на спиленных деревьях или жердях высотой около 1 м. В *ура-хот* кладут комплект новой одежды, посуду, ткани. Мужчинам полагается класть малицу, которую он носил при жизни. Уже отмечалось, что в случае неестественной смерти *иттарма* изготавливают из металла. Ханты поясняют: «Если *атым сорм*, то *иттарма* делается из металла, потому что у них *ис-хор* (душа-образ) по небу ходит. Если человек сам умер, то из дерева, потому что у них *ис-хор* по земле ходит».

Нижнеобские ханты для обозначения души используют термины *ис* («душа») и *ис-хор* («душа-образ»), различия между ними пояснить затрудняются. Души умерших специальным ритуальным действием в день похорон «выводятся». Перед выносом гроба кто-либо из присутствующих в доме женщин «забирает» души с помощью нитки с иголкой и беличьего хвоста. Считается, что *ис* нужно обязательно вывести из дома, чтобы они не беспокоили живых. Дальнейшая судьба *ис* не совсем ясна. Видимо, одна из душ умершего после смерти переходит в *уыт акань* или *уыт шопыт*, а спустя некоторое время (после смены времени года) уходит на север. Другая душа переходит в *иттарма*, а затем в мир домашних духов. Посредством *ляksam* (реинкарнации) умерший может вернуться в мир людей, возродившись в потомках четырежды (для женщин) или пятикратно (для мужчин). «Возвращение» мыслилось только как рождение нового члена общества. Видимо, новое рождение как-то связывалось с сохранением в течение определенного срока облика покойного, чем обусловлена традиция изготовления куклы-заместителя или хранения одежды умершего. Кукла *ура* является заместителем отсутствующего тела, она дает возможность сохранять контакт с умершим и заботиться о нем во время поминок на *ура-хот*.

Н.И. НОВИКОВА

Россия, Москва

Институт этнологии и антропологии РАН

ПРАВОВЫЕ ОБЫЧАИ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ТРАДИЦИИ В XXI В.*

В Международных документах, в частности в Конвенции 169-й Международной организации труда (МОТ), в качестве основополагающей характеристики коренных народов указывается, что их «положение регулируется полностью или частично их собственными обычаями или традициями, или специальным законодательством». Таким образом, признается роль правовых обычаев в определении их статуса в государстве. В последнее время все больше говорится об особых знаниях аборигенов, которые выделяют их из окружающего мира. В первую очередь это касается их традиционных знаний о природе, которые рассматриваются как составная часть доктрины устойчивого развития (Конвенция ООН по окружающей среде и развитию 1992 г. и др.). В значительной степени именно на этих знаниях строятся и правовые нормы аборигенов. Вероятно, можно говорить о традиционных знаниях как определяющей черте их статуса в современном обществе и государстве.

Правовые нормы характеризуют особенности аборигенного правопонимания и правосознания, методы регуляции мира природы и мира людей и определения места человека в них. Кроме того, они позволяют аборигенам продемонстрировать свою культуру, привлечь внимание окружающих к проблемам ее сохранения и развития.

Большинство исследователей рассматривают правовые обычаи коренных народов Севера как часть традиционной культуры, устойчивые регуляторы жизни и средство разрешения конфликтов. На практике эти нормы отличаются большой гибкостью и способностью отвечать потребностям общества.

Я предлагаю рассмотреть лишь одну особенность правовых обычаев - *они закрепляют и разрушают норму*. Именно их изменяющийся характер приводит к тому, что обычай, становясь общественной нормой, создает преграду на пути развития и приводит со временем к разрушению этой нормы.

Рассмотрим следующую норму - *земля найдет себе хозяина*. Современные аборигены Западной Сибири объясняют ее так. Люди не выбирают, где им жить и вести хозяйство, их связь с определенной территорией - это доля, судьба. Здесь проявляется одна из черт их мировоззрения - установление обратной связи, партнерства с окружающим миром. Причем необходимо отметить, что чаще всего нет отдельных представлений о земле. Земля воспринимается как часть природы, ограниченная на каком-то пространстве. В этом смысле их представления в значительной степени соответствуют идеологии закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока».

В нормах обычного права, регламентирующих отношение представителей коренных народов к земле, проявляется одна из основополагающих черт их мировоззрения - большая ответственность по отношению к земле, родовым угодьям, когда люди рассматривают свое право на родовые угодья в первую очередь как свою обязанность по отношению к этой земле.

Слушая подобные разговоры или читая подобные высказывания в литературе, я думаю, многим приходило в голову, что они звучат несколько романтично в наше прагматичное время.

---

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» (подпрограмма «Историко-культурная эволюция, современное положение и перспективы устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока»).

В этом году я услышала такое объяснение этого правила: «земля как бы более самостоятельна, чем человек. И в случае, если в этой земле находят нефть, это также считается ее выбором. Есть такие участки земли, например, на Ватьегане. Эта земля такая, что ее должны были пробурить».

Сегодня аборигены определяют свои хозяйственные практики в зависимости от повседневных интересов. Это приводит к тому, что часть из них выступают за промышленное освоение традиционных территорий. Можно считать, что в XX в. завершился период романтики «традиционного природопользования».

Другой важной чертой этой идеологии является то, что по нормам обычного права землю не распределяли жестко между людьми, владения могли накладываться одно на другое. Представители коренных народов даже говорят, что если бы нефтяники правильно относились к земле, то и им можно было дать землю, но они не понимают, не чувствуют аборигенов как своих соседей.

Земля не может принадлежать человеку, он может только следить за ней, поэтому концепция «отторжения земель под промышленное освоение» вообще не воспринимается аборигенами. Возможно, в этом кроется одна из причин того, что они так легко пустили на свои земли приехавших геологов, а затем нефтяников. Старики теперь говорят: они думали, что те поработают, если им так нужно, и уйдут. Причем они считают, что хантам, да и другим коренным народам, досталось нести этот груз, сохранить эти земли, в первую очередь священные, но это не особенность их, а доля, поэтому ей не дается оценка.

Земля для аборигенов имеет в первую очередь не коммерческую ценность, а социальную. Характерно следующее высказывание: «Нужно такой закон, чтобы его нельзя было обойти, в первую очередь нам нужна земля. Чтобы она была в частной собственности. Раньше у нас не было частной собственности, но теперь нужно ввести. Внутри общины мы живем по нормам обычного права, все делится поровну между членами общины, наиболее важные вопросы решаются коллективно». Трудно не увидеть, что здесь предлагается довольно своеобразное толкование частной собственности на землю.

Нужно признать, что само по себе исследование обычного права коренных народов является лишь частью проблемы. Остаются нерешенными и даже подчас не названными в современных исследованиях вопросы субъекта обычного права и носителя особого статуса, каким наделены коренные малочисленные народы Севера по Конституции РФ и федеральным законам.

В советский период произошло соединение академических и государственно-бюрократических традиций выделения коренных народов Севера как отдельной группы с достаточно четкими, раз и навсегда зафиксированными границами. Такой подход сохраняется и поныне, со всеми его достоинствами и недостатками, он получил закрепление в законодательстве. В Федеральном законе «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» (1999 г.) дано определение этих народов: «коренные малочисленные народы Российской Федерации - народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тыс. человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями. Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации утверждается Правительством Российской Федерации по представлению органов государственной власти субъектов Российской Федерации, на территориях которых проживают эти народы».

Вместе с тем это определение не соответствует интересам многих аборигенов, предлагающих в современном мире весь спектр культурных и хозяйственных практик - от локально ограниченного почти натурального хозяйства до промышленного производства, ориентированного на международные рынки, что вызывает необходимость смены правовой и академической парадигмы.

Границы между коренными народами и остальным населением очень подвижны. Сегодня вообще трудно говорить о замкнутых локальных группах. Традиционный образ жизни -

достаточно спорное понятие, а в условиях глобализации и промышленного развития Севера для большинства аборигенов он становится скорее символом, чем реальной хозяйственной практикой. А ведь именно он является определяющим при закреплении их особого правового статуса в России. Возможно, именно поэтому столь острым становится противоречие, связанное с размытостью границ этой группы. В ее особом статусе были заинтересованы все - ученые, чиновники и сами аборигены. Попытка перейти в этом вопросе от коллективного к индивидуальному, т. е. практически защитить права на ресурсы каждого заинтересованного в них аборигена, сегодня затруднена, так как законодательство закрепляет именно коллективные права (Земельный кодекс, ст. 78, 82). Коллективистский характер носят и нормы обычного права, действующие у этих народов. Все это создает необходимость определить рамки этой группы для защиты их прав.

Необходимо учитывать, что применение обычного права для защиты прав коренных малочисленных народов не может рассматриваться как архаизация. Ведь в суде будут учитываться только те обычаи и традиции, которые «живы» сегодня, в тот момент, когда их применяют. Например, при возникновении конфликта с недропользователями из-за какой-то территории можно апеллировать к обычаям только в том случае, если живущие на ней люди соблюдают эти обычаи и могут это доказать. Только тогда они будут оправданы в глазах судьи. Возникает обратная связь. Современное законодательство, учитывая обычаи и традиции народов, создает новые возможности для сохранения и развития их культуры, в первую очередь их знаний. А знания как раз и могут определять их статус в государстве и международном сообществе.

Л.М. ПЛЕТНЕВА

Россия, Томск

Томский государственный педагогический университет

ИЗОБРАЖЕНИЯ ХИЩНИКОВ В СКИФО-СИБИРСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ ИЗ ТОМСКОГО ПРИОБЬЯ

Наиболее полным исследованием по сибирскому звериному стилю скифской эпохи являются работы Н.Л. Членовой (1962; 1967; 1992), в одной из которых представлены сводные таблицы предметов тагарского звериного стиля и их датировка (VII-V вв. до н. э.) (1967, с. 145-165, табл. 27, 31, 35). Среди них есть таблицы с описанием и датировкой хищников (с. 159-163). За последние 40 лет накоплены новые материалы во всей Сибири. В Западной Сибири и на Алтае ведутся большие экспедиционные работы Институтом археологии и этнографии СО РАН (для нашей темы основными являются исследования В.И. Молодина, Н.В. Полосьмак, В.Д. Кубарева и др.), Алтайским государственным университетом, Новосибирским государственным педагогическим университетом, Томским и Омским государственными университетами и др. научными коллективами. Издано значительное количество монографий, сборников статей и материалов конференций.

Все сказанное позволяет рассматривать материалы Томского Приобья на широком историко-культурном фоне. В Томском Приобье известно 7 бронзовых изображений хищников, что составляет 5,6% от общего числа изображений, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле. Датируются они V-III вв. до н. э. (Плетнева, 1976; 1977; 2002; 2004). Обстоятельства их нахождения таковы: в Савинском курганном могильнике (могила 1, курган 7) изображение «пантеры» находилось в вертикальном положении за черепом (рис. 1: 1); на поселении Шеломок II свернувшийся в кольцо и стоящий хищники входили в скопление бронзовых предметов в культовой постройке № 16, другой свернувшийся в кольцо хищник - в скопление бронзовых предметов между жилищами (рис. 1: 2, 3, 4); одно изображение «припавшего к земле» хищника

найдено на Старом Мусульманском кладбище при раскопках могильника эпохи неолита - энеолита (рис. 1: 5); два изображения свернувшихся хищников происходят из Степановской коллекции.

Перечисленные изображения опубликованы (Плетнева, 1976; 1977; 1994; 2002; 2004). Все изображения профильные, что является характерной чертой скифо-сибирского стиля, так как именно изображение в профиль дает наибольшую информацию (Полидович, 2004, с. 415). Шесть изображений - одно ухо и две ноги (лапы) - выполнены по канонам скифо-сибирского искусства V-III вв. до н. э. - изображено. Однако изображение двух ушей и четырех ног, характерное для VII-VI вв. до н. э. (Членова, 1967, с. 119), встречается и в V в. до н. э. на «алтайских» предметах и предметах юго-западного импорта. Именно так изображен стоящий хищник из центральной части культовой постройки № 16 поселения Шеломок II (рис. 1: 2), где он находился вместе с изображениями хищника в кольце, оленя в кольце, двух противостоящих лошадей и с двумя зеркалами (петельчатым и с фигуркой козлика вместо петли) (Плетнева, 2002, рис. 1).

Известные автору изображения хищников, в отличие от изображений копытных (косуль, козлов, козлов в круге), чаще всего индивидуальны. Возможно, большая схематизация изображений копытных вызвана их назначением: они часто использовались на конской упряжи, ножах, как амулеты и были вообще распространены более широко. Изображения хищников, видимо, имели более узкий круг применения: были атрибутами святилища, сопровождали умершего в потусторонний мир и венчали оружие. Например, они найдены в могильниках Пазырыкский I курган (Руденко, 1953, табл. XIII: 6), курган Аржан (Грязнов, 1980); Сидоровка (Матюшенко, Татаурова, 1997), Почта 3, курган 10 (Адамов и др., 1990), Могильник Кайрак, Тасмола 5 (Заднепровский, 1992), Обские Плесы 2 (Ведакин, 1996), Новый Шароп 1 (Троицкая, Бородовский, 1994, табл. LII: 55), Савинский (Плетнева, 1994) и др.; в святилищах (Плетнева, 2002), на жертвеннике из Киргизии (Заднепровский, 1992, табл. 32: 29), на оружии (Членова, 1967, табл. 28: 25).

Иногда хищников изображали на концах гривны, видимо, они выполняли охранительную функцию по отношению к хозяину: могильник Ак-Алаха 1, курган 1, погр. 2 (Полосьмак, 2001, с. 58), Пазырыкский II курган (Руденко, 1953, с. 133-135, рис. 79, табл. XXIX: 2) и очень редко находятся в культурном слое поселений (Корякова, Стефанов, 1981, с. 135; Матвеева, 1993, рис. 37: 20). Представляется, что именно связь этих хищников с подземным миром как хтонических существ является причиной их индивидуальности.

К синкретическим или фантастическим изображениям относится находка со Старого Мусульманского кладбища в виде «припавшего к земле» хищника с рогами над головой (рис. 1: 5). Отчетливо передана фигура хищника, а над его спиной и головой - оленьи рога, что свидетельствует о применении тех же приемов в изображении фантастических существ, что и реальных зверей. Как указывает Е.В. Переводчикова, фантастические изображения в скифском искусстве немногочисленны, проникли к скифам от соседей и были ими восприняты (1994, с. 49, 53). Находка со Старого Мусульманского кладбища, видимо, передает сцену «терзания»: в разинутой пасти хищника находится часть тела травоядного животного. Пластина имеет прямоугольную форму, возможно поэтому голова оленя или часть его тела выполнены нечетко.

Проблема происхождения образа хищника, припавшего к земле, рассматривается Е.С. Богдановым, который предполагает как один из возможных вариантов появление и развитие этого образа в Центральной Азии (2004, с. 440). Сходный с изображением со Старого Мусульманского кладбища сюжет имеет бляшка из могильника Новый Шароп 1 (кургана 6, могилы 2) из Новосибирской области: хищник с рогами оленя (?) на спине. Однако на бляшке хищник «идуший», под его мордой расположена, видимо, баранья голова (Троицкая, Новиков, 2004, рис. 28: 2). Находки отличаются стилем исполнения.

Свернувшийся в кольцо хищник - один из ранних мотивов в скифо-сибирском искусстве (Членова, 1967; Грязнов, 1980). В Томском Приобье находки его относятся к более позднему

периоду (V-III вв. до н. э.). Изображения хищников индивидуальны, поэтому редко встречаются аналогичные, совпадающие до деталей. Автору известно только одно изображение «пантеры», сходное с пантерой из Савинского курганного могильника (рис. 1: 1). Оно из Минусинского музея, впервые опубликовано Тальгреном (1917, Fig. 68), затем С.В. Киселевым (1950, табл. XXI: 10), и, видимо, на него же ссылается Н.Л. Членова (1967, табл. 27: 15), хотя в последнем случае рисунок несколько отличается от фотографий в двух первых изданиях. Одна это бляшка или разная, сказать затруднительно еще и потому, что у Тальгрена ее местонахождение определяется как из Минусинска, у С.В. Киселева - «из Минусинской котловины», у Н.Л. Членовой - «с. Бецкое, Минусинский музей, 9553». «Пантера» из Савинского могильника (рис. 1: 1) отличается от «минусинской» отсутствием сквозных отверстий в центре спиралей на хвосте и лопатке. (Ср.: Tallgren, 1917, Киселев, 1950, табл. XXI: 10).

В отличие от тех случаев, когда хищника можно узнать по форме головы (Переводчикова, 1994, с. 42-43), по изображениям с поселения Шеломок II это сделать довольно трудно, так как у одного из свернувшихся в кольцо хищников голова треугольной формы, у другого или приоткрыта пасть, или изображена борода и морда больше похожа на лошадиную (рис. 2: 4). Обе фигуры помещены в кольца с двойным кантом в виде перевитой веревочки по краям колец. Витки веревочек разного размера на каждой из бляшек.

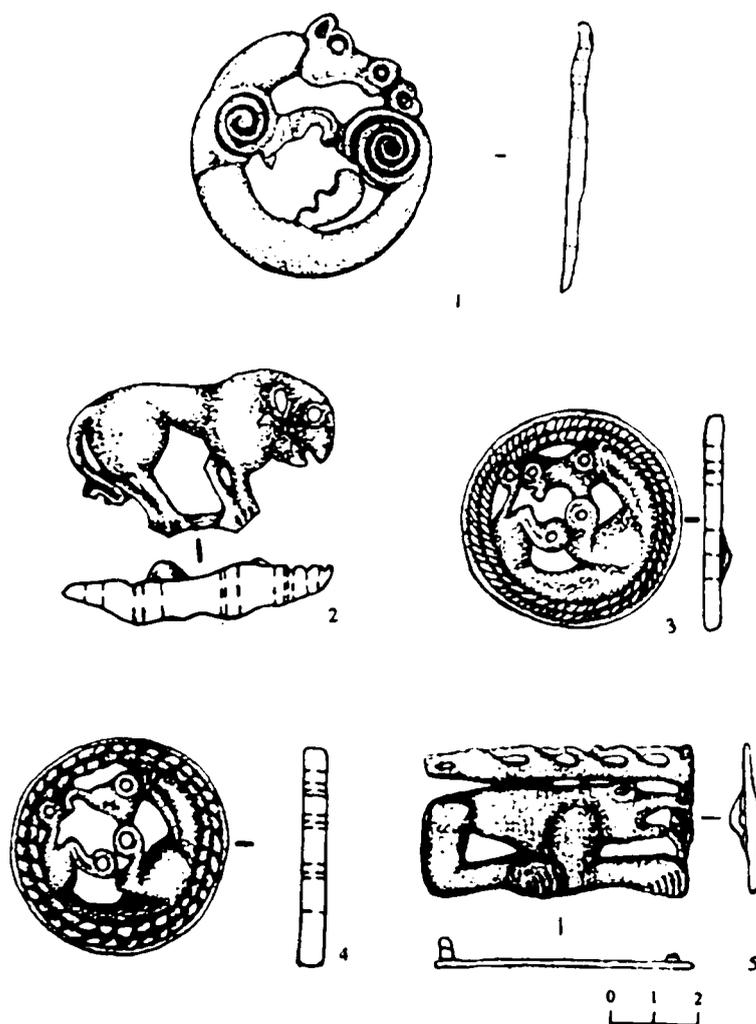

Рис. 1. Бронзовые изображения хищников из Томского Приобья: 1 - Савинский курганный могильник (к. 7. погр. 1); 2, 3, 4 - поселение Шеломок II; 5 - Старое Мусульманское кладбище

Исследователи неоднократно указывали на проникновение на территорию Алтая, Южной и Западной Сибири как предметов, так и самого населения из Средней Азии через Казахстан (Членова, 1967, с. 135; Троицкая, Бородавский, 1994, с. 76; Могильников, Уманский, 1997, с. 161; Фролов, 2004, с. 19-20). Формирование каменной культуры в лесостепном Алтае и частично в Новосибирском Приобье, по мнению ряда исследователей, связано с приходом южного населения сакского круга (Могильников, Уманский, 1997, с. 165; Фролов, 2004, с. 19-20). Шеломокская культура эпохи раннего железного века в Томском Приобье также испытала влияние юго-западных соседей, скорее всего, через лесостепной Алтай, примером чему является образ стоящего хищника. В целом все изображения хищников из Томского Приобья хорошо вписываются в общий стиль искусства скифо-сибирского мира.

А.Г. СЕЛЕЗНЕВ, И.А. СЕЛЕЗНЕВА

Россия, Омск

*Омский филиал Объединенного института истории, филологии и
философии СО РАН*

Филиал Института культурологии

РЕЛИГИОЗНО-СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ АСТАНА В СИБИРСКОМ ИСЛАМЕ: К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА*

Мусульманские святые места, распространенные на части территории расселения тобольских и курдакско-саргатских татар (север Омской области, Тюменская область РФ), получившие название *астана* - уникальное явление религиозной культуры. Назрела необходимость самостоятельного комплексного научного изучения этого вида памятников с применением методов и подходов различных научных дисциплин. Астана - составная часть культа святых в сибирском исламе. Особая актуальность изучения этого культа состоит в том, что он, не будучи частью официальной мусульманской доктрины, является в то же время важнейшим элементом народного или фольклорного ислама.

Концепция народного ислама соотносится в общем плане с теорией так называемых региональных или локальных культов. Они определяются как культы отдельных религиозных общин, находящихся на периферийном по отношению к религиозному центру положении. В их состав входят местные почитаемые святые, культовые места, могилы святых, локальные области молений и жертвоприношений и т. д. (Marx, 1977, p. 29-51; Werbner, 1977, p. 9-37).

В рамках концепции региональных культов должен рассматриваться и культ святых в исламе. Несмотря на то, что он получил весьма полное освещение на общетеоретическом уровне (Абашин, 2001, с. 128-131; Басилов, 1970; Гольдциэр, 1938; Подвижники ислама..., 2003), его региональные, локальные формы, распространившиеся, в частности, на территории бывшей Российской империи, изучены недостаточно. В значительной степени это относится к сибирскому исламу, где исследование культа святых началось совсем недавно (Белич, 1994; 1998; 2002; Валеев, 1992, с. 169-170; Уразалеев, 2002).

Предварительные материалы свидетельствуют, что культ святых в Сибири включает в себя: 1) почитание местных внеисламских религиозно-фольклорных образов; 2) легендарную информацию о древних миссионерах (*йохшилар*, *аулиелар*, *амбийялар*), распространивших правильную исламскую веру среди сибирских язычников, погибших в борьбе с ними и

---

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации МК - 2602.2003.06, грантов РГНФ № 04-01-00384а; 04-01-18109е.

похороненных на местах нынешнего расселения сибирских татар; 3) почитание мест этих легендарных захоронений (астана) и паломничество к ним; 4) культ образов и персонажей официального ислама (*Хазыр-Ильяс, Хасан, Хусейн, Айша, Фатима* и др.), получивших в традиционной религии народные, фольклорные форму и функции. В принципе аналогичным был состав культа святых и в соседних регионах Центральной Азии, например в Казахстане, материалы по которому обобщены в известной работе Брюса Г. Привратски (Privratsky, 1991, p. 154-188).

Итак, важнейшим элементом рассматриваемого культа является почитание памяти и мест захоронений (астана) первых исламских миссионеров (аулиелар, йохшилар, амбийялар) в Сибири - борцов за распространение ислама в Прииртышье.

В книге Х.Ч. Алишиной (1999, с. 114-188) упоминаются около 20 населенных пунктов Тюменской области, где находятся астана или где зафиксированы представления о мусульманских святых. И.В. Беличу в ходе многолетних полевых этнографических и исторических изысканий удалось собрать солидный свод данных о культовых мусульманских памятниках в районе древней столицы Сибирского ханства Искера, о Баишевской астане, Цингалинской астане и других памятниках.

В 2002-2004 гг. нами, совместно со студентами и аспирантами Омского государственного университета, при участии И.В. Белича, было проведено специальное обследование религиозных памятников астана тобольских и курдакско-саргатских татар. В ходе работ были осмотрены, описаны и сфотографированы следующие культовые места:

- комплекс из четырех астан вокруг д. Большая Тебендя Усть-Ишимского района Омской области (о них более подробно см.: Белич, Селезнев, Селезнева, 2004, с. 72-75);

- астана Карлыгач-ана (девы-ласточки) неподалеку от юрт Бегишевских Вагайского района Тюменской области. Ориентиром данного памятника являются две огромные, в несколько обхватов, сосны, вокруг которых явно видны западины;

- астана Хаким-ата в юртах Баишевских того же района. Наиболее известная и значительная святыня тоболо-иртышских татар, посещение которой, по некоторым данным, приравнивалось к хаджу в Мекку. Расположена на берегу Иртыша, неподалеку от кладбища. В настоящее время памятник представляет собой шестиугольный сруб, обнесенный оградой. Многократно описан в литературе. По-видимому, впервые этот культовый комплекс упомянут в полевых дневниках Г.Ф. Миллера, составленных летом 1734 г. в ходе знаменитого перехода по Иртышу сотрудников Первой академической экспедиции: «[Баиш-аул] ..., у подножия восточного высокого берега (Иртыша. - *Авт.*), немного выше речки Шилеки. Жители живут здесь зимой, а в полутора верстах отсюда на той же стороне они имеют деревню с тем же названием, где живут летом. Здесь находятся ясачные и служилые. В полуверсте выше этой деревни находится Astuna (Астана. - *Авт.*), где погребен татарский святой» (Сибирь XVIII века..., 1996, с. 80);

- астана юрт Кобякских того же района, где, по преданию, похоронен Касим-шейх. Расположена на деревенском кладбище, огорожена и снабжена специальными скамеечками для молящихся;

- астана деревни Аллагулово, того же района (на противоположном от Карагая берегу реки, на высоком, чрезвычайно живописном утесе). В настоящее время представляет собой высокий, в 9 венцов, шестиугольный сруб синего цвета, обнесенный оградой. Здесь, по данным информаторов, похоронен шейх Абдулхалик. Жители окрестных деревень ежегодно устраивают *таван*, в этот день мужчины чистят и подправляют астану. Затем уже в деревне проводятся поминки - *астана-ош*. Есть смотритель за астаной - *астана-караульце*. По другим данным, кроме Абдулхалика тут же похоронен Абдулазис, причем оба являются людям во сне.

- астана деревни Тюрмитяки (Оллы-бурян) Усть-Ишимского района Омской области. По данным информаторов, здесь похоронен шейх Бигач-Ата. Астана в виде четырехугольной ограды со столбом находится неподалеку от деревни, рядом с одним из двух кладбищ. Памятник

расположен на берегу красивейшего озера с примечательным названием Астана-бурен. По некоторым данным, в озере запрещено брать воду и рыбачить. Информаторы сообщают также, что на берегу озера лежал большой камень, который был способен сам перемещаться с места на место. Говорят, что в 1960-1970-е гг. властями было решено камень как объект религиозного поклонения вывезти, однако в ночь перед вывозом он таинственным образом исчез. Кроме того, до 1990-х гг. в деревне, чаще всего у муллы, хранился и передавался из поколения в поколение деревянный жезл, который называют *саура* (букв.: 'родословная', на такие жезлы, действительно, наматывали свитки с текстом родословной) или *укляв* (скалка). По форме это деревянный цилиндр с двумя ручками, украшенный орнаментом. Считалось, что жезл первоначально принадлежал Бигач-Ата и хранил на себе его дуновение.

Таким образом, астана - это культовый объект, который рассматривается людьми как место захоронения святых. Эти памятники являются местом паломничества и поклонения, с ними связаны индивидуальные и коллективные культовые действия. Кроме того, вокруг астан формируется особый штат людей, организующих уход за ними и отправление культа. Астаны могут иметь специальные сооружения (срубы-мавзолеи), чаще всего вблизи или на кладбище, а могут просто «приурочиваться» к каким-либо необычным природным объектам, как, например, две больших сосны на астане Карлыгач-ана рядом с Бегишевскими юртами.

Одной из важных проблем в изучении астан сибирских татар является происхождение этого религиозного института. Определенную информацию по этому вопросу может дать сравнительно-исторический и этимологический анализ самого понятия «астана».

Этнографически святилища со сходным названием и функциями были зафиксированы в весьма отдаленном регионе - на Памире, у изолированных ираноязычных групп: баджуйцев, бартангцев, ваханцев, ишкашимцев, орошорцев, рушанцев, хуфцев, шугнанцев, язгулемцев. Большинство из них исповедует исмаилизм - одно из направлений шиитского ислама, которое проникло на Памир более десяти столетий назад. Общим названием, обозначающим такие культовые комплексы, у памирцев, было и остается до сих пор слово *остон*. Остон воспринимается, с одной стороны, в качестве места паломничества, святыни, культового объекта как такового, с другой - как место, где пребывает некая сверхъестественная сила, обращаясь к которой можно заручиться поддержкой в решении хозяйственных, семейных и личных нужд. В последнем случае носители такой сверхъестественной силы, согласно народным верованиям, святые - люди, близкие к Богу, а потому наделенные способностью с божьей помощью творить чудеса. Эти представления напрямую связаны с культом исламских святых (*аулийа*) и почитанием мест их захоронений.

По мнению лингвистов, слово «остон», вероятно, происходит от авестийского *uz-dāna* - «сооружение». Как считают некоторые исследователи, остон в пехлевийском переводе трактуется как *āstōdan* - «вместилище костей» (Каландаров, 2002, с. 218-220). Это слово с аналогичной семантикой имеет место и в тюркских языках. Напомним в данной связи о знаменитом святилище Астана-баба в Туркменистане на верхней Амударье, рядом с которым была расселена особая группа шихов, живших в одноименном кишлаке Ших. Правда, в составе этой группы зафиксирован таджикский компонент, что, однако, не противоречит персидской версии происхождения данного термина (Демидов, 1976, с. 107-110). В современном персидском языке слова *asitan*, *asitana*, *astan* означают: порог; царский двор, дворец счастья; место отдыха и сна; могилы пророков и других святых людей. В этот семантический ряд входят такие понятия, как: мир; время; смерть; суд высокого достоинства (верховный суд); корни старых деревьев (Алишина, 1999, с. 64, 119; Миллер, 1953, с. 19; Richardson, 1829, p. 75; Steingass, 1892, p. 49).

Другое перспективное направление поисков открывается при знакомстве с ритуальной сферой суфизма. Так, в религиозной практике суфийского ордена Мевлевия термин астана/аситана применялся для обозначения специальных религиозных центров, возникавших вокруг гробницы святого основателя общины или ордена и служивших в качестве приютов, обителей для шейхов.

В жизни суфийских общин, астана были в целом равнозначны таким известным институтам суфизма, как *текке*, *завийа*, *даргах*, *ханака*, *рибат* и т. д. Это были именно социально-религиозные институты, поскольку постепенно так стали называть суфийские общины, объединенные культом святого основателя и почитавшие его могилу. В то же время в узком смысле эти термины обозначали особые обители, которые имели строго определенную ритуализированную структуру, включавшую в себя майдан, резиденцию шейха, комнаты для уединения, молитв, совместного *зикра*, бытовых нужд (например, *матбах*) и т. д.

Особого развития достигли астаны в период расцвета Османской империи. Тогда они составляли отдельный класс (наряду с *завийа*) знаменитых обителей - *текке* (*текия*). В этот период обители типа астана были широко распространены в целом ряде городов Анатолии (например, известная *астана-йи 'алийя Худюр-и пир* в Конье), Сирии (Дамаск, Алеппо), Египта (Каир). Астана выполняла функцию *текке* и в самом Стамбуле. При выявлении генезиса сибирских астан весьма важно учесть, что комплекс таких сооружений включал в себя, в качестве стержневого культового элемента, мавзолей, гробницу святого основателя (*вали*). Как уже было отмечено, эти сооружения и возникали именно как гробница святого, существовали весь период функционирования *барака* основателя, постепенно становясь религиозным центром близлежащей округи. Эти центры также были объектами паломничества и подношений (Тримингем, 2002, с. 199-215; Mawlawiyya..., 1991, p. 883-889, ср.: Dargah..., 1965, p. 141).

Таким образом, появление термина *астана* в диалектах тоболо-иртышских татар можно рассматривать либо как следствие прямого влияния иранского компонента, связанного с весьма специфичными исламскими группами Центрально-Азиатского региона, либо в качестве опосредованного воздействия через тюрков, также, разумеется, связанных с Центральной Азией. В свете приведенных данных совершенно очевидно, что понятие астана в качестве наименования святилищ у сибирских татар вошло в употребление под влиянием суфийских проповедников. Можно предположить, что механизм формирования общины почитателей астан в Сибири был аналогичен описанному выше процессу образования суфийских общин и орденов. Однако, реконструируя пути проникновения термина астана как названия исламских святилищ у сибирских татар, следует подчеркнуть, что по своим функциям эти памятники были тождественны аналогичным культовым сооружениям (*мазар*, *пир*, *авлия*, *зиярат*, *азиз*, *джой*) (Святые места..., 1988, с. 201), получившим распространение практически везде в рамках традиций народного ислама.

Ю.Б. СЕРИКОВ

Россия, Нижний Тагил

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ГРАНИЦА МЕЖДУ МИРАМИ (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ)

Согласно мифологическим представлениям древнего населения Урала и Сибири, Вселенная состоит из трех миров - верхнего, среднего и нижнего. Посредником между мирами был шаман. Он же являлся стражем и хранителем вверенного ему участка среднего мира (Косарев, 2003, с. 211). Естественно, что средний мир находился в определенном соприкосновении с верхним и нижним мирами, а значит, между мирами существовали символические границы. Существовали ли эти границы в материальном, реальном мире? Если существовали, то как они выглядели в археологическом контексте?

С 1996 г. автор проводит широкие исследования энеолитического культового центра, расположенного на западном берегу Шайтанского озера (Свердловская область). Основание мыса, на котором находится памятник, сложено гранитными валунами. Гранитный цоколь мыса

прикрыт намытым озером песком. Это так называемый береговой вал, который опоясывает озеро практически по всему его периметру. Раскопками исследована прибрежная полоса берегового вала около 60 м длиной и 5-6 м шириной. Кроме песчаной полосы вала исследовалась и заболоченная его часть. Общая вскрытая площадь составила около 500 кв. м. Коллекция находок превысила 100 тыс. экз.

Выбор столь необычного места раскопок объясняется тем, что в самом начале исследований на береговом валу было найдено размытое, но очень богатое энеолитическое погребение шамана (Сериков, 2002). Последующие раскопки берегового вала каждый год приводили к открытию интереснейших культовых находок, в том числе и произведений искусства. В настоящее время культовый комплекс Шайтанского озера является самым богатым и интересным из числа исследованных на территории Среднего Зауралья в последнее десятилетие (Серикова, 1999; Васильева, 2001; Сериков, 2004).

С погребением связано 75 каменных орудий, 3 утюжка, 2 диска из благородного талька, 13 подвесок и развал сосуда. Кроме погребения на узкой полосе берегового вала найдены антропоморфная скульптура из талька, скульптурное изображение фаллоса из камня, кремневые скульптуры лося, медведя, рыб и птиц, скульптуры утки, лосихи и рыбки, выточенные из фрагментов керамических сосудов, зооморфные гальки, кремневые изображения геометрических символов, фрагменты глиняных фигурок, орнаментированные каменные и костяные изделия. На валу найдено несколько культовых керамических сосудов. Один из них по венчику был оформлен рельефно и реалистически выполненными мордами медведя. Второй представлял керамический ковшик с рукояткой в виде головы медведя. Два сосуда были украшены графическими изображениями плывущих уток. Причем один сосуд (практически целый) находился в нише, образованной двумя гранитными валунами в цоколе мыса (Сериков, 2004).

Из культовых находок нужно отметить большую серию разнообразных каменных и керамических подвесок и нашивок, керамические пряслица, кусочки охры со стертими поверхностями, хрустальные (94 экз.) и сердоликовые изделия, в том числе хрустальную гальку для растирания охры, хрустальные скребки и наконечник стрелы, жертвенный нож из прозрачного оранжевого сердолика, кресальные кремни. Необычными находками культового характера являются так называемые «утюжки», 5 экз. которых найдено на валу. Четыре из них украшены орнаментом. На площади берегового вала было собрано около 300 кусочков охры разных оттенков и величины (Сериков, 1998а, с. 168-171; Викторова, 2004, с. 153-155).

Все вышеперечисленные находки происходят с восточной оконечности мыса, которая имеет свободный доступ к воде. С севера и юга мыс омывался заливами, в настоящее время заболоченными. В 92 м к западу от восточной кромки мыса на северном его берегу в 5 м от кромки болота (т. е. тоже на береговом валу) был найден клад каменных изделий. Он состоял из нуклеуса длиной 16,7 см, тесла, шлифованного топорика и заготовки «утюжка». Клад был накрыт небольшой каменной плиткой. Предварительно его можно датировать эпохой неолита.

Параллельно работам автора на береговом валу в течение двух лет проходили раскопки и самого мыса (под руководством А.В. Шаманаева и В.Т. Ковалевой). Коллекция находок, полученная екатеринбургскими археологами, также весьма значительна. Но находки культового характера представлены в ней единичными предметами: три подвески из шифера, керамический диск, скульптура рыбки, выточенная из фрагмента керамики, и два «утюжка» небольшого размера без орнамента. Причем все культовые находки залегали на участках, расположенных в непосредственной близости от кромки берегового вала (Шаманаев, Зырянова, 1999).

Естественно возник вопрос, с чем связано нахождение такого большого количества культовых находок на узкой прибрежной полосе. Ясно было одно - эта узкая полоса берега обладала особым сакральным значением. Поиск аналогий показал, что подобные сакральные участки зафиксированы и на других водоемах.

На береговом валу Карасьего озера (Свердловская область) еще в 1889 г. писателем Д.Н. Маминым-Сибиряком был найден человеческий череп. Кроме черепа с берегового вала поступила серия находок культового характера: костяная ложка, медвежьи клыки, пряслица, костяные бусы, каменные и костяные наконечники копий и стрел, скребок из горного хрусталя (Мамин, 1894, с. 45-46).

Только счастливая случайность - дренированное русло р. Дубны проложили через прибрежную часть стоянки Замостье-2 (Московская область) - позволила обнаружить в водных отложениях стоянки несколько десятков орнаментированных галек - так называемых «чуринг» (Лозовский, 1997, с. 33-38). По мнению В.В. Сидорова, их появление там связано с особым восприятием пограничного положения береговой линии. Отсюда следует, что богатство находок на прибрежных участках свидетельствует не о степени их обжитости, а является доказательством их особой сакральной значимости (2001, с. 226). К такому же выводу приходит Н.М. Чаиркина, исследующая торфяниковые памятники Урала (2004, с. 111).

Об особой важности прибрежной линии свидетельствуют и данные этнографии. Так, у нивхов медведь, помогающий человеку, живет в берлоге, расположенной не в лесу (как должно было бы быть у медведя), а под прибрежным утесом, чем подчеркивается значимость пограничной полосы между водой и сушей (Островский, 2000, с. 178).

Хорошо известно, что мир воды у сибирского населения относился к нижнему миру. Пограничная полоса между водой и сушей являлась символической границей между средним миром и миром нижним. Именно на пограничной полосе между двумя мирами (землей и водой) совершались различные культовые обряды и церемонии. Но граница не только разделяет миры, она их и объединяет. В зависимости от конкретных условий обряды, совершаемые на пограничной полосе, могли то открывать вход в иной мир, то служить барьером, защитой от влияний чужого мира.

Символическая граница между мирами проходила также через пещеры и вершины гор. В мифопоэтической традиции пещера выступает как место зачатия, рождения и погребения. Пещера также считается и входом в нижний мир. Причем особое почитание пещеры как входа в нижний мир является одной из универсалий, связанной с шаманизмом. Святилища на вершинах гор фиксируют границу между верхним и средним мирами. И в пещерах, и на вершинах гор известны погребения шаманов. Если проанализировать местоположение шаманских погребений Среднего Урала (Сериков, 1998б), окажется, что все захоронения можно разделить на несколько групп. Самая большая группа включает захоронения в пещерах и гротах (Бурановская, Дождевой, Каменное Кольцо, Кумышанская, Старичный Гребень, Усть-Катавская II). Вторая группа - это захоронения на берегу озер (Аятское, Кара-Якуповское, Кокшаровское, Шайтанское). Третья группа погребений приурочена к берегам рек (Дружный, Турганикское). Река также обладала пограничной функцией, служила границей между своим пространством и чужим, между своим миром и нижним. Из погребений на вершинах гор известно только одно - на горе Шаманихе. Возможно, именно поэтому в пограничной зоне (пещера, берег озера, реки, вершина горы) и хоронили людей, которые при жизни являлись посредниками между мирами. Даже после своей смерти шаманы продолжали служение своему коллективу, препятствуя проникновению чужих сил в мир людей.

Комплексы находок во всех видах пограничных зон довольно однородны, хотя и имеют отличия хронологического и семантического характера. Все находки, выявленные на пограничных участках, можно подразделить на несколько тематических комплексов. Выделение каждого комплекса обуславливается общими функциями и единой семантикой определенных категорий находок: 1) острые предметы (наконечники стрел, ножи, остря); 2) предметы, связанные с высеканием огня (кресальные кремни и огнива); 3) соляные знаки (пряслица, керамические диски, бусы); 4) предметы, связанные с металлургией (тигли, ошлакованная

керамика и глина, кусочки медной и железной руды, металлические украшения). Возможно, к ним следовало бы добавить керамический и фаунистический комплексы. Учитывая количество, характер и место залегания находок на пограничных участках, можно предположить, что все они выступали, прежде всего, в качестве жертвенных даров. Керамические сосуды с жертвенной пищей, сосуды и их фрагменты, кости животных, солярные знаки в виде пряслиц, дисков и бусин, кресала и огнива для высекания огня, костяные, бронзовые и железные наконечники стрел, ножи, остря, бронзовые украшения, остатки культового литья и другие находки - все они являются жертвенными дарами духам верхнего или нижнего миров. При этом следует учитывать, что принесенные на святилище обычные бытовые вещи приобретали особое сакральное значение. Семантика произведений искусства должна рассматриваться индивидуально в каждом конкретном случае. Некоторые изделия (наконечники стрел, остря, пряслица, кресальные кремни, предметы из хрустала, «утюжки») являлись апотропеями - охранителями мира людей.

Освоение нового пространства - это, прежде всего, установление новых границ, отделяющих свой мир от чужого. Новые границы маркируются помещением в них сакральных ценностей (погребений, кладов, произведений искусства, определенных изделий культового характера), которые являются оберегами, охранителями, апотропеями или жертвенными дарами.

И.Л. СИМОНОВА

Россия, Омск

Омский Областной музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля

ВЗАИМОЗАМЕНЯЕМЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ИЗДЕЛИЯХ, ВЫПОЛНЕННЫХ В СКИФО-СИБИРСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ

Многие изображения на изделиях степных культур скифо-сибирского мира раннего железного века представляют собой сложные полизйконические композиции. К наиболее изученному проявлению полиморфизма относятся изображения фантастических существ, содержащие в себе признаки двух и более животных разных видов, например грифоны, тарандры. Однако не менее интересными для исследования являются взаимозаменяемые изображения. Подобные композиционные построения долгое время оставались практически незамеченными. А.Д. Грач обратил внимание на нестандартные изображения на изделиях алды-бельской, саглынской и тасмолинской культур VII-VI вв. до н. э. (гребень из могильника Хемчик Бом III, бляха-застежка из могильника Тасмола V, роговые пластины из могильника Саглы-Бажи II, изделие из могильника Даган-Тэли I, роговая обойма из могильника Туран I). Композиция «загадочных картинок» (термин А.Д. Грача) строится по принципу взаимовписывания фигур меньшего размера в центральную, более крупную фигуру животного. Так, «центральной фигурой тасмолинской роговой бляхи является фигура животного с телом кабана и стилизованными оленьими рогами; в контуры этой фигуры вписаны изображения голов животных, среди которых можно четко различить головы горных козлов» (Грач, 1980, с. 78, 79). Однако исследователь не отметил, что отдельные образы в составе композиции являются взаимозаменяемыми: головы горных козлов одновременно могут восприниматься как птички.

Как самостоятельный прием скифо-сибирского искусства двусторонние взаимозаменяемые изображения характерны для поясной гарнитуры Забайкалья, Тувы, Алтая и Западной Сибири (пряжки из могильника Аймырлыг, Дэрестуйского могильника, Иволгинского городища, поясная накладка из Юстыда XII, пряжка из коллекции Лопатина, серебряная пряжка из могильника Сидоровский, металлическая бляха из коллекции Н.-К. Витсена, золотые поясные пластины из

Сибирской коллекции Петра I). Все они построены по сходной схеме: состоят минимум из двух композиционных пластов (самостоятельных образов), образованных общими изобразительными элементами. Такие композиции воспринимаются неоднозначно: одно изображение читается справа налево, другое, наоборот, слева направо, так что оба они являются взаимозаменяемыми и взаимодополняемыми по отношению друг к другу. В ряде случаев, связанных с симметричным расположением композиционных элементов, возможно их слияние в третий образ. Например, две головы грифонов, смотрящих вправо, являются одновременно головами двух козлов, смотрящих влево, целостно все они воспринимаются как голова фантастического существа в фасовом ракурсе (пряжка из коллекции Лопатина). Подобный способ художественного формообразования, согласно Е.Ф. Корольковой, можно охарактеризовать как метонимию, которая заключается в замещении одного образа другим, придающим ему новый, более глубокий смысл (1996, с. 45).

Рассматриваемый тип композиционного построения известен и на других изделиях скифо-сибирского мира. Навершие меча из Барабы представляет собой янусовидное изображение голов каких-то крупных животных: «лобные части тельцов смоделированы таким образом, что при взгляде в иной плоскости они обращаются в головы двух хищных смыкающихся клювами птиц» (Соловьев, Мартынов, 1987, с. 133-135). Перекрестье июсского кинжала, выполненное в виде двусторонних голов кабана, воспринимается так же, как протомы фантастических существ с грифонными головами и телом оленя (Бородовский, Ларичев, 2001). Деревянная кокарда из Юстыда XII представляет собой изображение двух рогатых животных (сайга?) с подогнутыми ногами, смотрящих друг на друга. Их круп оформлен в виде голов баранов таким образом, что вся композиция может восприниматься как две фигуры этих животных с поджатыми ногами, смотрящих в противоположные стороны (Королькова, 1996, с. 13, табл. 9, 5).

Значительная часть взаимозаменяемых композиций зафиксирована на распределителях ремней. Янусовидное изображение на изделии из могильника Обские Плесьи II выполнено в виде головы грифона или хищной птицы, имеющей общий глаз с головой рогатого зооморфного существа (козла?), смотрящего в противоположную сторону. Аналогичные данному композиционные построения зафиксированы на распределителях ремней с территории ананьинской культурной общности (Среднее Поволжье и Предуралье: Ананьинский, Мурзихинский I могильники и Галкинское городище). Роговой распределитель ремней в форме янусовидного изображения головы хищника из семейства кошачьих (могильник Кок-Эдиган) может восприниматься как две птички (грифоны?) головы (Худяков, Борисенко, 2002, с. 105, 106). Роговая пронизка с протомой кабана (Нурманбет II) одновременно представляет собой изображение головы птицы (Артамонов, 1973, с. 28).

Бронзовый колчаный крюк из Ананьинского могильника также можно отнести к взаимозаменяемой композиции: изображение «прочитывается» как голова хищной птицы с большим загнутым клювом, и вместе с тем - как голова животного (кабана?), развернутая в противоположную сторону (Васильев С.А., 2002, с. 290, рис. 18: 3, 4, 5). Аналогами данному изделию могут считаться бронзовые колчаные крюки из Новообинского кургана и могильника Сынтас (Иванов, Медникова, 1982, с. 90). Однако по принципу построения композиции два последних изделия следует отличать от двусторонних взаимозаменяемых изображений: их образы, хотя и являются янусовидными, существуют независимо друг от друга. Не происходит их совмещения, нет общих изобразительных элементов.

Следующий тип взаимозаменяемых полиэikonических изображений связан с восприятием предмета в разных ракурсах. К нему относятся поясные зооморфные крючки ананьинского звериного стиля (Грохань, Новомордово, Мастюгино). Все изделия построены по одному принципу: вид сбоку представляет собой изображение хищной птицы (ушастого грифона?) с большим загнутым клювом и закругленным ухом. Туловище птицы вытянуто, составляет вместе

с головой почти прямую линию, в ряде случаев намечены короткие лапы, крыло и хвост. Вид сверху оформлен в виде симметрично развернутого изображения головы хищника, расположенного в расширенной части изделия (относительно птицы - на ее хвосте) (Васильев С.А., 2004, с. 284, рис. 10). Аналоги отличаются большим разнообразием используемых образов: вид сбоку оформлен в виде птицы, вид сверху может представлять собой птицу (с. Таяба), животное в сгорбленной позе (Русская Тростянка, Частые курганы, с. Бажиган), фигуру копытного животного, оленя (Мастюгино, Частые курганы) или сцену терзания (Мастюгино). По мнению С.А. Васильева, образцами для ананьинских поясных зооморфных крючков послужили заимствования со Среднего Дона и Южного Урала (2004, с. 289).

Как уже отмечалось, к взаимозаменяемым изображениям можно также отнести ряд симметрично развернутых (с билатеральным сечением) или сдвоенных композиций, целостно воспринимаемых как некий третий образ. В скифо-сибирском искусстве подобные изображения широко распространены на предметах упряжи, вооружения и быта и практически не ограничены каким-либо периодом (Фурсикова, 2002, с. 249).

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Незамкнутость отдельных образов, обеспечивающая их своеобразную визуальную игру, при которой один перетекает в другой или является его частью, при этом не теряя самостоятельности и не разрывая композиционного целого, относится к общим признакам скифо-сибирской изобразительной традиции. Выделены следующие группы полиморфных взаимозаменяемых изображений: взаимозаменяемые двусторонние изображения, существующие самостоятельно или в составе более сложной композиции, например «загадочной картинке» (на поясных пряжках, распределителях ремней, колчанных крючках, оружии, гребнях, бляхах, роговых пластинах); взаимозаменяемые изображения, восприятие которых зависит от положения предмета в пространстве (поясные зооморфные крючки); симметрично развернутые или сдвоенные изображения, целостно воспринимаемые как некий третий образ (на оружии, элементах упряжи, предметах быта). Визуальное восприятие подобных композиционных построений обусловлено уже рассмотренным способом формообразования - метонимией. Для достижения желаемого эффекта используется следующее: симметрия, наличие общих изобразительных элементов, форма самого предмета, предполагающая оформление разных частей изделия разными образами. Все зафиксированные композиции представляют собой различные сочетания фигур, протом и голов хищных животных и птиц (в ряде случаев «хищное» - синоним «фантастического») с травоядными животными и друг с другом. Так как нередки сочетания типа: «копытное - копытное», «хищное - хищное» или «птица - птица», говорить о бинарных оппозициях здесь не представляется возможным. Однако сакральность данных композиционных построений не вызывает сомнения. Их можно соотносить с архаической концепцией «взаимооборачиваемости» всех сторон и проявлений действительности.

С.В. СОТНИКОВА

Россия, Тобольск

Тобольский педагогический институт

ОТ АНДРОНОВСКОГО ТРУПОСОЖЖЕНИЯ К УГОРСКОМУ СОЖЖЕНИЮ РИТУАЛЬНЫХ КУКОЛ: ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИИ

Некоторые представления о жизненном пути человека, нашедшие отражение в погребальном обряде, обладают удивительной устойчивостью во времени, что позволяет проследить эволюцию традиции и проанализировать, как изменялись формы ее функционирования.

В эпоху бронзы обширные пространства евразийских степей занимало андроновское население. Одним из ярких элементов погребального обряда андроновцев (федоровцев) являлся ритуал сожжения умершего. Кремация осуществлялась на стороне с последующим захоронением останков в могиле. Кремированные останки размещались на дне компактно, в виде небольших скоплений в центре или в восточной части погребальной камеры. Несмотря на то, что остатки кремации занимали небольшую площадь, могильные ямы нередко достигали крупных размеров (длина 3 м и более, ширина 2-2,5 м). Основная масса кремированных останков размещалась в ямах средних размеров, но и они достаточно велики и примерно соответствуют размерам ям взрослых погребений по способу труположения. Это позволяет предположить, что какая-то часть ритуальных действий, связанных с использованием могильной ямы, могла совершаться до совершения кремации. Привлекая древнеиранские параллели, возможно предположить, что андроновский погребальный ритуал предусматривал временное нахождение в могиле останков умершего до совершения сожжения и последующего окончательного захоронения.

К этому заключению подводит описание древнеиранского погребального обряда, нашедшего отражение в Авесте (Видевдат, 5-й и 8-й фрагарды). В пятом фрагарде (10-14) на вопрос, как поступать почитателям Ахура-Мазды зимой, когда нет возможности принести тело на дахму, отвечено, что в каждом доме, в каждом поселении необходимо возвести три помещения для мертвых (особо для мужчин, женщин и детей). Размеры этих помещений должны быть «достаточно обширные, чтобы не задевать головы стоящего человека, вытянутых ног, протянутых рук... Там положат бездыханное тело на две ночи, на три ночи, на месяц, пока не полетят снова птицы, не зацветут растения, не потекут скрытые воды, и ветер не высушит землю. Когда же птицы снова полетят, растения зацветут, скрытые воды потекут, и ветер высушит землю, тогда почитатели Мазды выставят тело на солнце».

Восьмой фрагард (4-10) содержит иное предписание. На вопрос о том, что делать, если умирает собака или человек, а в это время идет дождь, снег, дует ветер и т. д., Ахура Мазда отвечает: «Место этого жилища почитателя Мазды там, где земля наиболее чиста и наиболее суха, где менее всего бывает мелкий и крупный скот... В этом месте верующие выроют ров глубиной 5 футов, если земля тверда, и в 5 человеческого роста, если она мягка, [затем] положат на это место пепел или коровий навоз, а сверху кирпичи, камни или очень сухую землю: там поместят они бездыханное тело на две ночи, на три ночи или на месяц, пока не полетят птицы, пока не зацветут растения, пока не потекут скрытые воды и ветер не высушит землю». Когда это наступит, рекомендуется вынести покойника через пролом в стене и положить на дахму - место для выставления трупов. Затем очищенные от плоти кости помещали в костехранилище - *астодан* (Мейтарчян, 1999, с. 42-48).

Иранский ритуал отличается от андроновского (федоровского) отсутствием обычая сожжения, вместо него практикуется выставление умершего на солнце с последующим захоронением останков. М. Бойс полагает, что обычай выставления тел заменил у иранцев обряд сожжения, поскольку «солнечные лучи становились путем, по которому душа поднималась на небо, а разлагающаяся плоть быстро исчезала» (1987, с. 23-24). Очевидно, что для индоиранского населения обряд трупосожжения является более ранним, нежели обычай оставления трупа на поверхности. Как свидетельствуют лингвистические данные, ритуал сожжения и представление о двух видах душ (души-тени и души-дыхания), связанное с ним, может восходить к достаточно древнему индоевропейскому периоду (Иванов, 1997, с. 560-571).

Индоиранская принадлежность андроновцев, как федоровцев, так и алакульцев, достаточно убедительно доказывается Е.Е. Кузьминой (1994 и др.). Можно предположить, что сходные представления существовали уже у андроновцев, которые практиковали более древнюю форму данного обряда - сожжение. Вероятно, федоровцы избегали совершать сожжение умершего в неблагоприятный период годового цикла - поздней осенью и зимой. Если человек умирал в это

время, то кремация откладывалась до весны. До ее наступления умерший мог помещаться в просторную могильную яму, чем и объясняется рост числа крупных ям в федоровское время. После совершения сожжения останки помещались, вероятно, в ту же яму, которую предварительно подправляли, углубляли.

Достаточно очевидные параллели иранскому ритуалу обращения с умершим присутствуют и в культуре обских угров. Но ритуальные действия совершаются здесь не с самим умершим, а с куклой (итгерма, шонгот, ис-хор), которую изготавливали после смерти человека. Изготовление куклы не противоречит древней индоевропейской традиции. Как отмечает В.В. Иванов, «характерной чертой обряда, практически совпадающего у гомеровских греков, хеттов .:. и ведийских ариев... является наличие символического изображения покойного». Он приходит к выводу, что это изображение связано с существованием души-тени, наподобие греческой шхчЮ (1997, с. 571).

Обычай изготавливать куклу был распространен среди северных хантов (Кулемзин, 2000, с. 131). К.Ф. Карьялайнен отмечает, что «если на Казыме умирает тот, кто уже научился вязать узлы, с его головы срезают волосы, которые вкладывают в куклу умершего (is-чог-вгат)... В солнечные дни ее вынимают и сажают на стол во время семейных трапез. Так заботятся о кукле умершего мужчины пятьдесят, а о кукле умершей женщины сорок дней, и в это время не посещают их могил. По истечении этого срока куклу при необходимости хранят в сундуке до дня сожжения. Но нельзя сжигать, если реки покрыты льдом. Если человек умер поздней осенью, так что дни поминовения (50-40) не закончились до замерзания рек, куклу сжигают только следующей весной во время возвращения диких уток» (Карьялайнен, 1994, с. 110).

По свидетельству В.Н. Чернецова, на окраине селения для изображения покойного строится небольшой шалашик, «перед входом которого кладется убитая утка головой на север. Шалашик вместе с куклой сжигается, а утку родственники варят и съедают. Если человек умер осенью или зимой, то изображение его хранят до весны, пока не прилетят утки. Обряд сжигания куклы производится непременно при «верховом», т. е. южном ветре» (1959, с. 151).

Сходство угорского и иранского ритуалов поразительно, оно проявляется не только в общей схеме ритуала - хранение трупа или изображения до весны с последующим сожжением (чему в иранской традиции может соответствовать выставление трупа на солнце), но и в деталях - сожжение приурочено к прилету птиц, вскрытию рек и южному ветру. Такое сходство могло возникнуть в ходе длительных арио-уральских контактов, начало которых, по лингвистическим данным, приводимым В.И. Абаевым, следует относить еще к периоду существования арийской общности (1981, с. 84-89).

Сходство древнеиранского и угорского ритуалов проявляется не только в особенностях ритуальных действий, но и в характере представлений о жизненном пути человека. Как уже отмечалось, иранский обряд выставления трупа на солнце должен был обеспечить восхождение души умершего на небо. Связь этой души с небом подчеркивалась также тем, что выставление трупа было приурочено к прилету птиц. Угорские куклы также считались вместилищем души-дыхания (души-имени, по В.Н. Чернецову) *лил/лили*, которая представлялась в виде птицы и была связана с небом. Как отмечает В.Н. Чернецов, эта реинкарнирующая душа «по воззрениям обских угров связывалась с дыханием и жизненным началом человека и представлялась в виде птицы, живущей у его головы» (1971, с. 81).

Эти представления о связи куклы с бессмертной душой-дыханием нашли отражение в ее изготовлении и в обряде сжигания. Одним из материалов для создания куклы служил пучок волос умершего (Карьялайнен, 1994, с. 110; Кулемзин, 2000, с. 131; и др.). Как отмечает З.П. Соколова, местом обитания души-дыхания являлись волосы, голова человека (1975, с. 172). Сжигали куклу вместе с уткой (Кулемзин, 2000, с. 132), либо утка присутствовала при обряде сожжения (Чернецов, 1959, с. 151), что указывает на семантическую тождественность представлений о птице и душе-дыхании.

Но, несмотря на то, что кукла создавалась какместилище души-дыхания, в ее названии подчеркивается связь с образом души-тени *ис-хор*. В свое время К.Ф. Карьялайнен отмечал, что словом *хор* обозначали тень, контур, отражение, а «у северных остяков оно встречается в названии кукол умерших» (1994, с. 38). В.М. Кулемзин пишет, что куклу, изображающую умершего, иначе называли *ира*, букв.: 'образ' (2000, с. 131). Он предполагает, что данный термин представляет собой синоним термину *курр* - 'форма, вид, образ, внешность' (1984, с. 149). Эти сведения о названии куклы позволяют предположить, что она была изображением не живого человека, а умершего и осознавалась как заместитель его материальной субстанции. В качестве косвенного подтверждения этому выводу можно привести еще одно название данных кукол - *šoŋet* (Чернецов, 1971, с. 81; Кулемзин, 2000, с. 131). Как отмечает З.П. Соколова, данное слово наряду со значением 'дух, душа' означало также 'череп' (1975, с. 172). Собственно и обращались с куклой, как с трупом, - хранили ее до дня сожжения в сундуке-гробу (Карьялайнен, 1994, с. 110) или в берестяной коробке (Кулемзин, 2000, с. 131), а вынимали, как отмечал Карьялайнен (1994, с. 110), только в солнечные дни (ср. связь с солнцем в иранском обряде выставления трупа). Но угорская кукла была все же «живым трупом», так как в ней обитала душа-дыхание *лил*.

Обряд сжигания куклы представлял собой, по-существу, трупосожжение, в ходе которого бессмертная душа-дыхание *лил* отделялась от трупа и отправлялась вместе с птицами на небо, а затем вселялась в новорожденного младенца.

Вероятно, в угорском ритуале обращения с куклой нашли отражение древние иранские традиции. Определенный интерес в связи со всем вышесказанным представляет вывод, к которому приходит В.М. Кулемзин, полагающий что «в правилах изготовления, обращения, хранения кукол имеются детали, которые противоречат традиционному мировоззрению хантов» (2000, с. 132).

В.Ф. СТАРКОВ

Россия, Москва

Институт археологии РАН

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРОРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ)

Вопрос о высоком духовном уровне населения Русского Севера не нов. Повсеместная грамотность поморов, использование в быту высокохудожественных изделий духовного и светского содержания, своеобразие деревянного зодчества, составление и использование морских карт и лоций, широкое применение в навигации больших приметных крестов, богато украшенных и покрытых надписями - все это подробно изложено в литературе (Лихачев, 1946; Перевалов, 1949; Ушаков, 1972; Кошечкин, 1979; Гемп, 1980; Бернштам, 1983; и др.).

Вместе с тем до последнего времени духовную жизнь русских поморов характеризовали недостаточно полно, поскольку ее связывали преимущественно со стационарными поселениями, в то время как особенности быта людей в период регулярной промысловой деятельности, составлявшей месяцы и даже годы, оставались совершенно неизученными.

Чистые промысловые комплексы поморов раннего времени, причем в большом количестве, были изучены на архипелаге Шпицберген. Девять из них датированы XVI-XVII вв. (Старков, 1998). Предметы духовной культуры поражают своей многочисленностью и разнообразием. В их число входят надписи (в том числе тексты), предметы культа, элементы изобразительного искусства, шахматы, музыкальные инструменты, календари. Этот список можно дополнить навигационными приборами (градшток и магнитные компасы), а также мерными линейками-полуаршинами.

Коллекция шпицбергенских надписей состоит из более тридцати наименований, среди них - тексты, отдельные имена, инициалы и даты. Семь самых ранних надписей датируются XVI в.

К категории наиболее редких и неординарных предметов духовной культуры относится алфавит, найденный в нижнем слое поселения Слркаппватнет, датируемом второй половиной XVI в. Буквы древнерусского алфавита вырезаны на трехгранной планке длиной 10 см. Они нанесены крупным, четким русским полууставом, несколько искусственным по начертанию. Это специально изготовленное учебное пособие, аналогии которому отсутствуют.

Большой и важный по содержанию текст был найден на памятнике Ван-Мюйден, ранний комплекс которого относится к концу XVI в. Надпись вырезана крупным русским полууставом на поверхности деревянного предмета но, к сожалению, сохранилась не полностью. Приблизительный перевод текста выглядит следующим образом: *«Богу 1594 тут во зали(ве)...1593... во 1594 г...у Миреин и кто де(лал)»*.

Группа надписей была обнаружена при раскопках одиночной постройки в районе р. Стаббэльва на острове Западный Шпицберген. Дендродата памятника - 1589 г. Среди надписей один текст: *«Иван Петро Ване Панова сорочено дело»* (*Иван Петров справлял сороковой день по Ване Панову*), одно отдельно написанное имя: *Галаха Кабачев»* (*«Галактион Кабачев»*) и два инициала: *«ГНК»* и *«ЛТ»*.

Текст также поминального характера был найден в нижнем слое дома № 1 поселения Гравшлн. По данным дендрохронологии, раннее время существования этой постройки определяется 1548 и 1592 гг. (Черных Н.Б., 1990). В современной транскрипции текст читается следующим образом: *«Преставися мирининнь от города»* (*«Умер мирской житель города»*). Надпись выполнена полууставом и не разделена на слова. Она весьма интересна по содержанию. Во-первых, в ней сообщается, что умер житель «города», т. е. Архангельска. Во-вторых, сказано, что этот промысловик был «мирянинном»: так мог выразиться только монах, а не мирской человеком. Отсюда можно сделать вывод, что на поселении Гравшлн проживала промысловая артель одного из беломорских монастырей, в которой в качестве «морских и промышленных знатцев» находились жители г. Архангельска. Наиболее вероятное время создания текста XVII в.

Укажем еще на один текст из того же поселения Гравшлн, который датируется, скорее всего, началом XVIII в. Его расшифровка: *«30 лет зимовал ...тиков»* - говорит о том, что перед нами первое известие о многолетнем проживании поморов на Шпицбергене.

Среди предметов изобразительного искусства обращает на себя внимание резной крест-мошечник XVI в., о котором уже говорилось в публикациях (Старков, 1998, с. 56, рис. 18: 3). Вся поверхность креста покрыта тонкой резьбой, изображающей крест распятия, гору Голгофу и стены Иерусалима, нанесены также многочисленные канонические надписи. Изделие относится к редким образцам древнерусского декоративно-прикладного искусства. Более примитивное изображение голгофного креста было найдено в 1882 г. шведским геологом Г. де Геером при раскопках русского поселения XVIII в. в заливе Адвент-фьорд (Carlheim-Gyllenskuöld, 1900).

К серии предметов прикладного искусства можно отнести так называемые приметные кресты, которые играли важную роль в жизни обитателей Русского Севера. Приметные кресты были полифункциональны: служили культовыми сооружениями, выполняли роль своего рода заявочных знаков на местах промыслов, являлись обетными и мемориальными символами. Основное их назначение - навигационные знаки. Велико значение крестов в создании благоприятного психологического пространства на местах зимовок. Судя по изображению шпицбергенских крестов, представленных на гравюрах середины XIX в., многие из них были подлинными произведениями искусства (Atlas Historisque..., 1852).

Говоря о предметах духовной культуры поморов, нельзя не отметить три деревянных поделки, изготовленных местными художниками. На поверхности одного изделия овальной формы с

проушиной в верхней части нанесено изображение северного оленя с утрированно густыми и ветвистыми рогами. Второй рисунок помещен на доске. Лаконично и четко, одной изогнутой линией, художник изобразил контур коня, дополнив его прорезью треугольной формы, обозначив тем самым нижнюю часть тулова и ноги животного. Третья находка - объемная резная фигурка фантастического животного (химеры?). Изображенное существо отличается маленькой заостренной головкой с гривой, которая посажена на массивное туловище, покрытое волосами. Художник с большим мастерством изобразил мелкие детали объекта: маленькие стоячие уши, глаза, гриву.

Большую роль в жизни путешественников-поморов играли шахматы. Они были найдены во всех районах деятельности этих людей: в Мангазее (Белов, Овсянников, Старков, 1981) на полуострове Таймыр (Замятнин, 1951), на острове большой Бегичев (Белов, 1973). На Шпицбергене находки шахмат связаны со всеми основными хронологическими группами поморских поселений: XVI, XVII и XVIII вв. Они составляют довольно большую коллекцию из более 40 фигурок и 7 досок. Большинство фигурок вырезаны на месте из дерева или выточены из кости на токарном станке. Имеются и привозные поделки, выточенные из дерева и кости. Они, как правило, более массивны и украшены кольцевым орнаментом. Практически все доски изготовлены на месте. Они довольно примитивны, черные поля чаще всего обозначены косым крестом. Особый интерес представляет доска второй половины XVI в. из поселения Стаббэльва. В настоящее время это самая древняя русская шахматная доска.

На шести поселениях XVIII в.: Руссекейла, Руссекейла-2, Имербукта, Северный русский остров, Дирксодден, Экролхамна - были найдены деревянные календари. Почти все они относятся к разряду «недельных» и отличаются друг от друга лишь количеством нанесенных дней и условными обозначениями воскресений (косой крест или трехлучевой знак). Особняком стоит годовой календарь из поселения Экролхамна. Он представляет собой деревянную пластинку, на одном из краев которой вырезаны 12 зубцов (что соответствует двенадцати месяцам года), а на боковой поверхности - 14 сквозных отверстий прямоугольной формы (две недели четырехнедельного месяца).

Среди предметов быта, которые поморы везли с собой на зимовку, имеются и музыкальные инструменты. Два из них, сохранившиеся в виде небольших фрагментов, были найдены на поселении Имербукта: головка гудка (смычкового струнного инструмента) и часть духового инструмента-рожка.

Предметы духовной культуры русских поморов на Шпицбергене не исчерпываются, конечно, приведенным списком. К ним относятся многочисленные бытовые изделия жителей промысловых поселений как местного производства, так и привозные. Среди них имеются фрагменты мебели, прялки, украшенные розетковидным орнаментом, заполненным лепестковыми или геометрическими узорами, изящные точеные веретена, костяные стержни, выточенные на токарных станках и украшенные нарядными поясками, а также различные кожаные изделия с оттисками сложного геометрического узора, заключенного в границы квадратного ромба. Большим изяществом отличается деревянная курительная трубка, увитая растительным орнаментом, аналогии которой не известны.

Э.Р. УСМАНОВА

Казахстан, Караганда

Карагандинский государственный университет

О РИТУАЛЕ НАМЕРЕННОГО РАЗРУШЕНИЯ ПОГРЕБЕНИЯ

Андроновские могильники Лисаковской округи изучаются уже в течение 20 лет. Исследовано 5 групп погребальных сооружений. Каждая группа по материалу и погребальной обрядности вписывается в андроновское культурное пространство в двух линиях развития: федоровской и алакульской. Каждый комплекс кроме общих культурных черт имеет собственный ритуальный стиль в знаковой индексации погребенных, выраженный предметным и действенным образом. Безусловно, трудно реконструировать по данным погребального обряда всю сложность и многообразие социальных отношений внутри сообщества, члены которого и явились устроителями ритуалов на погребальном поле лисаковского могильника. По объективным причинам не всегда удается определить прижизненный статус умершего. Однако некоторые из обнаруженных символов предметного мира позволяют выделить особые погребения, которые не вписываются в известные категории (например, элитные), и задуматься об их ритуальной сущности.

В таком контексте обращают на себя внимание два погребения, расположенные в центральной части могильника Лисаковский IV. Одиночные погребения находились в оградах и были окружены рвами. Оба погребения были нарушены особым образом: после проникновения и разрушения в них дополнительно совершены манипуляции иного характера.

Постройка 5. Следы проникновения фиксировались по забутовке из камней, которая разрушила первоначальные очертания могильной ямы. Кроме того, в нее были впущены и вертикально закреплены два камня. Один - прямоугольной формы с усеченной вершиной, другой - аморфный, с вершиной, расщепленной на два зубца. Высота этих своеобразных надмогильных «менгиров» около 1 м. Южная сторона погребальной камеры оказалась расширенной дополнительной овальной ямой (1,9×1,6 м), ориентированной по линии С-Ю и плотно забутованной камнями вперемежку с обломками сгоревших веток. По всей видимости, ветки были принесены и уложены между камнями еще горящими. Сожжение веток в яме не производилось, так как основательных следов прокала не отмечено. Вводная яма поперечно разрешила основную могильную яму. Под камнями забутовки и сгоревшими ветками обнаружена небольшая ниша, образованная камнями, уложенными в манере цистовой кладки. В нише на левом боку лежал череп, ориентированный на юг, глазницами на запад, рядом - две кости рук (лучевая и предплечье?). После разборки вводного погребения на дне нижнего погребения найдено несколько костей (предположительно от ног погребенного) и фрагменты керамики алакульского облика.

Второе погребение (сооружение 7, могильник Лисаковский IV) оказалось еще более «закрученным» по обрядовому сюжету. Прямоугольная могильная яма (2,5×1,5 м, глубина 1,2 м), ориентированная по линии З-В, в придонной части была обложена рамой из бревен. Разрушенное поперечное перекрытие сохранилось во фрагментах - плахи и куски войлока. На дне зафиксирована следующая композиция размещения погребального инвентаря: четыре горшка в развале и один целый стояли вдоль западной стенки; под плахой находился каменный полированный топор-молот; в центре - обломки височных колец, браслета и бронзовые бусины. Кроме того, найдено несколько плохо сохранившихся костей погребенного, зубы (коренные и молочные) и нижняя челюсть, принадлежавшая взрослому человеку. Неожиданной для алакульского погребального ритуала (в данном погребении обнаружены сосуды этой культуры) была находка черепа в искусственной нише северной стенки погребальной камеры. Череп установлен на горизонтальную плоскость ниши, направлен глазницами на юго-восток в сторону

реки, по направлению к самому высокому скальному выступу береговой линии. По предварительному антропологическому определению, найденные кости принадлежали двум особям: взрослой женщине (судя по украшениям) и ребенку. Череп принадлежал молодой женщине в возрасте 16-18 лет.

Очевидно, что проникновения в эти погребения произведены не только по причине их ограбления, а заведомо с ритуальными целями, определенные мистерией культа черепа.

Проникновение в погребение 5 было совершенно с целью изъятия черепа и вторичного его захоронения. По всей видимости, череп принадлежал умершему, первоначально захороненному в основном погребении. Кости, уложенные около черепа, в какой-то степени подтверждают возможность такой ситуации. Остальные части скелета могли быть вытащены по тем же ритуальным причинам, но каким был перезахоронен отдельно череп. Местоположение черепа маркировалось по особым правилам: это была отдельная яма с нишей, покрытая сверху камнями, горящими ветками и обозначенная вертикально врытыми «менгирами».

Безусловно, специальный обряд перезахоронения черепа был связан с личностью погребенного. Скорее всего, по мотивам магического происхождения, существовала необходимость проникновения и манипуляции с черепом именно этого погребения. Вероятно, умерший человек обладал особым прижизненным статусом, который и определил намеренность совершения ритуала, связанного с культом черепа. Этнографические примеры указывают, что действия с черепом совершались во время эпидемий, стихийных природных явлений и т.п. (Вадецкая, 1980). Согласно магическим правилам и поверьям, череп значимой личности мог позитивно повлиять на ход и результат событий.

Ритуальные детали другого погребения (постройка 7) также демонстрируют культ черепа, связанный с культом предков, и культом плодородия - главной идеей первобытного общества. В традиционном обществе данная культовая триада была особо значимой.

Череп мог попасть в погребение или до проникновения, или после него. В первом случае, по правилам, соответствующим обряду, череп был выставлен в нишу боковой стенки. Во втором случае погребение некоторое время должно было быть открытым для доступа (без заполнения камеры грунтом). Иначе непонятно, как можно было соорудить нишу и установить череп, если могильная яма оказывалась закопанной. Повторный выброс грунта из ямы в разрезе профиля постройки не фиксировался. В любом случае, причина ритуальных действий «кроется» в значении культа черепа, нюансы функционирования которого по археологическим материалам остаются до конца не выясненными.

Погребальный инвентарь был расхищен. Но топор-молот оказался нетронутым, также не был разбит один сосуд с отверстиями на тулове для подвешивания. По всей видимости, вещи оставлены *in situ* намеренно. Обладавшие известной долей сакрализации, они не подлежали ни разрушению, ни изъятию. Это первая из известных автору находка такого топора в алакульских погребениях казахстанского региона. Каменный топор-молот (12×5,3×3,6 см) имел конусообразную сверленную втулку и полусферический обух. Корпус втулки слегка усилен боковыми выступами. Клин - подтреугольный в плане, подпрямоугольный в сечении формы с округленным лезвием. Боковой профиль имеет хорошо выраженный изгиб. Поверхность топора хорошо зашлифована. Камень темно-зеленого цвета. Одна сторона топора имеет белесый оттенок (солевая патина или двухцветность камня). В отверстии топора сохранился фрагмент деревянной рукояти цилиндрической формы, округлой в сечении (диаметр 1,2 см) и расклиненный бронзовой скобой. Лезвие топора не имело следов сработанности, чего не скажешь об обухе, который имел выраженную рабочую поверхность.

Образ каменного топора-молота, его знаковый статус, определен многими показателями в мифах и ритуалах. В конкретном случае налицо его табуированность как предмета, не подлежащего изъятию из погребения. Женский череп в нише, сосуд со следами накипи на внутренних стенках и, наконец, культовый топор-молот символически индексировали личность

захороненной женщины, возможно, обладавшей при жизни чертами ведовства, знахарства. Выстраивается реально существовавший предметный ряд: сосуд для варки каких-либо снадобий, топор-молот, применявшийся в качестве ударного инструмента во время ритуалов.

В могильнике Лисаковский I известно захоронение человека, убитого тупым предметом ударом в затылок (группа Г, курган 2). При жизни он страдал серьезным заболеванием (остеомиелит) и был сознательно умерщвлен (Усманова, Киргизбаев, 1998, с. 33). Вполне логичен вопрос: не этим ли топором совершались такого рода ритуальные убийства? «Грабители», проникшие в погребение, знали сакральную сущность предметов, которые здесь находились, и потому не тронули их.

В любом случае, при выставлении черепа до ограбления или после него, не меняется суть намеренного проникновения в погребение, связанное с идеей святости черепа и костей предка. Необходимость проникновения в погребение зависела от прижизненного статуса захороненного человека. Не исключено, что, по понятиям «андроновцев», эффективность магического действия культа предков, и в целом культа плодородия, зависела от ритуалов по отношению к костям умерших соплеменников.

С.С. УСПЕНСКАЯ

Россия, Белоярский

*Белоярский филиал Научного фольклорного архива коренных
малочисленных народов Севера ХМАО - Югра*

ХАНТЫЙСКИЕ СКАЗИТЕЛИ КАК ХРАНИТЕЛИ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ

Хантыйские сказители - высокоодаренные мастера повествовательного фольклора - на протяжении многих столетий занимали видное место в общественной и духовной жизни своего народа. Носители языка, хранители древних традиций - обрядов и обычаев, народных верований и знаний, они передавали свои знания из поколения в поколение в устной форме и являлись яркими выразителями традиционного мировоззрения в обществе.

Казымская земля богата самобытными талантливыми сказителями. В последние 10-15 лет фольклористами выявлены новые имена мастеров сказочного и песенного искусства, плеяда потомственных исполнителей. По фольклорным материалам этой территории изданы научные сборники, куда вошли тексты, записанные в 1980-1990-х гг. от известных потомственных сказителей на Казыме - П.И. Сенгепова, В.Н. Тарлина, А.М. Молданова, В. Молданова, К.И. Вандымова, А.И. Рандымовой, С.Е. Тарлина, С.М. Лозямова, Н.М. Лозямова, А.М. Лозямова, П.М. Лозямова и многих др. Особенно ценно то, что уникальные народные произведения записывались в местах, где издавна жили сказители и где фольклор был основной формой реализации их духовной жизни.

Исполнители хантыйского фольклора в большинстве своем обучались сказительскому и песенному искусству у своих близких родственников, старших в роду по возрасту и исполнительскому опыту. Есть основание считать, что существовали семейные сказительские «школы», родовые традиции исполнения фольклора. Одни из ярких представителей семейной сказочной традиции на Казыме - братья Лозямовы: Николай Михайлович (1916 г. р.), Семен Михайлович (1928-2001 гг.), Петр Михайлович (1932 г. р.), Кирилл Михайлович (1934-1995 гг.), Алексей Михайлович (1946 г. р.). Все они являются потомственными охотниками и самобытными сказочниками. Братья родились и выросли в верховьях Святой Лямы (*Еманг Лямин* - местное название реки Первый Лямин в Сургутском районе Тюменской области ХМАО), на древних родовых угодьях своей матери Татьяны Афанасьевны Вандымовой. Отец, Михаил Николаевич

Лозьямов, являлся выходцем с берегов р. Казым. Традиционная среда, атмосфера живого бытования сказок во многом определили дальнейшие судьбы братьев как видных знатоков и исполнителей хантыйского фольклора.

Истоки устной сказочной традиции *Муцианг ёх* (самоназвание рода Лозьямовых) корнями уходят в далекое прошлое. Некоторая изолированность, удаленность от населенных пунктов, от больших дорог повлияли на то, что фольклорное наследие этого рода не испытало ощутимого влияния извне. Это обстоятельство способствовало тому, что в устном творчестве этого хантыйского рода сохранились оригинальные сюжеты, восходящие к архаическим этиологическим сказкам, мифам, связанные с религиозными воззрениями рода. Особенно сказалось влияние устной прозы на сказочном репертуаре старших братьев Лозьямовых. За последнее десятилетие от представителей этого хантыйского рода записан богатый фольклорный материал. В их репертуаре имеются своеобразные мифологические сказки, исторические предания, легенды на родовую тематику, рассказы о сверхъестественных существах, рассказы из жизни таежных охотников и рыбаков, былички и т. д. Те, кто постоянно читает газеты «*Ханты Ясанг*» и «*Лух ават*» знают, что на страницах этих современных изданий наряду с публикациями других сказителей неоднократно печатались мифы, сказки, рассказы в исполнении братьев Лозьямовых. В 2002 г. выпущен фольклорный сборник «*Касум мув моньцат-пурат*», в котором значительную часть занимают записи, сделанные от Семена Михайловича и Петра Михайловича (Успенская, 2002). Фольклорные произведения в исполнении Николая Михайловича и Алексея Михайловича вместе с записями от других сказителей еще ранее вошли в фольклорный сборник «*Кань кунш оланг*», изданный Тимофеем Молдановым (2001).

Братья Лозьямовы обучались сказительскому творчеству с детских лет у своего отца Михаила Николаевича, знаменитого на Казыме и Лямине знатока и исполнителя хантыйского фольклора. Большая часть произведений устного народного творчества, рассказанная его сыновьями в наши дни, воспринята от него. Так, Семен Михайлович зачастую в зачине или в конце своих повествований объясняет: «*Там мощь, там йис пуртар пуртартас ма ащем, нанг щатыщен*» (Эту сказку, этот старинный рассказ рассказал мой отец, твой дедушка). В народе Михаила Николаевича звали «*Лэл Мишка ики*» (Низкий мужичок Михаил) - так прозвали его за невысокий рост. За скромной внешностью этого скромного человека скрывался богатый внутренний мир, дарами которого он щедро делился со всеми. Иначе его называли «*Шаман Мишка*», он был известен как знаток и отправитель культовых действий. В свое время Михаил Николаевич перенял самобытные фольклорные традиции охотничьих родов и опыт сказительства от своего тестя Афанасия Вандымова, чьи родовые земли находились в верховьях священной реки Лямин.

Родился Михаил Николаевич примерно в 1885 г., хотя точная дата его рождения не известна, в стойбище на р. Казым, недалеко от пос. Помут (территория Березовского, ныне Белоярского района Тюменской области ХМАО). По его воспоминаниям, родители были очень бедны. Много горестей испытал Михаил в юности, зарабатывая себе на кусок хлеба у чужих людей - батрачил, пас оленей, добывал рыбу. (Видимо поэтому тема сиротства так сильно звучит во многих произведениях, записанных от братьев Лозьямовых. Рассказывая о детстве обездоленного героя, сказители всегда проводили параллель между сиротской жизнью главного персонажа и судьбой своего отца). Уже в возрасте Михаил посватался к красивой, статной девушке *Татье* из знатного рода *Похранг ёх* (Люди острова-бора - самоназвание рода Вандымовых). Древний род Вандымовых славился своими ворожеями, знахарями, провидцами, родовыми традициями и обычаями. Это были зажиточные люди. Вместе с родственниками они владели большими стадами оленей, численность которых доходила до нескольких тысяч голов, пасшихся под присмотром сородичей и нанятых пастухов. Молодые люди приглянулись друг другу и, несмотря на первоначальное несогласие родителей, сами договорились обо всем. Им устроили богатую свадьбу - *поры*, отец девушки принял зятя в свое стойбище, выделив часть домашнего имущества и оленей.

Отец Татьи был выдающимся знатоком древних родовых традиций, талантливым исполнителем фольклора, в том числе и обрядового. *Вон Опанац ики* (Великий мужчина Афанасий) - под таким именем он известен своим потомкам - являлся ярким выразителем мировоззрения и культуры своего рода. Он владел методикой гипноза и внушения, умел гадать, искусно лечил тяжелобольных. Обряды, связанные с почитанием высших божеств, духов, родовых предков, хозяйственная, промысловая магия - это и многое другое входило в его культовую практику. Высоко почитались в семье родовые и семейные святые, где раскрывались и передавались от старших к младшим родовые особенности религиозных традиций. Все это требовало от него исключительной памяти, творческого воображения, искусства исполнения, знания на практике приемов и средств народной медицины. Весь багаж народных знаний, трудовые, хозяйственные навыки и охотничье умение Афанасий с удовольствием передавал полюбившемуся зятю. Михаил, в свою очередь, оказался проворным, упорным в работе, охотно обучался всем житейским хитростям, с большим желанием постигал тайны и законы таежного рода *Похранг ёх*. В свободное от работ и забот время сородичи проводили за слушанием сказок, священных мифов, многочисленных рассказов из охотничьей жизни. Если же удавалось приехать родственникам с дальних мест, это был настоящий праздник для больших семей Лозямовых и Вандымовых. Наделенный от природы смекалкой, талантом и умом, молодой мужчина под влиянием тестя Афанасия вскоре сам начинает исполнительскую практику. Помимо этого, со временем Михаил начинает проявлять заметный интерес к культовым обрядам, начинает пробовать предсказывать, гадать, к чему обнаруживал склонности и раньше.

По происшествии многих лет Михаил Николаевич стал знаменитым мастером-сказителем с прекрасной памятью, с богатым арсеналом творческого наследия, продолжателем вековых устных традиций древних родов. Его репертуар отличался замечательным жанровым разнообразием, в него входили священные мифы, сказки, предания, тексты молитвенных заклинаний, призываний и гимнов, шаманские песнопения и т. д. Огромное значение для семьи и рода имели обрядовые действия, которые проводились под началом Михаила Николаевича. Обладая большим авторитетом, *Лэл Мишка ики* влиял на характер взаимоотношений и поведение членов рода, формируя их взгляды, сознание и религиозные представления. Со временем Михаил Николаевич стал известным не только на Казыме, но и далеко за его пределами - на Лямине, Назыме, Тромъёгане. Большим уважением и авторитетом пользовался сказочник у исполнителей фольклора. К нему нередко обращались сказители с просьбой передать им то или иное понравившееся произведение из его репертуара, поучиться у него исполнительскому искусству.

Талантливый и одаренный сказитель, с годами он заслужил популярное в народе звание «*шартанг ики*» (ворожей, колдун), что говорило о других его не менее заметных качествах. К Михаилу Николаевичу стали обращаться люди в трудных жизненных ситуациях, во время болезней и невзгод, прося у него помощи и защиты. Он относился к категории тех людей, которые обладали особым даром - знаком топора (*лакм нос*). Этот железный предмет использовался им с целью «узнавания» и отвода болезни как источника зла. Автор данной статьи смутно помнит акт гадания на топоре, проводившийся дедом в конце 1960-х гг., когда был тяжело болен близкий родственник. Михаил Николаевич обладал несколькими способами гадания на топоре, символическое значение которого в обрядовой практике рода было велико. Он хорошо владел бубном *куюп*, под аккомпанемент которого исполнял многие фольклорные произведения и который использовал в ритуальных целях. (Следует отметить, что в роду Лозямовых бубен чаще назывался «*куюп*», и изредка «*пеньшар*», что было связано с высоким культовым назначением этого музыкального инструмента).

Проживая в верховьях таежной р. Лямин, Михаил Николаевич никогда не забывал тех мест, где родился и вырос. Он каждый год приезжал с детьми на Казым, посещал святилища родовых духов, делал подношения своим духам-покровителям. Особенно важное место в жизни таежного рода Лозямовых занимал образ *пути шащи* (священной бабушки). (Надо сказать, что на Казыме

под этим емким эпитетом скрываются образы не одной, а нескольких высоко почитаемых богинь). Значительная роль в обрядовой практике семьи отводилась покровительнице рода *Вац ёхум нупи шацци* (Узкого бора священной бабушке), святилище которой находится и по сей день в глухих труднодоступных местах в среднем течении р. Казым. Предание, связанное с религиозными представлениями рода, посвященное происхождению *нупи шацци*, до сих пор бытует в роду *Муцанг ёх*.

С начала 1960-х гг. Михаила Николаевича и его жену Татьяну Афанасьевну люди стали образно называть «*моньцанг йис именган-икенган*» (со сказками старые (древние) муж с женой), вкладывая в это понятие свое большое уважение и признание их исполнительского таланта. Татьяну Афанасьевну, мать сказителей Лозямовых, в народе звали не иначе, как *Похранг ими* (Женщина острова-бора), что говорило о ее принадлежности к роду Вандымовых. Это была физически крепкая женщина, с сильным и властным характером. Несмотря на большой авторитет отца, в семье Лозямовых был очень высок статус женщины-хозяйки, матери-родоначальницы. Все сыновья (их было в семье восемь человек) и дочь высоко почитали свою мать, относились к ней с благоговением, слово ее было непререкаемо для всех. Бережно и трепетно относились братья также к сестре Марии, которая была единственной девочкой в семье. Татьяна Афанасьевна знала множество сказок, преданий, быличек, связанных с родовой тематикой. У нее был свой, особенный, женский фольклорный репертуар, который достался ей в наследство от матери. Ее мать являлась представительницей знатного на Казыме хантыйского рода Молдановых-Максимовых (хантыйское название - *Макицум ёх*). Частью этих фольклорных знаний обладает сейчас Мария Михайловна Вагатова (Лозямова) 1942 г. р., дочь Татьяны Афанасьевны.

Хранители народных традиций, супруги Лозямовы прожили долгую жизнь на родовых угодьях в верховьях р. Лямин. Они скончались в преклонном возрасте, сохранив до конца жизни завидную память. Всем своим сыновьям без исключения Лозямовы в разной мере передали эпические знания и сказительский дар своих предков. С 1960-х гг. их сыновья известны как талантливые исполнители и незаурядные знатоки хантыйских традиций.

Свое сказительское мастерство братья Лозямовы щедро передают своим детям, внукам, племянникам. Так, например, дети Владимира Михайловича (1953-2001 гг.) знают и хорошо исполняют множество сказок из творческого наследия родителей своего отца, с которыми они жили вместе на стойбище. От Алексея Михайловича (1946 г. р.), поныне проживающего на родовых местах предков, восприняли мастерство исполнения сказок, преданий его сыновья Павел (1975 г. р.) и Герман (1978 г. р.). Из фольклорного репертуара бабушки (матери отца) перешло знание сказок и быличек дочери Алексея Михайловича Надежде Лозямовой (1973 г. р.). Эта обаятельная молодая женщина к тому же - искусная мастерица декоративно-прикладного искусства. Кирилл Михайлович (1934-1995 гг.) тоже передал дар замечательного рассказчика своему сыну Евгению (1973 г. р.). Знает и интересно излагает различные истории из жизни Лозямовых и Молдановых сын Сергея Михайловича (1930-1979 гг.) Константин (1964 г. р.). К удивлению старших родственников, он неплохо запоминает и читает тексты молитвенных призываний, обращений к духам. В свое время сбором и публикациями хантыйского фольклора занимался Афанасий Лозямов (1968-2004 гг.), названный родителями в честь прадеда по отцовской линии. Систематическим сбором и исследованием прозаического фольклора казымских хантов занимается дочь Семена Михайловича, автор данной публикации. Немалую помощь в сборе фольклора оказывают собиратель-любитель Владимир Юрьевич Успенский (1953 г. р.) и сыновья Петра Михайловича Лозямова.

Завершая рассказ о сказителях Лозямовых, можно с уверенностью говорить о трех поколениях знатоков и исполнителей хантыйского фольклора в древних родах *Муцанг ёх* и *Похранг ёх*, об особенностях родовых и семейных традиций. Их фольклорная традиция восходит к 60-м гг. XIX в. (к этому периоду относят братья Лозямовы самые ранние фольклорные произведения своего рода).

Такая преемственность традиций наблюдается в семьях и других известных исполнителей фольклора на Казыме - Тарлиных, Молдановых, Рандымовых, Сенгеловых, Вагатовых и др. О живучести в наши дни богатого устного наследия предков в этом регионе говорят современные фольклорные записи собирателей и многочисленные публикации этих фольклорных текстов, отражающих самобытное мировоззрение народа.

Г.П. ХАРЮЧИ

Россия, Салехард

*Научный Центр гуманитарных исследований коренных
малочисленных народов Севера ХМАО*

СЕЗОННЫЕ ОБРЯДЫ НЕНЦЕВ КАК ГАРМОНИРУЮЩИЙ ФАКТОР ИХ ЖИЗНИ*

В данной статье вводится новый материал о сезонных обрядах как гармонизирующем и стабилизирующем факторе в жизни тундровых ненцев, в контексте трансформаций в советский и постсоветский периоды.

О календарной обрядности ненцев писали многие известные этнографы: В.И. Васильев (1977, 1980), Л.В. Хомич (1966, 1976, 1995), А.В. Головнев (1980, 1995), Е.Т. Пушкарева (2000, 2003), Г.П. Харючи (2001) и др.

В традиционной культуре ненцев нет понятия «праздник». Про важные в жизни события ненцы говорят *нгарка яля* - «большой день». Современные официальные праздники называют *хэбидя яля* - букв.: «священный день». Это относится ко всем календарным и церковным праздникам. Говорят: *тюку яля луци хэбидя яля* - «сегодняшний день у русских - священный день, праздник». День жертвоприношений Нуму, другим духам на культовом месте, священной нарте, в честь камлания шамана, рождения ребенка, приезда гостя и т. д. - все это большие события, праздники. Они определяют ритм жизни. «Сложность и многогранность праздника как неперенной части человеческой культуры нашли свое выражение в его социальной многофункциональности. Современные исследователи отмечают следующие функции праздника: торжественное обновление жизни; коммуникативную и регулятивную; компенсаторную; эмоционально-психологическую; идеологическую и нравственно-воспитательную» (Белоусов, 1985, с. 193). Как отметил А.И. Мазаев, праздник двойственен и внутренне противоречив: в нем слились воедино сакральное и профанное время и пространство. С одной стороны, праздник знаменует определенный рубеж в непрерывном потоке времени, а с другой - в нем есть идея неподвижности и возврата к тому, что уже было, он признак стабильности в вечном движении истории (Жуковская, 2002, с. 59). В настоящее время в поселках, городах праздник - это выходной день, отдых, концерты, торжественные мероприятия. В традиционной среде - это церемониальный день поклонения кому-то или чему-то, когда совершается календарно-оказиональное ритуальное действие в виде кровавого и бескровного жертвоприношения. После совершения основной части все участники возвращаются к своим обязанностям. Таким образом, в течение всего действия не нарушается ритм жизни.

Различные типы традиционных обрядовых действий можно классифицировать как календарноприуроченные, сезонноприуроченные и оказиональные. По С.А. Токареву, обряды,

---

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» / подпрограммы «историко-культурная эволюция, современное положение и перспективы устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока».

обычаи можно классифицировать по сезонам: зимнего, весеннего, летнего и осеннего циклов и по типам обрядовых действий. К календарнопериодическим можно отнести современные календарные и церковные праздники. К сезоннопериодическим относятся все традиционные ритуальные действия, связанные с началом или с завершением какого-либо этапа хозяйственной деятельности. В то же время все эти действия являлись семейными событиями. К окказиональным относятся в основном обряды жизненного цикла и благодарственные жертвоприношения.

Кратко рассмотрим сезонные обряды весенне-летнего цикла. Смена сезонов отмечается обрядами жертвоприношений с закланием оленя и в виде даров. Весной, после ледохода проводят жертвоприношение духу воды *ид'ерв хан*, *идм'хэвотамбава*. Традиционный обряд у гыданских ненцев в 1930 г. наблюдал этнограф Л. Костиков. Ежегодно весной и осенью приносят жертвы *ид'ерв* - духу воды. При весенних жертвоприношениях часть жертвенной крови обязательно выливается в реку, впадающую в море, так как он (дух воды) обитает там. Обряд называется *ид'ерван'ханонтава*. Череп жертвенного олененка, надстый на палку, выставляется на берегу. Под ним, в положении плывущей, помещается одна из рыб, пойманных в последнем неводе. Этой рыбой натирают шею жертвенного олененка для того, чтобы при удушении петля легче скользила. Вокруг водруженного черепа земля засыпается золой, взятой от очага, и на этом месте кладется несколько костей от жертвы. Предварительно кости в течение нескольких дней лежат в чуме в переднем святом углу - *синянгы*, под шкурой жертвенного животного, причем ее обязательно сшивают так, что получается как бы целая шкура, но вывернутая наизнанку.

По моим данным, сейчас этот обряд упростился. Во время ледохода (паводков) жертвоприношение *ид'ерв* производится со словами *Уарка нисянда» тэврара* - «доведите слова и дары наши до своего Отца». Оседлые ненцы, в первый раз спуская лодку на воду, проводят бескровное жертвоприношение, бросая кусочки пищи в воду и наливая спиртное. Сохраняется множество табу, например, нельзя бросать камни, палки в воду. Детям говорят: *Ид'ерв иринд сэвм'сарадаугун* (проткнешь глаз дедушке хозяину - духу воды).

Чтобы иметь удачу в промысле рыбы, надо умилостивить духов - хозяев рек, озер, моря. Весной, во время первого лова рыбы и после его окончания, духу воды приносят жертву; если забивают оленя, то выливают водку или кровь в воду: течение доставит ему жертвенный дар. По приглашению он приходит и на жертвенные места, удаленные от воды. Изображений водного духа не делают. Вероятно, существовал и более архаичный обряд приношения живого оленя духу воды. Об этом также есть сведения у Т. Лехтисало: «Поздней осенью, когда олени приходили из тундры к Оби, самоеды опускают в реку у проруби живого оленя, которому связывают ноги и привязывают груз, чтобы он опустился на дно. При этом говорят слова: «Водный дух, посылай мне также и в будущем рыб! Не дай мне утонуть в воде!». Нужно сделать также изображение из снега» (Харючи, 2001, с. 36).

Приносят жертву и духу грозы. Во время грозы женщины покрывали голову рогожиной из травы мятлика, а на чум клали лепешки из глины. Огонь в чуме во время грозы нельзя зажигать, очаг прикрывается железным листом. В это время в чуме нужно прикрыть все красное. Во время грозы нельзя работать и обычно рассказываются сказки. Если от грома и молнии не пострадали люди и олени, то хозяин каждого чума приносил в жертву духу грома оленя пятнистой масти. В 1974 г. в нашем стойбище из пяти чумов хозяева принесли в жертву пятнистых оленей, но один хозяин решил принести в жертву животное коричневой масти. Пока он вел его, олень вывихнул ногу. «Значит, дух грома не принял жертву», - сказали старики. В настоящее время даже у кочевых ненцев обряд, посвященный духу грозы (обряд первой грозы), проводится не в полном объеме и варьирует в различных районах.

Таким образом, ненцы, как и другие народы, старались пользоваться примитивными магическими обрядами воздействия на природу и на объект хозяйственной деятельности.

В начале лета совершают жертвоприношение *ябтвэй ябто* - после охоты загоном на линных гусей. Если в это время в стаде появился первый линялый олененок, говорят: *ябтвэй хан ельцн,э*

хэвы сую - «колененок (т. е. состояние его шкуры) стал периода жертвы линялого гуся». Сейчас редко охотятся загоном, сохраняется только само выражение.

При первом сборе ягод совершается обряд собирания первой морошки, частично сохранившийся у городских жителей. Семья берет с собой кусок красного сукна, рыбий жир порца и другие продукты. На поляне, где много морошки, собирают ягоду горсткой, кладут в одно место. Это подношение оставляют для медведя - независимо от того, обитает он в этих местах или нет. Плодоножку крупной морошки завязывают красным сукном и мажут жиром. При этом говорят: *Нернянгэва нойтавраха нгэя* - «пусть впереди земля будет, как красное сукно». И действительно, в месте сбора нередко оказывается много ягод. Обряд частично был забыт, так как ягоды в тундровой зоне поспевают в начале сентября, когда дети находятся в школе-интернате. Оседлые ненцы проводят жертву «первинок», около костра «кормят» хозяйку земли *я хада*. Здесь можно согласиться с С.А. Токаревым, что «речь идет о древнейших формах общественного регулирования производства и потребления: было чисто стихийное требование соблюдать определенные сроки начала охоты, рыбной ловли, собирания пищи. До назначенного срока и добывание и потребление определенных видов пищи, также как и охотничьей добычи, запрещалось обычаем. В определенный же срок это временное табу облекалось в обрядовые формы. И одним из самых распространенных обычаев было символическое подношение первых плодов, первой добычи, первого приплода стада духу - покровителю охоты или земледелия, одним словом, сверхъестественному патрону общины. Само разрешение пользоваться первыми плодами после запрета, съедание первой добычи после периода воздержания обставлялось, вероятно, как торжественная церемония, и в дальнейшем эта церемония осмысливается как жертва первинкам духам или богам» (8, 169).

В цикл календарной обрядности в середине лета, в конце июля - начале августа, входит обряд жертвоприношения священной нарте, родовым духам у хаби - ненцев хантыйского происхождения. Летом 2001 г. в конце июля - начале августа я гостила у своих родственников-оленоводов в Гыданской тундре. В комариное время оленоводы стараются соединить свои стада и вместе пасти оленей. В нашем стойбище было три чума. Хозяевами одного из них были Салиндер - это хаби - ненцы хантыйского происхождения. Глава семьи принес жертву священной нарте. Действо происходило рядом с нартой, на которой выставлены все культовые предметы и родовые, семейные духи, которым мажут личины кровью жертвенного оленя. На хорей повязана материя из священной нарты. Хорей прислонен к священной нарте. Мясом жертвенного оленя угощаются все, особенно больные. Мне как гостье, также как и детям, уделялось особенное внимание во время угощения мясом жертвенного оленя. В знак особого почтения духам священной нарты от моего имени была поставлена ритуальная бутылка спиртного. Цель ритуала: чтобы семейные духи рода Салиндер помогали пастухам сохранить оленей в период комара и овода и чтобы дети и взрослые не болели.

Пилю иры - месяц овода начинается с середины июля и заканчивается в середине августа. Этот период очень опасен для оленей. На приманочные шкуры садятся оводы, дети их убивают специальными дощечками, отрывают им головы и зарывают в землю, так как существует поверье, что если не оторвать голову оводу, он снова оживает. Существуют приметы: например, если в чум залетел овод, жди плохой погоды. Если кто-то любит издеваться над оводом и убьет его до полнолуния, того ждет нищета - жизнь без оленей. По обычаю проводят обряд *Пилем' хэвотамбава*. Берут двух оводов: *ненэй пиле* - подкожного и *сяну пиле* - носоглоточного. Хвосты мажут кровью жертвенного оленя, слегка сдавливают, но насекомые должны остаться живыми, и кладут в угол священной нарты, при этом говорят: *Пыяр лимбика нгэя* - «пусть нос твой будет мягким!». Не умея бороться с оводом, люди старались так защитить животных с помощью магических приемов.

Одним из значимых действ у европейских ненцев является День оленя - профессиональный праздник оленоводов, который проводится 2 августа. Это время, когда пастухи и их семьи

наконец-то могут собраться вместе и отдохнуть. К нему начинали готовиться заранее: женщины шили нарядную одежду для всей семьи, потому что 2 августа - это своеобразный смотр, когда каждая ненецкая женщина может показать свое мастерство, а каждый мужчина - свою силу, ловкость, сметливость (Календарь. 2003 г.).

Примерно с конца августа по 20 сентября длится лунный месяц *вэба иры* - месяц листопада. Перед отъездом детей в школу-интернат проводят жертвоприношение в честь школьников, в жертву обычно приносится олененок-нябллой. Школьники со всех чумов, а с ними и малыши проходят под веревкой жертвенного оленя, чтобы в «русской жизни» они были здоровы.

Кроме сезонных обрядов проводятся обязательные жертвоприношения, соотношенные с обрядами жизненного цикла, независимо от времени года. Кратко эти обряды описаны в монографии «Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса» (Харючи, 2001). Очевидно, что в традиционном быту тундровых ненцев за этими обрядами сохраняется функция регулятора хозяйственной деятельности.

В последние годы обряды, проводимые у ненцев обычно среди родственников, стали включаться в культурно-массовые мероприятия на уровне общественных организаций, административных структур. С начала 1990-х гг. на фольклорных фестивалях исполнялись обряды поклонения духу Ангальского мыса, верховному божеству Нуму, обряд сакрального очищения.

За последние два-три десятилетия традиционная обрядность изменилась, на ее содержании сказывается иноэтническое влияние. Новым в современной структуре праздничной обрядности стало введение профессиональных календарно-хозяйственных праздников - дня оленевода и дня рыбака. Благодаря подобным событиям обряды, которые раньше проводились только в традиционной среде и в определенном социальном коллективе (род, семья), приобретают зрелищную форму, становясь из закрытых открытыми. Таким образом, можно констатировать появление совершенно новой функции традиционных обрядов.

М.А.ЛАПИНА

Россия, Ханты-Мансийск

Научный фольклорный архив коренных малочисленных народов Севера

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ ТЕГИНСКИХ ХАНТОВ

Тегинская группа хантов проживает в с.Теги Берёзовского района Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области. Территория расселения данной группы с севера граничит с территорией проживания хантов Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области, с запада и с юга-с территорией проживания сосвинских манси. Место жительства тегинской хантов являлось местом постоянных этнокультурных и языковых контактов и взаимодействия, которые отложили отпечаток и на их фольклорные традиции.

У жителей с.Теги сохранилась ещё традиционная культура и верования, соблюдаются многие обряды, сложились определённые фольклорные традиции.

Основными жанрами фольклора тегинской группы хантов являются: *мув омсантум моньщат* 'мифы первотворения', *емау моньщат* 'священные сказки', *йис путрат* 'древние сказания', *тарнау моньщат* 'героические (военные) сказки', легенды о богатыре Тэк ики, а также сказки: волшебные, социально-бытовые, о животных, разнообразные жанры песенного фольклора и др.

с.Теги является древним поселением, о чём свидетельствуют и древние легенды. Например, в мифе о «Священном наводнении» говорится, что за три года до священного наводнения люди начали добывать столько стерляди, что все рыболовные снасти были забиты ими, другая рыба

не ловилась. Из стерляжьей кожи люди сшили семислойные полога, которые поместили на семярусные плоты. Плоты с людьми течением и ветром разнесло по разным местам, и где останавливался плот, там люди и должны были селиться. Возвращаться в прежнее селение нельзя было. Согласно этой легенде, жителей с.Теги принесло на север из междуречья Малой и Большой Оби, территории современного Октябрьского района Ханты-Мансийского автономного округа.

В настоящее время современное с.Теги находится на третьем месте, т.к. его переносили в связи с подтоплением домов на прежнем месте. О расположении с.Теги имеется такая легенда. Покровитель Тегинских хантов богатырь Тэк-ики вместе с Крылатым братом (Тухкуу-курк-ики) облетали землю. «Крылатому брату» захотелось взять для себя земли с северной стороны. Он зарылся в землю и поднялся на крыльях с землёй и полетел в южную сторону. Там, где падала с его крыльев земля, там образовались таёжные островки. Один из таких кусков земли упал туда, где сейчас расположено в настоящее время с.Теги. Когда-то это место считалось священным, и люди здесь не селились, но в связи с укрупнением посёлков сюда перевезли Средние Теги и близлежащие населённые пункты. Сейчас берег реки села постоянно подмывает. Старые люди говорили, что этот остров через определённое время смоеет в реку, и Обь поменяет русло. Это считается наказанием людям за нарушение традиций. Так в фольклоре жителей села переплелись древность и современность.

Духом-покровителем жителей с.Теги является богатырь Тэк ики, в честь него здесь устраивались Священные праздники семилетнего цикла Лух-як. В.Н. Чернецов в 30-х гг. XX в. изучал периодические обряды хантов и манси. В своих трудах, описывая фратриальный праздник в честь медведя, касался также и праздника в честь богатыря Тэк ики. Он пишет: «Ниже Берёзовского-юрты Теги-пауль население остяцкое. Пупых-лисица, празднуют через три года» (Чернецов, 1987, с.195).

Духом-покровителем тегинских хантов Тэк ики определил *Торум-ащи* 'отец Торум.' Среди северных духов-богатырей Тэк ики считался одним из самых сильных и ловких. Будучи наделён волшебной силой, он владеет и волшебным словом, которого боялся даже *Торум ащи*. Отличительной особенностью Тэк ики являются длинные густые волосы. Когда он ложится отдыхать, то одну половину волос он стелет под себя, а второй половиной волос укрывается сверху. Тэк ики принимал образ пёстрой собаки, иногда-рыжей лисы. По сведениям В.Н.Чернецова на Медвьежьих игрищах танец богатыря Тэк ики исполнялся в «облике лебедя» (Чернецов, 2001, с.41). Эти сведения подтверждают, что дух Тэк ики относится к пантеону *Тухкуу куухат* 'Крылатых духов' и является покровителем людей фратрии Мощь, в честь, которого и устраивали фратриальные празднества.

Согласно поверьям, поскольку богатырь является покровителем с.Теги, и одним из его образов является собака, то людям проживающим в этих местах, нельзя обижать собак, использовать ругательскую лексику, в отношении собак, женщинам нельзя носить изделия из шерсти собаки.

У тегинских хантов имеются различные мифы, связанные с образом собаки. Например, Высшее божество 'отец Торум', отправляя собаку к человеку, говорит ей на мансийском языке: «Манр! Ты в дальнейшем еду для своего живота добывай в лесу! Хозяина вниз идущую дорогу, снизу высматривай, вверх идущую дорогу, сверху высматривай!», т.е. чтобы собака была всегда возле хозяина и знала своё место.

С древних времён тегинские ханты проживают на р.Малая Обь и её притоках, и их основным промысловым занятием является рыболовство. Река была кормилицей, поэтому этот вид деятельности отразился и в фольклоре. У данной группы хантов имеется много различных сюжетов, связанных с водой, рыбой, топонимикой рек и озёр.

В фольклоре жителей селения рыбы являются между собой родственниками, как и люди. Для налима осётр и стерлядь-зятя, нельма-племянник, муксун, щёкур-племянницы. Поэтому нельзя варить в одном котле осетра, стерлядь с налимом, так как налим со стерлядью-тесть с зятем, иначе, как и у людей, у них нарушится обычай избегания друг друга.

Одним из основных промысловых рыб Оби был осётр, с ним у хантов связано множество запретов. Эту рыбу нельзя есть в сыром виде, женщинам нельзя разделывать во время регул и после родов.

Предписано было, что если осетра поймал зять, то теще нельзя разделывать его ни в каком виде. Иначе зятю больше не будет удачи в рыбной ловле. Эти правила так же были связаны с соблюдением обряда избегания между родственниками.

Если кто-то в селении поймал осетра, нельму, то он обязан был угостить всех родственников рыбой, пригласить на уху. За это рыбаку будет наградой удача на промысле.

У тегинских хантов имеется легенда, связанная с императрицей Екатериной. Как-то проезжал мимо тегинских рыбаков хантыйский князь Тайшин со своей свитой из Обдорска в Екатеринбург. В это время рыбаки поймали большущую щуку. Рыбаки передали с князем этот гостинец для императрицы. Её повара из этой щуки изготовили семьдесят семь блюд и накормили всех гостей императрицы. А в благодарность за гостинец, императрица, наложив ладонь на карту, очертила границы территории рыболовецких угодий для тегинских рыбаков. На этих угодьях до сих пор рыбачат рыбаки.

Не менее интересным у этой группы хантов являются и песенные жанры фольклора. Здесь исполнялись исторические, героические песни о победах над врагами, воспевались герои исторических сражений. Люди складывали песни о себе, о своей судьбе, о любви, о счастье. Жители села помнят еще старинные песни о «Древних Тегях» и сочиняют песни о современных Тегях. Например:

У Щучьей протоки это большое селение Теги,
У малой Оби это большое селение Теги.
Мы имсем, мы имсем,
У нас имеется, имеется!

В настоящее время фольклор знают жители старшего и среднего поколения, молодёжь в основном не знает многие жанры фольклора, не владеет манерами древнего исполнительства, так как большинство из них не владеет родным языком. В современных национальных школах история и фольклор преподаётся на занятиях в школе, и дети познают устное народное творчество своих предков в основном через литературу.

Итак, фольклорные традиции тегинской группы хантов являются неотъемлемой частью их традиционного мировоззрения, тесно переплетаются с системой верований, входят в повседневную жизнь жителей селения. Знание своих фольклорных традиций отдельной группой хантов имело большое значение, так как через эти традиции познавалось всё культурное пространство данного этноса.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В.И. 1981. Донистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М.
- Абашин С.Н. 2001. Ислам и культ святых в Средней Азии // ЭО. № 3.
- Абдулганеев М.Т. 1993. Майминская культура (предварительные итоги и перспективы изучения) // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск.
- Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю., Пугачев Д.А., Скопинцева Г.В. 1995. Раскопки и разведки в северных предгорьях Алтая // Изучение памятников археологии Алтайского края. Барнаул. Вып. 5, ч. 2.
- Абрамова А.А., Матвеев А.В. 2000. «Юл-хаир» и другие традиционные обряды отправления человека в дальнюю дорогу у тарских татар // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск.
- Абрамова З.А. 1966. Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.; Л.
- Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. 1990. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов.
- Адамов А.А. 2000. Новосибирское Приобье в X-XIV вв. Тобольск; Омск.
- Адамов А.А. 2002. Тюркские древности Новосибирского Приобья // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск.
- Адамов В.А., Хрисонпуло Г.Ю., Бородавский А.П. 1990. Предметы скифо-сибирского звериного стиля из Новосибирского Приобья (по материалам курганной группы Почта-3) // Известия СО АН СССР: Сер. История, филология и философия. Новосибирск. Вып. 2.
- Акишев К.А., Хабдулина М.К. 2004. Средневековое городище Бузок: семантика планиграфии и функции // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы II регион. науч.-практ. конф. Челябинск.
- Аксянова Г.А. 1999. Антропология о традициях и современных процессах в расовом составе коренного населения Томской области // Традиционное и современное в культурах Томского Севера. Томск.
- Аксянова Г.А. 2001. 100 народов Российской Федерации: численность населения, язык, религия, традиционные занятия, антропологические особенности: Справ. материалы. М.
- Алатало Я. 1998. Сююссыгуй эджипсан Кээткый кууланни. Максимкин-Яр; Хельсинки.
- Алексеев В.П. 1954. Палеоантропология лесных племен Северного Алтая // КСИЭ. Вып. 21.
- Алексеев В.П. 1958. Палеоантропология Алтая эпохи железа // Советская антропология. № 1.
- Алексеев В.П. 1989. Историческая антропология и этногенез. М.
- Алексеев В.П., Гохман И.И. 1984. Антропология Азиатской части СССР. М.
- Алексеев Е.А. 1967. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л.
- Алексеев Е.А. 1972. К вопросу о роли фактора родства в социальной жизни кетов // Охотники, собиратели, рыболовы. Л.
- Алехин Ю.П. 1987. Древние горняки и металлурги юго-западного Алтая // Проблемы археологии степной Евразии: Тез. докл. конф. Кемерово.
- Алехин Ю.П. 1999. Рудный Алтай в древности и Средневековье // Серебряный венец России: Очерки истории Змеиногорска. Барнаул.
- Алехин Ю.П., Гальченко А.В. 1995. К вопросу о древнейшем скотоводстве Алтая (по материалам поселения Кольванское-1) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Материалы конф. Челябинск. Ч. 5, кн. 1.
- Алехин Ю.П., Демин М.А., Илюшин А.М. 1992. Некоторые результаты исследований на Рудном Алтае // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул.
- Алехин Ю.П., Кирюшин Ю.Ф. 1996. Памятники археологии Змеиногорского района // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул.
- Алишина Х.Ч. 1999. Ономастикон сибирских татар. Тюмень. Ч. 1.
- Алкин С.В. 1996. Шаманские короны как иллюстрация ранних представлений о рождении // Центрально-азиатский шаманизм: философские, исторические, религиозные, экологические аспекты. Улан-Удэ.
- Алпатов В.М. 1997. Судьба айнского языка. // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект: (Сб. статей). М.

- Алябина В.П., Конников Б.А. 1995а. Большой Лог как памятник эпохи поздней бронзы в Омском Прииртышье // Памятники истории и культуры Сибири. Омск.
- Алябина В.П., Конников Б.А. 1995б. Древнее святилище на окраине Омска // Памятники истории и культуры Омской области. Омск.
- Андреанов Б.В., Чебоксаров Н.Н. 1972. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // СЭ. № 2.
- Андреанов Б.В., Чебоксаров Н.Н. 1975. Историко-этнографические области (проблемы историко-этнографического районирования) // СЭ. № 3.
- Анисимов А.Ф. 1958. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблема происхождения первобытных верований. М.; Л.
- Антонова Е.В. 1984. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.
- Антонова Е.В. 1990. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М.
- Антонова Е.В., Раевский Д.С. 1991. О знаковой сущности вещественных памятников и о способах ее интерпретации // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М.
- Антропова В.В. 1961. Лодки // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.
- Анучин В.И. 1914. Очерк шаманства у енисейских остяков. СПб.
- Арешян Г.Е. 1989. К обоснованию методов исследования культурных и этнических контактов в древности (этнокультурные связи Юго-Восточной и Центральной Европы с Армянским нагорьем и Южным Кавказом) // СЭ. № 2.
- Арсланова Ф.Х. 1963. Бобровский могильник // Известия Академии наук Казахской ССР: Сер. Общественные науки. Алма-Ата. Вып. 4.
- Арсланова Ф.Х. 1972. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиск и раскопки в Казахстане. Алма-Ата.
- Арсланова Ф.Х. 1980. Керамика раннесредневековых курганов Казахского Прииртышья // Средневековые древности свравийских степей. М.
- Арсланова Ф.Х. 1983. К вопросу о связях племен Павлодарского Прииртышья с населением Западной Сибири (VII-XI вв.) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск.
- Артамонов М.И. 1973. Сокровища саков. М.
- Артемьева О.Н. 2004. «Ключ в воду, замок в гору»: Семантика репродуктивных органов в святочных гаданиях русских Среднего Прииртышья // Русские: Материалы VII Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Сибири». Тобольск.
- Арутюнов С.А. 2001. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.
- Арутюнов С.А., Хазанов А.М. 1979. Археологические культуры и хозяйственно-культурные типы: проблема соотношения // Проблемы типологии в этнографии. М.
- Археологические культуры и культурная трансформация. 1990. Л.
- Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. 1981. М.
- Архив МАЭС ТГУ. Фонд Чернецова В.Н. Рукописи. № 869. Д. 28, 57.
- Архив ТОКМ. Оп. 1. Ед. хр. 20, 21, 24, 29.
- Атавин А.Г. 1984. Некоторые особенности захоронения чучел в кочевнических погребениях X-XIV вв. // СА. № 1.
- Атлас литейных пороков. Пороки отливок из ковкого чугуна, стали и сплавов цветных металлов. 1958. М. Т. 2.
- Афанасьев А.Н. 1986. Народ - художник: Миф. Фольклор. Литература. М.
- Багашев А.Н. 2000. Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск.
- Бажов П.П. 1967. Малахитовая шкатулка: Уральские сказы. Свердловск.
- Байбурин А.К. 1982. Некоторые вопросы изучения объективированных форм культуры (к проблеме этнографического факта) // Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. Л.
- Байбурин А.К. 1990. Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции традиционной культуры. Л.
- Балакин Ю.В. 1998. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. Новосибирск.
- Баландин А.Н., Вахрушева М.П. 1957. Мансийский язык: Учеб. пособие для педагогических училищ. Л.
- Бараба в тюркское время. 1988. Новосибирск.
- Бардина П.Е. 1995. Быт русских сибиряков Томского края. Томск.
- Басилов В.Н. 1970. Культ святых в исламе. М.
- Батьянова Е.П. 1992. Община у телеутов в XIX - начале XX в. // Материалы к сер. «Народы и культуры». М. Вып. 18: Телеуты.
- Батьянова Е.П. 1994. Ашкыштымы // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. М.
- Бахрушин С.В. 1928. Пути за Урал в XVI-XVII вв. // Очерки по истории колонизации Сибири в XVI-XVII вв. М.
- Бахрушин С.В. 1955. Самоеды в XVII в. // Научные труды. М. Т. 3, ч. 2.

- Беккер Э.Г. 1976. Личные имена у селькупов // Языки и топонимия Сибири. Томск. Вып. 2.
- Беликова О.Б. 1996. Среднее Причюлымье в X-XIII вв. Томск.
- Беликова О.Б., Плетнева Л.М. 1983. Памятники Томского Приобья в V-VIII вв. н. э. Томск.
- Белиловский Ц.А. 1887. Медико-статистический и санитарный очерк города Петропловска Акмолинской области (годовой отчет за 1886 год). Томск.
- Белич И.В. 1988. Культ «святых» и астана сибирских татар в истории Сибири // Влияние ислама на культуру народов Сибири (к 600-летию ислама в Сибири). Тюмень.
- Белич И.В. 1994. Цингалынская астана // Ислам, общество и культура. Омск.
- Белич И.В. 2002. Искер: из «сакральной» истории памятника сибирских татар // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск.
- Белич И.В., Селезнев А.Г., Селезнева И.А. 2004. Эпос о сибирском исламе: к проблеме культа святых // Интеграция археологических и этнографических исследований. Алматы; Омск.
- Белов М.И. 1973. Подвиг Семена Дежнева. М.
- Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. 1980. Мангазея. Ч. 1: Мангазейский морской ход. Л.
- Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. 1981. Мангазея. Ч. 2: Материальная культура русских мореходов и землепроходцев XVI-XVII вв. М.
- Белов М.И., Старков В.Ф. Отчет о работах, проведенных мангазейской экспедицией ААНИИ в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 5173.
- Беловинский Л.В. 2002. Изба и хоромы. М.
- Березкин Ю.Е. Мифология аборигенов Америки и Сибири. Тематическая классификация и распределение по ареалам. Аналитический каталог. <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/index.htm>.
- Бернштам Т.А. 1972. Рыболовство на Русском Севере во второй половине XIX - начале XX в. // МАЭ. Л. Т. 28: Из культурного наследия народов России.
- Бернштам Т.А. 1983. Русская народная культура Поморья в XIX - начале XX в. Л.
- Берс Е.М. 1951. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // МИА. № 21.
- Бидерман Г. 1996. Энциклопедия символов. М.
- Бичурин Н.Я. 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л. Ч. 1.
- Бломквист Е.Э. 1956. Крестьянские постройки восточных славян // Восточно-славянский этнографический сборник. М.
- Бобров В.В. 1988. Культурная принадлежность и хронология памятников предандроновского времени и поздней бронзы Обь-Чулымского междуречья // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул.
- Бобров В.В. 1992. Кузнецко-салаирская горная область в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск.
- Бобров В.В. 1992. Кузнецко-салаирская область в эпоху бронзы: Дис. ... д-ра ист. наук (в форме научного доклада). Новосибирск.
- Бобров В.В. 1993. Андроновская культура или культурно-историческая общность // Культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург.
- Бобров В.В. 2003. Ачинско-Мариинская лесостепь как транзитная территория в эпоху бронзы (историко-археологический аспект) // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: Материалы Всерос. 43-й археол.-этнограф. конф. Томск.
- Бобров В.В. 2004. Петроглифы Сибири и кулайская металлопластика // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. СПб.
- Бобров В.В. Рецензия. Молодин В.И. Памятник Сопка-1 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 2001. Т. 1. 128 с. // РА. № 3. 2004.
- Бобров В.В., Михайлов Ю.И. Памятники андроновской культуры в Обь-Чулымском междуречье // Депонир. ИНИОН. № 38518 от 26.06.1989 г.
- Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. 2004. К вопросу об ирменской культуре Кузнецкой котловины // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул.
- Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. 1993. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск.
- Боброва А.И. 2001. Берестяные свертки с куклами из Тискинского могильника // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск
- Богданов Е.С. 2004. К вопросу о происхождении иконографической схемы «хищник, пригнувшийся к земле» в искусстве кочевников Центральной Азии // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул.
- Богораз-Тан В.Г. 1923. Эйнштейн и религия. М.; Петроград.

- Богораз-Тан В.Г. 1939. Чукчи. Л. Ч. 2: Религия.
- Бойс М. 1987. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М.
- Боковенко Н.А. 1981. Бронзовые котлы эпохи ранних кочевников в азиатских степях // Проблемы западносибирской археологии. Новосибирск.
- Большаник П.В., Жук А.В., Матющенко В.И. и др. 2001. Нижнетарский археологический микрорайон. Новосибирск.
- Борзунов В.А., Бельтикова Г.В. 1989. Раскопки городищ Барсов Городок I/3 и I/20 // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар.
- Борзунов В.А., Зыков А.П. 2003. Барсовский III могильник - новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург.
- Бородкина М.В. 1925. Очерки хозяйственной жизни Баргузинского края // Бюллетень Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. № 6. Иркутск.
- Бородкина М.В. 1927. Деревня Иткара Томского края. Хозяйственно-бытовые очерки // Труды ТКМ. Томск. Т.1.
- Бородовский А.П. 2000. Технология производства предметов из полого рога // Феномен алтайских мумий. Новосибирск.
- Бородовский А.П. 2002. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области: Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Новосибирск. Вып. 6.
- Бородовский А.П. 2004. Хронологические парадоксы вещевого комплекса Быстровского некрополя эпохи раннего железа // Евразия. Культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск. Вып. 3.
- Бородовский А.П., Ларичев В.Е. 2001. Июсский кинжал и вопросы интерпретации кладов второй половины I тыс. до н. э. на юге Западной Сибири // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Материалы XII Западно-Сибирской археол.-этнограф. конф. Томск.
- Бородовский А.П., Слюсаренко И.Ю., Кузьмин Я.В., Орлова Л.А., Кристен Дж. А, Гаркуша Ю.Н., Бурр Дж. С., Джал Э.Дж. Т. 2003а. Хронология погребальных комплексов раннего железного века в Верхнем Приобье по данным древесно-кольцевого и радиоуглеродного методов (на примере курганной группы Быстровка-2) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (15).
- Брей У., Трамп Д. 1990. Археологический словарь: Пер. с англ. М.
- Бромлей Ю.В. 1981. Основные виды историко-культурных общностей и тенденции их динамики // СЭ. № 1.
- Бронникова О.М. 1995. Этнические процессы у казахов Западной Сибири в 1970-1980-е гг. // Народы Сибири и сопредельных территорий. Томск.
- Бубнова М.А., Шемаханская М.С. 2003. Результаты спектрального анализа изделий из медных сплавов из могильников Памира (эпоха бронзы, сакский период) // Центральная Азия: источники, история, культура. М. Бюллетень № 6 Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. 1925. Иркутск.
- Вадецкая Э.Б. 1980а. Изваяния окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л.
- Вадецкая Э.Б. 1980б. О культе головы по древним погребениям Минусинских степей // Духовная культура народов Сибири. Томск.
- Вадецкая Э.Б. 1986. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.
- Валеев Ф.Т. 1992. Сибирские татары: культура и быт. Казань.
- Варенов А.В. 1998. Афанасьевские древности из Северного Сибиряка и их алтайские аналогии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы науч.-практ. конф. Барнаул. Вып. 9.
- Варфоломеев В.В. 1987. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда.
- Варфоломеев В.В. 1988а. О культурно-исторической ситуации в Сары-Арке в эпоху поздней бронзы // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул.
- Варфоломеев В.В. 1988б. О культурной принадлежности памятников с валиковой керамикой Сары-Арки // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск.
- Васильев В.И., Симченко Ю.Б., Соколова З.П. 1970. Валерий Николаевич Чернецов // СЭ. № 4.
- Васильев Е.А. 1989. Энеолит и ранний бронзовый век средне- и северо-таежного Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Васильев Е.А. 2001. Феномен поселения Самусь IV в самусьской культуре // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск.
- Васильев И.Б., Синюк А.Т. 1985. Энеолит восточноевропейской лесостепи. Куйбышев.
- Васильев С. А. 2004. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // Археологические вести. СПб. № 11.
- Васильева И.В. 2001. Культурные находки Шайтанского озера // Тагильский край в панораме веков. Нижний Тагил. Вып. 2: Материалы краевед. конф., посвященной 160-летию Нижнетагильского государственного музея-заповедника горнозаводского дела Среднего Урала.

- Васильевский Р.С. 1971. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск.
- Васильков Я.В. 2003. Древнейшие индийские зеркала из скифо-сарматских курганов Алтая и Южного Приуралья // Степи Евразии в древности и Средневековье. СПб. Кн. 2.
- Васютин А.С. 1998. Инновации и культурогенез на Верхней Оби в VII-IX вв. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул.
- Васютин А.С. 2001а. Сросткинские типы изделий в верхнеобской гарнитуре (к вопросу о культурных взаимосвязях на Верхней Оби в конце I тыс.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы Всерос. науч.-практ. конф.). Барнаул. Вып. 12.
- Васютин А.С. 2001б. Новое в хронологии и культуре юрт-акбалыкского этапа развития верхнеобского ареала // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археол.-этнограф. конф. Томск.
- Васютин А.С. 2003. Культурно-хронологические особенности курганных могильников Среднего и Нижнего Притомья в связи с этнокультурной ситуацией на юге Западной Сибири начала II тыс. н. э. // Социально-демографические процессы на территории Западной Сибири (древность и Средневековье). Кемерово.
- Васютин А.С., Елин В.Н. 1983. К датировке алтайских оградок уландрыкского типа // Археология Южной Сибири. Кемерово.
- Васютин А.С., Заушишцена А.В., Онищенко С.С., Фомина Н.А. 2004. Культурно-хронологические особенности курганного могильника Шумиха на Нижней Томи в связи с этнокультурной ситуацией на юге Западной Сибири начала II тыс. н. э. // Труды Кузбасской комплексной экспедиции. Кемерово. Т. 1: Беловский, Яшкинский, Таштагольский районы Кемеровской области.
- Васютин А.С., Ширин Ю.В. 2002. Курганный комплекс Порывайка // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово.
- Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. 1996. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плоесы 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул.
- Вернер Г.К. 1976. О личных именах современных кетов // Языки и топонимия Сибири. Томск. Вып. 2.
- Верхотурские грамоты конца XVI - начала XVII в. 1982. М.
- Вершинин Е.В. 2002. Об обстоятельствах покорения селькупской Пегой орды // Северный археологический конгресс: Тез. докл. (9-14 сентября 2002 г.). Екатеринбург; Ханты-Мансийск.
- Вершинин Е.В., Шашков А.Т. 2002. Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург. Вып. 1.
- Визгалов Г.П. 2004. Русское посадское домостроение на севере Западной Сибири // Русские: Материалы VII Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск.
- Викторова В. Д. 1968. Памятники лесного Зауралья в X-XIII вв. н. э. // Учен. зап. ПермГУ. № 191.
- Викторова В.Д. 1969. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья: Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск.
- Викторова В.Д. 1970. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.
- Викторова В.Д. 1999. Туманское I поселение, святилище, костыше // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург. Вып. 3.
- Викторова В.Д. 2000. Синдея, городище; синдейская культура // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург.
- Викторова В.Д. 2002. Клады древних металлургов Урала // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб.
- Викторова В.Д. 2004. Культурные озерные памятники // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург.
- Викторова В.Д., Кернер В.Ф. 1988. Памятники эпохи железа у озера Осинового // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск.
- Вилков О.Н. 1967. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М.
- Вилков О.Н. 1990. Очерки социально-политического развития Сибири конца XVI - начала XVIII в. Новосибирск.
- Винклер Р.-Л. 2001. Существует ли научная школа В. Штейница в области хантоведения? // Congressus novus internationalis fenno-ugristarum (7-13.08.2000). Tartu. Pars VI.
- Воробьев М.В. 1994. Маньчжурия и восточная Внутренняя Монголия с древнейших времен до IX в. включительно. Владивосток.
- Воронина Т.А. 2001. Пища и утварь // Русский Север: этническая история и народная культура XII-XX вв. М.
- Габбе Т.Г. 1992. Быль и небыль: русские народные сказки, легенды, притчи. Новосибирск.
- Гаврилова А.А. 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.
- Галкина Т.В. 2003. Томская лингвистическая школа А.П. Дульзона. Томск.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси. ГАОО. Ф. 3, оп. 3, д. 4144, т. 2; оп. 4, д. 6221, 6627, 7544.

- ГАРФ. Ф. 102, 3-е делопроизводство, 1892 г., д. 897.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В. 1999. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В. 2001. Небесный всадник. Жертвенные покрывала манси и хантов. Новосибирск.
- Генинг В.Ф. 1972. Южное Приуралье в III-VII вв. н. э. // Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- Генинг В.Ф. 1976. Проблема соотношения археологической культуры и этноса // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск
- Генинг В.Ф. 1985. Заметки к построению теории археологической культуры (АК) // Археология и проблемы истории древних обществ. Киев.
- Генинг В.Ф. 1988. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М.
- Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. 1990. Формализованно-статистические методы в археологии: анализ погребальных памятников. Киев.
- Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. 1967. Городище Большой Лог // V Уральское археол. совещание. Сыктывкар.
- Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. 1970. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.
- Генинг В.Ф., Евдокимов В.В. 1969. Старо-Масляное поселение // ВАУ. Свердловск. Вып. 8.
- Генинг В.Ф., Корякова Л.Н. 1985. Комплекс раннего железного века на Чупинском поселении // КСИА. Вып. 184, № 2.
- Генинг В.Ф., Позднякова М.К. 1964. Прыговское городище на р. Исети // ВАУ. Свердловск. Вып. 6.
- Георги И.Г. 1799. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Часть вторая о народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских. СПб.
- Герман Е.Ф. 2003. Металлические погребальные лицевые покрытия Волго-Камья эпохи средневековья // Междунар. (XVI Уральское) археол. совещание. Пермь.
- Глазунов П.Ю., Нефедов А.В. 2004. Северные кеты: последние страницы (по итогам лингвистической экспедиции «Мадуйка 2003») // Сравнительно-исторические и типологические исследования языка и культуры: проблемы и перспективы: Сб. науч. трудов Лаборатории языков народов Сибири. Томск. Т. 2.
- Глушкова Т.Н. 2002. Археологические ткани Западной Сибири. Сургут.
- Голдина Р.Д. 1969. Городище Кучум Гора // ВАУ. Свердловск. Вып. 8.
- Голдина Р.Д. 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.
- Голдина Р.Д. 2002. Мой путь в археологию // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. Ижевск.
- Головнев А.В. Кочевники тундры. Ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004.
- Гольдциэр И. 1938. Культ святых в исламе. Мухаммеданские эскизы. М.
- Грач А.Д. 1980. Древние кочевники в Центральной Азии. М.
- Грачева Г.Н. 1983. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. Л.
- Грачева Г.Н. 1993. К горизонтальной модели мира у нганасан // Традиционные верования в современной культуре этносов. СПб.
- Грибова Л.С. 1975. Пермский звериный стиль. М.
- Григоровский Н.П. 1879. Азбука сюссогой гулани / Сост. Н.П. Григоровским для инородцев Нарымского края. Казань.
- Гриценко В.Н. 2001. Из истории становления системы школ-интернатов на Ямальском Севере (1930-60-е гг.) // Самодийцы: Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10-12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск; Омск.
- Гришина Н.М. 2003. Северный диалект кетского языка // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск. Вып. 10: Экспедиционные материалы.
- Громов А.В. 1997а. Краниоскопические особенности населения окуневской культуры // Окуневский сборник: культура, искусство, антропология. СПб.
- Громов А.В. 1997б. Происхождение и связи населения окуневской культуры // Окуневский сборник: культура, искусство, антропология. СПб.
- Громов А.В. 2001. Антропология населения окуневской культуры Южной Сибири (эпоха бронзы): Дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Громов Г.Г. 1979. Жилище // Очерки русской культуры XVII в. Ч. I. М.
- Грушин С.П. 1998. Эколого-географическая среда и месторасположение поселений в Угловском районе Алтайского края // Поселения: среда, культура, социум. СПб.
- Грушин С.П. 2001. К вопросу о культурной принадлежности некоторых памятников эпохи ранней бронзы предгорно-равнинного Алтая // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия. Барнаул.
- Грязнов М.П. 1940. Раскопки на Алтае // СГЭ. Л. № 1.
- Грязнов М.П. 1950. Из далекого прошлого Алтайского края. Барнаул.

- Грязнов М.П. 1952. Культура эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана // СА. М. Т. 16.
- Грязнов М.П. 1965. История древних племен Верхней Оби // МИА. № 48.
- Грязнов М.П. 1980. Аржан: Царский курган раннесакского времени. Л.
- Гультов С.Б. 1981. Раскопки могильника на озере Ашпыл // АО-1980 г., М.
- Гурштейн А.А. 1991. Реконструкция происхождения зодиакальных созвездий // На рубежах познания Вселенной: Историко-астрономические исследования. Вып. 23.
- ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152, оп. 3, д. 20; оп. 6, д. 599; ф. 417, оп. 1, д. 584.
- Гущин А.С. 1937. Происхождение искусства. М.; Л.
- Давыдова Г.М. 1989. Антропология манси. М.
- Даль В.И. 1994. Толковый словарь живого великорусского языка. М. Т. 1-4.
- Данченко Е.М. 1992. К вопросу о формировании потчевашской культуры // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск.
- Данченко Е.М., Колесникова Н.М. 2000. Керамика эпохи раннего железа с Красноярского археологического комплекса // Гуманитарное знание: Сер. «Преемственность». Омск.
- Дашковский П.К. 2001. Коргон-1 - новый памятник енисейских кыргызов в Горном Алтае // Алтай и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Барнаул.
- Дебец Г.Ф. 1948. Палеоантропология СССР // ТИЭ. М.; Л. Т. 4.
- ДеМерс, Майкл Н. 1999. Географические Информационные системы. Основы: Пер. с англ. М.
- Демидов С.М. 1976. Туркменские овляды. Ашхабад.
- Дербенева О.А., Стариковская Е.Б., Володько Н.В., Уоллес Д.С., Сукерник Р.И. 2002. Изменчивость митохондриальной ДНК у кетов и нганасан в связи с первоначальным заселением Северной Евразии // Генетика. Т. 38, № 11.
- Джангар. Калмыцкий героический эпос: На калмыцком и русском языках. 1990. М.
- Диков Н.Н. 1979. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М.
- Диков Н.Н. 1989. Северо-Восточная Азия в эпоху палеолита // История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века. М.
- Диков Н.Н. 1993. Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. Магадан.
- Дикова Т.М. 1983. Археология Южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М.
- Дмитриева Т.Н. 2003. Географический термин *raw* в хантыйской топонимии Казыма // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург. Вып. IV.
- Дмитриенко Н.М. 1997. «Фанатик Севера и туземцев» // Земля Верхнекетская. Томск.
- Добжанский В.Н. 2004. К вопросу о времени построения и местоположении Первого Нарымского острога // Учен. зап. факультета истории и международных отношений Кемеровского государственного университета. Кемерово. Вып. 2.
- Докладные записки Окрисполкому о состоянии детей-беспризорников, профобразования, ликвидации неграмотности, развитии народного образования нацмен. 18.11.1927-27.09.1928 гг. // ГАТО. Ф. Р-214, оп. 1, д. 335.
- Долгих Б.О. 1952. Происхождение нганасанов // Сибирский этнографический сборник I. Труды ИЭ. М. Т. 18.
- Долгих Б.О. 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.
- Долгих Б.О. 1970. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.
- Долгих Б.О. 1982. К истории родоплеменного состава кетов // Кетский сборник: Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л.
- Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. 1857. СПб. Т. VI.
- Древний город на Оби: история Сургута. 1994. Екатеринбург.
- Дремов В.А. 1970. Материалы к антропологии большещеченской культуры // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово. Вып. 2.
- Дремов В.А. 1973. Черепа эпохи бронзы Обь-Иртышского междуречья // Научные труды Новосибирского педагогического института. Новосибирск. Вып. 85.
- Дремов В.А. 1997. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы. Томск.
- Дремов В.А., Рейс Т.М. 1996. Тагарская периферия в свете антропологических данных (коллекция Томска и Красноярска) // 100 лет гуинской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Улан-Удэ. Ч. 1.
- Дуброва Ю.Е., Карафет Т.М., Осипова Л.П. 1993. Гетерозиготность и плодовитость у северных селькупов // Генетика. Т. 29, № 10.
- Дульзон А.П. 1956. Археологические памятники Томской области // Тр. ТОКМ. Томск. Т. 5.
- Дульзон А.П. 1959. Кетские топонимы Западной Сибири // Учен. зап. ТГПИ. Томск. Т. 18.
- Дульзон А.П. 1974. Топонимы // Родной край. Очерки природы, истории, хозяйства и культуры Томской области. Томск.

Дунин-Горкавич А.А. 1904. Тобольский Север: В 3 т. Т. 1: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб.

Дэвлет М.А. 1964. Керамика позднетагарских курганов Красноярского района // СА. № 2.

Дэвлет М.А. 1976. Большая Боярская писаница. М.

Дэвлет М.А. 1980. Петроглифы Мугур-Саргола. М.

Дэвлет М.А. 1998. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). М.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. 2002. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда.

Евладов В.П. 1992. По тундрам Ямала к Белому острову. Тюмень

Елагин В.С., Молодин В.И. 1991. Бараба в начале I тысячелетия н. э. Новосибирск.

Елизаренкова 1990. История и культура Древней Индии. М..

Емельянов Н.Ф. 1979. Ясак и национальная политика царизма в феодальную эпоху по материалам Среднего Приобья // История, археология и этнография Сибири. Томск.

Епимахов А.В. 2004. Абсолютная и относительная хронология бронзового века Урала в свете новых радиоуглеродных дат // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии: Сб. науч. трудов. Барнаул.

Ермолаев А.П. 1914. Ишимская коллекция. Описание коллекций Красноярского музея. Красноярск.

Ермолаева А.С. 1987. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата.

Есин Ю.Н. 2002. К проблеме соотношения самусьской и окуневской культур // Труды МАЭС ТГУ. Томск. Т. 1.

Есин Ю.Н. 2003. Социальная направленность первобытного искусства и изобразительный текст // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и Средневековье). Кемерово.

Есин Ю.Н. 2004. Искусство самусьской культуры: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

Ефименко П.П. 1938. Первобытное общество. Л.

Ефименков П.С. 1877. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. I: Описание внешнего и внутреннего быта. М.

Жуковская Н.Л. 2002. Кочевники Монголии: культура, традиции, символика: Учеб. пособие. М.

Завитухина М.П. 1983. Древнее искусство на Енисее. Скифское время: Публикация одной коллекции. Л.

Заднепровский Ю.А. 1992. Ранние кочевники Кетмень-Тюбе, Ферганы и Алая // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР: В 20 т. М.

Заднепровский Ю.А. 1992. Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР: В 20 т. М.

Заднепровский Ю.А. 1993. Находки кочевнических зеркал на территории Индостана и в Южном Вьетнаме // Петерб. археол. вестник. СПб. № 7.

Замятнин С.Н. 1951. О старинных русских шахматах // Исторический памятник русского арктического мореплавания. Л.; М.

Замятнин С.Н. 1961. Очерки по палеолиту. М.; Л.

Зах В.А. 1997. Эпоха бронзы Присалаирья. Новосибирск.

Заявление о приеме, увольнениях, справки и переписка о личном составе работников музея 1925-1933 гг. // Архив ТОКМ. Оп. 2, д. 48.

Зданович С.Я. 1983. Происхождение саргаринской культуры (к постановке вопроса) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Зданович С.Я. 1984. Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.

Зеленин Д.К. 1991. Восточнославянская этнография. М.

Земля Ямал. Альбом ямальских экспедиций В.П. Евладова. 1998. М.

Зенько М.А. 2003. Сибирские лесные ненцы: историко-этнографическое исследование: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Зиновьев В.П. 1994. Промыслы населения Нижнего Притомья в XIX - начале XX в. // Северск: История и современность. Томск.

Золотарева И.М. 1974. Антропологическая дифференциация восточных самодийцев (енисейские ненцы, энцы и нганасаны) // Антропология и геногеография. М.

Золотые олени Евразии. Каталог выставки. 2003. СПб.

Зубов А.А. 2002. Некоторые спорные моменты в традиционных взглядах на формирование физического типа американских индейцев // История и семиотика индейских культур Америки. М.

Зуев В.Ю. 1993. «Пляшущие человечки» Салоговского клада // Ad Polus. Археологические изыскания. СПб. № 10.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. 1994. Угорское наследие. Екатеринбург.

Зыков А.П., Федорова Н.В. 2001. Холмогорский клад: коллекция древностей III-IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург.

- Иванов В.В. 1997. Структура гомеровских текстов, описывающих психические состояния // Из работ московского семиотического круга. М.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. 1965. К описанию некоторых кетских семиотических систем // Труды по знаковым системам 2. Тарту.
- Иванов Г.Е., Медникова Э.М. 1982. Новообинский курган // Археология и этнография Алтая. Барнаул.
- Иванов С.В. 1934. Сибирские параллели к магическим изображениям из эпохи палеолита // СЭ. № 4.
- Илюшин А.М. 1993. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово.
- Илюшин А.М. 1997. Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины. Кемерово.
- Илюшин А.М. 1998. Кузнецкая котловина в период развитого Средневековья (к вопросу об этногенезе тюркоязычных аборигенов Сибири) // Сибирские татары: Материалы I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск.
- Илюшин А.М. 1999. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово.
- Илюшин А.М. 2003. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху Средневековья (конец V - XIV века): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Алматы.
- Илюшин А.М. 2004. Материальная и духовная культура аз-кыштымов (по археологическим данным) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул.
- Илюшин А.М., Ковалевский С.А. 1998. Курганный могильник Шабаново-4 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск.
- Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. 1996. Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово. Кемерово.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. 1991. К вопросу о тюркских древностях в Кузнецкой котловине // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Посвящается 100-летию Н.К. Ауэрбаха: Крат. содержание докл. Красноярск. Т. 2.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. 1992. Хронология и этнокультурная принадлежность могильника Шанда // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. Томск.
- Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. 1992. Могильник Сапогово - памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск.
- Историко-этнографический Атлас Сибири. 1961. М.; Л.
- Исторические акты XVII столетия (1633-1699): Материалы для истории Сибири. 1890. Вып. 1. Собрал и издал Инн. Кузнецов. Томск.
- История и культура чукчей. 1987. Л.
- Источники по этнографии Западной Сибири. 1987. Томск.
- Итина М.А. 1979. Реконструкция некоторых первобытных обрядов методом аналогий // Этнография и археология Средней Азии. М.
- Казакевич О.А. 2004. Северные (тазовско-туруханские) селькупы // Мифология селькупов. Томск.
- Казаков А.А. 1998. О культурной принадлежности памятников эпохи раннего Средневековья Кузнецкой котловины // Древние поселения Алтая. Барнаул.
- Казаков А.А., Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. 1996. Памятники археологии Локтевского района // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул.
- Казаков А.А., Неверов С.В. 1991. Хронология и периодизация памятников середины - второй половины I тыс. н. э. Верхнего Приобья // Проблемы хронологии и периодизации памятников Южной Сибири. Барнаул.
- Казаков Е.П. 1992. Культура ранней Волжской Болгарии. М..
- Казаковцева М.А., Воевода М.И., Осипова Л.П. 1998. Полиморфизм митохондриальной ДНК у северных селькупов // Генетика. Т. 34, № 3.
- Каландаров Т.С. 2002. Святилища Западного Памира // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН. М.
- Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год. 1985. М.
- Календарь 2003 г. Сидя ёнар няхаромдэй похы ненэцие ялэ падар. Авт. Ирина Ханзерова.
- Калуцков В.Н. 2000. Основы этнокультурного ландшафтоведения. М.
- Кань кунш олан: Земля кошачьего локотка: Пер., сост., предисл. и прим. Т. Молданова. 2004. Томск. Вып. 4.
- Карафет Т.М., Посух О.Л., Осипова Л.П. 1994. Популяционно-генетическое исследование коренных жителей сибирского севера // Сибирский экологический журнал. № 2.
- Каргер М.К. 1941. Тайник под развалинами Десятинной церкви в Киеве // КСИИМК. М. Вып. X.
- Карта распространения этнических групп, расселения племен и родов народов Сибири в XVII в. // История Сибири. 1968. Л. Т. 2.
- Карцов В.Г. 1929а. Ладейское и Ермолаевское городища // Труды археол. секции РАНИОН. М. Т. 4.

- Карцов В.Г.** 19296. Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. Красноярск.
- Карьялайнен К.Ф.** 1994-1996. Религия югорских народов. Томск. Т. 1-3.
- Кастрен М.А.** 1860. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838-1844 и 1845-1849) // Магазин земледения и путешествий: Геогр. сб. М. Т. 6, ч. 2.
- Касум-Ёх.** 1993. Материалы для обоснования проекта этнической статусной территории / Отв. ред. А.В.Головнев. Ханты-Мансийск; Тобольск; Шадринск.
- Кацюба Д.В.** 1993. Духовная культура телеутов. Кемерово.
- Кениг А.В.** 1998. Этногенетическое направление в советской археологии // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск. Ч. 1.
- Кимеев В.М.** 1986. Этнический состав шорцев // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово.
- Кимеев В.М.** 1989. Шорцы. Кто они? Этнографические очерки. Кемерово.
- Киреев С.М., Алехин А.В., Фуршатова А.В.** 1990. Археологические исследования на Средней Катуни в 1989 году // Вопросы археологии и истории Горного Алтая. Горно-Алтайск.
- Кирьяк М.А.** 1993. Археология Западной Чукотки. М.
- Кирьяк М.А.** 2000. Древнее искусство севера Дальнего Востока. Магадан.
- Киришин Ю.Ф.** 1992. О феномене сейминско-турбинских бронз и времени формирования культур ранней бронзы в Западной Сибири // Северная Евразия от древности до Средневековья. СПб.
- Киришин Ю.Ф.** 2002. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул.
- Киришин Ю.Ф.** 2004. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул.
- Киришин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А.** 2003. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). Барнаул.
- Киришин Ю.Ф., Иванов Г.Е.** 2002. Новый сейминско-турбинский могильник Шипуново-V на Алтае // Историко-культурное наследие Северной Азии: Сб. науч. трудов. Барнаул.
- Киришин Ю.Ф., Клюкин Г.А.** 1985. Памятники неолита и бронзы юго-западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул.
- Киришин Ю.Ф., Косинцев П.А., Папин Д.В., Шамшин А.Б.** 2002. Исследования Рублёвского археологического микрорайона на юге Кулундинской степи в 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. 8.
- Киришин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А.** 2003. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул. Ч. 2: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры.
- Киришин Ю.Ф., Тишкин А.А.** 2003. Металлические предметы эпохи ранней бронзы и свидетельства их производства на памятнике Березовая Лука // Исторический опыт культурного и хозяйственного освоения Западной Сибири. Барнаул.
- Киришин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П.** 1999. Краткие итоги археологического изучения памятников эпохи ранней бронзы Березовая Лука и Телеутский Взвоз-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск. Т. 5.
- Киришин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П.** 2001. Археологические исследования на памятниках эпохи ранней бронзы Березовая Лука и Телеутский Взвоз-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск. Т. 7.
- Киришин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П.** 2002. Опыт классификации наконечников стрел эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.
- Киселев С.В.** 1950. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.
- Киселев С.В.** 1951. Древняя история Южной Сибири. М.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.** 1994. Степные империи Евразии. СПб.
- Книга Большому Чертежу.** 1950. М.
- Ковалевская В.Б.** 2001. Волжский путь VI-IX вв. по материалам компьютерных карт распространения поясов «геральдического типа» и бус // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма). Самара.
- Кожин П.М.** 2003. Сибирская фаланга эпохи бронзы // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Козинцев А.Г., Громов А.В., Моисеев В.Г.** 2003. Новые данные о сибирских «американоидах» // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3(15).
- Кольс Р.Е.** 1930. Река Таз. Русское географическое общество. Л.
- Комарова М.Н.** 1952. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии Сибири. М. Т. 1, № 24.

- Конилов Б.А. 1992. Омская стоянка и могильник - уникальные памятники по предыстории города // Памятники истории и культуры г. Омска. Омск.
- Конилов Б.А. 1994. Варвара Павловна Левашова - археолог Омского музея // Известия ОГИКМ. Омск. № 3.
- Конилов Б.А. 1996. Омская стоянка - выдающийся памятник Среднего Прииртышья // Известия ОГИКМ. Омск. № 4.
- Конилов Б.А. 1998. Комплекс памятников «Омская стоянка»: археологические открытия и находки. Омск.
- Конилов Б.А. 1999. Городище Большой Лог. Омск.
- Конилов Б.А., Мельников Б.В., Тихонов С.С. 1991. О культурно-хронологических комплексах городища Большой Лог у Омска // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Южной Сибири. Барнаул.
- Конилов Б.А., Морев Н.В., Скандаков И.Е. 1992. Городище Большой Лог // Памятники истории и культуры Омска. Омск.
- Королев К.С., Мурыгин А.М., Савельева Э.А. 1997. Ванвиздинская культура (VI-X вв.) // Археология Республики Коми. М.
- Королькова Е.Ф. 1996. Теоретические проблемы искусствоведения и «звериный стиль» скифской эпохи. СПб.
- Корочкова О.Н. 1987. Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.Н., Стефанова Н.К. 1991. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // ВАУ. Екатеринбург. Вып. 20.
- Корусенко М.А., Смирнова Е.Ю., Ярзуткина А.А. Парамифология тюркоязычного населения Среднего Прииртышья (о возможности сравнительно-исторического изучения) // Культурное наследие народов Западной Сибири: Тюркские народы. Тобольск; Омск. 2002.
- Корякова Л.Н., Дэйр М.И. 2003. Исследование Павлиновского археологического комплекса на р. Исеть // Экология древних и современных обществ. Тюмень.
- Корякова Л.Н., Морозов В.М., Суханова Т.Ю. 1988. Поселение Ипкуль XV - памятник переходного периода от раннего железного века к Средневековью в Нижнем Притоболье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск.
- Корякова Л.Н., Стефанов В.И. 1981. Городище Инберень IV на Иртыше // СА. № 2.
- Косарев М.Ф. 1969. К вопросу о кулайской культуре // КСИА. № 119.
- Косарев М.Ф. 1970. Валерий Николаевич Чернецов // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.
- Косарев М.Ф. 1974. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.
- Косарев М.Ф. 1976. Бронзовый век Западной Сибири: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Косарев М.Ф. 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М.
- Косарев М.Ф. 1991. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М.
- Косарев М.Ф. 1993. Из древней истории Западной Сибири. Общая историко-культурная концепция // Российский этнограф. М. № 4.
- Косарев М.Ф. 1994. Миропонимание язычников - мифы, обряды, ритуалы // Природа. № 7.
- Косарев М.Ф. 1995. О Валерии Николаевиче Чернецове - ученом и человеке // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири (Тез. докл. X Западно-Сибирского археол.-этнограф. совещания памяти В.Н. Чернецова). Томск.
- Косарев М.Ф. 2003. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. М.
- Костиков Л.В. 1930. Боговы олени в религиозных верованиях Хасово // Этнография. № 1-2.
- Кочеев В.А. 1990. Курганы могильника Айрыдаш-III // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск.
- Кочеев В.А. 1996. Курганный могильник Айрыдаш-IV на Средней Катунь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: Материалы науч.-практ. конф. Барнаул.
- Кошечкин Б.И. 1979. Тундра хранит след. Мурманск.
- Крейнович Е.А. 1958. Юкагирский язык. М.; Л.
- Кривоногов В.П. 1998. Кеты на пороге III тысячелетия. Красноярск.
- Кривоногов В.П. 2003. Кеты: десять лет спустя (1991-2001 гг.). Красноярск.
- Крыласова Н.Б. 2001. История Прикамского костюма. Пермь.
- Кубарев В.Д. 1988. Древние росписи Каракола. Новосибирск.
- Кубарев В.Д. 2001. Бике I, III: погребальные памятники скифской эпохи Средней Катунь // Древности Алтая. Горно-Алтайск. Вып. 7.
- Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. 1990. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск.
- Кузеев Р.Г. 1992. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М.

- Кузнецов Н.А. 2004. Курганный могильник Шестаки-1 // Кузнецкая старина. Новокузнецк. Вып. 6.
- Кузьмина Е.Е. 1988. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск.
- Кузьмина Е.Е. 1994. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.
- Кузьмина Е.Е. 1985. Погребальный обряд пастушеских племен евразийских степей в свете индоиранских традиций // Достижения советской археологии в XI пятилетке: Тез. докл. Всесоюз. конф. Баку.
- Кукушкин И.А. 2004. Андроновская общность: проблема генезиса // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы II регион. науч.-практ. конф. Челябинск.
- Кулемзин А.М. 1979. Арчекассские курганы // Археология Южной Сибири. Кемерово.
- Кулемзин В.М. 1984. Человек и природа в верованиях хантов. Томск.
- Кулемзин В.М. 2000. Илт // Мифология хантов. Томск.
- Кулемзин В.М. 2000. Иттэрма // Мифология хантов. Томск.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В. 1977. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX - начале XX в. Томск.
- Кунгуров А.Л., Горбунов В.В. 1993. Средневековое поселение Ушлеп 5 // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул.
- Купер Ш., Пустай Я. 1993. Селькупский разговорник. Нарымский диалект // Specimina Sibirica. Sombathely. Band 7.
- Курилов В.Н. 1982. Наемные работники Сибири XVII в., их социальное положение и борьба // Промышленность Сибири в феодальную эпоху (конец XVI - середина XIX в.). Новосибирск.
- Кутаков Ю.М., Старков А.В. 1997. Пылаевский грунтовый могильник (предварительная публикация) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург. Вып. 1.
- Кушелевский Ю.И. 1864. Путевые записки, веденные во время экспедиции 1862, 1864, 1864 г. Тобольск.
- Кызласов И.Л. 1983. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв. // САИ. М. Вып. Е3-18.
- Кызласов Л.Р. 1986. Древнейшая Хакасия. М.
- Кычанов Е.И. 1997. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.
- Лапина М.А. 1996. Нормативные установки хантов в обращении с рыбой // Народы северо-западной Сибири. Томск. Вып. 3.
- Ларин О.В., Кочеев В.А. 1999. Могильник Чоба VI на Средней Катунь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул. Вып. 11.
- Ларичев В.Е. 1993. Сотворение Вселенной. Новосибирск.
- Лвашов В.П., Рыгдылон Э.Р. 1952. Шалаболинский клад бронзовых котлов, хранящихся в Минусинском музее // КСИИМК. Вып. 13.
- Лебединцев А.И. 2002. Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. Л.
- Лебединцев А.И. К вопросу появления тунгусов на Охотском побережье // История и культура Востока Азии. Новосибирск. Т. 2.
- Левин М.Г. 1958. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М.
- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. 1955. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. № 4.
- Леви-Строс К. 2001. Структурная антропология. М.
- Лелеко В.Д. 2002. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.
- Леонтьев Н.В. 1978. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. Новосибирск.
- Леонтьев С.Н. 2002. К вопросу о сейминско-турбинской традиции на Среднем Енисее // Степи Евразии в древности и Средневековье. СПб. Кн. 1.
- Лехтисало Т. 1998. Мифология юрако-самоедов (ненцев). Томск.
- Лещенко В.Ю. 1976. Использование восточного серебра на Урале // Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII-XIII вв. М.
- Липинская В.А. 2003. Пища (XII-XX вв.) // Русские. М.
- Лихачев Д.С. 1946. Культура Руси эпохи образования русского национального государства. М.
- Лозовский В.М. 1997. Искусство мезолита - раннего неолита Волго-Окского междуречья (по материалам стоянки Замостье-2) // Древности Залесского края: Материалы к Междунар. конф. «Каменный век Европейских равнин: Объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев Посад.
- Ломан В.Г. 1987. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда.
- Лубсан Данзан. 1973. Алтан Тобчи. М.
- Лукина Н.В. 1985. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск.
- Лукина Н.В. 1987. Предисловие // Источники по этнографии Западной Сибири. Томск.

- Лукина Н.В. 1990. Предисловие // Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.
- Лукина Н.В., Рындина О.М. 1985. Этнографический архив В.Н. Чернецова (К 80-летию со дня рождения ученого) // СЭ. № 5.
- Лушникова А.В. 2002. Ранние представления о Большой Медведице у народов Евразии // Астрономия древних обществ. М.
- Люцидарская А.А. 1992. Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки (XVII - начало XVIII в.). Новосибирск.
- Мазин А.И. 1984. Традиционные верования и обряды эвенков-орочононов. Новосибирск.
- Макаров Н.П. 1987. К вопросу о бронзовом и раннем железном веке Красноярской лесостепи // Проблемы археологии степной Евразии: Тез. докл. Кемерово. Ч. 1.
- Макаров Н.П., Мартынович Н.В., Оводов Н.Д., Ямских А.Ф., Ямских Г.Ф., Орлова Л.А., Назаров В.И., Цепкин Е.А., Чхиквадзе. 1992. Пещера Еленева - многослойный голоценовый археологический памятник на среднем Енисее // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. Красноярск. Т. 1.
- Маккей Э. 1951. Древнейшая культура долины Инда. М.
- Маковецкий Н.В. 1975. Архитектура русского народного жилища Забайкалья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. II: Забайкалье. Новосибирск.
- Максименков Г.А. 1960. Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов // СА. № 1.
- Максименков Г.А. 1961. Новые данные по археологии района Красноярска // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Максименков Г.А. 1979. Андроновская культура на Енисее. Л.
- Максименков Г.А. 1980. Могильник Черновая VIII - эталонный памятник окуневской культуры // Памятники окуневской культуры. Л.
- Максимов А.Г., Ермолаева А.С. 1987. Памятники эпохи бронзы // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата.
- Малоземова О.В., Морозов В.М. 1997. Разведочные раскопки 1991 года и коллекция случайных сборов на городище Усть-Полуй // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск.
- Малых А.А. 1976. Рыболовный промысел в государственной деревне Западной Сибири в 40-50-е гг. XIX в. // Некоторые вопросы истории крестьянства Сибири. Томск.
- Мамадаков Ю.Т. 2003. Исследование погребений могильника Кайнду // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск. Вып. 1.
- Мамин Д.Н. 1894. Отчет по археологическим раскопкам за 1889 год. Приложение 3-е к протоколу № 359 // Древности (Труды Моск. археол. о-ва). М. Т. 15, вып. 2.
- Мандрыка П.В. 1998. Поселение Ладейское-2 - новый памятник тагарской культуры в черте города Красноярска // Сибирский межмузейный сборник. Красноярск.
- Мандрыка П.В., Макаров Н.П. 1994. Погребения с трупосождениями в окрестностях Красноярска (К вопросу о выделении памятников нового культурного типа) // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тыс. н. э. Кемерово.
- Мандрыка П.В., Макаров Н.П., Мартынович Н.В., Оводов Н.Д., Андренко О.В., Чеха В.П. 1999. Комплексное исследование пещеры Тугаринова // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск. Вып. 1.
- Мандрыка П.В., Фокин С.М. 2003. Поселение Стрелковское-1 - новый многослойный памятник в нижнем течении реки Ангары // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. Иркутск.
- Мандрыка П.В., Ямских А.А., Орлова Л.А., Ямских Г.Ю., Гольева А.А. 2003. Археология и палеоэкология многослойного поселения Бобровка на Среднем Енисее. Красноярск.
- Маниатис Т., Фрич Э., Сэмбрук Дж. 1984. Методы генетической инженерии. Молекулярное клонирование. М.
- Маргулан А.Х. 1979. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. 1966. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
- Марков Г.Е. 1979. Проблема сравнительной археологической и этнографической типологии культуры // Проблемы типологии в этнографии. М.
- Марсадолов Л.С. 1996. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII-IV веков до н. э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб.
- Марсадолов Л.С. 1997. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда). СПб.
- Марсадолов Л.С. 1998. Стоянка «Слюдянка» в Западном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы науч.-практ. конф. Барнаул. Вып. 9.
- Мартынов А.И. 1979. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск.
- Мартынова Е.П. 1998. Очерки истории и культуры хантов. М.
- Массон В.М. 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. № 73.
- Матвеев А.В. 2000. Лесостепное Зауралье во II - начале I тыс. до н. э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск.

Матвеев А.В. 2001. Жилище - дверь - двор - ворота в горизонтальной структуре мифологического пространства русских XIX - первой половины XX в. (по материалам Омского Прииртышья) // Народная культура Сибири: научные поиски молодых исследователей. Омск.

Матвеев А.В. 2001а. К вопросу о запрете у казахов выезжать в дальнюю, важную дорогу 9, 19, 29-го числа каждого месяца // Материалы науч. молодеж. конф. «Молодые ученые на рубеже третьего тысячелетия». Омск.

Матвеев А.В. 2001б. Народные знания при выборе дня пути в традиционной культуре передвижения славянского населения Среднего Прииртышья конца XIX - первой половины XX в. // Исторический ежегодник. Спец. вып. Посвящается 60-летию профессора Николая Аркадьевича Томилова. Омск.

Матвеев А.В. 2001в. Традиционная культура путешествия. Общие вопросы // Народная культура Сибири: Материалы X науч.-практ. семинара Сибирского регион. вуз. центра по фольклору. Омск.

Матвеев А.В. 2002. Завтра в путь-дорогу (по материалам русских Омского Прииртышья) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск.

Матвеев А.В. 2002а. Неблагоприятные дни для отправления в путь у казахов Омской области // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск.

Матвеев А.В. 2003. Сухопутные коммуникации и традиционная культура путешествия населения Среднего Прииртышья в XVIII - первой трети XX в. (по данным этнографии и археологии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск.

Матвеев А.В. 2003а. «Территория населенного пункта - росстань - территория хозяйственного освоения - хаос» в горизонтальной структуре мифологического пространства русских XIX - первой половины XX в. (по материалам Омского Прииртышья) // Народная культура Сибири. Омск.

Матвеев А.В. 2003б. Традиционная культура путешествия русских Омского Прииртышья в XIX - первой трети XX в.: начало путешествия // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.

Матвеев А.В. 2004. Некоторые нормы поведения русских Среднего Прииртышья во время путешествия (XIX - первая треть XX в.) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск. Ч. 2.

Матвеев А.В., Бурлина Т.В. 1990. Бархатовская керамика Красногорского городища // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. Новосибирск.

Матвеев А.В., Горелов В.В. 1993. Городище Ефимово 1. Тюмень.

Матвеев А.В., Михалева Т.В. 2001. Традиционная культура передвижения человека (на примере этнографической группы казахов Омской области). Отправление в дорогу. // Культурологические исследования в Сибири. Омск. № 1.

Матвеев А.В., Михалева Т.В. 2001а. Традиционная культура передвижения человека (на примере этнографической группы казахов Омской области). «Дорога в хаосе», «возвращение» // Культурологические исследования в Сибири. Омск. № 2 (6).

Матвеева Н.П. 1993. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск.

Матвеева Н.П. 1994. Ранний железный век Пришимья. Новосибирск.

Матвеева Н.П. 2000. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск.

Матвеева Н.П., Бахарева Т.Н. 2003. К вопросу о локальных особенностях средневековых культур лесного Зауралья // Угры: Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9-11 декабря 2003 г., Тобольск). Тобольск.

Матвеева Н.П., Зайцева Е. А. 2004. Исследование средневекового городища Барсучье в лесном Зауралье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. Вып. 5.

Матвеева Н.П., Чикунова И.Ю., Орлова Л.А., Поклонцев А.С. 2004. Новые исследования Рафайловского городища // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. № 5.

Матюшин Г.Н. 1996. Археологический словарь. М.

Матющенко В.И. 1959. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи // СА. № 4.

Матющенко В.И. 1961. Об антропоморфных изображениях на глиняных сосудах из поселения Самусь IV // СА. № 4.

Матющенко В.И. 1966. Омская стоянка // Учен. зап. Том. ун-та. Томск.

Матющенко В.И. 1969. Основные этапы истории племен лесостепного Приобья в эпоху бронзы // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск.

Матющенко В.И. 1973а. Некоторые новые материалы по самусьской культуре // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.

Матющенко В.И. 1973б. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век) // Из истории Сибири. Томск. Вып. 10, ч. 2: Самусьская культура.

Матющенко В.И. 1974. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Томск.

Матющенко В.И. 2001. Триста лет истории сибирской археологии. Омск. Т. 1.

Матющенко В.И. 2003. Рецензия. Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 2001 Т. 1. 128 с // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. Новосибирск.

- Матюшенко В.И. 1973. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья // Из истории Сибири. Ч. 3: Андроновская культура на Верхней Оби. Томск. Вып. 11.
- Матюшенко В.И., Полеводов А.В. 1994. Комплекс археологических памятников на Тагарском увале у деревни Окунево. Новосибирск.
- Матюшенко В.И., Татаурова Л.В. 1997. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск.
- Матюшенко В.И., Шерстобитова О.С. 2004. О месте самусьской мелкой пластики в системе районов изобразительного творчества эпохи неолита и ранней бронзы Евразии // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. СПб.
- Мачинский Д.А. 1995. Минусинские «трехглазые» изображения и их место в эзотерической традиции // ПИОК: Сб. докл. конф. СПб.
- Мачинский Д.А. 1997. Уникальный сакральный центр III - середины I тыс. до н. э. в Хакасско-Минусинской котловине // Окуневский сборник. СПб.
- Медведев А.Ф. 1951. Водоотводные сооружения древнего Новгорода // КСИИМК. М. Вып. XL.
- Медведев Н.Н. 1891. Переселенцы в Сибири: Доклад комитету общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам. СПб.
- Меерзон А.Ц., Тихонов Ю.А. 1960. Рынок Устюга Великого. М.
- Мейтарчян М.Б. 1999. Погребальный обряд зороастрийцев. М.
- Мергарт Г. 1923. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае // Известия КОРГО. Красноярск. Т. 3. Вып. 1.
- Мерц В.К. 2003. О новых памятниках эпохи ранней бронзы Казахстана // Исторический опыт культурного и хозяйственного освоения Западной Сибири. Барнаул.
- Мерц В.К., Куропятникова С.В. 1998. Поселение Есенбай в Казахском Прииртышье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы науч.-практ. конф. Барнаул. Вып. 9.
- Мерц В.К., Пересветов Г.Ю., Фролов Я.В., Позднякова О.А. 2001. Предварительные итоги охранных раскопок поселения эпохи поздней бронзы Шауке-2 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул. Вып. 12.
- Мерц В.К., Франк Д.А. 1996. Раскопки у с. Мичурино // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул.
- Мещ Ф.И. 1993. Поселение Березовый Остров - археологический памятник Васюганского Приобья // Археологические исследования в среднем Приобье. Томск.
- Миллер Б.В. 1953. Персидско-русский словарь. М.
- Миллер Г.Ф. 1996. Описание низовьев реки Оби и впадающих в Обь рек // История Сибири. Первоисточники. Новосибирск. Вып. 6: Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера.
- Миллер Г.Ф. 1999. История Сибири. М. Т. 1.
- Миллер Г.Ф. 2000. История Сибири. М. Т. 2.
- Мириманов В.Б. К классификации палеолитических изображений // От мифа к литературе.
- Мифология селькупов // Энциклопедия уральских мифологий. 2004. Томск. Т. 4.
- Мифы народов мира. Энциклопедия. 1992. М. Т. 2.
- Михайлов Ю.И. 1990. Орнамент андроновского керамического комплекса (проблема анализа и интерпретации): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово.
- Михайлов Ю.И. 2002. Песты и жезлы с зооморфными навершиями: проблемы хронологии и ритуальная символика // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул.
- Могильников В.А. 1964. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I - начале II тыс. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Могильников В.А. 1970. К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск.
- Могильников В.А. 1973. Калачевка - памятник позднего этапа саргатской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
- Могильников В.А. 1978. К вопросу о контактах населения Среднего Приобья и Прииртышья в раннем железном веке // Ранний железный век Западной Сибири. Томск.
- Могильников В.А. 1981а. Сроткинская культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху Средневековья. М.
- Могильников В.А. 1981б. Сибирские и среднеазиатские кочевнические древности XI-XIV вв. // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М.
- Могильников В.А. 1986. Взаимоотношение кулайской и саргатской культур // КСИА. Вып. 186.
- Могильников В.А. 1987. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М.
- Могильников В.А. 1989. Новые памятники енисейских кыргызов на Алтае // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Красноярск.

- Могильников В.А. 1990а. Древнетюркские курганы Кара-Кобы-1 // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск.
- Могильников В.А. 1990б. Этнокультурная история Западной Сибири в Средние века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.
- Могильников В.А. 1997а. Население Верхнего Приобья в середине - второй половине I тыс. до н. э. М.
- Могильников В.А. 1997б. Проблемы дифференциации и этнической интерпретации обско-угорских древностей Нижнего Обь-Иртышья эпохи средневековья // Народы Сибири. М. Кн. 3: Сибирский этнографический сборник. № 8.
- Могильников В.А. 1999а. К проблемам генезиса культур обских угров // Обские угры: Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (12-16 декабря 1999 г., Тобольск). Тобольск; Омск.
- Могильников В.А. 1999б. К характеристике раннего железного века северо-западных предгорий Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: Сб. науч. ст. Барнаул.
- Могильников В.А. 2001а. Курганы с трупосожжениями в северо-западных предгорьях Алтая // Алтай и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Барнаул.
- Могильников В.А. 2001б. Предметы бронзового литья с городища Старый Погост // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. № 3.
- Могильников В.А. 2002а. Своеобразие локальных регионов сросткинской общности в связи с проблематикой этногенеза тюркоязычных народов Западной Сибири // Тюркские народы. Тобольск; Омск.
- Могильников В.А. 2002б. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX-XI веках. М.
- Могильников В.А., Данченко Е.М., Горькая О.Е. 1999. Керамические комплексы эпохи раннего железа с городища Старый Погост // Гуманитарное знание: Сер. «Преемственность». Омск.
- Могильников В.А., Уманский А.П. 1997. Геширова плакетка из Новотроицких курганов // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск.
- Моисеев В.Г. 2004. Опыт интеграции различных систем антропологических признаков // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез. СПб.
- Молданов Т.А. 2001. Земля Кошачьего Локотка. Кань Кунш Оланг. Томск.
- Молданова Т.А. 2001. Архетипы в мире сновидений хантов. Томск.
- Молодин В.И., Чикишева Т.А. 1988. Курганный могильник Преображенка-3 - памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск.
- Молодин В.И. 1985. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск.
- Молодин В.И. 1992. Методика исследования курганных могильников сплошными площадями // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк.
- Молодин В.И. 2001. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск. Т. 1.
- Молодин В.И. 2003. Древнее искусство Западной Сибири (на корейском языке). Сеул.
- Молодин В.И., Алкин С.В. 1997. Могильник Гумугоу (Синьцзян) в контексте афанасьевской проблемы // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. Новосибирск.
- Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.И. 1980. Айдашинская пещера. Новосибирск.
- Молодин В.И., Бобров В.В., Чемякина М.А., Жаронкин В.Н., Кривоногов С.К. 2003. Поселение Автодром-2 - к вопросу о стратиграфии и культурной принадлежности // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. 9, ч. 1.
- Молодин В.И., Глушков И.Г. 1989. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск.
- Молодин В.И., Новиков А.В. 1998. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области: Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Новосибирск. Вып. 3.
- Молодин В.И., Новиков А.В. 1999. Исследования в северо-западной Барабе // Археологические открытия 1997 г. М.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. 2000. Исследования в Барабинской лесостепи // Археологические открытия 2001 г. М.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Пищонка Х., Новикова О.И., Чемякина М.А., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Шатов А.Г. 2004. Исследование могильника бронзового века Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. 10, ч. 1.
- Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. 1990. Бараба в эпоху позднего Средневековья. Новосибирск.
- Молодин В.И., Чемякина М.А. 1984. Поселение Новочекино-3 - памятник эпохи поздней бронзы на севере Барабинской лесостепи // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул.
- Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Гришин А.Е., Позднякова О.А., Михеев О.А. 2004. Археолого-геофизические исследования могильника Тартас-1 в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. 10, ч. 1.
- Молчанова О.Т. 1970. Мотивированные личные имена у алтайцев // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М.

- Морозов В.М. 1996. Новое в изучении усть-полуйской культуры // XIII Уральское археол. совещание: Тез. докл. Уфа. Ч. 2.
- Морозов В.М., Панина С.Н. 1997. Городище Янычково (предварительные результаты исследования) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург. Вып. 1.
- Мочанов Ю.А. 1977. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск.
- Мошинская В.И. 1953. Городище и курганы Потчеваш: К вопросу о потчевашской культуре // МИА. М. № 35.
- Мошинская В.И. 1953а. Керамика усть-полуйской культуры // МИА. М. № 35.
- Мошинская В.И. 1953б. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // МИА. М. № 35.
- Мошинская В.И. 1965. Археологические памятники Севера Западной Сибири. САИ. М. Вып. ДЗ-8.
- Мошинская В.И. 1976. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.
- Мошинская В.И. 1978. Современное состояние вопроса о роли южного компонента в древней культуре населения Крайнего Севера и Западной Сибири // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск.
- Мошинская В.И., Чернецов В.Н. 1991. Дневник Мангазейской экспедиции // Семья и социальная организация финно-угорских народов. Сыктывкар.
- Мошкова М.Г. 1963. Памятники прохоровской культуры // САИ. Д1-10. М.
- Мурашко О.А., Кренке Н.А. 2001. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке (по археолого-этнографическим коллекциям Музея антропологии МГУ). М.
- Мурзаев Э.М. 1984. Словарь народных географических терминов. М.
- Мурыгин А.М. 1985. Поселения бичевницкого типа на Печоре и Вычегде и их место в истории северо-уральского населения // МАЕСВ. Сыктывкар. Вып. 9: Археологические памятники Северного Приуралья.
- Мызникова Т.А., Пуртов А.М. 2003. Геоинформационные системы: Учеб. пособие. Омск.
- Мягков И.М. 1929. Древности Нарымского края: В собрании Томского краевого музея // Тр. ТОКМ. Томск. Т. 2.
- Нагнибеда В.Я. 1927. Нарымский край: Материалы стат.-экон. исследования 1910-1911 гг. Томск.
- Напольских В.В. 1993. Как вукузэ стал создателем суши: Удмуртский миф о сотворении земли и древнейшая история народов Евразии. Ижевск.
- Нашекин Н.В. 1966. Косогольский клад. Археологические открытия 1965 года. М.
- Неверов С. В. 1991. Хронология и периодизация сросткинской культуры Верхнего Приобья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул.
- Неверов С.В., Горбунов В.В. 2001. Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археол.-этнограф. конф. Томск.
- Неверов С.В., Степанова Н.Ф. 1990. Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск.
- Неттина-Лапина М.А. 1999. Фольклор Тэк ёх. СПб.
- Никитин А.В. 1971. Русское кузнечное ремесло XVI-XVII вв. М.
- Николаев Р.В. 1962. Некоторые вопросы кетского этногенеза и динлинская проблема // Красноярский край: Материалы по географии и истории. Изв. КОРГО СССР. Красноярск. Вып. 2.
- Новгородова Э.А. 1989. Древняя Монголия. М.
- Новикова О.И. 2002. Эволюция декоративно-морфологических типов керамики ирменской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул.
- Новицкий Г. 1990. Краткое описание о народе остячком // Путешествие по Обскому Северу. Тюмень.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н. 1988. Искусство Прикамья. Пермь.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н. 1988. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь.
- Одоевский В.Ф. 1993. Мороз Иванович. М.
- Ожередов Ю.И. 2002а. К вопросу о погребениях в лодках у нарымских селькупов, по археологическим источникам // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск.
- Ожередов Ю.И. 2002б. Гидроним Кенга в системе тюркоязычной топонимики // Тюркские народы. Тобольск; Омск.
- Ожередов Ю.И. 2003. Камень в погребальном обряде селькупов // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск.
- Окладников А.П. 1978. Скифы и тайга: К изучению памятников скифского времени в ленской тайге // Проблемы археологии: Сб. статей. Л. Вып. 2.
- Октябрьская И.В., Асташкина Т.А. 1995. Из истории формирования этнографических фондов Томского краеведческого музея: коллекции и персоналии // Тр. ТГОИАМ. Томск. Т. 8.
- Окунева И.В. 1990. Поселения Среднего Притомья (ранний железный век и средневековье): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово.
- Окунева И.В. 1997. Лачиновская культура // Памятники раннего Средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово.
- Омельчук А.К. 1982. Рыцари Севера. Свердловск.

- Осипова Л.П. 1987. Полиморфизм аллотипов иммуноглобулинов (система Gm) в антропологических изолятах Северной Сибири: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск.
- Осипова Л.П. 1994. Генетические маркеры иммуноглобулинов (система Gm) для оценки процессов миграции и метисации в популяциях человека в Северной Сибири // Сиб. экол. журнал. № 2.
- Основные работы В.Н. Чернецова // СЭ. 1970. № 4.
- Островский А.Б. 2000. Сезонные варианты модели мира в традиционной культуре нивхов // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Четвертых Сибирских чтений. СПб.
- Палашенков А.Ф. 1956. Памятные места Омска. Омск.
- Палашенков А.Ф. 1960. Материалы к археологической карте Омска // Известия Омского отдела Географического общества Союза ССР. Омск. Вып. 3(10).
- Панин Л.Г. 1985. Лексика западносибирской деловой письменности (XVII - первая половина XVIII в.). Новосибирск.
- Панфилов А.Н. 1986. Отчет об археологической разведке в Юргинском и викуловском районах Тюменской области в 1985 г. Тюмень.
- Панфилов А.Н., Зах Е.М., Зах В.А. 1991. Боровлянка-2 - памятник эпохи неолита и переходного от бронзы к железу времени в Нижнем Приишимье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень.
- Папин Д.В. 2002. Особенности функционирования зольника эпохи поздней бронзы поселения Рублево VI // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура: Материалы междунар. науч. конф. Барнаул.
- Папин Д.В., Грушин С.П. 2004. Ирменский комплекс на памятнике Телеутский Взвоз-1 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул.
- Папин Д.В., Шамшин А.Б. 2001. Поселение Рублево VI и некоторые вопросы генезиса позднебронзовых культур степной зоны юга Западной Сибири // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археол.-этнограф. конф. Томск.
- Папин Д.В., Шамшин А.Б. 2002. Хроностратиграфия археологических комплексов озера Рублево (Южная Кулунда) // Хронология и стратиграфия археологических памятников эпохи голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы науч. семинара 18-19 ноября 2001 г. Тюмень (Институт проблем освоения Севера СО РАН). Тюмень.
- Пархимович С.Г. 2004. Магические строительные обряды в Мангазее // Русские: Материалы VII Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск.
- Патканов С.К. 1999. Остяцкая молитва. Соч.: В 2 т. Тюмень. Т. 1.
- Пелих Г.И. 1962. Кольцевая связь у селькупов Нарымского края // Тр. Ин-та им. Н.Н. Миклухо-Маклая: Сибирский этнографический сборник. М. Т. 78, вып. 4.
- Пелих Г.И. 1963. Элементы переднеазиатской культуры у нарымских селькупов // Тр. Том. ун-та (Сер. Историч.). Томск. Т. 171.
- Пелих Г.И. 1972а. Происхождение и история селькупов: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск.
- Пелих Г.И. 1972б. Происхождение селькупов. Томск.
- Пелих Г.И. 1981. Селькупы XVII в.: Очерки социально-экономической истории. Новосибирск.
- Первая всеобщая перепись населения 1897 г. 1905. СПб.
- Перевалов В.А. 1949. Ломоносов и Арктика. М.; Л.
- Перевалова Е.В. 2002. Войны и миграции северных хантов. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург. № 8.
- Переводчикова Е.В. 1994. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.
- Переписка с Окрисполкомом, остяцкими и татарскими школами о просвещении нацмен. Программы национальных вечеров и праздников. 6.10.1925-3.09.1926 гг. // ГАТО. Ф. Р-214, оп. 1, д. 81.
- Переписка с окружными управлениями, райисполкомами о строительстве школ в с. Елгай, Вороновского района, с. Балашово и Кирьяновское, Кривошеинского района, с. Каргасок. 28.06.1925-2.04.1926 гг. // ГАТО. Ф. Р-214, оп. 1, д. 83.
- Переписка с Сибкрайоно и Окружкомом ВКП (б) о политпросветработе среди нацмен. 10.10.1925-1.04.1926 гг. // ГАТО. Ф. Р-214, оп. 1, д. 80.
- Пивнева Е.А. 1999. Манси: популяционная структура, этнодемографические процессы (XVIII-XX вв.). М.
- Платонова Н.И. 1999. М.И. Артамонов - директор ИИМК // Археологические вести. СПб. № 6.
- Плетнева Л.М. 1973. Томское Приобье в конце I тыс. до н. э. - начале н. э. // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск.
- Плетнева Л.М. 1976. Предметы звериного стиля в Среднем Приобье // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
- Плетнева Л.М. 1977. Томское Приобье в конце VIII-III вв. до н. э. Томск.
- Плетнева Л.М. 1978. Томское Приобье в кулайское время // Ранний железный век Западной Сибири. Томск.
- Плетнева Л.М. 1984. Погребения IX-X вв. в Томском Приобье // Западная Сибирь в эпоху Средневековья. Томск.
- Плетнева Л. М. 1993. О басандайской культуре // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск.

- Плетнева Л.М. 1994. Савинский курганный могильник - памятник раннего железного века // Северск: История и современность. Томск.
- Плетнева Л.М. 1997а. О вожжайской керамике в Томском Приобье // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск.
- Плетнева Л.М. 1997б. Томское Приобье в начале II тыс. н. э. (по археологическим источникам). Томск.
- Плетнева Л.М. 2002. Поселение Шеломок II // Тр. МАЭС. Томск. Т. 1.
- Плетнева Л.М. 2003. Отчет о полевых исследованиях на Мало-Брагинском городище летом 2003 года // Архив «Музея города Северска» (без номера).
- Плетнева Л.М. 2004. О скифо-сибирском зверином стиле в Томском Приобье // Вестник ТГПУ. Сер. Гуманитарные науки (история, археология, этнология). Томск. Вып. 4.
- Подвижники ислама: культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. 2003. М.
- Подольский М.Л. 1985. О мировоззренческих особенностях сибирского изобразительного искусства эпохи бронзы (окуневские личины) // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск.
- Подольский М.Л. 1997. Овладение бесконечностью (опыт типологического подхода к окуневскому искусству) // Окуневский сборник. СПб.
- Полидович Ю.Б. 2004. Изобразительные особенности скифского «звериного стиля» (на примере изображений хищников) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул.
- Полосьмак Н.В. 1987. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск.
- Полосьмак Н.В. 1994. «Стерегущие золото грифы». Новосибирск.
- Полосьмак Н.В. 2000. Пазырыкские войлоки: укокская коллекция // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1.
- Полосьмак Н.В. 2001. Всадники Укока. Новосибирск.
- Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. 1991. Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск.
- Пономаренко А.К. 2000. Древняя культура ительменов Камчатки. Петропавловск-Камчатский.
- Попенко В.Н. 1992. Холодное оружие Востока и Запада. М.
- Попов А.А. 1984. Нганасаны. Социальное устройство и верования. Л.
- Попова С.А. 2003. Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск.
- Поротова Т.Н. 2002. Словарь говорных форм кетских существительных. Томск.
- Посредников В.А. 1969. Томское Приобье в карасукское время // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск.
- Потапов Л.П. 1969. Этнический состав и происхождение алтайцев: Историко-этнографический очерк. Л.
- Потемкина Т.М., Чикунова И.Ю. 2001. Поселение раннего железного века Белый Яр XII // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. № 3.
- Пошехонова О.Е., Зах В.А. 2003. Исследование многослойного поселения Юртоборский Мост 2 // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень. Вып. 4.
- Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX - начало XX в.). 1976. Л.
- Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири: Материалы совещания 25 - 31 мая 1970 года. 1970. Томск.
- Прокофьев Г.Н. 1931. Три года в самоедской школе // Советский Север. М. № 4.
- Прокофьев Г.Н. 1935. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Селькупская грамматика. Л. Ч. 1.
- Прокофьева Е.Д. 1961. Шаманские бубны // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.
- Прокофьева Е.Д. 1966. Селькупский язык // Языки народов СССР. М. Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки.
- Прокофьева Е.Д. 1977. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Памятники культуры народов Сибири. СМАЭ. Т. 33. Л.
- Прокофьева Е.Д. 1981. Материалы по шаманству селькупов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л.
- Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Материалы XII Западно-Сибирской археол.-этнограф. конф. 2001. Томск.
- Протоколы заседания совета по просвещению национальных меньшинств 26.07.1925-18.08.1926 гг. // ГАТО. Ф. Р-214, оп. 1, д. 20.
- Протоколы заседания Совета Томского Краевого музея 1922-1933 гг. // Архив ТОКМ. Оп. 1, д. 6.
- Прошлое Урала в фотографиях. Каталог фотоархива ИИМК РАН. 1993. Екатеринбург.
- Пуртов А.М. 2000. Пакет GIS ArcView. Методические указания к лабораторным работам. ОмГТУ. Омск.
- Пуртов А.М., Татауров С.Ф. 2002. Технология создания ГИС археологических памятников // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск.
- Пустыльник И. 2002. Астрономическое наследие древних эстов и его отражение в фольклоре и искусстве // Астрономия древних обществ. М.

- ПФА РАН. Ф. 142, оп. 5, д. 176, л. 4 об.; д. 369, л. 3, 27, 37, 70-125.
- Рабинович М.Г. 1955. Из истории быта городского населения Руси в XI-XVII вв. // СЭ. № 4.
- Рабинович М.Г. 1976. Деревянные сооружения городского хозяйства в древней Руси // Средневековая Русь. М.
- Равдоникас В.И. 1939. История первобытного общества. Л.
- Равич И.Г. 2004. Некоторые типы горячекованных зеркал сарматского времени и их технические особенности // Археология и естественнонаучные методы. М.
- Радлов В.В. 1989. Из Сибири. М.
- Раппенглюк М. 2002. Изображение, роль и значение Млечного пути в древних культурах // Астрономия древних обществ. М.
- Расторопов А.В. 1987. Исследования на Средней Конде // АО-1985. М.
- Рейзвих Д.А. 2002. Представления русских Омского Прииргышья о потустороннем мире в конце XIX - начале XX в. // Русские в Омском Прииргышье (XVIII-XX века). Омск.
- Религии народов современной России. 1999. М.
- Ремезов С.У. 1882. Чертежная книга Сибири. СПб.
- Решетов А.М. 2004. Борис Михайлович Житков как этнограф // XVI Слободские чтения. Тюмень. Ч. 1.
- Розен М.Ф., Малолетко А.М. 1986. Географические термины Западной Сибири. Томск.
- Розенфельдт Р.Л. 1961. О дренажных сооружениях в Зарядье // СА. № 1.
- Романцова В.Д. 1976. Городища XI-XIII веков в Новосибирском Приобье // Языки и топонимия. Томск.
- Ромбандеева Е.И. 1991. Душа и звезды: Предания, сказания и обряды народа манси. Л.; Ханты-Мансийск.
- Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Материалы науч. конф. 2000. Ижевск.
- Руденко С.И. 1948. Второй Пазырыкский курган. Л.
- Руденко С.И. 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.
- Руденко С.И. 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.
- Рудковский И.В. 1998. Системообразующие инварианты андроновской орнаментики: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.
- Русанова И.П. 1998. Священные колодцы // Историческая археология: традиции и перспективы. М.
- Русская Ю.Н. 1961. Самоучитель хантыйского языка. Л.
- Русские сказки. 1962. Б/г.
- Рыкун М.П. 2002. Краниологические материалы из могильника каменной культуры Новотроицкое-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. Вып. 4.
- Рыкун М.П. 2003. Материалы по антропологии древнего населения лесостепного Приобья (ранний железный век) // Экология древних и современных обществ: Докл. конф. Тюмень. Вып. 2.
- Савватеев Ю.А. 1970. Залавруга. Л. Ч. 1.
- Савельева Э.А. 1971. Пермь вычегодская. М.
- Савинов Д.Г. 1976. К вопросу о хронологии и семантике изображений на плитах оград тагарских курганов (по материалам могильников у горы Туран) // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово.
- Савинов Д.Г. 1979. Памятники енисейских кыргызов в Горном Алтае // Вопросы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск. Вып. 1.
- Савинов Д.Г. 1989. Красноярско-Канский вариант культуры енисейских кыргызов // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Красноярск.
- Савинов Д.Г. 1990. Археологические памятники завершающего этапа культуры енисейских кыргызов // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск.
- Савинов Д.Г. 1994. Государство и культуругенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово.
- Савинов Д.Г. 1997. Могильник Калтышино-1: новые материалы по археологии начала II тыс. н. э. // Памятники раннего Средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово.
- Савинов Д.Г. 1998. Сросткинский могильник (раскопки М.Н. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая. Горно-Алтайск.
- Сагалаев А. М. 1998. Неомифология Алтая // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск. Т. 2.
- Святые места // Ислам: Словарь атеиста. 1988. М.
- Седакова О.А. 1981. Пространственный код погребального обряда // Структура текста. М.
- Селезнев А.Г., Селезнева И.А. 2001. Духи и души в традициях народного ислама Сибири: К изучению религиозного синкретизма в малых локальных культурных комплексах // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск.
- Селезнев А.Г., Селезнева И.А. 2004. Сибирский ислам: Региональный вариант религиозного синкретизма. Новосибирск.
- Селькупская мифология. 1998. Томск.
- Семенова В.И. 2001. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск.

- Сенюкова Н.Л. 1994. Общество изучения Томского края при Томском краевом музее (1925-1928 гг.) // Тр. ТГОИАМ. Томск. Т. 7.
- Сериков Ю.Б. 1998а. Культурные озерные центры Урала (принципы выделения) // Сохранение, восстановление, использование исторического, культурного, природного наследия народов России: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Березники.
- Сериков Ю.Б. 1998б. Шаманские погребения Зауралья // ВАУ. Екатеринбург. Вып. 23.
- Сериков Ю.Б. 2002. Энеолитическое погребение с Шайтанского озера // Учен. зап. КНГУ: Общественные науки. Нижний Тагил. Т. 2, ч. 2.
- Сериков Ю.Б. 2004. Произведения искусства с культового центра на Шайтанском озере // Памятники археологии и художественное творчество: Материалы осеннего colloquium (с международным участием). Омск.
- Серикова Л.В. 1999. Культурные находки с Шайтанского озера // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. Челябинск.
- Сибирские древности В. Радлова. 1888. СПб. Т. 1, вып. 1.
- Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. 1996. Новосибирск.
- Сидоров В.В. 2001. Прибрежные участки неолитических поселений // Материалы междунар. конф. «Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев Посад.
- Сирелиус У.Т. 1905, 1906. Домашние ремесла остяков и вогулов: Пер. с нем. // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. XV, XVI.
- Сирелиус У.Т. 2001. Путешествие к хантам. Томск.
- Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: Материалы XI Западно-Сибирской археол.-этнограф. конф. 1998. Томск.
- Ситников С.М. 2002. Саргаринско-алексеевская культура лесостепного и степного Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул.
- Скандяков И.Е., Данченко Е.М. 1999. Курганный могильник Усть-Тара-VII в южнотаежном Прииртышье // Гуманитарное знание: Сер. «Преемственность». Омск.
- Скорик П.Я. 1970. Антропонимические процессы у малых народностей Севера // Антропонимика. М.
- Следственное дело П-15045, т. 1, л. 113. Хранится в Управлении Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.
- Слободин С.Б. 2001. Верхняя Колыма и Континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. Магадан.
- Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский: Пособие для уч-ся нач. шк. 1988. Л.
- Слюсаренко И.Ю. 2000. Дендрохронологический анализ дерева из памятников пазырыкской культуры горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (4).
- Смирнов А.П. 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. М. № 28.
- Смирнов А.П. 1971. В.Н. Чернецов: Некролог // СА. № 1.
- Смирнов А.П. 1973. Предисловие // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
- Смирнов К.Ф. 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.
- Смирнова Г.И. 1979. Курганы у с. Перебыковцы - новый могильник скифской архаики на Среднем Днестре // Тр. Эрмитажа. Л. Т. 20.
- Смоляк А.В. 1970. Личные имена нанайцев // Антропонимика. М.
- Соболев В.И. 1979. Раскопки городища Каменушка 1 // Сибирь в древности. Новосибирск.
- Соколова З.П. 1975. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров // Этногенез и этническая история народов Севера. М.
- Соколова З.П. 1975а. Новые данные о погребальном обряде северных хантов // Полевые исследования института этнографии 1974 г. М.
- Соколова З.П. 1982а. Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера. М.
- Соколова З.П. 1982б. Путешествие в Югру. М.
- Соколова З.П. 1990. Эндогамный ареал и этническая группа. М.
- Сокровища Приобья. Каталог выставки. 1996. СПб.
- Соловьев А.И., Мартынов Н.И. 1987. Меч скифского времени из Барабы // Скифо-сибирский мир. Новосибирск.
- Сорокин В.С. 1962. Могильник эпохи бронзы Тасты-Бутак I в Западном Казахстане // МИА. № 120.
- Сосновский Г.П. 1923. К археологии Ангарского края // Сибирская живая старина. Вып. 1.
- Спафарий Милеску Н.Г. 1997. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Фрагмент: Описание поездки русского посольства по р. Кети // Земля Верхнететская. Томск.
- Сперанский А.Н. 1961. Торговля Устюжны Железопольской в первой половине XVII века // Русское государство в XVII веке: Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М.

- Старков В.Ф. Отчет о работах Мангазейской экспедиции АА НИИ в 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 4402.
- Старостин С.А. 1995. Сравнительный словарь енисейского языка // Кетский сборник. Лингвистика. М.
- Степанов В.А. 2002. Этногеомика населения Северной Евразии. Томск.
- Степанова Н.Ф. 2000. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул.
- Степанова Н.Ф., Невсеров С.В. 1994. Курганный могильник Верх-Гланда II // Археология Горного Алтая. Барнаул.
- Стефанова Н.К. Отчет об археологических исследованиях в Кондинском районе Тюменской области в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8040. 201 л.
- Стоянов В.Е. 1969. Узловское поселение // ВАУ. Вып. 8.
- Сукерник Р.И., Гольцова Т.В., Карафет Т.М., Осипова Л.П., Галактионов О.К. 1977. Генетическая структура обособленной группы коренного населения Северной Сибири - нганасан (тавгийцев) Таймыра. Сообщение I. История формирования, эритроцитарные и сывороточные системы крови, изоферменты // Генетика. Т. 13, № 9.
- Сукерник Р.И., Кроуфорд М.Г., Осипова Л.П. и др. 1988. Первоначальное заселение Америки в свете данных популяционной генетики // Экология американских индейцев и эскимосов. М.
- Сукерник Р.И., Осипова Л.П. 1976. Распределение наследственных вариантов гаптоглобина и трансферрина в некоторых популяциях человека в Сибири // Генетика. Т. 12, № 9.
- Суразаков А.С. 1989. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск.
- Суразаков А.С. 1990. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск.
- Танров А.Д. 2004. К вопросу о савромато-сарматских миграциях в лесостепное и степное Обь-Иртышье // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул.
- Талицкая Н.А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. 1953. №35.
- Таможенные книги сибирских городов XVII века. 2003. Новосибирск. Вып. 5.
- Тан-Богораз В.Г. 1935. Воскрешение племня: Роман. М.
- Тарасов А.Ю., Фокин С.М. 2004. Материалы раннего и развитого средневековья в исторической части города Красноярск // Древности Приенисейской Сибири. Вып. 4 (в печати). Красноярск.
- Таскин В.С. 1980. Материалы по истории ухуаней и сяньби // Дальний Восток и соседние территории в Средние века. Новосибирск.
- Телегин А.Н. 1999. Опыт использования пряслиц в качестве культурно-диагностирующего источника (по материалам эпохи раннего железа) // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул.
- Теплоухов А.Е. 1880. О доисторических жертвенных местах на Уральских горах. Екатеринбург.
- Теплоухов Ф.А. 1897. Рисунки древностей пермской чуди, принадлежащих Пермскому музею. Пермь.
- Терещенко Н.М. 1965. Иенецко-русский словарь. М.
- Тетерин Ю.В. 1992. Курганы раннего железного века у р. Ороктой в долине Средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии: Материалы конф. Горно-Алтайск.
- Тишкин А.А. 1996. К вопросу о возможности выделения контактных археологических культур // Горный Алтай и Россия: 240 лет. Горно-Алтайск.
- Тишкин А.А. 2002. Комплексный подход к изучению памятника Березовая Лука // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. 2002. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск. № 9.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. 2002. Комплекс археологических памятников около с. Чинета в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. 8.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. 2004. Курганы эпохи средневековья на территории предгорно-равнинной части Алтайского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. 10, ч. 1.
- Тишкин А.А., Тишкина Т.В. 1996. Результаты археологического исследования курганного могильника Бийке в Горном Алтае // Горный Алтай и Россия: 240 лет. Горно-Алтайск.
- Тишков В.А. 2003. Реквием по этносу. М.
- Ткачев А.А. 2003. Культурно-хронологические комплексы Абатского Приисимья (по материалам городища Абатское б) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень. Вып. 4.
- Токарев С.А. 1970. К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ. № 4. ¹
- Токарев С.А. 1999. Народные обычаи календарного цикла в странах зарубежной Европы // Избранное. Теоретические и историографические статьи по этнографии и религиям мира: В 2 т. М. Т. 2.
- Толстов С.П. 1947. Города гузов // СА. № 3.
- Томилов Н.А. 1980. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья. Томск.
- Томилов Н.А. 1981. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI - первой четверти XIX в. Томск.

- Томилов Н.А. 1986. Этнические процессы и историко-культурные общности тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в XVI - начале XX в. // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Сибири. Омск.
- Томилов Н.А. 1987. Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири. Омск.
- Томилов Н.А. 1992а. Этническая история как научное направление // Изв. СО РАН: История, филология и философия. Вып. 2.
- Томилов Н.А. 1992б. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI - начале XX в. Новосибирск.
- Томилов Н.А. 1993. Проблемы этнической истории: По материалам Западной Сибири. Томск.
- Томилов Н.А. 1996. Проблемы прошлого историко-этнографических общностей в монографии Р.Г. Кузеева «Народы Среднего Поволжья и Южного Урала» // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск. Т. 1.
- Топорков А.Л. 1990. Домашняя утварь в поверьях и обрядах Полесья // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX - начала XX в. М. Вып. 2.
- Топоров В.Н. 1991. Древо Мировое // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М. Т. 1.
- Топоров В.Н. 1983. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.
- Топоров В.Н. 1990. Енисейские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М.
- Топоров В.Н. 1992. Пространство // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М. Т. 2.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. 1988. Новосибирск.
- Тримингем Дж.С. 2002. Суфийские ордены в исламе. М.; София.
- Троицкая Т.Н. 1979. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск.
- Троицкая Т.Н. 1993. Украшения самодийского круга в Новосибирском Приобье во второй половине I тыс. н. э. // Проблемы этнической истории самодийских народов. Омск.
- Троицкая Т.Н. 2002а. К вопросу о сrostкинской культуре // Древности Алтая. Горно-Алтайск. № 9.
- Троицкая Т.Н. 2002б. Некоторые из путей тюркизации населения Западной Сибири // Тюркские народы: Материалы симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск.
- Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. 1994. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск.
- Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. 1980. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В. 1998. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В. 2004. Археология Западно-Сибирской равнины: Учеб. пособие. Новосибирск.
- Трофимов Ю.В. 2004. Контакты древнего населения Западной Сибири по археологическим материалам: исследования отечественных ученых 1920-1970-х гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул.
- Трубников Б.Г. 1997. Большой словарь оружия. СПб.; М.
- Трусов А.В. 1998. Кремневый комплекс Зарайской палеолитической стоянки // Восточный гравитт. М.
- Труфанов Я.А. 1990. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: Дис. ... канд. ист. наук. Кемерово.
- Тур С.С., Фролов Я.В. 2001. О происхождении большереченской культуры Верхнего Приобья переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа // Проблемы изучения древней и средневековой истории: Сб. науч. тр. Барнаул.
- Туровский Р.Ф. 1998. Культурные ландшафты России. М.
- Тэрнер В. 1983. Символ и ритуал. М.
- Тюрки таежного Причумылья. 1991. Томск.
- Удодов В.С. 1994. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул.
- Уманский А.П. 1972. Могильник карасукского времени у ст. Плотинная по аварийным раскопкам 1968 года // Археология и краеведение Алтая. Барнаул.
- Уманский А. П. 1981. Раскопки курганов раннего железного века у села Новотроицкого // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск. Вып. 3: История и культура народов Сибири.
- Уманский А.П., Шульга П.И. 1999. Два погребения с восточными зеркалами из Алтайского края // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул.
- Уразалеев Р.Ф. 2002. Святилище астана в фольклорных сведениях курдакско-саргатских татар // Тюркские народы. Тобольск; Омск.
- Усманова Э.Р. 2005. Могильник Лисаковский I: Факты и параллели (1986-1996 гг.) Алматы. (в печати).
- Усманова Э.Р., Киргизбаев С.М. 1998. Опыт реконструкции истории одного погребения из эпохи бронзы (по материалам могильника Лисаковский) // Археологическое наследие Урало-Казахстанских степей. Лисаковск.
- Успенская С.С. 2002. Касум мув моньшат-путрат: Сказки, рассказы Земли Казымской. Томск.
- Усть-Полуй: I век до н. э. Каталог выставки. 2003. Салехард; СПб.
- Ушаков И.Ф. 1972. Кольская земля. Мурманск.

- Фальковский Н.Н.** 1947. История водоснабжения в России. М.; Л.
- Федорова Е.Г.** 1993. Манси: современная ситуация (по данным похозяйственных книг второй половины 1970-1980-х гг.) // Материалы к сер. «Народы и культуры». М. Вып. 24: Народы Сибири. Кн. 1. Сибирский этнографический сборник. Вып. 6.
- Федорова Е.Г.** 1994. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб.
- Федорова Е.Г.** 1999. К вопросу о происхождении скотоводства у обских угров // Приобье глазами археологов и этнографов. Томск.
- Федорова Е.Г.** 2000а. Рыболовы и охотники в бассейне Оби: проблемы формирования культуры хагтов и манси. СПб.
- Федорова Е.Г.** 2000б. Северные манси в последней четверти XX века // Этнография народов Западной Сибири: К юбилею доктора исторических наук, профессора Зои Петровны Соколовой (Сибирский этнографический сборник. Вып. 10). М.
- Федорова Н.В.** 2002. Отчет о научно-исследовательской работе «Исследование средневекового могильника Зеленый Яр». Екатеринбург; Салехард.
- Федорова Н.В.** 2003. Торевтика Волжской Болгарии. Серебряные изделия X-XIV вв. из зауральских коллекций // Тр. Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь. Вып. III (<http://yamalarchaeology.ru>).
- Федорова Н.В., Алексашенко Н.А., Брусницына А.Г.** 2002. Архив Ямальской археологической экспедиции. Полевые дневники.
- Федорова Ш.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М.** 1991. Сургутское Приобье в эпоху Средневековья // ВАУ. Екатеринбург. Вып. 20.
- Федосеева С.А.** 1999. Археология Якутии и ее место в мировой науке о происхождении и эволюции человечества. Якутск.
- Фефелова В.В., Осипова Л.П., Яготин В.А., Бронштейн Е.Л.** 1994. Антигены системы HLA у селькупов // Сибирский экол. журн. № 2.
- Флоринский В.М.** 1896. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Томск. Ч. 2, вып. 2.
- Фолор И.** 1972. К вопросу о погребальном обряде древних венгров // Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- Фолор И.** 1995. К вопросу о кладах кулайского времени Томско-Нарымского Приобья. // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...». Барнаул.
- Фокин С.М.** 2003. Средневековое погребение Миндерла // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Томск.
- Фокин С.М.** 2004. Этнокультурная принадлежность и датировка погребений развитого средневековья Красноярской лесостепи // Этносы Сибири: Прошлое, настоящее, будущее. Красноярск. Ч. 1.
- Формозов А.А.** 1969. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М.
- Формозов А.А.** 1977. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М.
- Фрейденберг О.М.** 1978. Миф и литература древности. М.
- Фролов Б.А.** 1981. О чем рассказала Сибирская мадонна? М.
- Фролов Я. В.** 1999. Некоторые проблемы в изучении памятников, датированных VI-V вв. до н. э. в Барнаульско-Бийском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий: сб. науч. ст. Барнаул.
- Фролов Я.В.** 2004. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э.-II в. н. э. (по данным грунтовых могильников). Автореф. дис. .... канд. ист. наук. Барнаул.
- Фролов Я.В., Шамшин А.Б.** 1997. Погребения людей в скорченном положении из могильников раннего железного века Барнаульского Приобья // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: Материалы Всерос. науч. конф. Барнаул.
- Фрэнсер Дж.** 1980. Золотая ветвь. М.
- Функ Д.А.** 1993. Бачатские телеуты в XVIII-первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование // Материалы к сер. «Народы и культуры». М. Вып. 18: Телеуты.
- Фурсикова Е.Г.** 2002. О стилистических параллелях в окуневском и скифо-сибирском искусстве // Степи Евразии в древности и Средневековье. СПб. Т. 1.
- Фурсова Е.Ф.** 2004. Православные традиции русских крестьян Барабы в прошлом и настоящем // Русские: Материалы VII Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Сибири». Тобольск.
- Хазанов А.М.** 1963. Генезис сарматских зеркал // СЭ. № 4.
- Халикова Е.А.** 1972. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели // Проблемы археологии и древней истории угров. М.
- Хамзина Е.А.** 1981. Клад бронзовых изделий из Закамны // Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск.
- Харючи Г.П.** 2001. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса. Томск.
- Хелимский Е.А.** 1993. Селькупский язык // Языки мира. Уральские языки. М.

- Хелимский Е.А. 2000а. Очерк истории самодийских народов // Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М.
- Хелимский Е.А. 2000б. Самодийско-тунгусские лексические связи и их этноисторические импликация // Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М.
- Хитринская И.Ю. 2003. Генетическое разнообразие коренного населения Сибири и Средней Азии по полиморфным Alu-инсерциям: Дис. ... канд. биол. наук: 03.00.15 / ИИИ мед. генетики ТНЦ СО РАМН. Томск.
- Хлобыстин Л.П. 1998. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культуры севера Евразии. СПб.
- Хлобыстин Л.П., Овсянников О.В. 1973. Древняя «ювелирная» мастерская в Западносибирском Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
- Хлобыстина М.Д. 1976. К вопросу о «биритуальных» обрядах в андроновских могильниках // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово.
- Хомич Л.В. 1976. Представления ненцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX - начало XX в.). Л.
- Хомич Л.В. 1995. Ненцы. СПб.
- Худяков Ю.С. 1990. Кыргызы в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск.
- Худяков Ю.С. 1993а. Погребение позднескифского времени на могильнике Усть-Эдиган // АЛТАЙКА. Вып. 2.
- Худяков Ю.С. 1993б. Проблемы культурогенеза кыргызов на территории Алтая и Прииртышья // Культурогенетические процессы в Западной Сибири. Томск.
- Худяков Ю.С. 2000. Кок-Эдиган - новый памятник кыргызской культуры в Горном Алтае // Исторический ежегодник: Спец. выпуск. Омск.
- Худяков Ю.С. 2001. Предметный комплекс из памятников кыргызов XI-XII вв. в Горном Алтае // Алтай и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Барнаул.
- Худяков Ю.С. 2004. История дипломатии кочевников Центральной Азии. Новосибирск.
- Худяков Ю.С. 2005. Вооружение центрально-азиатских номадов в II-V вв. н. э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск.
- Худяков Ю.С., Алкин С.В., Юй Су-Хуа. 1999. Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая. Изв. лаборатории археологии. № 4. Горно-Алтайск.
- Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. 2002. Изображения барса и сайгака из памятников Кок-Эдиган и Тянгыс-Тыт в Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4(12).
- Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. 1990. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск.
- Цивьян Т.В. 1985. Мифологическое программирование повседневной жизни // Этнические стереотипы поведения. Л.
- Чаиркина Н.М. 2004. Тайны торфяников // Культурные памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург.
- Чаиркина Н.М., Ерохин Н.Г., Панова Н.К. 1999. Археологическое исследование торфомассива Водяное-Глухое // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург.
- Чемякин Ю.П. 1993. К вопросу о белоярско-васюганском этапе в раннем железном веке таежного Обь-Иртышья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург.
- Чемякин Ю.П. 1994. Поселения и постройки раннего железного века Сургутского и Нижнего Приобья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск. Т. 1: Поселения и жилища. Кн. 1.
- Чемякин Ю.П. 1995. Еще раз об Усть-Полуйской культуре // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск.
- Чемякин Ю.П. 2000. Святилище кулайской культуры на Барсовой Горе // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. СПб.
- Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. 1999. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки традиционного землепользования хантов: Материалы к атласу. Екатеринбург.
- Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. 2002. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Материалы к атласу. 2-е изд., исправ. и доп. Екатеринбург.
- Чемякин Ю.П., Морозов В.М., Шатунов Н.В. 1997. Исследования кулайского могильника на Барсовой горе // АО 1996 года. М.
- Чемякин Ю.П., Степанова Г.А. 1994. Новый стратифицированный памятник раннего железного века на Барсовой Горе // Сургут. Сибирь. Россия: Междунар. науч.-практ. конф., посвященная 400-летию г. Сургута (22-25 марта 1994 г.): Тез. докл. Екатеринбург.
- Чемякин Ю.П., Шатунов Н.В. 1997. Охранные раскопки кулайского могильника на Барсовой Горе // 275 лет сибирской археологии: Материалы XXXVII РАЭСК вузов Сибири и Дальнего Востока. Красноярск.

- Ченченкова О.П. 2004. Песты из коллекции Свердловского областного краеведческого музея (в сравнении с каменной скульптурой Западносибирской лесостепи) // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург.
- Черная М.П. 2002. Томский кремль середины XVII-XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск.
- Черная М.П. 2003. Естественно-научный анализ археологических источников по средневековому Томску // Археолого-этнографические исследования в южнотасманной зоне Западной Сибири. Томск.
- Чернецов В.Н. 1926. Карта Ивдельского района // Урал. Свердловск. Вып. 8.
- Чернецов В.Н. 1927. Жертвоприношение у вогул // Этнограф-исследователь. № 1.
- Чернецов В.Н. 1935. Древняя приморская культура на полуострове Ямал // СЭ. № 4-5.
- Чернецов В.Н. 1937. Командировка в Березовский район Остяко-Вогульского округа (1935 г.) // СА. Вып. 3.
- Чернецов В.Н. 1939. Фрагментальное устройство обско-югорского общества // СЭ. № 2.
- Чернецов В.Н. 1941. Опыт этногенеза обских угров // КСИИМК. Вып. 9.
- Чернецов В.Н. 1945. Изобразительное искусство обских угров: часть из монографии «Обские угры»: Реф. науч.-исслед. работ за 1944 г. М.; Л.
- Чернецов В.Н. 1946. Основные этапы истории Приобья от древнейших времен до X в. н.э.: Тез. канд. дис. // КСИИМК. Вып. 13.
- Чернецов В.Н. 1947а. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // Тр. ИЭ АН СССР. М.; Л. Т. 1.
- Чернецов В.Н. 1947б. К истории родового строя у обских угров // СА. № 6-7.
- Чернецов В.Н. 1947в. О работах Мангазейской экспедиции // КСИИМК. Л. Вып. 21.
- Чернецов В.Н. 1947г. Результаты археологической разведки в Омской области // КСИИМК. Вып. 17.
- Чернецов В.Н. 1948. Орнамент ленточного типа у обских угров // СЭ. № 1.
- Чернецов В.Н. 1949. Быт хантов и манси по рисункам XIX в. // МАЭ. № 10.
- Чернецов В.Н. 1953а. Усть-полуйское время в Приобье // Древняя история Нижнего Приобья. МИА. М. № 35.
- Чернецов В.Н. 1953б. Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья. МИА. М. № 35.
- Чернецов В.Н. 1957. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. МИА. № 58.
- Чернецов В.Н. 1959. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований: Тр. ИЭ АН СССР. М. Т. 51.
- Чернецов В.Н. 1964. Исчезнувшее искусство (узоры, выдавленные зубами на бересте у манси) // СЭ. № 3.
- Чернецов В.Н. 1964. Наскальные изображения Урала // САИ. М. Вып. В4-12. Ч. 1.
- Чернецов В.Н. 1965. Периодические обряды и церемонии у обских угров, связанные с медведем // Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum. Helsinki. Pt. 2.
- Чернецов В.Н. 1969. Опыт выделения этно-культурных ареалов в Северо-Восточной Европе и Северной Азии // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск.
- Чернецов В.Н. 1970. Наскальные изображения Урала: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М. (издано посмертно).
- Чернецов В.Н. 1971. Наскальные изображения Урала // САИ. Вып. В4-12. М. Ч. 2.
- Чернецов В.Н. 1973. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита: доклад, прочитанный на сессии Отделения исторических наук в марте 1970 г. // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
- Чернецов В.Н. 1985. Проблемы культурно-хронологического определения усть-полуйских памятников // Урал-алтаистика. Археология, этнография, язык. Новосибирск.
- Чернецов В.Н. 1987. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск.
- Чернецов В.Н. 2001. Медвежий праздник у обских угров. Томск.
- Чернецов В.Н. Отчет о работах, проведенных Мангазейской экспедицией в 1946 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 95.
- Чернецов В.Н. Стоянка Салехард 1: Раскопки Мангазейской экспедиции. Кн. 2, 1946 г. // Архив ИЦАр и Ан, д. Р-1742.
- Чернецов В.Н., Мошинская В.И. 1951. Городище Большой Лог // КСИА. М. Вып. 37.
- Чернецов В.Н., Мошинская В.И. 1971. Древнее искусство Урала и Западной Сибири // История искусства народов СССР. М. Т. 1.
- Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая И.А. 1953. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. М. № 35.
- Черников С.С. 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. М.; Л. № 88.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. 1989. Древняя металлургия Северной Евразии. М.
- Черных Н.Б. 1990. Результаты дендрохронологического изучения дерева из раскопок на архипелаге Шпицберген // Очерки истории освоения Шпицбергена. М.
- Чижикова Л.Н. 1987. Жилище // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М.
- Чикишева Т.А. 2000. К вопросу о формировании антропологического состава населения Западной Сибири в эпоху поздней бронзы: интерпретация палеоантропологического материала из могильника Старый Сад в Центральной Барабе // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2(2).
- Чикишева Т.А. 2004. К вопросу о формировании антропологического состава ранних кочевников Тувы // Экология и демография человека в прошлом и настоящем. М.

- Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. 2003. Население западносибирского ареала андроновской культурной общности по антропологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3.
- Чиндина Л. А. 1977. Могильник Релка на Средней Оби. Томск.
- Чиндина Л.А. 1982. Культурные особенности Приобья в эпоху железа // Археология и этнография Приобья. Томск.
- Чиндина Л.А. 1984. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа (кулайская культура). Томск.
- Чиндина Л.А. 1989. Этнокультурные процессы в Приобье в эпоху железа // Материалы VI Междунар. конгресса финно-угроведов. М. Т. 1.
- Чиндина Л.А. 1991. История Среднего Приобья в эпоху раннего Средневековья (релкинская культура). Томск.
- Чиндина Л.А. 1995. Четверть века из истории западносибирской археологии // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири (Тез. докл. X Западно-Сибирского археол.-этнограф. совещания памяти В.И. Чернецова). Томск.
- Чиндина Л.А. 2000. А.П. Дульзон и томская археология // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник науч. трудов. Владивосток; Омск.
- Чиндина Л.А. 2001. О двух сакральных символах в кулайском бронзолитейном производстве // Евразия сквозь века. СПб.
- Чиндина Л.А., Себелева Л.В. 2000. Исследования в Кожвинковском районе Томской области // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994 - 1996 гг. Новосибирск.
- Членова Н.Л. 1955. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири. // СА. Т. 23.
- Членова Н.Л. 1962. Скифский олень // МИА. М. № 115.
- Членова Н.Л. 1966. Взаимоотношения степных и лесных культур эпохи бронзы на границах Минусинской котловины (по материалам Ужурского могильника) // Сибирский археологический сборник. Новосибирск. Вып. 2: Древняя Сибирь.
- Членова Н.Л. 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.
- Членова Н.Л. 1972. Хронология памятников карасукской эпохи. М.
- Членова Н.Л. 1981. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и начале железного века // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск.
- Членова Н.Л. 1992. Тагарская культура // Археология СССР: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время М.
- Шаманаев А.В., Зырянова С.Ю. 1999. Предметы культового назначения стоянки Шайтанское Озеро I // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Екатеринбург. Ч. 1: Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала.
- Шамшин А.Б. 1988. Эпоха поздней бронзы и переходное время в Барнаульско-Бийском Приобье (XII-VI вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово.
- Шамшин А.Б. 1991. Заковряшино 1 - поселение эпохи поздней бронзы на Обском море // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул.
- Шамшин А.Б. 1999. Новые исследования поселения Рублево-6 на юге Кулунды // История, археология и этнография Павлодарского Прииртышья. Павлодар.
- Шамшин А.Б., Папин Д.В., Мерц В.К. 2000. Исследования поселений эпохи поздней бронзы в Южной Кулунде // Востокведные исследования на Алтае. Барнаул. Вып. 2.
- Шарапова С.В. 1997. Керамика // Культура зауральских скотоводов. Екатеринбург.
- Шатилов М.Б. 1927. Исторический очерк и обзор Томского Краевого Музея // Тр. ТКМ. Томск. Т. 1.
- Шашков А.Т. 2003. Строительство русских острогов в Сургутском уезде в конце XVI - начале XVII в. // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: Тез. окружной науч.-практ. конф., посвященной 40-летию Сургутского краеведческого музея (24-27 ноября 2003 г., Сургут). Сургут.
- Ширин Ю.В. 1997а. Глобальные изменения климата в Горной Шории по археологическим источникам // Шорский сборник. Кемерово. Вып. 2.
- Ширин Ю.В. 1997б. Поселения конца I тыс. н. э. в предгорьях Кузнецкого Алатау // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово.
- Ширин Ю.В. 2002. Городище Городок в Кемеровском районе // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово.
- Ширин Ю.В. 2003. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк.
- Ширин Ю.В. 2004а. Городище Городок и его окрестности в древности // Кузнецкая старина. Новокузнецк. Вып. 6.
- Ширин Ю.В. 2004б. Средневековые комплексы с желобчато-валиковой керамикой на юге Сибири // Этносы Сибири: Прошлое, настоящее, будущее. Красноярск. Ч. 1.

- Широков В.Н., Чаиркин С.Е., Чемякин Ю.П.** 2000. Уральские писаницы (река Нейва). Екатеринбург.
- Широкогоров С.М.** 2002. Этнографические исследования: Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Владивосток. Кн. 2.
- Шмидт А.В.** 1927. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля // Сборник МАЭ. Л. Т. VI.
- Штернберг Л.Я.** 1933. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск.
- Штернберг Л.Я.** 1936. Первобытная религия в свете этнографии. Л.
- Шульга П.И.** 2003. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул.
- Шульга П.И.** 2004. Датировка ранних памятников каменистой культуры // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии: Сб. науч. тр. Барнаул.
- Шухов И.Н.** 1915. Общий обзор бассейна реки Таз. Ачинск.
- Шухов И.Н.** 1916. Река Казым и ее обитатели // Ежегодник Тобольского губернского музея, 1915. Тобольск. Вып. 26.
- Эдинг Д. Н.** 1940. Резная скульптура Урала. Из истории звериного стиля // Тр. ГИМ. М. Вып. 10.
- Эдинг Д.** Религиозные представления и искусство на среднем Урале в бронзовую эпоху // Архив ИА. Р-2. № 1104.
- Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тыс. н. э. 1994. Кемерово.
- Яковлев Я.А.** 2001. Алдыган, комплекс археологических памятников // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Материалы к энциклопедии Томской области. Томск.
- Янхунен Юха.** 1992. Мать-кукушка. К проблеме происхождения ненецкой сказки // Фольклор и этнография народов Севера. СПб.
- Яснецкий Н.** 1960. Деревенское строительство в Печорском крае (Исковская область) // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. М.
- Яценко С.А.** 2000. Культурные контакты финно-угорских и иранских народов древности (Сапоговский клад как культурно-исторический памятник) // Этнокультурные доминанты в культуре и искусстве народов Урало-Поволжья. Ижевск.
- Яценко С.А.** 2001. О некоторых вопросах изучения «археологического» костюма. Механизмы костюмных связей народов Великой Степи // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Самара.
- Ackerman R.** 1988. Settlements and Sea Mammals Hunting in the Bering-Chukchi Sea Region // Arctic Anthropology. Vol. 25. № 1.
- Arcot S.A., Fontius J.J., Deininger P.L., Batzer M.A.** 1995. Identification and analysis of 'young' polymorphic Alu element // Biochimica et Biophysica Acta. Vol. 1263.
- Atlas historique et pittoresque. 1852. Paris.
- Batzer M.A., Deininger P.L.** 1991. A human-specific subfamily of Alu sequences // Genomics. Vol. 9.
- Batzer M.A., Stoneking M., Alegria-Hartman H. et al.** 1994. African origin of human-specific polymorphic Alu insertion // Proc. Natl. Acad. Sci. USA. Vol. 91.
- Borodovsky A.P., Slusarenko I.Y., Orlova L.A. and Kuzmin Y.V.** 2003. Dating of Bystrovka burial by archaeological radiocarbon (the Early Iron Age the forest-steppe zone of the Ob River basin) // Impact of the environment on human migration in Eurasia. St.Petersburg.
- Carlheim-Gyllensköld V.** 1900. Pe etionde breddgraden. Stockholm.
- Castrén M.A.** 1856. Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845-1849. Herausgegeben von A. Schiefner. St-Petersburg.
- Dargah** // The Encyclopaedia of Islam. 1965. Vol. 2. Leiden.
- Dienes Istvan.** 1972. The Hungarians gross the Carpathians. Budapest.
- Donner K.** 1920. Über die anlautenden labialen Spiranten und Verschlusslaute im Samojedischen und Uralischen // Memories de la Societe Finno-ougrienne XLIX. Helsinki.
- Dulson A.P.** 1971. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // Советское финно-угроведение. № 1.
- Felsenstein J.** 1993. PHYLIP (Phylogeny Inference Package), version 3.5c. Distributed by the author. Department of Genetics, University of Washington. Seattle.
- Ghirshman R.** 1964. The Art of Ancient Iran. N.Y.
- Goebel T., Waters M.R., Dikova M.** 2003. The Archaeology of Ushki Lake, Kamchatka, and the Pleistocene Peopling of the Americas // Science. Vol. 301.
- Hajdu P.** 1963. Samoied Peoples and Languages // Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series.
- Helimski E.** 1983. The Language of the First Selkup Books. Szeged. [Словарь Н.П. Григоровского].
- Hofreiter M., Serre D., Poinar H.N. et al.** 2001. Ancient DNA // Nat. Rev. Genet. Vol. 2.
- Janurik T.** 1978. A szölkup nyelvjarasok osztalyozasa // Nyelvtu-domanyi Közlemenyek. № 1. Budapest.
- Jettmar K.** Between Gandhara and the silk roads: rock carvings along the Karakorum highway.

- Kaestle F.A., Horsburgh K.A. 2002.** Ancient DNA in anthropology: methods, applications and ethics // Yearbook of physical anthropology. Vol. 45.
- Kálmán Béla. 1985.** V.N. Csernyecov vogul szövegei // Különleomat az ethnographia. 4.
- Karafet T.M., Osipova L.P., Gubina M.A. et al. 2002.** High levels of Y-chromosome differentiation among native Siberian populations and the genetic signature of a boreal hunter-gatherer way of life // Hum. Biol. Vol. 74.
- Karaphet T.M., Sukernik R.I., Osipova L.P., Simchenko Y.B. 1981.** Blood groups, serum proteins, and red cell enzymes in the Nganasans (Tavghi)-reindeer hunters from Taimir Peninsula // Am. J. Phys. Anthropol. Vol. 56. № 2.
- Kass D.H., Aleman C., Batzer M.A., Deininger P.L. 1994.** Identification of a human specific Alu insertion in the factor XIII B gene // Genetica. Vol. 94.
- Kazakevitch O. 2001.** Two Recently Recorded Selkup Shamanic Songs // Shaman. Szeged. Vol. 9. № 2.
- Marx E. 1977.** Communal and Individual Pilgrimage: The Region of Saints Tombs in Soudh Sinai // Regional Cults. London; N-Y; San Francisco.
- Mawlawiyya // The Encyclopaedia of Islam. Leiden. 1991.** Vol. 6.
- Nei M. Molecular evolutionary genetics. 1987.** N-Y.
- Osipova L.P., Posukh O.L., Wiebe V.P. et al. 1999.** bamHI-SacI RFLP and Gm analysis of the immunoglobulin IGHG genes in the Northern Selkups (west Siberia): new haplotypes with deletion, duplication and triplication // Hum. Genet. Vol. 105. № 6.
- Ovchinnikov I.V., Goodwin W. 2001.** The isolation and identification of Neanderthal mitochondrial DNA // Profiles in DNA. Vol. 4. № 2.
- Privratsky B.G. 2001.** Muslim Turkistan: Kazak Religion and Collective Memory. Richmond: Curzon Press.
- Winkler R.-L. 2/2000.** Wolfgang Steinitz Expedition im Ob-Gebiet im Jahre 1935 // Wolfgang Steinitz und die westsibirischen Völker der Chanti und Mansi. DAMU-Hefte LOMONOSSOW. Berlin.
- Redei K. 1986-1988.** Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Lieferung, 1-7. Budapest.
- Richardson J. 1829.** A Dictionary: Persian, Arabic, and English. London.
- Sadovszky O.J. 1996.** The Discovery of California. A Cal-Ugrian Comparative Study. Istor books 3. Budapest.
- Steingass F. 1892.** A Comprehensive Persian-English Dictionary: including the Arabic words and phrases to be met with in Persian literature. Being Johnson and Richardson's Persian, Arabic, and English dictionary revised, enlarged, and entirely reconstructed. London.
- Sirelius U.T. 1906.** Über die Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Völkern. Helsinki.
- Steinitz W. 1938.** Totemismus bei den Ostjaken in Sibirien // Ethnos (Stockholm). Abgedruckt in W. Steinitz. Ostjakologische Arbeiten. Bd. IV. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie. Hrsg. E. Lang, G. Sauer und R. Steinitz. Gemeinschaftsausgabe zwischen Akademiai Kiado, Budapest, Akademie-Verlag, Berlin, Verlag Mouton, Den Haag 1980: 93-107.
- Steinitz W. 1966-1993.** Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Bearbeiter: Gert Sauer. Berlin.
- Szomjas-Shiffert. 1963.** Gy. Finnisch-ugrische Herkunft der ungarischen «Regos»-Gesänge // Congressus internationalis Fenno-Ugristarum. Budapestini habitus 20-24. IX. 1960. Budapest.
- Tallgren. Collection Tovostine. 1917.** Helsinki.
- Tambets K., Rootsi S., Kivisild T. et al. 2004.** The western and eastern roots of the Saami - the story of genetic «outliers» told by mitochondrial DNA and Y chromosomes // Am. J. Hum. Genet. Vol. 74.
- Tiret L., Rigat B., Visvikis S. et al. 1992.** Evidence from combined segregation and linkage analysis, that a variant of the angiotensin I- converting enzyme (ACE) gene controls plasma ACE levels // Am. J. Hum. Genet. Vol. 51.
- Tschernjetzow V.N. 1974.** Barenfest bei den Ob-Ugriern // Acta Ethnographica. T. 23 (2-4). Budapest. (Пер. Н.В. Лукиной для рус. изд.: Чернецов В.Н. Медвежий праздник у обских угров. Томск, 2001, изд. посмертно).
- Tschernjetzow V.N. 1974.** Bärenfest bei den Ob-Ugriern // Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae. T. 23 (2-4).
- Werbner R.P. 1977.** Introduction // Regional Cults. London - N-Y.; San Francisco, P. IX-XXXVII.
- Werner H. 2002.** Vergleichendes Wörterbuch der Jenessej-Sprachen. B. 3. Ономастика. Wiesbaden.
- Werner Heinrich. 2002.** Vergleichendes Wörterbuch der Jenessej Sprachen. Band 1, Band 2, Band 3. Wiesbaden Harrassowitz Verlag, (1), 2002 (2), 2002 (3).
- Zhivotovsky L.A. et al. 2003.** Features of evolution and expansion of modern humans inferred from genome-wide microsatellite markers // Am. J. Hum. Genet. Vol. 72.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААНИИ - Арктический и антарктический научно-исследовательский институт
АО - Археологические открытия
ВАУ - Вопросы археологии Урала
ГАОО - Государственный архив Омской области
ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации
ГАТО - Государственный архив Томской области
ГИМ - Государственный Исторический музей
ГИС - Геоинформационные системы
ГУБНАЦ - Губернский отдел по делам национальностей
ГУТО ГА в г. Тобольске - Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ДАИ - Дополнения к актам историческим
ИА РАН - Институт археологии Российской академии наук
ИАЭ - Институт антропологии и этнографии Академии наук СССР
ИИМК - Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
КККМ - Красноярский краевой краеведческий музей
КОРГО - Красноярское отделение Русского географического общества
КСИА - Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ - Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛГУ - Ленинградский государственный университет
МАЕСВ - Материалы по археологии Европейского северо-востока
МАЭ - Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
МАЭС ТГУ - Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета
МИА - Материалы Института археологии
НИА ИНС - Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера
НПО - Научно-производственное объединение
ОГИКМ - Омский государственный историко-краеведческий музей
ОмГТУ - Омский государственный технический университет
ОФ ОИИФФ - Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН
ПФА РАН - Санкт-Петербургский филиал архива РАН
РАНИОН - Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГО - Русское географическое общество
СА - Советская археология
СГЭ - Сборник Государственного Эрмитажа
СМАЭ - Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого
СО РАН - Сибирское отделение РАН
СФ РИК - Сибирский филиал Российского института культурологии
СЭ - Советская этнография
ТГОИАМ - Труды Государственного объединенного историко-архитектурного музея
ТППИ - Томский государственный педагогический институт
ТППУ - Томский государственный педагогический университет
ТИЭ - Труды Института этнографии АН СССР
ТКМ - Томский краевой музей

ТНЦ СО РАМН - Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии медицинских наук
ТОКМ - Томский областной краеведческий музей
УАЭ - Уральская археологическая экспедиция
УрО РАН - Уральское отделение РАН
ХМАО - Ханты-Мансийский автономный округ
ЦИКН - Центр историко-культурного наследия
ЭО - Этнографическое обозрение
ЯНАО - Ямало-Ненецкий автономный округ
ЯНО МВК - Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Чиндина Л.А.</i> Традиции и наследие	4
НАСЛЕДИЕ В.Н. ЧЕРНЕЦОВА: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ	
<i>Бардина Р.К.</i> (Ханты-Мансийск) Об экспедиции В.Н. Чернецова к обским манси	10
<i>Винклер Р.-Л.</i> (Берлин) Валерий Николаевич Чернецов и Вольфганг Штейниц - исследователи обских угров	12
<i>Гурьянова Г.Г.</i> (Омск) В.Н. Чернецов - исследователь древнего искусства Западной Сибири	14
<i>Кардаш О.В.</i> (Нефтеюганск) Раскопки стоянки Салехард 1 (Обдорский городок) в 1946 и 2000 гг.	17
<i>Кильдюшева А.А.</i> (Омск) К вопросу о женской производственной магии в работах В.Н. Чернецова	20
<i>Китова Л.Ю.</i> (Кемерово) Начало археологической деятельности В.Н. Чернецова в Сибири	22
<i>Конигов Б.А.</i> (Омск) Место В.Н. Чернецова в изучении прошлого Омского Прииртышья	24
<i>Кулемзин В.М.</i> (Томск) В.Н. Чернецов как сибиревед-этнограф	27
<i>Лукина Н.В.</i> (Томск) Судьба этнографического архива В.Н. Чернецова	29
<i>Пивнева Е.А.</i> (Москва) Исследования В.Н. Чернецова и проблема происхождения дуально-фратриального деления у обских угров ..	32
<i>Решетов А.М.</i> (Санкт-Петербург) В.Н. Чернецов: ленинградский период жизни и деятельности (1925-1940 гг.)	33
<i>Сизова Е.В.</i> (Томск) Библиотека В.Н. Чернецова и В.И. Мошинской в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета	36
Слово о Чернецове	38
<i>Соколова З.П.</i> (Москва) Этнография обских угров в трудах В.Н. Чернецова	41
<i>Тихонов С.С.</i> (Омск) Работы В.Н. Чернецова в Среднем Прииртышье и состоянии открытых им памятников	43
<i>Трофимов Ю.В.</i> (Омск) В.Н. Чернецов и исследование контактов древних сообществ Западной Сибири	45
<i>Федорова Н.В.</i> (Салехард) Археология севера Западной Сибири после В.Н. Чернецова. Эпоха железа	48
<i>Чемякин Ю.П.</i> (Екатеринбург) Кулайский этап раннего железного века таежного Обь-Иртышья: из истории исследований	50

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ РЕКОНСТРУКЦИЙ

<i>Аксимова Г.А.</i> (Москва) Антропологическая интерпретация зубных находок кулайского времени на Алдыгане	56
<i>Балакин Ю.В., Шерстобитова О.С.</i> (Омск) Семантика изделий фаллической формы в связи с бронзолитейной традицией культур лесостепной полосы Западной Сибири в бронзовом веке	59
<i>Бобров В.В.</i> (Кемерово) Биритуализм андроновского погребального обряда - нетрадиционная форма развития культуры	60
<i>Бородовский А.П., Слюсаренко Н.Ю., Орлова Л.А., Кузьмин Я.В.</i> (Новосибирск) Соотношение датировок погребений курганной группы Быстровка-2 естественно-научными и археологическими методами (по материалам кургана № 5)	63
<i>Бурыкин А.А.</i> (Санкт-Петербург) Вертикальные и горизонтальные компоненты в модели мира у народов Западной Сибири	65
<i>Гальцова Т.В., Осипова Л.П., Жданов С.И., Вишлемс Р.</i> (Новосибирск, Тарту) Традиции брачной миграции между этническими группами как один из механизмов сохранения и передачи европеоидных генетических маркеров митохондриальной ДНК и иммуноглобулинов на примере нганасан Таймыра	67
<i>Зенько М.А.</i> (Москва) Этнокультурный ландшафт как таксон для определения и изучения локальных проявлений культурных процессов (к проблеме общего и особенного в археологии и этнографии Западной Сибири)	69
<i>Зиняков Н.М.</i> (Кемерово) Русские металлические изделия на сибирском рынке XVII в.: номенклатурный и качественный состав	72
<i>Корусенко М.А., Ожередов Ю.И., Смирнова Е.Ю., Ярзуткина А.А.</i> (Омск, Томск) Первые опыты работы над «Очерками мифологии сибирских татар»	76
<i>Косарев М.Ф.</i> (Москва) О палеоэтнографическом подходе в историко-археологическом исследовании (ритуально-обрядовый аспект) ...	79
<i>Кравченко Г.Г., Ожередов Ю.И.</i> (Томск) Создание цифровой археологической карты Томской области	83
<i>Кузнецова А.И.</i> (Москва) Причины сходств и отклонений от них в традиционном мировоззрении народов Западной Сибири (по материалам фольклора)	86
<i>Литвиненко М.Н.</i> (Салехард) Время возникновения лодок «калданою» у населения нижнего течения Оби: по археологическим и этнографическим данным	89
<i>Марусин А.В., Хитринская И.Ю., Боброва А.И., Рыкун М.П., Ожередов Ю.И., Степанов В.А.</i> (Томск) Анализ генетического родства праселькупского населения (по материалам средневековых некрополей Нарымского Приобья) и современных популяций Сибири и Средней Азии по панели 6 полиморфных локусов мобильных генетических элементов Alu	91
<i>Матвеев А.В.</i> (Омск) Традиционная культура путешествия населения и отдельные проблемы ее изучения	94
<i>Матющенко В.И.</i> (Омск) О некоторых понятиях в исследовании истории населения таежной и лесостепной зон Западной Сибири	97
<i>Моисеев В.Г.</i> (Санкт-Петербург) Интеграция данных различных систем антропологических признаков: некоторые итоги исследования	99
<i>Ожередов Ю.И.</i> (Томск) К вопросу о результатах филогенетического анализа остеологического материала из селькупских могильников	102
<i>Пуртов А.М., Татауров С.Ф.</i> (Омск) Разработка ГИС «Археологические памятники Омской области» (GISARCH)	104

<i>Рындина О.М.</i> (Томск) Орнамент самодийцев	108
<i>Свешникова О.С.</i> (Омск) «История первобытной культуры» - неизвестный проект ИИМК	110
<i>Тамилов Н.А.</i> (Омск) Традиционно-культурные ареалы и историко-этнографические общности	113
<i>Тамилова В.С., Тамилов Н.А., Корусенко М.А.</i> (Омск) Научные серии омских учреждений по археологии, этнографии, этноархеологии и культурологии	116
<i>Черная М.П.</i> (Томск) Колодец как культурная реалья: контексты бытия	119

КУЛЬТУРОГЕНЕЗ. КОМПОНЕНТЫ КУЛЬТУРЫ

<i>Адамов А.А.</i> (Тобольск) Некоторые полемические заметки о культурной принадлежности памятников XIII-XIV вв. Новосибирского Приобья	128
<i>Аношко О.М., Рыжкова Ю.В.</i> (Тюмень) К характеристике позднего бронзового века Пришимья (по материалам городища Кучум Гора и Чушинского поселения)	130
<i>Басова Н.В., Кузнецов Н.А.</i> (Новокузнецк) Украшения и амулеты из средневековых курганов Кузнецкой котловины	134
<i>Варенов А.В.</i> (Новосибирск) Погребение эпохи бронзы из Сяошаньдунчжуан и проблема датировки «карасукских» ножей и кинжалов в Северном Китае	136
<i>Васютин А.С.</i> (Кемерово) Динамика соотношения этнокультурных ареалов и локальных культур на юге Западной Сибири в конце I - начале II тыс. н. э.	141
<i>Визгалов Г.П.</i> (Нефтеюганск) Новые археологические исследования Мангазеи	143
<i>Горбунов В.В., Дашковский П.К., Тишкин А.А.</i> (Барнаул) Взаимодействие средневековых кочевников в северо-западной части Горного Алтая (по материалам памятника Чинета-II)	145
<i>Грушин С.П.</i> (Барнаул) Памятники эпохи раннего бронзового века Рудного Алтая	147
<i>Данченко Е.М.</i> (Омск) К изучению карымских памятников Среднего Прииртышья	149
<i>Добжанский В.Н.</i> (Кемерово) К вопросу о происхождении названия Кунгопского острога	152
<i>Калинина И.В.</i> (Санкт-Петербург) Некоторые параллели в орнаментации мезолитических наконечников стрел и наскальных изображений Урала	154
<i>Кисель В.А.</i> (Санкт-Петербург) Археологический взгляд на одну этнографическую коллекцию	156
<i>Кузнецов Н.А.</i> (Новокузнецк) Кинжалы из средневековых комплексов Кузнецкой котловины: проблема интерпретации	159
<i>Кулемзин А.М.</i> (Кемерово) Может быть это просто незамеченная археологическая культура? (Рабочая гипотеза)	161
<i>Кунгуров А.Л.</i> (Барнаул) Керамическое производство в юго-западных отрогах Горной Шории (майминская культура)	162

<i>Ламанов П.В.</i> (Красноярск) К проблеме общего и единичного в культурах раннего железного века приенисейского региона	164
<i>Макаров Н.П.</i> (Красноярск) Древние культурные ареалы Нижнего Енисея	167
<i>Мандрыка П.В.</i> (Красноярск) Степь и тайга: проблема взаимоотношений племен раннего железного века (по материалам Енисейского Приангарья)	169
<i>Маслюженко Д.Н.</i> (Курган) Происхождение и ранний период эволюции бакальской культуры (неархеологический взгляд на археологическую проблему)	172
<i>Матвеева Н.П.</i> (Тюмень) Средневековые материалы Коловского городища	175
<i>Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н.</i> (Тюмень) Отличительные признаки керамических комплексов юдинской культуры	177
<i>Малюдин В.И.</i> (Новосибирск) Устьтартасская культура	180
<i>Нурмаганбетов Е.Н., Темиргалиева К.Т.</i> (Караганда) Погребение тюркского времени на территории Нурина района Карагандинской области	185
<i>Панкратова Л.В.</i> (Томск) Посуда из погребений кулайской культурно-исторической общности	186
<i>Папин Д.В., Федорук А.С.</i> (Барнаул) Орнаментальная схема керамического комплекса поселения Рублево VI как источник для реконструкции процессов этнокультурного взаимодействия степной зоны Алтая в эпоху поздней бронзы	192
<i>Рыкун М.П.</i> (Томск) Краниологические данные о происхождении каменной культуры	196
<i>Савин А.Н., Троицкая Т.Н.</i> (Новосибирск) Бронзовые полые конусовидные подвески верхнеобской культуры	198
<i>Семенова В.И.</i> (Тюмень) К реконструкции погребального костюма населения Юганского Приобья конца VIII - XI в. (по материалам могильника Усть-Балык)	201
<i>Соколова Л.А.</i> (Санкт-Петербург) Индоевропейские ассоциации в окуневском искусстве	203
<i>Степанова Н.Ф.</i> (Барнаул) О хронологических группах погребальных комплексов скифского времени на Средней Катуни	208
<i>Татауров С.Ф.</i> (Омск) Тунус - последний город Сибирского ханства	210
<i>Троицкая Т.Н., Боброва А.И.</i> (Новосибирск, Томск) Соляные подвески с боковыми отростками	212
<i>Турова Н.П.</i> (Тобольск) Погребальные лицевые покрытия могильника Вак-Кур	215
<i>Фокин С.М.</i> (Красноярск) К вопросу о выделении археологических культур раннего и развитого Средневековья в Красноярской лесостепи	217
<i>Хабдулина М.К.</i> (Астана) Топография средневекового городища Бузук	219
<i>Худяков Ю.С.</i> (Новосибирск) Влияние культуры сяньби на культурогенез народов Саяно-Алтая	221
<i>Чикунова И.Ю.</i> (Тюмень) К вопросу об ареале кашинской культуры	223

<i>Ширин Ю.В.</i> (Новокузнецк) Культурные особенности памятников Среднего Притомья в начале II тысячелетия	225
<i>Шлюшинский А.В.</i> (Омск) Костяные наконечники стрел с этнографо-археологических комплексов Палеждинка IV, VII, Бергамак II, III ...	229

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

<i>Артюхова И.В.</i> (Томск) Томский период деятельности Марины Викторовны Бородкиной	232
<i>Бардина П.Е.</i> (Северск) Взаимодействие русских и местных традиций в низовьях реки Томи	234
<i>Баташев М.С.</i> (Красноярск) Коллекция селькупских предметов в Красноярском красном краеведческом музее	237
<i>Валжанина Е.А.</i> (Тюмень) Определение национальности детей в национально-смешанных семьях ненцев	241
<i>Гончарова Т.А.</i> (Томск) Этнические традиции и современность (на материалах Нижнего Притомья)	244
<i>Дмитриева Т.Н.</i> (Екатеринбург) Отражение традиционных промысловых занятий ханты в топонимии бассейна реки Казым (рыболовство)	246
<i>Игнатенко З.А.</i> (Томск) Культура современных селькупов Томской области	249
<i>Илюшин А.М.</i> (Кемерово) Проблема локализации средневековых этнографических групп на территории Кузнецкой котловины	251
<i>Ким А.А.</i> (Томск) О некоторых моментах общности калифорнийских индейцев пенути и обских угров	254
<i>Кошелева Е.Ю.</i> (Томск) Роль новых социальных институтов в передаче традиций: детские этнические стойбища	257
<i>Крюкова Е.А.</i> (Томск) Современная антропонимическая ситуация у кетов поселка Мадуйка	259
<i>Кучер А.Н., Торощина Н.В., Чернова И.В.</i> (Томск) О брачных связях ясачного населения Тымского прихода (по данным метрических книг)	262
<i>Малолетко А.М.</i> (Томск) Иноязычные реликты в лексике финно-угров	265
<i>Махмутов З.А.</i> (Казань) Этнокультурные особенности татарского населения Северного Казахстана во второй половине XIX в.	268
<i>Пяткова С.Г.</i> (Сургут) География распределения польских политических ссыльных в Ишимском округе во второй половине XIX в.	269
<i>Слободин С.Б.</i> (Магадан) Археологические данные об этнокультурных взаимодействиях на северо-востоке Азии	273
<i>Суслова С.В.</i> (Казань) Традиционные ареалообразующие костюмные комплексы прауральских татар и вопросы их формирования ...	275
<i>Тучков А.Г.</i> (Томск) Первая школа-интернат для остяцких детей в юртах Широковых на Кети	276
<i>Тучкова Н.А., Байдак А.В., Максимова Н.П.</i> (Томск) Южноселькупская этнонимика	279
<i>Федорова Е.Г.</i> (Санкт-Петербург) Две этнографические группы манси: общее и особенное	282
<i>Филимонов М.В.</i> (Томск) Енисейский и кето-шумерский анау-бактрийский ингредиенты в прауральском и проблема прауральской прародины (в защиту кельтеминарской гипотезы В.Н. Чернецова)	284

ИСКУССТВО, ВЕРОВАНИЯ, ОБРЯДЫ, РИТУАЛЫ

<i>Барсуков Е.В.</i> (Томск) Формирование коллекций с культовых мест Сибири в конце XIX - начале XX в.	290
<i>Бродянский Д.Л.</i> (Владивосток) Листья дуба, ветки сосны - ритуальные рисунки на дальневосточной керамике	292
<i>Глазунов П.Ю., Нефедов А.В.</i> (Томск) Культовые вещи последнего кетского шамана	293
<i>Глушкова Т.Н.</i> (Сургут) Генезис жертвенных суконных покрывал у обских угров и проблемы культурогенеза	297
<i>Дзюлет Е.Г., Дзюлет М.А.</i> (Москва) Представления сибирских аборигенов о душе (в искусстве петроглифов)	300
<i>Казакевич О.А.</i> (Москва) Народные поверья и шаманизм у северных селькупов и их соседей в начале XXI в.: формы существования и динамика развития	303
<i>Ковалевский С.А.</i> (Кемерово) Огненные ритуалы в эпоху поздней бронзы у населения ирменской культуры	306
<i>Кукушкин И.А.</i> (Караганда) Близнецный ритуал в погребальной практике андроновских племен	308
<i>Ларичев В.Е., Елагин В.С., Новиков А.В.</i> (Новосибирск) Потчевашское время: календари и космология эпохи раннего Средневековья юга Западной Сибири (по материалам «прочтения» знаковых записей на сосуде из Турновки)	312
<i>Липатова Л.Ф.</i> (Салехард) Свадьба в горах полярного Урала	316
<i>Мартынова Е.П.</i> Куль умерших у нижнеобских хантов	318
<i>Новикова Н.И.</i> (Москва) Правовые обычаи народов Западной Сибири: традиции в XXI в.	321
<i>Плетнева Л.М.</i> (Томск) Изображения хищников в скифо-сибирском зверином стиле из Томского Приобья	323
<i>Селезнев А.Г., Селезнева И.А.</i> (Омск) Религиозно-социальные институты Астана в сибирском исламе: к проблеме генезиса	326
<i>Сериков Ю.Б.</i> (Нижний Тагил) Символическая граница между мирами (по данным археологии)	329
<i>Симонова И.Л.</i> (Омск) Взаимозаменяемые изображения на изделиях, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле	332
<i>Сотникова С.В.</i> (Тобольск) От андроновского трупосожжения к угорскому сожжению ритуальных кукол: динамика развития традиции ...	334
<i>Старков В.Ф.</i> (Москва) Духовная культура северорусского населения (по данным археологии)	337
<i>Усманова Э.Р.</i> (Караганда) О ритуале намеренного разрушения погребения	340
<i>Успенская С.С.</i> (Белоярский) Хантыйские сказители как хранители фольклорной традиции	342
<i>Харючи Г.П.</i> (Салехард) Сезонные обряды ненцев как гармонирующий фактор их жизни	346
<i>Лапина М.А.</i> (Ханты-Мансийск) Фолклорные традиции тегинских хантов	349
Источники и литература	352
Список сокращений	381

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ
ДРЕВНИХ И ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

*Материалы XIII Западно-Сибирской
археолого-этнографической конференции*

Редактор А.И. Пшеничникова
Компьютерная верстка

Ацтек

Лицензия ИД 04617 от 24.04.2001 г.
Подписано в печать 11.05.2005 г. Формат 60x84^{1/8}.
Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Печ. л. 48,52; усл. печ. л. 45,13; уч-изд. л. 46,8.
Тираж 250 экз. Заказ 339

ФГУП «Издательство ТГУ». 634029, Томск, ул. Никитина, 4
Типография «Иван Федоров», 634003, г. Томск, Октябрьский взвоз, 1

